СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

ПО ДЕЛУ О ЗЛОДЕЯНИЯХ, СОВЕРШЁННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В БЕЛОРУССКОЙ ССР

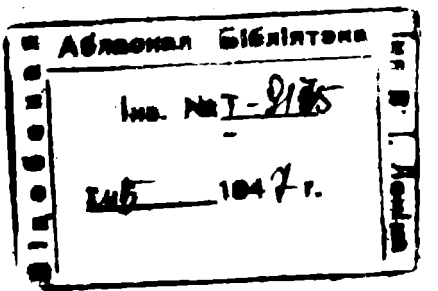
(15—29 января 1946 года)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО БССР
МИНСК 1947

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

ПО ДЕЛУ О ЗЛОДЕЯНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В БЕЛОРУССКОЙ ССР

(15—29 января 1946 года)



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО БССР
Редакция политической литературы
Минск 1947

СТЕНОГРАММА

СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА ПО ДЕЛУ О ЗЛОДЕЯНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В БЕЛОРУССКОЙ ССР

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 15 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Комендант: Встать! Суд идет.

Председатель: Прошу садиться. Судебное заседание Военного Трибунала Минского Военного Округа объявляю открытым.

Слушается дело по обвинению бывших военнослужащих германской армии и полиции:

Рихерта Иогана — генерал-лейтенанта германской армии, бывшего командира 286-й охранной, а затем 35-й пехотной дивизии;

Герфа Эбергарда—генерал-майора полиции и бригаденфюрера СС, бывшего начальника полиции порядка Белоруссии;

Эрдманнсдорфа Готфрида—генерал-майора, бывшего коменданта гор. Могилёва и Могилевского укрепленного района;

Вайсига Георга — подполковника полиции, бывшего командира 26-го полицейского полка;

Фалька Эрнста—капитана полиции, бывшего командира 2-го батальона 26-го полицейского полка;

Молла Рейнгарда—майора, бывшего коменданта местной комендатуры города Бобруйска;

Лангута Карла—чиновника гестапо и бывшего заместителя коменданта лагеря советских военнопленных в городе Бобруйске;

Коха Ганса—обер-лейтенанта войск СС, бывшего комиссара гестапо;

Бурхарда Рольфа—бывшего зондерфюрера местной комендатуры гор. Бобруйска;

Битнера Августа—лейтенанта, бывшего зондерфюрера сельскохозяйственной комендатуры города Бобруйска;

Гетце Бруно—бывшего офицера особого назначения местной комендатуры города Бобруйска;

Айка Пауля—капитана, бывшего офицера особого назначения при комендатуре города Орша;

Митмана Бруно—бывшего вахмистра жандармерии города Минска;

Гесса Франца—уитершарфюрера 32-й зондеркоманды при полиции СС и СД в городе Минске;

Фишера Георга—бывшего оберефрейтора 8-й кавалерийской дивизии СС «Мертвая голова»;

Хехтля Ганса—бывшего солдата 718-го полевого учебного полка;

Гетериха Алоиза—бывшего солдата 12-й роты, 3-го батальона, 395-го полка, 327-й пехотной дивизии, и

Роденбуша Альберта—бывшего солдата 3-го батальона, 70-го танкового полка, 20-й танковой дивизии—всех в совершении преступлений, предусмотренных частью 1-й Указа Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 19 апреля 1943 года.

Товарищ секретарь Военного Трибунала, все подсудимые находятся в зале?

Секретарь: Все подсудимые присутствуют в зале судебного заседания. До судебного заседания и сейчас они находятся под стражей.

Председатель: Переводчики и свидетели присутствуют?

Секретарь: Все переводчики присутствуют в зале судебного заседания.

Вызванные в суд свидетели также присутствуют в зале заседания, за исключением девяти человек, в отношении которых приняты меры к выяснению причин их неявки.

Председатель (обращаясь к переводчикам): Военный Трибунал предупреждает Вас о том, что переводы должны быть точными. За неточные переводы переводчики подлежат привлечению к уголовной ответственности.

Председатель (обращаясь к прокурору и защитникам): Имеют ли стороны что-либо заявить о возможности слушания дела в отсутствии неявившихся некоторых свидетелей?

Прокурор: Считаю возможным слушание дела в отсутствии неявившихся свидетелей. Наряду с этим необходимо принять меры к доставке всех свидетелей на судебное заседание. В случае неявки некоторых свидетелей по уважительным причинам, считаю возможным ограничиться оглашением их показаний, данных на предварительном следствии.

Адвокат Гаврилов: Защита считает возможным слушание дела в отсутствии неявившихся свидетелей.

Председатель: Трибунал определил: принять меры к доставке в судебное заседание неявившихся свидетелей. В слу-

чае неявки, дело слушать в их отсутствии, огласив показания, данные этими свидетелями на предварительном следствии.

После этого председатель опросом устанавливает личность подсудимых и спрашивает, получили ли они копии обвинительных заключений.

Каждый из подсудимых сообщает о себе краткие биографические сведения и заявляет, что копия обвинительного заключения им получена.

Председатель: Обвинение по данному делу поддерживают: Военный Прокурор, генерал-майор юстиции Яченин и Военный Прокурор, полковник юстиции Полехин.

Защищают: подсудимых Рихерта и Коха—адвокат Михальский; Фалька—адвокат Бедросов; Эрдманнсдорфа и Айка—адвокат Савенко; Молла, Хехтля, Роденбуша, Фишера—адвокат Татаринцев; Гетце—адвокат Гаврилов; Герфа, Вайсига—адвокат Жудро; Лангута, Бнтнера—адвокат Плевако; Митмаиа, Гетериха, Бурхарда—адвокат Петренко.

Подсудимый Гесс изъявил желание защищаться сам.

Объявляю состав суда по данному делу:

Председательствует Генерал-майор юстиции Кедров, члены суда: полковник юстиции Сахаров, полковник юстиции Виноградов, запасной член суда—подполковник юстиции Капустин, секретарь суда—майор юстиции Иванов.

Председатель (обращаясь к подсудимым): Подсудимые имеют отводы составу суда?

Подсудимые: Нет.

Затем устанавливается личность явившихся свидетелей, последние предупреждаются, что за дачу ложных показаний свидетели привлекаются к уголовной ответственности по ст. 136-й Уголовного Кодекса БССР. Коменданту дается распоряжение взять от свидетелей подписку, что они будут давать правильные показания и что они предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний, после чего свидетели из зала судебного заседания удаляются.

Председатель обращается к подсудимым и сторонам с вопросом, имеют ли они какие-либо ходатайства о вызове дополнительных свидетелей или предъявление новых доказательств?

Адвокат Савенко: По ходатайству Эрдманнсдорфа я прошу вызвать в качестве свидетеля лейтенанта Гейса, который может подтвердить, что количество утвержденных Эрдманнсдорфом смертных приговоров меньше, чем то, которое указано в обвинительном заключении. Лейтенант Гейс может удостоверить, что СД не было подчинено Эрдманнсдорфу.

Председатель: Больше никто не имеет ходатайств?

Защита: Нет.

Председатель: Подсудимый Гесс, вы имеете какое-нибудь ходатайство к Трибуналу?

Гесс: Нет, не имею

Председатель: Товарищ прокурор, ваше заключение по ходатайству подсудимого Эрдманнсдорфа.

Прокурор: Я считаю возможным данное ходатайство обсудить в процессе судебного следствия.

Председатель: Трибунал определил: вынести решение по ходатайству Эрдманнсдорфа в процессе судебного заседания.

После разъяснения прав подсудимых, Трибунал переходит к судебному следствию.

Председатель: Слово для оглашения обвинительного заключения на русском языке имеет секретарь суда—майор юстиции Иванов.

(Секретарь Военного Трибунала Иванов зачитывает обвинительное заключение).

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР

Совершив вероломное нападение на Советский Союз и оккупировав в июне—сентябре 1941 года территорию Белорусской республики, немецко-фашистские захватчики, в соответствии с планами и указаниями преступного гитлеровского правительства и верховного командования германской армии, проводили массовое истребление и истязание советских граждан, угон их в немецкое рабство, а также разрушали города, деревни, промышленные предприятия, школы, больницы, поликлиники, научные учреждения, музеи и исторические памятники.

Как установлено Чрезвычайной Государственной Комиссией по расследованию злодеяний, немецко-фашистские захватчики истребили свыше 2 200 000 мирных советских граждан и военнопленных, угнали в немецкое рабство около 380 тысяч человек, разрушили и сожгли 209 городов, в том числе столицу белорусского народа — город Минск, города: Гомель, Полоцк, Витебск, Орша, Борисов, Слуцк и многие другие, и 9 200 сел и деревень; разрушили и вывезли в Германию 10338 промышленных предприятий; разрушили и разграбили 10 000 колхозов, 92 совхоза; отобрали и угнали в Германию 2 800 000 голов крупного и 5 700 000 голов мелкого скота; уничтожили 1 136 больниц, поликлиник, амбулаторий, 1 085 театров, клубов, школ, высшие учебные заведения и музеи.

Все перечисленные злодеяния были совершены по заранее разработанному плану гитлеровского правительства и верховного командования германской армии и направлены

на истребление и порабощение советского народа и овладение его богатствами.

Зверское истребление мирных советских граждан, в том числе стариков, женщин и детей, а также военнопленных, проводившееся преступниками в Белоруссии, полностью соответствовало «расовой теории» фашистских главарей.

Уничтожение и вывоз в Германию скота и продовольствия обрекали на голодную смерть миллионы советских людей.

Для организации и проведения в широком масштабе террора, грабежей и других злодеяний, правительство фашистской Германии и высшее командование германской армии направило в Белоруссию многочисленные карательные органы и специальные части, как-то: гестапо, службу безопасности (СД), зондеркоманды, тайную полевую полицию, фельдкомендатуры, ортскомендатуры, сельхозкомендатуры, полицию, жандармерию, охранные полицейские части, войска СС и СА.

Перечисленные органы и части были укомплектованы специально подобранными гитлеровцами, воспитанными в духе зверского обращения с людьми других национальностей.

В состав этих карательных органов и частей прибыли в Белоруссию обвиняемые по настоящему делу, которые проводили свою кровавую работу под общим руководством генерального комиссара Белоруссии Кубе (убит партизанами), командующего войсками СС и полиции Белоруссии обергруппенфюрера фон Готберга (не разыскан), командующего армейской группой «Центр» генерал-фельдмаршала Буш и командующего войсками СС по охране тыла армейской группы «Центр» генерала фон Шейкендорфа, действовавших по общим планам и указаниям верховного командования германской армии.

Организаторами массового истребления советских граждан, угона их на каторгу в Германию, разрушения городов, деревень, промышленных предприятий и других злодеяний являются и обвиняемые по настоящему делу:

1. Генерал-лейтенант германской армии Рихерт Иоган Георг—бывший командир 286-охранной и 35-пехотной дивизий.

2. Генерал-майор полиции, бригаденфюрер СС — Герф Эбергад — бывший начальник полиции Белоруссии и заместитель начальника главного штаба по борьбе с партизанами.

3. Генерал-майор германской армии Эрдманнсдорф Готфрид Генрих — бывший комендант города Могилева и Могилевского укрепленного района.

4. Подполковник полиции Вайсиг Георг Роберт—бывший командир 26-го полицейского полка.

5. Капитан полиции Фальк Эрнст—бывший командир батальона 26-го полицейского полка.

6. Майор Молл Рейнгард Георг — бывший комендант города Бобруйска и местечка Паричи.

7. Капитан германской армии Лангут Карл Макс—бывший заместитель начальника лагеря 131 в Бобруйске.

8. Обер-лейтенант СС, криминал-комиссар гестапо Кох Ганс Герман — бывший начальник полиции безопасности в Орле, Орше, Борисове и Слониме.

9. Бурхард Рольф Оскар—зоидерфюрер Бобруйской комендатуры.

10. Лейтенант германской армии Битнер Август Иозеф—зондерфюрер, бывший комендант сельхозкомендатуры Бобруйского района.

11. Капитан германской армии Гетце Бруно Макс—бывший заместитель коменданта Бобруйской комендатуры.

12. Капитан германской армии Айк Пауль Карл—бывший заместитель коменданта города Орша.

Непосредственными участниками кровавых злодеяний, проявлявшими при совершении последних зверскую жестокость, являются обвиняемые:

13. Митман Бруно Франц — бывший вахмистр районной жандармерии города Минска.

14. Гесс Франц Карл—бывший унтер-офицер частей СС полиции безопасности и СД в городе Минске.

15. Фишер Ганс Иоган—обер-ефрейтор штаба 8-й кавалерийской дивизии СС—«Мертвая голова».

16. Хехтль Ганс Иозеф—бывший ефрейтор 718-го полевого учебного полка германской армии.

17. Гетерих Алоиз Кильян — бывший солдат 359-го полка германской армии.

18. Роденбуш Альберт Иоган—бывший солдат 635-го учебного полка германской армии.

Немецко-фашистские преступники, в том числе и обвиняемые по настоящему делу, установили для советских граждан на оккупированной территории Белоруссии невыносимо тяжелый режим, именовавшийся ими «новым порядком»—режим организованных злодеяний, массового истребления и ограбления населения.

Одним из основных орудий порабощения и истребления советских людей были концентрационные лагери, организованные в Белоруссии в большом количестве под различными наименованиями: эвакуированных, военнопленных, трудовых гетто и т. п.

Мирные советские граждане десятками тысяч заключались в лагери вместе со своими семьями без суда и всякого определения сроков наказания. Условия содержания в лагерях—голод, холод, непосильные работы, побои и истяза-

ния—были рассчитаны на то, чтобы довести всех заключенных до смерти, а потому ряд лагерей получили название «лагеря смерти»

В лагерях смерти, находившихся в Озаричах, Полесской области, умерщвлено 8000 мирных советских граждан посредством расстрелов и заражения сыпно-тифозными заболеваниями.

В лагерях города Полоцка погибло от голода, холода и расстрелов 33000 военнопленных, трупы которых сваливались в ров, где они обливались горючим и сжигались.

В районе деревни Малый Тростенец, Минской области, немецкой тайной полицией был организован концентрационный лагерь, в котором сожжено и расстреляно свыше 120000 мирных советских граждан.

В лагерях Гомельской области уничтожено 53630 советских граждан еврейской национальности, в том числе около 2 тысяч детей.

В лагерях, располагавшихся в деревнях Колбасино, Фалюто, Лососно и Кульбакино, Гродненской области, расстреляно и замучено 18000 военнопленных.

В лагере № 352-Г, находившемся также в районе города Минска, расстреляно и умерло от болезней и голода 80000 военнопленных и мирных граждан.

В Бобруйском лагере № 131, только за один день 7 ноября 1941 года расстреляно и сожжено более 4000 военнопленных.

Немецко-фашистские преступники, в том числе и обвиняемые по настоящему делу, применяли различные способы уничтожения советских граждан.

Помимо расстрелов, повешания, сожжения заживо,— фашистские садисты проводили удушение советских людей в специально оборудованных газовых машинах—«душегубках».

Во время наступления Красной Армии и освобождения советских территорий от немецко-фашистских захватчиков, обвиняемые по настоящему делу Кох и другие, с целью скрытия преступлений, проводили массовое изъятие из могил трупов расстрелянных и замученных советских граждан и сжигали их в специальных печах и кострах.

Гитлеровские захватчики проводили массовый угон мирных советских граждан и военнопленных на рабский труд в Германию, причем это проводилось такими методами, что за время нахождения в лагерях и транспортировки в Германию гибли десятки тысяч советских людей. Большая часть вывезенных в Германию заключенных от непосильного тя-

желого труда истощалась и заболевала, после чего подвергалась истреблению.

Встречая повсеместное сопротивление мирных советских граждан угону в рабство, немецко-фашистские преступники, в том числе и обвиняемые по настоящему делу, проводили карательные экспедиции, сопровождавшиеся: массовыми расстрелами, сожжением заживо мирных советских граждан, в том числе стариков, женщин и детей; поджогами и опустошением большого количества сел и деревень, грабежами и насилиями над советскими гражданами, у которых отбирался скот и другое имущество для отправления в Германию.

Эти коварные злодеяния над мирным населением проводились под видом борьбы с партизанами.

Из отчета командующего войсками СС и полиции Белоруссии обергруппенфюрера фон Готберга от 10 апреля 1943 года, захваченного при поспешном отступлении немцев на Запад, видно, что только за время одной карательной экспедиции под названием «свиной кампании» было уничтожено «относительно заподозренных» в связи с партизанами 12946 мирных советских граждан, кроме того, 11000 советских граждан еврейской национальности; отобрано у населения 22504 головы крупного рогатого скота, 15373 овцы, 2372 свиньи, 15944 тонны хлеба, 15432 тонны картофеля и другое имущество.

По приказу командующего армейской группы «Центр» генерал-фельдмаршала Буш вокруг укреплённых районов и опорных пунктов, части германской армии создавали так называемые «охранные зоны», с целью уничтожения окружающих населенных пунктов и угона в немецкое рабство разоренного населения.

Такая «охранная зона» была создана обвиняемым по настоящему делу, бывшим комендантом Могилевского укрепленного района фон Эрдманнсдорфом.

Все злодеяния, содеянные обвиняемыми, являются вопиющим нарушением правил ведения войны, установленных международными конвенциями общепринятых правовых норм, и преступлениями против человечности.

ИСТРЕБЛЕНИЕ МИРНЫХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

Обвиняемый генерал-лейтенант Рихерт Иоган Георг, являясь командиром 286-й охранной дивизии, а затем командиром 35-й пехотной дивизии, отдавал приказы о массовом уничтожении мирных советских граждан путем расстрелов и сожжения заживо.

В 1942—1943 гг. части охранной дивизии Рихерта арестовали более 2000 советских граждан, заподозренных в связи

с партизанами, из которых по приказу Рихерта было расстреляно около 900 человек.

Для устрашения местного населения и в отместку за налет партизан на станцию Славное части дивизии Рихерта совместно с частями полиции Готберга в сентябре 1942 года произвели зверский публичный расстрел ни в чем не повинных 100 мирных советских граждан, среди которых были женщины и дети.

В марте 1944 года по распоряжению Рихерта у переднего края обороны его дивизии был организован под открытым небом, на болотистой местности, в районе Озаричи, Полесской области, лагерь, куда было согнано более 10000 советских граждан, в том числе стариков, женщин и детей.

Заключенные, среди которых было много сыпно-тифозных больных, содержались на снегу без пищи и воды, медицинская помощь больным не оказывалась, в результате чего от холода, голода и болезней каждый день умирало более 100 человек.

Обвиняемый генерал-майор фон Эрдманнсдорф Готфрид Генрих, являясь комендантом Могилевского укрепленного района, отдавал приказы о заключении в лагери, арестах и расстрелах мирных советских граждан а также и военнопленных.

В марте—апреле 1944 года по приказу Эрдманнсдорфа в городе Могилеве было создано два лагеря, куда заключили 1000 советских граждан, которых под угрозой оружия заставляли работать на строительстве Могилевского укрепленного района. Условия содержания заключенных в этих лагерях были невыносимо тяжелые.

В мае 1944 года обвиняемый Эрдманнсдорф приказал лишить продовольствия все население города Могилева с тем, чтобы под угрозой голодной смерти заставить работать его на строительстве укрепленного района.

По приказу Эрдманнсдорфа с целью уничтожения советских граждан и использования их в качестве живого препятствия для наступающих частей Красной Армии, в 1944 году на передовую линию фронта (восточный берег реки Днепра) было вывезено из Могилева несколько тысяч нетрудоспособных советских граждан, в том числе стариков, женщин и детей.

Обвиняемый фон Эрдманнсдорф по этому вопросу показал:

«Вывоз нетрудоспособного населения на восточный берег Днепра, т. е. в направлении наступления противника, кроме того, преследовал и военные цели: во-первых, сохранить нужное количество продовольствия для частей немецкой армии, так как предполагалась длительная осада города частями Красной Армии, и, во-

вторых, создать живое препятствие в наступлении частей Красной Армии».

Давая показания о целях организации такого лагеря и созданных в нем условий для заключенных, Эрдманнсдорф пояснил:

«При создании этого лагеря я исходил из проводимой политики гитлеровского правительства, как можно больше истребить советского населения, так как всем было ясно, в том числе и мне, что данное мероприятие безусловно приведет к физическому уничтожению выселенного на восточный берег Днепра нетрудоспособного населения, ибо оно ставилось в нечеловеческие условия и должно подвергаться обстрелам как со стороны наступающей Красной Армии, так и отступающих немецких частей».

Согласно, личному приказу Гитлера за № 11 Эрдманнсдорф, в бытность его комендантом Могилевского укрепленного района, являлся также председателем военно-полевого суда и неоднократно утверждал заключения по делам тайной полевой полиции и СД, где выносились приговоры о расстрелах советским гражданам.

Поэтому вопросу Эрдманнсдорф показал:

«За период нахождения в Могилеве мною было утверждено таких заключений примерно на 300 человек советских граждан, арестованных за связь с партизанами, из которых до 150 человек расстреляны, а остальная часть отправлена на каторжные работы в Германию».

Обвиняемый генерал-майор полиции, бригаденфюрер СС Герф Эбергард, в бытность его начальником полиции Белоруссии, неоднократно отдавал приказы подчиненным ему полиции и жандармерии об арестах и расстрелах советских граждан под предлогом подозрения их в связи с партизанами.

В подчинении Герфа находились концентрационные лагери города Минска и поселка Дрозды, где заключенные подвергались невероятным издевательствам и массовым расстрелам.

1942—1943 гг. в концентрационных лагерях города Минска и поселке Дрозды, по личному распоряжению Герфа полицией расстреляно несколько тысяч мирных советских граждан. В районе лагеря поселка Дрозды обнаружен ров, в котором при раскопке найдено большое колнчество трупов и одежда расстрелянных советских граждан, доставлявшихся туда из города Минска.

После убийства советскими партизанами палача белорусского народа Кубе по приказу Герфа в сентябре 1943 года полиция во всех районах города, а особенно в районе Комаровки, провела ряд облав, сопровождавшихся арестами не-

скольких тысяч советских мирных граждан, среди которых было значительное количество стариков, женщин и детей.

Значительная часть этих арестованных была заключена в лагерь тайной полиции, находившийся в местечке Малый Тростенец и там расстреляна.

В сентябре 1943 года, после взрыва в столовой СД, по приказанию обвиняемого Герфа по Арктической и Беломорской улицам города Минска были произведены облавы, в результате которых арестовано до 200 советских граждан, вывезенных также в Малый Тростенец.

В сентябре и октябре 1943 года по приказу Герфа в Минском и Плещеницком районах Белоруссии было расстреляно в качестве заложников 20 мирных советских граждан.

Следствием установлено, что наряду с расстрелами немецко-фашистские преступники истребляли советских граждан посредством специально оборудованных машин-душегубок.

Обвиняемый комиссар гестапо Кох Ганс Герман, являясь начальником полиции безопасности в городах Орел, Орша, Борисов и Слоним, умерщвлял советских граждан в душегубках.

«Зимой 1942—1943 гг. по приказу майора Блюм мною умерщвлено в душегубке до 30 советских граждан, взятых из больницы. В мае 1943 года по приказу подполковника Рабе мною уничтожено также до 30 советских граждан».

(Показания обвиняемого Коха от 27 декабря 1945 г.).

За время работы в Орле, Орше Кох участвовал в расстреле 39 советских граждан, в том числе 8-ми детей, и удушил в душегубках большое количество мирного населения.

Являясь начальником полиции безопасности зондеркоманды «7-Б» в городе Орша, Кох руководил лагерем Орехи, где содержалось до 3000 советских граждан.

Заключенные этого лагеря содержались в невыносимо тяжелых условиях, подвергались массовым расстрелам, зверским истязаниям, и из-за недостатка пищи и непосильного труда в лагере была большая смертность.

В октябре 1943 года из этого лагеря Кох отправил в город Люблин (Майданек) 700 советских граждан для уничтожения.

В городе Борисове Кох арестовал 250 советских граждан, из которых 30 человек были расстреляны, остальные отправлены в лагери. В городе Слониме в 1944 году Кох арестовал 80 советских граждан, которых направил в лагери. В 1944 году по приказу Коха было расстреляно 4 советских гражданина, в том числе одна женщина и ребенок.

С целью скрытия следов массовых расстрелов и удушения в душегубках советских граждан, по приказу Гитлера трупы расстрелянных и зверски замученных советских граждан выкапывались из земли и предавались сожжению.

По этому вопросу обвиняемый Кох показал:

«Комиссар безопасности, полковник Эрлингер, давая мне инструктаж о сжигании трупов, заявил, что такой приказ получен из Берлина, которым предлагается органам гестапо на всей оккупированной территории России немедленно приступить к раскопкам могил и сожжению трупов, ранее расстрелянных советских граждан, причем эту работу проводить должны приговоренные к смерти, которые по окончании этой операции должны быть расстреляны».

Следствием установлено, что в городе Орше и Борисове по приказу Коха в конце 1943 года было сожжено свыше 3000 трупов расстрелянных и удушенных советских граждан.

Обвиняемый унтер-офицер частей СС и СД Гесс Франц Карл, служивший в зондеркоманде № 8 и в полиции безопасности в городе Минске, а позднее в городе Вилейке неоднократно участвовал в расстрелах и истязаниях советских граждан.

В первых числах декабря 1941 года он в составе команды СС участвовал в расстреле 100 советских граждан, находившихся на излечении в больнице.

В первой половине декабря того же года Гесс принимал участие в расстреле 250 заключенных, содержавшихся в Минской тюрьме. В средине декабря 1941 года Гесс в городе Минске принимал участие в расстреле 2000 советских граждан в том числе стариков, женщин и детей.

Весной 1942 года Гесс принимал участие в расстреле 150 советских граждан в местечке Илия, Молодечненской области, где им было лично расстреляно более 60 человек. После расстрела трупы были облиты бензином и сожжены.

Летом 1942 года Гесс принимал участие в расстреле около 2000 советских граждан еврейской национальности, в том числе стариков, женщин и детей, содержавшихся в гетто города Золожин, причем Гессом лично было расстреляно 120 человек.

В конце июня 1942 года обвиняемый Гесс, в составе команд полиции безопасности и «СД», применявших «душегубки»,—участвовал в массовом истреблении советских граждан еврейской национальности, содержавшихся в Минском гетто.

Обвиняемый Гесс по этому вопросу показал:

«В конце июня 1942 года, будучи включенным в специальную команду, я принимал участие в уничтожении 18000 советских граждан еврейской национальности

города Минска, в том числе женщин, стариков и детей, которых грузили в специально предназначенные для уничтожения газовые автомобили-душегубки и отправляли в деревню Тростенец, где трупы закапывались в рвы».

За особые заслуги, проявленные при уничтожении советских граждан, Гессу в ноябре 1942 года было присвоено звание унтершарфюрера полиции безопасности СС.

Обвиняемый вахмистр жандармерии Митман Бруно Франц, в составе карательных отрядов жандармерии, полиции и СД, неоднократно участвовал в расстрелах мирных советских граждан.

В сентябре 1941 года, в составе карательного отряда жандармерии и полиции, Митман, выезжал в местечко Марьина Горка, Пуховичского района, Минской области, где принимал участие в расстрелах советских граждан еврейской национальности, при этом Митман лично расстрелял 4 человека.

В ноябре 1941 года Митман участвовал в расстреле 100 душевнобольных Минской психиатрической больницы (предместье Новинки).

В феврале 1942 года Митман принимал участие в расстреле 25 советских граждан, заподозренных в связи с партизанами.

В марте—апреле 1942 года, в районе станции Койданово Митман участвовал в массовом расстреле советских граждан привезенных к месту расстрела в железнодорожном эшелоне.

В мае 1942 года Митман участвовал в повешении 8 советских граждан, заподозренных в связях с партизанами.

В феврале 1943 года вместе с другими жандармами Митман арестовал рабочих совхоза «Вишневка» Ясюкевич, Вашкевич, Янковского, которые на протяжении 7 дней подвергались зверским пыткам и истязаниям, травле собаками, а затем все трое были отвезены в лес и при участии Митмана расстреляны.

В том же месяце Митман, вместе с жандармом Рейзе выезжал в деревню Олешковичи, где по подозрению в связи с партизанами арестовал гражданку Гулис и ее племянника в возрасте 8 лет. На допросе Гулис подвергалась зверским избиениям резиновыми палками, после чего Митманом была отвезена в лес и расстреляна вместе с племянником.

В феврале 1943 года Митман арестовал и расстрелял работницу совхоза «Вишнёвка» Тарасевич Еву, имевшую 4 малолетних детей.

В феврале 1943 года при выезде в деревню Пыльница Митманом была арестована семья, состоявшая из 3 человек (матери, отца и дочери), которые по дороге им были расстреляны.

В мае 1943 года Митман в составе карательного отряда дважды выезжал в деревню Колоница, где жители, заподозренные в связях с партизанами, были загнаны в дома и расстреляны, после чего эта деревня вместе с трупами расстрелянных была сожжена.

Тогда же обвиняемый Митман в составе отряда СС участвовал в истреблении населения села Лисицы, заподозренного в связи с партизанами. Граждане этого села были согнаны в два сарая и сожжены заживо.

Обвиняемый майор Молл Рейнгард Георг, являясь комендантом местной комендатуры города Бобруйска и местечка Паричи, терроризировал местное население.

Молл и подчиненный ему зондерфюрер Бурхард руководили Бобруйским рабочим лагерем, где содержавшиеся 2 000 советских граждан подвергались пыткам и издевательствам. Заключенных заставляли выполнять непосильную работу. Содержали их на голодном пайке. В результате холода, голода и болезней в этом лагере ежедневно умирало около сотни советских граждан. Кроме того, больные и нетрудоспособные заключенные передавались Моллом и Бурхардом в органы СД для физического уничтожения. Только в марте 1943 года в этом лагере было отобрано 123 нетрудоспособных и больных, которые были переданы в СД и расстреляны.

В бытность Молла комендантом местной комендатуры города Бобруйска по заключениям зондерфюрера Бурхарда и жандармерии он утвердил около 2 000 приговоров, по которым большое количество советских граждан было расстреляно.

Приговоренные к расстрелу советские граждане группами по 10 человек вывозились в лес «Еловики», где и расстреливались.

Свидетельница Виноградова показала:

> В марте 1943 года я без всяких причин была арестована жандармами комендатуры города Бобруйска. После нескольких допросов, сопровождавшихся избиениями, я в числе других 8 человек 5 апреля 1943 года под конвоем полицейских была вывезена в лес «Еловики», где производился расстрел. Я получила тяжёлое ранение и в бессознательном состоянии вместе с расстрелянными была брошена в яму, но, придя в сознание, я из ямы вылезла и таким образом спаслась от смерти».

В марте 1942 года по приказу Молла в здании Паричской комендатуры было собрано 30 советских граждан, которые были вывезены в район деревни Высокий Полк и там расстреляны.

В начале апреля по приказу Молла полицией было арестовано 15 советских граждан, из которых лично Моллом было расстреляно 6 человек.

В августе 1942 года в местечке Паричи, Бобруйской области, по приказу Молла за невыполнение гражданами деревни Радуть поставок сельскохозяйственных продуктов в здание школы было собрано всё население этой деревни. Часть граждан, собранных в школу, по приказу Молла была расстреляна.

Обвиняемый Молл отдавал распоряжения о привлечении советских граждан для разминирования шоссейных дорог в районе Бобруйска, в связи с чем на протяжении 5—6 месяцев советские граждане под конвоем выгонялись и разминировали дороги путем боронования, в результате чего подорвалось на минах более 100 граждан.

Обвиняемый зондерфюрер Бурхард Рольф Оскар, во время службы в Бобруйской местной комендатуре систематически принимал личное участие в избиениях и расстрелах мирных советских граждан. Являясь руководителем лагерей и тюрем города Бобруйска, Бурхард давал распоряжения о расстрелах заключённых, так, по его распоряжению в 1941 году было расстреляно 150 советских граждан, содержавшихся в так называемом «трудовом лагере».

Обвиняемый Бурхард по вопросу о расстрелах показал:

«Расстреливались главным образом лица, нетрудоспособные и представляющие социальную и политическую опасность для германских властей. Твердо помню, что весной 1944 года было отправлено на расстрел через СД свыше 100 человек нетрудоспособных и больных советских граждан».

Обвиняемый капитан Айк Пауль Карл, являясь заместителем коменданта города Орша, в сентябре 1941 года создал в Орше лагерь (гетто), куда заключил 1750 человек советских граждан еврейской национальности.

В ноябре 1941 года все граждане, заключенные в гетто, при непосредственном участии обвиняемого Айка были расстреляны.

Обвиняемый лейтенант Битнер Август, работая комендантом Бобруйского сельхозрайона, притеснял и избивал советских граждан. В августе 1943 года он избил гражданина Панкова за уклонение от сдачи сельскохозяйственных продуктов. Битнером также был зверски избит гражданин Перхалев за высказывание им недовольства о непосильности немецких налогов.

Битнер составлял списки на лиц, саботирующих сдачу сельскохозяйственных продуктов, и направлял их в карательные органы, где неплательщики подвергались арестам, избиениям и расстрелам. По предложениям Битнера в Бобруйском районе расстреляно 249 советских граждан, разграблено и разорено 5 колхозов и сожжены 132 постройки.

Солдат 718-го полка Хехтль Ганс Иозеф и солдат 635-го полка Роденбуш Альберт Иоган принимали активное участие

Инв. № 7-9175

в расстреле советских граждан. Следствием установлено, что во время отступления немецких частей в районах Витебска, Рославля и Оболь они участвовали в расстреле советских граждан, заподозренных в связи с партизанами.

Обвиняемый Хехтль Ганс в районе села Оболь лично сжег 40 домов и расстрелял 230 советских граждан.

Обвиняемый Роденбуш, вместе с другими солдатами 635-го полка в январе 1943 года расстрелял около 200 советских граждан.

Обвиняемый оберефрейтор Фишер Гейнц Иоган в составе 8-й кавалерийской дивизии СС «Мертвая голова», неоднократно участвовал в карательных операциях против мирных советских граждан. В районе города Речица, Гомельской области, Фишер лично расстрелял 17-летнюю девушку. В районе города Великие Луки осенью 1942 года Фишер расстрелял советского гражданина, заподозренного им в связи с партизанами.

Особые зверства проявляли обвиняемые по настоящему делу во время карательных экспедиций, проводившихся в Белоруссии под видом борьбы с партизанами.

Во время этих экспедиций частями СС, полиции с охранными войсками немецкой армии совершались организованные в широком масштабе массовые зверства. Большое количество мирных советских граждан, в том числе стариков, женщин и детей, в результате этих экспедиций были расстреляны, сожжены заживо и угнаны в немецкое рабство.

В совершении этих преступлений принимали участие обвиняемые по настоящему делу: Рихерт — бывший командир 286-й охранной дивизии, Герф—начальник полиции Белоруссии, Эрдманнсдорф — бывший комендант Могилевского укрепленного района, Вайсиг—командир 26-го полицейского полка и капитан Фальк—бывший командир батальона того же полка.

Следствием установлено, что по приказам Рихерта в 1942 году во время проведения 3 крупных карательных экспедиций на территории Минской, Витебской и Могилевской областей было расстреляно 450 мирных советских граждан, заподозренных в связях с партизанами, сожжено более 50 деревень и отобрано у населения много скота и продовольствия.

Летом 1942 года частями дивизии Рихерта были сожжены живыми 60 мирных советских граждан в деревне Буда, Червенского района. В ноябре того же года была сожжена деревня Дубовручье, Березинского района, вместе с ее жителями в количестве около 400 человек, в том числе стариками, женщинами и детьми. 28 декабря 1942 года частями Рихерта было сожжено 230 советских граждан в деревне Боровино, Березинского района.

В июле 1943 года Рихерт со своими частями принимал участие в крупной карательной экспедиции, проводившейся под руководством командующего войсками СС и полиции Белоруссии обергруппенфюрера Готберга на территории Минской и Витебской областей.

Во время этой операции частями Готберга и Рихерта были истреблены сотни советских граждан. 5 июня 1943 года в деревне Новое Село, Борисовского района, были заживо сожжены в домах 132 жителя этой деревни, в том числе старики, женщины и дети, а 32 гражданина—расстреляны.

13 июня 1943 года в деревне Лютец, Холопенского района, Минской области, было согнано в 3 домах 220 жителей этой деревни, в том числе 108 детей и 65 женщин. Все они были расстреляны и сожжены.

Аналогичные зверства во время этой операции были совершены частями Рихерта и Готберга в деревнях Иконы, Рудня и многих других.

Обвиняемые по делу Вайсиг и Фальк под общим руководством Готберга принимали активное участие в зверском истреблении мирных советских граждан во время проведения крупных карательных экспедиций на территории Полоцкой, Минской и Молодечненской областей под названием «весенний праздник» и «кормуран» (1944 год).

По приказу Вайсига, который в этой экспедиции командовал оперативной группой, состоявшей из 2 полицейских полков и 2 отдельных полицейских батальонов, на территории Плисского района, Полоцкой области, было сожжено более 40 деревень и расстреляно свыше 500 советских граждан. Во время этой операции в деревнях Липово, Лепляны и Перевоз заживо сожжено 28 человек, в деревне Надозерье расстреляно 20 граждан, из трупов которых солдатами Вайсига был сделан мост через канаву. Кроме того, во время этой операции частями Вайсига схвачено и угнано в немецкое рабство около 2 000 советских граждан.

Обвиняемый Фальк, во время этой операции командовал батальоном полка Вайсига и во всех перечисленных злодеяниях принимал активное участие.

Во время карательной экспедиции на территории Молодечненской области по приказам Фалька и Вайсига было сожжено до 40 деревень, расстреляно свыше 400 советских граждан, более 1 000 угнано в немецкое рабство, а имущество их разграблено.

В сентябре 1943 года по приказу Вайсига в районе Друя было расстреляно 60 советских граждан, а 400 человек направлено в тюрьмы, сожжено большое количество населенных пунктов, отобрано и забито около 3 000 голов крупного рогатого скота.

В декабре 1943 года Вайсиг участвовал со своим полком в карательной экспедиции в районе Себеж—Освейское Озеро, где было расстреляно 150 советских граждан, в том числе старики, женщины и дети. Сожжено около 15 деревень и заключено в лагерь 250 человек. Во время этой операции по приказу Фалька было расстреляно 20 граждан и убито 50 голов крупного рогатого скота, отобранного у населения. После этих экспедиций частей Вайсига и Фалька указанные районы остались опустошенными.

Летом 1944 года обвиняемым Эрдманнсдорфом было проведено 3 карательных экспедиций в районе города Могилева, во время которых арестовано 70 советских граждан, заподозренных в связях с партизанами, часть из них была расстреляна.

ЗВЕРСКИЕ РАСПРАВЫ И ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА НАД СОВЕТСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ

На временно оккупированной территории Белоруссии немецко-фашистские захватчики направляли в концентрационные лагери большое количество советских военнопленных, подвергая их массовому истреблению.

Военнопленные голодали, содержались в холодных помещениях, а также направлялись зимой в Германию на открытых платформах, вследствие чего многие из них в пути следования замерзали.

Следствием установлено, что зимой 1941—1942 гг. обвиняемый по настоящему делу Лангут, работая заместителем коменданта лагеря № 131 в городе Бобруйске, производил отправку военнопленных в Германию в неотапливаемых вагонах и даже открытых платформах, в результате чего тысячи военнопленных замёрзли в пути.

В тот же период времени по распоряжению обвиняемого Лангут на станции Березина, Белорусской ж. д., был сформирован эшелон, состоящий из 50 открытых платформ, на которые было погружено свыше 3000 военнопленных. Этот эшелон был отправлен в сторону Минска, но до Минска он не дошел, так как все военнопленные в пути замёрзли и были сброшены под откос.

Зимой 1941 года обвиняемый Лангут длительное время содержал большое количество военнопленных в холодных, неприспособленных для жилья помещениях, в результате чего на почве голода и холода военнопленные умирали, а некоторые из них сходили с ума.

Питание военнопленных состояло из пол-литра недоброкачественного супа и 100 граммов хлеба. Вследствие антисанитарного состояния лагеря были распространены поголовная завшивленность и сыпно-тифозные заболевания. Медицинская по-

мощь больным и раненым не оказывалась. Раненые и больные, доведенные до отчаяния, лезли на проволоку и просили часовых пристрелить их. На почве голода и простудных заболеваний ежедневно в лагере умирало 600—700 человек.

Тяжело больные военнопленные вывозились на кладбище вместе с трупами умерших.

Свидетель Аверкин Николай Николаевич, содержавшийся в то время в лагере № 131 показал:

«Я был очевидцем такого факта, когда привезенный в числе трупов, раздетый наголо и готовый к погребению больной, будучи свален на кладбище в яму, встал на ноги и пытался вылезти из могилы. Этот факт был зафотографирован присутствующим при этом немцем».

Наряду с уничтожением этими методами по приказам высшего командования германской армии военнопленные подвергались массовым расстрелам и сожжению заживо непосредственно в лагерях.

Следствием установлено, что обвиняемый Лангут, являясь заместителем коменданта лагеря военнопленных № 131 в городе Бобруйске, 7 ноября 1941 года по приказанию представителя верховного командования германской армии полковника Штурм и коменданта лагеря подполковника фон Редер вместе с командой особого назначения организовал и совершил зверское истребление содержащихся в 4-м отделении лагеря военнопленных, подвергнув их сожжению и расстрелу.

По показаниям обвиняемого Лангут, свидетеля Петелина и других поджог казарм 4-го отделения лагеря 131 и расстрел военнопленных происходил при следующих обстоятельствах:

«Накануне 7 ноября 1941 года, вокруг лагеря были установлены специальные вышки для охраны и пулеметчиков, на чердаке здания 4-го отделения лагеря специальной командой были заложены зажигательные снаряды. Когда казармы лагеря были подожжены и военнопленные начали метаться в огне и искать выхода, они расстреливались из пулеметов и автоматов со специально оборудованных вышек. Таким образом было уничтожено по приказанию обвиняемого Лангута около 4.000 военнопленных».

Свидетель Михалёнок, содержавшийся в ноябре 1941 года в 4-м отделении лагеря № 131, показал:

«7 ноября 1941 года здание лагеря, в котором я содержался, было подожжено. Первый очаг пожара появился на чердаке здания. Военнопленные физически были сильно ослаблены, сначала не замечали пожара и были извещены об этом только в 18 часов, когда огнём было охвачено почти все здание. Успевшие выбежать или вы-

пригнуть через окна военнопленные тут же расстреливались охраной лагеря из пулеметов и винтовок.

В зоне лагеря не было места, которое не обстреливалось бы, а поэтому спасшиеся от огня и расстрелов военнопленные вынуждены были лечь на землю и лежать в таком положении рядом с трупами своих товарищей до 8 ноября».

За день до поджога 4-го отделения лагеря, туда было преднамеренно свезено из лазарета большое количество тяжело больных.

После пожара и расстрела военнопленных в 4 отделении лагеря № 131 Лангут организовал вывод из этого отделения оставшихся в живых, которые по дороге в первое и второе отделение лагеря расстреливались.

В результате этих зверств обвиняемым Лангутом и другими за период с августа 1941 по август 1942 года в лагере № 131 было истреблено около 40 000 военнопленных.

С целью уничтожения истощенных и непригодных к труду военнопленных с 28 по 31 января 1943 года батальоном 327-й немецкой пехотной дивизии возле станции Минск-Товарная было расстреляно около 10 000 военнопленных.

В этом расстреле принимал непосредственное участие солдат указанного батальона, обвиняемый по настоящему делу Гетерих Алоиз, который на предварительном следствии показал:

«В течение 3 дней, начиная с 28 по 31 января 1943 года, в составе своего батальона я принимал непосредственное участие в расстреле около 10 000 военнопленных.

Расстрелы произведены следующим образом: к моменту нашего приезда в город Минск ямы уже были приготовлены в 3—4 километрах от лагеря. До начала расстрела к месту, где должен был производиться расстрел, были отправлены пулеметы. Когда все было приготовлено, весь батальон повзводно приступил к расстрелу. Мы начинали расстрелы каждый вечер и за ночь расстреливали по 5 групп, в каждой по 100 человек, и таким образом взводом, в котором я принимал участие, каждую ночь было расстреляно по 500 человек. Всего за 3 ночи наш взвод расстрелял около 1 500 человек».

Массовое истребление советских военнопленных проводилось в Белоруссии по заранее разработанному плану и приказам верховного командования германской армии.

По этому вопросу обвиняемый Эрдманнсдорф — комендант Могилевского укрепленного района — показал:

«За несколько дней до вторжения на территорию Советской России я, как командир 171-го пехотного полка,

был вызван на совещание камандиров полков, где командир дивизии генерал-лейтенант Офен дал приказ о физическом уничтожении военнопленных, заявляя при этом, что это строгий приказ Гитлера».

Обвиняемый Эрдманнсдорф в 1941—1942 гг. отдавал приказы о расстреле военнопленных, которые выполнялись его подчиненными.

МАССОВЫЙ УГОН ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В НЕМЕЦКОЕ РАБСТВО

Немецко-фашистские оккупанты усиленно вывозили из Белорусской ССР физически здоровых советских граждан для использования их в качестве рабов в Германии.

Германские оккупационные власти при активном участии обвиняемых по настоящему делу угнали в рабство около 400 тысяч советских граждан, в том числе много подростков.

Советские граждане, уклонявшиеся от угона на каторгу, подвергались невероятным преследованиям, избиениям, арестам и расстрелам. Немцы сжигали целые деревни вместе с запасами продовольствия, обрекая население ряда районов на верную смерть от голода и холода.

Немецко-фашистские преступники, в том числе и обвиняемые, участвовали в дикой, беспощадной «охоте» за советскими людьми, вылавливая и сажая их в лагери, а затем принудительно отправляли в немецкое рабство.

Обвиняемый Эрдманнсдорф признал, что по его указаниям с июня 1941 по октябрь 1942 года принудительно угнано в Германию не менее 1 300 советских граждан.

Эрдманнсдорф также признал, что в 1944 году, во время отступления его частей, по его приказу из Могилева насильно было вывезено более 10 000 советских граждан.

Обвиняемый Рихерт признал, что подчененные ему части, выполняя его распоряжения, насильственно угнали на каторжные работы в Германию свыше 3 600 советских граждан из ряда районов Минской, Могилевской и Витебской областей.

Обвиняемый Герф, будучи начальником полиции порядка Белоруссии, в течение семи месяцев, начиная с 1942 года, принимал активное участие в принудительной отправке в Германию рабочей силы.

Только из одного города Минска по его распоряженням угнано на каторгу в Германию несколько тысяч человек.

Обвиняемые Молл, Бурхард и Гетце, используя подчиненных им солдат и офицеров, вывезли в Германию из Бобруйского и Паричского районов, БССР, более 20 000 человек.

По приказанию обвиняемого Молла только летом 1942 года из Паричского района и в июле 1943 года из Бобруйского района принудительно отправлено в Германию более 12 000 человек, в том числе около 9 000 подростков.

Обвиняемый Бурхард также отправил на каторгу в Германию из находившегося в его подчинении трудового лагеря около 2 500 человек.

При активном участии обвиняемого Битнера из Бобруйского района в Германию вывезено 1 283 человека.

Обвиняемые Вайсиг и Фальк подтвердили, что во время карательных операций под названием «весенний праздник» и «кормуран» их частями было схвачено и направлено на каторгу в Германию несколько тысяч советских граждан.

Следствием установлено, что в насильственном угоне советских людей в немецкое рабство, кроме обвиняемых Рихерта, Эрдманнсдорфа, Герфа, Фалька, Молла, Бурхарда, Битнера, Гетце, также принимали активное участие Кох Ганс, Айк Пауль и Хехтль Ганс.

РАЗРУШЕНИЕ ГОРОДОВ, ДЕРЕВЕНЬ И ГРАБЕЖ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Все привлеченные по настоящему делу в качестве обвиняемых, активно участвовали в уничтожении и разрушении городов, деревень промышленных предприятий, колхозов, культурных учреждений, памятников искусства и церквей, а также в ограблении и разорении мирных граждан, у которых отбирался живой скот и продовольствие.

Немецко-фашистские захватчики уничтожили культуру белорусского народа, разрушили культурно-просветительные учреждения.

В столице республики — Минске ими были разрушены и вывезены в Германию библиотеки Академии наук, Государственного университета, Политехнического института, городские библиотеки имени В. И. Ленина и А. С. Пушкина.

Они уничтожили в городе Минске Государственную картинную галлерею, а картины и скульптуры русских и белорусских мастеров Репина, Айвазовского, Перова, Боголюбова, Колосовского, Грязева, Азгура, Карзина и многих других вывезли в Германию.

Немецко-фашистские захватчики сожгли и взорвали в Белоруссии большое количество промышленных предприятий.

Эрдманнсдорф на следствии показал, что еще до вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз бывший командир немецкой дивизии генерал-лейтенант Офен, ссылаясь на приказ Гитлера, дал ему указание строго учитывать оборудование промышленных предприятий, продовольствие и ценности для последующей их отправки в Германию.

Позднее Эрдманнсдорф получил указание уничтожить промышленные предприятия, населенные пункты, мосты и дороги.

По приказанию Эрдманнсдорфа в городе Могилеве и его окрестностях разрушено 600 жилых домов, 10 деревень, несколько школ, церквей и культурно-просветительных учреждений, 25 промышленных предприятий, в том числе электростанции, железнодорожное депо, мясокомбинат и другие.

В период с июля по декабрь 1942 года, по приказу обвиняемого Рихерта в районах Минской, Могилевской и Витебской областей сожжено 50 деревень, отобрано у местного населния более 7 000 голов скота и свыше 600 тонн хлеба.

В ноябре 1942 года в Березнинском районе, Минской области, по указанию Рихерта солдатами его дивизин была сожжена деревня Дубовручье вместе с жителями, где погибло около 400 человек.

В сентябре—октябре 1942 года по приказанию обвиняемого Герфа в Минском и Плещеницком районах целиком были сожжены два села, население угнано, а имущество и скот разграблены.

В Бобруйском и Парнчском районах БССР, обвиняемыми Моллом, Бурхардом, Гетце и Битнером вместе с другими немецкимн преступниками причинен большой ущерб государственным предприятиям, колхозам и гражданам.

Свидетели Климко Ф. Н. и другие показали, что по указаниям обвиняемого Битнера и других у населения Бобруйского района отобрано около 20 000 голов крупного рогатого скота, 20 000 свиней, 18 000 овец.

Битнер систематически выезжал в села, где приказывал своим подчиненным сжигать дома и насильственно изымать скот и другое имущество.

По прнказанию Битнера немецко-фашистскими бандитами только на территории одного Красно-Бережского сельсовета, Жлобинского района, Гомельской области, разорено 5 колхозов и сожжено 120 колхозных построек, школы, больница, библиотеки, а также уничтожено и вывезено в Германию 3 673 головы скота и другое имущество.

Полицейским батальоном под командованием Вайсига в сентябре—октябре 1943 года при проведении операции в районе города Друя сожжено 40 сел и деревень, отобрано у населения около 3 000 голов крупного рогатого скота, большое количество сельскохозяйственных продуктов и имущество граждан.

С декабря 1943 по 3 января 1944 года Вайсиг вместе со своим полком участвовал в карательной экспедиции, во время которой был полностью опустошен район между городами Себеж и Идрица.

Находившиеся на этом участке 20 деревень были сожжены, а скот захвачен.

Обвиняемый Фальк Эрнст во время этих же двух операций сжог 3 населенных пункта, захватил и угнал в Германию около 700 голов крупного рогатого скота.

Бывший солдат 636-го учебного полка Роденбуш Альберт с 29 декабря 1942 по 3 января 1943 года вместе с другими солдатами 4-й роты этого же полка в районе местечка Осиповичи сжог 4 населенных пункта (130 дворов) и захватил для отправки в Германию 180 человек и 60 голов скота.

Обвиняемый Хехтль в ноябре 1942 года совместно с солдатами своего взвода поджог село в районе ст. Оболь, в результате чего сгорело 30 домов вместе с находившимися в них гражданами.

Следствием установлено:

Рихерт Иоган Георг, генерал-лейтенант, являясь командиром 286-й охранной дивизии, а затем командиром 36-й пехотной дивизии отдавал приказы о массовом уничтожении мирных граждан путем расстрелов и сожжения. В результате этих приказов подчиненными ему войсками и тайной полицией расстреляно более 2 300 человек.

Рихерт лично был организатором Озаричского лагеря смерти, где уничтожено около 10.000 советских людей, среди которых было много стариков, женщин и детей.

По приказам Рихерта сожжено большое количество населенных пунктов, в целях образования «пустынных зон», а разоренное население угонялось в немецкое рабство.

Всего частями обвиняемого Рихерта угнано в Германию около 5 000 мирных советских граждан и сожжено более 50 деревень, а имущество населения разграблено.

Герф Эбергард, генерал-майор полиции, бригаденфюрер СС, будучи начальником полиции порядка Белоруссии, отдавал приказы подчиненной ему жандармерии и полиции об арестах и расстрелах советских граждан под предлогом подозрения их в связи с партизанами.

По приказам и распоряжениям Герфа производились систематические облавы в городе Минске и Минской области, в результате которых подчененной ему полицией заключено в тюрьмы и лагери несколько тысяч советских людей, которые истреблялись.

Герф также принимал активное участие в угоне советских граждан в немецкое рабство, по его приказаниям сжигались населенные пункты, а имущество населения подвергалось разграблению.

Фон Эрдманнсдорф Готфрид Генрих, генерал-майор, являясь комендантом Могилевского укрепленного района, отдавал приказы расстреливать военнопленных. В соответствии с этими распоряжениями Эрдманнсдорфа расстреляно большое количество советских военнопленных.

Обвиняемым Эрдманнсдорфам производились под предлогом борьбы с партизанами карательные экспедиции против мирного населения, сопровождавшиеся расстрелами советских граждан.

Будучи председателем военно-полевого суда, Эрдманнсдорф приговорил к расстрелу 150 мирных граждан.

В целях создания преграды против наступавших частей Красной Армии по приказу Эрдманнсдорфа несколько тысяч мирных советских граждан, в том числе старики, женщины и дети, были заключены в лагерь, созданный на передовой линии фронта немецкой армии. Все заключенные этого лагеря были лишены питания и погибли от обстрелов и голода.

По приказу Эрдманнсдорфа вокруг Могилевского укрепленного района была создана так называемая «охранная зона» с целью уничтожения населенных пунктов и угона в немецкое рабство разоренного населения. Всего по распоряжению Эрдманнсдорфа отправлено в немецкое рабство свыше 10 000 мирных граждан.

Вайсиг Георг Роберт, подполковник полиции, командуя 26-м полицейским полком, а затем оперативной группой войск, состоящей из двух полков и двух отдельных батальонов, проводил в Полоцкой, Молодечненской и Минской областях карательные операции, во время которых по его приказам мирное население истреблялось, населенные пункты сжигались, скот и другое имущество населения разграблялось. Территория, пройденная войсками, под командованием Вайсига, площадью свыше 8 000 квадратных километров полностью опустошена, а население, в том числе старики, женщины и дети, в количестве более 1 000 человек расстреляно или заживо сожжено.

В соответствии с приказом Вайсига подчиненными ему войсками арестовано и передано СД для расправы около 3 000 мирных советских граждан; несколько тысяч женщин, стариков и подростков отправлены на каторжный труд в Германию; сожжено и полностью уничтожено свыше 200 населенных пунктов.

Фальк Эрнст Август, капитан полиции, являясь вначале командиром роты, а затем командуя батальоном 26-го полицейского полка, проводил под руководством обвиняемого по настоящему делу Вайсига карательные операции, отдавал приказы об уничтожении мирных советских людей. По его приказам в деревне Вербаев расстреляно и сожжено 10 человек, а остальное население угнано в немецкое рабство. Во время карательных операций в районе городов Себеж, Глубокое и Радошковичи по приказам Фалька расстреляно 50 человек, арестовано и заключено в тюрьмы и лагери около 1 500 мирных советских людей, уничтожено 19 населенных пунктов.

Молл Рейнгард Георг, майор, являясь комендантом города Бобруйска и местечка Паричи, отдавал приказы и распоряжения об арестах и расстрелах советских граждан.

Молл принуждал мирное население производить разминирование полей и дорог путем боронования, вследствие чего свыше 100 человек подорвалось на минах.

Будучи комендантом местечка Паричи и города Бобруйска Молл отправил на каторгу в Германию свыше 17 000 человек, среди которых было много женщин и детей.

Молл принимал также участие в уничтожении и грабеже имущества, принадлежащего советскому государству, колхозам и отдельным гражданам.

Лангут Карл Макс, являясь заместителем коменданта лагеря военнопленных № 131 в городе Бобруйске, 7 ноября 1941 года вместе с командой особого назначения совершил зверское истребление содержавшихся в 4-м отделении лагеря военнопленных, подвергнув их сожжению и расстрелу.

Зимой 1941— 1942 гг. Лангут содержал в лагере под открытым небом военнопленных, которые тысячами гибли от холода, голода, заболеваний, а также расстрелов, производившихся охраной лагеря по распоряжению Лангута. Больные военнопленные по указаниям Лангута вывозились из лагеря вместе с трупами и заживо закапывались в землю.

Обвиняемый Лангут отправлял военнопленных зимой в Германию в неотапливаемых вагонах и на открытых платформах, в результате чего тысячи военнопленных замерзали в пути.

В результате зверств, чинимых Лангутом, в лагере № 131 уничтожено около 40 000 военнопленных.

Кох Ганс Герман, обер-лейтенант СС комиссар гестапо являлся начальником полиции безопасности в городах Орше, Орле, Борисове и Слониме.

В городе Орле руководил и лично участвовал в расстреле 39 мирных советских граждан, в том числе 8 детей, удушил в душегубке 60 человек и направил в немецкое рабство 2 000 советских граждан.

Будучи начальником полиции безопасности в городе Орше, руководил лагерем «Орехи», где содержалось до 3 000 советских граждан, которые подвергались зверским истязаниям и гибли от невыносимых условий. В 1943 году Кох отправил из этого лагеря 700 заключенных в Люблин для уничтожения. В том же году в городе Орше им было арестовано и отправлено в Минский лагерь 200 мирных граждан.

В городе Борисове, состоя на службе в зондеркоманде «7-Б» и являясь начальником полиции, Кох арестовал 250 мирных граждан, из коих 30 человек расстрелял, а остальных отправил в лагери.

В 1944 году, будучи начальником полиции безопасности города Слонима, арестовал 80 советских граждан и отправил в лагери. В 1944 году по его приказу расстреляно 4 советских гражданина, в том числе одна женщина и ребенок.

В целях сокрытия зверств, совершенных немцами в Орше и Борисове, Кох производил сожжение трупов расстрелянных и замученных советских граждан.

Бурхард Рольф Оскар в октябре 1941 года в городе Рогачеве в составе команды СС принимал личное участие в грабежах, избиениях и массовых расстрелах более 1 500 мирных советских людей.

Являясь зондерфюрером местной комендатуры города Бобруйска, в 1941 году создал «трудовой лагерь», в который заключил более 2 000 советских граждан, значительная часть которых была истреблена.

Являясь руководителем лагерей и тюрем Бобруйска, Бурхард давал распоряжения о расстрелах заключенных и лично принимал в этом участие. По его указаниям расстреляно около 1 000 советских граждан и насильно угнано в немецкое рабство 2 500 человек.

Битнер Август Иозеф, являясь зондерфюрером Жлобинского района, а позднее комендантом Бобруйского сельскохозяйственного района, занимался истязанием советских людей, саботировавших распоряжения немецко-фашистских оккупантов, уничтожал промышленные предприятия и культурные учреждения, грабил население и награбленное отправлял в Германию. На лиц, саботирующих сдачу сельскохозяйственных продуктов, представлял списки в карательные органы, по которым производились аресты и расстрелы.

По предложению обвиняемого Битнера в Бобруйском районе расстреляно 249 человек, задержано и направлено в немецкое рабство 1 283 мирных советских гражданина. В Краснобережском сельсовете, Жлобинского района, по приказам Битнера разграблено и разорено 5 колхозов, 2 завода, сельскохозяйственный техникум, сожжено 132 строения, в том числе 3 школы, 2 аптеки, больница, клуб и 3 библиотеки; уничтожено и вывезено в Германию 3 673 головы скота.

Гетце Бруно Макс, капитан, офицер особого назначения, работал в должности заместителя коменданта города Бобруйска, утверждал приговоры местных судов, по решениям которых советские граждане заключались в тюрьмы и угонялись в немецкое рабство. Выделял отряды полиции для охраны советских граждан, собранных для отправки в Германию.

За период работы Гетце заместителем коменданта выселено из домов и лишено крова около 10 000 граждан города Бобруйска; имущество граждан разграблено.

Айк Пауль Карл, капитан, будучи офицером особых поручений и заместителем коменданта города Орши, в 1941 году

создал гетто, в которое заключил более 1 700 человек евреев, которые впоследствии при его непосредственном участии были расстреляны.

Состоя в должности начальника тюрьмы города Орши в 1942—1943 гг., установил жестокий режим для заключенных советских граждан и принимал личное участие в расстрелах и отправке арестованных в немецкое рабство.

При отступлении немецких войск Айк руководил взрывом бумажной фабрики «Спартак» в городе Шклове.

Митман Бруно Франц, вахмистр жандармерии, в составе карательного отряда в местечке Марьина Горка участвовал в массовом расстреле 200 мирных советских людей. После расстрела Митман добил раненных, среди которых находились и дети 6—7-летнего возраста.

Находясь на службе в жандармерии города Минска, Митман в ноябре 1941 года участвовал в расстреле 100 советских граждан, находившихся на излечении в больнице.

В феврале 1942 года в местечке Койданово участвовал в массовом расстреле свыше 1 200 человек мирных граждан.

В мае 1942 года участвовал в повешении советских граждан.

В июне 1942 года лично вывозил в лес и расстреливал там заключенных, среди которых были дети.

Будучи начальником жандармерии опорного пункта местечка «Вишневка», Митман арестовывал советских граждан, в том числе и детей, лично подвергал их пыткам, избиению, травле собаками, а затем расстреливал и вешал. Так были замучены гражданки Гулис и Тарасевич с детьми, рабочие совхоза «Вишневка» Ясюкевич, Вашкевич и Янковский.

Обвиняемым Митманом сожжена деревня Лесины вместе со всем населением. Им же была сожжена деревня Калоница, а жители ее расстреляны.

Гесс Франц Карл, унтер-офицер частей СС, полиции безопасности и СД, состоял на службе в зондеркоманде № 8 при полиции безопасности СС и СД, в декабре 1941 года лично участвовал в расстреле 100 человек больных Минской городской больницы и 250 мирных советских граждан, заключенных в тюрьму.

Гесс неоднократно участвовал в расстрелах советских граждан еврейской национальности, среди которых были старики, женщины и дети. 5 декабря 1941 года в городе Минске Гесс участвовал в расстреле 2 000 человек. В 1942 году он участвовал в погроме и расстрелах мирного населения в городе Вилейка и местечке Илия, Молодечненской области, где лично расстрелял 60 стариков, женщин и детей. В местечке Долгиново и Вишнево Гесс участвовал в расстреле 3 500 советских граждан еврейской национальности, причем, лично расстрелял 80 человек. В гор. Воложин участвовал в расстреле 2 000 евреев, причем лично расстрелял около 120 человек.

В конце 1942 года Гесс в составе команды участвовал в расстрелах и удушении в душегубках в районе местечка Малый Тростенец 18 000 советских людей еврейской национальности.

Фишер Гейнц Иоган, обер-ефрейтор штаба 8-й кавалерийской дивизии СС, неоднократно участвовал в карательных операциях против мирных советских граждан заподозренных в связи с партизанами и сожжении деревень.

В районе города Речица, Гомельской области, Фишер лично расстрелял 17-летнюю девушку.

В районе города Великие Луки осенью 1942 года Фишер расстрелял встреченного им на дороге гражданина, которого он заподозрил в связи с партизанами.

Хехтль Ганс Иозеф в качестве рядового 718-го учебного полка участвовал в карательной операции в районе станции Оболь (БССР), лично поджигал деревни, причем в 3 подожженных им домах были сожжены и мирные советские граждане, в том числе дети и женщины. Во время этой операции взводом, в котором служил Хехтль, при его участии уничтожено свыше 70 сел, лично Хехтль сжег 40 домов, расстрелял 230 человек.

Гетерих Алоиз Кельян, будучи солдатом 359-го полка 327-й пехотной дивизии германской армии, в конце января 1943 года в составе батальона принимал участие в расстреле 10 000 советских военнопленных, содержавшихся в лагере «Мосюковщина», расположенном в районе станции Минск-Товарная.

В феврале 1944 года в районе города Львова Гетерих в составе своего взвода участвовал в расстреле около 500 мирных советских людей, среди которых были женщины и дети.

Роденбуш Альберт Иоган, солдат 635-го учебного полка германской армии, участвовал в расстрелах мирных советских граждан, заподозренных в связях с партизанами.

В районе города Осиповичи при участии Роденбуша было расстреляно около 200 человек, среди которых были женщины и дети. 4 деревни в районе операции сожжены.

Лично Роденбуш расстрелял 8 человек и поджег 15 домов. В районе города Рославль во время карательной операции Роденбуш участвовал в расстреле 150 человек мирных граждан, причем лично расстрелял 9 человек.

В августе 1944 года расстрелял двух подростков, заподозренных в краже боеприпасов.

Допрошенные в качестве обвиняемых Рихерт, Эрдманнсдорф, Молл, Вайсиг, Фальк, Бурхард, Лангут, Гетце, Кох, Айк, Гесс, Митман, Гетерих, Фишер, Хехтль, Роденбуш, Герф признали себя виновными в предъявленном им обвинении полностью и уличаются показаниями свидетелей, материалами Чрезвычайной Государственной Комиссии и другими документами.

Обвиняемый Битнер виновным себя признал частично— в том, что насильственно изымал от населения сельскохозяйственные продукты и применял репрессии к лицам, саботирующим его распоряжения, вплоть до арестов; однако, Битнер изобличается во всех совершенных им преступлениях показаниями свидетелей, материалами Чрезвычайной Государственной Комиссии и другими документами.

На основании изложенного обвиняются:

Рихерт Иоган Георг, 1890 года рождения, уроженец города Либау (Верхняя Силезия), немец, генерал-лейтенант, бывший командир 286-й охранной и 35-й пехотной дивизий германской армии;

Герф Эбергард, 1887 года рождения, уроженец города Крефельд (Германия), немец, член нацистской партии с 1932 года, бывший генерал-майор германской полиции и бригаденфюрер СС;

Эрдманнсдорф Готфрид Генрих, 1893 года рождения, уроженец города Камени (Германия), немец, бывший генерал-майор германской армии;

Вайсиг Георг Роберт, 1896 года рождения, уроженец деревни Вольсгаф, округа Либерг (Силезия), немец, член нацистской партии с 1933 года, бывший подполковник полиции;

Фальк Эрнст Август, 1917 года рождения, уроженец деревни Вендиж-Зильков, района Штольп, (Померания), немец, бывший капитан полиции;

Молл Рейнгард Георг, 1891 года рождения, уроженец деревни Алендорф (район Дрезден, Германия), немец, бывший майор германской армии.

Лангут Карл Макс, 1898 года рождения, уроженец города Лейпцига (Германия), немец, член нацистской партии с 1939 года, бывший чиновник гестапо в чине старшего ассистента, капитан германской армии.

Кох Ганс Герман, 1914 года рождения, уроженец города Штутгардт (Германия), немец, член нацистской партии с 1933 года, бывший обер-лейтенант СС и комиссар гестапо.

Бурхард Рольф Оскар, 1907 года рождения, уроженец города Риги, немец, член нацистской партии с 1940 года, зондерфюрер.

Битнер Август Иозеф, 1894 года рождения, уроженец деревни Швинц, район Глатц (Силезия), немец, член нацистской партии с 1940 года, лейтенант германской армии.

Гетце Бруно Макс, 1898 года рождения, уроженец деревни Гусайно, округа Тильзит (Восточная Пруссия), немец, бывший офицер особого назначения, капитан.

Айк Пауль Карл, 1897 года рождения, уроженец города Бердер, немец, подданный Германии, член нацистской партии с 1933 года, бывший капитан германской армии.

Митман Бруно Франц, 1901 года рождения, уроженец деревни Генерсдорф, округа Левенберг (Нижняя Силезия), немец, член нацистской партии с 1940 года, вахмистр жандармерии.

Гесс Франц Карл, 1909 года рождения, уроженец деревни Костияль, округа Лейтмариц, Судетской области, немец, член нацистской партии с 1939 года, бывший унтершарфюрер зондеркоманды при полиции безопасности СС и СД.

Фишер Ганс Иоган, 1923 года рождения, уроженец города Оберлюф (Чехословакия), немец, бывший обер-ефрейтор 8-й кавалерийской дивизии СС «Мертвая голова».

Хехтль Ганс Иозеф, 1924 года рождения, уроженец города Сан-Пальтен (Австрия), бывший рядовой 718-го полевого учебного полка германской армии.

Гетерих Алоиз Кильян, 1924 года рождения, уроженец деревни Швайнфельд, округ Швайнфурт (Бавария), член гитлеровской молодежной организации «Гитлерюгенд» с 1939 года, солдат 359-го полка германской армии.

Роденбуш Альберт Иоган, 1915 года рождения, уроженец деревни Маршавайлер, Саарской области, немец, солдат 20-й танковой дивизии германской армии, — в преступлениях, предусмотренных статьей 1-й Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года.

Все обвиняемые подлежат суду Военного Трибунала.

Военный Прокурор генерал-майор юстиции Ячеинн.

Составлено 11 января 1946 года в городе Минске.

Утверждено Главным Военным Прокурором Красной Армии, генерал-лейтенантом юстиции Афанасьевым.

Председатель: Слово для перевода обвинительного заключения с русского на немецкий язык имеет переводчик Зайденвар.

(Обвинительное заключение зачитывается на немецком языке).

Председатель: Обвинительное заключение утверждено в подготовительном заседании Военного Трибунала Минского Военного Округа 13 января 1946 года.

После этого опрашивается каждый из подсудимых, понятно ли ему обвинение и признает ли он себя виновным.

На вопросы председателя каждый из подсудимых отвечает, что обвинение ему понятно.

В предъявленном обвинении все подсудимые признают себя виновными, за исключением подсудимого Битнера, который признаёт себя виновным частично.

После принятия порядка ведения судебного следствия объявляется перерыв.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 16 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: Судебное заседание Военного Трибунала продолжается.

Подсудимый Рихерт, подтверждаете ли вы показания, данные вами на предварительном следствии?

Рихерт: Все показания, данные мною на предварительном следствии, я подтверждаю.

Председатель: Для допроса предоставляю слово прокурору.

Прокурор: Подсудимый Рихерт, когда и какое учебное заведение вы окончили?

Рихерт: В 1909 году я окончил гимназию, а в 1911 военную школу в Данциге.

Прокурор: В империалистической войне 1914—1918 гг. участвовали?

Рихерт: В войне 1914—1918 гг. я участвовал с начала и до конца. Вначале я был командиром взвода, а в конце войны—офицером для поручений при штабе дивизии.

Прокурор: Какую должность вы занимали перед началом войны против Советского Союза в 1941 году?

Рихерт: Был командиром 23-го пехотного полка в Раненбурге.

Прокурор: На каких-либо совещаниях, перед началом войны вы участвовали?

Рихерт: Да. За 10 дней до нападения на Советский Союз я принимал участие на совещании командиров полков дивизий. Тогда же мне стало известно, что Германия готовит нападение на Советский Союз.

Прокурор: Какие задачи были поставлены перед вами?

Рихерт: Нам было приказано ознакомиться с местностью, которая находилась недалеко от границы, для того, чтобы мы хорошо могли ориентироваться на территории СССР. Полк, которым я командовал, в составе дивизии в 3 часа 30 минут утра 22 июня 1941 года должен был перейти границу.

Прокурор: Где должен был действовать ваш полк после перехода границы Советского Союза?

Рихерт: На территории Литвы, в направлении города Новгород.

Прокурор: Когда вы были назначены командиром 286-й охранной дивизии?

Рихерт: В апреле 1942 года.

Прокурор: Где должны были оперировать части 286-й охранной дивизии после назначения вас ее командиром?

Рихерт: В районе между городами Орша, Борисов и Лепель.

Прокурор: Какие мероприятия были намечены вами по борьбе с партизанами?

Рихерт: В районе действия моей дивизии было три лагеря партизан. Под моим руководством была проведена операция против партизан в районе Могилёв—Червень. Операция продолжалась пять дней. На третий день был образован небольшой котел, из которого партизаны вырваться не могли.

Прокурор: Вы очевидно имели достаточный опыт по борьбе с партизанами?

Рихерт: Да. Я это признаю.

Прокурор: Какие, преступления вы совершили в период вашего командования 23-м пехотным полком?

Рихерт: При отступлении наших частей от Волховстроя до города Кириши мною были сожжены все населённые пункты в этом районе.

Прокурор: А куда девалось мирное население после сожжения сел и имущество советских граждан?

Рихерт: Население было отправлено в тыл армии. Оно могло взять с собой только то, что можно было положить на повозку.

Прокурор: Сожжение населенных пунктов вызывалось военной необходимостью?

Рихерт: Нет, это было преступление. Я считаю, что можно было сжигать населенные пункты в фронтовой полосе, в пределах до пяти километров, а не 30—40 километров, как это делалось мною, и никакой военной необходимостью такое мероприятие не вызывалось.

Прокурор: В бытность командиром 286-й охранной дивизии, тайная полевая полиция была вам подчинена?

Рихерт: Да, тайная полевая полиция подчинялась мне.

Прокурор: Значит, тайная полевая полиция во всех операциях, которые вы проводили как командир дивизии со своими войсками, принимала активное участие?

Рихерт: Да.

Прокурор: Изложите подробнее всю деятельность полиции, которую она проводила по вашему заданию?

Рихерт: Тайная полевая полиция должна была выявлять лиц, связанных с партизанами. Когда проводилась операция в том, или ином районе, то тайная полевая полиция имела у себя список лиц, которые подозревались в связях с партизанами. На основании этих списков производились аресты.

Прокурор: Значит, все лица, которые попадались в список тайной полиции, подвергались арестам?

Рихерт: Да, они должны были быть арестованы.

Прокурор: Сколько всего арестовано советских граждан, заподозренных в связях с партизанами за период вашего командования 286-й охранной дивизией?

Рихерт: Арестовано было примерно 1400 человек, из них около 900 человек расстреляно и около 500 человек направлено в концлагери Германии.

Прокурор: Каким образом устанавливалось, что лица, заподозренные в связях с партизанами, были именно виновны в этом?

Рихерт: Лица, связанные с партизанами, выявлялись на основании допроса арестованных партизан.

Прокурор: Кто опрашивал арестованных партизан и кто докладывал вам протоколы этих опросов, если они вообще были?

Рихерт: Руководил допросами директор полиции Трост.

Прокурор: Значит, директор полиции Трост докладывал вам своё заключение, а вы принимали окончательное решение?

Рихерт: Да.

Прокурор: Значит, окончательное решение о расстрелах принималось вами, а кто приводил в исполнение эти приговоры?

Рихерт: Окончательное решение было мое, а расстрел приводился в исполнение тайной полицией.

Прокурор: 900 человек, заподозренных в связи с партизанами, были расстреляны по вашему решению?

Рихерт: Да, они были расстреляны по моему приказу.

Прокурор: Чем вы руководствовались при вынесении решения о лицах, заподозренных в связи с партизанами?

Рихерт: Я руководствовался приказом фюрера, в котором говорилось, что каждый партизан и лица, подозреваемые в связи с ними, подлежат расстрелу.

Прокурор: В числе 1400 советских граждан, которые были арестованы в вашу бытность комдивом, сколько было стариков, женщин и детей?

Рихерт: Детей в числе арестованных вообще не было, а были граждане в возрасте от 17 до 45 лет и старше.

Прокурор: Скажите, Рихерт, какие приказы вы получали в отношении угона советских граждан в Германию?

Рихерт: Таких приказов за подписью генерала фон Шенкендорфа, я получил два: первый — в августе 1942 года, а второй—в марте 1943 года.

Количество людей, подлежащих отправке в Германию из моих районов этими приказами, было определено 4000 человек. Мною было послано на работы в Германию 1800 человек.

Приказ полностью мною был не выполнен потому, что я получил другой приказ—об уходе за посевами сельскохозяйственных культур, и кроме того, нужны были рабочие на местных кустарных предприятиях.

Прокурор: Какой порядок был так называемой «вербовки» для отправки в Германию? Облавы производились?

Рихерт: Этим вопросом в городах занималась биржа труда, а в деревнях бургомистры. Облавы не производились.

Прокурор: Скажите, какой был порядок отправки советских людей в рабство в Германию и кто конкретно выполнял ваши указания?

Рихерт: Генерал фон Шенкендорф назначал для этого определенное количество людей и выделял транспорт. Транспорты отправлялись из городов Кричев, Могилев и Орша.

Прокурор: Среди отправленных в Германию были лица, заподозренные в связях с партизанами?

Рихерт: Были такие, на которых не было достаточно компрометирующих материалов.

Прокурор: На документах этих лиц ставились какие-либо пометки?

Рихерт: Да. В документах указанных лиц ставились пометки о подозрении в связях с партизанами.

Прокурор: Для чего это делалось?

Рихерт: Для того, чтобы лица, на документах которых имелись такие пометки, в Германии помещались в отдельные лагери с усиленной охраной.

Прокурор: Почему?

Рихерт: С целью недопущения саботажа.

Прокурор: А не для того ли ставились пометки, чтобы этих людей заключать в лагери, которые называли «лагерями смерти»?

Рихерт: Нет.

Прокурор: Чем же объяснить, что лица, которые направлялись в немецкие лагери с такими пометками, больше не возвращались?

Рихерт: Я хочу сказать, что об этих, как вы их называете, «лагерях смерти» я узнал только здесь, прочтя обвинительное заключение. (Смех в зале.)

Прокурор: Вы же сами создавали такие лагери. Азаричский лагерь вами был создан?

Рихерт: Лагерь Азаричи был создан мною для того, чтобы заключенные, которые находились в этом лагере при отступлении немецкой армии были переданы частям Красной Армии. (В зале смех.)

Прокурор: По договору?

Рихерт (молчит).

Прокурор: Подсудимый Рихерт, скажите прямо суду, с какой целью был организован лагерь в Азаричах?

Рихерт: Генерал фон Госбах, выполняя приказ 9 армии, приказал мне организовать этот лагерь.

Прокурор: Скажите прямо, что лагерь Азаричи был организован вами, как живой заслон и эпидемический рассадник с целью преграды наступлению на этом участке войск 1-го Белорусского фронта. Это так?

Рихерт: Нет.

Прокурор: Скажите, каких возрастов население сгонялось в этот лагерь?

Рихерт: В Азаричском лагере содержались нетрудоспособные, были старики, женщины и дети до 2 лет.

Прокурор: Место для лагеря отводилось с вашего ведома?

Рихерт: Да.

Прокурор: Сколько раз вы лично были в этом лагере?

Рихерт: В Азаричском лагере я был только один раз, на второй день его организации.

Прокурор: Какие-либо постройки были на территории этого лагеря?

Рихерт: На территории лагеря построек никаких не было. Рядом с лагерем было маленькое здание и два маленьких сарая.

Прокурор: Откуда привозили в Азаричский лагерь больных сыпным тифом?

Рихерт: Больные сыпным тифом прибыли вместе с транспортом. Я заявил генералу фон Госбаху, что в лагерь привезли тяжело больных. Он ответил, что пусть они здесь остаются.

Прокурор: Вам известно, что больных сыпным тифом привезли в Азаричи из города Жлобина?

Рихерт: Это мне неизвестно.

Прокурор: На какое количество заключенных был рассчитан лагерь в Азаричах?

Рихерт: В лагере должно было быть около 500 человек.

Прокурор: А сколько было на самом деле?

Рихерт: По сообщению, которое я получил, там находилось в три раза больше, т. е. 1500 человек.

Прокурор: А на самом деле за период существования лагеря в нем находилось около 10 тысяч?

Рихерт: Об этом я узнал только здесь.

Прокурор: Какова была смертность в этом лагере?

Рихерт: В первые три дня умерло 5—6 человек. В последнее время сообщений о смертности я не получал.

Прокурор: Следовательно, вы не интересовались состоянием лагеря?

Рихерт: Так как фронт все время приближался и я должен был интересоваться другими более важными вопросами, вопросы состояния лагеря я считал третьестепенными и поэтому ими не интересовался.

Прокурор: Каким образом было организовано питание, медицинское обслуживание и обогрев населения, которое вами было заключено в лагерь, не имевший никаких построек?

Рихерт: Население получало хлеб, горох, крупу. Разводить костры запрещалось. Врача в лагере не было. Я понимал, что это очень суровые условия для населения.

Прокурор: В действительности, как это установлено следствием, никаким абсолютно питанием заключенные в лагере не снабжались, и вы об этом знаете.

Теперь скажите, для чего было заключать людей за колючую проволоку и ставить охрану автоматчиков вокруг лагеря, если все эти люди, как вы говорили, были собраны для передачи войскам Красной Армии?

Рихерт: Это было сделано для того, чтобы никто не убежал из лагеря, так как беглецы могли сообщить Красной Армии, что немецкий фронт отступает. (В зале оживление).

Прокурор: Расследованием, произведенным Военной прокуратурой 65-й армии 1-го Белорусского фронта, установлено, что в районе Азаричи был создан лагерь, куда были заключены больные тифом, с целью создания живого заслона для того, чтобы воспрепятствовать наступлению на этом участке со стороны Красной Армии. Вы, как комдив, занимавший этот участок, прекрасно были об этом осведомлены.

Рихерт: Об этом я узнал только в Москве, в лагере военнопленных особого назначения.

Прокурор: Скажите, за что заключались в лагерь ни в чем неповинные дети?

Рихерт: Я не имел никакого отношения к доставке людей в лагерь.

Прокурор: Вы знали, что люди, загнанные в зимнее время за колючую проволоку, окруженные немецкими автоматчиками, сознательно уничтожаются?

Рихерт: Это мне было совершенно ясно.

Прокурор: Вам известно, что такого порядка мероприятия по отношению к мирному населению запрещены соответствующей международной конвенцией, которая, кстати сказать, подписана и германским правительством. Вам известно, что такое отношение к мирному населению является величайшим преступлением?

Рихерт: Да, известно.

Прокурор: Как вы рассматриваете такое отношение к мирному населению?

Рихерт: Нет слов, чтобы охарактеризовать это преступление. (В зале оживление и смех.) С человеческой точки зрения—это очень большое преступление.

Прокурор: Вы себя считаете виновным в этих преступлениях?

Рихерт: Я считаю себя виновным, но я ничего не мог сделать, так как население прибыло в лагерь. (В зале оживление и смех.)

Прокурор: Скажите, из каких районов Белоруссии производилась принудительная отправка советских граждан в Германию?

Рихерт: Из городов Орша, Кричев, Лепель, Борисов и прилегающих к ним населенных пунктов.

Прокурор: Население из этих районов угонялось частями вашей дивизии?

Рихерт: Да.

Прокурор: Теперь расскажите, что произошло на станции Славное?

Рихерт: В августе 1942 года партизанами была уничтожена вся охрана железнодорожной станции Славное, разрушено здание вокзала и водонапорная башня.

Прокурор: Какие в связи с этим событием вы получили указания от ставки верховного немецкого командования?

Рихерт: На следующий день я был вызван фельдмаршалом фон Клюге, который сказал мне, что он получил строгий приказ от фюрера, в котором говорилось о том, что нужно 100 человек расстрелять и сжечь все деревни, расположенные в районе железнодорожной станции Славное.

Прокурор: На каком протяжении было приказано сжечь деревни?

Рихерт: На протяжении от Орши до Борисова.

Фельдмаршал Клюге спросил мое мнение на счет сожжения деревень, я отклонил это предложение, заявив, что немецкая армия не будет тогда иметь места для размещения своих частей, а население уйдет на сторону партизан.

Население нам нужно было для того, чтобы зимой очищать снег на железной дороге. Фельдмаршал Клюге согласился со мной и убедил высшее командование в том, что эти деревни сжигать не следует. Но 100 человек было приказано расстрелять, что и было исполнено.

Прокурор: Кого вы расстреляли, лиц непосредственно напавших на охрану, или людей, совершенно не имевших никакого отношения к этому происшествию?

Рихерт: Так как виновников, которые действительно принимали участие в нападении на железнодорожную станцию, было установлено мало, то в число намеченных к расстрелу были включены лица, которые никакого отношения к этому случаю не имели.

Таким образом было расстреляно 100 человек.

Прокурор: В числе этих 100 человек старики и дети были?

Рихерт: Это мне не известно.

Прокурор: Таким образом, по вашему приказанию было расстреляно 100 человек. Об этом вы расписали в газетах, огласили по радио. А скажите, зачем вы согнали 1500 человек смотреть, как вы расправляетесь с населением?

Рихерт: Это было сделано для устрашения.

Прокурор: Кто непосредственно выполнял приказ о расстреле 100 человек?

Рихерт: Батальон моей дивизии.

Прокурор: Как вы, Рихерт, расцениваете расстрел этих 100 человек?

Рихерт: Как меру против человечности, против интернационального права неприкосновенности мирного населения.

Прокурор: Принимала ли участие полиция генерала Герфа в расстреле 100 человек на станции Славное?

Рихерт. Нет, так как в расстреле участвовали только части моей дивизии.

Прокурор: Теперь расскажите о трех операциях, проведенных 286 охранной дивизией под вашим непосредственным руководством?

Рихерт: Первая операция проводилась на юге, в районе Червень—Могилев. С севера она ограничивалась автострадой Червень—Могилев, с востока—рекой Друть, с юга—железной дорогой Могилев—Осиповичи и с запада рекой Березина. Как нам было известно, там находилось около 3 000 партизан.

Прокурор: Это в каком месте?

Рихерт: В лесном массиве у Дулево, там, где проходит железная дорога Осиповичи — Могилев и автострада Червень—Могилев. Здесь находился лагерь партизан.

Прокурор: Расскажите о вашем участии в сожжении женщин и детей в районе озера Палик?

Рихерт: В этой операции, которая проводилась Готбергом, я непосредственного участия не принимал. Принимали участие два батальона моей дивизии, которые должны были блокировать автостраду от города Орша до городов Борисов — Лепель.

От полевого коменданта города Борисова я узнал, что население было слишком взволновано тем фактом, что у озера Палик дети и женщины были согнаны в сарай и сожжены. Я послал свою разведывательную часть, чтобы проверить, действительно ли имел место такой факт. Когда разведывательный отряд возвратился, мне сообщили, что этот факт имел место. Так как моя территория граничила с территорией фон Готберга, я сообщил об этом донесении генералу фон Шенкендорфу.

Прокурор: Два ваших батальона, которые принимали участие в блокировании партизан, эти операции проводили в полном взаимодействии с частями Готберга?

Рихерт: Да.

Прокурор: Если ваши части действовали с частями Готберга, следовательно они совместно совершали все преступления?

Рихерт: Части, которые образовывали котел, подчинялись Готбергу. Мои же 2 батальона служили для целей блокировки.

Прокурор: Вы, как командир дивизии, действовали в этой блокировке совместно с войсками Готберга, и войска выпол-

няли ваш приказ. Сжигание сел и населения происходило именно на территории дислоцирования 286-й охранной дивизии. Вы должны были знать о частях, творивших эти зверства.

Рихерт: Лагерь партизан находился в районе от озера Палик и до Бегомля, а Бегомль находился в районе действий Готберга. Я не имел никакого отношения к той области, которая не принадлежала мне.

Прокурор: Когда проводилась первая операция по поимке партизан в районе шоссе Могилев—Червень?

Рихерт: В июне 1942 года.

Прокурор: Сколько дней длилась эта операция и какое название она имела?

Рихерт: Каждая операция длилась пять дней, и, как я припоминаю, первая операция носила название «Адлер» (Орел).

Прокурор: Что это значит?

Рихерт: Это значит запугивание населения.

Прокурор: Скажите, Рихерт, сколько было убито людей в первую кампанию, которую вы проводили в районе шоссе Могилев—Червень?

Рихерт: Потери партизан в боях составляли около 400 человек. Кроме того, тайной полевой полицией было расстреляно 170 человек.

Прокурор: Сколько было убито во время второй операции в августе 1942 года на территории Витебской области?

Рихерт: В боях погибло 250 партизан, и тайной полевой полицией было расстреляно 80 человек.

Прокурор: А в третьей операции сколько было расстреляно вашими частями?

Рихерт: В боях погибло 150 партизан и 200 человек было арестовано тайной полевой полицией.

Прокурор: Расскажите о судьбе этих 200 человек.

Рихерт: Точно это я сказать не могу, так как район, где я проводил операции, принадлежал 201-й охранной дивизии и эти 200 человек были арестованы тайной полевой полицией иазванной дивизии. Мне известно, что часть арестованных была расстреляна.

Прокурор: За время трех операций против партизан, которые были проведены под вашим непосредственным руководством, сколько было всего расстреляно партизан и мирных граждан?

Рихерт: Всего было уничтожено 1250 человек, из них 800 в боях, а остальные расстреляны ГФП.

Прокурор: Все эти расстрелы проводила тайная полевая полиция, непосредственно находившаяся в вашем подчинении?

Рихерт: Да, в двух операциях расстрелы проводила под-

чиненная мне тайная полиция, а в третью операцию—полиция 201-й охранной дивизии.

Прокурор: Но она находилась в вашем оперативном подчинении?

Рихерт: Да, в моем.

Прокурор: Все расстрелы были проведены по вашему указанию?

Рихерт: Да.

Прокурор: Сколько было сожжено деревень в период трех операций, проведенных вами против партизан?

Рихерт: Приблизительно 18 деревень.

Прокурор: Куда же девалось население этих 18 деревень?

Рихерт: Частично уходило в лес к партизанам, остальные жители уходили в другие деревни.

Прокурор: Села сжигались, люди уходили в партизаны, частично погибали на месте. Они оставляли большое количество всякого добра в этих селах. Куда оно девалось?

Рихерт: Перед каждой операцией давались строгие приказы о том, куда сдавать скот и возить имущество.

Прокурор: Сколько вами за время операций было отобрано у населения скота?

Рихерт: При первой операции—550 штук крупного скота, 700 голов мелкого скота и 150 свиней. Во второй операции—150 голов крупного скота, 400 голов мелкого и 50 свиней. В третьей операции—900 голов крупного, 1200 голов мелкого скота и приблизительно 250 свиней.

Прокурор: Как вы считаете, ваши мероприятия по изъятию скота, хлеба и других продуктов у населения являлись законными?

Рихерт: Да,—это было в порядке вещей (в зале оживление и смех).

Прокурор: Вами использовывалось население для разминирования дорог?

Рихерт: Да, на шоссейной дороге Лепель—Орша—Могилёв большое количество крестьян привлекалось к боронованию лошадьми дороги с целью ее разминирования.

Прокурор: Подтверждаете ли вы, что таким способом разминирования дороги погибло 28 человек советских людей, в том числе 18 детей?

Рихерт: Нет.

Прокурор: Вы отрицаете этот случай вообще?

Рихерт: Да, отрицаю. Бороноваиие проводилось только после того, как погибало очень большое количество немцев.

Прокурор: Вы, как немецкий генерал и командир дивизии, такой способ разминирования считаете нормальным, или преступным?

Рихерт: Преступным, против всех человеческих законов. (В зале смех.)

Прокурор: Я прошу суд удостоверить это обстоятельство. В томе № 2, на стр. 50, свидетель Нурутдинов 22 декабря 1945 года дал следующие показания:

«Из ближайших деревень немцы пригнали жителей под конвоем и заставили их по минированным дорогам тянуть бороны, но это им не дало никаких результатов— бороны не задевали мины. Тогда немцы применили свой второй метод извергов, они по минированным дорогам погнали плотную толпу советских людей, где были женщины, дети и старики. Люди под страхом расстрелов шли по заминированной дороге, наступали на мины и подрывались.

В этот раз подорвались 28 человек советских граждан, в том числе было 18 человек детей, 7 человек женщин и 3 стариков».

Председатель: Суд удостоверяет, что на листе дела 50, во 2-м томе такие показания свидетеля Нурутдинова имеются.

Рихерт: Мне на предварительном следствии сказали, что это случилось в районе озера Артищево. Я совершенно об этом не знал. Если бы я знал, то я привлек бы этих людей к ответственности. (В зале смех).

Прокурор: Скажите, привлечение мирного населения для разминирования дорог противоречило правилам ведения войны?

Рихерт: Да, противоречило.

Прокурор: Теперь скажите, какое участие принимали во всех операциях против партизан части Вайсига?

Рихерт: Насколько мне известно, в этих операциях участия Вайсига совершенно не было.

Прокурор: Какими мотивами вы руководствовались, приказывая вешать людей?

Рихерт: По моему приказанию повешение производилось в 3—4 случаях в августе месяце 1942 года. Это мною было сделано потому, что я получил приказ о том, что в особых случаях следует вешать, а не расстреливать. Я сам приказал повесить пойманных партизан, которые напали на немецкие грузовые машины.

Прокурор: Скажите, Рихерт, сколько наград вы получили за свою службу в германской армии?

Рихерт: Когда я был командиром 23-го полка, я получил железный крест, пряжку к железному кресту и немецкий крест в золоте. В бытность командиром 35-й пехотной дивизии, я получил рыцарский крест и дубовые листья к этому кресту.

Прокурор: Последние две награды вы получили за период службы на территории Белорусской ССР в период ее оккупации?

Рихерт: Да.

Председатель: Скажите, Рихерт, ваше назначение командиром 286-й охранной дивизии в должности командира 23-го полка надо рассматривать, как продвижение по службе?

Рихерт: Да, как повышение по службе.

Председатель: Скажите дальше, на должности командного состава, в особенности высшие, в охранной дивизии, назначались лица, облеченные доверием и доказавшие свою преданность фюреру?

Рихерт: Нет, вообще так не было. Когда доходила очередь, тогда и получал повышение.

Председатель: Но это не полевая дивизия, а охранная дивизия с присущими ей функциями охранного порядка?

Рихерт: Я считаю, что боевая дивизия стоит гораздо выше, чем охранная дивизия.

Председатель: Действия полка в районе Кириши и Волховстроя в первые месяцы войны, приблизительно в 20 числах декабря 1941 года, когда полк действовал огнем и мечом по отношению к частям Красной Армии и мирному населению, зарекомендовали вас с положительной стороны?

Рихерт: Этот приказ был издан не только для моей дивизии, а, как я сказал, и для соседних.

Председатель: Тогда, как рассматривать, что вы, после этой операции в январе 1942 года получили крест в золоте?

Рихерт: Крест я получил не за эту операцию, а за боевые заслуги с начала войны.

Председатель: Скажите, подсудимый Рихерт, вам давал указания генерал от инфантерии Госбах о выборе местности под лагерь (я имею в виду Азаричи), или вы имели право выбора сами?

Рихерт: Я сам нашёл эту местность. Мне только давали указание найти местность, где меньше артиллерийский обстрел, а также, чтобы эта местность не была заметна для авиации.

Председатель: Так почему же вам понадобилось создать этот лагерь в заболоченной местности, непригодный для жилья?

Рихерт: Потому, что там, где были лучшие места, был очень сильный артиллерийский обстрел.

Председатель: Те ужасы, о которых говорят очевидцы, побывавшие в этом лагере, расположение его в заболоченной местности—не было ли все это направлено на медленное уничтожение десятка тысяч человек, заключенных в лагере?

Рихерт: Да, это так.

Председатель: Соответствует ли такое обращение с людьми, мирным населением, общепринятым правилам и законам ведения войны?

Рихерт: Ясно, не соответствует.

Председатель: Скажите, Рихерт, местные и полевые комендатуры в районе дислокации ваших частей вам подчинялись?

Рихерт: Каждая полевая комендатура имела местную комендатуру, ей подчиненную, а все они подчинялись мне.

Председатель: По материалам Государственной Чрезвычайной Комиссии Советского Союза известно о том, что в тех городах, о которых вы рассказывали, местные и полевые комендатуры творили бесчинства. Кто отвечает за это?

Рихерт: Тогда я сначала должен знать, какие это преступления.

Председатель: Бесчинства, расстрелы, угон в рабство.

Рихерт: Расстрелами и угоном советского народа в немецкое рабство—этим местные и полевые комендатуры могли заниматься только по приказу дивизии.

Председатель: А командиром дивизии были вы, подсудимый Рихерт?

Рихерт: Да. (Смех, оживление в зале.)

Председатель: Скажите, подсудимый Рихерт, отправка советских граждан на «работу» в Германию проходила добровольно?

Рихерт: Нет. Я уже сказал, что когда было отправлено 1800 человек, очень маленькое количество из них уехало добровольно. Остальные были отправлены насильно.

Председатель: Предусмотрен ли угон в рабство мирного населения какими-либо законами и постановлением Гаагской конвенции?

Рихерт: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы к подсудимому Рихерту?

Адвокат Михальский: Скажите, пожалуйста, перед началом войны были ли какие-нибудь приказы, которые отменяли прежде существовавшие правила ведения войны?

Рихерт: Нет.

Михальский: Вы были участником 1-й мировой войны?

Рихерт: Да.

Михальский: Вы находите, что метод ведения войны в первую мировую войну и в эту войну резко различны?

Рихерт: Да.

Михальский: Чем вы объясняете такое положение?

Рихерт: В этом повинна зверская фашистская система.

Михальский: Вы беспартийный?

Рихерт: Беспартийный.

Михальский: Почему вы не вступили в нацистскую партию?

Рихерт: Перед началом войны я всемерно поддерживал национал-социализм, так как успехи Гитлера, когда он взял власть, были весьма большие. Плохой стороной нацизма было

прежде всего бесправие. Во-вторых, партия вмешивалась во все дела, в том числе и в дела армии

Первый приказ Гитлера, который мне не понравился, был о том, что любой солдат немецкой армии мог убить не только политрука и коммуниста, но и любого советского гражданина, который был хотя бы немножко подозрителен. (Шум в зале.)

Когда я был командиром 23-го пехотного полка, тогда был первый приказ, направленный против международных правил ведения войны,—это сжигание деревень между Кириши и Волховстрой.

Эта зона пустыни была создана с той целью, чтобы Красная Армия, которая наступала, не могла находиться в этой зоне, так как тогда были 30—40° морозы, и командование считало, что при наличии пустыни Красная Армия не сможет там укрепиться.

Второй приказ Гитлера, направленный против всяких международных правил,—это расстрел невинных 100 человек на станции Славное. Дивизия, которой я командовал, выполнила все эти приказы.

Я не вступал в национал-социалистскую партию, хотя войну я начинал как фашист.

Я был бы очень благодарен, если бы здесь допрашивался также и генерал Госбах. Я уверен, что он так же, как и я, не знал назначения лагеря в Азаричи. Только после пленения я узнал о массовом уничтожении людей в лагере «Майданек» вблизи Люблина. Я заявляю откровенно, что я только здесь узнал настоящее лицо фашизма, только здесь, когда я читал обвинительное заключение. (В зале смех.)

Председатель: Подсудимый Рихерт. На мой вопрос вы ответили, что в дивизии, которой вы командовали (я имею в виду 286-ю), не было истребительных команд. Я хочу напомнить вам ваши же показания, которые вы давали на предварительном следствии.

На листе дела 142 (том 1-й) имеются ваши показания следующего содержания: на вопрос следователя: «В дивизии, которой вы командовали, были истребительные команды? последовал ответ: «Да, истребительные команды были. В 286-й охранной дивизии, которой я командовал, имелись эти команды при батальонах и полках».

Рихерт: Батальоны имели маленький резерв—30 или 40 человек, и я называл их «охотничьи команды».

Председатель: Я читаю далее ваши показания. На листе 142. Основными задачами истребительных команд, входивших в состав батальона, являлись: ведение разведки и патрулирование».

Рихерт: Это был резерв, который использовался в случаях нападений на железную дорогу.

Председатель: Другие функции эти команды имели?

Рихерт: Только функции чистой военной разведки.

Председатель: Вы заявили, что не знали, с какой целью был организован Азаричский лагерь, и о том, что население лагеря вы хотели спасти от артиллерийского огня, но в то же время избрали для размещения этого лагеря болото, в котором сотнями гибли люди. Какая же здесь логика?

Рихерт: В районе было очень тяжело найти местность, которая была бы лучше. Был март месяц, и земля везде была очень сырая.

Председатель: Этот лагерь можно было перевести в тыл?

Рихерт: Был строгий приказ о том, что этот лагерь должен был находиться на передовой линии фронта для того, чтобы он мог быть передан Красной Армии при ее наступлении.

Председатель: А в тылу разве нельзя было передать его Красной Армии?

Рихерт: Возможность, конечно, была, но так как был приказ командования 9-й армии, то я не мог ничего сделать.

Председатель: Может быть этот лагерь и был в качестве заслона?

Рихерт: Теперь я также предполагаю, что люди в лагере находились с целью уничтожения.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Адвокат Михальский: Являясь командиром 286-й дивизии, кому вы непосредственно подчинялись?

Рихерт: Генералу фон Шинкендорфу.

Адвокат Михальский: Удовлетворяло ли вас командование охранной дивизии, поскольку вы были кадровым генералом?

Рихерт: Нет, я очень просил маршала фон Клюге, чтобы он меня отправил в боевую дивизию. После третьей моей просьбы он удовлетворил мое ходатайство.

Председатель: Прокурор имеет вопросы?

Прокурор: Скажите, Рихерт, вы читали книгу Гитлера «Майн кампф».

Рихерт: Да, читал.

Прокурор: Вот вы сказали, что сущность фашизма вы узнали только здесь, на процессе? О чем Гитлер говорит в своей книге «Майн кампф»?

Рихерт: Конечно не о системе уничтожения народов.

Прокурор: Я приведу вам выдержку из этой книги, в которой Гитлер писал следующее: «Надо любыми средствами добиваться того, чтобы мир был завоёван немцами. Если мы хотим создать нашу великую Германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить славянские народы—Чехословакии, Югославии, Болгарии, России и Польши. Нет никаких причин не сделать этого».

Если вы читали эту книгу, следовательно вам сущность фашизма была известна задолго до настоящего процесса.

Рихерт: Гитлер писал эту книгу, когда он являлся частным лицом, а когда он стал государственным лицом, он изменял свое мнение. Так, например, он писал в своей книге, что война на двух фронтах обязательно приведет к уничтожению немецкого народа, и все же он воевал на двух фронтах.

Прокурор: Гитлер писал далее: «Человек грешен от рождения...» и далее:—«Когда этого требует политика,— надо лгать», т. е. как раз то, что вы делаете сейчас?

Рихерт (молчит).

Председатель: Вопросы у защиты есть еще?

Адвокат Михальский: Да.

Скажите, Рихерт, вы издавали приказ о том, что вы обязываете всех полевых комендантов организовать проверку рабочей силы на фабриках?

Рихерт: Нет, не издавал.

Михальский: Вы созывали инструктивное совещание в здании полевой комендатуры по вопросу о том, как правильно вести работу комиссии по проверке рабочей силы?

Рихерт: Нет, это дело хозяйственного штаба.

Михальский (обращается к председателю): Тогда разрешите задать вопрос подсудимому Айку?

Председатель: Пожалуйста.

Михальский (обращается к подсудимому Айку): На следствии вы показывали, что Рихерт созывал инструктивное совещание комиссии для выявления рабочей силы в здании полевой комендатуры?

Айк: В местной комендатуре города Орши созывалось совещание, на котором назначалась комиссия для проверки заводов, предприятий с целью выявления рабочей силы, которая не нужна была для предприятий и подлежала увольнению.

Адвокат Михальский: По чьему приказу созывалось совещание?

Айк: Приказ исходил от командования 286-й охранной дивизии.

Рихерт: Здесь идет речь об отправке людей для работы в Германию. Так как на предприятиях было большое количество рабочих и ни один хозяйственный штаб не хотел отдавать своих рабочих, поэтому была создана комиссия для того, чтобы она собирала на этих предприятиях рабочую силу и отправляла в Германию.

Адвокат Михальский: Чтобы вы сделали с тем человеком, который не подчинился бы приказу о поездке на работу в Германию?

Рихерт: Я бы его наказал.

Адвокат Михальский: Вы сказали сегодня, что рабочую силу для отправки в Германию комплектовали биржи труда. А в ведении кого находились эти биржи труда?

Рихерт: Биржи труда подчинялись местной комендатуре, а местная комендатура—полевой комендатуре, и все они находились в моём ведении, в районе действия дивизии.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы к подсудимому Рихерту?

Айк: В показаниях Рихерта есть ошибка. Я считаю, что 5-е отделение штаба дивизии занималось моторизированными частями, а отправкой рабочей силы в Германию занималось 7-е отделение.

Рихерт: Правильно, я ошибся, не 5-е отделение, а 7-е.

Председатель (обращается к коменданту): Товарищ комендант, пригласите в судебное заседание свидетельницу Третьякову.

Комендант: Свидетельница Третьякова прибыла.

Председатель (обращается к свидетельнице Третьяковой): Свидетельница Третьякова,—Ваше имя и отчество, год рождения? Где и в качестве кого вы работаете?

Третьякова: Меня зовут Евдокия Васильевна, 1919 года рождения, работаю учительницей в школе в деревне Клюковичи.

Председатель: Свидетельница, предупреждаю вас, что суду вы должны давать правдивые показания.

Расскажите, что вам известно по обстоятельствам дела, по которому вы вызваны.

Третьякова: В декабре 1943 года немецкие войска заняли нашу деревню в Домановичском районе. В моей квартире поместился штаб немецкой армии. Недели через три немцы выгнали нас из квартиры. Со стариком-отцом 60 лет, 53-летней женщиной, 6-летней дочкой и 3-летним моим сыном мы перешли в соседнюю деревню Чистые Лужи, находящуюся в 3 километрах от нашей деревни. Немцы заняли и эту деревню, а нас загнали в большой колхозный сарай, и дня через два, ночью (около 3 часов), этот сарай немцы подожгли, в котором сгорело много народа.

Через некоторое время оставшихся жителей построили в две колонны. В первой были трудоспособные мужчины и молодые девушки, а во второй—женщины с детьми и старики. Первую колонну немцы угнали куда-то на строительство окопов, а вторую колонну, где была и я, пригнали в дер. Зайча, Октябрьского района, Полесской области, и поместили в школьное здание. В этом здании нас было очень много. Через некоторое время немецкие врачи сделали нам какие-то уколы. После этого появилась какая-то эпидемия. Кушать нам не давали, даже не было чистой воды. Народ очень болел, и ежедневно умирало по 5—10 человек. Умиравших не хоронили, а выносили за ворота школы и там оставляли.

После этого 10 дней мы содержались в лагере Порослище на открытой местности. В этом лагере было около 5000 чело-

век, из них процентов 85 больных. Здесь у меня умерла мать 53 лет и мой 3-летний сын. Из лагеря Пороспище нас отправили в лагерь Азаричи, который находился около линии фронта и размещался на болотной местности. В Азаричском лагере содержалось около 10 тысяч человек. Когда нас гнали в лагерь, по дороге моя 6-летняя дочь упала. Подбежавший жандарм остановил проходившую по дороге машину и бросил туда мою маленькую дочь, которую увезли неизвестно куда. Лагерь представлял собой смертельно-опасное место. Воду нам разрешали брать только в одном уголке болота. Один раз, на моих глазах, были расстреляны жандармами две женщины только за то, что они хотели напиться воды из болота. Костров разжигать в лагере нам не разрешали. Одна женщина, желая спасти своих четырех детей от замерзания, разожгла костер. Немедленно с вышки раздался выстрел. Женщина была убита. Остались сиротами четверо маленьких детей. Кушать нам также ничего не давали. Из 10 тысяч содержавшихся в лагере к приходу Красной Армии осталось в живых не более 3 тысяч человек. Это место теперь у нас называется «лагерем смерти».

Прокурор: В Азаричском лагере вам приходилось видеть немецких врачей?

Третьякова: Нет, в этом лагере я не встречала немецких врачей.

Прокурор: Тифозных больных было много?

Третьякова: Процентов 80 было тифозных больных.

Прокурор: Известно ли вам, из каких населённых пунктов свозилось население в эти лагери?

Третьякова: Было в этом лагере население почти из всей Белоруссии, были из Гомельской, Полесской, Могилёвской, Бобруйской областей.

Прокурор: Скажите, Третьякова, какое примерно количество детей осталось в лагере к приходу войск 1-го Белорусского фронта, родители которых погибли в лагере?

Третьякова: Этого я сказать не могу.

Прокурор: В этом лагере были женщины-матери с грудными детьми?

Третьякова: Их было очень много и из них многие погибли. Маленькие дети не могли перенести холода и голода, и их трупы в лагере лежали целыми грудами.

Прокурор: Сколько погибло в этом лагере наших людей?

Третьякова: Очень много погибло. Я сама была очевидцем многих похорон в братских могилах. В них хоронили не по одному-два человека, а целыми сотнями.

Прокурор (обращаясь к подсудимому Рихерту): Вам понятны все показания, которые дала свидетельница Третьякова, о положении в лагере, который вами был организован?

Рихерт: Да, невозможно спокойно слушать, когда речь идет об этом лагере ужаса и смерти. Я прошу разрешить мне задать вопрос свидетельнице, когда она прибыла в этот лагерь?

Третьякова: В этот лагерь я прибыла, мне кажется, в феврале 1944 года.

Рихерт: Лагерь в Азаричах, организованный мной на 500 человек, увеличённый затем на 1 500 человек, был открыт 15 марта. Существовал он 4—5 дней и 19 марта попал в руки Красной Армии.

Прокурор: Вокруг лагеря были возведены вышки?

Третьякова: Были, они даже и теперь есть.

Прокурор (обращаясь к подсудимому): Рихерт, скажите, как была организована охрана этого лагеря по вашему приказу?

Рихерт: Лагерь имел два ряда колючей проволоки, и была вооруженная охрана около 15 человек. Я убеждён, что свидетельница говорит о другом лагере.

Председатель: Свидетельница Третьякова. Вы местная жительница, хорошо знаете окружающие деревни?

Третьякова: Я живу с 1938 года на этой территории.

Председатель: Если бы подсудимый Рихерт, бывший генерал немецкой армии, или кто-нибудь другой захотел бы сделать этот лагерь в другом месте, чтобы уберечь людей от действия артиллерии, он мог бы найти другое место, или все места заболочены?

Третьякова: Безусловно, можно было бы без труда разместить людей в другом месте.

Председатель: Трупы из лагеря убирались?

Третьякова: Нет. Все были вместе — больные, умершие и здоровые.

Председатель: Вы считаете, что это было распространением заразы?

Третьякова: Конечно считаю. Ведь мы пили воду из одной болотной канавы.

Председатель: Вы воевали с оружием в руках против немцев?

Третьякова: Нет, я не воевала.

Председатель: За что же вы попали в лагерь?

Третьякова: Для меня неизвестно.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы к свидетельнице?

Рихерт: Где находился лагерь,—в лесу или в степи?

Третьякова: В лесу, на болоте. Этот лагерь и теперь можно видеть.

Председатель: Других вопросов нет?

(Вопросов к свидетельнице больше нет).

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Баранчика.

Комендант: Свидетель Баранчик прибыл.

Председатель: Баранчик, ваше имя и отчество и место работы?

Баранчик: Владимир Александрович. Уроженец гор. Минска, проживал в местечке Крупки, работал рентгенотехником в Крупской районной больнице.

Председатель: Свидетель Баранчик. Вы предупреждены о даче правильных показаний по этому делу, по которому вы вызваны в качестве свидетеля?

Баранчик. Да.

Председатель: Прошу рассказать, что вам известно по данному делу?

Баранчик: Я расскажу, как в 1942 году, в конце августа или в начале сентября было расстреляно 100 человек в районе м. Крупки. Это было в воскресенье утром. Немцы с полицией пришли в дом ко мне и с применением силы предложили выйти на улицу. Всех жителей нашего поселка под конвоем повели с площади в ближайший лес, где было согнано около 5 тысяч человек из Крупок и окрестных деревень. В лесу была выкопана яма, и около нее стояли 4 автомашины, крытые брезентом. Когда население было собрано, комендант произнёс речь, в которой он заявил, что сейчас на наших глазах будут расстреляны 100 человек за станцию Славное. Затем выступил начальник Крупской полиции. Он также сказал нам, что сейчас будет расстреляно 100 человек и что каждый стоящий здесь должен запомнить и не думать о связях с партизанами или уходить к партизанам, а тот, кто будет замечен в этом, будет подвергнут смертной казни. После этого по команде коменданта открыли брезент, которым были закрыты машины. Мы увидели, что в машинах сидят наши советские люди. Их начинают по пять человек брать из машин, приказывают раздеваться тут же около машины и подводят к могиле, укладывают в нее, а потом расстреливают. В числе 100 человек были также дети в возрасте от 12 лет и младше. В числе находившихся в машине была женщина с грудным ребенком на руках, которую немцы раздели, ребенка от нее вырвали, ее бросили в яму, а вслед за ней бросили ее ребёнка и застрелили обоих.

После казни нас построили и заставили пройти возле могилы. В это время нам вторично было сказано—смотрите, что ждет каждого, кто будет связан с партизанами.

Кроме этого, в июне 1944 года было заживо сожжено 400 человек в лагере, в полутора километрах от Крупок, в лесу. В этот лагерь сажали за всякие мелкие преступления,

за невыполнение поставок, невыход на работу по вывозке леса. Однажды, всех этих заключённых, в том числе женщин и подростков, вывели и погнали в м. Крупки, в тюрьму, где всех их посадить не могли и поэтому разместили по трём домам, которые подожгли, и таким образом все заключенные, которые находились в них, были сожжены.

17 сентября 1941 года в 3 километрах от торфяных разработок было расстреляно около 2 000 евреев.

Прокурор: Как по-вашему, расстрелы, о которых вы говорили, были связаны с наступлением Красной Армии?

Баранчик: Да, через несколько дней после этого, в м. Крупки вступила Красная Армия.

Прокурор: Вы говорите, что было расстреляно еврейского населения до 2 000 человек. Скажите, откуда у вас такая точность?

Баранчик: Об этом шли разговоры после.

Прокурор: Это население только из местечка Крупок?

Баранчик: Да. Только из местечка Крупок.

Прокурор: Скажите, а из смежных пунктов были?

Баранчик: Были, но только после этого случая.

Прокурор: В числе расстрелянных были старики, женщины и дети?

Баранчик: Да, были. Детей было гораздо больше.

Прокурор: В каком месте происходил этот расстрел?

Баранчик: Около деревни Лебедево.

Прокурор: (обращаясь к подсудимому Рихерту): Скажите, Рихерт, местечко Крупки в район дислокации частей вашей дивизии входило?

Рихерт: Да, входило.

Прокурор. Части какого полка и батальона вашей дивизии занимали местечко Крупки?

Рихерт: Вообще в местечке Крупки не были батальоны. Части моей дивизии находились в оборонительных пунктах шоссейных и железных дорог.

Прокурор: А расстрел 2 000 человек мог пройти мимо вас, как комаидира дивизии?

Рихерт: Я был командиром дивизии с апреля 1942 года по сентябрь 1943 года, а расстрел евреев, как говорит свидетель, происходил осенью 1941 года, поэтому—об этом я ничего не знаю.

Прокурор: После того, как вы приняли комаидование 286-й дивизией, разве вам это обстоятельство не было известно?

Рихерт: Да, было. Я слыхал, что эти евреи расстреляны осенью 1941 года.

Прокурор: А вам известно, кто конкретно проводил эти расстрелы?

Рихерт: Нет, неизвестно.

Прокурор: Вы отрицали, что в числе 100 человек, расстрелянных после нападения партизан на станцию Славное, находились дети. Так ли это было в действительности?

Рихерт: Среди лиц, которых арестовала ГФП и подчинённая мне дивизия, дети не находились. Возможно, что дети и были, но они арестовывались СД.

Прокурор: СД было в вашем подчинении?

Рихерт: Нет. Я уже сказал, что дивизия не имела в наличии арестованных и лиц, подозреваемых в связях с партизанами, в количестве 100 человек. Поэтому, по приказанию командования, было пополнено это количество людей, и для расстрела их были выделены СД.

Прокурор: Население к месту расстрела 100 граждан было согнано с целью его устрашения?

Рихерт: Да, это было так сделано по приказу фюрера. Кроме того, с этой же целью после расстрела было об этом объявлено по радио и в газетах.

Председатель: Защита имеет вопросы к свидетелю?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Подсудимые имеют вопросы?

Подсудимые: Нет.

Председатель: Товарищ комендант, вызовите свидетеля Нурутдинова.

Комендант: Свидетель Нурутдинов прибыл.

Председатель: Свидетель Нурутдинов, вы предупреждены о даче правильных показаний. Показывайте, что вам известно по данному делу?

Нурутдинов: Я, как бывший партизан, могу рассказать суду, как на оккупированной территории немцы систематически организовывали против нас крупные карательные экспедиции. При проведении этих операций немцы жестоко расправлялись с мирным населением, чтобы последнее не имело связи с партизанами и не помогало им. Я имею в виду действия охранных войск, которые располагались в районе между городами Орша—Витебск, а в этом районе, как нам было известно, находились войска 286-й охранной дивизии.

Одну из таких крупных операций против партизан немцы предприняли в конце августа и начале сентября 1942 года. Непосредственным участником этих боёв я был сам. Наш отряд был расположен в районе трехугольника дорог, которые соединяли города Оршу, Витебск, Смоленск.

Наступление немцев велось со всех направлений. Массив леса, где были расположены партизаны, немцы подвергали артиллерийскому обстрелу, который продолжался почти сутки. В связи с этим было много жертв среди мирного населения.

Кроме того, мне много раз пришлось видеть, как немцы расправлялись с мирным населением. Они для разминирования участков дороги использовывали мирное население. Обычно

делали так. Жителей немцы заставляли запрягаться в бороны и тянуть бороны по дороге. Мины взрывались, и на них подрывалось само население. Только после того, как население проходило с боронами по дороге, немцы выезжали на своих машинах.

Если немецкой охране удавалось обнаружить мины, установленные партизанами, тогда немцы сгоняли толпу народа на эти мины, последние наступали на мины и подрывались.

Я был свидетелем, когда таким образом подорвалось 28 человек мирных граждан, среди них было 17 женщин, 7 человек детей и 4 старика.

Вот и всё, что я хотел сказать.

Председатель: Прокурор имеет вопросы к свидетелю?

Прокурор: Нет.

Председатель: У защиты вопросы есть?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы?

Подсудимые: Нет.

Председатель: Подсудимый Вайсиг. Показания, которые вы дали на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Вайсиг: Да, эти показания я подтверждаю.

Прокурор: Скажите, с какого года вы член нацистской партии?

Вайсиг: С 1 мая 1933 года.

Прокурор: В каком году вам было присвоено впервые звание офицера?

Вайсиг: 1 января 1927 года.

Прокурор: Какую офицерскую школу вы окончили?

Вайсиг: Сначала я был солдатом, затем унтер-офицером, а потом перешёл на службу в полицию.

Прокурор: В каком году вы перешли в полицию?

Вайсиг: В 1920 году.

Прокурор: Полицейскую школу кончали?

Вайсиг: Да, кончал.

Прокурор: В каком году вы состояли в качестве преподавателя полицейской школы в Потсдаме?

Вайсиг: В полицейской школе я был всего 15 лет.

Прокурор: В Потсдаме в высшей полицейской школе вы учились?

Вайсиг: Да, учился.

Прокурор: Когда получили назначение на должность начальника полицейского округа Шарлотенбург?

Вайсиг: В декабре 1934 года. Тогда я был начальником окружной полиции.

Прокурор: В какие годы вы были преподавателем полицейской школы города Берлина?

Вайсиг: С 1935 по 1937 год.

Прокурор: Когда вы стали командиром 305-го полицейского батальона?

Вайсиг: Командование 305-м полицейским батальоном я принял в мае 1941 года, когда батальон находился в городе Кельце (Польша).

Прокурор: Когда и в качестве кого вы прибыли на восточный фронт?

Вайсиг: 19 февраля 1942 года, в качестве командира батальона.

Прокурор: Когда вы стали командовать 26-м полицейским полком?

Вайсиг: С мая 1943 года.

Прокурор: Этот полк, которым вы командовали, принимал участие в боях севернее Новгорода, под Волховом?

Вайсиг: Да, принимал.

Прокурор: Сколько карательных экспедиций вы провели на территории Советского Союза?

Вайсиг: Я провел всего 4 экспедиции против партизан.

Прокурор: Расскажите суду о первой экспедиции против партизан.

Вайсиг: Первую экспедицию против партизан я проводил, как командир 3-го батальона 16 полицейского полка. Это было в сентябре 1943 года. Операция проходила в районе Друя, юго-восточнее Двинска. В этой операции принимал участие, кроме нашего 16-го полицейского полка, один полк войск СС и один полицейский полк. Номера этих полков я не помню. Все эти полки действовали совместно. Общее руководство операцией возглавлял СС бригаденфюрер Шредер.

Прокурор: Какое количество в период этой операции было задержано советских людей по подозрению в связях с партизанами?

Вайсиг: По моему мнению во время этой операции было захвачено около 400 мирных граждан, которые затем переданы в СД города Двинска.

Прокурор: А сколько из числа этих 400 человек советских граждан было расстреляно вашим батальоном?

Вайсиг: Из числа 400 человек расстреляно было приблизительно 60 человек, поскольку они хотели бежать или защищались с оружием в руках.

Прокурор: Какова судьба остальных граждан, которые были переданы в распоряжение СД?

Вайсиг: Я имел приказ этих людей передать в СД. Я знаю, что эти люди были в городе Двинске помещены в тюрьму, а дальнейшая их судьба мне неизвестна.

Прокурор: Сколько было всего деревень сожжено вашими частями в период первой операции?

Вайсиг: Моими частями в первую операцию не было сожжено ни одной деревни. Для этого в операции непосредственно принимали участие команды СД, в обязанность которых входило принимать задержанных, допрашивать их и применять наказания, что в мои функции не входило.

Прокурор: В первой операции отряды СД действовали в тесном взаимодействии с вашим полком?

Вайсиг: Да, они действовали вместе.

Прокурор: Следовательно, села и деревни сжигали вместе?

Вайсиг: В то время, когда проводились эти операции я не знал, что они проводятся с целью ограбления населения, с целью вывоза населения в немецкое рабство,—это становится мне понятно только сейчас. (В зале смех).

Прокурор: За что сжигались населённые пункты на пути следования ваших частей?

Вайсиг: Деревни сжигались в районе партизанской зоны. Это нами делалось потому, что местное население было тесно связано с партизанами.

Прокурор: Какое количество вами было изъято скота у населения?

Вайсиг: Точно сказать не могу, но в той местности, где я был со своей частью, нами было отобрано около 3 000 голов скота.

Прокурор: Куда угонялось население сожжённых сёл и деревень?

Вайсиг: Население сожжённых деревень, если оно не было трудоспособным, отправлялось в зону заграждения, ближе к линии фронта. Трудоспособное население направлялось в город Браслав, оттуда направляли это население на работу в Германию.

Прокурор: С какой целью направляли население ближе к линии фронта?

Вайсиг: Там население находило себе местожительство.

Прокурор: Разве по этим мотивам избиралось место размещения ближе к фронту?

Вайсиг: Население сожженных деревень вывозилось для использования на работе по строительству укреплений.

Прокурор: Районы карательных экспедиций оставались опустошенными?

Вайсиг: Да, полностью опустошенными.

Прокурор: Вы все же скажите, какое количество было сожжено населенных пунктов?

Вайсиг: Деревни сжигались, но сколько их было сожжено, я не знаю, поскольку я уходил с частями вперед, а деревни горели сзади меня.

Прокурор: Расскажите о назначении карательной экспедиции в районах станций Зябки и Орехово?

Вайсиг: Операция в районе станции Зябки носила название «весенний праздник». Она проводилась под руководством командования генерала 3-й танковой армии генерала Рейнгарда.

Прокурор: Какое же содержание вкладывалось в этот так называемый «весенний праздник»?

Вайсиг: Почему именно операция называлась «весенний праздник», я не знаю. Когда я получил этот приказ и прочитал название этой операци, я также удивился.

Прокурор: В результате этой кампании «весенний праздник», как видно из материалов предварительного следствия, было сожжено 40 населенных пунктов?

Вайсиг: Да, это правильно.

Прокурор: Какие населенные пункты из 40 сожженых вам известны?

Вайсиг: Я помню, что в районе озера Шо было сожжено несколько деревень. Часть этих деревень была разрушена при бомбежке нашей авиацией.

Прокурор: Какое количество партизан было арестовано во время этой операции?

Вайсиг: Приблизительно—2 000 человек.

Прокурор: Какова была судьба всех этих людей?

Вайсиг: Арестованных я передавал командам СД. Мне известно, что все захваченные во время этой операции были направлены в город Минск. Судьбы их не знаю. К концу операции около 6—7 тысяч партизан было зажато в очень узком месте немецкими частями. Это место подвергалось сильной бомбежке с воздуха с той целью, чтобы заставить партизан выйти в другой район. После того, как бомбёжка с воздуха не помогла и никто не выходил, лётчики начали сбрасывать листки, в которых писалось, чтобы партизаны выходили, что их расстреливать не будут, что они получат работу и т. д. Это был обман.

В этой операции кроме моего полка участвовало два батальона под руководством Зиглинга и Мильцина. Я послал их в этот котел, чтобы заставить партизан выйти. Этой группой было приведено более 200 партизан.

Прокурор: В этой операции принимали участие авиация и танки?

Вайсиг: Да.

Прокурор: По чьему распоряжению они были применены?

Вайсиг: Приказы я получал от фон Готберга, а все руководство возглавлял Рейнгард.

Прокурор: В результате этой операции гибло мирное население?

Вайсиг: Приблизительно 2 000 человек были переданы в СД.

Прокурор: Кто давал оперативные задания частям?

Вайсиг: Оперативные задания мы получали от Готберга, штаб которого находился в городе Глубокое.

Прокурор: Какие задачи стояли перед вашим полком?

Вайсиг: Готберг сказал, что в этом районе находится 20 тысяч партизан, которые хорошо вооружены и имеют прекрасные силы. В этом приказе были указаны номера партизанских бригад.

Прокурор: Какое количество было убито граждан и партизан при проведении этой операции, в которой вы применили различные роды войск?

Вайсиг: Я точно сказать не могу, но это число было большим.

Прокурор: А именно? Что говорили сводки, которые вы получали от своих подразделений?

Вайсиг: Я получал ежедневно от нижестоящих подразделений сообщения, в которых было указано, сколько уничтожено человек, но в этом сообщении была рубрика под названием: «убито противника». Поэтому, такое общее название вводит в заблуждение, и неизвестно, было ли это гражданское население, или партизаны,—я точно сказать не могу.

Прокурор: Но приблизительно? Вы же на предварительном следствии эти цифры называли?

Вайсиг: Я и на предварительном следствии дал приблизительные данные, но у меня в голове запомнились такие цифры: одним из батальонов в один день было уничтожено 26 человек, затем 20 человек, 6 человек и т. д. Эти цифры менялись в зависимости от назначения операции, которую проводили подразделения полка.

Прокурор: Я прошу суд удостоверить показания Вайсига от 27 декабря 1945 года. Я их зачитаю. В этих показаниях Вайсиг говорил следующее:

«За всё время операции убито 400—500. Об этом количестве мне командирами подразделений были представлены сводки. Расправы же и убийства, чинимые в соответствии с распоряжением Готберга, нигде не учитывались. По распоряжению Готберга и моему чинились расправы, это я видел лично, посещая ежедневно подразделения. В частности, в эту операцию было сожжено 40 населенных пунктов подчиненными мне войсками, задержано и передано в СД около 800 человек мирных граждан, заподозренных в связях с партизанами. Очень много населения угнано в Германию для работы. Из пройденного нами района угнан весь скот, забрано все имущество, и этот район, после того как пришла подчиненная группа войск, был опустошен почти полностью».

Я прошу суд удостоверить наличие этих показаний.

Председатель: Трибунал удостоверяет, что в 11 томе на листах дела 123 и 124 показаний, подписанных Вайсигом имеются такие показания.

Прокурор: Скажите, какое количество было расстреляно советских людей по вашему личному приказанию?

Вайсиг: По моему приказу вообще никто не расстреливался.

Прокурор: В районе Друя 40 человек по чьему распоряжению расстреляны?

Вайсиг: Не по моему приказанию.

Прокурор: Скажите, сколько было всего расстреляно в районе Себежа?

Вайсиг: Там было расстреляно всего 150 человек по приказу Шредера. Этот приказ Шредера я также передал войскам.

Прокурор: А какое отношение к операции имел Шредер?

Вайсиг: Он возглавлял общее руководство этой операцией.

Прокурор: То-есть, вы были непосредственным исполнителем приказа Шредера?

Вайсиг: Да, это так.

Прокурор: Значит, расстрел 150 человек в районе Себежа был проведен непосредственно вами?

Вайсиг: Да.

Председатель: Из показаний подсудимого можно сделать неправильное заключение, что он воевал только с партизанами, а мирное население не трогал. Уточните, какое количество населения вы угнали в Германию, какие совершали насилия над населением?

Вайсиг: В мою задачу не входила отправка местного населения в Германию, а только борьба с партизанами в этом районе и борьба с теми, кто имел связь с партизанами. С этими лицами я боролся и приказывал их расстреливать.

Председатель: А с лицами, которые находились в населенных пунктах и были причислены к партизанам, что вы делали?

Вайсиг: Если эти граждане находились вне населенного пункта, то они могли свободно двигаться и приходить в деревню, где работать в какой-либо рабочей команде. Если же этим людям будет приказано остановиться и они будут бежать или сопротивляться, то они будут расстреливаться, как партизаны, и к ним будут приняты соответствующие меры.

Председатель: Вот ваши показания. На листе дела (том № 11) вы говорите: «Как я уже показал, всё мирное население, обнаруженное вне населенных пунктов, нами относилось к партизанам и поэтому расстреливалось».

Вайсиг: Такой приказ существовал только во время операции.

Прокурор: Скажите, сколько же вами было сожжено в районе Себежа населенных пунктов?

Вайсиг: Я уже показал, что там не было ни одной деревни, там были только погреба, в которых мы нашли 250 граждан и передали их СД. Раньше в этом районе было приблизительно

15 деревень и большой местный лагерь, а ко времени, когда я там был, все уже было сожжено.

Прокурор: Какова судьба этих 250 человек?

Вайсиг: Во всех больших деревнях, где располагались части немецкой армии, жило приблизительно около 250 человек гражданского населения. Это население подозревалось в связи с партизанами и было вывезено в Идрицу, в соединение штаба генерала Шредера. Судьбу этих граждан я не знаю, хотя мне известно, что в дальнейшем они были направлены в Полоцк и Молодечно.

Прокурор: Конечную судьбу их вы знаете, как знаете и о расстреле 40 человек в районе Друя. 19 декабря 1945 года на предварительном следствии о расстреле 40 человек в районе Друя, вы показали:

> «В районе Друя моим батальоном было расстреляно, по сведениям из докладных записок командиров рот, примерно 40 человек, из числа гражданского населения, за попытку уклонения от задержания»

Председатель: Суд удостоверяет, что на 41-м листе дела тома № 11 такое показание Вайсига имеется.

Прокурор: Подсудимый Вайсиг, что вы делали с лицами, заподозренными в связях с партизанами, и их семьями, во время руководимых вами операций?

Вайсиг: Часть населения, задержанного при операции, передавалась в СД, а другая часть была направлена в Минск и Борисов. О дальнейшей судьбе заключенных я не знаю.

Прокурор: Задержанное население в СД передавалось для физического уничтожения?

Вайсиг: Об этом я не знаю, но поясняю, что все задержанные были заподозрены в связях с партизанами.

Прокурор: Приказ Готберга о сожжении сел и применении репрессий в отношении населения вы полностью выполняли?

Вайсиг: Я выполнял приказания так, как было написано в приказе. Тогда я не понимал, что это делается не с целью борьбы с партизанами, или их связями, а с целью уничтожения мирного населения.

Прокурор: Вы этого не понимали?

Вайсиг: Я понимал, что мы поступаем бесчеловечно, что наши действия противоречили всем международным правилам, однако, я тогда не знал, что все это направлено на уничтожение населения Советского Союза. Я считал, что поступаем мы, хотя жестоко, но правильно.

Прокурор: Вам доверили целую оперативную группу, превышающую состав вашего полка. Следовательно, вы прекрасно знали задачи и цели, которые ставил перед вами Готберг?

Вайсиг: О целях и задачах я в то время точно не знал и только сейчас это понял. (Смех в зале.)

Прокурор: Скажите, что оставалось позади ваших войск и что представляла территория, которую вы прочесывали подчиненной вам оперативной группой, состоявшей из полицейского полка и двух приданных вам батальонов?

Вайсиг: Эта территория со всеми деревнями была полностью сожжена, осталась в целости только железная дорога.

Прокурор: Значит, вся территория, которую прочесывала ваша группа войск, была целиком выжжена?

Вайсиг: Да, полностью, однако это относится только к операции, проводимой под Себежем. Про операцию «весенний праздник» этого сказать нельзя.

Прокурор: Таким образом, Себежская операция оставила после себя сплошную пустыню?

Вайсиг: Да, это так.

Прокурор: А население с этой территории частично уничтожалось, частично угонялось, а имущество подвергалось разграблению. Так это было?

Вайсиг: Да, это было так.

Прокурор: Скажите, куда девалось все имущество, награбленное в Себежскую операцию?

Вайсиг: При операции под городом Себеж специальной сельскохозяйственной команды не было, однако, весь скот и продукты питания были собраны в определенное место, после чего были вывезены командами, какими и куда—я не помню.

Прокурор: Выходит, что все имущество, которое было оставлено населением, было разграблено вашими войсками?

Вайсиг: Да.

Прокурор: Кто из ваших командиров больше всего отличился в зверствах в отношении населения, в уничтожении его добра и уничтожении населенных пунктов.

Вайсиг: Я затрудняюсь сказать, кто особо отличился в этой операции. Я уже сказал, что я получил приказ и сам отдал приказ командирам, которые его выполняли.

Прокурор: Может быть вам напомнить, что командира Фалька вы оценили положительно?

Вайсиг: Я. этого не забыл, однако, я не сказал бы, что командир батальона Фальк был особенно жесток по отношению к населению.

Прокурор: Почему вы в таком случае оценивали работу Фалька в этой операции положительно?

Вайсиг: Если офицер выполнял порученный ему приказ так, как ему поручено, не спрашивая того, положительный ли это приказ или отрицательный, то работу такого офицера я оценивал положительно.

Прокурор: Значит, Фальк приказы выполнял полностью, и вы при даче положительной оценки исходили из этого?

Вайсиг: Да, так.

Прокурор: Положительная оценка работы Фалька вами дана только потому, что Фальк больше других сжег населенных пунктов, больше других уничтожил мирных людей, больше других угнал в рабство в Германию наших граждан?

Вайсиг: Нет, это не так. Я оценил работу Фалька положительно только потому, что рота Фалька имела стычки с партизанами, в которых он отличился.

Прокурор: В карательной Себежской экспедиции действовали: командир 1-го батальона Реданс, 2-го батальона Конзирке, командир роты Фальк. Участие в операциях названных лиц вы подтверждаете?

Вайсиг: Да, подтверждаю.

Прокурор: Кто из них особенно отличился в зверствах над мирным населением во время карательных экспедиций?

Вайсиг: Батальонный командир капитан Конзирке 26 февраля в бою с партизанами захватил партизанское знамя.

Прокурор: На предварительном следствии вы показали (читает): «Во время экспедиции в районе города Себеж отличились командир батальона Конзирке, командир роты Фальк, командир роты Циммер. Эти лица больше всех расстреляли и угнали в лагерь мирных советских граждан».

Вайсиг: Я этого не говорил. Я не говорил о том, что эти люди отличились потому, что они издевались над мирным населением и отправляли его в Германию.

Прокурор: Я прошу Суд удостоверить, что Вайсиг на допросе от 21 декабря 1945 года (лист дела 65, том 11) об этом говорил.

Председатель: Суд удостоверяет, что на листе 65 допроса Вайсига от 21 декабря 1945 года им указывалось, что во время экспедиции в районе города Себеж отличись—командир батальона Конзирке, командир роты Фальк, а также командир роты Циммер, которые расстреливали и угоняли в лагерь мирных советских граждан.

Вайсиг: Да, я это показал, но не в отношении гражданского мирного населения, а в отношении партизан.

Председатель: Нет, здесь сказано, что речь идет о мирных советских гражданах, которые были угнаны в лагерь и которые расстреливались. При этом отличились особенно те лица, которые я зачитал?

Вайсиг: В большинстве своем эти люди были вооруженными партизанами или людьми, связаными с партизанами, а также подозреваемые в связях с ними.

Председатель: Как вы оценивали действия этих лиц?

Вайсиг: Подразделения Фалька и Циммера находились в тех районах, где было больше населения, и поэтому они больше занимались борьбой с партизанами и расстреливали подозреваемых за связь с партизанами.

Председатель: Скажите, Вайсиг, как ваш полк, которым вы руководили, относился к историческим памятникам, культурным учреждениям и церквам?

Вайсиг: Мне неизвестно, чтобы полком когда-либо уничтожались памятники и культурные учреждения.

Председатель: Так ли это?

Вайсиг: Да, это так. Мне никогда не сообщалось, чтобы какая-либо церковь или культурное учреждение разрушались.

Председатель: На листе дела № 18, том 11, показаний Вайсига от 24 декабря 1945 года ответ на этот вопрос изложен по-другому. Вайсиг показал: «Все строения, в том числе жилые дома, исторические памятники и церкви, согласно установкам командования, подлежали уничтожению».

Вайсиг: Поскольку был приказ об уничтожении деревень, вполне понятно, что церкви, или культурные учреждения, которые находились в той или иной деревне, вместе с деревней также сжигались или уничтожались.

Председатель: Теперь скажите, как встречало ваши части местное население?

Вайсиг: Точно не могу сказать, так как я не всегда был в передовых частях своих подразделений.

Председатель: В своих показаниях на листе дела 40 вы говорили: «При появлении нас в населенном пункте обычно население убегало в лес».

Вайсиг: Да, это так и было в районе гор. Друя, когда я был еще командиром батальона.

Председатель: Теперь скажите, подсудимый Вайсиг, подтверждаете ли вы свои показания о действиях 305-го батальона в районе Кельцы (Польша).

Вайсиг: Да, подтверждаю.

Председатель: И о тех расстрелах и поджогах селений, которые там проводили?

Вайсиг: Да, подтверждаю.

Председатель: На предварительном следствии вам предъявляли акты Государственной Чрезвычайной Комиссии Советского Союза?

Вайсиг: Да, предъявляли.

Председатель: Сейчас вы подтверждаете изложенное в этих актах?

Вайсиг: Да, подтверждаю.

Прокурор Полехин: Расскажите суду, как на участке действия вашего полка вы принуждали местное население производить разминирование дорог и полей путем протаптывания.

Вайсиг: В районе Друя, когда я был командиром батальона, разминирование совершенно не проводилось, поскольку там почти не было партизан и минирование дорог со стороны партизан совершалось очень редко.

Когда я принимал участие в операции в районе Глубокое, Готберг сказал мне: «Вы должны во всех районах своей деятельности проводить работу по разминированию дорог и местности, однако, я вам не могу дать достаточного количества саперов. Для этого мы в своей практике применяли следующий метод: сгоняли местное население на дороги и гнали их впереди войск для того, чтобы обезопасить путь от мин». Я этот приказ передал своим командирам подразделений. Когда я посетил командира батальона, майора Зиклинга, то он доложил, что этот метод разминирования он уже применил.

Прокурор: Считаете ли вы метод разминирования, который вы применяли в районе ваших операций, соответствующим международным правилам ведения войны?

Вайсиг: Это противоречит всем законам ведения войны.

Прокурор: Какими же соображениями вы руководствовались?

Вайсиг: Я был офицером немецкой армии и поэтому должен был выполнять приказы немецкого командования. Если бы я этого не сделал, то подлежал бы расстрелу, или заключению в концентрационный лагерь. Но поскольку я отдал приказ о посылке населения для протаптывания заминированных дорог и полей, то и признаю себя в этом виновным.

Прокурор Полехин: Как вы оцениваете все свои действия в карательных экспедициях, в том числе способ разминирования?

Вайсиг: Мне сегодня становится ясным, что все мероприятия, проводившиеся нами, были направлены на сожжение деревень, уничтожение советского населения и его ограбление.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Адвокат Жудро: Вайсиг, вас обвиняют также в том, что в районе дер. Липково—Липляная было сожжено 28 человек. Признаете ли вы себя виновным?

Вайсиг: Этот факт мне стал известен после того, как мне зачитали протокол Чрезвычайной Комиссии. Если бы я знал это—каждый командир, солдат, чинивший такие свинства, был бы мною поставлен перед судом Военного Трибунала. (В зале смех).

Адвокат Жудро: Скажите, пожалуйста, когда германское правительство напало на Советский Союз, вам, как члену нацистской партии и старому полицейскому работнику, были ясны цели начавшейся войны?

Вайсиг: Я был убежден, что Россия в это время была вооружена тысячами танков и самолетов, для того, чтобы поко-

рить Германию и построить там большевистский порядок. (Смех в зале).

Адвокат Жудро: Объясняются ли преступления, которые вы совершили только лишь выполнением приказов, идущих сверху, или вы были убеждены в необходимости методов, которые вы осуществляли?

Вайсиг: Я знал и чувствовал, что те преступления, которые я совершал, как руководитель карательных экспедиций, проводившихся против советских граждан, являются злодеянием над мирным советским населением, но я был убежден, что это выгодно для Германии. Я считал, что Россия может напасть на Германию, покорить ее и построить там свои порядки.

Адвокат Жудро: Скажите, Вайсиг, находясь с июля месяца 1944 года в качестве военнопленного, до возбуждения настоящего дела вы осознали то преступление, которое совершили в период нахождения на службе в германской армии?

Вайсиг: Да. Это я понял. Операции которыми я руководил, являются преступными.

Адвокат Бедросов: Скажите, Вайсиг, вы 15 лет были преподавателем в полицейской школе. Правильно это?

Вайсиг: Да, это так.

Адвокат Бедросов: Скажите, какие дисциплины вы преподавали в этой школе?

Вайсиг: Я преподавал предметы, которые касаются права Германии.

Адвокат Бедросов: Я прошу уточнить, в каких карательных экспедициях вы участвовали. Я понял, что вы участвовали в 4 карательных экспедициях: первая в районе Друя, вторая в районе Себежа, третья экспедиция «весенний праздник» и четвертая—«кормуран».

При проведении этих экспедиций в каком чине вы были?

Вайсиг: Все время, на протяжении 4 экспедиций, я был в чине майора, но имел только различные должности. Сначала был командиром батальона, а потом командиром полка.

Адвокат Бедросов: Значит, в первой экспедиции в Друе, вы были уже командиром полка?

Вайсиг: Нет, командиром батальона.

Адвокат Бедросов: А в остальных операциях, под Себежем, «весенний праздник» и «кормуран»?

Вайсиг: В Себеже я был командиром полка.

Адвокат Бедросов: А во время проведения операции «весенний праздник»?

Вайсиг: Во время этой операции я был командиром группы, состоящей из полка и двух батальонов.

Адвокат Бедросов: После проведения карательной экспедиции под названием «весенний праздник» итоги этой кампании подводились?

Вайсиг: Операция «весенний праздник» была самой большой из проведенных немецкими войсками. Об этой операции было даже сообщено в немецкой сводке.

Мною после операции «весенний праздник» был издан специальный приказ по полку.

Адвокат Бедросов: Кого вы отметили в этом приказе, как особо отличившихся?

Вайсиг: В настоящее время я этого не помню.

Адвокат Бедросов: Может вы вспомните Майгера и Зиклинга?

Вайсиг: Да, это возможно.

Адвокат Бедросов: В приказе, в котором подводились итоги среди особо отличившихся, фамилий Фалька не было?

Вайсиг: Нет.

Адвокат Бедросов: Кому подчинялся 26-й полицейский полк?

Вайсиг: Майору Реданс.

Адвокат Бедросов: Кому он подчинялся, был ли он кому придан или действовал самостоятельно?

Вайсиг: Моя оперативная группа состояла из 26-го полицейского полка и двух батальонов—Зиклинга и Мильцина.

Адвокат Бедросов: Кому они были подчинены?

Вайсиг: В первом случае, во время операции «весенний праздник», эта группировка подчинялась Готбергу, а во второй операции—оберштурмфюреру СС Ангальт.

Адвокат Бедросов: Перед началом операции, как начальник группы, какие задачи вы ставили перед своими частями?

Вайсиг: Когда началась операция, я находился в лазарете.

Адвокат Бедросов: Но перед тем, как началась эта операция, вы ставили своим начальникам подразделений и командирам батальонов какие-либо задачи?

Вайсиг: Задачи всей группе ставил майор Реданс, а я во время начала операции «весенний праздник» был в лазарете.

Адвокат Бедросов: Перед началом операции, под названием «кормуран», вы созывали всех командиров и зачитывали им приказ об операции и после этого вручили им приказ в письменной форме. Значит, вы ставили перед командирами задачи в письменной форме?

Вайсиг: Да, выходит так было.

Председатель: Скажите, подсудимый Вайсиг, какие награды вы получили за деятельность на оккупированной Советской территории?

Вайсиг: Когда я был на фронте, я получил железный крест 1-го класса, железный крест 2-го класса и значок за участие в штурмах.

Председатель: А золотой крест?

Вайсиг: К ордену немецкого креста в золоте я был только представлен за одну операцию в районе деревни Подача.

Председатель: Эти награды вы получили, находясь на службе в полицейских частях?

Вайсиг: Да, все эти награды я получил, когда служил в полицейских частях.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы к Вайсигу?

Подсудимые вопросов не имеют.

Председатель: Подсудимый Фальк, вы подтверждаете показания, которые дали на предварительном следствии?

Фальк: Да, подтверждаю.

Прокурор: Скажите Фальк, в каком году вы поступили на службу в полицию?

Фальк: На службу в полицию я поступил в 1939 году.

Прокурор: Когда и где вы окончили полицейскую школу?

Фальк: В полицейской школе я не учился.

Прокурор: А в юнкерской школе СС?

Фальк: В юнкерской школе СС я учился с апреля 1937 по апрель 1938 года.

Прокурор: Какое звание получили после окончания юнкерской школы СС?

Фальк: Звание СС унтерштурмфюрера, что равно званию лейтенанта.

Прокурор: В каких родах войск немецкой армии и где вы проходили службу по окончании юнкерской школы СС?

Фальк: После окончания юнкерской школы СС я поступил в охранную полицию города Десау. В Десау после окончания школы я был командиром взвода. В то время, когда началась война с Польшей, меня назначили в 112-й полицейский батальон, также в качестве командира взвода.

В декабре 1939 года я был переведен в 111-й полицейский полк в качестве командира взвода. В составе этого батальона я прибыл в Польшу, город Кельце.

Прокурор: За время службы в Польше вы участвовали в каких-либо карательных экспедициях против польского населения?

Фальк: Ни в каких карательных операциях против польского населения я участия не принимал.

Прокурор: А в расстреле 110 человек польских граждан вы участвовали?

Фальк: Да.

Прокурор: За что было арестовано 110 польских граждан?

Фальк: Речь идет о тех польских гражданах, которые, как нам сказал командир роты, были приговорены польским судом к 25 годам каторжных работ.

Прокурор: Не совсем понятно. Все эти граждане были расстреляны за то, что они были признаны «опасными» для оккупационных властей Германии?

Фальк: Я не помню такого случая, когда бы командир роты сказал, что эти люди были расстреляны, как уголовники.

Прокурор: Значит, они были расстреляны, как политические?

Фальк: Об этом мне ничего не известно.

Прокурор: Вы лично принимали участие в этом расстреле?

Фальк: Да, я принимал участие в этом расстреле вместе со своим взводом.

Прокурор: Значит, не один, а с целым взводом?

Фальк: Да, вся рота принимала участие в этом расстреле.

Прокурор: Вы добровольно поступили на службу в полицейские органы?

Фальк: Да, я добровольно поступил на службу в полицию.

Прокурор: Из состава каких прослоек населения набирали в полицию?

Фальк: В полицию мог поступить каждый, кто не привлекался к суду и следствию и кто был политически благонадежен.

Прокурор: Когда вы прибыли и начали действовать на территории Советского Союза?

Фальк: С июня 1942 года.

Прокурор: Вы добровольно приехали или в порядке принуждения?

Фальк: В Белоруссию я прибыл согласно приказу в составе полицейского полка в сентябре 1943 года.

Прокурор: Вы прибыли на территорию Советского Союза, будучи уже командиром роты?

Фальк: Да, в Россию я прибыл будучи командиром роты.

Прокурор: Должность командира роты вы получили потому, что были хорошим службистом?

Фальк: Я получил доверие от командира батальона и тем самым продвинулся на службе.

Прокурор: Против кого и в каком районе вы действовали на территории Советского Союза?

Фальк: 26-й полицейский полк действовал в районе города Луцка.

Прокурор: Расскажите, в этот период какие преступления вы совершили?

Фальк: Через некоторое время после прибытия нашего полка в Луцк была проведена карательная операция против украинских партизан и населения.

Прокурор: Вы расскажите конкретно, за что вы расстреляли 10 человек мирных граждан?

Фальк: Во время этой операции должны были быть расстреляны не только партизаны, но и население двух деревень.

Прокурор: За что?

Фальк: Чтобы запугать население, сделать так, чтобы они в дальнейшем не смогли поддерживать партизан.

Прокурор: Значит для устрашения?

Фальк: Да.

Прокурор: Скажите все же, за что вы расстреляли 10 человек граждан, трупы которых затем были сожжены в сарае?

Фальк: Эти люди были пойманы в деревне и расстреляны по приказу командира батальона.

Прокурор: Сожжением 10 человек вы пытались снять с себя ответственность за расстрелы?

Фальк: Я не снимаю с себя вины за это преступление.

Прокурор: Деревня Вирбаев полностью вами была сожжена?

Фальк: Да. Деревня Вирбаев и соседняя с ней деревня Новый Став были сожжены моими солдатами полностью.

Прокурор: Куда девалось из этих деревень население, подозреваемое вами в связях с партизанами?

Фальк: Мне известно, что в деревне Вирбаев было поймано и расстреляно 20 человек, остальному населению удалось убежать и, таким образом, избежать этой участи.

Прокурор: Значит, всех расстреляли?

Фальк: Люди, которые были пойманы в этих деревнях, а также в окружающей их местности, были все расстреляны.

Прокурор: Какое колнчество людей всего было расстреляно?

Фальк: Я знаю о расстреле 30 человек.

Прокурор: Вы утверждаете, что в дер. Вирбаев было расстреляно только 30 человек.

Фальк: Я должен добавить, что мы на подходе к деревне по населению, пытавшемуся бежать, открыли огонь.

Прокурор: Вы лично давали распоряжение стрелять по убегавшим?

Фальк: Я лично, не давал приказа открывать огонь по убегавшим гражданам.

Прокурор: На предварительном следствии вы показали, что на основании приказа командира батальона, вы лично дали приказ командирам взводов, а они в свою очередь каждому солдату стрелять по убегающим мирным гражданам.

Вы подтверждаете эти показания?

Фальк: Да.

Прокурор: Значит, вы дали распоряжение расстрелять стариков, женщин с малыми детьми?

Фальк: Я получил приказ и конечно его выполнил.

Прокурор: Но дети и старики не были партизанами? Вы ведь преследовали население, убегающее из сел?

Фальк: Насколько мне известно, в деревнях были партизаны, они нас обстреляли из винтовок.

Прокурор: Но нужно было стрелять в того, кто в вас стрелял, но не в детей?

Фальк: Да, среди убегающего населения были и дети.

Прокурор: За что вы стреляли в детей, это же не партизаны?

Фальк: Нам был дан приказ уничтожать не только партизан, но и все население этих деревень.

Прокурор: Куда же девалось оставшееся имущество разоренных вами деревень?

Фальк: Скот был угнан немецкой сельскохозяйственной командой города Луцка.

Прокурор: Немцы забрали все, и в этом участвовала ваша рота?

Фальк: Да, но в опустошении деревень участвовала не только моя рота.

Прокурор: Перед вами были поставлены задачи уничтожить население и забирать их имущество?

Фальк: Перед нами была поставлена задача уничтожить деревни и население. Сельскохозяйственная команда должна была угнать весь скот в Луцк.

Прокурор: Фальк, как вы смотрите на то, что вы забирали у населения все имущество?

Фальк: Это был грабеж и преступление.

Прокурор: Расскажите о своем участии в операции в сентябре и октябре 1943 года в Белоруссии, в районе города Глубокое.

Фальк: Эта операция была проведена западнее и юго-западнее города Глубокое и возглавлялась обергруппенфюрером СС Еккельн. В этой операции я принимал участие в качестве командира роты. Полк действовал в направлении, начиная от местечка Буделов через Дуниловичи и кончая Воропаевом.

Прокурор: Две деревни были сожжены по вашему приказанию?

Фальк: Да, две деревни были сожжены по моему приказанию.

Прокурор: Назовите эти деревни.

Фальк: Я могу назвать только деревню Борейки, что была расположена в 15 километрах юго-западнее Воропаево. Название второй деревни я не помню.

Прокурор: Сколько времени продолжалась вся операция в районе Глубокое?

Фальк: Четыре недели.

Прокурор: Почему так долго?

Фальк: Потому что район, в котором мы проводили операцию, был очень большим.

Прокурор: За время 4-недельной операции вами были обнаружены партизаны?

Фальк: Нет, не были.

Прокурор: Следовательно, вся ваша операция была направлена против мирного населения?

Фальк: Так точно.

Прокурор: Какое количество населения вами было угнано из этих сел?

Фальк: Из деревни Борейки было угнано 800 человек в деревню Воропаево, и все они были переданы на сборный пункт полка, вернее в лагерь, находившийся при полку, откуда это население направлялось на железнодорожные станции Молодечно и Полоцк и затем отправлялось на работы в Германию.

Прокурор: Сколько было угнано скота из сожжённых вами деревень?

Фальк: Из деревни Борейки было угнано 30 коров, 20 лошадей и 50 свиней.

Прокурор: По имеющимся данным в деревне Борейки вами изъято 90 голов, а не 50, как вы об этом показываете. Что вами было сделано с остальным имуществом?

Фальк: Все остальное имущество было сожжено вместе с постройками.

Прокурор: Вы участвовали в карательной операции в районе города Себеж?

Фальк: Да, участвовал. Эта операция была проведена южнее города Себеж и юго-западнее Клястицы.

Прокурор: По чьему указанию проводилась эта операция?

Фальк: Эта операция проводилась по распоряжению бригаденфюрера СС Шредера.

Прокурор: В этой операции подполковник Вайсиг принимал участие?

Фальк: Да, принимал. Он в эту операцию командовал полком.

Прокурор: Выходит, что этой операцией руководил командир полка Вайсиг?

Фальк: Нет, Вайсиг в эту операцию командовал только 26-полком, а всей операцией руководил бригаденфюрер Шредер.

Прокурор: Сколько было расстреляно мирных советских граждан в эту операцию?

Фальк: В эту операцию моей ротой было расстреляно мирных советских граждан 20 человек.

Прокурор: 20 человек было расстреляно по вашему приказанию?

Фальк: Да.

Прокурор: Какими подразделениями полка было расстреляно еще 140 человек.

Фальк: Мне известно, что из 140 человек во время операции 2-й ротой нашего батальона было расстреляно 50 человек и другим батальоном—90 человек, об этом я узнал в штабе полка.

Прокурор: Таким образом, подразделениями, действовавшими совместно с вашей ротой, было уничтожено 140 человек?

Фальк: Так точно.

Прокурор: И кроме того, непосредственно вашей ротой в операции было уничтожено 20 человек?

Фальк: Так точно.

Прокурор: За что были уничтожены эти граждане?

Фальк: Они были уничтожены согласно приказу, в котором указывалось, что все гражданское население и партизаны на территории, где мы проводим операцию, должны быть уничтожены.

Прокурор: От кого исходил этот приказ?

Фальк: Этот приказ исходил от командира батальона капитана Конзирке, которому непосредственно была подчинена наша рота.

Прокурор: А капитан Конзирке от кого получил этот приказ?

Фальк: Конзирке получил приказ от командира полка Вайсига.

Прокурор (обращаясь к Вайсигу): Вы отдавали приказ об уничтожении во время операции мирного населения в районе действия вашего полка?

Вайсиг: Так точно, давал, так как действовал согласно указаниям бригаденфюрера СС Шредера.

Прокурор: (обращаясь к Фальку): Значит, вы аккуратно выполняли указание об уничтожении гражданского населения в полосе действия вашего батальона?

Фальк: Так точно.

Прокурор: Во что был превращён район, на территории которого вы проводили операцию?

Фальк: Все эти районы были нами опустошены, а населенные пункты сожжены. Население частично было расстреляно, частично вывезено на сборные пункты для отправки в Германию, а скот угонялся.

Прокурор: Скажите, 26-й полк проводил карательную экспедицию в районе станции Крулевщизна и озера Шо под названием «весенний праздник» и какие задачи ставились перед вами?

Фальк: До начала этой операции, после совещания у командира полка, капитан Конзирке дал указание о том, что трудоспособное население должно быть угнано, а скот должен быть изъят и передан на сборные пункты полка.

Прокурор: Сколько населения всего было угнано в эту операцию?

Фальк: 400 человек.

Прокурор: В эту операцию, как и во время предыдущих операций, весь скот также был угнан?

Фальк: Во время этой операции было изъято только 80 голов скота.

Прокурор: Районы, на территории которых проводилась эта операция, также были опустошены, как и во время предыдущих операций?

Фальк: Район, по территории которого прошли наши войска, был подвергнут опустошению.

Прокурор: Расскажите об операции, проводившейся с мая по июнь 1944 года, под названием «кормуран», во время которой со своим батальоном вы прошли 15 деревень?

Фальк: Операция проводилась под названием «кормуран» под руководством обергруппенфюрера Готберга. Я в это время командовал вторым батальоном 26-го полка.

Прокурор: Что осталось от деревень, которые вами были пройдены во время операции?

Фальк: Из всех этих деревень население и скот были угнаны.

Прокурор: Почему население из этих деревень было угнано по приказанию командира полка капитана Циммера? Каким подразделением в то время командовал Вайсиг?

Фальк: Вайсиг в то время возглавлял оперативную группу.

Прокурор: Эти операции проходили под руководством Вайсига?

Фальк: Так, точно.

Прокурор: В состав оперативной группы, которую возглавлял Вайсиг, входил ваш батальон?

Фальк: Да, входил.

Прокурор: Сколько населения вашим батальоном в то время было угнано?

Фальк: Примерно, около 800 человек.

Прокурор: Куда оно было направлено?

Фальк: Население было направлено на сборные пункты полка, а оттуда на работу в Германию.

Прокурор: Сколько человек было задержано при проческе местности?

Фальк: При проческе местности было задержано 200 человек.

Прокурор: Случаи расстрела были?

Фальк: При проческе местности было расстреляно 20 человек, которые пытались бежать.

Прокурор: Выходит, что из 200 человек, задержанных при проческе леса, 20 человек было расстреляно?

Фальк: Нет, кроме 200 человек было расстреляно 20 человек; таким образом, выходит, было задержано 220 человек.

Прокурор: В числе 200 человек женщины, старики и дети были?

Фальк: Это были женщины и мужчины среднего возраста.

Прокурор: За что были расстреляны 20 человек?

Фальк: 20 человек были расстреляны за попытку уклониться от задержания и оказание сопротивления.

Прокурор: Сколько во время этой операции угнано скота: коров, лошадей, забрано зерна?

Фальк: Во время этих операций моим батальоном было изъято и угнано коров 250, лошадей 150. Зерно у населения отбирали специальные сельскохозяйственные команды.

Прокурор: Вы признаете себя виновным во всех тех преступлениях, о которых вы показали?

Фальк: Да, я признаю себя виновным.

Прокурор: Считаете ли вы свои действия преступными и нарушающими общепринятые, международные правила ведения войны?

Фальк: Мне ясно, что действия, которые я совершал по отношению мирного населения, являются преступными, направленными, против международных законов ведения войны и человечности, но я, как офицер, выполнял приказы командования.

Председатель: Подсудимый Фальк, у вас желание поступить в полицейские части возникло еще в гимназии?

Фальк: Так точно.

Председатель: Почему у вас явилось желание вступить в полицейские части, а не в регулярную армию?

Фальк: Я имел желание вступить в полицию ввиду того, что в полицейской школе не нужно было платить за учебу.

Председатель: А помимо этого, у вас было личное желание?

Фальк: Да.

Председатель: Вы не дали определенного ответа в отношении расстрела польских граждан?

Фальк: Я только говорил про первый расстрел.

Председатель: Зачитываю ваши показания (л. д. 34 протокола на немецком языке), где вы говорите о том, что командир батальона майор Гроссман отдал приказ о расстреле лиц, по своему политическому убеждению являвшихся социально опасными для немецких оккупационных властей, в связи с чем органами гестапо они были приговорены к расстрелу. Так это?

Фальк: Так точно, это был второй случай расстрела польских граждан.

Председатель: Теперь скажите о содержании приказа бригаденфюрера СС о расстреле партизан и мирного населения.

Фальк: При проведении операции в деревне Вирбаев и Новый Став, был отдан приказ командира батальона всем командирам рот о расстреле населения. Этот приказ был получен от бригаденфюрера Гинтера.

Председатель: А мирное население?

Фальк: Мирное население точно также было расстреляно.

Председатель: Вы поступили с ними так же, как и с партизанами?

Фальк: С мирным населением поступал так же, как и с партизанами.

Председатель: Какие указания вам давал Вайсиг при проведении этих карательных мероприятий?

Фальк: Я от подполковника Вайсиг никаких указаний в отношении этого не получал.

Председатель: А в приказе по батальону?

Фальк: Приказ по батальону я получал от капитана Конзирке.

Председатель: На листе дела 60, том 12, ваших показаний говорится о том, что в приказе по батальону было сказано, что в районе действия батальона все партизаны должны быть уничтожены, с мирным населением поступать так же и забирать у него скот и хлеб, а населенные пункты сжигать. Вы это подтверждаете?

Фальк: Так точно, все это было в действительности.

Председатель: Вы себя признаете виновным в тех зверствах, которые вы совершили по отношению к мирному населению во время проведения карательных экспедиций?

Фальк: Да, виновным себя признаю.

Прокурор: У меня вопрос к подсудимому Вайсигу (обращаясь к Вайсигу). Вы достаточно уяснили показания Фалька?

Вайсиг: Да.

Прокурор: Фальк правильно изложил всю обстановку операции, которую проводили части вашего полка под вашим непосредственным руководством?

Вайсиг: Да, Фальк изложил все точно.

Прокурор: Вы подтверждаете показания Фалька?

Вайсиг: Да, подтверждаю.

Прокурор: Вы, как командир 26-го полицейского полка, в состав которого входил батальон под командованием Фалька, должны отвечать за действия 2-го батальона?

Вайсиг: Так точно, отвечаю за все. Фальк выполнял приказания, которые я давал.

Прокурор: Вы также считаете себя ответственным и за действия командира батальона Фалька?

Вайсиг: Так точно.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Адвокат Бедросов: Скажите, Фальк, из какой семьи вы происходите?

Фальк: Я происхожу из семьи учителя народной школы.

Бедросов: Ваш отец состоял членом нацистской партии?

Фальк: Нет.

Бедросов: А сами вы состояли членом этой партии?

Фальк: Тоже нет.

Бедросов: Скажите, Фальк, те полицейские части, в которых вы служили, кроме карательных экспедиций, проводили боевые операции против частей Красной Армии?

Фальк: Да, они также принимали участие в фронтовых боях помимо карательных экспедиций в тылу.

Бедросов: За время вашей службы в рядах германской армии вы имели награды?

Фальк: Да, я имел военный крест за заслуги и железный крест 2-го класса.

Бедросов: За что получены вами эти награды?

Фальк: Военный крест за заслуги я получил за общие заслуги, а железный крест 2-го класса я получил на фронте в районе Донецкого Бассейна за храбрость моей роты в боевых операциях на фронте.

Бедросов: По окончании школы вы находились в каких-либо трудовых лагерях?

Фальк: В трудовых лагерях я был в течение полугода.

Бедросов: Помимо того, что вас там обучали всякому ремеслу, политическое воспитание было?

Фальк: Да, были политические занятия.

Бедросов: Мысль о поступлении в полицию у вас зародилась на этих занятиях?

Фальк: Мысль о поступлении в полицию у меня уже давно зародилась.

Бедросов: Личное призвание к службе в полиции у вас было?

Фальк: Меня увлекало то, что все время придется работать среди населения и быть в тесном контакте с ним. (Смех в зале).

Бедросов: Другой работы разве не было, чтобы быть в контакте с населением?

Фальк: Я хотел быть солдатом.

Председатель: Слово имеет член суда полковник Сахаров.

Сахаров: Скажите, почему проводимые операции назывались «кормуран» и «весенний праздник».

Фальк: Эти два названия были даны обергруппенфюрером Готбергом.

Сахаров: По окончании операции в районе Глубокое подводились итоги в полку?

Фальк: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопрос к подсудимому Фальку?

Из подсудимых вопросов никто не имеет.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Федьковича.

Комендант: Свидетель Федькович прибыл.

Председатель: Свидетель Федькович, вы предупреждаетесь об ответственности за дачу неправильных показаний.

Прошу рассказать, что вам известно по делу, по которому вы вызваны в качестве свидетеля?

Федькович: В апреле 1944 года во время блокады немцы согнали весь народ деревни Шароги и сожгли. Тогда же была сожжена моя семья из 7 человек. У меня сожгли отца 70 лет, брата 1906 года рождения, сестру, жену брата, троих детей. Самой младшей девочке было 4 месяца.

Председатель: Сожжены были граждане только деревни Шароги, или там были и жители других деревень?

Федькович: Сожжено было население и из других деревень.

Председатель: Сколько всего было сожжено?

Федькович: Я не могу точно определить, так как сожжение происходило в двух домах и сарае. Сожжено было их много, я сам потом хоронил их.

Председатель: По каким причинам немецкие воинские части собрали жителей и сожгли их?

Федькович: Не знаю. Никакого сопротивления немцам со стороны населения не было, в деревне были только мирные жители.

Председатель: После того, как немцы сожгли людей, вы принимали участие в похоронах остатков сожженных?

Федькович: Да, принимал участие.

Председатель: Вы не установили, какое количество было сожжено людей?

Федькович: Количество людей нельзя было установить, так как хоронили только сожженные кости, среди которых были маленькие кости и большие.

Председатель: Какие пункты еще были сожжены таким же образом, как деревня Шароги?

Федькович: Деревни Бондары, Бояры, Заполье, Харчевое.

Председатель: Почему население этих деревень пострадало так же, как и деревни Шароги. Были хотя бы какие-нибудь причины, чтобы сжечь села?

Федькович: В этих деревнях жило только мирное население, и никаких причин, для того чтобы так зверствовать над населением, не было.

Председатель: Прокурор имеет вопросы?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы.

Защита: Нет.

Председатель: Из подсудимых имеет кто-нибудь вопросы?

Подсудимые: Нет.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Хверенец.

Комендант: Свидетель Хверенец прибыл.

Председатель: Вы в какой деревне проживали?

Хверенец: В деревне Надозерье, Плисского района, Полоцкой области.

Председатель: Вы вызваны в качестве свидетеля по делу. Об ответственности за дачу неправильных показаний вы предупреждены. Расскажите, что вам известно по делу.

Хверенец: Вот как было дело. Группу жителей нашей деревни, в количестве 24 человек, немцы забрали и погнали в район партизанской зоны. Это было у реки. Там была канава, через которую немцам нужно было переправляться. Немцы всех этих людей согнали в одну кучу и стали расстреливать. Одного они оставили для того, чтобы он мог сложить трупы расстрелянных.

Председатель: Всех расстреляли и оставили одного?

Хверенец: Всех, только одного оставили.

Председатель: Этот человек должен был сложить трупы расстрелянных людей?

Хверенец: Да, а потом, когда он это сделал, расстреляли и его, и после этого немцы по трупам перешли канаву и пошли дальше. Когда они уже ушли, я вышел из болота и пошел в деревню, там немцы собрали всех людей и погнали на станцию.

Председатель: Это в каком месте было?

Хверенец: В деревне Надозерье, около озера Шо. Тогда местный священник Счастный уговорил немцев, и нас оставили. Он поместил нас в доме, дал нам картофеля, и мы жили у него до прихода частей Красной Армии.

Председатель: А куда вас немцы собирались угонять?

Хверенец: В лагерь.

Председатель: Скажите, лично кто-нибудь из ваших родственников был расстрелян?

Хверенец: Да, у меня погибла 18-летняя дочь.

Председатель: В тот момент, когда немцы расстреливали у канавы?

Хверенец: Да, две дочери мои находились в одном месте, и одна из них вышла из укрытия, а тут как раз шли немцы, схватили ее и погнали в месте с другими.

Председатель: Скажите, какие деревни, кроме вашей, были еще сожжены?

Хверенец: Были сожжены Новая Псуя, Слободка, Чановская, Чашки, Шо, Хромы, Осиновка, Колеч-Поле.

Председатель: Скажите, а как немцы проводили разминирование?

Хверенец: Немцы собирали мирных людей и гнали их перед собой. Таким образом, очень много народа подорвалось на минах.

Прокурор: Скажите, в каком количестве направлялось население вашей деревни для разминирования?

Хверенец: Из нашей деревни все население забрали в лагерь, а для разминирования людей брали из ближайших деревень. Из нашей деревни в это число попал только мой тесть.

Прокурор: Были случаи, когда подростки гибли на разминировании?

Хверенец: Да.

Прокурор: Вы говорили, что из трупов был построен мост через канаву. Что это была за канава?

Хверенец: Это была обыкновенная канава для осушки болот.

Прокурор: Скажите, в числе лиц, которые были расстреляны и из трупов которых был построен мост, были женщины и старики?

Хверенец: Да, были.

Прокурор: Кроме вашей дочери, среди расстрелянных были другие девушки?

Хверенец: Да, были девушки и подростки-мальчики по 13—16 лет.

Прокурор: На каком расстоянии вы находились от того места, где был построен мост из трупов?

Хверенец: Метров 300—400.

Прокурор: Когда это было?

Хверенец: Это было в 1944 году, после пасхи, примерно через неделю.

Прокурор: Это было в то время, когда происходил весенний разлив?

Хверенец: Да, в это время.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы?

Вайсиг: Среди солдат, которые находились в их деревне, были русские?

Хверенец: Нет, были только немцы.

Председатель: Других вопросов нет.?

Вайсиг: Нет.

Председатель: Пригласите свидетеля Счастного Иустина Григорьевича.

Комендант: Свидетель Счастный прибыл.

Председатель: Свидетель Счастный Иустин Григорьевич.

Счастный: Да.

Председатель: 1890 года рождения?

Счастный: Правильно. Уроженец села Гиньки, Полоцкой области. Являюсь священником Псуйской церкви.

Председатель: Свидетель Счастный, вы вызваны по настоящему делу в качестве свидетеля и предупреждены об ответственности за дачу неправильных показаний. Прошу рассказать всё, что вам известно по настоящему делу.

Счастный: События, о которых я хочу рассказать, происходили в Полоцкой области, во второй половине апреля и в первой половине мая 1944 года. В это время немецкая армия устроила экспедицию против партизан. Главные немецкие силы были сосредоточены на железнодорожной линии Зябки—Полоцк—Молодечно. Железнодорожная линия отделяла партизанскую зону. Немецкие войска двинулись против партизан. За передовым немецким отрядом двигались другие их отряды, которые забирали мирное население в заранее устроенные лагери на ст. Зябки. Здесь происходило распределение населения. Трудоспособные сажались в вагоны и отправлялись в Германию, а дети и беспомощные старики бросались тут же на произвол судьбы.

В пройденных немцами деревнях ни одного человека не осталось. Подходя к деревне Надозерье, по направлению к озеру Шо, немецкие войска открыли огонь по населению этой деревни. Когда население увидело надвигающиеся немецкие войска, оно стало убегать из деревни.

Население, которое направлялось в сторону партизан, немецкие солдаты всех умертвили. При продвижении дальше немецкие войска стали применять оружие всех родов.

Потом каратели прошли через деревни: Кобыленки, Шо, Хромовщина, Прудники, Счастницкий Завулак. Население здесь они тоже не оставили, а сами деревни безжалостно были разбиты авиацией. В некоторых деревнях не осталось почти ни одной постройки.

Многие жители пострадали от бомбежки, главным образом пострадали дети и беспомощные старики.

Дальнейшее продвижение немецких войск на восток мне неизвестно. Спустя некоторое время партизаны были окружены и у них было безвыходное положение. Они должны были прорвать цепь окружения. После прорыва цепи партизаны из нашей местности все ушли приблизительно на 100—150 километров на запад.

После этого 5 мая вечером к нам пришел еще один немецкий карательный отряд. 6-го утром он начал жечь деревни, в которых уже не было населения. Были сожжены остатки деревень: Углы, Пестуны, Леоновичи, Боровщина, Красное Поле, Слободка. Божки, имение и деревня Подозерье,

Боровцы. Во время первой операции несколько человек из деревни Боровцы успело скрыться, а когда ушли немецкие отряды, они возвратились в свою деревню. Карательный отряд и зажег эту деревню, и трудно сказать, были убиты или живьем сгорели эти люди. В одном доме было найдено четверо детей от 7 до 14 лет сожженными. В другом доме были найдены сожженными старик со старухой. После эти сожженные трупы я сам хоронил.

Кроме того, в деревне Божках было сожжено пять человек. Был убит мой церковный сторож, заподозренный в связях с партизанами.

Когда вступили в деревню Крыли передовые немецкие отряды, то немецкие солдаты послали в сарай 16—17 летнюю девочку якобы ловить кур. Потом соседи слышали ее просьбы и мольбу: она была изнасилована несколькими солдатами, а затем сарай зажгли, и девушка сгорела в сарае.

Прокурор: Скажите, свидетель, сколько было убито немцами населения, которое пыталось уходить в сторону партизанской зоны.

Счастный: Примерно 23 человека.

Прокурор: Это были партизаны?

Счастный: Нет, это были мирные жители.

Прокурор: Названные вами села, которые были разгромлены немцами, имели связь с партизанами?

Счастный: Я там не был последнее время и поэтому не знаю.

Прокурор: Названные вами села уничтожены полностью?

Счастный: Да, уничтожены полностью.

Прокурор: В этот период времени вы являлись священником?

Счастный: Да, это мой приход, и после уничтожения людей я был там и хоронил их.

После того, как села были уничтожены, людей гнали в лагерь Зябки окружными дорогами, которые были заминированы партизанами, и люди подрывались на минах. Иван Костырь, 80 лет, не мог двигаться и поэтому был пристрелен. На этой дороге подорвалась Ефросиния Скорбун, она получила ранение. После сожжения деревень опять приходили немецкие отряды, собирали старух и детей и гнали их по заминированным дорогам. Было много случаев гибели людей.

Прокурор: Во время продвижения немецких частей кто из немцев размещался в вашем доме?

Счастный: В моем доме размещался штаб батальона.

Прокурор: Кто из сидящих на скамье подсудимых посещал штаб батальона, который был размещен в вашем доме?

Счастный: В штаб ботальона приходило много офицеров,

которых в лицо я не запомнил. После ухода штаба батальона у меня в доме разместился штаб полка.

Прокурор: Кого вы помните?

Счастный: По фамилии и имени я не знаю никого.

Прокурор: В лицо вы можете опознать, кто у вас находился?

Счастный: Могу. На скамье подсудимых, во втором ряду первый слева, сидит один из офицеров, находившийся в штабе.

Прокурор: (обращаясь к Вайсигу): Вы, Вайсиг, знаете священника Счастного в лицо?

Вайсиг: Да, знаю.

Прокурор: Сколько дней вы проживали в доме священника?

Вайсиг: Я не проживал в доме священника, а размещал там только штаб полка и заходил туда.

Счастный: Он говорит правильно.

Прокурор (обращаясь к Вайсигу): Названные свидетелем населенные пункты, снесенные с лица земли, входили в радиус действий вашего 26-го полицейского полка?

Вайсиг: Так точно, входили в район действия моего полка.

Прокурор: Уничтожение населенных пунктов, перечисленных свидетелем Счастным, издевательства, расстрелы, это дело рук вашего полка, под вашим руководством?

Вайсиг: Так точно.

Председатель (обращаясь к защите): Вопросы к свидетелю имеются?

Представитель защиты: Нет.

Председатель (обращаясь к подсудимым): Подсудимые имеют вопросы к свидетелю?

Вайсиг: Когда я находился у священника Счастного, перечисленные им деревни еще не были сожжены.

Счастный: Он был приблизительно 3—4 мая, а сожжение деревень происходило 6 мая, штаб уже выехал от меня.

Председатель: Куда выехал?

Счастный: В восточную сторону, левее тех деревень.

Вайсиг: 3 мая 5 000 партизан прорвали кольцо блокады в районе моих действий, что может священник Счастный подтвердить.

Счастный: Прорыв блокады был от этого места приблизительно в 15 километрах, а в месте сожжения деревень прорыва не было.

Вайсиг: Так точно, в 15 километрах от этого места. Ввиду того, что партизаны прорвали блокаду, я был снят с руководства этой операцией, и на мой командный пункт был прислан один полковник, который до конца руководил операцией.

Председатель: Священник Счастный не знает об этом?

Вайсиг: Нет, не знает.

Председатель: Товарищ комендант, вызовите свидетеля Даргель.

Комендант: Свидетель Даргель прибыл.

Председатель: Даргель Фердинанд Степанович, 1907 года рождения, уроженец деревни Тетерки, Браславского района, работаете председателем сельсовета?

Даргель: Да.

Председатель: Военный Трибунал предупреждает, что вы должны показывать все известное вам по делу и только правду. За дачу ложных показаний свидетель подлежит привлечению к ответственности.

Расскажите, что вам известно по настоящему делу.

Даргель: Мне известно о том, что в 1943 году проходила карательная экспедиция против партизан. В ноябре месяце немцы подошли к нашему сельсовету. Прибывшими немецкими частями было сожжено три деревни целиком с населением, только немногим удалось убежать в леса. Лиц, оставшихся в живых захваченных деревень, угоняли в лагери. Угоняли также стариков и детей. В нашем сельсовете было сежжено около 50 человек, а также много лиц было расстреляно, среди которых было 10 человек детей. 25 семейств из моего сельсовета было угнано в немецкое рабство. Ни одной коровы в сельсовете не осталось. Скот был угнан. 37 деревень были сожжены, остались несожженными только 5 деревень. Урожай 1943 года тоже был полностью сожжен. Наши деревни сжигались с 1 по 15 октября 1943 года. Я в это время скрывался в лесу и находился от деревни Замостье в одном километре. Партизан у нас не было. От немецкой армии был такой приказ,—кто является из леса — считать партизанами, и было расстреляно в связи с этим 8 человек.

Прокурор: Уточните, свидетель, сколько по вашему сельсовету было сожжено деревень?

Даргель: В 1942 году было сожжено 2 деревни, а остальные 35 деревень сожжены в 1943 году. Остались несожженными всего 5 деревень.

Прокурор: А культурные учреждения были также сожжены?

Даргель: Да. Школа у нас была одна, было 5 клубов, одна церковь, костел—все это немцами сожжено.

Председатель: Сколько карательных экспедиций в вашей местности было проведено немцами?

Даргель: Две. Одна в 1942 и вторая 1943 году.

Председатель: Сколько же по сельсовету всего было сожжено и расстреляно людей?

Даргель: Сожжено и расстреляно по Замостскому сельсовету в 1942 году 90 человек, в 1943 году—человек 50. После

пришли из леса 8 человек, которые также были расстреляны немцами.

Председатель: В числе сожженных были дети, женщины и старики?

Даргель: Да, были дети, женщины и старики.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Защита: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы?

Подсудимые: Нет.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 17 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: Подсудимый Эрдманнсдорф, свои показания, которые вы дали на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Эрдманнсдорф: Да, подтверждаю.

Председатель: Расскажите в последовательном порядке все ваши действия с момента прибытия на оккупированную территорию Советского Союза и особо оттените момент службы в должности коменданта Могилевского укрепрайона?

Эрдманнсдорф: 22 марта 1944 года верховным штабом главного командования сухопутных сил я был назначен комендантом укрепленного района вокруг города Могилёва. Меня назначили на основании приказа Гитлера № 11.

В приказе Гитлера № 11 указывалось определенное количество оккупированных городов Советского Союза, в которых должны были строиться укрепленные районы. На строительство нужно было привлечь все гражданское население.

Воинские части, которые находились в данном укрепрайоне, также предназначались для этого строительства. Комендатуры укрепрайонов были подчинены группам армий, или же армиям, но не ниже. Комендант должны были дать подписку о том, что они обязуются выстроить укрепрайоны, а также защищать их.

Эти подписки должны были взять у комендантов укрепрайонов главнокомандующие групп армий и передать в Главную ставку Гитлера.

Комендант укрепрайонов имели судебное право, приравненное к правам комаидира корпуса.

23 марта 1944 года я явился в группу армий «Центр» (город Минск) к фельдмаршалу Буш, но он находился в отъезде.

24 марта 1944 года я явился к главнокомандующему 4-й армии генерал-полковнику Хейнрице. Генерал-полковник Хейнрице показал мне карту, объяснил расположение немецких частей на фронте, а также просил меня начать строительство укрепрайона как можно быстрее.

Я должен был достать рабочую силу и начать строительство крепости.

26 марта 1944 года я прибыл в город Могилев. Я отдал приказ своему адъютанту о том, чтобы он из местной комендатуры достал побольше русских рабочих, а также и сам ознакомился на местности, где должны быть выстроены укрепления.

Рабочая сила, которую я получил впоследствии, была в небольшом количестве. Для того, чтобы увеличить количество рабочей силы для строительства, я приказал создать два лагеря. Число рабочих было около 350 человек. Но это количество было явно недостаточным. Армия требовала, чтобы мы доставили как можно больше рабочей силы. Я еще раз сказал коменданту гор. Могилева о том, что я нуждаюсь в рабочей силе. Эта рабочая сила была доставлена посредством полевой жандармерии и облав в городе Могилеве. Советские граждане были задержаны на базарах, на улицах, задерживались в домах и доставлялись в эти лагери. Таким способом я увеличил количество рабочей силы до 1000 человек.

Один лагерь находился в зданиях пропускного лагеря для военнопленных, а другой—в казармах бывшей милиции. Люди находились на казарменном положении и охранялись. Лагерь был обнесен колючей проволокой, снабжение и обращение с людьми были плохими. Паек для мобилизованных, находившихся в лагерях, я получал из армии по нормам, которые были установлены также армией. Паёк был недостаточным.

Рабочее время было установлено 8 часов. Работа была тяжелой, а погода в то время была плохой. Советские граждане, находившиеся в лагерях, не имели права выходить куда-либо из расположения лагеря.

В начале апреля от фельдмаршала Буш поступил приказ. В этом приказе было сказано о том, чтобы выстроить первую внутреннюю линию обороны в городе, вторую линию обороны на окраине города и третью линию обороны за городом. Было приказано начать строительство данных оборонительных линий немедленно и привлечь к работе все трудоспособное население города. Кроме того, было приказано немедленно оборудовать в городе поле для обеспечения обстрела артиллерией. Поэтому нужно было большую часть города уничтожить.

Был издан также приказ о том, чтобы уничтожить каменные дома, строить опорные пункты, подвалы бетонировать и укреплять, оборудовать помещения для продовольствия, а также для боеприпасов. Также было указано, что по особому плану, в случае окружения города частями Красной Армии, вывести городское население из Могилева.

Должен заметить, что по прибытию в город Могилев, я обнаружил список, который был составлен в армии. В нем

было указано о взрыве промышленных предприятий, а также жилых домов для того, чтобы эти промышленные предприятия не могли быть использованы русскими войсками. Для этого были назначены специальные части, которые должны были заниматься взрывом данных предприятий. По моей памяти, речь идет о 25 промышленных предприятиях, подлежавших взрыву.

В приказе фельдмаршала Буш говорилось также о том, что, в случае нападения на город, я должен был получить от одной до двух дивизий для обороны.

Кроме того, для этой же цели должны быть использованы все немецкие части, находящиеся в данном городе.

7 апреля 1944 года я выехал в город Минск к фельдмаршалу Буш, куда прибыли также остальные коменданты укрепрайонов. Там были комендант укрепрайонов Орша, Витебск, Борисов.

Фельдмаршал Буш ознакомил с приказом Гитлера № 11. Он обязал нас поэтому, как можно быстрее превратить данные города в крепости. В случае нападения Красной Армии на эти города они должны были быть удержаны любой ценой. Только сам Гитлер лично мог отдать приказ о сдаче данного города противнику.

После фельдмаршала Буш на совещании выступили: генерал-лейтенант Крепс — командующий артиллерией группы армий, командующий саперами, командующий связью и оберквартирмейстер группы армий. Оберквартирмейстер говорил о том, что при наступлении противника на данный укрепленный район, всё гражданское население должно быть вывезено из города. О том, куда должно быть эвакуировано гражданское население, приказ должен последовать.

Укрепрайоны должны были быть снабжены продовольствием, а также боеприпасами для одной или двух дивизий на три недели, так как предполагалась длительная осада города.

Я сам поставил вопрос о том, чтобы гражданское население перед тем, как начнется наступление противника, эвакуировать из города, так как я для гражданского населения не мог бы иметь продуктов питания. Население также создавало угрозу большого шпионажа.

На совещании говорилось также и о том, что вокруг укрепрайонов мы должны содержать местность очищенной от партизан. Для того чтобы вокруг города Могилева не иметь партизан, еще до моего прибытия была организована так называемая охранная зона города Могилева. Если я правильно вспоминаю, то эта охранная зона находилась на расстоянии 10 километров от города Могилева, на западном берегу Днепра. Охранная зона имела глубину около 5 километров.

Населенные пункты, которые находились в данной охран-

ной зоне, должны были быть освобождены от гражданского населения.

Каждый советский гражданин, который находился в этой зоне, рассматривался как партизан или же, во всяком случае, как связной партизан. Это говорит о том, что к мирному населению было зверское отношение.

Вернувшись с совещания, я продолжал строительство трех линий обороны рабочей силой, которую я имел в своем распоряжении. В то же время я заставлял работать на данных линиях обороны около 180 военнопленных, а также воинские части, которые располагались в данном районе.

Для того чтобы повысить численность рабочих на строительстве укреплений, я приказал своему адъютанту связаться с местной комендатурой, биржей труда, а также с гражданским управлением города.

После переговоров адъютанта я приказал, чтобы всему трудоспособному населению гор. Могилева продовольственные карточки не выдавались, а паек выдавался только тем, кто строит укрепления. Этим способом я хотел привлечь гражданское население к работе по строительству укреплений.

Этим способом мне удалось привлечь на работу по укреплению города от 3,5 до 4 тысяч человек гражданского населения.

Гражданское население было разделено на рабочие бригады, каждая из которых состояла от 50 до 100 человек. На одну бригаду приходился один немецкий солдат из охраны, который одновременно указывал также, какую работу следует производить.

В мае 1944 года по моему приказанию начали взрывать каменные дома в городе Могилеве, а деревянные дома сносились, так как я хотел использовать лес на укрепления. По плану, который я составил, следовало, как я сейчас помню, взорвать около 600 каменных и разобрать около 800 деревянных домов, которые располагались недалеко от линии обороны.

Во второй половине мая или в начале июня, я точно не могу сказать, в городе Могилеве было совещание. На этом совещании были проверены все проведенные мероприятия по укреплению города, а также те, которые следовало провести. Здесь же возник разговор об эвакуации гражданского населения.

На этом же совещании был поставлен вопрос о том, чтобы как можно быстрее вывести нетрудоспособное население на восточный берег Днепра.

Трудоспособное гражданское население не должно было вывозиться из гор. Могилева до тех пор, пока не будет установлено точное время наступления Красной Армии. До последнего момента оно должно быть использовано на работах по строительству укреплений

Командование армии приказало корпусам, чтобы они сообщили мне, куда можно переселить нетрудоспособное население из города Могилева.

На основании сообщений дивизий и корпусов нетрудоспособное население города Могилева,—старики, дети и женщины,—должно было быть вывезено в те места, которые были свободны от размещения немецких войск. Эти места находились на далёком расстоянии от города Могилева и не входили в мое подчинение.

Мне было ясно, что для данного населения условия жизни создавались очень плохие, так как квартир, где оно должно было располагаться, не было, а с пайками дело было совсем плохо.

Если бы наступление Красной Армии было немножко позже, то большое количество нетрудоспособного населения, вывезенного из гор. Могилева, умерло бы или от недостатка продуктов питания, или же от заболеваний. Было ясно, что при наступлении Красной Армии это население подвергнется обстрелу со стороны Красной Армии, а также со стороны немецкой армии.

Для борьбы с партизанами по моему приказанию были проведены три карательные экспедиции. В первых двух экспедициях участие в борьбе против партизан принимали по одному взводу. Партизаны при этих двух операциях не были обнаружены, но один взвод потерял несколько человек и несколько лошадей.

Так, как позже разведкой были обнаружены группы партизан, то по моему приказанию была предпринята третья карательная экспедиция против партизан, в которой принимали участие одна рота охранного батальона, а также взвод артиллерии.

По сообщению командира этой экспедиции мне известно о том, что партизаны были обстреляны на некотором расстоянии. Командиром данной экспедиции было арестовано гражданское население, которое находилось в охранной зоне, и доставлено в тайную полевую полицию.

Помню, что за время всех экспедиций было арестовано около 70 человек. Те лица, о которых было установлено, что они имели связь с партизанами, были расстреляны. Остальные были высланы в Германию, в концентрационные лагери.

Я был носителем судебной власти в городе Могилеве, поэтому мне присылали на утверждение приговоры на арестованных. За два дня до моего плеиения и занятия Могилева Красной Армией я утвердил около 150 смертных приговоров для советских граждан и около 150 человек для высылки на работы в Германию.

Мой заместитель по радио передал приказ (он также был отпечатан и расклеен в городе) для городского населения о

том, что все гражданское население должно эвакуироваться на запад, за реку Березина.

26 июня 1944 года, согласно плану командования армии, я приказал взорвать промышленные предприятия Могилева, железнодорожное депо, мосты и все другое, что указывалось в списке, полученном от штаба армии. Были взорваны электростанция, мясокомбинат, пивоваренный завод, железнодорожное депо, два моста и водопровод. 28 июня 1944 года я сдался в плен Красной Армии.

Конечно, в миролюбивом городе Могилеве строить крепости—это было преступлением. Это не имело никакого стратегического значения. Только поэтому было уничтожено такое большое число гражданского населения, а также много имущества, предприятий и оборудования этих предприятий.

На совещании за 10 дней до начала войны меня, а также других командиров полков, мой командир дивизии генерал-лейтенант Офен ознакомил с приказом Гитлера, в котором приказывалось уничтожать всех военных комиссаров.

Нам говорили, что военные комиссары не являются военнослужащими Красной Армии, а являются гражданскими людьми, которые контролируют офицеров Красной Армии.

Когда мы получали приказы об уничтожении советских граждан или же их имущества, то эти приказы всегда обосновывались и маскировались какой-нибудь военной необходимостью. На совещании было приказано также сразу по занятии территории вести учет промышленных складов, заводов, а также военных предприятий.

Мы должны были охранять эти склады до тех пор, пока они не будут приняты. Продукты питания и горючее использовалось воинскими частями. Промышленные предприятия были частично вывезены в Германию.

Через несколько дней после перехода границы мне было приказано всех руководящих советских работников уничтожать, так как они организуют саботаж и сопротивление немецкой армии.

Моим полком за время с 22 июня 1941 года до середины сентября 1941 года было арестовано около 700 коммунистов и передано в отдел «1-Ц» дивизии. Около 20 из них были расстреляны при аресте моим полком, так как пытались спасаться бегством. Мой полк перешел границу 22 июня 1941 года в 3 часа 15 минут восточнее города Хелм. При наступлении мы изымали у гражданского населения скот для нужд частей, несмотря на то, что мы имели достаточно продуктов из продовольственного отдела армии. В то же время мы получили приказ, подписаный Гитлером или Кейтелем, в котором говорилось, что немцы, совершившие преступления по отношению к советскому народу или по отношению к его имуществу, не должны наказываться.

На основании этого приказа и указаний Геббельса немецким солдатам разрешалось делать с имуществом советских граждан все, что они захотят, так как советских граждан Геббельс считал как людей низшей расы, а евреев — как противников человечества.

24 декабря 1941 года я получил приказ от генерал-майора Триленьерга, в котором говорилось, что на основании приказа Гитлера все населенные пункты при отступлении должны быть сожжены с тем, чтобы Красной Армии не оставалось помещений. 171-й пехотный полк, которым я в то время командовал, уже находился на реке Ока, мне оставалось сжечь только одну деревню, которая находилась на восточном берегу Оки между Волховом и Белевом.

Часть гражданского населения из деревни убежала на сторону Красной Армии, а около 300 человек гражданского населения было вывезено в тыл немецкой армии, и о судьбе его я не могу ничего сказать.

Прокурор: Расскажите, Эрдманнсдорф, подробнее о живом заслоне, который был создан на восточном берегу днепра из 3 000 человек под городом Могилевом.

Эрдманнсдорф: Нетрудоспособное население города Могилева, в состав которого входили старики, больные, дети и женщины, были вывезены в деревни, которые располагались на восточном берегу Днепра.

Прокурор: Чье распоряжение было о вывозе населения на восточный берег Днепра?

Эрдманнсдорф: Это было распоряжение командования 4-й армии.

Прокурор: Вы подчинялись командующему армией оперативно как комендант города?

Эрдманнсдорф: Да, в оперативном отношении я подчинялся 4-й армии.

Прокурор: Почему население на восточный берег Днепра было направлено без всякого продовольствия?

Эрдманнсдорф: Я не могу ответить сейчас, получали ли они продукты питания или нет.

Прокурор: Вы на предварительном следствии прямо сказали, что никаких продуктов население, направленное на восточный берег, не получало. Так это или нет?

Эрдманнсдорф: Тогда это будет так. (В зале смех.)

Прокурор: Вы знали, что население, переправленное на восточный берег Днепра, подвергалось ударам артиллерии с двух сторон и что это представляло прямую угрозу для жизни людей?

Эрдманнсдорф: Я думаю, что это так.

Прокурор: Вы утверждали приговоры о расстреле 150 человек?

Эрдманнсдорф: Да, утвердил.

Прокурор: На каком основании вы приняли решение о расстреле 150 человек?

Эрдманнсдорф: Заключенные допрашивались тайной полевой полицией. Если следствием было установлено, что эти лица имели связь с партизанами, тогда они приговаривались к расстрелу. Если же устанавливалось, что они только подозревались в связях с партизанами, то их высылали в Германию на работы.

Прокурор: Кого допрашивали для того, чтобы установить связь с партизанами арестованных вами лиц?

Эрдманнсдорф: Допрашивали арестованных, а если была возможность допрашивали и свидетелей.

Прокурор: Скажите, с какой целью вами было дано распоряжение о лишении населения права на получение хлеба?

Эрдманнсдорф: Лишением продовольствия населения города Могилева я хотел привлечь его для работы по строительству укреплений.

Прокурор: Значит, отказ в получении хлеба являлся способом заставить население пойти на работу по строительству укреплений для германской армии?

Эрдманнсдорф: Да.

Прокурор: Как же могли существовать те, которые, в силу физического недомогания или матери с грудными детьми, не могли выйти на работу?

Эрдманнсдорф: Нетрудоспособные получали свои продовольственные карточки.

Прокурор: Зачем же вы тогда выселяли людей на восточный берег, если такие люди у вас получали пайки?

Эрдманнсдорф: В случае окружения города Могилева для нетрудоспособного населения нехватило бы продуктов питания и не было бы возможности вывезти трудоспособных, поэтому и было принято такое решение.

Прокурор: Какие соображения диктовали необходимость уничтожения свыше 600 домов в городе Могилеве?

Эрдманнсдорф: Для того, чтобы сделать свободным поле обстрела.

Прокурор: Это помимо того, что вы устраивали опорные точки?

Эрдманнсдорф: Да, кроме того были выстроены опорные пункты.

Прокурор: С точки зрения тактических соображений, можно было обойтись без этих разрушений?

Эрдманнсдорф: С тактической точки зрения строить защиту города Могилева, особенно по западному берегу реки Днепра, не следовало.

Прокурор: Можно ли сказать, что взрыв 600 домов и уничтожение еще 800 домов в городе Могилеве сводилось к тому, чтобы уничтожить советский город?

Эрдманнсдорф: Да, я должен сказать, что действительная цель заключалась именно в уничтожении советского города.

Прокурор: В своих показаниях суду вы заявили, что немецким высшим командованием вы были обмануты. В чем именно вы были обмануты?

Эрдманнсдорф: Например, по вопросу о том, что комиссары Красной Армии, как объяснялось высшим командованием, не являются военнослужащими Красной Армии, а являются коммунистами.

Прокурор: А вы как генерал, прослуживший 33 года в немецкой армии, разве не знали структуру Красной Армии?

Эрдманнсдорф: Я не думал, что верховное командование будет нас обманывать.

Прокурор: Расстреливать комиссаров по вашим соображениям было необходимо потому, что они являлись политическими воспитателями и вожаками Красной Армии?

Эрдманнсдорф: Да, я понял, что это было уничтожение особо ценных людей.

Прокурор: Вы показали в первой половине 1944 года, что обучались на политических курсах. Что это были за курсы?

Эрдманнсдорф: Это были политические курсы, на которых присутствовали генералы и адмиралы вооружённых сил Германии. С докладами на курсах выступали фельдмаршал Кейтель, Розенберг, профессор Гроссман, гаулейтер Вахтигер, окружной управляющий государственного секретариата национал-социалистской партии, Гиммлер и в последний день выступал Гитлер.

Прокурор: Каких вопросов касались все эти лица, в своих докладах?

Эрдманнсдорф: Кейтель докладывал о положении на фронтах. Он был сдержан и рассказывал о Сталинграде, о некоторых эпизодах и заявил, что наступления Красной Армии на участке группы армий «Центра» в июне—июле месяцах 1944 года не будет. Он был убежден в том, что Красная Армия будет наступать в направлении Ковеля или на южном участке—на Румынию.

Мы были убеждены в том, что в связи с вторжением Англии на территорию Франции наступление Красной Армии задержится до зимы 1944—1945 гг. Кейтель также был убежден в том, что Англия, Америка и Советский Союз скоро перестанут быть друзьями и будут воевать друг против друга.

После выступал Розенберг и рассказывал некоторые эпизоды из своей жизни до 1933 года, когда он находился некоторое время в Англии, где он стремился привлечь внимание англичан к национал-социалистской партии.

Прокурор: Получается, что собрали генералов, опричников бандитского гитлеровского правительства и начали вам простые азы объяснять.

Расскажите лучше, как вы попали в начальники унтер-офицерских курсов по подготовке кадров для штурмовых отрядов. Эти курсы, как вы говорили на предварительном следствии, проводили свои занятия секретно, так как это противоречило Версальскому договору.

Эрдманнсдорф: В 1933 году большое число офицеров было назначено начальниками таких курсов в том числе был назначен и я. Кадровые офицеры в то время могли не состоять в национал-социалистской партии, но мы должны были дать подписку в том, что мы стоим на одном уровне, т. е. во всем разделяем мнение национал-социалистской партии.

Прокурор: Вы целиком и полностью разделяли фашистскую программу?

Эрдманнсдорф: Да, в то время я разделял полностью программу национал-социалистской партии.

Прокурор: Перед началом войны вы являлись командиром 171-го пехотного полка и пользовались доверием у генерал-лейтенанта Офена, командира дивизии, который очевидно поделился с вами о предстоящем дне нападения на Советский Союз?

Эрдманнсдорф: Да, точно в какой день назначалось нападение на Советский Союз мне не было сообщено, но было сказано, что приблизительно оно назначается на 21-е июня.

Прокурор: Как видно из материалов предварительного следствия, вы принимали участие в наступлении на гор. Киев, а затем были переброшены в район Орла, на охрану коммуникации Карачев—Орел.

Эрдманнсдорф: После того, как Киев был занят, я с своей дивизией был переведен в распоряжение 2-й танковой армии и отправлен в район Орел—Карачев, где принимал участие в охране тыла.

Прокурор: Вы лично давали указания подчинённым вам командирам расстреливать взятых в плен комиссаров Красной Армии?

Эрдманнсдорф: Да.

Прокурор: Считаете ли вы, что вы совершили тягчайшее преступление против военнопленных?

Эрдманнсдорф: Да, я это признаю.

Прокурор: Скажите, какие вы имели награды?

Эрдманнсдорф: Во время войны против Советского Союза я получил крест в золоте и рыцарский крест.

Прокурор: Как вы считаете, по достоинству оценило ваши заслуги гитлеровское правительство, давая вам эти награды?

Эрдманнсдорф: Да.

Прокурор: За все свои действия, которые вы проводили против военнопленных Красной Армии, в частности за расстрел комиссаров, вы должны нести ответственность?

Эрдманнсдорф: Да, я совершил преступление и должен нести ответственность.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Адвокат Савенко: Скажите, Эрдманнсдорф, вы кадровый военный?

Эрдманнсдорф: Да.

Савенко: С какого времени вы служите в немецкой армии?

Эрдманнсдорф: С 1913 года.

Савенко: Сколько вам тогда было лет?

Эрдманнсдорф: 20 лет.

Савенко: Из какой семьи вы происходите?

Эрдманнсдорф: Мой отец был гражданский служащий.

Савенко: Скажите, пожалуйста, кто вам давал распоряжение о лишении хлеба населения? Чьи распоряжения вы выполняли?

Эрдманнсдорф: Распоряжение о лишении хлеба гражданского населения я давал сам лично.

Савенко: Вы могли их не давать?

Эрдманнсдорф: Конечно мог, но у меня это была только единственная возможность, чтобы достать необходимую рабочую силу.

Савенко: Вы были против назначения вас комендантом города Могилева?

Эрдманнсдорф: Когда мне объявили об этом назначении, я просил, чтобы меня перевели в боевую дивизию.

Адвокат Жудро: Скажите, пожалуйста, за 10 дней до начала войны, какие вам были даны объяснения о причинах предстоящего нападения на Советский Союз?

Эрдманнсдорф: В первый же день после нападения Германии на Советский Союз было заявлено, что якобы Советский Союз напал на Германию.

Жудро: Вы сказали, что 24 декабря 1941 года вам был сообщен приказ Гитлера о сожжении деревень при отступлении германской армии. Знали ли вы, что приказ об уничтожении населенных пунктов и о жестоком обращении с русским населением был издан еще до объявления войны?

Эрдманнсдорф: До войны я об этом не знал.

Жудро: Когда и от кого вы получили приказ о направлении советских людей на работы в Германию?

Эрдманнсдорф: Этот приказ я получил от 56-й дивизии в феврале или в марте 1942 года.

Адвокат Савенко: Скажите, пожалуйста, вам как коменданту укрепрайона, принадлежала судебная власть? Вы имели право утверждать смертные приговоры?

Эрдманнсдорф: Да, такое право я имел.

Савенко: В отношении преступлений, которые совершались военнослужащими германской армии, находящимися в вашем подчинении, существовал такой же порядок?

Эрдманнсдорф: Нет.

Савенко: Значит этот упрощенный порядок существовал только по отношению к советскому населению?

Эрдманнсдорф: Точно так.

Председатель: Кто-либо из подсудимых имеет вопросы к Эрдманнсдорфу?

Подсудимый Бурхард: Эрдманнсдорф упомянул о том, что многие преступные приказы гитлеровского правительства даже ему, генералу, не были известны. Я хочу спросить, считает ли он правдоподобным, что это истинное назначение лагерей для советских военнопленных было замаскировано правительством и только в ходе работы мы сами могли на основе фактов прийти к заключению, что цель уничтожения людей имеется, но конкретно этого нигде не было сказано.

Эрдманнсдорф: Так точно.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Радзивиновича.

Комендант: Свидетель Радзивинович прибыл.

Председатель: Радзивинович Константин Дионисович, 1886 года рождения, служите священником Трехсвятительской церкви в городе Могилеве?

Радзивинович: Да.

Председатель: Военный Трибунал предупреждает вас о том, что вы должны показать суду все известное вам по делу и только правду. Прошу вас рассказать все известное вам по этому делу.

Радзивинович: Много тяжелых переживаний выпало на долю населения города Могилева и окрестных селений из-за немецких насилий и террора, которые творили немцы над жителями нашего города.

Пожары, насилия, грабеж и убийства граждан в городе было обычным явлением.

Перед наступлением Красной Армии было распоряжение коменданта города—явиться всем жителям города к коменданту и в другие им указанные места. Женщины, мужчины и дети явились, согласно приказу, и здесь началось отделение пожилых и молодых людей от стариков и женщин. Женщинам и детям было разрешено возвратиться в свои дома. Всех оставленных людей, среди них были и старики, отправили за 25 километров от города в деревню Ермоловичи и некоторые другие пункты. Старики вынуждены были итти, и по пути в эту деревню много страданий пришлось им перенести. Многие не могли быстро итти и стали жертвами—они были расстреляны на месте. Становились жертвами и те, которые хотели утолить жажду, стараясь захватить глоток воды из близлежащей лужи. Еще тяжелее было положение, когда их загнали в лагерь, где они не имели пищи и воды. Еще тяжелее было положение военнопленных, оказавшихся в лагерях. Мне приходилось видеть, как гнали толпы пленных, измученных и голодных.

Они по пути хватали траву, чтобы утолить свой голод. С болью в сердце приходилось это видеть, и народ, кто мог, старался по пути подавать пищу. Военнопленные старались выхватывать из рук подателя, но зачастую за это от немцев получали удары палкой.

С течением времени был издан приказ всем выходить на работу. Многие не подчинялись этому приказу, и в наказание некоторым была применена посадка молодых людей в витрины магазинов с надписью на груди «саботажник».

Спустя некоторое время мне стало известно, что в городе повешено три советских военных человека, в том числе называли капитана Юрис. Чем дальше шло время, тем больше немецкое командование стало применять насилие, репрессивные меры по отношению к населению. Заставляли силой молодых людей выезжать в Германию на работу. Такое явление продолжалось долгое время. Многие, стараясь избегнуть этого, уходили из города в деревни, чтобы скрыть себя, а многие уходили в лес и создавали партизанские отряды.

Конец 1943 года уже более резко выделялся тем, что немцы стали еще более жестоко относиться к населению. Они чувствовали свою гибель и старались вывозить из города все, что только можно было. В конце 1943 года началась эвакуация населения в отдаленные места и в Германию. Разлучали детей с родителями и этим еще больше огорчений приносили семьям.

Была объявлена добровольная эвакуация. Некоторые поверили этому, взяли с собой имущество, хозяйство, но, приехав в те места, куда были направлены, они потеряли все, так как было у них все отнято — и скот, и имущество, а здоровые люди были посланы на рытье окопов.

Чувствуя приближение Красной Армии и свою гибель, немцы старались укрепить город всеми силами, заставляя народ работать по рытью окопов и строительству дотов. Уничтожили для очистки местности предместья города Николье, Луполово, и часть предместья Папенково.

Прежде чем сжигать дома, был объявлен некоторый срок для эвакуации, но этот срок немцы не выдержали, и жители этих селений в большинстве потеряли все, что имели.

И в самом городе в это же время началась подготовка к взрыву домов. Были взорваны церкви. Спасская, Воскресенская, Успенская. Кроме того, было взорвано много учреждений и школ. Начиная с конца 1943 года уничтожение немцами домов, зданий продолжалось вплоть до изгнания их. Из числа школ мне известно, что погибла школа № 5, ее взорвали приблизительно в апреле 1944 года. Последние дни перед отступлением немцы сожгли прекрасное здание бывшей школы НКВД.

Народ изнывал под тяжестью этих страданий, но боль-

шинство из них переносило лишения в ожидании прихода Красной Армии, которая избавит их от немецкого ига.

Известно, как много окружающих деревень и город пострадали от немцев, были сожжены все постройки, а в некоторых местах, как в деревне Горино и других, дома были сожжены даже с жителями.

Зверским было отношение немцев и к заключенным. Многих из них вывозили, и в противотанковых рвах они находили себе могилы.

Я, как участник комиссии по расследованию немецких зверств, был очевидцем вскрытия могил массового расстрела людей, среди которых были женщины, дети. Даже 2-месячный малютка и тот стал жертвой. В могиле были найдены беременные женщины, были подростки и были они все расстреляны в затылок.

Знаю деревню, название ее не помню, вблизи местечка Княжичи, где было сожжено около 80 человек, и я лично видел остатки валявшихся обгоревших костей. Недалеко от деревни Казимиричи были также обнаружены трупы без всякой одежды.

Последнее время население (зачастую старики и старухи) вывозились в Белыничский район. Там немцы бросали их на произвол судьбы. Не имея питания, многие там от тифа и голада погибли.

В момент отхода немецких войск жителям было приказано оставить город, и кто не хотел уходить с ними, того немцы считали врагом. Все же многие жители, не боясь смерти, остались в городе. Когда они скрывались, то немцы их убивали. Люди смотрели в глаза смерти, но ждали своего, родного.

И действительно, час спасения настал. То было спасение от немецкого ига, и мы с радостью обнимали, как своих братьев, бойцов Красной Армии и воспели их славу за их великую доблесть.

Председатель: Прокурор имеет вопросы к свидетелю?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Подсудимые имеют вопросы к свидетелю?

Подсудимые: Нет.

Товарищ комендант, пригласите в судебное заседание свидетеля Рябцева.

Комендант: Свидетель Рябцев прибыл в судебное заседание.

Председатель: Рябцев Михаил Андреевич, 1888 года рождения, уроженец деревни Круговец, Гомельской области, работаете преподавателем в педучилище и фельдшерско-акушерской школе?

Рябцев: Да.

Председатель: Вы вызваны свидетелем по данному делу и предупреждены об ответственности за дачу ложных или неточных показаний.

Расскажите все известные вам обстоятельства по настоящему делу.

Рябцев: Ведя войну со всей жестокостью, не руководствуясь никакими общепринятыми нормами ведения войны, немцы затоптали все права человека.

На территории города Могилева и Могилевской области кошмарные факты встают передо мною, когда я вспоминаю события, имевшие место в период немецкой оккупации.

С марта по конец июня 1944 года необыкновенная жестокость, дикость, неистовое истребление всего проводились немцами в этот период.

Фронт был в 45 километрах от Могилева и Чаусы. По мере продвижения фронта к Могилеву с каждым днем усиливалась злодейская работа немцев. Они как бы объявили войну земле, воде и воздуху, — опустошали поля и огороды, вырубали сады, покрывали город и его окрестности густейшей сетью траншей, рвов, пулеметных гнезд.

Не оставили они в покое даже водные богатства Днепра, уничтожили леса, зеленые насаждения; в Могилеве уничтожили парк имени Горького, не пощадив даже редких серебристых тополей — гордости нашего города.

Они разрушали жилые деревянные дома, взрывали каменные, а материалы отвозили на постройку укреплений. Так была уничтожена 5-я школа, совершенно новое здание, весь квартал каменных домов возле шелковой фабрики.

Одновременно с разрушительной работой немцев в городе шла такая же губительная работа в окрестностях его.

Свидетельством тому являлись нескончаемые потоки обозов со всяким награбленным немцами у населения скарбом, которые тянулись с марта до конца июня.

Здесь был домашний скарб, сани, телеги, сельскохозяйственные машины, овцы, свиньи, лен; гнали крупный рогатый скот. Толпы молодежи, преимущественно девушки, угонялись на каторжный труд в Германию.

Все это направлялось на запад, в сторону Минска.

Уничтожение нашего советского населения было одной из основных задач немцев этого периода. Работа шла по двум направлениям: с одной стороны — охота за населением, находившимся на базарах, улицах, в домах и в подвалах домов и отправка их в проклятую народом Германию; с другой стороны — часть населения на протяжении двух с половиной месяцев работала на положении рабов на строительстве укреплений. Это делалось для того, чтобы лишить страну людей с тем, чтобы население не могло оказать оккупантам какого-либо сопротивления.

Мы знали о том, что немцы вели усиленную работу по физическому истреблению населения. Мы знали, что значит быть арестованным. Наглядным свидетельством этого являлись машины «черные вороны», появлявшиеся раза 2 илн 3 в день у тюремных ворот. Оттуда они забирали живых и мертвых и увозили в направлении деревень Лыково — Пашково — Казимировка. Судьбу этих увозимых установила Государственная Чрезвычайная комиссия, которая вскрывала эти огромнейшие могилы погибших от рук немцев советских людей.

Чем ближе приближался фронт, тем больше наглели и звереди немецкие бандиты. Уже были сожжены Подоколище, Луполово, на очереди была Мышаковка, население из которой уже было выселено. В Мышаковке было сожжено 3 дома с населением. К этим домам прибыли 3 машины, здесь они людей разгрузили, загнали в дома, которые облили жидкостью, а затем подожгли. Машины стояли до полного уничтожения домов.

В июне 1944 года над немцами нависла непосредственная угроза со стороны Красной Армии. Им необходимо было усилить оборону в городах. Часть населения в 5 часов утра 26 июня немцами была согнана на пассажирскую станцию к железнодорожной школе. Здесь представители высшего немецкого командования объявили нам, чтобы все население отправилось по домам, к 12 часам собрало свое имущество и оставило город, направляясь на Минск. Было объявлено, что кто не покинет город, тот будет считаться партизаном и вместе с городом будет уничтожен.

Вторая половина дня проходила в грохоте учащавшихся взрывов. Это было живым доказательством того, что немцы проводят в жизнь свою угрозу об уничтожении города.

26 июня, вечером, был взорван переходной мост через Днепр, а в полдень был уничтожен Карабановский мост. К вечеру город все больше и больше охватывался пожаром. Грохотали взрывы, трещали пулеметы и автоматы. Все говорило о том, что решается судьба Могилева.

На рассвете 27 июня Могилев уже был свободным. Смертельная петля была снята с города.

Прокурор: Перед самым изгнанием немцев из Могилева вам были известны какие-либо приказы, которые издавались комендантом?

Рябцев: Мне известен приказ, который был сообщен нам 26 июня, о том, что все население должно немедленно покинуть город.

Прокурор: За чьей подписью был издан этот приказ?

Рябцев: Там стояла фамилия Эрдманнсдорф.

Прокурор: Откуда вы это знаете?

Рябцев: Эту фамилию я слышал от местного населения.

Прокурор: Расстрелы в момент отступления немцев в гор. Могилеве были?

Рябцев: Я сам находился в траншее и лично расстрелов не видел, но на следующий день, когда ушли немцы, среди населения были разговоры о том, что жители, спрятавшиеся в траншеях, были расстреляны.

Прокурор: Значит, в момент отступления немцев население, которое пряталось в траншеях, расстреливалось?

Рябцев: Да, расстреливалось.

Прокурор: Что это за машины, которые занимались поджогами?

Рябцев: Это были машины пассажирские, несколько увеличенного размера, серого цвета с рисунками («черный ворон»).

Прокурор: Какие функции выполняли эти машины?

Рябцев: По моему мнению, они вывозили арестованных для расстрела.

Прокурор: Что было уничтожено в Могилеве в момент отступления?

Рябцев: Уничтожена была Пионерская улица, которую немцы подожгли ракетами, сожгли почту, радиоузел, школу НКВД по Мироновой улице. Я был сам свидетелем всего этого, так как жил недалеко.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы к свидетелю?

Ответ: Нет.

Председатель: Товарищ комендант, вызовите свидетеля Агеева Михаила Савельевича

Комендант: Свидетель Агеев прибыл.

Председатель: Свидетель Агеев Михаил Савельевич, 1876 года рождения. Вы проживаете в Могилеве и являетесь священником?

Агеев: Да.

Председатель: Вы предупреждены Военным Трибуналом показывать по делу только правду. Расскажите все, что известно вам по настоящему делу?

Агеев: В конце октября и начале ноября 1943 года немцы выселили всех жителей из Луполово и Подниколье, а затем сожгли эти пригороды.

В декабре 1943 года и в начале января 1944 года они также выселили жителей из шести домов. Когда их выселили, немцы забрали все имущество этих граждан, потом пригнали военнопленных и начали разбирать эти дома.

Перед наступлением наших войск они сожгли родильное отделение больницы (двухэтажное здание), одиннадцатую школу и флигель педагогического техникума, три воинские

казармы. На Быховской улице сожгли три крупных каменных дома и на шелковой фабрике разрушили дома.

Председатель: У прокурора к свидетелю имеются вопросы?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты. Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы?

Ответ: Нет.

УТРЕННЕ ЗАСЕДАНИЕ 18 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: У кого из защиты имеются вопросы к подсудимому Эрдманнсдорфу?

Адвокат Савенко: Скажите, Эрдманнсдорф, где вы находились во время эвакуации гор. Могилева?

Эрдманнсдорф: Я находился в дороге; возвращался с политических курсов из Германии в Могилев.

Савенко: Кто проводил эвакуацию города Могилева?

Эрдманнсдорф: Мой заместитель подполковник Гефленгер.

Савенко: Согласовывал ли он с вами вопрос об эвакуации населения или действовал самостоятельно?

Эрдманнсдорф: Еще ранее был приказ о том, что при наступлении на город Могилев гражданское население необходимо эвакуировать из Могилева.

Савенко: Я спрашиваю, согласовывал ли с вами ваш заместитель вопрос об эвакуации населения из Могилева или действовал самостоятельно?

Эрдманнсдорф: По этому вопросу я с ним не разговаривал, так как на следующее утро он выехал как больной из Могилева.

Адвокат Савенко: Я прошу обратить внимание суда на то, что в показаниях свидетеля Радзивиновича (том IV, л. д. 12) вопрос об аресте 70 мирных граждан, которых заперли в баню и заживо сожгли, относится к 1943 году, т. е. к тому моменту, когда Эрдманнсдорфа в городе Могилеве не было. Также к 1943 году относится эпизод, о котором Радзивинович в своих показаниях (на том же листе) показывает:

«Перед наступлением по приказу командования немецкой армии в поселках Луполово и Никольское специальные отряды немецкой армии выгнали все гражданское население, разграбили имущество и все дома сожгли. Это было осенью 1943 года».

Обращаю внимание суда, что на л. д. 25 показаний Рябцева эпизод с машинами, которые вывозили людей в сторону Полыковичи на расстрел взрослых, женщин, стариков и детей, это происходило до 1942 года.

К 1941 году относится эпизод, когда обессиленных от голода людей избивали палками и кто не мог совершенно двигаться расстреливали на месте. Это было около деревни Каменка, в 20 километрах от города Могилева, в конце июня 1941 года.

Председатель: Еще будут вопросы у защиты?

Адвокат Жудро: Эрдманнсдорф, вы вчера начали давать объяснения трибуналу о выступлениях на политических курсах в Германии Гиммлера и Гитлера. Доложите Трибуналу, что на этих политических курсах в июне 1944 года говорили Гиммлер и Гитлер.

Эрдманнсдорф: Гиммлер сделал доклад о деятельности полиции за время войны. Он сказал о том, что во время войны пришлось отдать полицейские части вооруженным силам для ведения войны, но в Германии, говорил он, еще достаточно полицейских частей для того, чтобы устранить какие-либо беспорядки. Затем он рассказал о заключенных, которые находились в концентрационных лагерях, назвав при этом число иностранцев, работавших в промышленности по производству самолетов. Далее он заявил, что еврейское население Германии, а также оккупированных областей, все уничтожено, и сожалел об уничтоженни детей еврейского населения, но тут же заявил, что иначе поступить нельзя было, так как пришлось бы проводить еще одно уничтожение евреев.

Гитлер рассказал нам, 200 генералам и адмиралам—слушателям курсов о том, как он организовал в 1923 году свою партию. Он говорил, что настоящее положение Германии является детской игрой по сравнению с тем периодом, когда он организовывал свою партию. Затем он ругал своих союзников— итальянцев за то, что они плохо воевали. Далее он говорил, что ему лучше было бы стать крестьянином, но судьба изменилась и ему пришлось стать фюрером Германии, (смех в зале.).

Между прочим, когда говорил Гитлер, то создавалось впечатление, что он был ненормальным.

Председатель: Подсудимые имеют к Эрдманнсдорфу вопросы?

Ответ: Нет.

Председатель: Трибунал переходит к допросу обвиняемого Коха. (Обращаясь к Коху). Вы подтверждаете, показания, которые вы дали на предварительном следствии?

Кох: Так точно. Я должен еще кое-что добавить к своим показаниям. Я вижу провал всего нашего дела. Я стою перед судом, который рассматривает мою вину. Я хочу сказать о том, что в НКГБ со мной обращались хорошо. Уже несколько недель я продумываю то, что мною сделано, и сегодня я понял, какой я преступник. Утаивать далее бесполезно; то,

что я не рассказал на предварительном следствии, я расскажу сегодня.

Прокурор: Скажите Кох, когда вы вступили в национал-социалистскую партию Германии?

Кох: 18-ти лет, в 1933 году я вступил в союз гитлеровской молодежи.

Прокурор: С какого года вы в армии?

Кох: С 1936 года по 1938 год я отбывал действительную военную службу.

Прокурор: Когда получили звание обер-лейтенанта войск СС?

Кох: В 1943 году, уже будучи на территории России.

Прокурор: Какое военное образование вы получили?

Кох: Я не имел военного образования. После действительной службы я получил политическое образование.

Прокурор: Какое именно?

Кох: После действительной службы, при содействии отца, я поступил в гестапо. Там каждую неделю нам преподавали один политический урок. Там нам рассказывали о различных проблемах, о расовой политике и политике в отношении народов Востока.

Прокурор: На службу в гестапо вы поступили в 1939 году?

Кох: Да.

Прокурор: В школе тайной полиции вы учились?

Кох: В 1934 году прошел тайные курсы полиции.

Покурор: Кого и какие кадры готовили эти курсы?

Кох: Уже в то время мы готовились к войне с Россией. На курсах готовили самых доверенных политических деятелей национал-социалистской партии.

Прокурор: Для карательных органов?

Кох: Так точно.

Прокурор: Почему вы избрали работу именно в гестапо?

Кох: Я учился в реальной гимназии, откуда меня выгнали за уголовные дела. После этого я был парикмахером, но эта работа мне не нравилась. За время моей службы я получил мало денег, а в гестапо мне обещали большую зарплату, а также быстрое повышение по должности.

Прокурор: Эти обстоятельства и привлекли вас на службу в гестапо?

Кох: Да. Еще потому, что я был национал-социалистом. Нас учили уничтожать все, что нам будет встречаться на пути. Нам говорили, что мы должны будем уничтожать евреев и коммунистов. У меня у самого были такие стремления к уничтожению.

Прокурор: Вы были комиссаром в гестапо?

Кох: Комиссаром я стал не сразу, но очень скоро получил эту должность.

Прокурор: В каком году?

Кох: В 1940 году.

Прокурор: В 1941 году куда вы сопровождали 2500 человек?

Кох: Это были евреи из Германии. Все эти люди были привезены в Люблин и в его окрестностях на открытом поле, приблизительно через два дня, были построены большими группами и расстреляны.

Прокурор: Вы знаете лагерь Майданек?

Кох: Так точно.

Прокурор: С какого года вы знаете этот лагерь?

Кох: С весны 1942 года.

Прокурор: Вы знали в тот момент, когда привозили 2500 человек еврейского населения из Германии, что тот, кто попадает в этот лагерь, оттуда не возвращается?

Кох: Так точно, для этого был особо секретный приказ.

Прокурор: В Майданеке вы сами бывали?

Кох: Да, я туда ездил, но был там непродолжительное время.

Прокурор: По чьему распоряжению были уничтожены евреи, привезенные из Германии?

Кох: Они были расстреляны по приказанию Гиммлера.

Прокурор: В составе этих 2500 человек были женщины, старики и дети?

Кох: Было около 250 детей, около 500 стариков, остальные были мужчины и женщины различных возрастов.

Прокурор: Что же совершили эти люди, которые были расстреляны? Какие преступления они совершили перед Германией?

Кох: Это были евреи.

Прокурор: Значит, они были уничтожены только потому, что они являлись евреями по национальности?

Кох: Так точно. Этого требовала фашистская расовая теория.

Прокурор: Когда вы прибыли на территорию Советского Союза?

Кох: В июне 1941 года.

Прокурор: Где и в качестве кого вы работали?

Кох: Я был начальником так называемой особой команды гестапо, которая подчинялась 2-й танковой армии.

Прокурор: Сколько человек было в этой команде?

Кох: В этой команде было 150 человек.

Прокурор: Скажите, какие функции выполняла эта команда под вашим руководством?

Кох: Эта команда должна была на оккупированной территории немедленно приступить к выполнению приказания об уничтожении еврейского населения и коммунистов.

Прокурор: За период вашей «работы» в этой зондеркоманде, сколько советских граждан было уничтожено?

Кох: Приблизительно около 30.000 человек.

Прокурор: Какой был порядок арестов, кто принимал решения о расстреле людей и кто исполнял эти решения?

Кох: Это делалось быстро. Евреев мы выгоняли из своих домов, загоняли в гетто и там уничтожали их, а после сжигали и гетто. Это делалось в каждом населенном пункте Белоруссии.

Прокурор: Можете ли вы назвать суду населенные пункты, где производились эти расстрелы?

Кох: Слоним, Барановичи и Орша.

Прокурор: Когда вы прибыли в Орел?

Кох: В Орел я прибыл в августе 1942 года.

Прокурор: Расскажите, Кох, подробнее о своей деятельности в Орле и Брянске.

Кох: Кроме уничтожения евреев, мы сразу начали расправляться с коммунистами. Мы запирали их в подвалы, так как тюрем еще не было в нашем распоряжении, и быстро по одному допрашивали. Нам было достаточно, если арестованный скажет, что он коммунист или партизан. Издевательства, истязания, избиения были обычным явлением при допросах. Если арестованный не мог стоять, то мы его еще больше истязали. Мы делали это всякими способами: завязывали руки сзади, подвешивали на дверь, загоняли иголки под ногти, избивали палками, плетью, шомполом. Морили голодом до тех пор, пока он не скажет, что он коммунист или даст другие показания в нашу пользу.

После этого все они уничтожались путем расстрела или уничтожения в газовой машине-душегубке.

В городе Орле мы создали один концентрационный лагерь, который был назван нами рабочим лагерем.

Прокурор: Почему вы его назвали рабочим лагерем?

Кох: Для маскировки.

Прокурор: Кого вы заключали в этот лагерь?

Кох: Туда сажали рабочих и крестьян, которые подозревались как коммунисты или были заподозрены в шпионаже.

Прокурор: В Орле вы были начальником гестапо?

Кох: Так точно.

Прокурор: В вашу задачу, очевидно, больше входило уничтожать советских людей, нежели разбираться в их виновности?

Кох: Да. Следствие мы вели для того, чтобы показать в высших инстанциях, что мы работали, как полицейские части.

Прокурор: Какой аппарат гестапо под вашим руководством был в Орле?

Кох: В Орле был штаб гестапо и особая команда, зондеркоманда, для города Орла.

Прокурор: Сколько советских людей вы расстреляли в Орле и Брянске?

Кох: 2000 человек.

Председатель: Подсудимый Кох, вы были задержаны под чужой фамилией. Что побудило вас менять настоящую фамилию на вымышленную?

Кох: Я надеялся скрыться.

Председатель: Вы боялись ответственности за совершенные преступления?

Кох: Так точно.

Председатель: Под какой фамилией вы находились в момент задержания?

Кох: Гайм.

Председатель: Какое участие вы принимали в расстрелах и сколько вы лично расстреляли советских граждан?

Кох: При всех расстрелах моей командой я принимал участие. Я сам приказывал и сам лично расстреливал приблизительно в 500 случаях.

Председатель: Сколько вы лично расстреляли?

Кох: 500 человек. (Шум в зале.)

Председатель: Кто утверждал заключения о расстреле?

Кох: Я лично утверждал приговоры после того, как был окончен допрос.

Председатель: Какие методы применялись при допросах?

Кох: Арестованных спрашивали, признают ли они себя виновными в преступлениях, в которых их обвиняют.

Председатель: А если не признают?

Кох: Тогда начинали тут же издеваться над этими людьми.

Председатель: Какие же издевательства допускались при этом?

Кох: Подвешивали людей на дверь, загоняли гвозди и иголки под ногти, пороли.

Председатель: А электрический ток при допросах применялся?

Кох: Да, применялись электрические аппараты.

Председатель: А такие методы допроса, как вколачивание шомпола в тело, применялись или нет?

Кох: Да, и это применялось тоже.

Председатель: Какое личное участие вы принимали при уничтожении людей в душегубках?

Кох: Когда люди были предназначены для умерщвления, я приказывал сажать их в машины-душегубки, а также сам командовал выгрузкой трупов из этих машин и давал указания бросать их в ямы.

Председатель: Какое отношение вы имели к лагерю Орехи?

Кох: Я был комендантом лагеря, который находился в деревне Орехи. В нем находилось 3000 человек населения. В этом лагере находились люди, которые благосклонно относились к партизанам, подозревались в связях с партизанами, партизанские семьи, дети, женщины и старики.

Прокурор: Какой режим был в этом лагере?

Кох: Ужасный.

Председатель: А именно?

Кох: Установленный режим был направлен к тому, чтобы планово истреблять людей, заключенных в лагерь.

Председатель: Как же они истреблялись?

Кох: Людей умерщвляли посредством душегубок. Кроме того, мы установили заключенным очень маленькие пайки, и дети обычно быстро умирали от голода. Взрослые работали на постройке противотанковых рвов. После окончания этой работы все они были в этих рвах расстреляны.

Прокурор: А что было с семьями арестованных, содержавшимися в этом лагере, как к ним относились?

Кох: Семьи эти разделялись, женщины и дети оставлялись, а мужчины, обычно, отправлялись на работу в Германию.

Председатель: Куда же девались семьи?

Кох: Женщины и дети в сентябре месяце 1943 года были отправлены в Майданек.

Председатель: Для уничтожения?

Кох: Да, для уничтожения.

Председатель: Какой приказ в октябре месяце 1942 года получил штурмбанфюрер Блюм и о чем вы с ним говорили?

Кох: Этот приказ был еще издан в мае или июне 1941 года. В нем говорилось о том, что особые команды должны систематически уничтожать евреев и коммунистическое население.

Председатель: А цыган?

Кох: Цыган также предлагалось уничтожать.

Прокурор: Сколько вами было направлено советских граждан на работу в Германию?

Кох: Из Орла много было направлено на работу в Германию около 2000 человек населения, из Брянска около 1000 человек. Из Орши и Борисова—около 4000 человек.

Прокурор: Скажите, Кох, вы принимали участие в сжигании трупов?

Кох: Да, принимал.

Прокурор: Для чего нужно было сжигать трупы, с какой целью это было сделано?

Кох: Основная цель заключалась в том, чтобы скрыть массовое уничтожение советского населения.

Прокурор: Куда девались те команды, которые производили сжигание трупов?

Кох: Трупы откапывали советские граждане, после чего трупы сжигались, а люди, откапывавшие трупы, по окончании работы были расстреляны и также сожжены.

Прокурор: Кем они расстреливались, какими командами?

Кох: Их расстреливал конвой моей команды, который охранял их и наблюдал за сжиганием трупов.

Прокурор: Как вы рассматриваете все перечисленные выше действия по отношению к мирному советскому населению?

Кох: Это было плановое уничтожение советского населения, которое противоречило установленным международным правилам ведения войны.

Прокурор: Скажите, зачем понадобилось уничтожение психически больных людей?

Кох: Нам нужны были здания, в которых находились эти больные.

Прокурор: Поэтому и уничтожались больные советские люди?

Кох: Да.

Прокурор: Сколько таких людей было уничтожено и каким образом?

Кох: В Орле было уничтожено 100 человек. Часть из них была расстреляна, а 20 человек, которые не могли передвигаться сами были уничтожены посредством душегубок.

Прокурор: В каких советских городах вы были начальником полиции?

Кох: Орле, Орше, Борисове и Слониме.

Прокурор: Вы были там в качестве комиссара гестапо?

Кох. Да.

Прокурор: И во всех этих городах с вашей стороны были одинаковые действия по отношению к советским гражданам?

Кох: Да.

Прокурор: Помимо 2000 человек, которых вы расстреляли в Орле, вы расстреляли дополнительно 40 советских граждан, среди которых были женщины и дети? За что вы их расстреляли?

Кох: Да, такой случай имел место. Эти люди имели коммунистическое мировоззрение. Среди них было 10 женщин, 8 детей от 2 до 10 лет.

Прокурор: У детей тоже было политическое мировоззрение?

Кох: Нет, но у нас был принцип, чтобы уничтожать и детей.

Прокурор: У вас дети есть?

Кох: Да, имею троих.

Прокурор: Какого возраста?

Кох: Год, три года и пять лет.

Прокурор: Их можно в каких-либо политических преступлениях обвинять?

Кох: Нет. Конечно нет.

Прокурор: По какому же принципу вы расстреляли 8 советских детей. Ведь они ни в чем неповинны?

Кох: Это было ничто иное, как практическое осуществление расовой теории. Уничтожение населения другой расы.

Прокурор: В январе 1943 года было расстреляно вашей командой 10 человек, в том числе 4 женщины. Сколько из них вы расстреляли лично?

Кох: Я лично расстрелял 4 женщин.

Прокурор: В апреле 1943 года было расстреляно вами 15 человек, из них 3 женщины. Сколько тогда вы лично расстреляли?

Кох: При расстрелах я всегда сам лично расстреливал первых 3—5 человек для того, чтобы показать солдатам, что они должны были быть стойкими.

Прокурор: Для того чтобы показать своим подчиненным, какой должен быть гестаповец?

Кох: Так точно.

Прокурор: В июне 1943 года было расстреляно 8 человек. Вы лично сколько человек расстреляли?

Кох: Я лично расстрелял 4 человек.

Прокурор: Расскажите о случае, как были расстреляны еще 3 человека по вашему приказу.

Кох: Это были офицеры Красной Армии, которые были взяты в плен.

Прокурор: При каких обстоятельствах они были расстреляны?

Кох: Эти люди были взяты в плен и доставлены в город Орел, здесь их мы стали допрашивать, но так как они не сознавались, то их мы избивали, подвешивали на дверь, а также пытали электричеством. Один из этих трех человек лично мною был ранен шомполом.

Прокурор: В какую часть тела вы его ранили?

Кох: Я проколол ему живот шомполом.

Прокурор: В чем же вы их обвиняли, или только в том, что они являлись русскими военнопленными?

Кох: Это была просто ненависть к русским.

Прокурор: Случаи убийств при так называемых «попытках к бегству» часто практиковались?

Кох: Это у нас был самый простой способ уничтожения без следствия.

Прокурор: Скажите, Кох, вы принимали участие в умерщвлении в душегубке 30 человек по приказу майора Блюма?

Кох: Да, я лично приказал вывезти из тюрьмы этих людей, перед этим раздеть их и посадить в машину. В дальнейшем

я приказал привести в исполнение данный приказ, т. е. уничтожить их посредством «душегубки».

Прокурор: Майор Блюм присутствовал при уничтожении этих 30 человек?

Кох: Да, Присутствовал.

Прокурор: Подполковник Рабе давал вам распоряжение умертвить 30 человек советских граждан, которые в большинстве своем являлись коммунистами?

Кох: Да, это были коммунисты, которых мы арестовали в окрестностях города Орла и в самом городе. К ним были применены истязания при допросах и после этого они были приговорены к смерти. Я предложил этих людей умертвить, и Рабе утвердил мой приговор.

Прокурор: Значит, предложение об уничтожении 30 человек в первом случае и 30 человек во втором случае являлось вашей инициативой?

Кох: Да.

Прокурор: Вы из Орла в Германию сколько человек отправили?

Кох: Из Орла и Борисова мною было отправлено в Германию около 3000 человек.

Прокурор: На вопрос председателя суда вы заявили об отправке 700 человек из лагеря Орехи в Майданек. Эти люди были отправлены для того, чтобы их уничтожить в Майданеке?

Кох: Это было сделано на основании приказа, изданного Гитлером или Гиммлером в 1943 году, в котором указывалось о необходимости уничтожить все население, которое имеет какое-либо отношение к партизанам, или имеет связь с партизанами, а также партизанских семей, для того чтобы приостановить партизанское движение.

Прокурор: На вопрос председателя суда о сжигании трупов в городе Орше и Борисове, вы не сказали, какое количество трупов было сожжено в этих городах.

Кох: В районе городов Орша и Борисов нашей командой было сожжено около 6000 трупов.

Прокурор: Это трупы тех, которые были расстреляны вашими органами гестапо?

Кох: Да.

Прокурор: Скажите, по чьему приказу проводилось сжигание трупов?

Кох: Этот приказ исходил от Гиммлера. Я сам получил этот приказ от Эрлингера.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Адвокат Михальский: Скажите точнее, как назывался этот приказ?

Кох: Это был приказ «тайной натуры».

Прокурор: Как это понимать?

Кох: Это был совершенно секретный приказ.

Прокурор: Вам говорили почему нужно было сжигать трупы?

Кох: Инструктаж я получил в городе Могилеве у Эрлингера. Он объяснил,что массовые могилы должны быть уничтожены для того, чтобы впоследствии Красная Армия не могла установить, сколько советских граждан нами было уничтожено.

Прокурор: При этом был проведен наглядный инструктаж, как сжигать трупы?

Кох: Да.

Прокурор: Кто присутствовал при этом?

Кох: Там были комиссары гестапо, которые находились на территории Белоруссии.

Прокурор: Что вы делали с людьми, которых заставляли раскапывать могилы и сжигать трупы? Вы их впоследствии уничтожали?

Кох: Да.

Прокурор: В Борисове в конце ноября 1942 и в начале декабря 1943 года было арестовано 250 человек. Скажите, какова судьба этих арестованиых?

Кох: Эти лица подозревались в связях с партизанами, а также в агитационной работе. Они были арестованы, подверглись краткому допросу, после чего мною было предложено этих людей уничтожить, что и было утверждеио подполковником Рабе.

Прокурор: Какое количество было уничтожено?

Кох: Все 250 человек были расстреляны.

Прокурор: В городе Слониме были начальником полиции и СД?

Кох: Да.

Прокурор: Скажите, сколько человек там было арестовано и куда они были направлены?

Кох: За короткое время моей работы, в феврале 1944 года, было арестовано 80 человек, которые были направлеиы в Барановичи в концентрационный лагерь.

Прокурор: С какой целью были направлены в лагерь эти 80 человек?

Кох: Для того, чтобы удалить их из районов, где действовали партизаны, и для последующего уничтожения.

Прокурор: Зиачит, вы знали о том, что посылка этих людей в лагери производится для того, чтобы их уиичтожить?

Кох: Да, знал.

Прокурор: Ставились ли какие-либо пометки в документах этих лиц и что они означали?

Кох: Пометки—«подозрительный по связям с партизанами» означали, что эти люди подлежат уничтожению.

Прокурор: Вы помните о случае, когда в Слониме были расстреляны 4 советских гражданина и среди них была женщина с пятилетним ребенком?

Кох: Да, помню.

Прокурор: За что же расстреляли пятилетнего ребенка?

Кох: Потому, что это был еврейский ребенок.

Прокурор. Какие награды вы получили за свою работу в гестапо?

Кох: Я получил железный крест второй степени и орден за выслугу лет, который давали добровольно прибывавшим на восточный фронт.

Прокурор: Вы считаете, что ваша работа была достаточно оценена гитлеровским правительством?

Кох: Я выполнял все то, что мне приказывало вышестоящее начальство.

Прокурор: Как вы расцениваете все свои преступления, которые вы с такой жестокостью совершали?

Кох: Это были зверские преступления, которые совершались в нарушение всех международных договоров о правилах ведения войны. Но я был нацистом, и это была моя практическая работа по осуществлению расовой теории.

Прокурор: Подсудимый Кох, вы не рассказали о том, что вы делали в Брно (Чехословакии).

Кох: В Брно я был командиром полицейской части.

Прокурор: Чем вы там занимались?

Кох: Я вел борьбу против партизан, против шпионов и саботажников.

Прокурор: Сколько вы там арестовали людей?

Кох: Это я могу точно сказать,—100 человек.

Прокурор: Что это за люди?

Кох: Это были чехословацкие граждане, которые хотели перейти к партизанам Чехословакии.

Прокурор: К чехословацким гражданам применяли такие же методы ведения следствия, как и к советским гражданам?

Кох: Нет. Там мы действовали по правилам.

Прокурор: Сколько было расстреляно чехословацких граждан?

Кох: 25 человек.

Прокурор: Все эти люди были расстреляны по приговорам или по вашему заключению?

Кох: Они были расстреляны по приговорам, утвержденным немецким министром Франком.

Прокурор: Среди них находился один советский гражданин?

Кох: Да.

Прокурор: Это был тяжело раненный?

Кох: Да.

Прокурор: Это тот, кому вы проткнули шомполом живот?

Кох: Да, тот самый.

Прокурор: Сколько раз вы выезжали на операции против партизан и каковы были результаты?

Кох: На операции против партизан я выезжал примерно 4 раза.

Прокурор: Какой результат этих операций?

Кох: Каждый раз пойманные партизаны были расстреляны, а лица, связанные с партизанами,—задерживались.

Прокурор: Какое количество было задержано и расстреляно?

Кох: В настоящий момент точного числа не помню.

Прокурор: Лично вы принимали участие в поимке и расстрелах партизан?

Кох: Да.

Председатель: У кого из защиты есть вопросы?

Адвокат Михальский: Скажите, Кох, вы родились в Штутгарте?

Кох: Да.

Михальский: Кем работал ваш отец?

Кох: Мой отец был фотографом. Сначала он имел частную фотографию, а потом работал в министерстве внутренних дел.

Михальский: Ваш отец имел отношение к гестапо?

Кох: Нет, не имел.

Михальский: Скажите, высшую школу министерства внутренних дел вы кончали?

Кох: Кончал.

Михальский: Эта школа имела отношение к гестапо?

Кох: Нет, не имела.

Михальский: Она готовила административных работников?

Кох: Она готовила чиновников управления.

Михальский: За время своего пребывания в нацистской партии, поручались ли вам особо секретные задания?

Кох: Нет, не поручались.

Михальский: Переписка между вами и Гессом была?

Кох: Я только один раз, когда был чиновником гестапо, получил письмо от жены Гесса.

Михальский: Из кого состояла зондеркоманда, откуда подбирались в нее люди?

Кох: Из чиновников полиции, гестапо, криминальной полиции и солдат войск СС.

Михальский: По занимаемой должности начальника зондеркоманды, вы могли не принимать участия в расстрелах?

Кох: Я должен был принимать участие.

Михальский: Когда вы шли на эти казни и когда пред-

стояло совершить расстрел, вы шли на них в нормальном состоянии или под влиянием алкоголя, или наркотиков?

Кох: Я никаких наркотиков не употреблял и всегда был в нормальном состоянии.

Михальский: Какое впечатление производили на вашу психику все эти массовые расстрелы?

Кох: Ужасное. Еще и сегодня мне представляется все это.

Михальский: Принимали ли вы какие-либо меры к тому, чтобы перейти на другую службу, чтобы вам поручили другую работу?

Кох: В ноябре 1943 года, я просил подполковника Рабе, чтобы меня освободили от занимаемой должности.

Михальский: Скажите, из тех ценностей, которые снимались у арестованных, часть их вы присваивали и отсылали в Германию?

Кох: Я только один раз взял одну золотую пятирублевку. Больше я ничего не брал. (Смех в зале.)

Адвокат Жудро: Скажите, когда вы были на политических курсах в полиции и в гестапо, что вам рассказывали о Советском Союзе еще до войны?

Кох: По той пропаганде, которая велась в Германии, я знал, что Советский строй стоит на насилии, что русское население видит в нас—немцах, освободителей. (Смех в зале.)

Жудро: Вам известно, как работнику гестапо, когда был организован лагерь в Майданеке?

Кох: Нет, не известно.

Жудро: Вы говорили о функциях своей комаиды, о том, что она должна была по приказу Гитлера или Гиммлера уничтожать евреев, коммунистов и советский актив. Не можете ли вы сказать, когда и кем—Гитлером или Гиммлером—был отдан такой приказ?

Кох: Этот приказ был передан мне в устном виде Блюмом, но сам лично я его не читал.

Жудро: Не знаете ли вы, когда впервые появилась душегубка?

Кох: Первый раз я узнал о душегубке и видел ее в Советском Союзе в 1943 году.

Адвокат Гаврилов: Знали ли боевые части немецкой армии о зверствах, которые чинило гестапо, или это проводилось секретно?

Кох: Да, знали, потому что сами немецкие офицеры и солдаты присутствовали при уничтожении людей.

Гаврилов: При каких обстоятельствах вы были пленены?

Кох: Я был пленен американскими частями и вместе с другими плеиными был передан войскам Красной Армии.

Адвокат Петренко: Скажите, пожалуйста, если бы подчиненный вам гестаповец отказался выполнить приказ, как бы вы поступили с ним?

Кох: Можно судить такого, который бы не подчинился приказу.

Петренко: Как бы вы его судили?

Кох: Это зависит от обстоятельств.

Петренко: Почему требовалось сжигать трупы?

Кох: Сжигание трупов производилось по приказанию Гитлера и Гиммлера для того, чтобы скрыть следы своих зверств.

Петренко: Вы хотели, чтобы о зверствах, которые вы чинили, не знала Красная Армия?

Кох: Чтобы Красная Армия и весь мир не знали об этом.

Адвокат Татаринцев: Кому вы непосредственно подчинялись?

Кох: Оберштурмфюреру Рабе, шефу зондеркоманды.

Адвокат Татаринцев: Командиры воинских частей, действовавшие на оккупированной территории, могли вмешиваться в ваши действия и отменить ваши приказы?

Кох: Нет, не могли.

Адвокат Бедросов: Вы, как член нацистской партии и комиссар гестапо, знали, кто на оккупированной территории Советского Союза имел право выносить смертный приговор?

Кох: Сам командир отделения зондеркоманды.

Бедросов: Кроме того, командир дивизии?

Кох: Этого я не знаю. Какой закон существовал в армии, я не знаю.

Бедросов: Вы слышали на этом процессе, что одновременно с приговорами, которые выносили вы, смертные приговоры выносили командиры дивизий и начальники полиции. Так ли это?

Кох: По нашей линии был только оберштурмфюрер Рабе.

Бедросов: Вы сказали, что, находясь здесь в 1943 году, на вас все эти зверства произвели такое тяжелое впечатление, что вы хотели подать в отставку. Как совместить это с тем, что вы применяли шомполы и другие истязания?

Кох: Я в 1943 году просил о своем увольнении.

Бедросов: Ответьте мне на вопрос: в том приказе, который вы получили от Блюма, были указаны способы уничтожения?

Кох: Я получил указание, чтобы советское население истреблять путем расстрела или в душегубках.

Бедросов: А все остальные истязания, шомполы и другие, вы лично выдумывали?

Кох: Это был такой способ деятельности. Когда я прибыл в Советский Союз, это уже здесь практиковалось.

Адвокат Савенко: Когда вы служили в Чехословакии по выявлению партизан, вы привлекали их к ответственности нормальным судебным порядком?

Кох: По указанию государственного министра в Праге был

издан приказ о том, что все партизаны должны пройти предварительное следствие и предаваться особому суду.

Савенко: Следовательно, в Чехословакии существовали суды, которые их судили?

Кох: Да, немецкие суды там работали очень медленно, и поэтому государственный министр Франк приказал создать особые суды.

Савенко: Но это был суд?

Кох: Да, это был суд.

Савенко: В Советском Союзе такого суда для расправы с партизанами не было?

Кох: Не было.

Председатель: У подсудимых есть вопросы?

Подсудимый Рихерт: Кох, когда вы были в Орше, знало ли командование дивизии о действиях гестапо?

Кох: Я был в Орше в сентябре или октябре 1943 года.

Рихерт: А я был с мая 1942 года по сентябрь 1943 года. Командиры частей не имели права вмешиваться в наши дела, так как это было в полной тайне.

Кох: Но вышестоящее начальство, находившееся при штабе армии, в центре, всегда действовало при содействии зондеркоманды. Оно всегда имело все известия.

Рихерт: В Орше находилась постоянно группа СД, и мы никогда не имели понятия, что там происходило.

Председатель: Это где, в органах СД?

Рихерт: Да, в органах СД. (Обращается к подсудимому Коху.) Существовал ли такой приказ, чтобы командиры частей ничего не знали об этом деле?

Кох: Но ведь СД имела связь с местной комендатурой.

Рихерт: Когда ГФП имело дело с партизанщиной, нам было известно, что СД занималось только политическими делами, а о том, сколько было арестованных и что с ними случалось, нам было неизвестно. У вас был на это приказ какой-нибудь или нет?

Кох: Армейская группа «Центр» каждые два-три дня имела доклад от подполковника Рабе о том, что случалось за каждый день.

Председатель: Кому это докладывалось, командованию?

Кох: Да, командование армейской группы докладывало командованию группы армий.

Рихерт: Думаете ли вы, что они точно были осведомлены о деятельности СД и гестапо?

Кох: Я думаю, что были точно осведомлены. Я знаю точно, что сжигание трупов расстрелянных советских граждан было также известно командованию центральной группы армий, так как они должны были помогать нам в этих мероприятиях.

Айк: Вы сказали, что много гражданского населения из

Орши вы направили на работу в Германию. Вы это подтверждаете?

Кох: Так точно.

Айк: Потом вы руководили лагерем Орехи?

Кох: Да, я принял этот лагерь от моего предшественника Лехеля, и через 14 дней этот лагерь был ликвидирован.

Председатель: Других вопросов у подсудимых нет?

Ответ: Нет.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Киселева.

Комендант: Свидетель Киселев прибыл в судебное заседание.

Председатель: Киселев Иван Антонович, 1906 года рождения, уроженец деревни Скураты, Круглянского района, Могилевской области, беспартийный, работаете старшим инспектором по налогам Оршанского райфо?

Киселев: Да.

Председатель: Вас Военный Трибунал вызвал в качестве свидетеля. Вы должны говорить суду только правду. За дачу ложных показаний вы предупреждены по статье 136 УК БССР.

Расскажите, товарищ Киселев, что вам известно по обстоятельствам настоящего дела, по которому вы вызваны в качестве свидетеля.

Киселев: Я был арестован 1 ноября 1943 года и доставлен в гестапо, которое было расположено от города Орша в двух километрах. Сразу же я был приведен в канцелярию гестапо. Коротко меня допросили и потом сопроводили в камеру № 7. В довоенное время это была баня дома отдыха. Задержаны мы были вдвоем с товарищем Слепко Петром Павловичем. Находились без допроса около 4 недель. Спустя это время, я подвергся первому допросу. Обвинение мне было предъявлено в укрытии еврейского населения и связь с партизанами. При первом допросе я подвергся избиению в легкой форме. После первого допроса, который длился очень короткое время, примерно полчаса, снова отправили в камеру.

Спустя две недели, я также подвергся допросу второй раз. Второй допрос был тяжелее, чем первый. Кох преподнес мне список на немецком языке, предъявил обвинение, что, во-первых, я скрывал о том, что был членом партии, и прямо сказал: «Вот список, в котором указано, что ты состоял членом партии. В этом списке находятся члены Райкома партии города Орши. В этом списке и ты находишься».

Второй допрос проходил в более тяжелой форме, — я был избит Кохом и еще одним немцем, фамилии которого, не знаю.

На третьем допросе, в конце января 1944 года, меня также сильно избили. Избивали меня Кох и еще двое немцев, фамилии которых мне не известны. 3 февраля 1944 года я был по-

сажен на машину в числе 30 человек, и нас, арестованных, перевезли в барак № 8. Со станции Орша этап был предназначен для погрузки в вагоны, а ночью 5 февраля 1944 года мне удалось бежать.

Председатель: Еще что?

Киселев: В момент нахождения в камере № 8, первое время нас было 11 человек. Размер камеры 3 метра. С каждым днем количество арестованных увеличивалось, и в последнее время нас в этой трехметровой камере уже находилось 22 человека. При допросах однокамерников, в частности Элькинда и Завадского, избивали резиной, дубиной, и после допросов эти арестованные были без сознания. Они лежали, не вставая по 5—7 суток. В середине декабря 1943 года был такой случай: из нашей тюрьмы было вывезено 2 человека, один из них Виктор, лет 15, а другой, неизвестный мне из соседней камеры. Мы посмотрели, куда их повезли. Они были посажены в сани, отвезены метров за 50 от камеры и на снегу расстреляны.

Прокурор: Вы сказали, что два мальчугана были на санях отвезены за 50 метров от камеры и расстреляны. Как вы могли из камеры заключенных видеть, что их расстреляли?

Киселев: В камере наверху было небольшое окошко, и когда поднимешься на край окна, то видно все, что делается.

Прокурор: Значит, в направлении, куда поехали сани, можно было видеть все?

Киселев: Да.

Прокурор: Кто такой Виктор?

Киселев: Он говорил, что сам из-под Смоленска и был задержан за связь с партизанами.

Прокурор: Сколько ему лет?

Киселев: Лет 15.

Прокурор: В камере, в которой вы содержались, какое количество было арестованных?

Киселев: В середине декабря было 22 человека.

Прокурор: Что с ними сделали?

Киселев: Мне известно только, что 11 человек были увезены раньше меня.

Прокурор: Список, который вам был предъявлен, кем предъявлялся—Кохом или другим лицом?

Киселев: Кохом—через переводчика. Список был на немецком языке.

Прокурор: Вы сказали, что вам этот список был преподнесен, как захваченный в Райкоме?

Киселев: Это они объясняли так, а на самом деле, как я убедился, это был список арестованных, который они составили.

Прокурор: Значит, он был ими сфальсифицирован?

Киселев: Да, это я установил потому, что адреса были пе-

репутаны. Я живу в Орше давно, и у меня был адрес один, а задержан я был на другой квартире.

Прокурор (обращаясь к Коху): Припоминаете ли вы обстаиовку, о которой говорит свидетель?

Кох: Нет, я свидетеля не знаю и эту обстаиовку не припоминаю.

Прокурор: Занималось ли вами помещеине, которое называл свидетель, и содержались ли в нем арестованные?

Кох: В этом помещении, которое я занимал, был детский дом раньше.

Киселев: Неправильно.

Прокурор: Занимали ли вы это здание, названное свидетелем, со своей командой гестапо?

Кох: Да, до октября. После этого я уехал, и другая команда подменила меня.

Прокурор: Значит, были вы в этом здании?

Кох: Да.

Прокурор: В этом здании те способы пыток, о которых вы говорили сами, также применялись?

Кох: Да, применялись.

Председатель (обращаясь к защите): У вас вопросов к свидетелю нет?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Кто из подсуднмых хочет задать вопрос свидетело?

Ответ: Нет.

Председатель: Товарищ комендант, вызовите свидетеля Мирук.

Комендаит: Свидетель Мирук прибыл.

Председатель: Мирук Дмитрий Герасимович, 1914 года рождения, уроженец города Борисова, беспартийный, инвалид второй группы, нигде не работаете?

Мирук: Да.

Председатель: Военный Трибунал вызвал вас в качестве свидетеля. Вы предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний. Расскажите, что вам известно по настоящему делу.

Мирук: С прибытием немецких властей в город Борисов настали тяжелые времена для населеиия города Борисова, а также для военнопленных. Особеино сильно они обрушились на военнопленных, которых сгоняли в лагерь, находившийся в городе Борисове, где их истязали. Кормили плохо, избивали палками. Немцы заставляли пленных работать на непосильной для человека работе. Плеиные заменяли немцам лошадей, а также и машины.

Когда немцы заняли город Борисов, в первую очередь оии напали иа еврейское население. Около 7.000 человек еврей-

ского населения было согнано в так называемое гетто. В гетто они находились в очень тяжелых условиях, часто были погромы. У евреев отбирали золото, драгоценности, били палками, морили голодом и непосильным трудом.

Весной 1942 года население гетто было вывезено недалеко от Борисова и расстреляно. Чтобы скрыть следы своих преступлений, немцы сначала их зарыли, а в 1943 году ямы были раскопаны и трупы сожжены.

В 1943 году по подозрению в связях с партизанами я был посажен в тюрьму и пробыл в ней 12 дней, где я видел страшные трагедии, происходившие с арестованными.

Заключенных кормили очень скверно, получали 100 граммов хлеба, да и то не всегда, полтора литра воды и полтора литра какой-нибудь жидкости. Камеры были переполнены. Заключенные вывозились из тюрьмы каждый день, куда—я не знаю, но обратно не возвращались. Пытки были днём и ночью. Допросы были очень короткие, спрашивали только одно: «связной, где партизанский отряд», и больше ничего.

Если заключенные не признавались на допросах, их сильно избивали до такой степени, что они не могли ходить, их приносили в камеры. Из тюрьмы я ушел следующим образом. Меня увозили в Германию. Когда меня привезли в город Минск, на товарной станции, при содействии своего связного—партизана, мне удалось бежать. Я вернулся обратно в Борисов, где прожил 6 месяцев. 14 апреля 1944 года я снова был арестован. При допросе 19 апреля 1944 года я был избит до потери сознания, били меня плетками и палками. 27 апреля меня перевели в лагерь, который находился рядом с фабрикой «Коминтерн».

Там находилось около 1.000 граждан. Эти заключенные работали на фабриках «Коминтерн» и «Профинтерн», а также на строительстве укреплений. Работа была очень тяжелая, непосильная для человека. Кормили очень плохо: давали один литр воды и 1 литр баланды. На таком питании должны были жить заключенные.

В мае месяце приехали две машины, выстроили всех, кто находился в лагере, и стали вызывать по списку детей. Дети были в возрасте до 12 лет. Наполнили машину этими детьми, а нетрудоспособных стариков посадили в другую машину. Если матери старались передать какую-нибудь одежду для детей, их травили собаками.

Немцы это объяснили: старики отвезут детей в детские дома, где они и будут находиться, но оказалось это не так. Когда машины начали отходить, в машины сели автоматчики. Машины вышли за ворота лагеря, но куда они девали детей—до сих пор неизвестно.

26 июня 1944 года, в 11—12 часов дня, из лагеря было отправлено 600 человек, но куда, никто не знает.

27 июня, также неизвестно куда, было отправлено до 800 человек заключенных, а вечером того же дня вместо их было привезено из тюрьмы около 100 человек.

28 июня в лагере находилось около 1 500 человек ни в чем неповинных советских людей.

28 июня 1944 года, примерно в 12 часов дня, все мужчины были согнаны в один барак, а дети и женщины—в другой. Конвой в лагере был усиленный. Скоро всех снова загнали во двор лагеря, женщин вывели на улицу и увезли, а мужчин, свыше 600 человек, оцепленных автомтчиками и пулеметами, начали расстреливать. Я сам, раненный в грудь тремя пулями и одной в ногу, остался среди трупов, которые лежали тут же, а затем с трудом отполз к болоту и залез в сарай. Из этого сарая я видел все, что делалось внутри лагеря, как добивали ни в чем не повинных заключенных советских граждан.

Когда в лагере все были расстреляны, начали делать проческу по болоту и ближайшим домам. Там, где немцы обнаружили раненых или спасавшихся живых людей, то живых их приводили обратно в лагерь и расстреливали, а раненых добивали на месте. Они бросали на трупы расстрелянных гранаты и рвали их.

Чтобы скрыть следы своего страшного преступления, они облили трупы какой-то жидкостью и подожгли.

Председатель: Инвалидом вы стали после этих ранений?

Мирук: Да.

Прокурор: Уточните о расстреле еврейского населения в гетто. Какое количество людей было расстреляно.

Мирук: Около семи с половиной тысяч человек.

Прокурор: Где находится это место расстрела?

Мирук: Недалеко от санатория ЦК КП(б) Белоруссии.

Прокурор: Они похоронены в общих могилах?

Мирук: Там было две или три могилы.

Прокурор: Когда немцы приступили к сожжению трупов?

Мирук: Осенью 1943 года.

Прокурор: Что вы можете рассказать насчёт угона населения в немецкое рабство?

Мирук: Это был насильственный угон. Собирали людей, сажали в тюрьму, молодых отбирали и увозили в Германию, а стариков оставляли здесь. Куда их девали—не знаю. Также брали людей прямо с работы. Если где работали молодые, созывали вроде какого-нибудь собрания и прямо под конвоем отправляли в Германию. Кроме того, проводились облавы на базарах, и собранных таким образом советских людей также отправляли в Германию.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Из подсудимых кто-нибудь имеет вопросы к свидетелю?

Ответ: Нет.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 18 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: Судебное заседание продолжается.

Товарищ комендант, пригласите свидетеля Лысухо.

Комендант: Свидетель Лысухо прибыл.

Председатель: Лысухо Аркадий Павлович, 1913 года рождения, беспартийный?

Лысухо: Да.

Председатель: Вы где работаете?

Лысухо: Я работаю регентом хора в поселке Альбертин.

Председатель: Гражданин Лысухо, Военный Трибунал предупреждает о том, что вы должны показать по обстоятельствам дела только правду. Расскажите Трибуналу, что вам известно по делу, по которому вы вызваны свидетелем.

Лысухо: С установлением немецкой власти нам обещали свободу церкви, но мы этого не видели. К нам в Альбертин прибыл карательный отряд гестапо. Он разместился в школе, оборудовал тюрьму, куда сажал советских граждан, о судьбе которых мне неизвестно. Были арестованы односельчане Рудман, Салито, Мышко, Скарупич, Дмитрович и многие другие. Немцы арестовали и нашего альбертинского ксендза, о судьбе которого неизвестно и сейчас. Карательный отряд ездил по деревням, грабил население, угонял скот. При отступлении немцы сожгли монастырь, церковь, бумажную фабрику и все большие каменные дома.

Председатель: Прокурор вопросы имеет?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита вопросы имеет?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Кто-либо из подсудимых имеет вопросы к свидетелю?

Подсудимые: Нет.

Председатель: К подсудимому Коху имеются вопросы у вас, товарищ прокурор?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита не имеет вопросов?

Представитель защиты: Нет

Председатель (обращаясь к Коху): Вы хотите что-нибудь добавить к показаниям, которые вы давали?

Кох: Своей деятельностью в Советском Союзе я добивался

того, чтобы быстрее получить какое-нибудь состояние. Близ гор. Орла мне дали именне Некраши, где я имел своих лошадей и своих рабов. В Германии я не мог бы получить этого. Мне не хотелось вести бедный образ жизни, я хотел лучше жить и чувствовал, что я призван к чему-то большему и имею способности, мне хотелось быть большим господином, иметь большое влияние, много земли, прекрасных женщин. Я хотел иметь деньги и при этом не работать, всегда утрами верхом выезжать на охоту и всегда прекрасно проводить вечера. А в Германии я имел несколько марок заработка, маленькую квартиру и никакого влияния.

Председатель: Поэтому вы стали на путь убийств, зверств и угона в рабство советских граждан?

Кох: Да, я уже об этом сказал. (Большой шум в зале.)

Председатель: Садитесь.

Председатель: Подсудимый Митман, подтверждаете ли вы все те показания, которые давали на предварительном следствии?

Митман: Да, подтверждаю.

Председатель: Прокурор имеет вопросы?

Прокурор: Да. Скажите, Митман, в партию нацистов когда вы вступили?

Митман: В апреле 1940 года. До призыва в немецкую армию был арендатором гостиницы, которая давала 300 марок дохода в месяц.

Прокурор: Почему вы после призыва в германскую армию попали в жандармскую школу?

Митман: Я не был в армии, меня призвали непосредственно в жандармерию и зачислили в школу в городе Бунцлав. После окончания школы я получил звание ротвахмистра.

Прокурор: Какой контингент мог попасть в жандармскую школу? Тот, кто имел гостиницы или рестораны?

Митман: Да. Большей частью торговые люди.

Прокурор: После окончания школы куда вы были направлены?

Митман: В жандармскую оккупационную команду города Минска.

Прокурор: Специального назначения? Кто зачислялся в эту команду?

Митман: Нет, просто команду. Она была сформирована из самых обыкновенных жандармов.

Прокурор: Какие функции выполняла эта самая обыкновенная команда? Эта команда охраняла палачей белорусского народа Кубе, Кайзера, Ценнера?

Митман: Да, такое задание команда имела.

Прокурор: Кроме охраны палачей белорусского народа, какие задания выполняла ваша команда?

Митман: Когда мы находились в Минске, команду использовали для расстрелов мирного населения в Марьиной Горке. 28 сентября 1941 года с 20 жандармами мы выехали в деревню Марьина Горка. Туда же были присланы еще 20 человек охранной полиции. В 5 часов мы выехали из города Минска и приехали в Марьину Горку в 7 часов. С нами вместе приехал бригаденфюрер СС Ценнер, по приказу которого производился расстрел. Когда мы приехали в эту деревню, все 1200 евреев были уже собраны и их повели на расстрел. Между ними были женщины и дети. Трупы были захоронены в той яме, где и расстреливались.

Прокурор: За что были расстреляны эти 1200 человек евреев? Какое преступление они совершили?

Митман: Мы выполнили на практике закон об уничтожении евреев.

Прокурор: Это фашистский закон?

Митман: Да.

Прокурор: Больше ничем не желаете объяснить этот расстрел?

Митман (молчит).

Председатель: Подсудимый Митман, вы давали собственноручные показания?

Митман: Да, давал.

Председатель: Как вы описали этот эпизод?

Митман (молчит).

Председатель: Я вам зачитаю их: «Было собрано приблизительно 1200 человек охранной полицией и жандармерией. Они были доставлены к ямам, которые находились в одном километре от домов. Кем были ямы выкопаны, мне неизвестно. Евреев отводили в ямы, клали их лицом вниз и расстреливали сверху из автоматов в затылок. Вторую партию клали на первую и также расстреливали в затылок. Остальных расстреливали в таком же порядке. Всего было расстреляно 1200 человек».

«Кроме того, по приказу лейтенанта Калле я со своими товарищами ходил по квартирам евреев и собирал одежду. Всё было погружено в машины и отвезено в Минск на квартиру лейтенанта Калле» (л. д. 98 — 102, личные показания Митмана).

Вы давали такие показания?

Митман: Да, давал, и у себя имею эти записи.

Прокурор: Расскажите, в ноябре месяце вы участвовали в расстреле больных Новинской больницы?

Митман: Это было 4 ноября 1941 года. Было расстреляно 100 больных.

Прокурор: За что они были расстреляны?

Митман: Об этом я ничего не могу сказать.

Прокурор: Теперь расскажите о расстреле на станции Койданово 1300 человек мирных советских людей. Как был организован этот расстрел, кто расстрелянные и куда девали трупы.

Митман: Это было в марте 1942 года. На станцию Койданово прибыл эшелон с 1300 человек еврейской национальности, которые были расстреляны. Откуда прибыл этот эшелон, я не знаю. На станции Койданово был только жандармский пост, поэтому расстреливала моя команда, и я также непосредственно стрелял. Вся одежда расстрелянных была сдана в склад. Расстрелы производились в 2 километрах западнее Койданово. Среди расстрелянных очень много было детей, стариков, но цифр я назвать не могу, затрудняюсь. Расстреливаемых людей мы укладывали в ямы рядами и затем расстреливали.

Прокурор: Расскажите о судьбе арестованных вами 25 человек.

Митман: Это было в январе — марте 1942 года. Люди были пойманы в окрестностях Койданово, привезены на эту станцию и переданы СД. Судьбу этих людей я не знаю. Это не были партизаны, но они были заподозрены в связях с партизанами.

Прокурор: Арестованных вами 25 человек вы передали в СД только по тем соображениям, что они подозревались в связях с партизанами?

Митман: Да. Такой был порядок. Мне приказал непосредственно генеральный комиссар Белоруссии Кубе.

Прокурор: Но вы знали, что в СД людей передают для того, чтобы там их уничтожить?

Митман: Этого я не знал.

Прокурор: Вы знаете такой случай, когда ваша команда на станции Койданово расстреляла 5 человек?

Митман: Я этого не помню.

Прокурор: Я зачитаю ваши показания на предварительном следствии: «В феврале или в марте месяце 1942 года, точно не помню, на станции Койданово полицейские под моей командой расстреляли 5 человек советских граждан, заподозренных в том, что они имеют связь с партизанами...» Подтверждаете?

Митман: Да, да это было. (Смех в зале).

Прокурор: У вас столько было случаев расстрелов, что вы забыли?

Митман: Это я делал не по своему собственному желанию.

Прокурор: Скажите, на станции Койданово вы участвовали в повешении 8 советских граждан, заподозренных в связи с партизанами?

Митман: Да. Я с двумя жандармами принимал участие.

Прокурор: За период пребывания в Койданове в чине вахмистра вы арестовывали людей и передавали органам СД 100 человек? Что это за люди и за что они были переданы в СД?

Митман: Да, это правильно. Арестованных я передавал в СД. О судьбе этих людей мне ничего неизвестно.

Прокурор: Скажите, Митман, в вашу бытность комендантом лагеря в совхозе Вишневка вы, под видом ведения борьбы с партизанами, принимали активное участие в пытках и истреблении мирных советских людей?

Митман: Да, конечно, там арестованных расстреливали.

Прокурор: Вы участвовали в арестах, избиении и уничтожении советских граждан, в частности Янкович, Гайдуковия, Тарасевич?

Митман: Эти люди, после того, как их арестовали, были посажены в подвал, их плохо кормили, на них натравливали собак, их избивали, а затем они были расстреляны.

Прокурор: Вы расстреляли в совхозе Вишневка Тарасевич с ребенком, Гулис с ребенком и ещё 7 человек неизвестных вам по фамилии?

Митман: Да.

Прокурор: За что вы их расстреляли?

Митман: Потому что они были заподозрены в связи с партизанами.

Прокурор: А дети Тарасевич и Гулис тоже были связаны с партизанами?

Митман: Такой существовал порядок и приказ, чтобы вместе с родителями расстреливать и детей.

Прокурор: Когда расстреливают мать, тогда расстреливают и ребенка? Да?

Митман: Да, дети были расстреляны с матерями, это так.

Прокурор: Скажите, почему вы этим занимались?

Митман: Я тогда об этом не думал.

Прокурор: А сейчас думаете об этом?

Митман: Да, сейчас я уже об этом думаю.

Прокурор: Скажите, за что расстрелян по дороге в Вишневку 12-летний ребенок? Он был пойман и расстрелян лично вами.

Митман: Этот юноша шел в деревню Вишневку, чтобы узнать сколько в деревне находится людей, и передать в лес. На следующий день мы пошли на место, где мальчик должен передать сведения, но в лесу никого не оказалось и поэтому по возвращении он был расстрелян.

Прокурор: Других лиц, которых вы расстреляли, вы помните, кто они были, почему вы их расстреляли?

Митман: Имена, которые помню, я назвал. Остальных не помню.

Прокурор: Было так много расстреляно, что вы не можете

всех их вспомнить. Скажите, за что расстреляны вами в лесу три женщины и четверо мужчин?

Митман: Они также были заподозрены в связях с партизанами.

Прокурор: Сколько раз вы участвовали в карательных экспедициях против партизан?

Митман: Один раз.

Прокурор: На предварительном следствии вы говорили, что дважды принимали участие в карательных экспедициях. Почему вы сейчас об этом не показываете?

Митман: Да, действительно. Я два раза участвовал в экспедициях. (Шум в зале.)

Прокурор: Вы подтверждаете расстрел и сожжение в феврале 1943 года в деревне Лугское, Минского района, семьи Савицкого?

Митман: Да, это я подтверждаю.

Прокурор: Вы расстреляли и сожгли тела убитых семьи Савицкого?

Митман: Да, так точно.

Прокурор: В марте 1943 года вы с карательной экспедицией выезжали в деревню Липки?

Митман: Да, такой факт был.

Прокурор: Почему жители этой деревни подозревались в связях с партизанами?

Митман: Эти данные имел унтершарфюрер Резе; откуда он эти данные получил, я не знаю.

Прокурор: На предварительном следствии вы говорили, что население деревни было расстреляно, имущество и скот разграблено, а трупы расстрелянных сложены в доме, после чего деревня вместе с жителями была сожжена. Так это?

Митман: Да я подтверждаю эти показания.

Прокурор: Сколько же всего жителей в этой деревне было сожжено в домах?

Митман: Приблизительно 200—250 человек. Мы их не считали.

Прокурор: Как вы расцениваете такие злодеяния, как сожжение деревни с населением?

Митман: Да, это было жестоко.

Прокурор: Когда вы поняли, что это жестоко, когда были вахмистром или сейчас?

Митман: Еще тогда знал, что это жестоко, когда проводил первый расстрел.

Председатель: Подсудимый Митман, скажите, помимо расстрела 100 человек больных Минской лечебницы, какое количество больных было отравлено газом и как это происходило?

Митман: Когда я находился в этой больнице, было расстреляно только 100 человек больных.

Председатель: А откуда вам известно, что отравление газом там происходило?

Митман: В имении жил немец Ремплер. Он рассказывал мне, что в этой лечебнице было отравление больных газом.

Председатель: Какое количество было отравлено больных?

Митман: Я не знаю.

Председатель: Но такой факт имел место?

Митман: Да, имел место.

Председатель: Скажите, Митман, под чьим руководством рылись ямы для расстреляиных больных?

Митман: Ямы были вырыты под моим руководством по приказу обвахмистра Шмидта.

Председатель: А вы принимали участие в расстрелах?

Митман: Участия в расстрелах я не принимал, но конвоировал больных к ямам.

Председатель: Вблизи деревни Вишневка вами было поймаио 8 человек: 3 женщины, 4 мужчины и 12-летний мальчик и их расстреляли. Как вы установили, что эти лица имеют связь с партизанами?

Митман: Эти люди были из имения Вишневка.

Председатель: Вы русского языка не знаете, как вы могли с ними объясниться?

Митман: С нами был переводчик.

Председатель: Скажите, сколько вами отправлено в Германию советских граждан?

Митман: В Германию я никого не посылал.

Председатель: А раньше вы показывали, что вами отправлеио из Койданово 150 человек и из-под Минска 25 человек.

Митман: Да, это точно.

Председатель: У прокурора вопросы есть?

Прокурор: Есть. Скажите, Митман, куда девалось все имущество сожженного села Липки?

Митман: Все я перевез в деревию Вишневка: 35 коров, 5 или 6 лошадей, а также мебель.

Прокурор: В чем выразилось ваше участие в облаве и отправке молодежи в Германию?

Митман: В одной деревне, названия которой не помню, я задержал 25 человек, привел их на биржу труда в гор. Минск. Биржа труда иаправила их на работу в Германию.

Прокурор: Вы имели обязательство по отправке рабочей силы в германию?

Митман: Я получил это задание от мастера и должен был пойти за людьми и привести их.

Прокурор: Что это за мастер?

Митман: Мастер жандармерии Кестнель.

Прокурор: Что это за биржа труда, куда вы доставили молодежь?

Митман: Это не была биржа труда, это был сборный лагерь, и я этих людей привел в сборный лагерь.

Прокурор: По чьему приказу советские люди отправлялись на рабство в Германию?

Митман: По приказу генерального комиссара Кубе.

Прокурор: Расскажите о случае повешения одного крестьянина в районе Вишневки.

Митман: Это было в мае 1943 года. На лугу крестьянин косил сено. Насколько я сейчас помню, его фамилия была Низимович, но точно утверждать не могу. Эсэсовцы Якобсон и Трейде повесили этого человека, я не вешал. (В зале шум.) Я только связал руки. Труп висел пять дней для устрашения остального населения.

Прокурор: Расскажите о расстреле двух крестьян.

Митман: Это было в марте 1943 года. Трейде и Рейзе на дороге задержали двух крестьян, заподозрив их в связи с партизанами. Привели их в школу и здесь избили. Они были расстреляны за школой, а трупы бросили в яму за школой в 50 метрах.

Прокурор: Расскажите о расстреле еще двух крестьян, у которых вы забрали лошадей.

Митман: Это было зимой 1943 года. Мы возвращались с Рейзе из Минска. По дороге встретили двух крестьян на лошади. Рейзе проверил их документы и предложил им следовать за нами. В Вишневке они были расстреляны.

Прокурор: Вами расстреляно еще три человека, которых перед расстрелом жестоко избили. Вы и эсэсовцы травили этих людей собаками, так как они не признавали своей вины в связях с партизанами.

Митман: Так точно.

Прокурор: Их посадили в подвал и морили голодом 4—5 дней, после чего погрузили в сани и отвезли в лес?

Митман: Да, в лесу они были расстреляны.

Прокурор: Это было рядом с совхозом «Комсомолец»?

Митман: Нет, это было недалеко от имения Вишневка.

Прокурор: В расстреле принимали участие Трейде, Якобсон, Шмитке?

Митман: Так точно.

Прокурор: В совхозе Вишневка был арестован хозяйственник, его жестоко избили, его травили собаками?

Митман: Да, это тоже было.

Прокурор: Его привели в сарай и там расстреляли. В расстреле принимали участие унтерштурмфюрер Рейзе, Трейде и вы.

Митман: В этом расстреле я не участвовал.

Прокурор: А кто же участвовал?

Митман: Рейзе и Трейде.

Прокурор: Вы собственноручно 27 декабря дали об этом совершенно четкие показания.

Митман: Это не может быть, потому что я в этом расстреле не участвовал.

Прокурор: Чему же тогда верить. Тому, что вы говорили на предварительном следствии, или тому, что вы говорите сейчас?

Митман: И тому, что говорил на предварительном следствии, и тому, что говорю сейчас.

Прокурор: В расстреле хозяйственника совхоза Вишневка вы участвовали?

Митман: Я во всем признаюсь, в чем виновен, но в этом расстреле я не принимал участия.

Прокурор: Совсем не принимали участия?

Митман: Да, никакого участия в этом не принимал.

Прокурор: Я прошу суд удостоверить, что в деле имеются собственноручно написаные Митманом показания, в которых он подтвердил свое участие в расстреле хозяйственника совхоза Вишневка. (Зачитываются собственноручные показания Митмана.)

Председатель: Трибунал удостоверяет, что на листе дела 102 написаны собственноручно Митманом показания, подтверждающие этот факт.

Митман: Подтверждаю.

Председатель: У защиты имеются вопросы?

Адвокат Петренко: Скажите, кто у вас родители?

Митман: Крестьяне. Я проживал в Чехословакии с 1923 по 1936 год.

Петренко: Вы 1901 года рождения, а в германскую армию были мобилизованы только в 1941 году. Почему? К моменту призыва вы уже имели 40 лет.

Митман: Да, уже имел 40 лет. Не знаю, почему не призывали ранее.

Петренко: В члены нацистской партии вы вступили в 1940 году?

Митман: Да, только в 1940 году. Был рядовым членом. С нацистской литературой не знаком, с программой гитлеровской партии познакомился в 1940 году, книгу Гитлера «Майн кампф» не читал и грамотным членом нацистской партии себя не считаю.

Петренко: Скажите, когда производились расстрелы, вы разъезжали с отрядом жандармов и с вами всегда находились эсэсовцы?

Митман: Да, всегда находились и эсэсовцы.

Петренко: Они наблюдали за деятельностью вашей и вашего отряда?

Митман: Нет.

Петренко: Они самостоятельно действовали?

Митман: Нет, действовали совместно.

Петренко: Больше вопросов нет.

Председатель: Еще вопросы есть у защиты?

Адвокат Жудро: Митман, когда вы находились в жандармской школе в 1941 году, вас инструктировали, как нужно истреблять во время войны людей, в частности советских мирных граждан?

Митман: Нет, не инструктировали

Председатель: У кого еще из защиты есть вопросы? У кого из подсудимых есть вопросы к обвиняемому Митману? Вопросов нет. Садитесь, Митман.

Товарищ комендант, пригласите в зал заседания свидетельницу Акимову Наталию Николаевну.

Комендант: Свидетельница Акимова прибыла.

Председатель: Акимова Наталия Николаевна, 1917 года рождения, уроженка города Иркутска, беспартийная, под судом не была, высшее образование?

Акимова: Да.

Председатель: Где вы работаете?

Акимова: Работаю врачом в Минской психиатрической больнице в Новинках.

Председатель: Вы предупреждены об ответственности за дачу неправильных показаний. Сейчас вы покажете, как свидтель, что вам известно по данному делу.

Акимова: По делу уничтожения больных в трудовой больнице Новинки мне известно следующее.

Больные были уничтожены в Новинках в два приема. Первый раз уничтожение происходило путем отравления газом, второй раз были уничтожены остальные больные путем расстрела. Началось уничтожение больных после посещения в августе месяце колонии Новинки шефом СС полиции Гиммлером. Он осмотрел хроническое и рабочее отделения колонии Новинки и уехал. В начале сентября колонию посетил генеральный комиссар Кубе в сопровождении врача генерального комиссариата Вебера. 17 сентября в час ночи меня вызвал шеф местной полицейской бригады Вернер Воленбах, находившийся в колонии, и предложил сделать обход отделений колонии. В то время колония насчитывала около 300 человек больных.

Больные были размещены в двух рабочих отделениях—мужском и женском. Метод лечения к ним применялся—трудовой процесс. Они обрабатывали землю, которая принадлежала колонии. Остальные два отделения состояли из хроников, тоже мужчин и женщин. Воленбах был в нетрезвом состоянии. Когда мы пришли с ним в хроническое женское отделение и стали ходить по палатам, в коридор вышла одна больная и попросила у него закурить. Я стала успокаивать больную просила ее возвратиться в палату, но она меня не послушала. Тогда Воленбах вынул пистолет и на моих глазах больную застрелил.

Он приказал ночью захоронить больную, смыть кровь. Я была сильно потрясена всем случившимся и на рассвете поехала во вторую больницу посоветоваться с главным врачом больницы, как же в дальнейшем бороться с такими поступками немцев. Но главный врач—доктор Афонский ответил, что на немцев нам теперь жаловаться совершенно некуда.

Я возвратилась назад в колонию. Это было 18 сентября. Когда я приехала на территорию колонии, я заметила необычайную обстановку. На дворе, обычно оживленном, абсолютно никого не было, а возле конторы и на территории колонии стояло несколько грузовых и легковых машин. Я пошла по пустынной территории и недалеко от маленького хронического отделения встретила второго врача колонии—доктора Китаевича. Он был страшно взволнован и рассказал мне, что приблизительно за полчаса до моего возвращения на территорию колонии приехал офицер СС полиции в сопровождении химика и приказал доктору Китаевичу подготовить человек 20 больных на предмет испытания действия какого-то газа. Больных было приказано привести в помещение бани, находящейся тут же на территории колонии, а всех жителей с территории колонии убрать в свои дома.

Я пошла вместе с доктором Китаевичем к бане, возле которой стояли грузовые и легковые машины. Около машин возился немец, назвавший себя химиком. От машины отходил шланг к дверям бани. Из окна бани шла другая труба к генератору другой машины. Баня была герметически закрыта, в ней было помещено несколько человек больных.

Через полчаса немцы открыли двери бани и стали бросать на машины трупы. Машины с трупами ушли с территории колонии.

Когда я возвращалась в отделение, мне встретился тот офицер, который руководил отравлением больных. Он говорил по-русски и возмущенно накинулся на меня, спрашивал, на каком основании я шатаюсь на территории в то время, как отдан приказ, чтобы никого не было. Я ему ответила, что хожу по колонии потому, что являюсь главным врачом и желаю знать, что тут происходит с моими больными. Он мне ответил, что это меня не касается, и предложил мне сейчас же убраться.

Я пошла все-таки в тяжелое хроническое женское отделение для того, чтобы отобрать более сознательных больных, перевести их в рабочее отделение и этим спасти. Я уже наметила несколько больных, но в это время тот самый офицер в сопровождении шефа местной полиции стал барабанить в окно, предложив мне немедленно уйти, и при этом заявил: «Если вы немедленно не уйдете, вас уберут». Я ему стала объяснять, что я здесь являюсь врачом и желаю лечить больных. Он мне сказал, что ему все равно и что если я не послу-

шаюсь его, то он меня отправит вместе с больными. Я вынуждена была уйти.

В этот день они уничтожили хронических больных в количестве 120 человек, а на следующее утро вывозили на машине евреев, находившихся в рабочем отделении. Тех больных, которые не были уничтожены путем отравления газом, немцы расстреливали.

Таким образом первый раз было уничтожено около 200 больных. Остались больные рабочего отделения.

В конце октября на территорию колонии была послана бригада жандармерии, шефом ее являлся Шмидт, а его заместителем Митман. Жандармы неоднократно заходили в рабочее отделение и избивали больных нагайками.

Больных, которые имели родных и могли кое-как самостоятельно работать, я, совместно с доктором Китаевичем вывезла из больницы. Остальные больные, которые никого не имели, оставались у нас и их надо было кормить. 4 ноября я поехала в городскую управу для того, чтобы выписать продукты на больных. В управе мне заявили, что продуктов они выдавать не будут, так как больница закрыта. Я попросила начальника отдела здоровья при городской управе пройти со мной в генеральный комиссариат к Веберу для того, чтобы выяснить этот вопрос. Начальник и его сотрудники отказались со мной итти в генеральный комиссариат и я пошла к Веберу одна. В то время его не было, и меня принял его заместитель, он мне разрешил продлить кредит до 15 ноября и выписал питание. Но ввиду того, что рабочий день кончался, я с этой бумажкой поехала домой. Когда я приехала в колонию, то увидела, что больные очень встревожены. Они заявили мне о том, что их заставляют рыть какие-то ямы недалеко от больницы, приблизительно на расстоянии одного километра. Им объяснили, что эти ямы роют для установления каких-то пушек. Я, уже наученная горьким опытом предыдущего уничтожения, тоже очень расстроилась и взволновалась. Я спросила немца Воленбаха, что здесь происходит. Он меня успокоил и заявил, что ямы вырыты для установления орудий. Я успокоилась, успокоила больных и ушла домой.

На рассвете следующего дня, т. е. 5 ноября 1941 года, ко мне пришел хозяйственник и заявил о том, чтобы я в колонию не ходила, потому что туда приехала большая полицейская группа, которая окружила колонию и будет расстреливать больных.

Я вышла из дому часов в 6 утра, но в колонию не входила, а находилась около ларька, недалеко от больницы. Я заметила следующую картину: возле рабочего отделения, где размещались мужчины стояла большая охрана из полицейских.

Как я уже показала, в рабочем отделении находились созиательные больные. Видя угрожающую им опасность, больные пытались выскочить через окна второго этажа, но и тех, кто выскакивал, сейчас же схватывали, бросали в машину и отвозили к тому месту, где была вырыта яма.

То же самое происходило и с женщинами. Никакие мольбы и просьбы не помогали.

Все, в том числе и Митман, выводили больных из комнат, бросали их в машину, отвозили и расстреливали. Беспрерывно с места расположения ямы были слышны выстрелы. В этот день было покончено с больными и с больницей.

Председатель: Все?

Акимова: Да, все.

Председатель: Скажите, у вас Митман сколько времени находился?

Акимова: Митман находился при больнице недолго, дней 15.

Председатель: В числе сидящих здесь на скамье подсудимых вы можете опознать Митмана? Где он сидит?

Акимова: Могу, он сидит четвертый, считая справа налево в первом ряду.

Председатель: Прокурор, у Вас есть вопросы?

Прокурор: Скажите, свидетель, чем занимался в вашей больнице Митман?

Акимова: Он все время был командиром жандармов и полицейских. Во время расстрела больных Митман непосредственно отправлял их на машины и лично расстреливал.

Прокурор: Сколько всего было расстреляно больных?

Акимова: Удушено газом около 200 больных и около 100 человек расстреляно.

Прокурор: Среди умерщвленных больных были женщины, старики и дети?

Акимова: Да.

Прокурор: Больных увозили на обыкновенных машинах? Перед посадкой раздевали людей?

Акимова: Да, на обыкновенных. С тех, кого сажали в машину, снимали верхнюю одежду и обувь.

Прокурор: Было ли какое-нибудь сопротивление со стороны больных?

Акимова: Они упрашивали, умоляли, плакали.

Прокурор: Значит большое число людей, находившихся в вашей больнице и уничтоженных немцами, были выздоравливающими.

Акимова: Можно так сказать. Практически они уже могли работать.

Прокурор: При посадке больных на машину Митман имел

при себе охрану? Скажите, сколько всего жандармов производили расправу с больными?

Акимова: Их было очень много, но сколько я точно сказать не могу, примерно 70 жандармов. Митман носил форму жандарма.

Председатель: Еще есть вопросы?

Прокурор (обращаясь к Митману): Митман, вы узнаете свидетельницу, встречалась она вам в больнице?

Митман: Не помню.

Прокурор: А уничтожение больных в этой лечебнице вы признаете?

Митман: Когда это происходило, я там не был.

Прокурор: Свидетельница вас опознала и указала, что вы являлись активным участником уничтожения больных этой лечебницы. Подтверждаете ли вы свое участие в этом?

Митман: Я принимал участие только в расстреле 100 человек.

Прокурор: В течение какого срока вы находились в качестве жандарма при больнице?

Митман: С конца октября по 26 ноября 1941 года.

Прокурор: Кроме 100 больных, сколько человек вы еще там расстреляли?

Митман: Больше ничем в больнице не занимались.

Прокурор: Вы категорически отрицаете свое участие в удушение больных газами?

Митман: В удушении больных газами я не участвовал. Мне рассказал об этом Рейзе. Я расстрелял только 100 человек.

Председатель: У защиты имеются вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: У кого-нибудь из подсудимых имеются вопросы?—Нет.

Председатель: Вы, Митман, не признали свидетельницы Акимовой—главного врача?

Митман: Прошло несколько лет, и я никак не припомню.

Председатель: Свидетельница, садитесь.

Председатель: Комендант, пригласите свидетельницу Андросик Ольгу Ивановну.

Комендант: Свидетельница Андросик прибыла.

Председатель: Свидетельница Андросик, ваше имя, год рождения?

Андросик: Ольга Ивановна, 1903 года рождения, беспартийная, не судимая, проживаю в Марьиной Горке, домохозяйка.

Председатель: Свидетельница Андросик, вы предупреждены о даче только правильных показаний. Расскажите, что

вам известно по делу, по которому вызвали вас в качестве свидетеля?

Андросик: Граждане судьи, я расскажу, как немцы издевались над нашими советскими гражданами, что я своими глазами видела. Немцы, оккупировав Марьину Горку, Пуховичского района, 1 июля 1941 года, сразу же начали зверски издеваться над мирным советским населением. Евреям они сделали знаки на плечах—с левой стороны нашили желтые заплаты, заключили их в гетто, поместив по несколько семей вместе. Немцы собирали приблизительно по 80 евреев и, издеваясь над ними, гоняли по улице, заставляли ложиться и ползти на животе, а затем подниматься и снова принуждали бежать. Тех, кто быстро не справлялся это делать, били плетками и палками. После этого евреев пригнали во двор полиции, выстригли каждому на голове звезды, заставили без лестницы лезть на крышу конюшни, по крыше бегать и затем прыгать на землю с высоты 7 метров. Так над евреями издевались недели две, а затем погнали на Марьино-Горское кладбище и расстреляли.

На площади Ленина немцы сбили памятник Великого Ленина и построили виселицу. В сентябре 1941 года, в день массового расстрела, евреев выгнали на площадь Ленина, на которую приехали и машины. Я лично видела, как жандармы насильно заставляли лезть евреев в машины, а маленьких детей немцы сами бросали в машины.

В это время я проходила около площади, лично видела и слышала ужасные крики, плач, мольбу, просьбы. Евреи просили сохранить им жизнь. Соседка моя Фридман Хана заметила меня, подняла вверх своего маленького ребенка и просила, чтобы я взяла его и спасла ему жизнь. Я ничем не могла помочь, так как сама очень боялась, а Фридман Хана находилась под стражей. Все сердце обливалось кровью, ибо такой участи я ждала сама.

Придя домой, я из окна своей квартиры наблюдала, как беспрерывно шли машины на площадь и с площади. Евреев отправляли на Попову Горку, где с ними расправлялись. Так их возили до вечера. Попова Горка находилась от поселка Марьина Горка в 3 километрах.

В декабре месяце 1941 года немцы собрали 300 человек военнопленных и их сожгли. Перед новым 1942 годом на площади повесили бухгалтера Учдора Сарачинского. В начале 1942 года расстреляли много коммунистов и 100 человек цыган.

В ноябре 1942 года арестовали меня и моего сына. Арестовывало нас Осиповичское ГФП. Над нами зверски издевались, особенно над моим сыном. Сына моего расстреляли. Из моей родни расстреляно и сожжено 25 человек. Так все время

немцы производили зверскую расправу над мирными советскими гражданами до дня освобождения нас нашей славной Красной Армией.

Председатель: Все у вас?

Андросик: Все.

Председатель: Посмотрите на подсудимых, не узнаете ли вы кого-либо из тех, кто чинил зверства в поселке Марьина Горка?

Андросик: Узнаю, в первом ряду сидит, вот этот черный (указывает рукой на Митмана).

Председатель: Вы его знали?

Андросик: Фамилии и имени его я не знаю, но видела его в жандармской форме и его хорошо запомнила. Вечером в день после расстрела, я видела его в жандармерии, так как жандармерия находилась в 10 метрах от моего дома. Он же на площади в день расстрела евреев помогал погружать их в машины.

Председатель: Скажите, за что был арестован ваш сын?

Андросик: Сына и меня арестовали по подозрению в связях с партизанами.

Председатель: Вы говорили, что у вас погибло 25 человек родственников.

Андросик: Да, не считая тех, кто погиб на фронте.

Председатель: У прокурора есть вопросы?

Прокурор: У меня вопрос к Митману. (Обращается к Митману.) Понятно вам все, что свидетельница Андросик показала?

Митман: Так точно.

Прокурор: Почему вы не рассказали подробно о расстрелах, вами произведенных в Марьиной Горке?

Митман: В Марьиной Горке, где производили массовый расстрел я тоже лично расстрелял 4 человек.

Прокурор: Вы не 4 человек, а 1300 человек расстреляли.

Митман: Нет, только 4 человек и еще несколько детей, которые были ранены. (Шум в зале.)

Председатель (обращаясь к прокурору): У прокурора есть вопросы к свидетельнице?

Прокурор: Нет.

Председатель (обращаясь к защите): У защиты есть вопросы к свидетельнице?

Представитель защиты: Нет.

Председатель (обращаясь к Митману): Митман имеет вопросы к свидетельнице?

Митман: Нет.

Председатель (обращаясь к подсудимым): У других подсудимых нет вопросов?—Нет. (Обращаясь к свидетельнице): Садитесь.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 19 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: Судебное заседание Военного Трибунала продолжается. Товарищ комендант, вызовите свидетеля Шматуха.

Комендант: Свидетель Шматуха прибыл.

Председатель: Шматуха Максим Данилович, 1901 года рождения уроженец деревни Гута-Студеницкая, Корюковского района, Черниговской области. Беспартийный?

Шматуха: Да.

Председатель: Под судом были?

Шматуха: Не был.

Председатель: Где проживаете?

Шматуха: В поселке Марьина Горка. Работаю шофером.

Председатель: Вас Военный Трибуиал предупреждает, как свидетеля, об ответственности за дачу неправильных показаний. Расскажите, что вам известно по делу, по которому вы вызваны?

Шматуха: В сентябре 1941 года меня арестовали и вместе с машиной доставили в управление полиции. Когда я приехал в полицию, то увидел, что немцы идут группой по направлению гетто и узнал, что они увозят куда-то советских граждан. В то время у меня в доме скрывалось два человека, по национальности евреи. Я попросил начальника полиции Гордиевича, чтобы он меня отпустил домой. Он меня отпустил на 15 минут. Я пришел домой и предложил жене, чтобы она на работу никуда не уходила.

Когда я вернулся назад к управлению полиции, машин там уже не было. Я пошел по направлению площади Ленина и, встав в группу народа, собравшуюся здесь, увидел, что немцы грузили на машины советских граждан и направляли их на Попову Горку.

После этого я пошел в свое учреждение. В 3 часа полицейский нашел меня и повел к начальнику полиции Гордиевичу. Около управления полиции я увидел свою машину, в кабине сидел немец. Мне предложили вести машину, куда прикажут. Потом из полиции вывели русских военнопленных и 4 человек евреев посадили их в кузов машины, с ними сели 4 полицейских с автоматами.

Недалеко от совхоза «Индустрия» мне приказали остановить машину около ямы. 8—10-метровая яма была наполнена трупами. Немец мне приказал из кабинки никуда не вылезать. Я видел, что немцы ходят около ямы и пристреливают тех, кто еще шевелится. Один немец пристрелил мальчика в голову. Приехавшим на моей машине приказали вырыть еще одну яму. Когда яма была готова, каждый из рывших ее был взят

за шиворот, введен в эту яму и расстрелян в затылок из автоматов.

Потом приехала вторая машина и привезла 3 советских партийных людей, они были избиты так, что нельзя было узнать. В это время мне приказали ехать. Я уехал.

Председатель: Вы были свидетелем расстрела на Поповой Горке?

Шматуха: Да.

Председатель: Сколько было расстреляно всего человек?

Шматуха: Расстреляно, как известно было, из поселка Марьина Горка 700 человек и местечка Пуховичи 500 человек.

Председатель: Сколько было всего машин?

Шматуха: Когда я приехал к управлению полиции, там стояло 8 машин, моя была девятая.

Председатель: Кто производил расстрел?

Шматуха: Производили расстрел немцы.

Председатель: Шофером вы работали при полицейском управлении?

Шматуха: Нет, при дорожном управлении.

Председатель: В тот момент, когда вы были назначены увозить советских граждан к месту расстрела, вы никого не видели там из сидящих сейчас на скамье подсудимых?

Шматуха: Я вижу черного, среднего роста, в середине от переводчика четвертый человек.

Председатель: Четвертый человек—Митман?

Шматуха: Да, я узнал Митмана, но тогда фамилию я его не знал, но личность хорошо знаю.

Председатель: При каких обстоятельствах вы видели его, что он делал во время расстрелов?

Шматуха: Он ходил с пистолетом вокруг ямы, которая была наполнена убитыми, и если кто оказывался еще живым, он их пристреливал.

Председатель: Значит, он ходил и добивал раненых?

Шматуха: Да, добивал раненых.

Председатель: А когда грузили людей на машины?

Шматуха: В то время я не присутствовал, кроме того там было очень много немцев и трудно было бы узнать его.

Прокурор: Вы со своей машиной были мобилизованы для вывоза людей к месту расстрела? Много таких машин было мобилизовано?

Шматуха: 8 машин, моя была девятая.

Прокурор: В скольких километрах находилась Марьина Горка от Поповой Горки?

Шматуха: В 3 километрах.

Прокурор: Вам приходилось возить туда людей?

Шматуха: Я привез к яме только арестованных, сидевших при управлении полиции,—4 евреев и 12 военнопленных.

Прокурор: Скажите, среди расстрелянных были и дети?

Шматуха: Да, дети были в возрасте от 2—3 до 10 лет.

Прокурор: В Марьиной Горке преобладало еврейское население?

Шматуха: Да.

Прокурор: После расстрела вам приходилось встречать живых людей по национальности евреев?

Шматуха: Нет, не встречал.

Прокурор: После ареста и расстрела такой массы людей, что немцы делали с имуществом, оставшимся в их домах?

Шматуха: Имущество свозилось в управление полиции в Марьину Горку. Подушки, перины, одеяла продавали через магазины. Куда девалось остальное, я не знаю.

Прокурор: Митман ходил около могилы и расстреливал подававших признаки жизни людей. Видели вы это?

Шматуха: Я видел, что он наблюдает, не покажется ли где живой человек, и стрелял. Когда показался мальчик, он его также застрелил. Этот случай я особенно хорошо помню. Этот мальчик очень долго стоял в моих глазах.

Прокурор: На вас такое сильное впечатление произвело это?

Шматуха: Да, я это видел впервые в жизни. Этот мальчик 8 лет очень долго стоял перед моими глазами.

Прокурор: Вы наблюдали другие случаи, когда людей бросали в яму?

Шматуха: Я видел, как людей били винтовками и бросали в яму. В яме их укладывали и всех расстреляли. Я это видел.

Прокурор: Как собиралось население для расстрела?

Шматуха: Группами из гетто гнали на площадь, а потом машины подгоняли, в одну машину сажали женщин, в другую детей. Они кричали, а в них в это время стреляли, били резиновыми палками. Людей гнал отряд жандармерии. Они были в черной одеже. Жандармерия прибыла к нам перед расстрелом, до этого времени жандармерии у нас не было.

Прокурор: Вы сказали здесь, что два гражданина еврейской национальности находились в вашей квартире—это что, с целью укрытия?

Шматуха: У меня был сарай, наложенный сеном. Они в этом сене ночевали. Каждую ночь они приходили сюда и скрывались. У одного еврея был сынишка 12—14 лет, также ходил сюда, а в ночь перед расстрелом не пришел и с матерью погиб. А этим двум вечером я дал хлеба и еще кое-чего, перевел через железную дорогу. Они пошли в лес, это Зебецкий и Томчин.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет

Председатель: Митман имеет вопросы?

Митман: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы?

Кох: По рассказам свидетеля я сейчас вспомнил, что я со своей зондеркомандой таким же способом расстрелял людей. Это тогда было, когда немецкая армия отходила. Мы гнали советское население на запад. Было очень много стариков, женщин и детей. Они шли очень медленно. Поэтому мы выкопали яму, положили их всех в эту яму и только потом из пулеметов расстреляли.

Председатель: Стороны не возражают, чтобы свидетеля Шматуха освободить? Нет.

Председатель: Комендант, пригласите свидетеля Агейчика Семена Ивановича.

Комендант: Свидетель Агейчик прибыл.

Председатель: Агейчик Семен Иванович, 1888 года рождения, уроженец деревни Мацки, Заславльского района, Шепелевского сельсовета, работает кузнецом.

Агейчик: Да.

Председатель: Свидетель Агейчик, Военный Трибунал вас предупредил о том, чтобы вы показывали все известное вам по делу и только правду. Расскажите, что вы видели здесь во время оккупации?

Агейчик: Во-первых, чудовищные преступления совершал, вот он сидит здесь, черный, четвертый.

Председатель: Скажите, свидетель, у вас с Митманом была очная ставка?

Агейчик: Да, была.

Председатель: Митман, у вас была очная ставка со свидетелем Агейчиком?

Митман: Да, была.

Председатель: Свидетель Агейчик, вы опознаете Митмана?

Агейчик: Да, опознаю.

Председатель: Митман, вы опознаете свидетеля?

Митман: Да, так точно.

Агейчик: Они поехали в деревню Олекшичи, арестовали гражданку Гулис с племянником, привезли их в совхоз и там избивали. Она бросилась бежать, чтобы ее на ходу застрелили и больше не мучиться. Митман и Якобсон вместе с собакой поймали ее. Поймав, избили и посадили в подвал. Потом ее вывели на допрос. На допросе избивали и после избиений посадили на подводу, отвезли в лес на росстоянии 3 километра от совхоза и там расстреляли. Труп остался незакопанным.

Дальше рабочих Янковского, Ясюкевича и сына Вашкевича—мальчика 14 лет—также 6 дней мучили, избивали, допра-

шивали, но они ни в чем не сознались. Затем травили собакой, собака оборвала все тело на них. После шестидневного мучения их вывезли под участок Видогорщ в лес и расстреляли.

Через некоторое время забрали женщину с 4 детьми, которая приютила бойца Красной Армии. Этот боец уехал на лошади, а женщину с 4 детьми арестовали, отвезли под Видогорщ и там их расстреляли.

В конце апреля 1943 года пришел карательный отряд. К нам этот отряд пришел как будто для строительства. На самом деле ночью он направился куда-то в поход, а утром еще 6 человек, в том числе и Митман, тоже уехали.

Они поехали в деревню Лясины, Логойского района, согнали там мирных жителей в два сарая и сожгли живьем. Какое участие принимал Митман, я не могу сказать, ибо не был там. Все имущество оттуда они привезли. Часть имущества забрал карательный отряд, а другая часть осталась в этом немецком хозяйстве.

1 мая карательный отряд приехал на мотоциклах. Он остановился, группу, в которой находился Митман, угостил и поехал в деревню Колоница. Деревню Колоница отряд окружил. Вслед за ним из совхоза Вишневка немцы, вместе с Митманом, также выехали в Колоницу, и там всех граждан расстреляли. Только небольшое количество убежало из-под расстрела. Немцы забрали имущество, скот, а трупы расстрелянных сожгли в домах. Тогда была сожжена вся деревня.

В июле месяце арестовали преподавателя Герасимовича Ивана и гражданина Гайдукевича. Их избивали. Затем Гайдукевича отправили в сарай как будто бы искать оружие и там его застрелили. В этот же день, под вечер, Герасимовича повесили. Митман принимал участие в повешении. Он принес веревку и помогал связывать руки.

Еще было и такое дело. Рабочие поехали в Масловичи за сеном. Партизаны отобрали у рабочих лошадей. Немцы направились в погоню за партизанами, но повернули в другую сторону, в деревню Лусково. Там они избили одного мирного крестьянина, бросили его в дом и зажгли. В этом доме было сожжено 3 человека.

Больше я ничего сказать не могу.

Председатель: Скажите, свидетель, в момент оккупации вы проживали в поселке Вишневка и работали в качестве кузнеца?

Агейчик: Да.

Председатель: Вы далеко жили от управления жаидармского пункта?

Агейчик: Метров 300—400.

Председатель: Вы на работу проходили мимо этого пункта?

Агейчик: Да, на работу я ходил мимо этого пункта, и кузница была не так далеко. Приходилось, проходя мимо, слышать, как избивали людей, как их собаками травили. Когда я видел, что приводят человека, я брал ключи, молотки и шёл в кузницу как будто машины ремонтировать, а на самом деле смотрел, что они делали.

Председатель: Скажите, какую должность там занимал Митман?

Агейчик: Он был начальником жандармского пункта. Жандармы проезжих людей хватали и убивали.

Председатель: Допрашивали?

Агейчик: Заведут арестованных в дом, допрашивают, бьют, а потом расстреливают. Логойский и Плещеницкий районы— это были партизанские районы, и они считали, что там все партизаны.

Председатель: Какие деревни при посредстве Митмана были сожжены?

Агейчик: Лесины, Колоница, Вышково, Булаши.

Председатель: Митман, как начальник жандармского пункта, принимал непосредственное участие в сожжении этих деревень?

Агейчик: Он выезжал в эти деревни, а какое участие он принимал, я не знаю.

Председатель: Скажите, эта Тарасевич Ева с 4 детьми за что была расстреляна?

Агейчик: Отставший красноармеец у нее приютился, он прожил некоторое время у нее, и на ее лошади уехал. За то, что он уехал, ее расстреляли с 4 малыми детьми.

Председатель: Скажите, свидетель Агейчик, этот военнослужащий, который проживал у Тарасевич, являлся ее родственником?

Агейчик: Никаким родственником, совершенно незнакомый.

Председатель: Значит, Тарасевич расстреляли ни за что, ни про что, для устрашения?

Агейчик: Да, для устрашения.

Председатель (обращаясь к прокурору): У прокурора есть вопросы к свидетелю?

Прокурор: Да, значит, вы Митмана знали хорошо?

Агейчик: Я его знал два года.

Председатель: Митман, вы подтверждаете все показания свидетеля?

Митман: Да, но только я был не два года, а 16 месяцев.

Председатель: Можно натворить за 16 месяцев больше, чем за 5 лет. (Шум в зале.) Вы подтверждаете показания свидетеля?

Митман: Я был не один, со мной был Рейзе.

Председатель: Защита имеет вопросы к свидетелю?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Стороны не возражают отпустить свидетеля? — Нет.

Агейчик: Я хочу еще немножко добавить к своим показаниям. В 1941 году 3 августа моя дочка попала к немцам, и я не знаю, повесили ее или расстреляли. В то время ей было 18 лет. Это было в момент наступления немцев, в самом начале — 3 августа 1941 года.

Председатель: До сих пор вы не имеете сведений о вашей дочери?

Агейчик. Нет. Она в лесу в то время перевязывала раненых бойцов, и ее захватили вместе с бойцами, после чего ее отвезли в Минск в тюрьму и она просидела там 12 дней, и судьбу ее с 1941 года я не знаю.

Председатель: Садитесь.

Председатель: Товарищ комендант, вызовите свидетельницу Иотко.

Комендаит: Свидетельница Иотко прибыла.

Председатель: Иотко Вера Романовна, 1910 года рождения, беспартийная, работает в совхозе «Вишневка» в детском доме воспитательницей.

Иотко: Да.

Председатель: Под судом не были?

Иотко: Нет.

Председатель: Военный Трибунал предупреждает вас, что вы обязаны давать правдивые показания по тому делу, по которому вы вызваны в качестве свидетеля. Расскажите, что вам известно по этому делу.

Иотко: Со времени оккупации совхоз Вишневка сразу превратился в лагерь. Здесь укрепился пункт жандармерии, которым руководил Митман.

В августе 1943 года прибыл в совхоз какой-то мальчик 12—13 лет, он зашёл к немке Реш, она что-то заподозрила и отвела его в жандармерию. Он там переночевал, а утром своими глазами я видела, как Митман и два полицейских кого-то поджидали недалеко от белого дома.

Председатель: Около дома, где помещался жандармский пункт?

Иотко: Да. После они ушли в белый дом, и часа в 2—3 дня я видела, как Митман и Шмитке вели на опушку леса того мальчика и там его расстреляли.

В январе 1943 года были арестованы работники совхоза Язюкевич, Янковская, Пашкевич. Их пытали три раза в день, били палками, травили собаками, а после загоняли в подвал.

Так продолжалось пять дней, а на шестой их расстреляли на участке Видогорщ.

В январе или феврале, точно не помню, 1943 года в деревне Олешец была арестована гражданка Гулис и доставлена в жандармский пункт с семилетним ребёнком и со всем имуществом. Её пытали, били палками, травили собаками. После избиения ее сажали в подвал. Часа в 4—5 вечера она была отведена Решем, Предгирем и Рейзе в местечко Видогорщ и там с ребёнком расстреляна... Трупы оставались незахороненными.

В июне 1943 года арестовали Гайдукевича и учителя из деревни Ковшево Герасимовича, их обоих избивали, травили собаками. Я там работала и видела, что и Митман в этом участвовал.

После работы, в 8 часов вечера, немцы собрали все население совхоза смотреть, как будут вешать учителя. Была приготовлена лестница, Герасимович был выведен из подвала весь израненный. Митман связал ему веревкой руки. Герасимович, стоя на лестнице перед повешением, сказал: «Пусть живет Советская Белоруссия!».

В марте месяце был арестован гражданин совхоза Вишневки Тарасевич. В аресте участвовали Реш, Резедер, Рейзе. Пыток над Тарасевичем не производили, его увезли в Видогорщ и там расстреляли. Труп остался незахороненным.

Председатель: Свидетельница Иотко, у вас была очная ставка с подсудимым Митманом?

Иотко: Да, была.

Председатель: Скажите, среди сидящих на скамье подсудимых вы узнаете подсудимого Митмана?

Иотко: Слева направо четвёртый (Митман встаёт). Да, вот этот.

Председатель (к Митману): Вы узнаете свидетельницу Иотко?

Митман: Да.

Председатель: Очная ставка у вас с ней была?

Митман: Да.

Председатель: Скажите, подсудимый Митман, вы подтверждаете все то, что показывала свидетельница Иотко?

Митман: Да, но я все выполнял по приказу унтершарфюрера Рейзе.

Председатель: Защита не имеет вопросов?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Стороны не имеют вопросов? — Нет.

Председатель: К освобождению свидетельницы Иотко нет возражений? — Нет.

Председатель: Товарищ комендант, прошу пригласить свидетеля Чуевского.

Комендант: Свидетель Чуевский прибыл.

Председатель: Чуевский Владимир Васильевич, 1914 года рождения, уроженец деревни Кукшевичи, Дзержинского района, Минской области. Образование среднее, беспартийный, работает учителем Кукшевской начальной школы, под судом не был?

Чуевский: Да

Председатель: Свидетель Чуевский, Военный Трибунал предупреждает, что вы должны давать только правильные показания. Расскажите Трибуналу, что вам известно по данному делу?

Чуевский: В 1942 году жандармерией и полицней города Дзержинска было собрано население деревни Рябиновки копать ямы. Ямы готовились якобы, для бензоскладов. Ширина ям была 3 метра, глубина 3 метра и длина 12 метров. В декабре были расстреляны в этих ямах 2 человека из деревни Каменка, Дзержинского района. В ноябре было привезено на пяти машинах из Руденского района 25—30 человек, которые также были расстреляны в этих ямах. Об этом мне рассказала одна раненая женщина, которая выбралась из этой ямы и пришла ко мне в дом.

В марте 1942 года из Минска прибыл железнодорожный состав на станцию Койданово. Людей привезли якобы для работы по строительству Станьковской ветки. Эшелон был из 40 вагонов. Все люди привезенные в этом эшелоне, были расстреляны в ямах. На следующий день после расстрела был вызван карательный отряд жандармерии и полиции из Минска, и раненых добивали в ямах гранатами. Народ просил, особенно ребятишки, чтобы их не добивали, но немцы без всякой пощады расстреливали всех поголовно. Ямы долгое время были открыты. В мае месяце из лагеря были пригнаны военнопленные и ямы закрыли.

Председатель: В числе расстрелянных лиц, прибывших в эшелоне, были женщины, старики, дети?

Чуевский: Были дети, женщины, старики. Эшелон прибыл под предлогом работы в Станьковском гарнизоне. Люди были различных национальностей и имел при себе инструмент.

Председатель: Кто они были по национальности?

Чуевский: По национальности большинство было евреев.

Председатель: А как поступили с семьями расстрелянных?

Чуевский: Семьи были расстреляны позже.

Председатель: А что было с теми людьми, которые были ранены и продолжали жить. Их добивали?

Чуевский: Тут же добивали. Из этих лиц у нас было 2 человека спрятаны в погреб. Полиция их нашла и добила. В деревнях делали обыски, чтобы никто не спасся. После этого немцы у нас в деревне забрали продукты и арестовали несколько человек.

Председатель: В первом случае, о котором вы говорили, в ноябре месяце, были расстреляны советские граждане?

Чуевский: Расстреляны были Пекарский и Красовский из деревни Каменки, 1923—1924 года рождения.

Председатель: По какому поводу они были расстреляны?

Чуевский: Точно не могу сказать.

Председатель: Они односельчане?

Чуевский: Да, проживали в 4 километрах от нас.

Председатель: Чем они занимались?

Чуевский: До войны учились в школе, потом работали в сельском хозяйстве.

Председатель: Почему были расстреляны в декабре 1941 года 25—30 человек?

Чуевский: Партизаны взорвали железную дорогу, после чего в деревню, которая лежала вблизи от железной дороги, пришли немцы, согнали людей всех, кто был, посадили на машины, привезли к яме и расстреляли. Они были ни в чем не повинны.

Председатель: Эти 25—30 человек были партизаны?

Чуевский: Нет, партизан среди этих людей не было, они работали на хозяйстве.

Председатель: Значит, они также являлись мирными гражданами?

Чуевский: Мирными гражданами Руденского района.

Председатель: Какая обстановка была в момент оккупации этой территории немцами, как немцы относились к мирному населению?

Чуевский: Немцы к мирному населению относились по-зверски, сожгли деревню Рудицу—150 дворов. Приехали жандармы из Дзержинска и Минска проверять паспорта, загнали всех в сарай и вместе с населением сожгли.

Председатель: Сколько дворов было в деревне?

Чуевский: 150 дворов.

Председатель: Какое население было?

Чуевский: Население все мирное.

Председатель: А какое количество в этом населенном пункте жителей?

Чуевский: Точно не могу сказать.

Председатель: Но это мирные граждане, старики, дети, жинщины?

Чуевский: Так точно, мирные граждане. Все имущество, весь скот забрали немцы и увезли с собой.

Председатель (обращаясь к прокурору): Прокурор имеет вопросы?

Прокурор: Нет.

Председатель (обращаясь к защите): Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Митман имеет вопросы?

Митман: Нет.

Председатель: Стороны не возражают отпустить свидетеля?

Прокурор и защита: Нет.

Председатель (обращаясь к прокурору): Имеются у прокурора вопросы к подсудимому Митману?

Прокурор: Нет.

Председатель (обращаясь к защите): Защита имеет вопросы к подсудимому Митману?

Представитель защиты: Нет.

Председатель (обращаясь к подсудимому Айку): Подсудимый Айк, показания, которые вы давали на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Айк: Нет, не могу их подтвердить.

Председатель: А давали показания, в которых вы признавали свою вину?

Айк: При допросах у меня было состояние здоровья очень нехорошее, сегодня я себя чувствую прекрасно и сегодня я буду отвечать как следует и расскажу всю правду.

Председатель: Отвечайте на вопросы прокурора.

Прокурор: Скажите, Айк, когда вы были призваны в немецкую армию?

Айк: В эту войну 26 августа 1939 года.

Прокурор: Когда получили звание капитана?

Айк: 1 августа 1942 года.

Прокурор: Первый чин офицера в каком году вам присвоен?

Айк: 27 августа 1939 года я получил звание лейтенанта.

Прокурор: Это первое звание офицера?

Айк: Да.

Прокурор: Почему вам присвоено сразу звание лейтенанта?

Айк: Потому, что в первую войну я имел самую высокую награду—прусский крест в золоте.

Прокурор: За какие подвиги вы получили такую награду?

Айк: Во Франции, возле Шаман-До, я получил от командира полка задание (я там служил как связной) найти один полк, который потерялся. Я этот полк нашел, это была очень большая заслуга и поэтому я получил высшую награду.

Прокурор: В каком году это было?

Айк: В июне 1918 года.

Прокурор: В каких родах войск немецкой армии вы служили с 1939 года и какие должности занимали? Расскажите последовательно.

Айк: В кампании против Польши я служил в первом батальоне 317 пехотного полка как офицер-ординарец. После

ранения служил в резервном батальоне этого полка. Затем я был направлен в местную комендатуру 1/842 на место первого офицера капитана, который заболел, на должность офицера особого назначения.

Прокурор: Во Францию вы были направлены на должность офицера особых поручений?

Айк: Да.

Прокурор: Скажите, когда вы вступили в фашистскую партию?

Айк: 1 мая 1933 года.

Прокурор: Какие у вас соображения были при вступлении в нацистскую партию?

Айк: Я был несколько лет безработным, жил в деревне очень плохо, имел семью и надеялся, что если вступлю в партию, я смогу содержать мою семью.

Прокурор: Значит, вступая в фашистскую партию, вы преследовали только шкурные интересы?

Айк: Так точно. (Смех в зале.)

Прокурор: Другие соображения у вас были?

Айк: Нет.

Прокурор: Чем же объяснить, что вы так преданно работали?

Айк: Это была случайность. Я случайно работал в партии. (В зале смех.)

Прокурор: В Советский Союз впервые вы приехали из Франции?

Айк: Да, из Франции. Мы перешли границу 24 июня 1941 года.

Прокурор: Из Франции вы выехали 22 июня 1941 года, т. е. в день начала войны Германии с Советским Союзом?

Айк: Нет, местная комендатура, в которой я служил в Руане (Франция), закончила свои дела в мае 1941 года и тогда же оттуда выехала.

Прокурор: А не в связи с войной оттуда выехали?

Айк: Сегодня я могу сказать да, но тогда об этом никто не знал. Мы прибыли в Брест-Литовск 24 июня 1941 года.

Прокурор: Какие конкретно задачи были поставлены перед вашей комендатурой?

Айк: Задачами местной комендатуры были: в городах и деревнях следить за порядком, следить за поведением населения.

Прокурор: Скажите прямо, что, ворвавшись на территорию Советской России, вы должны были установить свои порядки на этой территории.

Айк: Да.

Прокурор: В вашу обязанность входило внедрять в созна-

ние советских людей «новый порядок» путем расстрелов, сожжения сел, деревень, повешения?

Айк: Нет.

Прокурор: Скажите, как же вы проводили охрану этого «нового порядка»?

Айк: Местные комендатуры назначали бургомистров и приказали им найти людей, которые будут работать в наших интересах. В этом городе было очень сложно работать, так как в нем находились три нации: поляки, украинцы и русские.

Прокурор: Ваша комендатура часто занималась расстрелами, арестами, повешением тех, кто препятствовал установлению вашего «нового порядка»?

Айк: Местная комендатура не могла быть на одном месте, потому что дивизия продвигалась все дальше за фронтом.

Прокурор: В начале июля 1941 года вы вместе с комендатурой, которая входила в состав 286 охранной дивизии, передислоцировались в Оршу?

Айк: Так точно.

Прокурор: Кто был в то время командиром 286 охранной дивизии?

Айк: Генерал Моллер.

Прокурор: А летом 1942 года кто стал командиром дивизии?

Айк: Генерал Рихерт.

Прокурор: Скажите, и в бытность командиром дивизии Моллера, и в бытность командиром ее Рихерта ваша комендатура постоянно входила в состав этой дивизии?

Айк: Да, все время.

Прокурор: Во всех операциях, которые проводила 286 охранная дивизия под командованием Моллера и Рихерта, ваша комендатура принимала участие?

Айк: Местная комендатура принимала участие в операциях, которые происходили в Орше и вокруг Орши.

Прокурор: В каких же операциях, которые происходили в Орше и вокруг Орши вы принимали участие и в чем это участие выразилось?

Айк: Ни в Орше, ни вокруг города операций не проводили.

Прокурор: В комендатуре города Орши вы работали с 21 июля 1941 года по 23 января 1943 года?

Айк: Так точно.

Прокурор: Скажите, согласно приказу командира 286 охранной дивизии генерала Рихерта, вы на протяжении 6 месяцев являлись председателем комиссии по учету всей рабочей силы и отправке советских граждан в Германию?

Айк: Я был председателем комиссии, которая имела задание найти людей для работы.

Прокурор: Для работы где?

Айк: Перед комиссией была поставлена задача: найти людей, которые являлись лишними на разных предприятиях в городе Орше.

Прокурор: И сколько же вы, как председатель комиссии, учрежденной командиром дивизии Рихертом, за этот период времени нашли рабочей силы для отправки в Германию?

Айк: Я сейчас цифры не могу назвать, но хочу сказать, что та цифра, которую я назвал при допросе на предварительном следствии, правильная.

Прокурор: На предварительном следствии вы назвали цифру свыше 100 человек.

Айк: Правильно.

Прокурор: Как же вы находили рабочую силу для отправки в Германию?

Айк: Руководителю предприятия поручалось составить список людей, которые у него работают, он должен был доказать, что все перечисленные в списке рабочие действительно ему нужны. Отобранные нами люди оставались в Орше.

Прокурор: Только что на мой вопрос вы уже ответили, что набранные вами люди были отправлены в Германию. Чему же верить?

Айк: Цифру, которую я назвал—100 человек, правильна. Однако, об отправке этих людей в Германию я не говорил.

Прокурор: Вы же на предварительном следствии сказали: «Мое участие заключалось только в том, что я давал проездные билеты гражданам, отправляемым в Германию».

Айк: Это были не билеты, а что-то в роде пропусков, которые выдавались железной дороге для того, чтобы она знала, что это перевозка людей, а не какого-либо груза.

Прокурор: Какие функции входили в вашу обязанность, как офицера особых поручений?

Айк: Я имел одно задание — выполнять все приказы, которые давались дивизией местной комендатуре.

Прокурор: Что вы конкретно выполняли, чем ведали?

Айк: Получал приказы отделов 1-Б и 1-Ц.

Прокурор: Какая у вас была увязка в работе с тайной полевой полицией?

Айк: Начальник отдела 1-Ц приказывал сообщать в ГФП о лицах, подозреваемых в шпионаже.

Прокурор: Будучи офицером для особых поручений, вы в то же время являлись заместителем начальника местной комендатуры?

Айк: Нет.

Прокурор: Тюрьмой вы ведали?

Айк: Нет, я наблюдал за тюрьмой.

Прокурор: Как вы увязывали свою работу с органами жандармерии?

Айк: Я работал вместе с жандармерией.

Прокурор: А также вместе с тайной пелевой полицией?

Айк: Да, связь с ГФП заключалась в том, что я оттуда получал донесения.

Прокурор: По этим донесениям жандармы проводили аресты советских граждан?

Айк: Так должно быть, но я донесений не получал, так как они передавались непосредственно в жандармерию.

Прокурор: Значит, вы занимались выявлением лиц, связанных с партизанами, а также лиц, саботировавших мероприятия, проводимые немцами. На предварительном следствии вы также показали:

«Да, я занимался выявлением партизан, их связных и лиц, проводящих саботаж мероприятий немецкой власти. Обо всех установленных мною лицах я доносил СД и тайной полиции, которая впоследствии производила аресты советских граждан».

Айк: Нет, только те донесения, которые ко мне поступали, я передавал дальше.

Прокурор: На вопрос, который вам был поставлен 22 декабря, вы тогда показали, что в бытность вашу в Орше, вы занимались выявлением партизан, лиц, имевших с ними связь, и саботажников. Какое количество людей было установлено и передано в жандармерию?

Айк: Я тогда показал, что такое задание имел, это и сейчас также подтверждаю, но донёс в гестапо я только об одном случае.

Мне сообщили, что к одному рабочему типографии города Орши ночью приходил офицер Красной Армии и просил у него карандаши, бумагу и хлеб. Этот офицер просил рабочего типографии передать бургомистру, который являлся братом офицера, чтобы тот в определённый день пришёл в город Оршу на кладбище.

Прокурор: Вы донесли в гестапо только об этом случае?

Айк: Нет, ещё было два-три случая, о которых я доносил туда.

Прокурор: На предварительном следствии вы показали: «Я сейчас не помню, сколько человек мною установлено и все ли были арестованы по моим донесениям, точно я не могу сказать».

Айк: Лично я никого не арестовывал, а сколько материалов я передавал в жандармерию, не помню.

Прокурор: Вы учётом военнопленных ведали?

Айк: Так точно. Контроль осуществлялся с того момента, когда военнопленные покидали лагерь.

Прокурор: Учётом лиц, заподозренных в связях с партизанами, вы занимались?

Айк: Нет.

Прокурор: Начальником тюрьмы в Орше вы были?

Айк: Я не был начальником тюрьмы в Орше.

Прокурор: А заместителем коменданта вы были?

Айк: Не был.

Прокурор: Вы на предварительном следствии показали: «Начальником тюрьмы был я».

Айк: Я только управлял жандармерией и имел задание наблюдать за тюрьмой.

Прокурор: Значит, вы осуществляли охрану тюрьмы и являлись шефом тюрьмы?

Айк: Так точно. (Смех в зале.)

Прокурор: Теперь всё ясно, вы обижаетесь, что мы вас понижаем в должности. (Смех в зале.) Скажите, из кого состоял надзирательский состав тюрьмы, вы, как шеф, должны знать?

Айк. Надзирательский состав тюрьмы состоял из жандармерии и полицейских.

Прокурор: Расскажите о фактах наложения контрибуции на еврейское население города Орши.

Айк: Приблизительно в январе 1942 года я был вызван начальником полевой комендатуры бароном Ашеберг, от которого получил приказ—организовать при гражданском отделе местной комендатуры штаб и в Орше мне было поручено организовать гетто.

Прокурор: От кого вы получили приказ об организации совета старших, затем гетто?

Айк: Я получил этот приказ от начальника полевой комендатуры—подполковника фон Ашеберга.

Прокурор: Сколько собрано в порядке контрибуции с еврейского населения всяких ценностей, на какую сумму?

Айк: Контрибуция для еврейского населения города Орши была определена в 150 000 рублей.

Прокурор: В чей адрес были направлены все эти ценности на 150 000 рублей?

Айк: Деньги никуда не отправлялись. Они оставались в управлении города.

Прокурор: С какой целью?

Айк: Управление города Орши не имело никаких средств, а деньги там были нужны.

Прокурор: Разве городской бюджет Орши пополнялся за счёт контрибуции?

Айк: Эта контрибуция существовала уже к моменту прибытия комендатуры в город Оршу и являлась первым фондом управления города.

Прокурор: По вопросу, куда девать серебро, вы звонили куда-нибудь?

Айк: Полевая комендатура мне приказала направить

золото, серебро и другие ценности в Берлин на счёт управления города Орши.

Прокурор: И это было сделано?

Айк: Ценные вещи я послал в Берлин, а управленне города Орши могло получить деньги в банке города Минска.

Прокурор: При чём здесь Минск?

Айк: Потому, что банк имел свой счёт в Минске.

Прокурор: Почему эта операция проводилась таким сложным путем?

Айк: Я этого не знаю. Мие только приказали заняться отправкой золота и серебра.

Прокурор: Значит, золото и серебро было направлено в Берлин?

Айк: Да.

Прокурор: Учетом населения в Орше занимались вы персонально?

Айк: Да.

Прокурор: Почему именно был проведен учет только еврейского населения?

Айк: Учет еврейского населения был проведен до моего прибытия в Оршу. Я принял эти списки только для того, чтобы знать, где живут евреи.

Прокурор: У вас было совещание по вопросу организации гетто. Кто присутствовал, когда решался вопрос о создании гетто?

Айк: Только начальник полевой комендатуры и я.

Прокурор: Как фамилия этого начальника?

Айк: Полковник барон фон Ашеберг.

Прокурор: Какое решение было принято на этом совещании?

Айк: Я получил приказ организовать гетто. Нужно было найти подходящую местность, чтобы легче было наблюдать за гетто и чтобы можно было огородить колючей проволокой.

Прокурор: Когда вы приступили к организации гетто?

Айк: В сентябре 1941 года.

Прокурор: С какой целью вы создали гетто для еврейского населения?

Айк: Я получил приказ.

Прокурор: С какой целью оно было создано?

Айк: Для того, чтобы отделить еврейское население от русского.

Прокурор: Созданием гетто, вы говорите, преследовалась единственная цель—изолировать еврейское население от русского?

Айк: Да, тогда я так понимал.

Прокурор: Какова судьба заключенных в гетто?

Айк: Не знаю, но политика национал-социалистской пар-

тии направлена на то, чтобы отделять еврейское население от другого населения и вообще отделять евреев от мира.

Прокурор: Что это значит отделять—уничтожать?

Айк: Нет, не уничтожать.

Прокурор: А как понимать выражение—отделять от мира?

Айк: Отделять от жизни немецкого народа.

Прокурор: Сколько месяцев еврейское население содержалось в гетто?

Айк: Три месяца.

Прокурор: Какова дальнейшая судьба людей, содержавшихся в гетто?

Айк: Они были расстреляны.

Прокурор: Какое количество советских граждан еврейской национальности было расстреляно и где? Расскажите, как организовали этот расстрел?

Айк: Тогда расстреляли 1750 человек.

Прокурор: В чем они обвинялись?

Айк: Ни в чем.

Прокурор: Это было выполнение программы национал-социалистской партии?

Айк: Да.

Прокурор: Расскажите, как был проведен расстрел?

Айк: На этом совещании полевой комендатуры было решено, что СД примет гетто. Начальник полевой комендатуры барон Ашеберг распределил задания. В них было предусмотрено и распределение вещей расстрелянных. Начальник СД несколько опоздал на это совещание.

Прокурор: Как его фамилия?

Айк: Оберштурмфюрер Решке.

Прокурор: Зачем он пришел, о чем был разговор?

Айк: Речь шла о том, что гетто должно быть ликвидировано. День ликвидации гетто, он сказал, сообщит мне позднее.

Прокурор: Когда же он вам сказал?

Айк: В этот же вечер он звонил мне по телефону и назвал день ликвидации гетто.

Прокурор: Вы ознакомили Решке с расположением гетто, когда он к вам пришел?

Айк: Да, я передал ему список и с ним сделал обход гетто.

Прокурор. Вами были приняты меры к надлежащей охране гетто?

Айк: Да, местная комендатура окружила гетто.

Прокурор: Руководителем комендатуры, окружившей гетто, являлись вы?

Айк: Нет, местный комендант.

Прокурор: А ваша роль в чем заключалась?

Айк: Я только выделил людей для окружения гетто.

Прокурор: Охраной гетто вы руководили?

Айк: Нет.

Прокурор: Скажите, с чего началось уничтожение гетто?

Айк: При окружении гетто я не был. Утром меня вызвали для того, чтобы убрать людей, которые никакого отношения не имели к гетто. Выполнив это, я сразу пошел к месту расстрела.

Прокурор: Назовите место, где расстреливались заключенные в гетто.

Айк: Производились расстрелы на еврейском кладбище, недалеко от гетто, партиями в 25 человек.

Прокурор: Как было объявлено заключенным гетто, куда их везут?

Айк: На улицу Энгельса.

Прокурор: О чем был у вас разговор с Решке в 11 — 12 часов утра, когда он вас вызвал в гетто?

Айк: Расстрел начался в 7 часов утра, а меня Решке вызвал для того, чтобы попросить дополнительно людей из комендатуры для того, чтобы их направить для охраны гетто. Больше мы с ним ни о чем не разговаривали.

Прокурор: Вам был дан приказ обеспечить надежной охраной место расстрела?

Айк: Нет.

Прокурор: Вы присутствовали при расстреле?

Айк: Да, Решке меня пригласил посмотреть.

Прокурор: Для впечатления?

Айк: Да, для впечатления. Иначе это нельзя назвать. Я был там только из-за любопытства.

Прокурор: Ваши люди охраняли место расстрела, чтобы не разбежались пригнанные туда люди?

Айк: 10 человек, которые мне подчинялись, участвовали в охранении, а остальные подчинялись местной комендатуре.

Прокурор: Значит, вы со своими десятью человеками команды охраняли место расстрела?

Айк: Мои люди получили приказ и должны были выполнить этот приказ.

Прокурор: Вы лично в расстреле участие принимали?

Айк: Я только был наблюдателем.

Прокурор: Кто производил непосредственно расстрелы?

Айк: Один человек из СС. Ему помогал человек, который подготавливал оружие.

Прокурор: Значит, расстрел производили только два человека: один стрелял из автомата, а другой подготавливал оружие?

Айк: Расстреливал взвод СС, а остальные были только наблюдателями.

Прокурор: Кто руководил расстрелом?

Айк: Я не руководил. За расстрел отвечало только СД,

которое производило расстрелы. Другие люди за это ие отвечали.

Прокурор: Вы наблюдали случай, когда один мужчина упал в яму ещё живой?

Айк: Я видел, что человек, упавший в яму, был ещё живой.

Прокурор. Какое же вы дали распоряжение стрелявшему в него?

Айк: Я никакого приказа не давал.

Прокурор: Вы давали распоряжение пристрелить его?

Айк: Я не давал такого приказа, я сказал только, что жутко, когда человек, лежащий в яме с трупами ещё живет.

Прокурор: На предварительном следствии вы говорили: «Я видел, как один мужчина упал в яму живым. Тогда я приказал производившему расстрел, чтобы он этого человека пристрелил, что им и было сделано». Подтверждаете?

Айк: Я не мог этого сказать, так как я не имел права давать такой приказ.

Прокурор: Признаете ли вы то, что являлись прямым участником расстрела 1750 человек невинного населения?

Айк: Нет, я только давал 10 человек для окружения и охраны места расстрела.

Прокурор: Как вы расцениваете такой кошмарный расстрел массы людей—стариков, женщин и детворы?

Айк: Расстрел еврейского населения производился по плану фашистской партии.

Прокурор: Членом которой вы являлись с 1933 года?

Айк: Так точно.

Прокурор: Как вы сами расцениваете факт расстрела?

Айк: Я должен сказать, что это преступление перед человечеством.

Председатель: Подсудимый Айк, с декабря 1943 года по февраль 1944 года вы где работали?

Айк: Глухая Селиба.

Председатель: Кем вы там были?

Айк: Комендантом местной комендатуры.

Председатель: С какой целью вы были туда назначены?

Айк: Для того, чтобы организовать гражданское управление, а также чтобы эвакуированных направлять дальше в западном направлении.

Председатель: Куда, в Германию?

Айк: Нет, в соседние деревни.

Председатель: Для какой цели к вам были прикомандированы жандармы?

Айк: Для того, чтобы все шло гладко. Они имели задание сопровождать эвакуируемых до места назначения.

Председатель: В лагерь?

Айк: Нет, не в лагерь, а в свободные от населения русские деревни.

Председатель: Зачем же эвакуированных сопровождали жандармы?

Айк: Для того, чтобы все шло гладко.

Председатель: Сколько из Глухой Селибы было эвакуировано населения?

Айк: 5000 человек.

Председатель: Куда эти люди были направлены?

Айк: В деревни.

Председатель: В какие деревни?

Айк: В деревии Олень, Кучин и другие, названия которых я ие помню.

Председатель: Чем же вы занимались в комендатуре?

Айк: Комендатура имела задание найти трудоспособных людей для работ по созданию укреплений 4-й армии.

Председатель: Сколько таких трудоспособных нашли?

Айк: В своих показаниях я указывал уже—150 человек.

Председатель: А не 5000 человек, которых вы отправили из Глухой Селибы?

Айк: Нет, это абсолютно невозможно.

Педседатель: Для строительства укреплений 4-й армии требовалось не 150 человек, а значительно больше.

Айк: Это мне понятно.

Председатель: Значит, из Глухой Селибы население эвакуировано не было, а пошло на строительство укреплений 4-й армии?

Айк: Из числа этих 5000 человек я должен был найти трудоспособный народ, но трудоспособных там почти не было, так как они были уже изъяты войсками, поэтому я сумел набрать такое маленькое количество.

Председатель: Скажите, численность вашей команды в момент вашей службы в Орше?

Айк: 5 жандармов, 5 писарей и другие работники.

Председатель: Вся ваша команда участвовала в расстреле и оцеплении места расстрела в городе Орше?

Айк: Я послал туда только 10 человек.

Председатель: И присутствовали сами в качестве офицера этой комаиды?

Айк: Нет.

Председатель: Скажите, вы были офицером «Абвер»?

Айк: Я был офицером по делу «Абвер».

Прокурор: В чем же разиица?

Айк: Я имел задание наблюдать, чтобы все тактические мероприятия были тайными.

Председатель: А еще чем вы занимались?

Айк: Я занимался делами шпионажа.

Председатель: И контрразведкой?

Айк: Да.

Председатель: А кто же объединял все эти дела, офицер «Абвер»?

Айк: Я считаю, да.

Председатель: А кто был офицером «Абвер»?

Айк: Я его не знаю.

Председатель: Как же вы ему подчинялись?

Айк: У нас не было вообще офицера «Абвер».

Председатель: Так значит, вы его функции выполняли?

Айк: Нет.

Председатель: Вы были офицером по делам «Абвер», а самого его не было и фактически вы несли все его абязанности?

Айк: Нет, это невозможно.

Председатель: Почему?

Айк: Офицера «Абвер» вообще при местных комендатурах не было.

Председатель: А в высших органах офицер «Абвер» есть?

Айк: Есть при каждом батальоне.

Председатель: Скажите, какая смертность была в Оршанской тюрьме?

Айк: Мне неизвестно ни одного смертного случая.

Председатель: А вы в своих показаниях говорили, что в день было до 27 смертных случаев.

Айк: Этого я не мог сказать.

Председатель: А вы сказали и это записали. Теперь скажите, вы Рихерта знаете как командира 286 охранной дивизии?

Айк: Да.

Председатель: Сколько раз вы с ним встречались?

Айк: Раза два-три.

Председатель: По каким вопросам?

Айк: Один раз на заседании комиссии по рабочей силе, один раз при какой-то военной игре и третий раз при осмотре сооруженных укреплений.

Педседатель: А какое отношение вы имели к строительству укреплений?

Айк: Местный комендант был руководителем одного укрепленного участка города Орши и поэтому я работал по этой линии.

Председатель: Как заместитель коменданта?

Айк: Нет.

Председатель: Как представитель комендатуры?

Айк: Как исполнитель.

Прокурор: Вы были офицером для особых поручений?

Айк: Да.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Адвокат Савенко: Чем вы занимались в комендатуре?

Айк: Гражданское управление занималось строительством

мостов, железных дорог. Я был офицером по делам «Абвер», отвечал за пожары в городе, за противовоздушную охрану.

Савенко: И взятие на учет жилых домов?

Айк: Нет, квартирными вопросами я не занимался.

Савенко: Скажите, пожалуйста, кроме 7-го отделения, какие отделения были в вашем подчинении?

Айк: Отделение 1-а, отделение 1-ц, отделение 4-б.

Савенко: Через 1-е отделение проводилась работа по охране мостов?

Айк: Да.

Савенко: Через 1-ц проводилась пропаганда среди военнослужащих и гражданского населения?

Айк: Да.

Савенко: Распространялись листовки, плакаты, портреты?

Айк: Да.

Савенко: Следили за пропагандой, проводимой среди населения противником?

Айк: Да.

Савенко: Вам приходилось сотрудничать с органами тайной полиции СД?

Айк: Так точно.

Савенко: Это отделение находилось при тюрьме?

Айк: Да.

Савенко: Вы были шефом тюрьмы? Сами лично вы аресты производили?

Айк: Нет.

Савенко: За время вашей работы в тюрьме была ли там смертность?

Айк: Нет, ни одного случая смертности мне неизвестно.

Савенко: Я обращаю внимание Военного Трибунала, что на листе дела 23, том I имеются показания Айка, где сказано, что за время его работы начальником тюрьмы не было ни одного случая смертности арестованных.

Теперь скажите, ваше вступление в национал-социалистскую партию было вызвано желанием поступить на работу?

Айк: Да.

Савенко: Что же, лица, не принадлежащие к национал-социалистской партии, работы не имели?

Айк: Им давали работу в последнюю очередь.

Савенко: Значит, лица, не принадлежащие к национал-социалистской партии, были обречены на голодную смерть?

Айк: Можно сказать, что голодали.

Савенко: Скажите, какое отношение было у национал-социалистов к евреям?

Айк: Никакого отношения не имели. Ясно, что они были против евреев.

Савенко: Для чего вы организовали гетто?

Айк: Чтобы отделить русское население от еврейского, как это делалось в других городах.

Савенко: Кто вам приказал организовать гетто?

Айк: Полевой комендант.

Савенко: Если бы вы не организовали гетто, несли бы ответственность?

Айк: Возможно, да.

Савенко: Какое впечатление на вас произвел нечеловеческий расстрел в гетто?

Айк: Угнетающее.

Савенко: Вы присутствовали, когда был застрелен на руках матери маленький ребенок?

Айк: Так точно.

Председатель: У кого из защиты имеются еще вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: У подсудимых есть вопросы?

Подсудимые: Нет.

Председатель: Подсудимый Айк, ответьте на вопросы члена Военного Трибунала полковника Сахарова.

Сахаров: Сколько времени вы находились в Польше?

Айк: С начала польской кампании.

Сахаров: Вы служили также в ортскомендатуре?

Айк: Нет, в 327 пехотном полку.

Сахаров: С какого времени начали работать в ортскомендатуре?

Айк: С 18 ноября 1940 года.

Сахаров: Вы в Оршу приехали в июле 1941 года?

Айк: Так точно.

Сахаров: А как же вы говорите, что еврейский совет гетто был уже создан?

Айк: Я говорил, что еврейский совет существовал еще раньше, он был организован ортскомендатурой и полевой комендатурой, которые в Орше были раньше нас.

Сахаров: В 1941 году евреи в Германии были?

Айк: Так точно.

Сахаров: Расстрелы евреев производились в Германии?

Айк: Не знаю.

Председатель: Ответьте на вопрос члена Военного Трибунала полковника Виноградова.

Виноградов: При отступлении немецких войск, какую вы должность занимали?

Айк: Капитан, начальник местной комендатуры города Шклова.

Виноградов: Руководили вы взрывом бумажной фабрики «Спартак» в Шклове?

Айк: Нет, это задание получил комендант опорного пункта города Шклова.

Виноградов: А выполнили его вы?

Айк: Нет.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 19 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: Судебное заседание Военного Трибунала продолжается.

Товарищ комендант, пригласите свидетеля Скакун.

Комендант: Свидетель Скакун прибыл.

Председатель: Скакун?

Скакун: Да, Андрей Степанович, 1901 года рождения, уроженец деревни Каменец, Витебской области.

Председатель: Где вы работаете в настоящее время?

Скакун: Главным бухгалтером Военторга в Орше.

Председатель: Там и проживаете?

Скакун: Да.

Председатель: Вас Военный Трибунал уже предупреждал, что по обстоятельствам дела вы должны говорить только правду. Расскажите Трибуналу, что вам известно, как свидетелю, по делу.

Скакун: Мне как железнодорожнику Оршанского узла, оставшемуся работать до последнего дня эвакуации в 1941 г. на узле и не успевшему выехать, пришлось быть свидетелем того, что делалось в Орше во время оккупации немцами.

В момент занятия немцами города Орши и железнодорожного узла все уже представляло собой груды развалин. Разрушения произошли в результате бомбардировки с воздуха, а также в результате последующих боев. Таким образом наш город был уничтожен на 85 процентов.

Мирные жители города собрались из окрестных деревень и начинали устраивать жилье на развалинах города. Однако они не остались в покое, ибо были частые грабежи, унижения, насилия, которые чинились немецкой армией.

Позже была организована военная власть в лице местной комендатуры. Первым комендантом был некто Штильман. Позже появился на горизонте также немецкий офицер заместитель коменданта Айк. По существу он являлся полным хозяином и исполнителем всех мероприятий немецкой власти. Офицер Айк оказался самым жестоким из комендантов в Орше. Он одновременно являлся начальником тюрьмы, которая по существу была местом сбора для последующего уничтожения всего белорусского населения города. Ежедневно по два раза рано утром вывозили народ в машинах «черный ворон» к месту расстрела. Советские граждане знали свою участь и в предсмертной агонии дети, женщины при посадке в машину кричали и проклинали немцев. Таким образом тюрьма являлась для нашего мирного населения как бы пересыльным пунктом от жизни на тот свет. В тюрьме был жестокий режим: избиение резиновыми и деревянными палками

мордобитие, и, если каким-либо образом кому удавалось выбраться из тюрьмы, то он являлся распространителем тифа в городе.

Еще более жестокий режим был установлен для населения еврейской национальности. По приказу Айка для евреев было установлено ограничение ходить по городу, евреи не могли приобретать продуктов и, наконец, были заключены в гетто. Мне, работавшему в районной управе, известно о том, что Айк вместе с начальником района отвел по ул. Энгельса место для гетто, куда по его приказу, как коменданта, в течение трех дней было собрано еврейское население города. Они должны были покинуть свои места и со всем движимым имуществом прибыть в гетто. Все не успевшие переселиться в гетто, как говорилось в приказе, будут наказаны по законам военного времени. Не успевшие переселиться во-время были принудительным образом через гестапо и полицию доставлены в гетто. Гетто было обнесено колючей проволокой, и вокруг был установлен караул. Из гетто было запрещено выходить. В расположении его в связи со скученностью, отсутствием питания и минимальных санитарных условий быстро распространилась эпидемия тифа. Для видимости немецкое командование, в частности Айк, установил небольшую норму питания—10—15 граммов в день муки и немного картофеля на человека. Однако и это не всегда выдавалось. Такой режим создал невыносимые условия жизни. Председатель еврейского комитета, некто Каждан, при посещении городской управы говорил: «Докуда будут продолжаться эти мучения, скорее бы смерть».

Гетто от моей квартиры находилось в 300 метрах. В ночное время были слышны вопли и крики детей, женщин, ибо туда ходили немцы, которые занимались грабежами и убийствами.

В конце ноября окончились их мучения. Рано утром вокруг гетто появилась усиленная охрана. Идя на работу, я встретил Айка, следовавшего с отрядом в расположение гетто для организации расстрела. В обеденный перерыв мне пришлось быть очевидцем расстрела одной из групп. Гетто граничило с еврейским кладбищем, находившимся на горке, куда группу, примерно человек 150—200, привели в сопровождении усиленного конвоя. Там же заранее были подготовлены ямы- траншеи. Население, от взрослых до детей, по приказу немцев само раздевалось, сбрасывало одежду и вещи в штабеля и бросалось в яму. После этого были слышны глухие автоматные очереди там же, в ямах. Таким образом к концу дня было расстреляно 1873 человека.

В городе Орше под открытым небом был создан лагерь военнопленных, где находилось свыше 12000 человек. Русские

военнопленные находились в лагере без питания, за малейшее преступление жестоко наказывались. Ежедневно появлялись все новые и новые братские могилы военнопленных в городском саду, рядом с этим лагерем.

Айк, как хозяин города, систематически, при содействии полиции и жандармерии, производил массовые облавы на население, и все выловленные, в том числе и матери, имеющие грудных детей, посылались во фронтовую полосу для рытья окопов, строительства укреплений или как живые заслоны против наступавшей Красной Армии.

Айк был особенно ревностным исполнителем. Мне лично пришлось видеть, как, появившись во дворе городской управы, он ударил одного из служителей управы револьвером по голове. Во второй раз, когда у рабочего бюро получилось некоторое замешательство с подводой, он также его ударил по голове и бросился на одного советского гражданина.

Осенью 1943 года, для скрытия следов массовых расстрелов, на месте расстрела на еврейском кладбище была возведена высокая изгородь из досок, где впоследствии в течение пяти дней производили сжигание трупов как здесь захороненных, а равно и привезенных с других мест массовых расстрелов. Население, проживавшее рядом с кладбищем, задыхалось от дыма и трупного смрада.

Как мне рассказывали дети, сумевшие проникнуть ближе к месту сжигания, в конце дня военнопленные, производившие эту работу, также подверглись расстрелу и сжиганию.

Осенью 1943 года, боясь преследований, я скрылся и дальнейшие действия Айка мне неизвестны.

Председатель: Вы работали в момент оккупации Орши в местной управе?

Скакун: Точно.

Председатель: В качестве кого вы работали?

Скакун: В качестве бухгалтера торгового отдела районной управы.

Председатель: Вы Айка видели?

Скакун: Неоднократно.

Председатель: Скажите, можете вы в числе лиц, сидящих на скамье подсудимых, опознать Айка?

Скакун: Конечно.

Председатель: Прошу это сделать.

Скакун: Во втором ряду, шестой.

Председатель: Опознаете?

Скакун: Да, это Айк.

Председатель (обращаясь к Айку): Айк, вы свидетеля знаете?

Айк: Да, я его знаю. Во время допросов я имел с ним очную ставку, поэтому я его знаю.

Председатель: Скажите, свидетель, кого из расстрелянных вы знали?

Скакун: В числе расстрелянных был председатель еврейского комитета Каждан, он до войны был главным бухгалтером «Союззаготкож» и «Союзпушнина», а позже бухгалтером Воеиторга, а также многие мои коллеги. Я с ними очень часто сталкивался по работе и поэтому их знаю.

Председатель: Подсудимый Айк большую активность проявлял, будучи в Орше в качестве комендаита?

Скакун: Да, он был комендантом и активным проводником законов немецкой власти. Это можно было судить хотя бы по орденам, которые украшали его грудь.

Председатель: В день расстрела советских граждан—евреев вы его видели утром с командой или одного?

Скакун: Вслед за ним шла комаида в 15 человек. Он был очень подвижиой и энергичный, имел взволнованный вид. Как и другие граждане, я видел его во время массовых расстрелов.

Председатель: Товарищ прокурор, вы имеете вопросы к свидетелю?

Прокурор: По каким вопросам вы имели общение с Айком в бытиость его в Орше? Ведь вы работали в управе, а он в комендатуре.

Скакун: Мне лично не пришлось ни одного раза быть в комендатуре, однако, его знал весь город, особенно после этого массового расстрела.

Прокурор: Вы его знали как одного из активных руководителей местной комендатуры.

Скакун: Появление Айка в городе наводило страх и ужас на граждан, а поэтому всем представлялось, что именно Айк является комендантом.

Прокурор: Вы первоначально сказали, что он являлся начальником тюрьмы. Откуда это вам известно?

Скакун: Это известно из того, что ему подчинялись все. В частиых беседах мне говорили, что Айк часто посещает тюрьму, устанавливает там режим и т. д. Вот из этих соображений у меня, как и у других людей, создалось впечатление, что Айк был там начальником.

Прокурор: Вы работали в районной управе и знали о существовании еврейского совета и гетто?

Скакун: Я прекрасно об этом знал, поскольку все мероприятия проводились через еврейский комитет, как, например, наложение контрибуции. Наложено было 250 тыс., из них процентов на 50 было внесено деньгами, а остальное ценностями. Еврейский комитет был, и все мероприятия в гетто проводились через него.

Прокурор: Вам не приходилось в районной управе подсчитывать ценности, награбленные немцами.

Скакун: Да, одно время мне приходилось сталкиваться, я подсчитывал ценности. Я подсчитал 2000 вещей из серебра и золота. Мне известно, что население гетто уплатило 50 процентов контрибуции, что после расстрела вещи и одежда жертв свозились в сарай городской управы в распоряжение бургомистра города, который выдавал их чинам комендатуры и другим пособникам немцев.

Прокурор: Сколько было расстреляно в Орше людей?

Скакун: В Орше было расстреляно 1873 человека.

Прокурор: Какие разговоры после расстрела такой массы людей шли по городу Орше. Вам, как работнику управления, должно быть об этом известно.

Скакун: Это трудно было представить. Смятение, все говорили, что сегодня еврейское население, а завтра будет очередь остального населения города. Когда рыли окопы, то туда устремлялись взгляды, не приспосабливается ли это для расстрела остального населения.

Председатель: Сколько было расстреляно — 1750 или 1873 человека?

Скакун: Видите ли, точно мне считать не приходилось, но однако, по сведениям, поступившим на получение продовольственных карточек, было указано 1873.

Прокурор: Стало быть, эти данные 1873 человека были взяты вами из списков, составленных на получение продовольствия?

Скакун: Да, эти списки были поданы через два дня после расстрела.

Председатель: Защита имеет вопросы к свидетелю?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Имеет ли Айк вопросы к свидетелю?

Айк: Нет, не имею.

Скакун: Я прошу суд освободить меня, так как составление годового баланса требует моего присутствия.

Председатель: Суд не возражает против освобождения свидетеля.

Товарищ комендант, пригласите свидетеля Гладкова Ивана Степановича.

Комендант: Свидетель Гладков прибыл.

Председатель: Гладков Иван Степанович, 1894 года рождения, уроженец города Минска, беспартийный, работает в Орше на узле связи заместителем начальника.

Гладков: Да.

Председатель: Вас, свидетель Гладков, предупредили о даче вами правильных показаний?

Гладков: Да, предупредили.

Председатель: Скажите, свидетель, что вам известно по делу?

Гладков: С занятием немецкими войсками города Орши немцами сейчас же была произведена регистрация оставшегося населения. При регистрации узнавали профессию, год рождения, национальность. Сейчас же, когда шла регистрация, было отделено еврейское население.

Еврейскому населению было предложено местной комендатурой, в частности Айком, носить на рукаве черную повязку с желтой звездой.

Был введен целый ряд ограничений для еврейского населения. Для русского населения было разрешено ходить по городу до 7 часов вечера, а для евреев — до 6 часов.

Были введены ограничения в выдаче продуктов питания. Продуктов вообще было недостаточно, и если на рынке появлялись продукты питания, то организовывались, по распоряжению коменданта, две очереди—для русского населения и для еврейского.

Еврейскому населению выделялись продукты только в том случае, если они оставались после покупки русским населением.

Вообще в Орше Айк считался комендантом города и все гражданское управление было сосредоточено в его руках.

После общей регистрации населения было организовано рабочее бюро, где провели вторую регистрацию населения по специальностям и по трудоспособности. Вскоре население стали посылать на работу: на дорожные работы, на военные работы по строительству укреплений. Еврейское население посылали на более тяжелые работы: по очистке города от завалов и земляные работы.

Спустя непродолжительное время было организовано гетто. Был приказ местной комендатуры за подписью Айка о том, чтобы еврейское население переселить на улицу Энгельса. На улице Энгельса осталось небольшое количество домов, примерно 20—25. Туда было собрано около 2000 человек еврейского населения. Разместиться в этих домах такому количеству людей было крайне трудно. Условия их были невероятно тяжелые. Продуктами питания в гетто люди снабжались плохо, а сообщение с окружающим населением было прекращено, так как гетто было с одной стороны отделено рекой, а с другой стороны было огорожено проволокой и выставлены часовые.

Мне по роду работы электротехника пришлось быть в гетто. Старшинами еврейских общин в гетто были бухгалтер Кацнельсон и Каитор. Будучи в гетто, я с ними встретился. У еврейского населения, несмотря на то, что оно там пробыло небольшой промежуток времени, ввиду недостаточности питания и стесненных жилищных условий, вид был жуткий. От недоедания и от стесненных жилищных условий появилось

много болезней. Мои знакомые соседи по квартире, где мы жили раньше, Блюма Певзнер и ее семья рассказали мне, что ночью к ним часто врывались немецкие солдаты, грабили лучшие вещи и были случаи изнасилования. Я спросил, пробовали ли они жаловаться немцам на такие явления. Они сказали, что пробовали жаловаться в комендатуру, в частности Айку, но никаких мер принято не было.

Приблизительно после 20 ноября 1941 года еврейское население, находившееся в гетто, было расстреляно. По рассказам очевидцев, расстрел происходил следующим образом: утром наряд жандармерии и полиции окружил гетто, чтобы оттуда никто не мог выйти. При организации расстрелов присутствовал сам Айк. Таким образом было расстреляно около 2000 человек еврейского населения, среди которых было много женщин, детей и стариков.

Одновременно с организацией рабочего бюро начался насильственный угон советских людей в Германию. Мобилизованы были лица 1925—1926 года рождения. Их пригнали в Оршу, где был устроен медицинский осмотр, и потом уже построили в колонны и отправили на вокзал, причем эти колонны сопровождались жандармерией и полицейскими.

Часто в самом городе, особенно на рынках, делали облавы. Наловленных людей, смотря по возрасту и трудоспособности, либо направляли на военно-оборонные работы, либо в Германию.

Вскоре после занятия города Орши немецкими войсками была организована тюрьма по улице Карла Маркса в приспособленном помещении. Режим в тюрьме был жуткий. При допросах люди подвергались физическим насилиям. Один мой знакомый Радкевич, попавшийся в тюрьму, после одного допроса в тюрьме повесился. Каждую неделю из тюрьмы вывозили часть арестованных на автомашинах «черный ворон» за город, и обратно эти люди не возвращались. Повидимому их расстреливали.

Председатель: Вы Айка видели когда-нибудь?

Гладков: Я его знаю.

Председатель: Сейчас его можете опознать?

Гладков: Да, он сидит во втором ряду, шестой по счету.

Председатель: (обращаясь к Айку): Вы знаете этого свидетеля?

Айк: Да.

Прокурор (обращаясь к Гладкову): Айк признает Вас. Расскажите о других известных вам преступлениях немцев и о деятельности Айка.

Гладков: Кроме расстрела 2000 человек еврейского населения и расстрела людей, которых брали из тюрьмы, я другого ничего не знаю.

Прокурор: Вы являетесь прямым очевидцем всех этих событий?

Гладков: Да.

Прокурор: Сколько времени длился расстрел евреев?

Гладков: 1750 человек еврейского населения были уничтожены в течение одного дня.

Прокурор: Вы наблюдали, где был в этот день Айк?

Гладков: Айк там был.

Прокурор: Какая слава была в городе о вашем коменданте?

Гладков: О нем была очень плохая слава.

Прокурор: Какой контингент заключенных из тюрьмы вывозился для расстрела, вам известно?

Гладков: Нет.

Прокурор: Пленные были?

Гладков: Пленные жили в лагере. Лагерь пленных находился против местной комендатуры.

Прокурор: В каком месте города Орши?

Гладков: По Минской улице, против местной комендатуры, по рассказам населения там было 12000 военнопленных.

Прокурор: Кем вы работали?

Гладков: Во время этих операций я работал электротехником. Айк тогда был заместителем коменданта.

Прокурор: Откуда вам известно, что Айк был заместителем комендаита?

Гладков: По приказам, где была его подпись.

Прокурор: Вы работали в промышленном отделе районной управы и ведали вопросами обеспеченности рабочей силой промышленных предприятий города Орши?

Гладков: Это в мои функции не входило, так как предприятий не было.

Прокурор: Вам известно, насколько активно принимал участие Айк в вербовке рабочей силы в Германию?

Гладков: Судя по тому, как он бегал, направляя людей на вокзал, оформлял документы, считаю, что он активно участвовал в вербовке рабочей силы для Германии.

Прокурор: Какой период Айк был в Орше?

Гладков: Айк был заместителем коменданта с 1941 по 1943 год, не помню только по какой месяц.

Прокурор: У всех горожан было представление, что он является самым активным работником комендатуры?

Гладков: Самого коменданта не было видно, а заместитель коменданта Айк занимался гражданским населением, жизнью города Орши, а также всеми расправами над мирными людьми.

Председатель: Вопросы есть у защиты?

Савенко: В ваших показаниях на предварительном следствии вы говорили, что шефом тюрьмы был Айк.

Гладков: Да, это правильно.

Председатель: Есть еще вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы к свидетелю. Вопросов нет. Стороны не возражают против того, чтобы отпустить свидетеля?

Прокурор и защита: Нет.

Председатель: Садитесь, свидетель.

Товарищ комендант, пригласите свидетельницу Роговскую Валентину Павловну.

Комендант: Свидетельница Роговская прибыла.

Председатель: Роговская Валентина Павловна, 1921 года рождения, уроженка гор. Шклова, полька, беспартийная. Сейчас студентка 5 курса физико-математического факультета университета. Проживает в городе Минске.

Роговская: Да.

Председатель: Вас Военный Трибунал предупреждает говорить по делу только правду.

Вы вызваны в качестве свидетельницы по делу Айка и других подсудимых. Расскажите, что вам известно, как свидетельнице.

Роговская: Мне известно, что когда в город Шклов ворвались немецкие части, жители города сразу же почувствовали всю жестокость их. Начались аресты, массовые расстрелы населения, в частности еврейского. Жителей за малейшее неповиновение избивали, сажали в тюрьму. Началась насильственная мобилизация населения. Очень многие юноши и девушки 1925—1926 года рождения были отправлены в Германию на работу. Люди, которые не выполняли приказов немецких властей, подвергались арестам и жестоким наказаниям. Я также вынуждена была по приказу немецких властей поступить на работу сначала в подсобное хозяйства фабрики «Спартак», а затем по их приказу была переброшена на торфоразработки в город Шклов. Позже по приказу шефа данного предприятия была поставлена работать табельщицей-переводчицей и с 1943 года меня перевели работать в комендатуру в качестве переводчицы. (Шум в зале).

Работала я переводчицей до 26 июня 1944 года, т. е. до дня освобождения города от немецких захватчиков. Последнее время в городе Шклове местным комендантом был капитан Айк. Капитан Айк прибыл в Шклов в феврале месяце 1944 года и был комендантом города до 26 июня 1944 года, т. е. по день освобождения города частями Красной Армии.

В городе Шклове капитан Айк показал себя очень жестоким. По его приказу в Шклове часто устраивались облавы на

мирное население города под видом проверки документов. В итоге облав очень много населения было арестовано и посажено в тюрьмы, которые находились под непосредственным руководством коменданта. Из тюрьмы люди отправлялись в лагери, а затем на работу в Германию и в другие концентрационные лагери. Забирались граждане, независимо от того, имели ли они документы или нет. Так, был случай: в комендатуру после такой проверки привели одну молодую женщину. Она доказывала, что у нее дома есть маленький ребенок. В комендатуре комендант и переводчик, которые допрашивали ее, этому не поверили. Тогда она была вынуждена вынуть грудь и брызнуть молоком. Это ей не помогло. Ее оторвали от ребенка и отправили на работы.

По приказу местного коменданта полиция города Шклова, в которой было около 200 полицейских, часто выезжала в районы для борьбы с партизанами.

При отступлении немцев комендантом города Шклова капитаном Айк был издан строгий приказ, в котором предписывалась насильственная эвакуация города Шклова в германский тыл.

Комендант принимал участие в разрушении бумажной фабрики «Спартак», которая находилась в городе Шклове. Немцами были взорваны также кинотеатр, городской вокзал, подстанция.

Председатель: Фабрика «Спартак» была взорвана по чьему приказанию?

Роговская: Коменданта.

Председатель: За чьей подписью был приказ?

Роговская: Приказ был подписан комендантом. Кроме того, в городе Шклове все каменные здания были взорваны.

Председатель: Комендантом был Айк?

Роговская: Да, до самого отступления немецких войск.

Председатель: Вы Айка знаете?

Роговская: Да.

Председатель: Вы его можете опознать?

Роговская: Да, пятый слева, во втором ряду.

Председатель (обращаясь к Айку): Встаньте Айк, вы узнаете свидетельницу?

Айк: Да. Она была переводчицей в местной комендатуре в городе Шклове.

Роговская: Разрешите мне не присутствовать на судебном заседании.

Председатель: Прокурор не имеет вопросов к свидетельнице?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита не имеет вопросов к ней?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Можете быть свободны.

(Обращаясь к Гессу): Подсудимый Гесс, свои показания, которые вы дали на предварительном следствии, подтверждаете?

Гесс: Да, подтверждаю полностью.

Председатель: Товарищ прокурор, у вас имеются вопросы к подсудимому?

Прокурор: Да. Скажите, подсудимый Гесс, в каком году вы вступили в фашистскую партию?

Гесс: В 1939 году.

Прокурор: С какого года вы находились в армии?

Гесс: С 1939 года.

Прокурор: В каком чине и в каком роде войск вы служили?

Гесс: Я был солдатом в войсках СС.

Прокурор: Каким путем вы были определены на службу в войска СС?

Гесс: Я был призван.

Прокурор: Какой был принцип комплектования войск СС? Мы знаем, что комплектование этих войск проходило очень строго.

Гесс: Да, не каждый мог попасть.

Прокурор: По какому принципу производился отбор для службы в войсках СС?

Гесс: Люди, которые принимались в войска СС, должны были быть здоровы и в первую очередь политически благонадежны.

Прокурор: Из какой семьи вы происходите?

Гесс: Из семьи рабочих. Отец работал на фабрике.

Прокурор: Кем работал, в качестве кого?

Гесс: Простым рабочим.

Прокурор: Отец нацистом являлся?

Гесс: Нет, мой отец не был партийным. Он погиб в 1916 году.

Прокурор: Как же вы, выходец из рабочей семьи (по вашим словам), определили свое место в нацистской партии?

Гесс: Я немец.

Прокурор: Только потому, что вы немец?

Гесс: Да.

Прокурор: Каким политическим доверием вы пользовались при определении вас в войска СС?

Гесс: Я не знаю.

Прокурор: Чем вы занимались до призыва в армию?

Гесс: Я работал по своей профессии у одного мастера.

Прокурор: Что это за профессия?

Гесс: Кузнец. Моя специальность делать весы.

Прокурор: После вступления в войска СС через какое время вы получили звание унтершарфюрера?

Гесс: В январе 1944 года.

Прокурор: Какие конкретно обязанности вы выполняли, будучи уже в этом чине?

Гесс: Я был каптенармусом.

Прокурор: Когда вы окончили 3-недельные курсы войск СС?

Гесс: В 1939 году, в начале октября месяца.

Прокурор: Когда окончили полицейскую пограничную школу?

Гесс: В марте 1941 года.

Прокурор: Когда окончили курсы инструкторов служебных собак в войсках СС?

Гесс: В 1943 году.

Прокурор: По каким причинам вас не приняли на службу в полицию безопасности?

Гесс: Мне было дано одно задание, и я на этом задании провалился.

Прокурор: Значит, вы не выдержали испытаний и только по этим причинам не были приняты?

Гесс: Да, правильно.

Прокурор: Вы 16 ноября 1941 года в составе зондеркоманды прибыли в Ригу в распоряжение начальника полиции безопасности СД. Скажите, с каким заданием вы были присланы?

Гесс: Сперва мы прибыли в город Минск.

Прокурор: А затем?

Гесс: В городе Минске мы узнали, для каких заданий мы прибыли.

Прокурор: Какие задания были поставлены перед вами?

Гесс: Нужно было принять охрану военных учреждений.

Прокурор: О какой охране шла речь?

Гесс: Нужно было охранять военные учреждения и СД.

Прокурор: Какие учреждения? Конкретно назовите эти учреждения.

Гесс: Охранная полиция и СД — так назывались эти учреждения.

Прокурор: Это неправильно. Ведь не для того вас обучали на курсах унтер-офицеров, в полицейской пограничной школе, затем на курсах инструкторов служебных собак, чтобы оставить вас для выполнения простых функций—охраны помещения? Вы скажите суду так, как было.

Гесс: Я вам расскажу.

Прокурор: Расскажите.

Гесс: Наша работа была: охрана СД, а также уничтожение евреев, аресты гражданского населения. Те приказы, которые мы получали, мы должны были выполнять.

Прокурор: Когда вы прибыли в Минск, в зондеркомаиду?

Гесс: В начале декабря 1941 года.

Прокурор: Так что вы прибыли в Минск уже из Риги?

Гесс: Да.

Прокурор: Вы в Ригу попали 16 ноября?

Гесс: Так, приблизительно.

Прокурор: Скажите, чем конкретно занимались в Риге с ноября по декабрь месяц?

Гесс: Там мы получили вооружение, обмундирование и также имущество, которое было предназначено для нашей части.

Прокурор: Вы прибыли в Минск 1—2 декабря?

Гесс: Да, правильно.

Прокурор: В чье распоряжение вы поступили по прибытии в Минск?

Гесс: В распоряжение унтерштурмфюрера Бургдорфа.

Прокурор: Это был начальник полиции?

Гесс: Нет, это был начальник особой команды — зондеркоманды.

Прокурор: В составе зондеркоманды вы прибыли в Минск?

Гесс: Да.

Прокурор: О какой зондеркоманде вы ведете речь? Вы поступили в распоряжение начальника полиции?

Гесс: В распоряжение штандартенфюрера Эрлингера, подчинялись ему.

Прокурор: На какую работу вы непосредственно были определены в Минске?

Гесс: 6—7 декабря мы провели операцию в больнице в городе Минске.

Прокурор: Я не спрашиваю об операции. К операции мы позже подойдем. Вы мне ответьте, на какую работу вы были определены после прибытия из города Риги?

Гесс: Я был охранником в то время.

Прокурор: Какую охрану вы несли?

Гесс: Охраиял дом.

Прокурор: Что в этом доме было расположено?

Гесс: Это было учреждение охраиой полиции и СД.

Прокурор: Следовательно, вы не дом охраняли, а охраняли управление начальника полиции СД?

Гесс: Так точно.

Прокурор: Расскажите о вашем участии в уничтожении больных в психобольнице.

Гесс: 6—7 декабря мы выехали в эту больницу с тремя грузовыми машинами. Было и несколько легковых машин. Мы нагрузили около 100 человек душевнобольных и вывезли их за Минск, где эти люди были расстреляны нами.

Прокурор: Чьё распоряжеиие было о расстреле этих больных?

Гесс: Этот приказ поступил от Эрлингера, которому подчинялась наша команда.

Прокурор: Вы находились непосредственно в его подчинении?

Гесс: Мы подчинялись ему. Но наша команда подчинялась также унтерштурмфюреру Бургдорфу.

Прокурор: Куда, в каком направлении вы вывезли больных?

Гесс: Я точно не могу сказать, но, кажется, вывезли по дороге на Москву за 30 километров от города Минска.

Прокурор: Где, в каком месте они были расстреляны?

Гесс: Эти люди были расстреляны на краю леса, недалеко от какой-то деревни.

Прокурор: Тела этих расстрелянных, где были похоронены?

Гесс: Там, куда были вывезены эти люди, было приготовлено 6—8 рвов.

Прокурор: В чём конкретно выразилось ваше участие в этом расстреле?

Гесс: Я на некотором расстоянии от места расстрела находился на посту.

Прокурор: Для чего вас поставили на этом посту?

Гесс: Моё задание было не допускать людей, чтобы они вели наблюдение за нашей работой.

Прокурор: И для того, чтобы охранять и предотвращать побеги привезенных для расстрела?

Гесс: Да, это также.

Прокурор: Как вы считаете, разбежались бы больные, если бы не было кругом охраны?

Гесс: Эти люди не могли убегать.

Прокурор: Почему?

Гесс: Потому, что они были тяжело больные.

Прокурор: Вы себя считаете активным участником расстрела этих 100 больных?

Гесс: Да, я активно участвовал при этом.

Прокурор: Скажите, почему именно вы, только что прибывший по окончании курсов и школы, сразу были определены для выполнения такой работы? За какие такие заслуги вас поставили на это дело?

Гесс: Для этого мы и прибыли сюда.

Прокурор: Для этого вас сюда и прислали?

Гесс: Да, для этой работы мы были здесь в городе Минске.

Прокурор: И для этих грязных преступных дел вас готовили в школах?

Гесс: Там мы не учили то, что здесь выполняли.

Прокурор: Конечно. Там еще не было русских людей, практики не было. За какие преступления были расстреляны эти больные, что они сделали плохого для германской армии?

Гесс: Они ничего не сделали.

Прокурор: Так почему они были расстреляны, за какие преступления?

Гесс: Я этого не знаю.

Прокурор: Но в вашей команде, которая участвовала в расстреле, были разговоры о причине расстрела?

Гесс: Говорили о том, что это недостойные люди.

Прокурор: Почему недостойные?

Гесс: Не знаю.

Прокурор: Расскажите о вашем участии в расстреле заключенных, содержавшихся в Минской тюрьме.

Гесс: Это было несколько дней позже, приблизительно 8—9 декабря. В команду приехал Бургдорф. После этого арестованные были погружены на несколько машин (4 грузовых, а количества легковых не помню). Когда мы прибыли в тюрьму, там было уже несколько служащих СД, которые отбирали заключенных. На каждую машину мы нагрузили по 30—40 человек заключенных и повезли к месту расстрела. Они были вывезены в то место, где были раньше расстреляны больные.

Прокурор: На опушку этого же леса в 30 километрах от города Минска?

Гесс: Да, так точно. Заключенных привозили два раза. Первый раз привезли, потом еще раз ездили за ними в тюрьму.

Прокурор: Как были одеты заключенные, предназначенные для расстрела?

Гесс: Заключенные, предназначенные для расстрела, были одеты очень плохо и когда они выходили из тюрьмы для посадки в машины, они замерзали от холода.

Прокурор: Сколько же всего заключенных замерзло, пока их довезли к месту расстрела?

Гесс: Около половины замерзло, пока их довезли до места расстрела.

Прокурор: Скажите, кто возглавлял всю эту операцию по расстрелу заключенных—фамилию, имя и должность.

Гесс: Оберштурмфюрер Хойзер и унтерштурмфюрер Бургдорф.

Прокурор: Хойзер какую должность занимал?

Гесс: Хойзер был из СД, а Бургдорф был из команды особого назначения.

Прокурор: В чем конкретно выразилось ваше участие в этом расстреле?

Гесс: В тюрьме я стоял на посту возле ворот, а при расстреле я тоже находился на посту, как и в первый раз.

Прокурор: Охраняли?

Гесс: Да.

Прокурор: И ямы засыпали после расстрела?

Гесс: Да, я должен был помогать зарыть эти ямы.

Прокурор: Сколько человек было расстреляно?

Гесс: Лично я ни одного не расстрелял.

Прокурор: Суд интересует вопрос, сколько было всего расстреляно, а не сколько лично вы расстреляли.

Гесс: Приблизительно 250 человек. После окончания расстрела я вместе с другими хоронил эти трупы.

Прокурор: За какие «преступления» были расстреляны эти 250 человек?

Гесс: Этого я не знаю.

Прокурор: И разговора не было среди команды, которая принимала участие в расстреле, кого расстреляли, за что расстреляли?

Гесс: Товарищи говорили о том, что это мероприятие связано с евреями и поляками. Больше ничего не говорили.

Прокурор: Вы даже не интересовались, кого расстреляли, за какие преступления.

Гесс: Да, я не спрашивал.

Прокурор: И лично у вас такого интереса не пробуждалось, чтобы выяснить, кого вы расстреливали?

Гесс: Нет, я не имел интереса узнавать об этом.

Прокурор: Скажите, Гесс, кто в этот момент, 8 и 9 декабря, был начальником полиции города Минска и Белоруссии?

Гесс: Штандартенфюрер Эрлингер.

Прокурор: А вы не знаете Герфа?

Гесс: Не знаю.

Прокурор: Его фамилию слыхали?

Гесс: Возможно я слыхал эту фамилию, но его не знаю.

Прокурор: В этих обоих расстрелах принимала участие полиция?

Гесс: Нет, были только наши люди.

Прокурор: Что это за «наши люди». Полиция разве не ваша?

Гесс: Участие принимали только люди из охранной полиции.

Прокурор: А СД?

Гесс: Это одно целое—охранная полиция и СД. Если нам нехватало людей, то СД нам давало охранную полицию.

Прокурор: Расскажите, когда зондеркоманда расстреляла 2000 человек детей, женщин и стариков?

Гесс: Это было приблизительно 10 или 11 декабря 1941 года.

Прокурор: Ваша комаида была в том же составе, что и в прошлый раз?

Гесс: Да. 10 или 11 декабря 1941 года утром, совместно с Бургдорфом, мы выехали на машине в гетто и стали грузить людей. Людям говорили о том, что их везут на работу или же в баню. На самом деле они вывозились в то место, где про-

изводили расстрелы. Мы выводили людей из помещения и сажали в машины.

Прокурор: Скажите, кто руководил этим расстрелом — тот же самый Бургдорф или кто-нибудь другой?

Гесс: Да, расстрелом руководил Бургдорф, а также обер-штурмфюрер Хойзер.

Прокурор: За что же, по-вашему, были расстреляны 2000 человек?

Гесс: Они ничего плохого для нас не сделали, а расстреляны потому, что они были евреями.

Прокурор: Расстрел евреев входил в звериную программу фашистов?

Гесс: Да, так точно.

Прокурор: Расскажите о вашем участии в погромах в городе Вилейке.

Гесс: 4 февраля 1942 года мы приехали в Вилейку. В марте месяце, какого числа точно не помню, было проведено уничтожение 500—600 евреев.

Прокурор: И все?

Гесс: Ночью нами, с помощью полиции и жандармерии; люди выгонялись из своих домов.

Прокурор: Значит, вы ведали облавами при вылавливании населения? В городе Вилейке принимали вы непосредственное участие в этом?

Гесс: Да, так точно.

Прокурор: Сколько же всего было расстреляно? Вы говорите 600 человек?

Гесс: Из собранных тогда было нами уничтожено 500—600 человек. Кроме того, несколько человек было отобрано в организацию Тодт.

Прокурор: Вы признаете, что принимали активное участие в облавах и в поимке еврейского населения, а также в сопровождении их на работу в эту организацию Тодт?

Гесс: Этих людей, которые были выделены организацией Тодт, она сама забрала.

Прокурор: Это количество 500—600 человек, которые были расстреляны вами, составляло нетрудоспособное население: старики, старухи, дети?

Гесс: Трудоспособное население было отобрано и отправлено на работы, остальные были расстреляны. В их состав входили женщины, старики и дети, а также и все инвалиды.

Прокурор: Вы можете ответить, почему против стариков, старух и детей во всех случаях была направлена сила этого волчьего закона фашизма?

Гесс: Это входило в программу национал-социалистской партии Германии.

Прокурор: Расскажите, в каком году, в каком месяце вы

принимали участие в расстрелах в местечке Долгиново. Под чьим руководством проведены были эти расстрелы?

Гесс: Под руководством унтерштурмфюрера Граве.

Прокурор: Какое количество населения было расстреляно в Долгиново?

Гесс: Это происходило в июне 1942 года. Там было расстреляно около 2 000 человек населения.

Прокурор: Из кого состояло это население?

Гесс: Это было еврейское население.

Прокурор: В чём выразилось ваше участие и сколько человек вы лично расстреляли в этом случае в местечке Долгиново?

Гесс: Я стоял на посту, выводил сам людей из гетто и уничтожил сам лично 80 человек. (В зале шум.)

Прокурор: Кого же вы расстреляли и за что?

Гесс: Среди этих людей, которых я расстрелял, были женщины, мужчины, старики и дети.

Прокурор: Как вы детей расстреливали?

Гесс: Выстрелом в голову.

Прокурор: А как остальных расстреливали?

Гесс: Всех я расстреливал так.

Прокурор: Как вы расстреливали?

Гесс: Эти люди ставились на коленки и расстреливались.

Прокурор: Как вы их расстреливали?

Гесс: Я же сказал, что я их стрелял в голову, в затылок.

Прокурор: Таким образом вы расстреляли 80 человек из числа 2 000.

Гесс: Так точно.

Прокурор: Ведь вы же были только охранником, вас не заставляли расстреливать, почему же у вас появилось желание расстреливать?

Гесс: Мне было приказано расстреливать, поэтому я и расстреливал.

Прокурор: После расстрела, что вы сделали с трупами?

Гесс: Эти трупы были облиты бензином и подожжены.

Прокурор: С какой целью вы сжигали трупы.

Гесс: Для того, чтобы скрыть следы своих преступлений.

Прокурор: Трупы эти сжигались в сарае?

Гесс: Да.

Прокурор: Расскажите, подсудимый Гесс, о расстреле во второй половине июля 1942 года людей в районе Илия.

Гесс: Наша команда вместе с уитерштурмфюрером Граве выехала на грузовых машинах в район Илия. Там уже находилась полиция и жандармерия, которые нам помогли оцепить гетто.

Прокурор: Откуда была полиция?

Гесс: Полиция и жандармерия была из района Илия.

Прокурор: Гетто к моменту вашего приезда было уже оцеплено?

Гесс: Да.

Прокурор: Какое же количество находилось в этом гетто людей?

Гесс: Около 1 500 человек.

Прокурор: Все они были расстреляны?

Гесс: Да, все они были расстреляны.

Прокурор: Что это за люди были?

Гесс: Это были тоже евреи.

Прокурор: Расскажите, лично вы также, как и в Долгиново, расстреливали?

Гесс: Я лично выводил людей из помещений, приводил в сараи, в которых сам расстреливал.

Прокурор: Сколько вы лично расстреляли?

Гесс: Около 60 человек.

Прокурор: Значит, в первом случае вы 80 человек расстреляли, а в данном случае 60. Как расстреливали—в затылок?

Гесс: Да, точно так же, как и в первый раз.

Прокурор: Из какого оружия вы стреляли?

Гесс: Из пистолета.

Прокурор: Что это за пистолет, какой системы?

Гесс: Он калибра 0,8 *мм*—армейский пистолет.

Прокурор: Что же затем вы сделали с трупами, куда их девали?

Гесс: Облили бензином и также сжигали.

Прокурор: С какой же целью проводилось сжигание трупов?

Гесс: Для того, чтобы скрыть следы своих преступлений.

Прокурор: Основной мотив причин расстрела был тот же, что и в предыдущем случае. Вы уничтожили 1500 человек только потому, что они принадлежали к еврейской национальности?

Гесс: Да.

Прокурор: Куда вы выезжали в середине июля 1942 года в составе команды для расстрела?

Гесс: Мы были в Воложино.

Прокурор: Это какой области?

Гесс: Кажется, Молодечненской, точно сказать не могу.

Прокурор: Что вы там делали в городе Воложино?

Гесс: Также расстреливали евреев.

Прокурор: Сколько вы там расстреляли еврейкого населения?

Гесс: Около 2000.

Прокурор: Кто возглавлял руководство по расстрелу этих 2000 человек?

Гесс: Унтерштурмфюрер Граве.

Прокурор: Это тот же, который возглавлял в предыдущем случае?

Гесс: Да.

Прокурор: Как собирали население для того, чтобы учинить над ним расправу?

Гесс: Точно так же, как и в Долгиново. Этих людей также выводили из домов, приводили их в сарай и там расстреливали.

Прокурор: Куда девали имущество расстреляниых и ценности, которые изымались перед расстрелом?

Гесс: Ценные вещи собирали и отправляли в наше учреждение в Вилейку.

Прокурор: Что это за учреждение?

Гесс: Это была охранная полиция и СД—отдел Минского СД.

Прокурор: Этот отдел принимал все имущество и ценности, которые изымались перед самым расстрелом?

Гесс: Да.

Прокурор: Скажите, куда расходовалось это все имущество и ценности?

Гесс: Ценные вещи отправляли в Берлин.

Прокурор: Кому? Это были индивидуальные отправки или организованные отправки в какое-то учреждение?

Гесс: Я не могу дать по этому вопросу объяснения, так как я не знаю об этом.

Прокурор: Из кого состояли эти 2000 человек расстрелянных в гор. Воложино, Молодечненской области?

Гесс: Мужчины, женщины и дети.

Прокурор: За что же эти люди были расстреляны—только за то, что они по национальности евреи?

Гесс: Да.

Прокурор: А в числе этих 2000 человек населения людей других национальностей не было?

Гесс: Нет, не было.

Прокурор: Вы переезжали из одного пункта в другой. Почему это так? Что это была специальная задача—пройтись по городам с целью уничтожения еврейского населения?

Гесс: Да, перед нами была поставлена задача в Вилейском округе уничтожить все еврейское население.

Прокурор: Какой был порядок расстрела этих 2000 человек?

Гесс: Это население собиралось группами по 80—100 человек, потом отводили в сарай, где расстреливали по одному.

Прокурор: Эти 2000 человек были жителями города Воложино или завезены из прилегающих пунктов?

Гесс: Я этого не знаю.

Прокурор: Все население было из гетто?

Гесс: Да, это все население брали из гетто.

Прокурор: Кто расстреливал?

Гесс: Расстреливать должны были все мы, в том числе и я.

Прокурор: Сколько лично вы расстреляли в данном случае в городе Воложино?

Гесс: Я расстрелял около 120 человек. (Шум в зале.)

Прокурор: У вас уже определенная квалификация появилась.

Гесс: Я благодарю за такую профессию.

Прокурор: Кого благодарите?

Гесс: Вообще, так говорят. Такое выражение.

Прокурор: А как вы стреляли—тоже в затылок?

Гесс: Точно так же расстреливали, как и в предыдущий раз, сзади в затылок из такого же пистолета.

Прокурор: Перейдем к следующему. В августе 1942 года в составе команды вы выезжали в местечко Вишнев, где было расстреляно 1500 человек, находившихся в гетто. Трупы сжигались.

Гесс: Эта операция производилась точно так же, как и предыдущие. Со своей командой мы выехали в Вишнев, где была уже подготовлена нам в помощь полиция и вооруженная охрана.

Прокурор: Полиция откуда была?

Гесс: Эта полиция была из Вишнева. После того, как людей вывели из помещения гетто, вывезли их за город в одну деревню, в этой деревне они были расстреляны, а трупы также сожжены.

Прокурор: Кто руководил этой операцией?

Гесс: Унтерштурмфюрер Граве. Он был начальником полиции безопасности и СД Вилейки.

Прокурор: С имуществом как поступили в данном случае?

Гесс: Имущество все собрали и привезли в Вилейку.

Прокурор: Опять в чье распоряжение оно поступило?

Гесс: Опять также было отослано в Берлин, как и в предыдущий раз.

Прокурор: Перейдем к следующему. Куда вы из Вилейки были посланы после выполнения этой операции?

Гесс: В конце июля 1942 года в составе команды я прибыл в город Минск.

Прокурор: С каким заданием вы приехали в Минск?

Гесс: Тогда мы участвовали в четырехдневной операции. Операция проводилась в Минске. Было уничтожено 18.000 евреев.

Прокурор: Расскажите подробно, каким способом проводилось уничтожение минского гетто и где оно располагалось?

Гесс: Это население вывозилось из гетто в душегубках и выгружалось на том же месте, где расстреливали в первый раз, т. е. в 30 километрах от города Минска, на окраине леса.

Прокурор: Почему вы так интенсивно использовали душегубки?

Гесс: В этот раз я впервые видел душегубки?

Прокурор: Значит, вы выехали из Вилейки в конце июля 1942 года с вашей зондеркомандой в Минск для уничтожения гетто?

Гесс: Нет, команда выехала не вся, выехала только часть этой команды, как подкрепление.

Прокурор: Почему вы попали в число выехавших? Как более отличившийся?

Гесс: Меня отправили сюда.

Прокурор: Что вы персонально делали по уничтожению минского гетто? Сажали людей в душегубки?

Гесс: Да, я это делал.

Прокурор: Население гетто сперва уничтожалось в душегубке, а затем мертвые увозились на машинах?

Гесс: Нет, люди загонялись в душегубки, после чего машина уезжала, и таким образом по дороге люди уничтожались.

Прокурор: Все 18000 человек населения минского гетто было уничтожено в душегубках или также расстреливалось?

Гесс: И расстреливали и уничтожали в душегубках.

Прокурор: Какое количество машин-душегубок было?

Гесс: Насколько мне известно, их было около 3 машин.

Прокурор: А не 4?

Гесс: Точно я не помню, 3 или 4 машины.

Прокурор: 4 машины-душегубки работали в течение суток подряд?

Гесс: Мы работали с утра до вечера, а вечером нас подменили. Не знаю, выезжали ли эти машины для своей работы ночью или нет.

Прокурор: Сколько всего работало у вас машин, кроме душегубок?

Гесс: Приблизительно от 20 до 30 грузовых машин.

Прокурор: Вы не можете сказать, какое количество рейсов совершала в день каждая машина?

Гесс: По-моему, 5—6 рейсов туда и обратно.

Прокурор: Где же помещалось гетто в Минске? Вы улицу не помните?

Гесс: Точно не могу сказать, это было по главной улице, а потом налево.

Прокурор: Этим минским гетто и была закончена вся ваша «работа»?

Гесс: Да.

Прокурор: Подведем же итоги всей вашей преступной работы. При вашем участии расстреляно и умерщвлено в душегубках 27950 человек. На вашей совести лежат сотни вами лично расстрелянных и умерщвленных. Ваши руки в крови,

и по день смерти вы ее не смоете. Как вы расцениваете такое преступление, которое вы совершили против народов Советского Союза и Белоруссии?

Гесс: Да, это было преступление.

Председатель: Скажите Трибуналу, какие награды вы получили и как была отмечена ваша деятельность со стороны гитлеровского правительства?

Гесс: Я имею крест за выслугу, железный крест второй степени, а также медаль отличия в серебре.

Прокурор: И орден «За храбрость»?

Гесс: Это я получил за борьбу с партизанами.

Председатель: А за службу в зондеркоманде что вы получили?

Гесс: Я первую награду получил в 1943 году.

Председатель: В 1943 году вы получили крест «За воеиные заслуги»?

Гесс: Да.

Председатель: А за службу в зондеркоманде в Минске и в Вилейке «Железный крест» 2-й степени?

Гесс: Это получил в 1944 году. По-моему, я получил его за борьбу с партизанами.

Председатель: По вашим показаниям, как раз за то, что хорошо служили в зондеркоманде.

Гесс: Крест «За воеиные заслуги» я получил за хорошую службу в зондеркоманде, но не железный крест 2-й степени.

Председатель: А железный крест вы получили за борьбу с партизанами?

Гесс: Да.

Председатель: Когда вы были в Долгиново, какую форму носили?

Гесс: Я носил форму СС.

Председатель: На фуражках что было?

Гесс: Мертвая голова.

Председатель: А на погонах какие были отличия?

Гесс: Никаких.

Председатель: Нашивки были серебряные?

Гесс: На погонах у меня ничего не было, а в петлицах СС и отметка об участии в штурме.

Председатель: Нашивок серебряных не было?

Гесс: Нашивки СС и отметка о штурме были из серебра.

Председатель: Скажите, Садовского — жителя города Долгиново—вы знаете?

Гесс: Такого я не знаю.

Председатель: Теперь скажите, под каким предлогом вывозились из гетто люди, намеченные к расстрелу?

Гесс: Объяснялось населению о том, что оно пойдет на работу.

Председатель: А в баню?

Гесс: Что-нибудь говорили им—или в баню, или на работу.

Председатель: Так что лица, которые вывозились на расстрел, не знали о том, что их везут на расстрел?

Гесс: Да.

Председатель: В Вилейке вы участвовали в облавах на население? Направляли их на сортировочные пункты, а потом одних увозили в Германию, а вторых на расстрел?

Гесс: Это были облавы на евреев. Да, я участвовал во всем этом.

Председатель: Вами давались собственноручные показания следствию, где вы изложили все обстоятельства и примеры того, что вы делали. Это все то, что вы рассказали Трибуналу?

Гесс: Да, давал.

Председатель: Защита имеет к подсудимому вопросы?

Адвокат Жудро: Скажите, пожалуйста, когда вы находились в войсках СС, кто был шефом всех войск СС?

Гесс: Главным руководителем был Гиммлер.

Жудро: Читали ли вы какие-нибудь приказы Гиммлера или Гитлера об уничтожении еврейского населения и вообще населения Советского Союза?

Гесс: Нам зачитывали приказы и объясняли о том, чтобы мы с русским населением ничего общего не имели, а еврейское население—это наши противники.

Жудро: Когда вы направлялись на фронт, на восток, вам объясняли, почему Германия напала на Советский Союз?

Гесс: Нам объяснялось то, что русские подготовили нападение на Германию, но мы их предупредили и начали первые войну против Советского Союза.

Жудро: Полиция безопасности и СД—это одно и то же или нет?

Гесс: Такое выражение будет неправильным. Правильно будет сказать гестапо.

Жудро: Значит, понятие СД и понятие «полиция безопасности» одно и то же?

Гесс: Так. Все чиновники СД и охранной полиции были гестаповцами, а для помощи им придавались эсэсовцы. Такими, например, были наши части.

Жудро: Больше у меня вопросов нет.

Адвокат Петренко: Когда вам стало понятно, что вы совершали преступления — здесь, в трибунале или в то время, когда вы расстреливали людей?

Гесс: Мне было ясно еще тогда, когда я делал эти преступления.

Петренко: Вы считали, что вы поступаете неправильно, преступно, или вы тогда этого не понимали,

Гесс: Я понимал тогда, что я преступник и совершаю преступление.

Петренко: От кого нужно было скрывать совершенные преступления путем сжигания трупов?

Гесс: Я не знаю. Был издан приказ о том, чтобы сжигать трупы.

Петренко: Нет, вам давали указания, чтобы скрывать следы преступления. От кого скрывать?

Гесс: Я не знаю, от кого хотели скрыть преступления эти.

Петренко: Из-за чего—из чувства страха или из чувства стыда? Непонятно.

Гесс: Я не знаю.

Адвокат Татаринцев: Все это вы делали потому, что вы сами считали нужным или только по приказу начальника?

Гесс: Я сам ничего не думал. Я был солдатом. Мы получали приказы и должны были их выполнять. Особенно это относится к войскам СС.

Адвокат Жудро: На мой один вопрос вы ответили, что вам известно о том, что евреи—ваши враги. Скажите, в Германии также уничтожали евреев таким способом?

Гесс: Я знаю о том, что евреи в Германии были заключены в концентрационные лагери.

Жудро: О расстреле их вы не знали?

Гесс: Я узнал об этом позже, когда находился в плену.

Петренко: С точки зрения фашизма—не любить человека, расстреливать его. Зачем тогда имущество его любить?

Гесс: Я об этом не спрашивал, не знаю.

Петренко: Поэтому я и спрашиваю вас. Вам за расстрелы ничего не платили? Вы этого имущества не получали?

Гесс: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы?—Нет. Подсудимый Гесс, ответьте на вопросы члена Трибунала полковника Сахарова.

Сахаров: Какой у вас был разговор с шофером душегубки, что он сказал вам в отношении умерщвления людей?

Гесс: Я его спросил, как работает данная душегубка. Он сказал, что отработанный газ из мотора поступает в закрытый кузов машины, и люди, находящиеся в душегубке, после начала работы машины через 2—3 минуты умирают.

Председатель: Комендант, пригласите свидетеля Белявского Льва Алексеевича.

Комендант: Свидетель Белявский прибыл.

Председатель: Скажите, свидетель, ваше имя и отчество, год рождения, место работы.

Белявский: Меня зовут Лев Алексеевич, 1878 года рождения, работаю церковным служителем в Вилейке.

Председатель: Вас Военный Трибунал предупредил о даче правильных показаний. Прошу вас дать показания Военному Трибуналу, что вы знаете по этому делу, по которому Вы вызваны в качестве свидетеля.

Белявский: Я доложу Высокому Трибуналу только то, что я хорошо знаю, что я сначала тщательно проверил.

В период немецкой оккупации территорин Белоруссии я проживал в Вилейке и, как местный священник и вилейский благочинный, имел широкое общение с духовенством Вилейской области. Отношение оккупационных немецких властей к трудящемуся населению города Вилейки и области можно назвать жестоким и бесчеловечным. Это отношение воскрешает в памяти мрачный период, когда с одной стороны царило полное правовое бессилие и беззащитность, а с другой стороны—безграничное насилие и безнаказанность. Это общая характеристика.

Перейдем к частностям. Трудовое население как города, так и прилегающих деревень и тех местностей, которые были в поле моего зрения, подвергалось непосильным налогам. Несвоевременное внесение этого налога влекло за собой тяжелое наказание. Мне известен случай, когда 62-летний старик, священник-настоятель Рабунской церкви Владимир Назаревский, был жестоко избит палками за то, что несвоевременно внес налог. Он был так жестоко избит и изранен, что не мог ни сесть, ни лечь. Я сам видел эти страшные раны на его старческом теле.

Все население, не взирая на возраст—от детского до старческого, должно было работать на немцев. Неявка или опоздание на работу также влекли тяжкие наказания. 65-летний старик из деревни Понятычи в великий пост направлялся в церковь к исповеди и был встречен на дороге немцем, ведавшим лесозаготовками. Якобы за невыход на работу он также был избит до потери сознания и подобран проезжавшими людьми. Мне известен случай, когда молодая женщина Жеймо Бронислава, занимавшая место железнодорожного сторожа, на Осиповском переезде, была убита начальником Вилейского гестапо Граве за то, что она позволила себе несвоевременно выйти и закрыть перед поездом шлагбаум.

15 июля 1941 года был убит житель города Вилейки, по профессии электромонтер, Зиновый Константинович Коляда за то, что он пришел и пожаловался коменданту на бесчинства и грабеж со стороны немецких солдат, которые производились у него дома. Его убили за «оскорбление немецкой армии».

Теперь я перейду к перечислению случаев массового истребления мирных советских граждан как в самой Вилейке, так и в Вилейской области. Уже с первых дней оккупации немцами Вилейки началось это кошмарное истребление. Так, 12 июля 1941 года на берегу реки Вилия, близ города, были расстреляны граждане по подозрению в сочувствии советской власти. Их было расстреляно свыше 140 человек. Большинство из них принадлежало к еврейской национальности. Все

это были жители Вилейки, и я поименно могу перечислить, если это угодно Высокому Трибуналу, имя, отчество и фамилии граждан принадлежавших к моему приходу.

Председатель: Пожалуйста.

Белявский: Были убиты: Тышковский Иван Мартинович и его сын Тышковский Анатолий Иванович; учитель Иван Михайлович Малько; Николай Игнатьевич Кудин; Иван Даниилович Ковзанович и другие.

Вслед за этим также в конце июля была произведена облава в полном смысле этого слова на советских граждан еврейской национальности. По городу сновали огромные грузовые автомобили, в которые бросали еврейское население — женщин, детей и стариков. При этом происходили душераздирающие сцены, о которых, если угодно высокому Трибуналу, могу поведать.

Среди детей был брошен в грузовой автомобиль мальчик 10 лет—Миша, сын зубного врача, работавшей в городской поликлинике. Обезумевшая от горя мать подбежала и стала кричать, чтобы освободили единственного любимого сына. Врачебная фамилия ее Балашинская, по мужу—другая, не помню. Конечно, ей в этом отказали, и она просила, как милости у жестоких людей, чтобы они взяли ее вместе с сыном.

Вся эта огромная партия обреченных была увезена за город к трем траншеям, заблаговременно вырытым. Между прочим, участником рытья траншеи был муж врача Балашинской. И здесь все они были расстреляны и брошены в ямы.

После этого в Вилейке осталось очень небольшое количество граждан еврейской национальности.

Когда в Вилейке организовали областное гестапо, избиения и уничтожение мирных советских граждан приняли организованный регулярный характер как в самой Вилейке, так и в области. Но на этот раз жертвы этих ужасных злодеяний не закапывались в землю, а сжигались. Сжигались в жилых домах и в холодных постройках окружающих деревень.

Вот известный мне проверенный случай. В начале марта месяца 1942 года были вызваны якобы для поездки в Молодечно на работу все жители гетто, т. е. того сарая, в котором они в холоде и голоде проводили время. Здесь были как остатки еврейского населения Вилейки, так и привезенные сюда из Куренца и Кривичей. Всего их было около 350 человек. Но их увезли, конечно, не в Молодечно, а за полкилометра по Осиповскому тракту и здесь в недостроенном доме сожгли. При этом женщин они заставляли предварительно раздеваться, снимать с себя верхнюю одежду, а затем немцы бросали их живыми в огонь.

Другой известный мне случай массового уничтожения мирного населения имел место в конце ноября 1942 года. Тогда на двух грузовых машинах из Вилейской тюрьмы были привезены в деревню Порса около 150 человек арестованных и живыми сожжены в бане, принадлежащей гражданину Черепану Алексею Дмитриевичу. В тех же числах было произведено сожжение живыми более 300 заключенных Вилейской тюрьмы в деревне Глинное, в 5 километрах от Вилейки, по дороге на Молодечно. Они были сожжены в доме, оставленном крестьянином этой деревни Субачем, ушедшим в лес к партизанам.

Как в первом, так и во втором случае были жертвами дети, мужчины и женщины, люди всех национальностей. Я собственными глазами видел пепелище, где были сожжены эти люди, я видел остатки человеческих костей, остатки человеческих черепов. Кровь стынет в жилах при воспоминании об этом ужасном зрелище.

Мне также известны случаи массовых убийств, преимущественно мирных граждан еврейской национальности, в местечках Илия, Куренец, Долгиново, в городе Воложино.

Известны мне многочисленные случаи, когда за помощь партизанам или под предлогом этого сжигались целые деревни, взрывались храмы и уничтожалось поголовно все население.

В 1943 году так было уничтожено местечко Козяны, Поставского района. В селе Доры, Воложинского района, православные верующие люди в количестве до 250 человек были пригнаны к церкви, введены в нее и вместе с церковью сожжены.

Мне, как члену областной чрезвычайной комиссии, приходилось видеть вскрытие траншей, наполненных трупами замученных людей. Там были и грудные дети, были и молодые и старые мужчины, тут были и женщины. Эти траншеи находятся с северной стороны Вилейской тюрьмы, за стеной. Здесь были похоронены расстрелянные, убитые прикладами, ибо черепа были раздроблены. Убитых людей немцы поливали каустической содой, чтобы ускорить процесс разложения. Это установлено судебно-медицинской экспертизой чрезвычайной комиссии.

В стенах тюрьмы в то время ежедневно производились расстрелы тех, которых немцы подозревали в сочувствии партизанам, советской власти.

Мне самому приходилось видеть большую партию честных мирных деревенских тружеников, которых гнали на верную смерть, в заключение. У меня перебывали сотни людей, приезжавших с разных концов Вилейской области, прося ночлега, ибо нужно было какими-нибудь средствами добиться пере-

дачи хлеба или других необходимых продуктов питания для заключенных родственников.

У меня был ночлежный дом, так называл я свою небольшую священническую квартиру. Я был постоянным свидетелем слез тех, кто уже узнал, что их отцов, их мужей нет в живых.

Население, познавшее все эти ужасы, бежало в леса, бежало туда, где они могли найти защиту у своих же собратьев-партизан.

И эта грозная сила, действительно способствовала скорейшему освобождению нашего города и местности от этих тяжких, превосходящих всякие эпитеты, ужасов.

Еще несколько слов о тех страшных разрушениях бессмысленных, ненужных для самих немцев, какие они произвели, убегая под натиском нашей доблестной, могучей Красной Армии.

От цветущего, правда небольшого, но прекрасного расположенного на берегу реки города Вилейки осталась после пожара, умышленно проведенного отступавшими немцами, только одна шестая часть. Поджигались и взрывались те здания, которые служили культурным запросам людей. Были сожжены и уничтожены 2 хороших театра, 2 школы-десятилетки, поликлиника, школа ФЗО, православный храм, храм на кладбище, торговые и общественного пользования учреждения.

Убытки только по нашим духовным ведомствам, по подсчету комиссии, превосходят 3,5 миллиона рублей.

Все эти злодеяния проводились под непосредственным руководством начальника Вилейского окружного гестапо Граве.

В связи с этим именем я вернусь еще к массовому истреблению мирных граждан. В апреле месяце 1944 года на подложенную партизанами на шоссейной дороге мину наехала пролетка, в которой совершал свои обычные прогулки этот изверг. И лошадь и сам он были убиты.

Эта смерть не прошла безнаказанно для мирных граждан. В тот же день в деревне Илишевичи, откуда была назначена охрана шоссе, были расстреляны и сожжены в собственных домах 34 человека.

29 июня 1944 года, почти в канун своего бегства из Вилейки, немцы ликвидировали тюрьму. Всех оставшихся еще в живых, в том числе страдальца — священника Назаревского с дочерью, они вывезли за два километра от Вилейки в деревню Маковье, в дом на окраине деревни, который был покинут хозяином Пашкевичем, и здесь в этих покинутых строениях все несчастные жертвы немцев были сожжены.

В феврале месяце 1944 года был зверски убит выстрелом

в затылок 72-летний старик—протоиерей Нарочской церкви Сосновский Павел с 11 летним мальчиком, который был единственным слугою этого старика. Он убит немецким лейтенантом, возглавлявшим охрану моста.

Убит в 1944 году, приблизительно в это же время, священник села Слобода, Глубокского благочиния, Новик Александр. Он был убит со всей своей семьей—женой и детьми—также по подозрению в сношениях с партизанами.

14 февраля 1943 года в деревне Холопы, Куринецкого района, были убиты немцами 8 человек мирных почтенных граждан. Среди них были 3 молодые девушки, собравшиеся на вечеринку.

Убит при облаве на партизан в местечке Казяны псаломщик Мороз также по подозрению в сношениях с партизанами.

Я должен закончить на этом свое печальное повествование.

Председатель: У прокурора и защиты имеются вопросы?—Нет.

Председатель: У подсудимых имеются вопросы?—Нет.

Стороны не возражают против освобождения свидетеля?—Нет.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 20 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: Судебное заседание Военного Трибунала продолжается.

Товарищ комендант, прошу пригласить свидетельницу Ольшевскую.

Комендант: Свидетельница Ольшевская прибыла.

Председатель: Ольшевская Ольга Иосифовна, 1908 года рождения, уроженка города Гомеля.

Ольшевская: Да.

Председатель: Профессия, образование?

Ольшевская: Врач-психиатр, высшее образование.

Председатель: Где Вы работаете?

Ольшевская: Главным врачом областной психиатрической больницы.

Председатель: Вас Военный Трибунал предупреждал о даче правильных показаний по делу, по которому Вы вызваны. Прошу рассказать, что Вам известно по данному делу.

Ольшевская: События, о которых я расскажу, относятся к ноябрю и декабрю 1941 года. Произошли они в городе Минске во 2-м клиническом городке, где я работала врачом. Осенью 1941 года в психиатрическом отделении 2-й клинической больницы было около 400 больных, которых по состоянию

здоровья нельзя было отпустить домой. Приблизительно в ноябре месяце военными немецкими властями было предписано подготовить к отправке в город Могилев и в трудовую колонию Новинки больных, страдающих хроническими заболеваниями.

Спустя несколько дней отделение, в котором находились больные, было окружено отрядами полиций, и началась погрузка больных на подошедшие крытые машины. Погрузка больных производилась в грубой, жестокой форме, сопровождавшейся угрозами применения оружия, резиновых палок как в отношении персонала, так и в отношении больных. Всего было вывезено около 300 человек, причем в это число, независимо от состояния здоровья, вошли все больные евреи.

Вечером этого же дня от людей, сопровождавших машины, хотя им было запрещено под угрозой смерти что-либо рассказывать, мне стало известно, что все больные были уничтожены на станции Колодище путем применения взрывчатых веществ.

В первых числах декабря того же 1941 года отделение снова было неожиданно окружено отрядом полиции и началось изъятие больных. Больных было взято около 100 человек.

О дальнейшей судьбе этих больных я не знаю, так как попытки вступить в объяснение были не допущены под угрозой расстрела на месте. Но судя по тому, что в декабре месяце больные выводились из отделения в одном белье и усаживались в неотепленные машины, было ясно, что больные вывозились на уничтожение.

Таким образом, в ноябре и декабре 1941 года из 2-го клинического городка было вывезено и уничтожено около 400 ни в чем неповинных, беспомощных, тяжело больных людей.

Председатель: Все?

Ольшевская: Все.

Председатель: У прокурора есть вопросы?

Прокурор: Да. Больных расстреливали или газом отравляли?

Ольшевская: По тем сведениям, которые сообщил мне персонал, сопровождавший машины, они были взорваны, кажется, гранатами. Рассказывали, что были устроены большие ямы в виде блиндажей, больных посадили друг около друга, затем машины отъехали в сторону и были слышны сильные взрывы, а затем крики и стоны.

Прокурор: Больше вопросов нет.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Гесс или кто-либо из обвиняемых имеет вопросы к свидетелю?

Гесс: Разрешите мне.

Председатель: Пожалуйста.

Гесс: 100 человек больных были расстреляны, но не уничтожены с помощью взрывчатых веществ.

Председатель: Почему был там взрыв?

Гесс: Я не знаю.

Председатель: Вы сами присутствовали при этом?

Гесс: Я был при 100 больных, которых расстреляли.

Председатель: Это другой случай, о котором говорит свидетель.

Гесс: Да.

Ольшевская: Я говорю о тех больных, которые были вывезены в первый раз и уничтожены путем взрыва. О судьбе 100 других больных я не знаю.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Авласевич.

Комендант: Свидетель Авласевич прибыл.

Председатель: Авласевич Иван Владимирович, 1905 года рождения, уроженец местечка Вишнева, Воложинского района, Молодечненской области.

Авласевич: Да.

Председатель: Беспартийный?

Авласевич: Да.

Председатель: Где вы работаете?

Авласевич: Сейчас на лесозаготовках в качестве рабочего.

Председатель: Свидетель Авласевич, вас Военный Трибунал вызвал в качестве свидетеля по делу Рихерта и других. Предупреждаю, что вы должны говорить все известное вам по обстоятельствам дела и только правду. За дачу ложных показаний вы, как свидетель, можете быть привлечены к ответственности по ст. ст. 136 и 137 Уголовного Кодекса Белорусской ССР. Что вам известно по данному делу?

Авласевич: Мне известно, что в 1941 году, когда Красная Армия отошла из местечка Вишнева, прибыли к нам немецкие войска. Тогда еще все мирное еврейское население жило по своим квартирам. Жили они так до года, потом получили приказ от германских властей перебраться в гетто. Гетто это находилось в местечке Вишневе на улице Кревской. Они там прожили примерно 4—5 месяцев. Их использовывали на разных работах. Потом со стороны Воложино приехали на 6—7 машинах немцы и начали вывозить евреев группами в деревню Галеново, где расстреляли. Я при расстрелах не был, только слышал автоматные выстрелы. Немцев этих я лично не знаю, не был при этом, только слышал стрельбу. Еврейского населения было расстреляно до 1500 человек.

Председатель: Все евреи местечка Вишнева расстреляны?

Авласевич: Точно не скажу. Вернулось только человек 20, рассказывают, что больше нет. Хочу добавить: на третий день в деревне Галеново я видел сгоревшие трупы, даже

матерей с детьми. Тогда я пошел домой и больше ничего не знаю.

Председатель (обращаясь к прокурору): Вы имеете вопросы?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы к свидетелю?

Представитель защиты: Нет.

Председатель (обращаясь к Гессу): Вы имеете вопросы к свидетелю?

Гесс: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы? — Нет.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетельницу Ходыс.

Комендант: Свидетельница Ходыс прибыла.

Председатель: Ходыс Мария Юделевна, уроженка местечка Долгиново, беспартийная?

Ходыс: Да.

Председатель: Где вы работаете?

Ходыс: Домашняя хозяйка.

Председатель: Вас, гражданка Ходыс, Военный Трибунал уже предупреждал о даче правильных показаний. Расскажите сейчас Трибуналу, что вам известно по даиному делу.

Ходыс: В период оккупации немцев я находилась в местечке Долгиново. О зверском уничтожении советских граждан я могу рассказать.

Когда немцы приехали в местечко Долгиново, они сразу же начали массовое уничтожение евреев. Это уничтожение они производили всякими путями: расстреливали, вешали и убивали холодиым оружием. В 1942 году приехала из города Вилейки команда СС, которая организовала массовые убийства еврейского населения. Я спряталась в сарае и смотрела в щель, как этот подсудимый, сидящий на скамье подсудимых во втором ряду пятым слева, убил 16 человек на моих глазах.

Председатель: Кого вы изобличаете из подсудимых в этом, назовите его.

Ходыс: Пятого, во втором ряду.

Председатель: Вы его узнаете?

Ходыс: Да, я его узнаю.

Председатель: Как вы его знаете?

Ходыс: Когда я смотрела в щель, я видела, как он своими руками убил 16 человек, я даже могу иазвать фамилии убитых 3 еврейских семей.

Председатель: Назовите фамилии.

Ходыс: Родошкович, Брунштейн, Шрайман.

Председатель: Подсудимый Гесс, вы узнаете эту свидетельницу?

Гесс: Я ее не знаю.

Ходыс: На завтра, утром, мы с братом убежали в лее.

Когда мы бежали по улице, то кровь текла по канавам, валялись мозги расстрелянных. Потом, когда мы бежали через поле, я видела, как горели трупы расстрелянных. Был такой дым, что даже дышать нельзя было.

Председатель: Скажите, свидетельница, вы лично потеряли кого-нибудь?

Ходыс: Я всех потеряла, только остались я и брат.

Председатель: Кого вы потеряли?

Ходыс: Я потеряла отца, мать и четырех сестер. Я всего потеряла 30 человек своей родни. Отца моего немцы замучили. Он не мог ходить—они его тащили на крюке. Они даже его не расстреляли, а замучили.

Председатель: На крюке тянули?

Ходыс: Да.

Председатель: Прокурор имеет вопросы к свидетельнице?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Гесс имеет вопросы?

Гесс: Нет.

Председатель: Никто из подсудимых не имеет вопросов?

Подсудимые: Нет.

Председатель: Товарищ комендант, вызовите свидетельницу Войтеховскую.

Комендант: Есть вызвать свидетельницу Войтеховскую. Свидетельница Войтеховская прибыла.

Председатель: Войтеховская Олимпиада Иосифовна, вы уроженка местечка Илия, Молодечненской области. Скажите, где вы работаете?

Войтеховская: Домохозяйка.

Председатель: Беспартийная?

Войтеховская: Да.

Председатель: Под судом не были?

Войтеховская: Нет.

Председатель: Вас Военный Трибунал уже предупреждал о даче правильных показаний. Скажите, что вам известно по делу?

Войтеховская: Мне известно, что при немецкой оккупации в 1942 году были крупные расстрелы населения.

Первый расстрел был в 1942 году зимою. Были собраны граждане еврейской национальности на базариой площади, там были женщины, старики и дети. Из них отобрали портных, сапожников и других специалистов и оставили на месте, а остальных построили по 4 человека в ряд и повели к площади. Их было около 500 человек. Когда их расстреливали, я не видела, но когда трупы облили горючей жидкостью, когда они пламенем стали гореть, я увидела. Потом был еще расстрел, весной. Расстреливали этих оставленных специали-

стов. Расстреливали их приезжавшие из Вилейки эсэсовцы, а потом происходили расстрелы военнопленных. Я очевидцем последних случаев не была, но о них слышала. Больше я ничего не могу сказать суду.

Председатель: Сколько было расстрелов?

Войтеховская: Крупных расстрелов было два.

Председатель: Сколько за эти два раза было расстреляно?

Войтеховская: В первый раз примерно до 500 человек, а второй раз до 150 человек. Точно я не могу сказать, это приблизительно.

Председатель: Какие немецкие части производили расстрел?

Войтеховская: Этого я хорошо суду не могу сказать. Только я слышала, что из Вилейки приезжали эсэсовцы.

Председатель: После этих двух расстрелов еще были, видимо, и другие расстрелы меньшего порядка?

Войтеховская: Больше расстрелов граждан еврейской национальности не было, но были расстрелы советских военнопленных.

Председатель: Трупы хоронились или что-нибудь немцы с ними делали?

Войтеховская: Первый раз трупы расстрелянных обливались горючей жидкостью и сжигались, а второй раз они так были похоронены.

Председатель: У прокурора есть вопросы?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы к свидетелю?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Гесс, имеете вопросы?

Гесс: Нет.

Председатель: Кто-нибудь из подсудимых имеет вопросы? — Нет.

Председатель: Можете быть свободны. Товарищ комендант, пригласите свидетеля Яштшомб.

Комендант: Свидетель Яштшомб прибыл.

Председатель: Яштшомб Марк Моисеевич, 1901 года рождения, уроженец города Ломжа, по национальности еврей, образование высшее, служащий.

Яштшомб: Да.

Председатель: Свидетель Яштшомб, вас Военный Трибунал уже предупредил о даче вами правильных показаний. Расскажите суду, что вам известно по делу, по которому вы являетесь свидетелем.

Яштшомб: Во время немецкой оккупации я проживал в городе Вилейке и был очевидцем всех злодеяний, совершенных немецкими оккупантами.

12 июля 1941 года немецкие оккупационные власти известили, чтобы все граждане еврейской национальности в воз-

росте от 15 до 60 лет собрались в синагогу на совещание. Там отобрали у всех документы и сказали им, чтобы они явились после обеда сюда же и принесли всякие ценности, как-то: золото, серебро, иностранную валюту. Когда все собрались, немцы их вывели за реку Вилия и в 7—8 вечера расстреляли.

В тот день было расстреляно 140 граждан еврейской национальности и 10—13 белорусов. Это проводили, повидимому, проходившие части СС.

30 июля 1941 года части, проходившие через Вилейку, хватали из домов все еврейское население, грузили на машины и вывозили к деревне Порса. В этот день было убито около 400 человек, причем для этого были заранее приготовлены 5 траншей.

В декабре месяце прибыло СД, и тогда началось организованное истребление еврейского населения во всей Вилейской области.

За 2, 3 и 4-е марта 1942 года немцы истребили всех граждан еврейской национальности, оставшихся в Вилейке, кроме 7 специалистов. Их собрали в гараж возле тюрьмы и там под вечер расстреляли, предварительно отобрав верхнюю одежду и имущество, которое с ними было. Все трупы были сожжены.

СД преследовало весь советский актив. Оно не только совершало массовые убийства в Вилейке, но гастролировало по всей области, выезжало и в Минск для массового истребления евреев.

6 ноября 1942 года Вилейское СД при помощи полиции уничтожило 200 собранных в Вилейке евреев жителей местечка Куренец и местечка Кобыльники, Мядельского района.

За все время оккупации в Вилейке уничтожено 1500 человек евреев.

Председатель: Где похоронены трупы?

Яштшомб: Трупы были сожжены.

Председатель: Что еще можете показать?

Яштшомб: Больше показать суду ничего не могу.

Председатель: Прокурор имеет вопросы к свидетелю?

Прокурор: По чьему распоряжению еврейское население было собрано в синагогу?

Яштшомб: Бургомистр собрал все еврейское население в синагогу на совещание. Я был в синагоге. У меня проверили паспорт и отпустили, как специалиста.

Прокурор: Это просто была заманка для того, чтобы собрать население в синагогу, а потом вывезти и уничтожить?

Яштшомб: Именно так. Пешком погнали за два километра от города, там были приготовлены ямы и всех расстреляли.

Прокурор: Значит, тех, которых поймали в синагоге, домой не пустили?

Яштшомб: Нет, они забрали документы, пустили их домой для того, чтобы принести все ценности. Когда все явились сиова, их взяли.

Прокурор: Прежде чем расстрелять, надо было еще и ограбить?

Яштшомб: Да.

Прокурор: Во всех этих случаях какое количество было детей и как их расстреливали?

Яштшомб: Все дети еврейского населения были расстреляны. Для детей даже и патронов не расходовали, брали за ножки и ударяли головой о кузов машины.

Прокурор: Вы сказали здесь, что в этих расстрелах принимала участие местная немецкая полиция.

Яштшомб: Да, она помогала.

Прокурор: Кто являлся тогда начальником полиции — вы помните?

Яштшомб: Я знаю только начальника СД Граве.

Прокурор: Где этот Граве сейчас?

Яштшомб: Он попал на партизанскую мину и убит. Это было за несколько дней до того дня, как немцы убили несколько десятков человек из деревни Илишевичи.

Прокурор: Какой по своему количественному составу была Вилейская полиция?

Яштшомб: Их было около 40 человек. Они часто разъезжали по районам области.

Прокурор: Так что полиция не являлась чисто городской по своим функциям, она разъезжала по всей территории Молодечненской области.

Яштшомб: Да.

Прокурор: Вы не наблюдали, куда все оставшееся имущество расстрелянных увозилось? Был ли какой-либо организованный порядок сбора этого имущества?

Яштшомб: Это я знаю. Когда первые массовые расстрелы были произведены частями СС, имущество расстрелянных было оставлено на произвол судьбы. Тогда этим имуществом занималась городская управа, работники ее все забирали и продавали. Когда же расстрел организовало СД, работники СД все забирали — костюмы и одежду сортировали, чистили и отправляли в Германию.

Прокурор: Больше у меня к свидетелю вопросов нет.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Гесс имеет вопросы к свидетелю?

Гесс: Нет.

Председатель: Кто-либо из подсудимых имеет вопросы.— Нет.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Добина.

Комендант: Свидетель Добин прибыл.

Председатель: Добин Пинхус Яковлевич, 1897 года рождения, уроженец города Минска. Социальное положение — рабочий.

Добин: Да.

Председатель: Партийность?

Добин: Беспартийный.

Председатель: Где вы работаете?

Добин: Во 2-й советской больнице в качестве строителя.

Председатель: Вас Военный Трибунал предупреждал о даче правильных показаний по делу, по которому вы вызваны. Расскажите, что вам известно, как свидетелю?

Добин: С момента прихода немцев я все время проживал в Минске. С первых же дней немцы провели регистрацию всего населения, а также создали отдельно регистрацию еврейского населения, согласно которой в Минске насчитывалось более 85000 евреев.

С 1 августа 1941 года немцы согнали всех евреев в гетто. В нем были я и моя семья. С первых же дней организации гетто начались убийства еврейского населения. Каждую ночь убивалось по несколько семейств. Так было до 26 августа 1941 года. В этот день была первая облава. Забрали мужчин, в том числе и моего сына 17 лет. 31 августа была вторая облава на мужчин. Так тянулось до 7 ноября 1941 года. 7 ноября 1941 года немцами был произведен первый массовый погром. Часть гетто была окружена, и обитатели его в количестве около 15000 человек мужчин, женщин и детей были согнаны в район Тучинки, где их продержали несколько дней, а потом повели к подготовленным большим ямам, там расстреляли и зарыли.

В 1941 году 20 ноября был второй массовый погром. Немцами была окружена вторая часть гетто, они вывели мужчин, женщин, стариков и детей и расстреляли в тот же день. Я это знаю, так как ко мне в ту же ночь вернулась одна женщина,— она упала в яму недостреленная, приползла ко мне в квартиру в одних трусах и рассказала, как все это произошло.

2 марта 1942 года был третий массовый погром. На месте — в гетто — были расстреляны все, кто там попался. Когда меня под усиленным конвоем вели с работы из Водоканалтреста, то по улице Димитрова нельзя было пройти из-за трупов, которые валялись по всей улице.

В тот же вечер на углу Танковой и Заславльской улиц немцы облили дом керосином и сожгли. Это сделал начальник полицейского участка Рихерт. Он согнал туда 50 евреев и сжег их живьем. Те, которые пытались бежать из дома, были расстреляны на месте.

Четвертый погром был 28 июля 1942 года. Он длился

4 суток днем и ночью. В этот раз немцами было уничтожено до 30000 евреев, в том числе и иностранно-подданных.

Пятый погром был 21 октября 1943 года. Что произошло в этот погром, я не знаю, потому что я ушел в подземелье, где проживал со своей семьей до 3 июля 1944 года, до освобождения Минска Красной Армией.

Прокурор: Кто расстреливал евреев?

Добин: Расстреливали их немцы из СД и полицейские. Я видел, как евреев вытаскивали из квартир и расстреливали.

Прокурор: Вы в своих показаниях упомянули, что в числе расстрелянных были граждане еврейской национальности иностранных государств. Чем вы это установили?

Добин: У них было другое, отдельное гетто. Оно было размещено совместно с нашим гетто, но был выделен отдельный квартал, и там жили иностранные евреи.

Прокурор: Вы весь период погромов находились в Минске?

Добин: Находился в Минске. Я в гетто прятался с первого дня. Я, как строитель, смог построить себе траншею и там прятаться. Я не был только при одном погроме — это было 28 июля 1942 года, я тогда был на работе.

Председатель: Прокурор имеет вопросы?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Подсудимый Гесс, имеете вопросы?

Гесс: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы к свидетелю?

Подсудимые: Нет.

Председатель: Подсудимый Герф, показания, которые вы дали на предварительном следствии, подтверждаете?

Герф: Так точно.

Председатель: Товарищ прокурор, у вас имеются вопросы к подсудимому?

Прокурор: Да. Подсудимый Герф, когда вы вступили в нацистскую партию, в каком году?

Герф: В 1932 году, т. е. до прихода Гитлера к власти.

Председатель: Какие у вас в то время были взгляды? Вы разделяли программу этой партии?

Герф: Я очень был доволен, что на моей родине нашелся такой хороший человек — Гитлер, который нас освободил и освободил Рейнскую область. С программой национал-социалистской партии я был полностью согласен.

Прокурор: В каком году вы поступили на службу в армию?

Герф: В 1906 году.

Прокурор: Значит, с 1906 по 1945 год вы находились постоянно в войсках Германии?

Герф: В 1918 году меня демобилизовали из армии, а в 1920 году я поступил в охранную полицию.

Прокурор: Расскажиет, Герф, суду о всех своих преступлениях, о которых вы рассказывали на предварительном следствии.

Герф: Когда в июле 1941 года я с полицейским полком «Норд», которым я комаидовал, перешел советско-германскую границу, мне было прислано два приказа: первый приказ я получил от начальника СС и полиции Курляндии Прютцмана, который мне сообщил о наличии приказа фюрера, в котором говорится, что захваченные в плен русские военные комиссары, политработники должны быть сейчас же уничтожены.

Во втором приказе без подписи и числа было указано следующее: войну против СССР рассматривать как отличную от всех других войн. Мой полицейский полк должен совершенно иначе работать, чем в другой оккупированной стране. Этим приказом предлагалось жечь деревни, разрешалось женщин насиловать. Смысл его сводился к тому, что советский народ нужно уничтожать, а имущество отправлять в Германию. Вскоре этот приказ был изъят, так как боялись, что он попадет в руки Красной Армии.

Если бы немецкая армия так поступила в другой стране, то виновные в этом были бы наказаны. Но здесь наоборот — им дали строгий приказ, что нужно не считаться с советским народом.

Прокурор: Почему?

Герф: Это было личное миеиие Гитлера.

Прокурор: Продолжайте дальше.

Герф: На следующий день, как я получил этот приказ, я вызвал всех батальонных командиров. Я говорил с батальонными командирами.

Наш полк продвигался вперед приблизительно 60—70 километров в день. Мы ехали на мотоциклах через Литву, в направлении Риги. При этом наступлении все шло гладко.

Мы приехали в город Ригу. Там иекоторое время были в казармах, а потом охраняли Рижский залив. Там мы находились недолго. 3-й батальои моего полка был направлен в Эстонию для борьбы против партизан, а остальные батальоны попали в окружение. Туда прибыл какой-то русский полк, который окружил мои подразделения.

Я снял один батальон с охраны побережья и руководил этим батальоном по освобождению других подразделений из окружения. Через некоторое время я получил приказ переехать в Псков.

Когда я прибыл в Псков, я сразу получил приказ от группенфюрера СС Прютцмана о том, чтобы двумя батальонами

произвести экспедицию против партизан, которые находились возле Чудского озера.

Так как эта экспедиция не была подготовлена, мы не имели никаких результатов.

Через несколько дней я с одним батальоном вернулся в Псков, другой батальон остался там для охраны коммуникаций. Здесь батальон имел первые успехи—были пленены 16 человек партизан, которые сразу же были переданы одному подполковнику армии, фамилии которого я не знаю.

В последующей моей работе здесь по борьбе с партизанами я не имел никаких успехов. Конечно, как командиру полка, мне это было неприятно. Мои два батальона с этих пор подчинялись генерал-лейтенанту Маиеру, командиру 281 охранной дивизии. Это было до ноября 1941 года, т. е. до момента, когда меня вызвали в Берлин.

В Берлине в министерстве внутренних дел меня поздравили с получением звания генерал-майора СС и начальника полиции.

Так как я стал генерал-майором, я больше не мог быть командиром полка. 10 января 1942 года я стал начальником охранной полиции Белоруссии. О следующих за этим назначением двух месяцах я не хочу говорить, потому что я два раза был в Минске и хочу объединить мой рассказ о пребывании в Белоруссии в одно целое.

Из Минска меня перевели 15 марта 1942 года начальником полиции в Харьков. В Харькове я служил с марта 1942 по февраль 1943 года. В Харькове я выполнял две должности: во-первых, был начальником охранной полиции, а во-вторых,—управляющим одного колхоза. (Шум в зале.)

Прокурор: Когда вы были начальником полиции города Харькова и области, включена ли была в ваше обслуживание территория Орловской области и сам город Орел?

Герф: Так точно.

Прокурор: Продолжайте показания.

Герф: Когда начала наступать Красная Армия на город Харьков, меня направили в Киев, а на мою должность был назначен группенфюрер СС Прютцман. Меня направили в Крым в город Симферополь, где я был заместителем начальника СС и полиции Крыма.

Прокурор: Уточните, с каким заданием вы были направлены в Киев и сколько времени там работали.

Герф: В Киеве я был 3—4 дня и ждал нового назначения.

Прокурор: Большего срока вы там не пробыли?

Герф: Я был в Киеве еще раньше, чем в Харькове, и пробыл тогда 5 недель.

Прокурор: Какую работу проводили в Киеве в течение 5 недель?

Герф: Моя охранная полиция, которая была назначена в Харьков, прибыла из Мюнхена. Раньше чем поехать в Харьков, мы обучали полицейских в Киеве.

Прокурор: Продолжайте дальше.

Герф: В Симферополе мне, как заместителю начальника СС и полиции, подчинялся начальник охранной полиции, а также СД. В течение 4 недель, когда мой начальник группенфюрер СС Альвенслебен был болен, я руководил тогда СД и следил за работой этого органа. Я беседовал тогда с командирами батальонов, которые боролись против партизан.

Я хотел узнать результаты работы СД, но СД об этом не хотело сообщить и я четыре раза совещался с начальником СД. Те результаты, которые он мне показывал, были совершенно не реальны. Когда Альвенслебен приехал в Симферополь, я получил новое назначение в город Сталино—начальником СС и полиции.

Прокурор: Чем был вызван перевод из Симферополя в Сталино?

Герф: Мое задание там окончилось, так как группенфюрер Альвенслебен выздоровел и приступил к исполнению своих обязанностей.

В Сталино я находился в распоряжении Прютцмана. Там я не мог самостоятельно работать, как в Харькове, там я был подчинен Прютцману, который меня использовал там, где считал нужным.

Первое время я находился в городе Днепропетровске, так как обстоятельства не разрешали, чтобы полиция переезжала в Сталино. Предыдущий начальник полиции СС без всякой причины, когда Красная Армия приблизилась к Сталино, отступил.

Прокурор: Из Сталино что—отступили или бежали?

Герф: Отступили от Сталино.

Прокурор: Суду известно, что из Сталино полиция в беспорядке бежала, затем вы в Днепропетровске привели ее в порядок, укомплектовали и вернулись в Сталино.

Герф: Так точно. (Смех в зале.)

Прокурор: Прошу продолжать.

Герф: Мы вернулись в район города Сталино. В городе Сталино группенфюрер Томас, инспектор СД, познакомил меня с начальником СД города Сталино. Здесь была такая же картина, как в Симферополе и в Минске,—СД отказалось рассказать о своей деятельности.

Жандармерию и охранную полицию я начал использовывать, как, их использовывал на всем советском фронте, т. е. таким образом: одна команда охранной полиции находилась в самом городе Сталино, жандармерия находилась в опорных пунктах Сталинской области.

В первое время Сталинская область была очень маленькой, так как в восточной части области еще шли бои с Красной Армией. Положение охранной полиции вначале было тяжелым, так как там был очень большой хаос.

Борьбы с партизанами там не было, так как недавно только были бои, Красная Армия только отступила, партизан в это время не было. Только в последнюю неделю моего нахождения в Сталино (это было в мае 1943 года) мы начали борьбу с партизанами. Обязанности охранной полиции были те же: они охраняли и смотрели за порядком, вербовали агентов. Когда мое задание в Сталино кончилось, я в июне месяце поехал в отпуск в Прагу и там был назначен в город Минск как заместитель главного шефа по борьбе с партизанами.

Прокурор: Какого числа вы были назначены заместителем начальника главного штаба по борьбе с партизанами?

Герф: Это было в конце июня 1943 года. Я неправильно давал показания. Сейчас я поправляюсь. Из Праги я был назначен в Восточную Пруссию по месту дислокации штаба Баха. Штаб Баха находился в одной деревне недалеко от города Летцен. Обергруппенфюрер Бах мне дал задание, которое меня очень удивило,—организовать штаб.

Прокурор: Что же тут удивительного, ведь вы являлись его заместителем.

Герф: Этот штаб состоял из одного офицера, писаря и вообще было человек 6. Потом дали мне задание организовать штаб из офицеров в количестве 80 человек. Такая неразбериха меня очень удивила.

Обергруппенфюрер Бах начал организовывать экспедицию под названием «Герман» для борьбы с партизанами. Когда Бах уехал на несколько дней, я имел задание лично доложить Гитлеру о результатах этой экспедиции под названием «Герман».

Прокурор: В какой местности проводилась эта экспедиция под названием «Герман»?

Герф: Точно не помню, но это было на границе Белоруссии и Украины.

Прокурор: Расскажите подробно об этой экспедиции.

Герф: Экспедиция «Герман» была очень большой. Для проведения ее были собраны огромные силы. Руководили этой экспедицией Готберг и Екельн.

Экспедиция имела хорошие результаты, с каждым днем все больше и больше окружалось партизан. Я помню, что этой экспедицией было уничтожено 500 или 600 партизан. Бах получил эти сведения лично. Но я думаю, что они были неправильны. Количество пленных, которое называлось в этих сведениях, было неправильным. Называли количество взятых в плен партизан, но количество трофейного оружия

не совпадало с количеством пленных партизан. Была очень большая разница. Очевидно, в это число вместе с партизанами входило и мирное население.

Прокурор: Под видом партизан?

Герф: Да, под видом партизан.

Прокурор: Эта операция против партизан на границе Белоруссии и Украинской Республики была подготовлена главным штабом по борьбе с партизанами?

Герф: Да.

Прокурор: Кто непосредственно в главном штабе возглавлял руководство этой операцией?

Герф: Бах, ему было указано, каким образом он должен проводить эту операцию.

Прокурор: А еще были операции?

Герф: Да.

Прокурор: Прошу продолжать дальше.

Герф: Этот главный штаб имел задание руководить борьбой против партизан во всех оккупированных государствах.

Прокурор: Уточните, когда вы были назначены в Белоруссию начальником полиции порядка, расскажите всю вашу службу до вашей отставки и конкретную работу, которую вы выполняли.

Герф: В Минск первый раз я прибыл в конце декабря 1941 года или в начале января 1942 года и пробыл здесь около двух месяцев. Второй раз я прибыл в Белоруссию в начале сентября 1943 года.

Прокурор: На должность начальника полиции охраны порядка Белоруссии?

Герф: Да, командира полиции охраны порядка. В этой должности я находился до января 1944 года, после чего со службы в полиции я был уволен.

Прокурор: Изложите суду о всей проведенной вами работе за время пребывания в должности начальника полиции в Белоруссии.

Герф: Когда я прибыл в город Минск, я доложил об этом начальнику СС и полиции Ценнеру, а затем генеральному комиссару Кубе.

Прокурор: Это было ваше первое представление при вступлении на эту должность?

Герф: Да, так как Кубе был старым товарищем Гитлера по борьбе за власть. Он особенно точно и упорно проводил в жизнь решение Гитлера об уничтожении евреев. Кубе вопрос уничтожения евреев все время старался провести в жизнь как можно лучше. Он считал, что в то время число уничтоженных евреев—41000—было совершенно недостаточно. При обсуждении различных мероприятий, обязанностей, при совещаниях с Ценнером я узнал сущность моей службы как начальника полиции Белоруссии.

Начальник охранной полиции имел два органа, на которые он должен был базироваться и строить свою работу. Первым органом был начальник жандармерии, который самостоятельно руководил борьбой с партизанами. Конечно, в своих действиях он подчинялся шефу охранной полиции. Вторым органом был начальник охранной полиции, который также подчинялся в работе мне.

В первые 8 дней моего пребывания в городе Минске ко мне пришел майор Бенцку—начальник охранной полиции—и доложил мне о своих делах. В частности, он доложил мне о состоянии Минской тюрьмы, шефом которой одновременно был он. Он рассказывал мне о всех беспорядках, которые царили в этой тюрьме. Кроме того, он принес мне письменный доклад с подробным указанием, почему эти беспорядки там возникли. Этот доклад я передал бригаденфюреру Ценнеру.

На второй день я пригласил к себе Бенцку и вместе с ним поехал в тюрьму. Положение в тюрьме соответствовало тому сообщению, которое я получил от Бенцку. Он был назначен шефом этой тюрьмы не мною, а моим предшественником. Охрану этой тюрьмы осуществляла охранная полиция.

Прокурор: То-есть полиция, которая входила в ваше непосредственное подчинение?

Герф: Да.

Прокурор: Какие задачи поставил перед вами Кубе, когда вы явились к нему с докладом после того, как вступили в должность начальника полиции порядка?

Герф: Кубе мне посоветовал познакомиться с состоянием дел всей полиции Белоруссии для того, чтобы ту работу, которая мне была поручена, я хорошо обеспечил.

Прокурор: И только об этом было сказано? А что говорял Кубе, когда коснулись вопроса о борьбе с партизанским движением?

Герф: Кубе сказал мне, что борьба с партизанами сейчас принимает более тяжелый характер, чем ранее, и я в этом убедился сам из тех жалоб, которые были со стороны начальника полевой жандармерии. Он жаловался на то, что жандармы в борьбе с партизанами несут большие потери.

Прокурор: Я прошу уточнить. На предварительном следствии вы показали: «Говоря о партизанском движении, Кубе мне сказал, что в этом деле нужно быть твердым, следует быть жестоким к советскому населению и не размышлять—расстреливать или не расстреливать». Подтверждаете?

Герф: Да, я уже говорил, что Кубе был очень жестокий человек.

Прокурор: Суд это пока не интересует. Вы скажите,—то, что я зачитал, говорил Кубе?

Герф: Да.

Прокурор: Теперь расскажите, какие задачи имела полиция порядка.

Герф: В основном задача жандармерии, которая подчинялась мне, заключалась в борьбе с партизанами. Когда я приехал в Белоруссию, я не имел опыта борьбы с партизанами, не знал, что представляют из себя партизаны. В последствии из бесед с подчиненными и после ознакомления с работой я об этом деле узнал.

Задачи охранной полиции сводились к следующему: во-первых—уничтожение евреев. Во-вторых—уничтожение местного населения.

Прокурор: Какого местного населения, за что?

Герф: Всего населения. Практически в задачу этой полиции также входило сжигание деревень.

Прокурор: Проведение облав на мирных жителей, взятие заложников и их расстрел. Это тоже ваши функции были?

Герф: Мы арестовывали население, но брать заложников, как это проводилось после убийства Кубе,—этого я не делал.

Прокурор: Кому вы подчинялись по службе непосредственно?

Герф: Я никогда Кубе лично не информировал. Я подчинялся СС, бригаденфюреру Цениеру, а затем Гальтерману. Перед этими людьми я отчитывался. Лично Кубе я не докладывал.

Прокурор: Осуществление охраны тюрем и управление ими входило непосредственно в ваши обязанности?

Герф: Шеф тюрьмы Бенцку нес ответственность за эту охрану.

Прокурор. Он вам был подчинен?

Герф: Да.

Прокурор: Однако осуществление охраны тюрьмы и управление ею являлось непосредственно вашей задачей?

Герф: Да, это входило в мои обязанности, как шефа полиции. О существовании какой-нибудь другой охраны тюрьмы, кроме той, которую я давал, я не знаю, но предполагаю, что СД имело в этой тюрьме своих работников.

О состоянии в тюрьме мне сообщили ранее, я докладывал Ценнеру, но не имел никакого успеха. Тогда я доложил непосредственно Кубе, который обещал исправить это, но однако ничего из обещанного не вышло.

Санитарное состояние в тюрьме было очень скверное. Царил тиф и другие заболевания, вследствие чего в тюрьме ежедневно умирало от 1 до 2 процентов всех заключенных. Все больные собирались в особые помещения, обслуживались и осматривались одним единственным врачом на всех арестованных, которые там содержались.

Поскольку в тюрьме нехватало помещения для размещения арестованных, СД начало их расстреливать. Так, в одном случае было расстреляно приблизительно 30 человек больных арестованных.

Прокурор: Расстрелы были произведены только потому, что тюрьма была переполнена?

Герф: Да. Поскольку негде было размещать арестованных и, кроме того, больные считались неизлечимыми. Кроме того, 24 человека были расстреляны в Минском лазарете, затем несколько человек были умерщвлены путем уколов.

В тюрьме была большая скученность, в каждой камере вместо 20 человек сидело по 100 и больше. Питание арестованных было крайне недостаточным и едва ли могло обеспечить существование. Обращение с арестованными со стороны охраны было чрезвычайно грубым. Я эти обстоятельства не мог устранить, поскольку я появлялся в тюрьме, когда там было все в порядке.

Еще перед убийством Кубе СД увезло из тюрьмы около 250 человек, а затем расстреляло их.

Это ненормальное положение в Минской тюрьме было известно моим начальникам, но с их стороны не было даже попыток устранить или изменить его.

Другой задачей полиции порядка в городе Минске было собирание рабочей силы из числа местного населения и отправка ее на работу в Германию.

Отделение комиссариата Кубе дало указание биржам труда, какое количество рабочей силы из гражданского населения должно быть отправлено в Германию.

Исходя из цифр, которые стояли в приказе об отправке рабочей силы в Германию, я отправлял население в таком количестве, как это было указано в приказе.

Биржа труда совместно с городским управлением должны были знать, сколько населения должно быть отправлено в Германию. По собственному желанию единичные люди отправлялись на работу в Германию только в начале этой кампании. Так как этого было крайне мало, то нам пришлось применить насилие. Собирание рабочей силы происходило очень просто: деревня, из которой нужно было вывезти мирное население для отправки в Германию, окружалась солдатами, и люди увозились в Германию под силой оружия.

Облавы, которые проводились с целью изъятия населения для Германии, проводились исключительно СД. Охранная полиция при этих облавах подчинялась полностью СД.

Охранная полиция и жандармерия допрос схваченных при подобного рода операциях не производила. Сами акты наказания схваченных за неявку для отправки в Германию со стороны шутцполиции не производились—они составлялись

в СД. Это было только на бумаге. На практике все это выглядело совершенно в другом свете. Не было никакой возможности малочисленной группе СД провести как следует расследование дел на всех схваченных при облавах.

Во время моего вторичного пребывания в городе Минске мне известно около 8 или 10 случаев расстрелов, в которых принимала участие подчиненная мне охранная полиция.

В этих случаях я получал приказ от Ценнера, что я должен представить такое-то количество людей, такую-то команду, с таким-то вооружением и в определенное место.

Мне было совершенно ясно, что среди расстреливаемых были как виновные в неявке, а также и невиновные граждане Советского Союза, которые при такого рода облавах были схвачены. Однако мне не было никакой возможности избежать выполнения этого поступившего сверху приказа.

Я осмелюсь заметить, что в течение этой войны я дважды просился, чтобы меня освободили от службы в полиции и направили на службу во фронтовые части. Первый раз я просил об этом генерала Рудермана, а второй раз генерала полиции Юнденберга.

О борьбе с партизанами. Борьба с партизанами в начале моего пребывания в городе Минске имела чисто тактическую почву, а в последующие месяцы она выглядела совершенно иначе. Борьба с партизанами заключалась в основном в том, что партизанская деревня сжигалась, население выгонялось, уничтожалось, частично отправлялось в Германию или передавалось СД, где их постигала такая же судьба—они уничтожались.

О положении в концентрационных лагерях. Они, как и тюрьма, подчинялись в такой же плоскости мне. О них можно сказать то же самое, что и о положении в тюрьме. Это была вообще такая же деятельность полиции, как и раньше.

Я закончил на этом.

Прокурор: Больше нечего вам сказать?

Герф: Я забыл рассказать о расстреле евреев.

Прокурор: Рассказывайте.

Герф: Я забыл показать о расстреле евреев, который происходил следующим образом. Гаулейтер Кубе приказал мне и майору Бенцку явиться в минское гетто. Я прошел с Кубе по лагерю, и он рассказал мне о предстоящем уничтожении этого гетто. На мой вопрос, в какой форме выразится участие полиции в уничтожении евреев, Кубе ответил, что моя задача сводится к внешней охране гетто. Он сказал далее, что я должен рассчитать, сколько необходимо сил для организации этой охраны. Высказывание Кубе было сделано в форме приказа в присутствии Бенцку. Когда уже началось уничтожение гетто, Бенцку спросил, что он

должен делать. Я сказал ему, что нужно делать так, как приказал Кубе.

Погром проводился СД. В течение этого погрома евреи безжалостно уничтожались. Для уничтожения евреев были предоставлены дополнительные силы полиции, которые Бенцку имел как резерв. Эти резервные силы использовывались внутри гетто.

Бенцку мне рассказал, что при погроме были ужасные сцены. Одну девушку еврейку 18 лет расстреляли прямо на улице в яме. Мои подчиненные избивали евреев палками. О их дальнейшей деятельности в гетто мои подчиненные ничего не говорили. Возможно, что евреи пытались проникнуть через заграждение, где были выставлены мои подчиненные, но евреи были с соответствующей жестокостью отброшены назад. Часть евреев была расстреляна непосредственно в гетто и, как мне известно, похоронена на кладбище в самом гетто.

Если я правильно ориентирован, то часть оставшихся евреев была расстреляна позднее западнее Дрозды, между лагерем военнопленных и поселком Дрозды, и там же похоронена.

Я лично не принимал участия в этом погроме, так как Кубе сказал мне, что в гетто должны прибыть франкфуртские евреи, среди которых у меня было много знакомых, в частности по участию в войне. После этого погрома в гетто произошел еще один погром. Для этого погрома мне было приказано выделить две роты. Эти роты были выделены, и если я не заблуждаюсь, ими руководил майор Бенцку. В этом погроме я также не участвовал. (Шум в зале.)

Я думаю, что я все сказал в общих чертах о том, что требовал государственный обвинитель.

Прокурор: Какое количество было расстреляно и истреблено другими способами советских людей в гетто города Минска?

Герф: Я думаю, что число расстрелянных было около 6000 человек, несмотря на то, что я сначала показал, что там было 2000 человек.

Прокурор: Вы слышали вчера показания Гесса? Он сказал, что в минском гетто всего уничтожено 18000 человек еврейского населения, в числе которых была часть граждан других европейских государств.

Герф: Я думаю, что в гетто не могло поместиться 18000 человек. Если мы возьмем первый и второй погромы, то там могло быть 12000 человек. (Шум в зале.)

Прокурор: Уточните об операции «Герман», о которой вы говорили, в каком месте она проводилась?

Герф: Мне жаль, но я не могу этого сказать. Операция

проводилась двумя группами. Этими группами было взято до 500 человек пленных. Число захваченных было преувеличено потому, что я лично и Бах хотели показать себя в лучшем свете перед Гиммлером.

Прокурор: Для того, чтобы блестеть перед Гитлером, вы сознательно придумали сводку захваченных партизан.

Герф: Да, для того, чтобы получить орден «Рыцарский крест» (Шум в зале.) Я лично в течение 4 или 5 дней докладывал Гиммлеру о ходе этой операции, но где она проходила, я не могу сказать— у меня стала плохая память. Гиммлеру я докладывал по карте местности, которая у меня имелась. Эта операция проводилась на границе Белоруссии и Украины, где—я не могу вспомнить. Когда я докладывал Гиммлеру, я обратил его внимание на то, что Бах изменит направление операции, но при докладе Гитлеру направление осталось то же. Речь идет о преувеличивании результатов операции. Это один из основных пунктов. В сводках в графу «убито партизан» включалось все убитое еврейское население, расстрелянные партизаны, женщины, дети. Все причислялись в эту рубрику. Я обратил внимание Гиммлера на этот пункт, но он на меня рассердился и сказал, чтобы я немедленно радировал ему в дальнейшем в том же духе и чтобы это больше не повторялось.

Прокурор: Перейдем к другим вопросам. Тюрьма подчинялась вам?

Герф: Это было так, но тюрьма подчинялась также и Бенцку, хотя ответственность лежит на мне.

Прокурор: Значит, вы отвечаете за режим, за смертность и расстрелы?

Герф: Я признаю себя виновным в плохом питании, создании антисанитарных условий и за все, что относится к управлению тюрьмой.

Прокурор: И за все, что творилось в этой тюрьме.

Герф: Часть заключенных числилась за СД. Оно имело туда беспрекословный доступ, тюрьма была в полном их распоряжении.

Прокурор: Расскажите об угоне гражданского населения на работу в Германию.

Герф: Я уже говорил на предварительном следствии, что за мою бытность начальником охранной полиции Белоруссии при содействии моих войск на принудительный труд в Германию было отправлено 5—6 тысяч человек.

Я хочу дать объяснение, что, когда я был в Симферополе, то число подлежавших угону в Германию из Крыма было определено в 20 тысяч. Генерал-фельдмаршал Клейст приказал, чтобы, кроме добровольно изъявивших желание ехать в Германию, больше никого не отправлять, так как нам самим нужны были люди.

Но государственный министр Заукель требовал, чтобы это число было отправлено в Германию. Эти 20 тысяч человек, потребованные Заукелем для отправки в Германию, должны были быть отправлены насильственно.

Прокурор: Эти 20 тысяч советских людей в принудительном порядке, под силой оружия, были отправлены в Германию в рабство?

Герф: Да.

Прокурор: Считаете вы себя виновным в этом?

Герф: Я считаю себя виновным в этом.

Прокурор: Все обыски и облавы, которые проводились на территории Белорусской республики, проходили при активной помощи полиции. Считаете ли вы, что, как начальник полиции порядка Белоруссии, вы ответственны за все это?

Герф: Само собой разумеется.

Председатель: Вы считаете себя виновным или нет?

Герф: Да.

Прокурор: Без всякого следствия и суда в Белоруссии подчиненная вам полиция сожгла многие сотни населенных пунктов, расстреливала ни в чем неповинных людей, отправляла народ на каторжный труд в Германию. Считаете ли вы это преступлением и признаете ли себя виновным в этом?

Герф: Да, признаю и расцениваю все эти действия как преступные.

Прокурор: Вы всю полноту ответственности за действия своих подчиненных разделяете?

Герф: Да, так.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 22 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: Судебное заседание продолжается. Подсудимый Герф, отвечайте на вопросы прокурора.

Прокурор: Скажите, Герф, лагери, в которые заключались военнопленные и мирное население, находились в вашем подчинении и вы являлись шефом этих лагерей?

Герф: Концентрационные лагери мне также подчинялись, как и тюрьма.

Прокурор: Сколько лагерей было в вашем непосредственном ведении, как начальника полиции всей Белоруссии?

Герф: Три лагеря здесь в Минске.

Прокурор: Какое количество населения содержалось в этих лагерях за период пребывания вас в должности начальника полиции?

Герф: Через каждый лагерь прошло две—три тысячи человек. Это за четыре месяца моего пребывания здесь.

Прокурор: Уточните, какое количество советских граждан прошло через каждый лагерь за время пребывания вас начальником полиции Белоруссии.

Герф: Я могу сказать—1 500 человек.

Прокурор: За режим в этих лагерях отвечали вы непосредственно? Вы ведали всем, что относится к режиму лагерей?

Герф: Да.

Прокурор: На предварительном следствии вы говорили: «Один из лагерей размещался на южной окраине города, около аэродрома, с восточной стороны железнодорожного пути. В этом лагере содержались заключенные советские граждане». Подтверждаете это?

Герф: Да.

Прокурор: «2-й концентрационный лагерь, в котором заключалось 2 000 человек, размещался на одной из улиц, недалеко от вокзала». Это вы подтверждаете?

Герф: Да.

Прокурор: «3-й концентрационный лагерь находился в северной окраине города. В этом лагере, насколько я могу помнить, размещалось 4—5 тысяч человек». Подтверждаете?

Герф: Да.

Прокурор: В поселке Дрозды был лагерь, который также находился в вашем подчинении?

Герф: Да.

Прокурор: В этом лагере содержалось около 2 000 заключенных.

Герф: Да.

Прокурор: Почему же вы здесь на суде назвали цифру лиц заключённых значительно меньшую?

Герф: У меня спросили, сколько лиц прошло через эти лагери. Я сказал, что примерно через каждый лагерь прошло 1 500 человек. Я не называл общей цифры заключённых. Те цифры, которые я указывал на предварительном следствии, были названы после размышления и обдумывания, поэтому прошу считать их более точными.

Прокурор: Однако и эти цифры являются не совсем точными.

Герф: Да, там тоже не точно.

Прокурор: Скажите, какое название носили лагери, находившиеся в вашем подчинении?

Герф: Названия их я не знаю.

Прокурор: Тростенецкий лагерь входил в ваше подчинение?

Герф: Я не знаю, где он находился.

Прокурор: Он находился в 7—8 километрах от города Минска.

Герф: Я знаю только лагерь в Дроздах.

Прокурор: На предварительном следствии вы показали: «Когда были произведены аресты в связи со взрывом столовой СД в первых числах сентября месяца, все арестованные с Беломорской и Арктической улиц, в количестве до 600 человек советских людей, были направлены для содержания в Малый Тростенец». Этот лагерь непосредственно находился в вашем подчинении?

Герф: Лагерь в Тростенце я сейчас не могу вспомнить, но если такой лагерь вообще существовал, то он, как и другие лагери, был подчинен мне.

Прокурор: На мой вопрос на предварительном следствии вы ответили точно, что все арестованные в связи со взрывом в столовой СД были направлены в Тростенец и там расстреляны. Уточните, может быть этот лагерь по-немецки совсем иначе назывался, чем по-русски?

Герф: Я не знаю, может быть Тростенец и Дрозды одно и то же. Дрозды и Тростенец мы называли «лагерь смерти».

Прокурор: Расскажите подробнее об условиях содержания заключённых в лагерях, которые находились непосредственно в вашем ведении.

Герф: Условия содержания в лагерях, как и в тюрьмах, были очень плохие. Охрана лагеря состояла из охранной полиции. Заключённые имели больше возможности умирать, чем жить. Вымирали заключённые из-за плохих санитарных условий, плохого питания, большой скученности.

Прокурор: Почему Тростенецкий лагерь назывался вами «лагерем смерти»?

Герф: Потому, что там производилось большое количество расстрелов.

Прокурор: Только поэтому он получил название «лагеря смерти»?

Герф: Я такого мнения.

Прокурор: Значит, «лагерем смерти» Тростенецкий лагерь был назван только потому, что там постоянно производились массовые расстрелы? Так я вас понял?

Герф: Да.

Прокурор: Подсудимый Герф, вы признаёте себя ответственным за расстрелы, за смертность, за истребление советских граждан всеми способами, применявшимися в лагерях?

Герф: Я считаю себя виновным.

Прокурор: Расскажите о расстрелах в Дроздовском лагере?

Герф: Примерно 10—12 раз я получал приказ от начальника СС и полиции Гальтермана о выделении специального отряда для расстрела. Каждый раз было указано место, куда должен был прибыть отряд. Это был не только Дроздовский лагерь, но и другие. Отряды мною выделялись потому, что СД не справлялось с порученными заданиями.

Прокурор: Вы подтверждаете показания, данные на предварительном следствии: «Если расстрелы около аэродрома производились в малых масштабах, то в Дроздах число расстрелянных было очень велико».

Герф: Я такого мнения.

Прокурор: Какое участие вы принимали в этих злодеяниях?

Герф: Я выделял отряды для расстрела.

Прокурор: Ответьте, полиция также участвовала в этих расстрелах?

Герф: Да.

Прокурор: Кем были расстреляны тифозные больные, содержавшиеся в местах заключения, где происходил расстрел и по чьему приказу это делалось?

Герф: Больных уничтожил Бенцку.

Прокурор: Как вы относились к этому, когда Бенцку доложил вам о расстреле? Вы говорили Бенцку в связи с его докладом, чтобы больным дать умереть естественной смертью?

Герф: Да.

Прокурор: Вы признаете свою вину в том, что, являясь начальником полиции Белоруссии, были одним из руководителей творимых полицией злодеяний? Ответьте на этот вопрос без всяких уклонений.

Герф: Под руководством СД мои подчинённые принимали участие в расстрелах, и за то, что делали мои подчинённые по всей Белоруссии, я, конечно, ответственен.

Прокурор: Вы ведь донесения о работе полиции получали. Скажите хотя бы приблизительно, какое количество населения полицией уничтожено всякими способами: отравлено газами в «душегубках», расстреляно и повешено?

Герф: Нет, я не в состоянии назвать это число, число это очень большое. О количестве всех уничтоженных в Белоруссии мне трудно сказать.

Прокурор: Расскажите суду, какие были ответные мероприятия немцев на взрыв в столовой СД, в частности ваша роль в этих мероприятиях?

Герф: После взрыва в здании СД, я приехал на место, чтобы лично ознакомиться с происшествием. Я установил, что было 4 человека убито и 4 ранено. Мина была подложена с таким расчётом, чтобы взрыв произошёл в тот момент, когда будут обедать начальники СС, но вышло так, что мина взорвалась в то время, когда в столовой находились другие люди.

По требованию СД и по приказу Кубе, охранная полиция принимала участие в облавах. Облавами руководило СД. Особая команда СД проводила расстрел, но где и когда, мне об этом неизвестно.

Прокурор: Почему вам неизвестно, где и когда производились расстрелы?

Герф: СД никогда не информировало начальника полиции о тех действиях, которые оно совершало. Так бывало и в Сталино и в Симферополе. Когда я замещал Ценнера, мне было сказано, что, хотя я и замещаю его, но СД мне не подчиняется.

Прокурор: Расскажите, каким путём проводились аресты, кого арестовывали, какое обвинение им было предъявлено, какое количество было арестовано по двум улицам и куда арестованные отправлены?

Герф: Число арестованных при этих облавах я назвал в начале допроса.

Прокурор: Да, вы уже сказали—было арестовано свыше 600 человек.

Герф: Они были помещены в концентрационные лагери.

Прокурор: Все 600 человек, арестованные в связи со взрывом столовой, были помещены в Мало-Тростенецкий лагерь—лагерь смерти—и позже расстреляны?

Герф: Эти люди расстреляны.

Прокурор: В такой же мере схваченные в облаве люди были повинны во взрыве, который произошёл в столовой СД?

Герф: Они не были в этом виновны.

Прокурор: Эта расправа над совершенно неповинными людьми была учинена немецкими властями города Минска при вашем активном участии?

Герф: Если бы я возражал против выделения своих людей для расстрела, это сделали бы другие.

Прокурор: Кем было передано приказание полиции участвовать в расстреле невинных людей?

Герф: Как обычно, в таких вопросах ко мне поступил запрос Гальтермана — начальника СС, которому подчинялось и СД, о выделении сил для поддержки СД. Я отдал подчиненной мне полиции приказ о выделении людей.

Прокурор: В начале февраля—марта 1943 года вы были начальником полиции и начальником СД?

Герф: Так точно.

Прокурор: Стало быть, все истребления советских людей в Крыму это дело ваших рук?

Герф: Да.

Прокурор: Скажите, за время вашего пребывания в Крыму сколько уничтожено людей?

Герф: В Крыму не производились такие облавы, какие производились в Белоруссии. Из Крыма направляли людей в Германию, а также производилась экспедиция против партизан.

Прокурор: Сколько же партизан было уничтожено вами там?

Герф: Была проведена одна экспедиция, во время которой захвачено в плен 26 человек, но точно назвать цифру я не могу.

Прокурор: Чем установлено, что в плен были взяты партизаны?

Герф: Это выяснилось при допросе.

Прокурор: Кто производил допрос?

Герф: Командир батальона капитан фон Берен.

Прокурор: Значит, во время пребывания в Крыму вы поймали и уничтожили 26 партизан?

Герф: Да, больше не было взято в плен, нельзя сравнить размеры партизанского движения Белоруссии с партизанским движением в Крыму.

Прокурор: Сколько людей арестовано вами, как начальником полиции и СД, за время пребывания вашего в Крыму?

Герф: Было арестовано приблизительно тысяча человек мирного населения, часть которого истреблена, а часть направлена на работу в Германию.

Прокурор: Расскажите о своей деятельности в Донбассе, в частности в городе Сталино?

Герф: В Сталино я имел задание организовать полицию порядка. После прибытия я связался с СД, которое мне подчинялось. В городе Сталино я организовал полицию. Была создана одна команда полиции порядка, она распределялась на 4 полицейских участка. Там же находилась и местная уголовная полиция, и так как было много проявлений уголовного характера, то эта полиция имела очень много работы. Генерал Бурхард хотел, чтобы полиция подчинялась только мне. Я был согласен и организовал полицию, так как она была организована везде.

Партизанское движение в районе города Сталино было незначительным и начало разрастаться только после моего отъезда.

Прокурор: А для чего же вас послали в Сталино, если там не было партизан?

Герф: Для того, чтобы предупредить появление партизан. В Сталино полиция порядка, как и в других местах, где я находился, занималась отправкой людей в Германию. Полицейские участки производили аресты политических лиц. За два месяца, которые я там был, было арестовано политических лиц приблизительно 200—300 человек. В число этих лиц входили и люди, которые совершили уголовные преступления. Полиция, вместе с СД, принимала участие в облавах, которые проводила, когда искали определённых лиц. Вот задание, которое я имел в Сталино и которое я выполнял.

Прокурор: Перейдём к белорусским делам. Скажите, какая инструкция вами была составлена в 1943 году для руководства своим подчинениым?

Герф: Я получил документ под названием «Борьба с партизанами». Этот документ я передал дальше в свои части с некоторым добавлением.

Прокурор: Чей это был документ?

Герф: Этот документ поступил из министерства.

Прокурор: Во исполнение этого документа из министерства вы дали указания, что при проведении экспедиций против партизан проводить аресты, сжигать населенные пункты, производить конфискацию имущества, и эту инструкцию вы передали вашим подчиненным по всей Белоруссии?

Герф: Сжигание сёл, конфискация, расстрелы и т. д. было уже написано в документе «Борьба с партизанами». Мне не нужно было писать добавлений, я только предложил выполнить приказ. Некоторые добавления мной сделаны потому, что я был генералом, чтобы не механически передавать дальше приказы.

Я хочу сказать, что, начиная с 1942 г., я не был согласен с политикой Германии на востоке, вёл борьбу с этой политикой и ходатайствовал перед многими учреждениями не делать таких вещей, которые производились на востоке.

Прокурор: Вы были настроены антигитлеровски?

Герф: В этой области — да. (Смех в зале.)

Прокурор: А не потому ли Гитлер послал вас в Белоруссию, что вы разделяли его политику?

Герф: Свои взгляды я высказывал Гиммлеру и генералу Кейтелю.

Прокурор: Вы стояли в оппозиции к политеке Гитлера, за что же вам дали звание генерал-майора?

Герф: В 1941 году это было совсем нормальное повышение.

Прокурор: За какие же заслуги вам дали звание генерала? Если бы вы не были согласны с политикой Гитлера, как говорите, вы бы сами сидели в гестапо.

Герф: Если бы открыли мою почту, тогда бы это со мной случилось.

Прокурор: Ваши практические дела, реки крови, пролитые белорусским народом по вашей вине, говорят об ином.

Герф: Я не мог ничего сделать, кроме того, как выполнять приказы.

Прокурор: На предварительном следствии вы показывали, что за оба периода вашего пребывания в Белоруссии подчиненной вам полицией и жандармерией уничтожено свыше 2000 советских граждан, арестовано до 5000 человек, сож-

жено больше 70 деревень, а население этих деревень ограблено. Подтверждаете ли вы эти показания?

Герф: Да, это я должен подтвердить.

Прокурор: Это вы подтверждаете полностью?

Герф: Да.

Прокурор: Какими мотивами диктовалось со стороны верховного командования и вас, как исполнителя этих заданий сверху, такое отношение к народу Белорусской республики и вообще к народу оккупированной немцами местности?

Герф: Всё это делалось согласно приказу немецкого правительства, согласно приказу Гитлера, а также потому, что Германии нужна была территория на востоке.

Прокурор: И в Белоруссию вас направили потому, что партизанское движение очень сильно беспокоило немцев?

Герф: В Белоруссию меня не посылали, я сам попросился в Белоруссию (Шум в зале.) Будучи в Риге, я говорил об этом по телефону с генералом Кейтелем, который находился в Берлине.

Прокурор: Вы все время утверждаете, что действовали в силу приказа. Везде и всюду ссылаетесь на приказы, но приказы ведь были преступные?

Герф: Да, приказы были преступные.

Прокурор: В исполнении этих преступных приказов вы считаете себя виновным?

Герф: Да.

Прокурор: Теперь расскажите об имевшем место разговоре насчет 20 миллионов русских людей, которые подлежали уничтожению. Кто об этом говорил, когда, где и при каких обстоятельствах?

Герф: Когда я прибыл вторично в Белоруссию, я пошел к генеральному комиссару Кубе. Он говорил со мной о моей деятельности, а также в связи с этим говорил об обергруппенфюрере СС фон Бах. Бах и Кубе очень дружили между собой.

Прокурор: А вы с Кубе?

Герф: Нет, он был только моим начальником.

Прокурор: Когда Кубе говорил о 20 миллионах русских людей, подлежащих уничтожению?

Герф: Кубе сказал, что он получил приказ от Гиммлера уничтожить 20 миллионов человек и за это ему обещали осенью рыцарский крест. (Шум в зале.)

Прокурор. На предварительном следствии вы показали, что Кубе рассказал вам подробно, как Гиммлер дал задание начальнику штаба по борьбе с партизанским движением Баху уничтожить на оккупированной территории Советского Союза 20 миллионов русских людей и что это в значительной мере

должно способствовать сокращению деятельности партизанского движения. Так ведь было?

Герф: Гиммлер дал приказ Баху уничтожить 20 миллионов русских людей, а сам Бах говорил, что необходимо уничтожить не 20, а больше — 30 миллнонов.

Прокурор: С какой целью намечалось уничтожение такой массы советского населения?

Герф: Еще в 1943 году Гиммлер высказывал, что Урал должен принадлежать немцам, а восточнее Урала должно быть сделано так, чтобы там русских не осталось.

Прокурор: Где?

Герф: Восточнее Урала.

Прокурор: Что еще можете сказать по этому поводу?

Герф: Я лично доносил Гиммлеру о результатах экспедиций «Герман» против партизан, а также говорил с Гиммлером и по вопросам уничтожения населения. В этом он требовал использовать систему, указанную в книге «Чингис-хан».

Прокурор: Вы эту книгу читали?

Герф: Да.

Прокурор: Что об этой книге говорили с Гиммлером?

Герф: Он рекомендовал придерживаться методов, которые проводил Чингис-хан.

Прокурор: Для чего вам давалась эта книга?

Герф: Эта книга дарилась в день рождения Гиммлера каждому начальнику СС и полиции.

Прокурор: Для чего?

Герф: Мы должны были учиться по этой книге.

Прокурор: Она являлась наглядным материалом для того, чтобы применять методы борьбы Чингис-хана?

Герф: Да.

Прокурор: Эту книгу дарили начальникам германской армии для руководства?

Герф: Ее дарили только начальникам СС и полиции.

Прокурор: Вы практически неплохо применяли метод борьбы Чингис-хана.

Герф: Я говорил Гиммлеру, что времена Чингис-хана уже прошли.

Прокурор: Вы имели с Кубе хорошие, чисто дружеские отношения?

Герф: Нет. Когда я выбыл первый раз из Белоруссии, я с Кубе только иногда имел переписку.

Прокурор: Вы имели иногда переписку с Кубе и у вас с ним были хорошие взаимоотношения чисто дружеского характера?

Герф: Первые два месяца мы даже ссорились с Кубе. Однажды во время собрания я покинул зал, ушел потому, что

не был согласен с Кубе. А потом я выбыл и начал переписку с Кубе.

Второй раз, когда я прибыл в Белоруссию, я приехал к Кубе, видел его один единственный раз, так как он вскоре был убит.

Прокурор: Скажите, после того, как вы приехали на службу к Кубе, часто вы бывали в его квартире?

Герф: Ни одного раза.

Прокурор: С Анитой вы часто встречались?

Герф: С ней я познакомился в ночь убийства.

Прокурор: Кто эта Анита?

Герф: Жена Кубе.

Прокурор: Вы сейчас сказали, что ваши взаимоотношения с Кубе были чисто формальные, но не близкие, а вот, что вы скажете, подсудимый, насчет этого портрета, он вам знаком? (Прокурор предъявляет портрет Кубе.)

Герф. Да.

Прокурор: На этом портрете есть надпись такого порядка: «Господину генералу Герф в знак дружбы с Вильгельмом Кубе, от всего сердца. Анита Кубе».

Герф: Да.

Прокурор: Эта надпись является лучшим подтверждением того, что вы были в дружеских отношениях с Кубе. Скажите, после убийства Кубе его жена где оставалась?

Герф: В моем доме в Праге.

Прокурор: Этот дом вам был преподнесен немецким правительством в связи с тем, что вы ушли в отставку?

Герф: Это был казенный дом, я там платил.

Прокурор: А что же, он был вам преподнесен в виде подарка?

Герф: Нет, я уже сказал, дом принадлежал немецкому государству.

Прокурор: Почему жена Кубе не приехала жить к комаидиру 286 охранной дивизии генералу Рихерту, а приехала к вам?

Герф: Когда я приехал к Кубе, я ему сказал, что очень плохо, что он дружит с Бахом, так как Бах считает его, Кубе, большим трусом, потому что Кубе даже по районам не ездит. После этого разговора со мной Кубе проехал через весь район, и жена Кубе мне сказала позже, что этим я очень помог ее мужу.

Жена Кубе мне была совершенно безразлична. Портрет она мне подарила. Так как Гитлер не беспокоился за семью Кубе, встал вопрос, где же жене Кубе с четырьмя детьми остановиться. Так как мой дом в Праге был пустой, я предоставил его жене Кубе. Она согласилась поселиться в нем только потому, что не имела никакого помещения.

Прокурор: Вы сопровождали в Берлин труп Кубе?

Герф: Труп Кубе должен был сопровождать в Берлин, как генеральный комиссар, Готберг, но он послал меня. Он не мог выехать, так как должен был принять должность после Кубе.

Прокурор: Расскажите о репрессиях, последовавших за убийством Кубе, которые были проведены полицией и СД в отношении граждан города Минска и Белоруссии?

Герф: После убийства Кубе по приказу Готберга производились облавы, начались они на следующий день и продолжались два дня. На третий день после убийства Кубе я уехал в Берлин, так что подробностей сказать не могу.

Прокурор: В каких районах города Минска были проведены облавы? Сколько населения было арестовано? Куда это население было направлено и судьба этого населения?

Герф: Сколько и где были произведены аресты, я не могу точно указать, потому что на третий день уехал в Берлин. Я хочу сказать, что показания, которые я давал на предварительном следствии, правильны.

Прокурор: Прошу суд удостоверить: Герф при допросе его 28 декабря 1945 года признал себя виновным:

«п.2-й в том, что, проводя карательную деятельность против советского населения, подчиненной мне полицией было арестовано, схвачено при облавах в городе Минске несколько тысяч советских граждан, которые были заключены в подведомственные мне концентрационные лагери и тюрьме, где преднамеренно были созданы условия для истребления находившихся в них людей. По моему распоряжению полиция участвовала в расстреле нескольких тысяч мирных советских граждан в концлагерях в посёлке Дрозды и на территории города Минска.

п.3-й в том, что по моему распоряжению полиция участвовала в расправе над населением города Минска в отместку за убийство Кубе, в облаве и расстреле нескольких тысяч мирных советских граждан, в том числе подчиненная мне полиция участвовала в массовой облаве в 1943 году на советских граждан города Минска и расстреле их в качестве заложников.

п.4-й в том, что по моему приказанию полиция участвовала в массовом истреблении евреев в минском гетто».

Председатель: Военный Трибунал удостоверяет, что на листе дела 154—155 протокола показаний Герфа от 28 декабря 1945 года, им собственноручно подписанного, в пунктах 2-3-4 действительно даны приведенные выше показания.

Прокурор: Подсудимый Герф, в данных вами ранее показаниях вы указали, что в тюрьме города Минска ежедневно умирало от 1 до 2 процентов, назовите абсолютную цифру.

Герф: Из трех тысяч умирало 40—50 человек ежедневно.

Прокурор: От истощения или от режима, который там существовал?

Герф: От сыпного тифа.

Прокурор: Такая смертность была в результате установленного в тюрьме режима?

Герф: Да.

Прокурор: Скажите, впрыскивание для того, чтобы погубить заключенных в тюрьме, называлось стрифантин?

Герф: Я немогу этого сказать.

Председатель: Но такой метод применялся?

Герф: Такой метод существовал в лазарете.

Председатель: Каково ваше личное отношение к семье и к самому Кубе?

Герф: Я еще раз хочу сказать, что я к семье Кубе не имел никакого отношения. С женой Кубе я познакомился только в ночь убийства.

Председатель: Переживали ли вы утрату Кубе, как личную?

Герф: В эту же ночь я ездил к Готбергу в генеральный комиссариат.

Председатель: Переживали ли вы, как личную, утрату Кубе?

Герф: Конечно, поскольку он был самый высший начальник Белоруссии. Это был удар для каждого немца и для меня тоже.

Председатель: Помимо всего того, что вы сказали о своем личном участии в зверствах, которые совершались на территории Белоруссии, вы себя признаете виновным в выполнении и претворении в жизнь всех этих преступных приказов германского правительства?

Герф: Да.

Председатель: Признаете ли себя виновным в расстрелах и арестах нескольких тысяч мирных советских граждан, сожжении 70 деревень и 150 домов в различных деревнях, в угоне населения этих деревень и в разграблении их имущества?

Герф: Да, это я делал по приказу.

Председатель: Признаете ли себя виновным в том, что по вашему приказу полицией и жандармерией полностью сожжены две деревни в Минском и Плещеницком районах, население расстреляно, а скот угнан?

Герф: Да.

Председатель: Признаете ли себя виновным в том, что по вашему приказу полиция участвовала в массовых расстрелах еврейского населения в городе Минске?

Герф: Расстрел производился не по моему приказу, а по приказу Кубе, я только передал этот приказ дальше.

Председатель: Вы являлись исполнителем этого приказа?

Герф: Да, я выполнил этот приказ, но сам лично не участвовал в расстреле.

Председатель: Считаете ли правильными эти приказы?

Герф: Нет.

Председатель: Ведь полиция ваша участвовала в истреблении, которым вы руководили. Как же получается, сами с собой не согласны?

Герф: Я ничего не мог сделать, я 40 лет являлся офицером и всегда выполнял приказы.

Председатель: Признаете ли себя виновным в том, что отправляли советское население в рабство в Германию?

Герф: Да.

Председатель: А вот в ваших показаниях имеется пункт, в котором вы говорите, что заложники были расстреляны. Какие же заложники были расстреляны?

Герф: Когда я приехал в Берлин, мне сообщили, что арестованы люди как заложники, которые впоследствии были расстреляны. Я считаю, что этим осуществлялось намерение германского правительства уничтожить советских людей.

Председатель: Вы этот режим поддерживали.

Герф: Нет, я не поддерживал.

Председатель: Фактически вы проводили в жизнь этот режим?

Герф: Да.

Председатель: Скажите, 93 полицейский полк в 1943 году находился в вашем подчинении?

Герф: Да.

Председатель: Этот 93 полк проводил карательные экспедиции в районе Плещеницы и других районах?

Герф: Да.

Председатель: Сколько за время экспедиции было арестовано и расстреляно советских граждан?

Герф: Не знаю.

Председатель: Вам, помимо этого, подчинялось 15 полицейских батальонов, что эти батальоны делали?

Герф: Эти батальоны находились на опорных пунктах и их задачей было вести борьбу с партизанами.

Председатель: А против мирного населения они вели борьбу?

Герф: Я это узнал во время следствия.

Председатель: А раньше вам об этом не было известно?

Герф: Я получал очень короткие сведения Я знал, что полиция не очень хорошо относится к населеиию, но что она относилась очень жестоко, мне не было известно.

Прокурор: Пользовались вы правом награждения своих работников?

Герф: Имел право.

Прокурор: В ноябре вами было награждено 24 человека жандармов, за что они награждены?

Герф: За хорошую работу в России.

Прокурор: Напоминаю ваши показания (л. д. 62):

«Я награждал за хорошее проведение операций и храброе участие в них, за проявление твёрдости и жестокости, обеспечивающих успех операций». Так?

Герф: Это преувеличено.

Прокурор: Как же преувеличено, вы ведь давали такие показания и их подписали?

Герф: Награждались чиновники, которые работали при управлении и которые не сделали ни одного выстрела.

Прокурор: Я спрашиваю о людях, которые проводили операции?

Герф: Когда награждают людей, смотрят, не только на боевые заслуги, но и на общее поведение.

Прокурор: Видимо, вы не желаете прямо отвечать на поставленный вам вопрос. Скажите, артиллерия подчинялась вам и придавалась вашим полицейским батальонам?

Герф: Да.

Прокурор: Для какой цели?

Герф: Для того, чтобы использовать при больших боевых действиях.

Прокурор: Такие действия проводились?

Герф: В одном случае была использована артиллерия.

Прокурор: А против мирного населения артиллерия применялась?

Герф: Нет, артиллерия применялась только при борьбе с партизанами.

Прокурор: А против тех лиц, которые подозревались?

Герф: Такие люди передавались в СД.

Прокурор: А до передачи их артиллерия применялась для обстрела деревень с мирным населением?

Герф: Артиллерия обстреливала и деревни, где находились партизаны.

Прокурор: Следовательно, артиллерия обстреливала и деревни с мирным населением?

Герф: Конечно, в этих деревнях обязательно находилось и мирное население.

Прокурор: Значит, артиллерия против мирных жителей применялась?

Герф: Во время войны, когда борешься с врагом, стреляешь и в невинных.

Прокурор: В районе Смиловичи и в деревне Курган проводилась карательная экспедиция силами подчиненной вам полиции?

Герф: Да, но точно не знаю.

Прокурор: Сколько раз вы были у Гиммлера и о чем ему докладывали?

Герф: У Гиммлера я был приблизительно 3—4 раза и информировал его об общем положении.

Прокурор: От Гиммлера вы установки получали?

Герф: Нет. Он не интересовался тем, как проходят операции.

Прокурор: Какие установки для работы на будущее время давал Гиммлер?

Герф: Гиммлер очень злился, так как я ему сказал, что колонизацию в России можно провести и мирным путем.

Председатель: У вас были неполадки с Гиммлером и вы удержались на своем месте?

Герф: Через некоторое время меня уволили с этой службы.

Председатель: Разве вы сами не просили об этом?

Герф: Нет, я не просил.

Председатель: А просьбы об отставке разве вы не подавали?

Герф: Два раза я писал заявления, чтобы меня уволили из полиции, но это было раньше.

Прокурор: Вы на вопрос председателя Трибунала ответили, что лично не участвовали в проведении ответных мероприятий на убийство Кубе. На предварительном следствии вы показывали иначе.

Я прошу суд засвидетельствовать, что на допросе 25 декабря 1945 года Герф показал:

«Страшные злодеяния в городе Минске после убийства Кубе были совершены по приказу высшего начальника СС и полиции Готберга, а полиция в этом участвовала по моему приказанию. Происходило это следующим образом. В ночь убийства Кубе я был вызван к Готбергу, который мне сказал, что функции генерального комиссара он принимает на себя, о чем радировал Гиммлеру, что за жизнь Кубе он безжалостно расправится с русским населением и находившимся там начальнику СС и полиции Гальтерману, офицерам СД и мне отдал приказ произвести облаву и безжалостно расстреливать.

Утром следующего дня, явившись к себе в штаб, я передал своему начальнику охранной полиции майору Бенцку разговор с Готбергом о намеченной расправе с населением Минска и приказал ему выделить в распоряжение СД все имеющиеся в наличии силы полиции для облав и расстрелов.

В последующие дни полицией совместно с СД во многих районах города Минска были проведены облавы. Схваченные на улицах и в домах ни в чем не повинные люди, в том числе женщины и дети, были расстреляны в разных пунктах города, но указать место, где это было, не могу.

Как мне сообщил Бенцку после моего возвращения из Берлина, в этих облавах было схвачено и расстреляно 2 000 человек и значительно большее число заключено в концлагерь».

Председатель: Военный Трибунал удостоверяет, что на листе дела 103—104 показаний Герфа от 25 декабря 1945 года, подписанных лично им, действительно имеются такие показания. Ответьте, Герф, приннмали ли вы участие в облавах и убийствах советских граждан после смерти Кубе?

Герф: Да.

Председатель: Подсудимый Герф, ответьте на вопросы члена Военного Трибунала полковника Сахарова.

Сахаров: Скажите, Герф, какой у вас происходил разговор с Гиммлером по поводу книги «Чингис-хан», когда это было?

Герф: В июле 1943 года, когда я находился в штабе Баха Разговор был такой — использовывать команды полиции так же, как когда-то свои команды использовывал Чингис-хан.

Сахаров: Чтобы немецкая полиция и войска действовали так же, как когда-то действовал Чингис-хан?

Герф: Да.

Сахаров: Так же варварски, как и он?

Герф: Этого, конечно, Гиммлер не сказал, но было понятно из его слов, что нужно действовать так же.

Сахаров: Что же Гиммлер сказал?

Герф: Он сказал: действовать так, как написано в книге.

Председатель: То-есть, действовать против советского населения так, как действовал Чингис-хан в свое время при татарском нашествии?

Герф: Да.

Сахаров: Но сейчас уже XX век, культура другая?

Герф: По этой причине я ответил Гиммлеру, что времена Чингис-хана кончились.

Сахаров: В Минске существовал пересыльный пункт для отправки советских людей в Германию. Скажите, он подчинялся вам?

Герф: Я не знаю, подчинялся ли этот пункт мне или нет.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Адвокат Жудро: В деле имеется приказ № 19 от 15 сентября 1943 года, в котором говорится о вашем вступлении в должность начальника полиции порядка. Правильно ли, что вы вступили в эту должность с данного числа?

Герф: Возможно в сентябре я уже находился в Минске.

Жудро: Меня интересует точно, с какого числа вы приступили к исполнению своих обязанностей начальника полиции порядка в сентябре 1943 года — с 15 числа или более раннего срока?

Герф: Точно не могу сказать. 15 числа я не мог вступить в свои обязанности, так как я находился в Праге.

Жудро: До какого числа вы находились в Праге в сентябре месяце 1943 года?

Герф: Перед убийством Кубе я приехал.

Жудро: Когда вы прибыли первый раз в сентябре 1943 года в Минск и приступили к исполнению своих обязанностей?

Герф: На несколько дней позже 15, но точно не могу сказать.

Жудро: Я спрашиваю о вступлении в должность потому, что приказ отдан 15 сентября, а взрыв в столовой СД был 8 сентября. Были ли вы 8 сентября здесь в Минске или не были или вступили в исполнение обязанностей только 15 сентября 1943 года?

Герф: Когда произошел взрыв в столовой, я уже был начальником полиции.

Жудро: По поводу взрыва в столовой в ваших показаниях (л. д. 115) говорится о направлении целого ряда лиц в лагери, но не указан лагерь Малый Тростенец. Говорили ли вы о Малом Тростенце в своих показаниях от 26 декабря или Малый Тростенец вы не упоминали?

Герф: Я совершенно не знал Малый Тростенец.

Жудро: Скажите, пожалуйста, были ли вы в Минске 8, 10, 11, декабря 1941 года, в июне, июле и в августе 1942 года?

Герф: Не был.

Жудро: Значит, правильно я понимаю, что те расстрелы евреев, которые производил Гесс в июне, июле и августе 1942 года, в декабре 1941 года, никакого отношения к вам и полиции не имеют?

Герф: Я участвовал в расстрелах в гетто, но позже, чем в декабре 1941 года.

Жудро: Были ли вы в Минске и участвовали в расстреле евреев в гетто в тот период времени, когда этим занимался подсудимый Гесс?

Герф: Я участвовал в расстреле евреев в гетто в одно время с Гессом, потому что уничтожение в гетто было только одно. Тогда я, по предложению Кубе, полиции приказал окружить гетто.

Жудро: Гесс показал, что он производил эти расстрелы в 1941 году и летом 1942 года. Вы только что сказали, что вас в это время не было здесь. Могли ли вы принимать участие в этих расстрелах, которые производил Гесс?

Герф: Летом 1942 года я не был в Минске, а в декабре 1941 года—точно не скажу—я считаю, что был, но не с первых чисел.

Жудро: Согласно вашим показаниям, данным на предварительном следствии, расстрелы происходили в Минске в

начале января 1942 года. Так это отмечено в ваших показаниях от 16 декабря.

Герф: Возможно, что я спутал, что я не точен, не помнил числа.

Жудро: Когда в ноябре 1941 года вас вызвали в Берлин и вы имели разговор с генерал-фельдмаршалом Клюге, получая генеральский чин, давались ли вам какие-нибудь установки о борьбе с партизанами и по уничтожению мирного населения Советского Союза?

Герф: Никаких указаний не получал.

Жудро: Давали ли вы какие-либо распоряжения Бенцку по вопросу об отправке на расстрел арестованных, находившихся в Минской тюрьме?

Герф: Нет.

Жудро: Вы дали показания, что во время вашего пребывания в Минске, в 1943 году, вам было известно 8—10 случаев расстрелов с участием полиции. По вашему распоряжению были произведены эти расстрелы?

Герф: Я не давал приказания.

Жудро: В чьем ведении находилось гетто в Минске, в ведении полиции или СД?

Герф: Гетто находилось в ведении СД, я только давал охранников.

Жудро: Вы говорили о жестоком режиме в тюрьме и концлагерях. Скажите, кто устанавливал нормы питания содержащихся в тюрьме? Кто отпускал продовольствие и денежные суммы?

Герф: Берлин.

Жудро: Вы ставили этот вопрос перед генеральным комиссаром Кубе и ничего не смогли от него добиться?

Герф: Да.

Жудро: Большие карательные экспедиции с участием артиллерии и авиации организовывали СД и СС?

Герф: Сама полиция производила эти экспедиции. СД давало людей, но очень мало.

Жудро: Какое количество?

Герф: Одного или двух человек, не больше.

Жудро: Вы на предварительном следствии говорили, что большие карательные экспедиции проводило СД, а малые экспедиции—полиция.

Герф: Большие экспедиции проводились частями СС, полицией и полками армии.

Жудро: Увольнение ваше в отставку в январе 1944 года было для вас неожиданно?

Герф: Не совсем неожиданно, потому что в присутствии Гиммлера я осторожно высказался против уничтожения миллионов населения.

Жудро: Были ли вы за свою работу в Белоруссии награждены орденами и в частности железными крестами?

Герф: Нет.

Председатель: Адвокат Савенко имеет вопрос.

Савенко: Кому подчинялось СД?

Герф: СД подчинялось полиции безопасности.

Председатель: Вопросы имеет адвокат Татаринцев.

Татаринцев: Какую роль выполняли комендатуры при отправке советских граждан в Германию?

Герф: Местные комендатуры занимались этим тогда, когда в городе или в районе не было немецкого городского управления.

Председатель: Вопросы имеет адвокат Бедросов.

Бедросов: Вы были начальником полиции Белоруссии?

Герф: Я был начальником охранной полиции Белоруссии.

Бедросов: Вам подчинялись все полицейские полки?

Герф: Нет, мне подчинялась полиция порядка и жандармерия.

Бедросов: На полицию порядка была возложена борьба с партизанским движением?

Герф: Был приказ, в соответствии с которым начальник охранной полиции руководил борьбой с партизанами.

Бедросов: Вы были начальником охранной полиции и поэтому руководили борьбой против партизан?

Герф: Так было вначале, а впоследствии начальник СС и полиции руководил борьбой с партизанами.

Бедросов: Когда это было?

Герф: В 1943 году я был заместителем начальника штаба по борьбе с партизанами.

Бедросов: А кто был Бах-Зелевский?

Герф: Начальник этого штаба.

Бедросов: Кто фактически руководил борьбой с партизанами в Белоруссии в 1943 году?

Герф: Бах-Зелевский.

Бедросов: А кто был исполнителем его приказов. В 1943 году вы были в Белоруссии?

Герф: Был.

Бедросов: Борьба с партизанским движением входила в ваши функции?

Герф: Да.

Бедросов: Скажите, пожалуйста, когда намечалась операция против партизан, давали ли вы командирам полков какие-нибудь поручения и ставили ли перед ними конкретные задачи?

Герф: В то время я не имел полка.

Бедросов: Кто намечал планы этих операций?

Герф: При мелких экспедициях—сами руководители.

Бедросов: Значит, командир полка мог сам себе наметить план операции и выполнить его?

Герф: Полицейские штабы составляли эти планы.

Бедросов: Кто именно намечал плаиы операции против партизан?

Герф: Мой предшественник.

Бедросов: А при вас проводились какие-нибудь операции или нет?

Герф: В мое время ничего не измеиялось.

Бедросов: Стало быть, до вас предшественник намечал эти планы, а при вас—вы сами намечали эти планы?

Герф: Планы существовали, как и раньше, а изменения в них я производил сам.

Бедросов: Вы давали указания тем, кто должен был выступить против партизан?

Герф: Я давал указания командиру жандармерии, а он их выполнял

Адвокат Жудро: Тогда, когда операции против партизан проводили войска СС и полиции, вы давали задания или давал задания начальник СС и полиции?

Герф: Командиру жандармерии приказ отдавал я.

Жудро: Когда действовала не полиция, а полицейские полки, кто давал приказ двинуть эти полки СС и полиции?

Герф: Для этих экспедиций приказ давал начальник СС и полиции.

Председатель: Больше нет вопросов у защиты?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Первым по списку свидетелем идёт Жолудь. Имеется ходатайство свидетельницы Мазаник в связи с ее болезнью допросить ее первой. Стороны не возражают против этого?—Нет.

Председатель: Комендант, пригласите свидетельницу Мазаник.

Комендант: Свидетельиица Мазаник прибыла.

Председатель: Свидетельница Мазаник Елена Григорьевна, 1914 года рождения, Герой Советского Союза, проживаете в городе Минске.

Мазаник: Да.

Председатель: Уроженка какой местности? Ваше образование?

Мазаник: Деревня Поддетирки, Пуховичского района, Минской области. Образование—6 классов средней школы.

Председатель: Свидетельница Мазаник, вас Военный Трибунал уже предупредил об ответственности за дачу нѐправильных показаний. Прошу вас рассказать все, что вам известно по данному делу.

Мазаник: Я осталась в оккупированном немцами городе Минске и находилась здесь до сентября 1943 года. Мне пришлось своими собственными глазами видеть чинимые немцами зверства и злодеяния.

В 1941 году, перед годовщиной Октябрьской революции, мне пришлось видеть повешенных в центральном сквере. В начале 1942 года я видела русских военнопленных, расстрелянных на улице, начиная от товарной станции до лагерей, расположенных на Логойском тракте.

Дальше мне пришлось видеть, когда вешали русских политических заключённых, привезенных из тюрьмы. Я шла на работу, меня задержали, как и всех граждан, проходивших по улице, с тем, чтобы люди посмотрели. Этим немцы желали убить патриотическое чувство, которое было в народе. Подошла машина, вышли из нее четыре полицейских и два офицера СД. Тут же в моем присутствии на столбе были повешены четыре человека.

В 1943 году на еврейском кладбище происходил расстрел еврейского населения. До меня доносились ужасные крики расстреливаемых людей.

В 1943 году на стадионе «Динамо» было повешано 10 человек. Обращение немецких оккупационных властей с русскими военнопленными было очень плохое. Я была очевидцем, когда их избивали палками. Нам не разрешали давать военнопленным даже отбросов из столовой немецких офицеров.

Я работала у генерального комиссара Кубе. За время моей работы у него я видела, что он очень плохо, жестоко, по-зверски относился к советским людям, в том числе и ко мне. Партизаны убрали его со света.

Прокурор: Скажите, свидетельница, Герфа вы лично знаете?

Мазаник: Знаю, он приходил несколько раз к Кубе на банкеты и на прием. Я в это время часто убирала коридор и приемную Кубе, топила печи и поэтому мне приходилось его видеть.

Председатель: Вы можете указать Герфа среди подсудимых?

Мазаник: Он сидит в первом ряду, третий слева, в форме с зелеными лампасами.

Председатель: Подсудимый Герф, вы узнаете свидетельницу?

Герф: Нет. Где свидетельница видела меня: в квартире Кубе или в комиссариате?

Мазаник: Я видела Герфа, когда он приходил к Кубе в кабинет в 1942 году. Видела его на банкете в казино также в 1942 году.

Герф: Да, это соответствует.

Прокурор: Убитый Кубе был большим любителем устройства банкетов?

Мазаник: Да, он очень часто устраивал банкеты, пьянки, где пили до потери сознания.

Прокурор: Вы можете припомнить, сколько банкетов было у Кубе?

Мазаник: Примерно каждый месяц что-либо приурочивалось. Были совещания, после которых также проводились банкеты. Был один большой банкет, на котором присутствовало 15 генералов, я тогда обслуживала этот банкет.

Прокурор: Какие генералы больше всего присутствовали на банкетах?

Мазаник: Генерал СС Готберг очень часто приходил к Кубе, бывал и генерал полиции Герф.

Прокурор: Его можно узнать?

Мазаник: Да, но он очень изменился.

Прокурор: Вам приходилось слышать когда-либо, о чем они вели речь? Вы тогда разговорный язык немцев, хотя немного, понимали?

Мазаник: Да, я немного понимаю немецкий язык, но когда устраивались банкеты и кто-либо выступал, нам приказывали уходить, так что не удавалось что-либо подслушать. Они знали о том, что мы уже немного владеем немецким языком.

Председатель: Защита имеет вопросы?—Нет.

Председатель: Герф имеет вопросы к свидетелю?

Герф: Нет.

Председатель: Из обвиняемых кто-либо имеет вопросы?—Нет.

Председатель: Стороны не возражают отпустить свидетельницу?—Нет.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 22 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: Судебное заседание продолжается.

Товарищ комендант, пригласите свидетеля Жолудь.

Комендант: Свидетель Жолудь прибыл.

Председатель: Жолудь Владимир Петрович, 1905 года рождения, уроженец деревни Шмелевичи, Плещеницкого района, Минской области.

Жолудь: Да.

Председатель: Под судом не были?

Жолудь: Нет, не был.

Председатель: Какую должность занимаете?

Жолудь: Колхозник.

Председатель: Вас, свидетель Жолудь, Военный Трибунал предупреждал о даче правильных показаний. Прошу рассказать, что вам известно по данному делу.

Жолудь: В 1943 году 28 сентября из района Плещеницы приехал отряд полиции и жандармерии в деревню Шмелевичи. Приближение их к деревне Шмелевичи было замечено гражданином Пугачом Петром, работавшим возле деревни. Он сразу приехал в деревню и сказал гражданам, чтобы они бежали от полиции. Часть народа убежала в лес, а остальные полицией были захвачены, деревня сожжена, ограблена, а люди, которые были ими схвачены в деревне, были брошены в огонь. Рабецкий Василий Федорович, 70 лет, Жолудь Пётр, 85 лет (отец мой), Мостиброцкая Варвара, 85 лет, Токаревская Мария, 30-летняя женщина с 6-месячным ребенком, были брошены в огонь, Клинович Николай, 15-летний мальчишка, также был сожжен. Пугач Грипина, 80 лет, моя односельчанка, и Демидчик Мария, 65-летняя старуха из другой деревни, были расстреляны.

После того немцы весь скот, хлеб и одежду разграбили. Вместе с жилыми домами были сожжены церковь, клуб. В тот же день полицией были окружены две соседние деревни—Заколюжье (34 двора) и Жолуды (20 дворов). Из деревни Жолуды были привезены два старика в нашу деревню и брошены в огонь. Обе эти деревни они ограбили, сожгли и затем уехали. Население после этого варварства находилось до освобождения Красной Армией в темных сырых землянках.

В том же году, в мае месяце, была сожжена деревня Хотынь с людьми. 213 человек были согнаны в одну постройку и заживо сожжены.

Вот все, что я хотел сказать.

Председатель: А куда население делось из сожженных деревень?

Жолудь: Население бросалось немцами в огонь. А из деревни Заколюжье народ весь убежал в лес при приближении немцев.

Председатель: Это была партизанская зона?

Жолудь: Нет, у нас партизан вовсе не было.

Председатель: Значит, это было мирное население, которое не имело никакого отношения к партизанам. За что же собственно немцы сжигали деревни?

Жолудь: Я не знаю. Они (указывая на подсудимых) должны знать.

Председатель: Это когда было?

Жолудь: 28 сентября 1943 года.

Председатель: Товарищ прокурор, имеете вопросы к свидетелю?

Прокурор: Скажите, кто из ваших родственников был сожжен?

Жолудь: У меня был сожжен отец жены, 65-летний ста-

рик, и мой отец, 85 лет. Я нашел труп своего отца только по гимнастерке.

Прокурор: Немцы население бросали в огонь?

Жолудь: Да.

Прокурор: Вы не можете ответить, за что убивали глубоких стариков?

Жолудь: Не знаю, они сжигали всех. Детей также сжигали. Токаревскую Марию вместе с грудным ребенком немцы также бросили в огонь.

Прокурор: А вы убежали в лес?

Жолудь: Да.

Прокурор: В партизанах вы не были?

Жолудь: В последнее время был.

Прокурор: А имущество немцы у вас забрали?

Жолудь: Все забрали: имущество, продовольствие, скот.

Прокурор: А чем объяснить, что немцы сжигали хлеб в копнах?

Жолудь: Я не знаю.

Прокурор: Вы не можете никого узнать на скамье подсудимых?

Жолудь: Нет. Я никого там не знаю, так как при приближении немцев мы ушли в лес.

Председатель: Защита имеет вопросы?—Нет.

Председатель: Кто-либо из подсудимых имеет вопросы? — Нет.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Кумейша.

Комендант: Свидетель Кумейша прибыл.

Председатель: Кумейша Михаил Карлович, 1888 года рождения, уроженец села Подлесье, Ляховичского района, Барановичской области.

Кумейша: Да.

Председатель: Вас Военный Трибунал уже предупредил о даче правильных показаний. Скажите, свидетель Кумейша, не знаете ли вы кого-либо из сидящих на скамье подсудимых?

Кумейша: Да, я знаю, он сидит в первом ряду третий.

Председатель: Как его фамилия?

Кумейша: Генерал-майор Герф.

Председатель: Вы знали этого человека?

Кумейша: Да.

Председатель: Скажите, Герф, вы знали этого гражданина?

Герф: Да, это мой повар.

Председатель: Расскажите, свидетель, при каких обстоятельствах вы знали подсудимого Герфа и что вы знаете о его деятельности в тот период.

Кумейша: Я хочу сначала сказать об оккупации города Минска. Когда немцы заняли город Минск, они ввели очень

строгий режим, начали издеваться над советскими гражданами, арестовывать людей и сажать в тюрьмы. Всех евреев немцы собрали в гетто, где через некоторое время их уничтожили.

Осенью 1941 года много людей было повешено. Зимой и весной 1942 года по всему городу, особенно в людных местах—на базарах, в сквере возле драмтеатра—было повешено до 300 человек.

В 1943 году в сентябре или августе месяце по всему городу была повешена третья группа людей. Однажды иду домой с работы—вижу висит приказ. Я поинтересовался им. Там было написано: «За взрыв столовой СД было уничтожено и расстреляно 200 человек». Подпись была там начальника полиции генерал-майора Герфа. Это мне хорошо помнится.

А что делалось на территории гестапо, где я работал поваром. Приводили туда из города военнопленных на работу, потом пригоняли женщин из гетто. Они выполняли все самые тяжёлые работы. Я видел, как полицейский избивал без всяких причин этих женщин палкой по голове. Над военнопленными также издевались. Тех, кто уже не мог ходить, запрягали в повозки, и они возили на себе навоз из конюшни в поле. За малейшую провинность, когда пленный отлучался куда-нибудь с работы или брал пару картофелин в карман, потому что он был голоден, его раздевали, клали на землю, брали большую палку и били до тех пор, пока он не мог ни стонать ни кричать. Все полицейские стояли кругом и улыбались. Им было приятно, как русский человек страдает. Когда же этот избитый человек не мог встать, то его били ногами, а когда он собирался с силами и вставал, на него натравливали собаку-овчарку, которая рвала его тело.

После убийства Кубе немцами была проведена очень серьезная облава. Тогда людей арестовывали, вешали, стреляли или вывозили в Германию в рабство. Люди видели это и массами пошли из города в партизаны. В то время я с сыном также ушел в партизаны.

Это все то, что я мог сказать.

Председатель: Вы работали поваром в столовой гестапо?

Кумейша: Да, с 1942 года.

Председатель: В тот момент начальником полиции Белоруссии был Герф? Он все время был?

Кумейша: Нет, не все время. Говорили, что он был в Харькове.

Председатель: Как Герф себя проявил по отношению к советским гражданам?

Кумейша: Проявил он себя очень нехорошо. Он уничтожал советских людей, расстреливал.

Председатель: Приказы, которые исходили от полиции, кем подписывались?

Кумейша: Конечно, начальником полиции.

Председатель: Значит, Герфом?

Кумейша: Да.

Председатель: Вы точно помните, что после взрыва столовой СД был приказ об уничтожении 200 человек?

Кумейша: Читал я эти листовки, в которых говорилось, что было 200 человек арестовано и уничтожено.

Председатель: После убийства Кубе Герф уезжал или нет? Не помните, чтобы он отлучался примерно дней на 10?

Кумейша: Да, уезжал.

Председатель: Скажите, как расправлялись с военнопленными. Вы в своих показаниях говорили об одном случае, который вы сами видели?

Кумейша: Да, я пропустил один момент. Зимой 1941—1942 года, когда я шел на работу, на Советской улице было очень много трупов советских военнопленных. Эти трупы валялись от вокзала до самой выставки на Комаровке.

Председатель: Как они были убиты?

Кумейша: Они были убиты выстрелом в голову. Мозги валялись по улице.

Председатель: За что их расстреляли, вы не знаете?

Кумейша: Не знаю.

Председатель: Никаких листовок об этом не было?

Кумейша: Нет.

Председатель: Нет вопросов у прокурора?

Прокурор: Нет.

Председатель: У защиты нет вопросов?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы?

Герф: У меня не вопрос, я только хочу сказать.

Председатель: Стороны не возражают, чтобы отпустить свидетеля?—Нет.

Председатель: Свидетель, садитесь. Что вы хотите сказать, Герф?

Герф: Я объявлений никогда не подписывал. Мои отношения к свидетелю были очень дружеские. Я даже очень часто ему руку подавал. (Смех в зале.)

Председатель: Тем паче, Герф. Если он был таким хорошим и вы ему руку подавали, ему нечего на вас наговаривать.

Герф: Поэтому я очень удивлен.

Председатель: Свидетель Кумейша, вы действительно видели листовки за подписью Герфа, где было написано о расстреле 200 человек.

Кумейша: Да, я сам видел.

Герф: Я заявляю, что это неправильно. Еще одна поправ-

ка: трупы валялись не в 1942, а в 1941 году. Мне очень хорошо известно, что водили военнопленных через главные улицы в 1941 году и все время расстреливали.

Председатель: Свидетель Кумейша, когда вы видели трупы расстрелянных военнопленных?

Кумейша: Это было в начале 1942 года.

Герф: Я говорю еще раз—зимой 1941—1942 года.

Председатель: Других поправок у Герфа нет?

Герф: Этого свидетеля мы хотели несколько раз уволить, так как у него характер очень неважный, но как повар он очень хороший, мы его не увольняли. (Шум в зале.)

Председатель: Комендант, пригласите свидетеля Ковалевскую Веру Георгиевну.

Комендант: Свидетель Ковалевская прибыла.

Председатель: Ковалевская Вера Георгиевна, 1915 года рождения?

Ковалевская: Да.

Председатель: Где проживаете, какое у вас образование?

Ковалевская: Проживаю в городе Минске, имею высшее образование, по специальности врач-терапевт.

Председатель: Партийность?

Ковалевская: Беспартийная.

Председатель: Вас, свидетельница, Военный Трибунал предупредил о даче правильных показаний. Сейчас расскажите, что вам известно по обстоятельствам дела.

Ковалевская: В период немецкой оккупации я работала в городе Минске в так называемой добровольно-вербовочной комиссии по отправке советских граждан в Германию.

В этой комиссии я работала с февраля 1942 года до сентября 1943 года. Комиссия была организована по указаниям германского министра по рабочей силе Заукеля. Состояла она из немца инспектора, его заместителя, а также из нескольких русских врачей.

Вначале, как только была организована эта комиссия, назначенные так называемые вербовщики приходили на фабрики и заводы и вербовали, т. е. агитировали русских для того, чтобы они ехали на работы в Германию, демонстрировали всевозможные фотоснимки, как там хорошо будет жить и т. д. Но так как никто не соглашался туда ехать, то немцы устраивали «вербовку» другим образом. Был издан приказ, чтобы все подростки, начиная от 14 и до 16 лет, явились на биржу труда для перерегистрации. Когда они все собрались, их закрыли в большую комнату, поставили полицейскую охрану из немцев и после этого сразу погрузили на машины и направили в Германию. Родители не знали о том, что их детям придется ехать в Германию, так как они ушли из дому, сами не зная об этом.

После этого «вербовщики» вместе с полицейскими отрядами окружали в городе Минске некоторые объекты, как мясокомбинат, мельницу, и когда рабочие кончали работу, то всех они сажали в машины и отправляли в Германию. Отправляли, несмотря на то, что у некоторых оставались малые дети. Угонялись и матери, имеющие грудных детей.

В начале или конце января месяца 1942 года по всему городу Минску были устроены облавы. На всех улицах города были выставлены полицейские отряды, и все жители, которые шли по воду или в больницу, были задержаны, посажены в машины и привезены в лагерь, который находился на Комаровке в помещений, которое ранее было приспособлено для свиней. Среди захваченных были матери, кормящие грудных детей, матери детей, которые были оставлены дома, кормильцы семей, инвалиды.

Врачебная комиссия существовала и являлась ширмой. Она нужна была только для того, чтобы вместе с отправляемыми не пропустить какую-нибудь инфекцию в Германию. Во время отправок приходило много родственников—матери, отцы, сестры, братья. Для того чтобы не было слышно криков и воплей угоняемых и их родственников, немцами был приглашен оркестр и под шум музыки выводились под конвоем русские люди, их сажали в вагоны и отправляли в Германию. Когда родственники, не выдержав и не боясь полиции, бросались к своим детям, отцам, сестрам, то забирали и их (в том числе стариков, инвалидов), сажали в вагоны и отправляли в Германию.

Затем «вербовщики» поехали в деревню Михановичи, Минского района, для агитации и вербовки рабочей силы в Германию. Приехали вместе с полицией. Увидев полицию и «вербовщиков» население начало убегать. Полиция стала расстреливать всех, кто старался убежать. Но некоторые люди не только убегали потому, что хотели спрятаться, многие из них шли в больницу, другие шли в поле, чтобы детей забрать, и все они были расстреляны тут же на месте немецкой полицией. Остальное население было посажено в машины и привезено в Минск. С тем, чтобы убежавшие жители вернулись обратно или в отместку им, немецкая полиция подожгла деревню и, несмотря на то, что в этих домах были больные дети, старики или рожавшие женщины, инвалиды, сожгла полностью всю деревню Михановичи вместе с жителями.

Из города Глубокое в Минс[illegible]а привезена группа людей, предназначенная для отпра[illegible] в Германию. Среди них было два человека больных трахомой. Они были выведены из строя на глазах всех жителей, а также и тех, кто должен был ехать в Германию, расстреляны. Когда их выводили для расстрела, то вместе с ними было взято еще два

человека с лопатами, которые после расстрела должны были их похоронить.

Из местечка Ивенец было привезено 17 девушек, которые до этого работали на кухне. Им было предложено поехать добровольно в Германию. Они отказались. Тогда каждую девушку немецкие полицейские клали на бочку и избивали до тех пор, пока они не дали согласия ехать в Германию.

Одна девушка, несмотря на то, что ее били, все-таки не согласилась ехать. Это мне рассказывали те девушки, которые были увезены. Ее взяли, привязали к дереву, подложили сено и сожгли на глазах у других девушек.

Когда должен был приходить транспорт для отправки в Германию, к нам являлись немецкие офицеры, выбирали молодых красивых девушек якобы на работу. Изнасиловав их, они приводили их обратно и отправляли в Германию, потому что они им были больше не нужны.

Еще один факт: из Логойского района были привезены целые семьи, которым было объявлено, что они якобы направляются в город Минск. Они были привезены со всем имуществом. Здесь же, когда они приехали в лагерь, у них забрали все имущество. Молодые и здоровые девушки отбирались и отправлялись в Германию, а старики и больные направлялись в лагерь, который был организован в городе Минске. Туда попали и матери, у которых были грудные и маленькие дети. Несмотря на все просьбы, с которыми обращались матери к немцам, их всех отправили в Германию.

В 1943 году за то, что приходилось писать фиктивные диагнозы, т. е. по возможности освобождать некоторых матерей, кого возможно было, я была арестована и содержалась в немецкой тюрьме. За период, когда я сидела в тюрьме, я видела следующие факты. Каждый советский праздник ознаменовывался некоторыми происшествиями. 6 ноября перед годовщиной Октябрьской революции из камеры была выведена группа евреев, в том числе и дети. Пришли немецкие полицейские и заставили их петь и играть, а также показать, как евреи живут половой жизнью. Когда все это было исполнено, немцы взяли плетки, принесли доски и начали избивать этих евреев. Избивали их до тех пор, пока они умерли. После этого открыли камеру, выпустили нас и заставили мыть полы, выносить убитых и сложить трупы в уборную.

В нашу камеру была брошена женщина, сильно избитая за то, что на ее крыльцы нашли убитую собаку, принадлежавшую полицейскому. Они начали избивать ее, допрашивая, знает ли она, кто убил собаку. Когда она сказала, что не знает, немцы принесли собачий кал и заставили его есть.

Перед новым годом были выведены из камеры два заклю-

ченных, которых полицейские заставили петь песни. Они отказались это делать. Тогда немецкие полицейские досками и плетками убили их, а потом сказали, что они умерли от прободения желудка.

В день убийства Кубе из каждой камеры взяли несколько человек, собрали в одну камеру, раздели, а потом приехала душегубка и все, приблизительно 300 человек, были умерщвлены.

Рядом с нашей камерой одна девушка заболела сыпным тифом, и всех, кто был в этой камере, немцы умертвили в душегубке, как они говорили, для того, чтобы зараза не распространялась по тюрьме. В камере было примерно человек 60.

Медицинская помощь заключенным совершенно не оказывалась.

В одной камере сидел заключенный, у которого была ранена ступня, а от этого получилась гангрена. Так как следователь не хотел его допрашивать, заключениого перевели в больницу, но и там не оказывалось никакой медициископ помощи. От ноги было страшное зловоние, в ране завелись черви. Ему даже не разрешили, как он просил, отпилить ногу простой пилой. Он умер в страшных мучениях.

Когда приводились на допрос женщиины, немцы раздевали их догола, любовались фигурами или осмеивали, если находили недостатки, после чего начинали пытки. При допросах они применяли электрический ток, били палками, электрическими проводами с алюминиевыми шариками на конце.

Со мной вместе сидела моя мать. Ее вывели из камеры и здесь же стали бить для того, чтобы я могла смотреть все это. Моя мать, 70-летняя старушка, перенесла страшные пытки. Ее сперва били, а потом принесли раскалеиное железо и стали пытать.

Тюремный режим был ужасиый. В камерах, которые могли содержать 12 человек, помещалось по 60 человек. Ночью спали люди друг на друге, и, чтобы встать, нужно было итти по людям.

Ночью, без всякой причины, людей выводили из камеры и начинали избивать.

Я еще расскажу один факт. Однажды в камеру была приведена одна заключенная с ребеиком. Немцы ребеика забрали и на ее глазах стали бить его для того, чтобы она призналась. Ребенку было 4 года. Он был убит.

Я сама видела, когда нас выводили мыть полы, как содержались евреи. Их держали голыми иа цементном полу, на котором была вода, камера была без окон. Вместе с женщинами содержались и мужчины.

После тюрьмы меня перевели в лагерь, который находился здесь же, в Минске. Это было в июне месяце 1944 года, перед приходом Красной Армии.

Немецкая полиция жестоко избивала заключенных, сажала на машины и вывозила. Куда вывозила — я точно не знаю, но после того, многие матери и отцы рассказывали, что находили одежды своих детей в лагере смерти, в Тростенце. Вот все эти факты, которые я сама лично видела.

Председатель: Вы все рассказали суду?

Ковалевская: Все.

Председатель: Какой период времени вы были в тюрьме?

Ковалевская: С сентября 1943 года до прихода Красной Армии.

Председатель: Вы не помните, кто в то время был шефом тюрьмы?

Ковалевская: В то время был Бенцку. Он ходил с плеткой, всех заключенных бил по голове, по плечам, жестоко издевался над ними.

Председатель: Медосмотр людей перед отправкой в рабство в Германию производился?

Ковалевская: Медосмотр проводился таким образом. Когда привозили народ, то врач спрашивал, кто больной из этих привезенных. Если кто-либо заявлял о болезни, то такие врачом осматривались, но только смотрели, нет ли у него туберкулеза, сифилиса или гонорреи, а остальные болезни в расчет не принимались.

Председатель: И что говорили по этому поводу?

Ковалевская: Если находили туберкулез, то такие не отправлялись в Германию, но также не отправлялись и домой. В Минске был создан специальный лагерь, где они все работали.

Председатель: А что говорил шеф комиссии Гайниц?

Ковалевская: Гайниц говорил, что эта комиссия создана для того, чтобы не было возмущений среди русского населения, что мы отправляем больных, а вообще эта комиссия не обязательна.

Председатель: Как сама отправка проводилась?

Ковалевская: Отправка проводилась таким образом. Когда собиралось очень много людей, то для того, чтобы заглушить плач родственников отправляемых, приглашали духовой оркестр, чтобы не было слышно этих криков. Под звуки оркестра отправляли в Германию.

Председатель: Вопросы есть у прокурора?

Прокурор: Скажите, Ковалевская, вы в тюрьме содержались в качестве заключенной или выполняли какие-либо функции?

Ковалевская: В качестве заключенной.

Прокурор: Медицинскую помощь не оказывали заключенным?

Ковалевская: Не оказывала.

Прокурор: Вы рассказывали здесь о факте уничтожения заключенных одной камеры за то, что девушка заболела тифом. Вы это лично видели?

Ковалевская: Я лично это видела.

Прокурор: Расскажите, как это произошло.

Ковалевская: Утром всех заключенных моей камеры вызвали мыть тюремные коридоры, и поэтому у нас была связь со всеми камерами. В соседней камере находилась моя знакомая, звали ее Надя. Однажды она не вышла на эту работу, и мне сказали, что она больна тифом. Во время выноски параш немцы нам сказали, чтобы мы стали в угол, и я видела, как приехала к воротам тюремная машина. По бокам ее выстроилась охрана — полицейские — и в машину стали сажать людей. Вначале я не видела кого, но после того как уехала машина, нас заставили вымыть ту камеру, где находилась Надя. Когда мы спросили у конвоира, куда их повезли, то он засмеялся и сказал: «Разве это неизвестно, что если посадили в «черный ворон», то их увезли на расстрел». Одежда увезенных вся осталась в тюрьме.

Прокурор: В каком году это было?

Ковалевская: В 1943 году.

Прокурор: И вы с тех пор своей знакомой соседки по камере не встречали?

Ковалевская: Да, я ее не встречала.

Я хочу еще отметить, что когда их посадили в эту машину, то сейчас же был вынесен труп из тюремной больницы и положен в эту же самую машину, а когда вывели и посадили еще двух евреев, то сразу стало очевидно, что их повезли на смерть.

Когда я болела сыпным тифом и находилась в тюремной больнице, то, будучи уже знакомой с тем, что немцы расстреливают тифозных больных, я боролась чтобы не показать, что я больна. Около 12 часов дня туда, где я находилась, приехали немецкие врачи и начали каждого хватать, кто болен сыпным тифом. Как только обнаруживали сыпь, сразу же хватали людей. Все больные, которые там находились, были собраны и посажены в этот «черный ворон» — душегубку.

Председатель: К какому времени относятся эти самые жуткие вещи, которые производились там?

Ковалевская: Это было в сентябре 1943 года и до января 1944 года.

Председатель: Защита не имеет вопросов? — Нет.

Председатель: Кто-либо из подсудимых имеет вопросы? — Нет.

Председатель: Комендант, вызовите свидетельницу Филончик.

Комендант: Свидетельница Филончик прибыла.

Председатель: Филончик Вера Романовна, 1913 года рождения, уроженка города Минска.

Филончик: Да.

Председатель: Где вы работаете?

Филончик: Домашняя хозяйка.

Председатель: Под судом не были?

Филончик: Нет, не была.

Председатель: Партийность?

Филончик: Беспартийная.

Председатель: Вас Военный Трибунал уже предупредил показывать по обстоятельствам дела только правду. Расскажите, что вам известно по тому делу, по которому вы вызваны в качестве свидетеля.

Филончик: Я знаю, что в сентябре месяце 1943 года была подорвана столовая СД. После этого немцы погубили много мирных людей. 2-я Арктическая, Арктическая и Беломорская улицы были окружены немцами в 2 часа ночи. Немцы собирали всех живших здесь людей между Логойским трактом и 2-й Арктической улицей около моего дома. Я сама под пол спряталась, а моего мужа и 60-летнюю мать немцы пришли и взяли. Я слышала, как они забирали их и говорили — на проверку документов. Они собрали людей, поставили в колонны и проверяли документы. Потом машины пришли, немцы перестали документы проверять и стали всех людей в машины сажать. Детей, стариков брали. Одна старуха была больная, они ее на носилках принесли туда.

Председатель: Скажите, судьбу увезенных ваших родных — мужа и матери — вы знаете? Что с ними случилось?

Филончик: Не знаю. Немцы писали в афишах в тот же день, что 300 жителей города Минска — заложников —расстреляны за взрыв столовой СД.

Председатель: И в этот период были взяты ваш муж и мать?

Филончик: Да.

Председатель: Что наклеили на тех домах, из которых забрали жителей?

Филончик: Было написано, что забраны партизанские семьи.

Председатель: Вы всю оккупацию жили в городе Минске?

Филончик: Да, долгое время проживала, но после этого случая уехала в Заславльский район.

Председатель: Что вы видели в Минске?

Филончик: Видела, как немцы издевались над народом и вешали наших людей.

Председатель: В каком году вы видели повешенных?

Филончик: В 1942 году 4 человека были повешены на Комаровке.

Председатель: Скажите, облавы устраивались?

Филончик: Очень часто.

Председатель: Куда задержанных направляли?

Филончик: Отправляли в Германию.

Председатель: Среди тех, которые были отправлены на машинах, знакомые ваши были, они вернулись?

Филончик: Были женщины, старики, дети, были знакомые, и никто из них не вернулся.

Председатель: Прокурор имеет вопросы?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы? — Нет.

Председатель: Кто-либо из подсудимых имеет вопросы? — Нет.

Председатель: Товарищ комендант, вызвать свидетеля Шкарупского.

Комендант: Свидетель Шкарупский прибыл.

Председатель: Шкарупский Сергей Андреевич, 1888 года рождения, белорус, беспартийный.

Шкарупский: Да.

Председатель: Проживаете в городе Минске?

Шкарупский: С 1928 года живу в городе Минске. Сейчас работаю в воинской части.

Председатель: Вас Военный Трибунал вызывал в качестве свидетеля и предупреждал о даче правильных показаний. Сейчас расскажите Трибуналу, что вам известно по делу.

Шкарупский: Заняв город Минск, немцы хотели запугать мирное население города путем террора. Для этой цели они устраивали облавы и арестовывали людей виновных и невиновных. Людей направляли в тюрьму, пороли розгами, расстреливали и вешали.

В первых числах июля месяца 1941 года немцы гнали через Минск большое количество наших военнопленных. Отстающих от колонн и больных военнопленных немцы расстреливали.

Второй случай массового расстрела я видел зимой 1942 года. На Советской улице, от угла Комсомольской до Дома правительства, лежало несколько десятков расстрелянных немцами наших военнопленных.

Немцы насильно угоняли в Германию на каторжные работы советскую молодежь. Для этой цели немцы устраивали по всему городу облавы. Во время облав людей задерживали на улицах, на базарах и в квартирах. Советская молодежь, видя варварское отношение немцев, стала прятаться в подполье.

В начале сентября 1943 года партизанами был произведен

взрыв столовой СД. После этого 8 сентября 1943 года немецкой полицией были устроены облавы в северной части города Минска, а именно: на 1-й и 2-й Арктических улицах и частично Беломорской улице. В этих облавах было взято в качестве заложников 300 человек. Немецкая полиция при этой облаве брала людей без разбора—взрослых, детей и стариков, т. е. всех, кто был дома.

В числе этих 300 человек была взята сестра моей жены, 60 лет, и племянник, 28 лет, которые были отправлены вместе со всеми заложниками в деревню Тростенец и в тот же день были расстреляны. Утром 9 сентября, когда я явился на работу (я работал в портняжной мастерской Минской городской полиции), я обратился к шефу с просьбой помочь мне найти моих родственников. До обеда 9 сентября я ждал ответа, пока наводили справки. Во время обеда мне через переводчика ответили, что надо было вчера об этом позаботиться, а сегодня уже поздно, их нет.

В конце сентября народные мстители — партизаны — казнили палача белорусского народа Кубе. После этого немецкие полицейские, как бешеные звери, бросились на мирное население города. Людей хватали на улицах, в домах, на работе, днем и ночью. Сколько было взято людей, трудно учесть, но, судя по рассказам полицейских, которые были у меня в мастерской, в эти дни было взято более 5 000 человек.

Я мог бы еще много рассказать в отношении грабежа имущества после этих арестов, но я считаю, что достаточно будет того, что я сказал.

Председатель: В общем была система грабежей.

Шкарупский: Грабежи продолжались один за другим. Предприятия города, оставшиеся после отхода наших войск в целости, были в первые же дни оккупации разорены. Были вывезены в Германию все склады предприятий и торговых организаций. Даже была вывезена подвесная трамвайная линия, провода и те были сняты. Этот грабеж продолжался все время, все три года оккупации, до последнего дня.

Председатель: Прокурор имеет вопросы к свидетелю?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы к свидетелю? Нет.

Председатель: Кто-либо из подсудимых имеет вопросы? Нет.

Председатель: Товарищ комендант, вызовите свидетельницу Матусевич Пелагею Лукиничну.

Комендант: Свидетельница Матусевич прибыла.

Председатель: Матусевич Пелагея Лукинична, 1901 года рождения, проживает в городе Минске, белоруска, работает управляющей домами.

Матусевич: Да.

Председатель: Свидетельница, вас Военный Трибунал уже предупредил о даче правильных показаний. Расскажите, что вам известно по делу.

Матусевич: Когда в 1943 году 8 сентября немцы окружили нашу улицу Беломорскую, 1-ю Арктическую и 2-ю Арктическую, тогда выгнали из домов на улицу всех стариков и малых детей и сказали нам, что будут проверять документы. Нас поставили по 3 человека в ряд и стали проверять документы. Документы проверяли до тех пор, пока не приехали машины, но когда они приехали, документы перестали проверять, а стариков и детей стали сажать в машины. Поднялся ужасный крик и плач. Дети просили пощады, но их бросали в машины. В числе взятых была моя дочка, зять и их сын 4 лет. Всех их посадили в машину и увезли неизвестно куда. Я спаслась только тем, что спрыгнула на ходу с машины.

Потом на заборе немцы вывесили афишу и там было написано, что они за взрыв в столовой СД расстреляют 300 человек. Однако на наших улицах было схвачено больше тысячи человек. Они расстреляли людей, и никто не вернулся. Больше я ничего не могу сказать.

Председатель: Вам что-нибудь известно о расстрелах военнопленных?

Матусевич: Да, известно. Как раз мы живем в военном городке и там был при немцах лагерь военнопленных красноармейцев. Немцы выводили военнопленных на поле и расстреливали. Самих военнопленных заставляли выкапывать ямы и закапывать трупы своих товарищей. Я могу указать это место. Расстрелы продолжались больше недели.

Председатель: Вам известно, за что вешали советских граждан?

Матусевич: По городу висело больше 100 человек. За что их повесили, я не знаю.

Председатель: В какое время это было?

Матусевич: Это было осенью 1941 года, как раз перед Октябрьскими праздниками.

Председатель: Скажите, свидетельница, что вам известно об обстоятельствах сожжения деревни, где проживает ваша сестра?

Матусевич: 30 мая 1943 года я приехала к брату в деревню, где я родилась. Эта деревня расположена в одном километре от деревни Тхарница, Логойского района, где жила моя сестра. Мы услышали на дороге шум машин, а потом машины заглохли. Когда шум машин прекратился, мы увидели зажженную деревню, где жила моя сестра.

Председатель: Как называлась эта деревня?

Матусевич: Тхарница. Мы не могли подойти к ней и издалека наблюдали. Немцы из этой деревни забрали все имуще-

ство, весь скот, и, когда мы вошли в деревню, она уже догорала.

Председатель: Сколько жителей немцы расстреляли в это время?

Матусевич: Очень много — до 70 человек.

Председатель: Когда особенно начала зверствовать полиция?

Матусевич: В 1943 году.

Председатель: После взрыва столовой СД?

Матусевич: Нет, и до взрыва столовой в 1943 году они зверствовали.

Председатель: А после убийства Кубе?

Матусевич: После убийства Кубе они брали людей по дорогам, по улицам. В афишах немецких я прочла, что было расстреляно 5 000 человек.

Председатель: Что вы знаете о насильственной отправке людей в Германию?

Матусевич: Наш дом находится около шоссе. Как только наступает утро и до самой темноты женщины, дети, старики отвозились в Германию каждый день, машина за машиной.

Председатель: О судьбе ваших близких вы до сего времени ничего не знаете?

Матусевич: Нет. Из моих родственников погибло до 30 человек. Все они были расстреляны.

Председатель: Прокурор, имеете вопросы?

Прокурор: Кто из ваших близких, родных расстрелян?

Матусевич: Дочка Женя, зять Володя, Валя, их 4-летний сын, мой муж, мать 80 лет и другие родственники.

Прокурор: Вы родились в деревне Тхарница, которую вы назвали?

Матусевич: Нет, я жила там, когда вышла замуж.

Прокурор: За что же население было расстреляно и сожжено?

Матусевич: Я этого не знаю. Немцы не говорили за что, когда расстреливали.

Прокурор: Но были разговоры среди населения?

Матусевич: Люди нашей деревни Тхарница ни в чем не виноваты и никто не знал, почему они погибают. Ни один человек не спасался, все сидели дома.

Прокурор: Может быть в этой деревне были партизаны или люди были связаны с партизанами?

Матусевич: Нет, нет, там были очень мирные люди.

Прокурор: И все эти мирные граждане были расстреляны?

Матусевич: Да, все были расстреляны.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Адвокат Жудро: Скажите, свидетельница, когда были расстрелы в вашей деревне?

Матусевич: В 1943 году, 30 мая.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы? — Нет.

Прокурор: У меня есть ходатайство. Я прошу Военный Трибунал дополнительно допросить в качестве свидетеля гражданку Савинскую Степаниду Ивановну, которая даст ценные показания. Гражданка Савинская находится в отдельной комнате. Прошу суд мое ходатайство удовлетворить.

Председатель: Военный Трибунал определил: удовлетворить ходатайство прокурора, вызвать и допросить в качестве свидетеля Савинскую Степаниду Ивановну.

Товарищ комендант вызовите свидетеля Лазарчика.

Комендант: Свидетель Лазарчик прибыл.

Председатель: Лазарчик Петр Иосифович. 1901 года рождения, уроженец города Минска, беспартийный.

Лазарчик: Да.

Председатель: Где вы работаете и в качестве кого?

Лазарчик: Работаю поваром в воинской части.

Председатель: Вас, свидетель, Военный Трибунал предупредил о даче правильных показаний. Расскажите, что вам известно по данному делу.

Лазарчик: Поскольку я работал в тюрьме, то я могу рассказать сейчас, что там происходило. В начале 1941 года я был послан городской управой в Минскую городскую тюрьму работать поваром. Поскольку я готовил пищу для заключенных, я могу показать суду о тех зверствах, которые творились над заключениыми. В начале 1942 года были массовые повешения людей. Режим в самой тюрьме был жуткий. В камерах, где должно было нормально сидеть 15 человек, сидело 70—100 человек. Там людям нечем было дышать от спертого воздуха. Кушать давалась одна жидкая баланда, хлеба давали 200 граммов, причем утром давали эту баланду, а вечером только кипяток. Заключенные пухли от голода. В самих камерах, где сидели заключенные, был иней, так как было страшно холодно, а камеры не отапливались.

Все массовые расстрелы заключенных происходили так. Группу в 70 — 100 человек выводят во двор, ставят к стенке, потом резиновой палкой бьют по голове. Человек теряет сознание, и если хорошая на нем одежда, — раздевают. Если он совсем без сознания, его бросают в машину, а если совсем сознания не потерял человек, его гонят в машину.

Этими вывозами заключенных на расстрел руководил генерал полиции. Обычно приезжала группа офицеров во главе с генералом, расставляли машины, убивали людей и в два ряда укладывали на машины. Зарывала расстреленных группа заключенных. Мы спрашивали у них, как они хоронят людей. Нам эти люди рассказывали, что немцы поставят группу людей в яму, прострочат яму из пулеметов и автоматов, вто-

рую группу поставят, расстреляют, затем третью и потом яму зарывают.

Один из них рассказал: «Когда я закапываю трупы, у меня руки дрожат, потому что люди, которых мы закапываем, часто не убиты, только ранены и земля над ними прямо шевелится и подымается».

Вот какое зверское отношение было у немцев к нашим людям. Все это делалось по прямому указанию генерала полиции. В самой тюрьме я был очевидцем, когда одна женщина заболела тифом. Я говорил медсестре, что нужно оказать больной какую-либо помощь. Она ответила, что помочь ничем не может, ибо если дать ей аспирин, то она простудится, так как все стены в тюрьме были покрыты от мороза инеем. Кроме того, она была так избита полицией, что не могла пить и есть.

В тюрьме была массовая вшивость. Туда был занесен тиф. Люди заражались и умирали. Даже наш повар, который не общался с людьми, также заболел тифом и умер.

Страшная картина была в 1942 году, когда был массовый вывоз людей на казнь. Людей согнали в одну камеру, связали им руки и избивали до полусмерти. Среди избитых, а затем повешенных я видел одного заключенного, у которого на пет-лицах было два прямоугольника, и женщина врач с одним прямоугольником.

Со следствия люди возвращались в тюрьму окровавлен-ными, избитыми и в результате они не могли ни пить, ни есть, ни ходить. Все эти зверства были жуткими, невыносимыми.

Председатель: У прокурора есть вопросы?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Кто-либо из подсудимых имеет вопросы?— Нет.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетель-ницу Савинскую Степаниду Ивановну.

Комендант: Свидетельница Савинская прибыла.

Председатель: Савинская Степанида Ивановна, 1915 года рождения, беспартийная, санитарка 3-й амбулатории города Минска.

Савинская: Да.

Председатель: Вас, гражданка Савинская, Военный Три-бунал вызвал в качестве свидетеля по делу и предупреждает, что вы должны показать все известное вам по обстоятель-ствам дела. За дачу ложных показаний свидетель будет при-влечен к ответственности по ст. ст. 136, 137 УК БССР. Теперь вы, как свидетель, расскажите, что вам известно по делу.

Савинская: 29 февраля 1944 года арестовали меня вместе с мужем. Арестовывать приехали немцы в гражданском и офицеры. После ареста нас увезли в минское СД. Привезли нас и начали избивать до полусмерти. Семь раз в сутки допрашивали, обвиняли в том, что мы партизаны, но мы связи с партизанами не имели и об этом ничего не знали. Нас догола раздевали и избивали. Продержали 7 дней и увезли в Минскую тюрьму.

В тюрьме нас морили голодом, заедали вши, вызывали на допрос и ежедневно избивали.

Просидели мы два с половиной месяца, потом нас вывезли в лагерь на Широкой улице. Мы там просидели до 30 июля. Потом нам приказали одеваться, потому что повезут на работу. Мы собрались, поехали. Привезли нас к большому сараю в Малом Тростенце. Из машины приказали выходить по четыре человека, а когда вышли, скомандовали «руки вверх», и мы пошли. В сарае уже лежало несколько тысяч расстрелянных. Когда мы вошли, по нас начали стрелять. Я переступила через труп моего мужа. Меня тоже легко ранили в голову, и я упала. Немцы стали обливать трупы бензином и бросать гранаты, а затем подожгли сарай с той стороны, где лежали расстрелянные женщины и дети и сами отошли.

Я решила—зачем я буду живая гореть и начала выбираться. В это время двое лежащих под трупами спрашивают: «Вы живы? Помогите нам выбраться». Я раскопала трупы и помогла этим мужчинам вылезть. Мы пробрались к речке. Я переплыла речку и убежала в лес.

Председатель: Прокурор имеет вопросы?

Прокурор: По каким мотивам вы были арестованы?

Савинская: Я не знаю, за что была арестована.

Прокурор: Когда это было?

Савинская: 29 февраля 1944 года.

Прокурор: Сразу после ареста куда вас посадили?

Савинская: В немецкое СД.

Прокурор: На какой улице оно находилось?

Савинская: По улице Володарского.

Прокурор: Когда вас привезли в Тростенецкий лагерь?

Савинская: Нас посадили в тюрьму, оттуда перевезли в лагерь на Широкой улице, а из лагеря повезли на расстрел в Малый Тростенец.

Прокурор: Сколько дней вас продержали в Тростенецком лагере?

Савинская: Нас расстреливали в первый день пребывания. В лагере не держали.

Прокурор: Вас привезли в Малый Тростенец в лагерь и утром начали расстреливать?

Савинская: Нас в 4 часа вечера расстреливали.

Прокурор: Эти два человека, которым вы помогли выбраться из-под трупов, спаслись?

Савинская: Поскольку они плавать не умели, то немцы их догнали и закололи в речке, а я умела плавать, переплыла и убежала в лес.

Прокурор: Вы одни были задержаны?

Савинская: Нет, с мужем. Мужа расстреляли там же.

Прокурор: Вы никого из сидящих на скамье подсудимых не встречали в СД или в том случае, когда производился расстрел?

Савинская: Никого я не видела.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Адвокат Жудро: Скажите, пожалуйста, свидетельница, вы не можете сказать, кто был начальником полиции порядка 29 февраля 1944 года и в последующее время вашего содержания под стражей?

Савинская: Не помню.

Жудро: Второй вопрос. Я вас правильно понял, что 30 июля 1944 года вас повезли на расстрел?

Савинская: Да.

Жудро: По-моему, вы ошиблись, 3 июля 1944 года Минск уже был освобожден. Поэтому 30 июля вас не могли везти на расстрел Может быть 30 июня?

Савинская: Может быть я спутала, потому что я неграмотная.

Председатель: Нет больше вопросов?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы? — Нет.

Жудро: Разрешите один вопрос Герфу (обращаясь к Герфу): Скажите, Герф, в феврале 1944 года и в последующие месяцы 1944 года вы работали в Минске?

Герф: Нет.

Жудро: Больше вопросов нет.

Председатель: Подсудимый Гетерих, вы подтверждаете ваши показания, которые вы дали на предварительном следствии?

Гетерих: Да.

Председатель: Товарищ прокурор, вы имеете вопросы к подсудимому?

Прокурор: Да. Подсудимый, сначала коротко расскажите о себе. где и чем занимались до войны и до поступления в немецкую армию.

Гетерих: Я закончил во Франкфурте 8 классов народной школы и потом 4 года учился в профессиональной школе. Потом работал на заводе как чернорабочий. В 1940 году я участвовал в краже и поэтому отбыл заключение 4 недели. В 1941 году я поступил в католическую организацию.

Прокурор: Уточните, что это за организация.

Гетерих: Я там учился на столяра. (Смех в зале).

Прокурор: В какой краже вы участвовали и что украли?

Гетерих: Я украл шесть патронов у своего соседа, который в это время был в отпуску.

Прокурор: В какой гитлеровской организации вы состояли и когда вступили?

Гетерих: С февраля 1939 по 1941 год я состоял в гитлеровской молодежной организации под названием «Гитлерюгенд».

Прокурор: Какую работу вы вели, будучи членом этой организации?

Гетерих: Никакой. Я не интересовался этой работой.

Прокурор: Когда вы совершили кражу, вы состояли членом гитлеровской молодежной организации?

Гетерих: Да. (Смех в зале.)

Прокурор: Когда и где вы вступили в немецкую армию?

Гетерих: 10 сентября 1942 года в Саарбрюкене.

Прокурор: В каких частях немецкой армии вы служили?

Гетерих: Я служил в батальоне тяжелых пулеметов. Номер полка и дивизии я не знаю.

Прокурор: Что это был батальон особого назначения?

Гетерих: Нет.

Прокурор: Какие обязанности вы выполняли, как солдат этого батальона?

Гетерих: Меня обучали.

Прокурор: Когда и при каких обстоятельствах вы оказались на территории Белорусской республики?

Гетерих: 28 января 1943 года я прибыл в город Минск.

Прокурор: В составе своей части?

Гетерих: Нет, в составе 559 пехотного полка я прибыл в Минск.

Прокурор: Скажите, какие злодеяния вы совершили на территории Белорусской ССР?

Гетерих: Я участвовал с 28 по 31 января 1943 года в расстреле 10 000 человек. Это было в 3—4 километрах от Минского лагеря.

Прокурор: Расскажите подробно о расстреле 10 000 человек, в котором вы принимали участие в составе своей части.

Гетерих: 28 января 1943 года, когда я прибыл в Минск, нас собрал обер-лейтенант Пихтер, который сказал, что мы в Минске будем выполнять важное задание. Кто не выполнит этого задания, будет расстрелян своим офицером. О том, что мы будем производить расстрел, нам ничего не говорили. Также он не говорил, когда мы это задание будем выполнять.

Прокурор: Сколько дней вы проводили расстрелы и какое количество русских людей вами расстреляно?

Гетерих: Я считаю — 10000 человек.

Прокурор: Значит, 10000 советских граждан было расстреляно в течение 3 ночей вашим батальоном?

Гетерих: Да.

Прокурор: Признаете ли вы себя виновным в выполнении преступного приказа?

Гетерих: Да.

Прокурор: А сколько вы лично расстреляли?

Гетерих: Я этого сказать не могу, так как ночь была очень темная. Если я попал в цель, тогда я расстрелял 15 человек.

Прокурор: Нужно полагать, что вы цель хорошо видели и старались ее не упустить.

Гетерих: Из винтовок мы очень мало стреляли. Там был тяжелый пулемет—из него больше расстреляли.

Председатель: Как же вы расстреливали ночью. Ведь они могли убежать .

Гетерих: Не было освещения.

Председатель: Видимо вы целились и стреляли на выбор и в упор.

Гетерих: Я не старался попасть в цель.

Председатель: Не старались? Вы вверх стреляли?

Гетерих: Нет. Я не стрелял в определенного человека.

Председатель: В массу людей стреляли?

Гетерих: Я потому стрелял, чтобы контроль видел и сказал, что я также стрелял.

Председатель: Но куда же вы стреляли—в гущу людей или в воздух?

Гетерих: Я в воздух не стрелял. Я стрелял между людей для того, чтобы не попасть в кого-нибудь.

Председатель: Значит, вы ни в кого не попали, если вы между людей стреляли. Как же вы говорили, что расстреляли 15 человек.

Гетерих: Я уверен в том, что я никого не расстрелял.

Председатель: Вы говорили, что ночь темная была. Вы могли в кого-нибудь попасть?

Гетерих: Я не могу ничего точно сказать, так как поле не было видно.

Председатель: А как же вы могли подсчитать, что убили 15 человек?

Гетерих: Я сказал, что если бы попал в цель, я бы расстрелял за эти три ночи 15 человек, так как я сделал 15 выстрелов.

Прокурор: В числе расстрелянных находились мужчины, женщины, дети, военнопленные и гражданское население?

Гетерих: Детей не было, были военнопленные, женщины и несовершеннолетние.

Прокурор: Ваш командир обер-лейтенант не говорил, что это за важное задание вам придется выполнять? А после первой ночи расстрела, в которую было расстреляно 500 человек, вам ясно стало, что это за важное задание? Как вы смотрите на это?

Гетерих: Я смотрю на это, как на очень большое злодеяние.

Прокурор: И не поэтому ли вы начали стрелять «среди людей»?

Гетерих: По своему характеру я вообще не мог стрелять в невинных военнопленных и гражданских.

Прокурор: Наивно получается. «Гитлер-югенд» вас иначе воспитывал.

Гетерих: Меня вообще гитлеровская молодежь не интересовала. Я должен был вступить в эту организацию.

Председатель: Почему вы должны были вступить в организацию «Гитлер-югенд»?

Гетерих: В 1939 году те, которые не состояли в гитлеровской молодежной организации, не получали работу. У меня была старая мать, отец-инвалид, 5 человек детей и я должен был работать. Поэтому я вступил в гитлеровскую молодежную организацию.

Председатель: А иначе нельзя было получить работу?

Гетерих: Нет.

Прокурор Полехин: Вы сейчас суду показали, что пулю глазами не увидишь, поэтому вы не знаете, кого расстреливали. Но за что вы их расстреляли?

Гетерих: От унтер-офицера мне стало известно, что все они были заподозрены в связях с партизанами. Они также мучили немецких солдат, сжигали их, так же мучили, как и СД мучило советское население.

Полехин: Значит, женщины и дети мучили немецких солдат?

Гетерих: Да, в таком духе нам рассказали об этих людях.

Полехин: После 3-дневного пребывания в Минске куда вы направились в составе своей части?

Гетерих: Я уехал в какой-то маленький городок, названия которого не знаю.

Полехин: Расскажите о преступлениях, которые вы совершили в районе Льгова.

Гетерих: 21 февраля 1943 года я прибыл в Льгов. 22 февраля батальон был разделен. Было собрано население одной деревни, и офицер отделил мужчин от женщин. Офицер дал приказ фельдфебелю Франку произвести расстрел этих мужчин. Они в количестве 100 человек были вывезены за деревню и двумя группами расстреляны.

Полехин: Какое количество было расстреляно?

Гетерих: 100 человек.

Во время расстрела женщин, детей и стариков согнали в два дома и закрыли там. Я получил приказ вернуться к пулемету, и не знаю, были они расстреляны или нет, но считаю, что они были расстреляны, как и мужчины.

Полехин: Это происходило в какой деревне и как далеко от линии фронта?

Гетерих: Название деревни я не могу сказать, но в 20 или 25 километрах от Льгова и 3 километрах от линии фронта.

Полехин: Сколько было расстреляно в этой деревне?

Гетерих: Насколько я видел и участвовал в этом, — 100 человек в двух группах. Что случилось с остальными, я не знаю.

Полехин: А с имуществом этого населения что сделали?

Гетерих: Мелкий и крупный скот был угнан из деревни.

Прокурор: На предварительном следствии вы говорили о расстреле 500 человек, которых вы собрали в деревне и согнали, как вы выразились, в кучу, а потом расстреляли.

Гетерих: Да, это правильно. Но из этих 500 не все были расстреляны. Только группа в 100 человек по приказу фельдфебеля Франка была расстреляна.

Прокурор: Вы подтверждаете расстрел 500 человек?

Гетерих: Нет, 100 человек.

Прокурор: На предварительном следствии вы говорили: «в деревне в 25 километрах от Льгова нами было расстреляно около 500 мужчин, женщин и детей. В этой операции я участвовал в сборе населения на площадь, а когда население было согнано в одно место, женщин и детей загнали в помещение. Мужчин мы отвели за деревню и здесь же расстреляли. Женщин и детей расстреляли другие солдаты нашей роты». Подтверждаете вы свои показания?

Гетерих: Да.

Прокурор: За что это население было расстреляно?

Гетерих: По приказу обер-лейтенанта Пихтера, потому что они были связаны с партизанами, во-первых, а во-вторых, потому что Красная Армия наступала, а они могли стрелять по нас.

Прокурор: Значит, на вашу долю, как члена гитлеровской молодежной организации, выпала расправа с мирным населением?

Гетерих: Нет, это не было мое задание.

Прокурор: Не было задания, но фактически вы этим занимались.

Гетерих: По приказу обер-лейтенанта Пихтера я должен был это выполнить.

Прокурор: В боях с Красной Армией участвовали?

Гетерих: Нет, я только 4 дня был на фронте.

Прокурор: В боях с партизанами участвовали?

Гетерих: Нет.

Прокурор: Значит, когда настало время удирать от Красной Армии и для того, чтобы обезопасить свое бегство, вы чинили расправу над мирным населением, потому что боялись, чтобы вам не стреляли в спину.

Гетерих: Нет. Я не боялся. Обер-лейтенаит Пихтер боялся.

Прокурор: А если вы не боялись, почему вы приказ выполняли?

Гетерих: Если бы я не выполнил этот приказ, меня бы расстреляли и в газетах в Германии писали бы, что я враг своего народа, а от этого могла пострадать моя семья.

Прокурор: Вы решили доказать обратное?

Гетерих: Я боялся за судьбу моего отца, который находился год в концеитрационных лагерях в Дахау, потому что он выступил против фашизма. Я боялся, чтобы моя судьба не была такой же, если я откажусь выполнить приказ.

Прокурор: Признаете ли вы приказы, которые выполняли на нашей территории, преступными?

Гетерих: Да.

Прокурор: Признаете ли вы себя виновным в том, что выполняли эти приказы?

Гетерих: Да.

Председатель: Объявляется перерыв до 23 января, 11 часов утра.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 23 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Купрейчик.

Комеидант: Свидетель Купрейчик прибыл.

Председатель: Купрейчик Константин Петрович, 1901 года рождения, уроженец дер. Мосюковщина, беспартийный, работаете в колхозе в качестве бригадира?

Купрейчик: Да.

Председатель: Свидетель Купрейчик, Военный Трибунал вызвал вас в качестве свидетеля, нужно показывать только правду. За дачу ложных показаний вы будете привлечены к уголовной ответственности по ст. 136 УК БССР.

Расскажите, что вам известно по делу?

Купрейчик: В 1943 году в конце января в военный городок, возле Мосюковщины, где был лагерь военнопленных, прибыл эшелон с немецкими солдатами, и с этого дня начались зверства. Немцы выводили военнопленных из лагеря, а также доставляли гражданское население и расстреливали. Расстрелы

продолжались 4 или 5 дней. Была слышна стрельба, плач и стоны расстреливаемых. Потом к нам в деревню приехали сотрудники СД, брали у нас бревна и сжигали трупы. Огонь, в котором сжигали трупы, горел беспрерывно. От дыма и запаха горящих трупов, который проникал в деревню, дышать было совершенно нельзя. За время оккупации немцы очень много людей побили из нашей деревни. Кроме того, немцы возле нашей деревни расстреляли много других людей, они привозили их машинами и расстреливали. Я лично все это видел.

Нашего соседа ранили, он упал в яму, а после выполз оттуда и вернулся к нам в деревню.

Председатель: Лиц какой национальности расстреливали немцы?

Купрейчик: Немцы с национальностью не считались. Они расстреливали русских и евреев, детей и стариков, расстреливали всех, кто попадался им под руку.

Председатель: А бревна привозили для какой цели?

Купрейчик: Они свозили трупы, обливали их бензином и наваливали бревна, чтобы трупы сгорели скорее.

Председатель: Прокурор имеет вопросы?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Адвокат Бедросов: Скажите, после проведенных расстрелов, названный вами лагерь был закрыт?

Купрейчик: Он не был закрыт, пока не пришла Красная Армия.

Бедросов: Когда происходили расстрелы?

Купрейчик: Расстрелы происходили беспрерывно с 1941 по 1943 год.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы к свидетелю?

Ответ: Нет вопросов.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Малькевич Адама Феликсовича.

Комендант: Свидетель Малькевич прибыл.

Председатель: Адам Феликсович Малькевич, 1911 года рождения, работаете в совхозе «Вишневка», беспартийный?

Малькевич: Да.

Председатель: Вас, свидетель Малькевич, Военный Трибунал уже предупредил о даче правильных показаний.

Расскажите, что вам известно по делу.

Малькевич: В январе 1943 года немецкие захватчики несколько дней гнали из гор. Минска в лагерь Масюковщина советских граждан. Гнали их, обычно, под вечер, группами 100 человек и больше, с детьми. Разрешали им брать с собой свои более ценные вещи, обещали, что будут их вывозить

в лагерь в Германию. В тот же день, под вечер, все они расстреливались вблизи дер. Мосюковщина.

Нам были слышны крики маленьких детишек, а также взрослых. Расстрелы длились приблизительно 4 или 5 дней подряд.

После этих расстрелов приезжало гестапо в ближайшие населенные пункты, разбирало постройки, а также сухой материал для сожжения трупов убитых.

Председатель: Сколько там, по вашим подсчетам, расстреляно людей?

Малькевич: Тысячи людей. В один только день я видел,— партий десять прошло, в каждой было по сто и больше человек.

Председатель: Прокурор имеет вопросы?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы?

Ответ: Нет.

Председатель: Подсудимый Гетерих, вы подтверждаете данные вами показания на предварительном следствии?

Гетерих: Да, подтверждаю.

Председатель: Адвокат Петренко, можете задавать вопросы подсудимому Гетерих.

Петренко: Сколько вам лет?

Гетерих: 21 год.

Петренко: Действительно ли вы на территории Советского Союза, до дня пленения, находились всего лишь 28 суток?

Гетерих: Да, только 28 дней.

Петренко: Какие обязанности как член организации «Гитлер-югенд» вы выполняли?

Гетерих: Никаких обязанностей я не имел. Часто вечерами были политические занятия, на которых нам рассказывали о Советском Союзе.

Петренко: А кто знакомил вас с партийной программой?

Гетерих: Учитель нашей деревни.

Петренко: Книгу Гитлера «Майн кампф» вы читали?

Гетерих: Нет, не читал.

Петренко: Кто были ваши родители?

Гетерих: Мой отец был маляром.

Петренко: Когда вы принимали участие в расстрелах со своим батальоном, то весь батальон принимал участие в этом злодеянии или роты выделяли определенное количество людей?

Гетерих: Весь батальон принимал участие в расстрелах.

Председатель: Прокурор имеет вопросы?

Прокурор: Да. На вопросы защитника вы ответили, что в

школе вас учитель знакомил с программой. Скажите, что это за программа?

Гетерих: Я не могу точно сказать, ибо не помню.

Прокурор: На занятиях, которые проводились в «Гитлерюгенд» у вас воспитывали стремление истребить народы Советского Союза с тем, чтобы получить «жизненное пространство» для Германии. Это правильно?

Гетерих: Это точно.

Прокурор: Говорилось, что нужно стереть понятие «Советский Союз»?

Гетерих: Так точно.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Кто-либо из подсудимых имеет вопросы?

Ответ: Нет.

Председатель: Подсудимый Роденбуш, показания, которые вы дали на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Роденбуш: Да, подтверждаю.

Прокурор Полехин: Скажите, подсудимый Роденбуш, чем вы занимались до призыва в немецкую армию?

Роденбуш: До призыва в армию я работал по своей специальности пекарем.

Полехин: За что судились?

Роденбуш: Я судился военным судом 36-й дивизии за то, что без разрешения ушел из своей части.

Полехин: Когда были призваны второй раз в армию?

Роденбуш: 10 сентября 1942 года.

Полехин: Когда вы приехали на территорию Белоруссии?

Роденбуш: Маршевый батальон, в котором я находился, прибыл в Осиповичи 7 октября 1942 года.

Полехин: Скажите, чем занимался учебный полк, находясь в Осиповичах?

Роденбуш: Большую часть времени мы занимались обучением, так как мы скоро должны были пойти на фронт.

Полехин: А еще чем?

Роденбуш: 14 дней охраияли железную дорогу в радиусе 8 километров от железнодорожной станции Осиповичи. 29 декабря 1942 года наша рота вышла на борьбу против партизан.

Полехин: Теперь расскажите суду о тех операциях против партизан, в которых вы принимали участие.

Роденбуш: 29 декабря 1942 года, вечером, в одной деревне мы начали операцию. В этой деревне никаких партизан не было. Жители этой деревни предоставили нам теплые помещения, накормили, и нас очень удивило, когда командир роты приказал нам после этого деревню сжечь, а жителей арестовать. Арестовали тогда человек 50.

Полехин: За хороший прием вы сожгли деревню и увели арестованных жителей?

Роденбуш: Нам так было приказано командиром роты, и мы это сделали.

Полехин: Это по-немецки называется «благодарность»?

Роденбуш: Примерно так. (Шум в зале).

Полехин: Что дальше было?

Роденбуш: После этого мы пошли к другой деревне, расположенной, примерно в 11 или 10 километрах от первой. Когда мы приближались к этой деревне, нас обстреляли винтовочным огнем. Командир роты приказал занять нам деревню и всех, кто будет сопротивляться, или спасаться бегством,— расстреливать.

Полехин: Сколько вы расстреляли? Среди расстрелянных были женщины и дети?

Роденбуш: Мы расстреляли, примерно, 70 человек, среди которых были женщины, старики и дети, а деревня была нами сожжена.

Полехин: Скот из уничтоженных деревень вы угнали?

Роденбуш: В первой деревне нами было взято 15 голов скота, а во второй—10 голов.

Полехин: Дальше что было?

Роденбуш: После этого мы пошли к третьей деревне. Партизан мы там не нашли, но независимо от этого мы и эту деревню сожгли и расстреляли 50 человек жителей, в том числе женщин и детей. На следующий день мы пришли к четвертой деревне, где провели такую же операцию, как и в предыдущих деревнях. В этой операции было уничтожено 100 мирных жителей. Деревня была сожжена, а 80 человек было арестовано, которых мы погнали с собой.

Уничтожив все эти деревни, мы пошли по направлению к Осиповичи и по пути прочесывали леса от партизан.

Полехин: Сколько в этой карательной экспедиции лично вами сожжено домов и сколько расстреляно мирных жителей?

Роденбуш: В этой операции я сжег 15 домов и расстрелял 8 человек, из них две жинщины.

Полехин: После Осипович, где ещё вы были?

Роденбуш: В конце августа 1943 года мы были погружены на автомашины и отправлены в направлении города Киева. Примерно в 150 километрах южнее Рославля одна машина попала на мину и была подорвана со всеми в ней сидящими; в 600 метрах от этого места находилась деревня, в которой по приказу было расстреляно около 150 человек и 100 дворов было сожжено.

Полехин: Вы лично сколько расстреляли?

Роденбуш: В этой деревне я расстрелял 4 мужчин, 2 женщин и 3 детей.

Полехин: Почему вы сжигали населенные пункты и расстреливали мирных жителей?

Роденбуш: Мирное население расстреливалось потому, что в деревнях были партизаны. Расстрелы и сожжения производились по приказам вышестоящих начальников.

Полехин: Я напомню вам ваши показания на предварительном следствии. Вы говорили: «Причинами уничтожения населенных пунктов были: во-первых, исполнение приказов командиров, во-вторых, данные мероприятия проводились как профилактические по ликвидации баз партизан». Так это?

Роденбуш: Деревни сжигались, например, в районе города Осиповичи для того, чтобы лишить партизан местожительства, чтобы они не имели места, где остановиться.

Полехин: Независимо от того, были там партизаны или нет?

Роденбуш: Да, конечно. Особенно это касается первой деревни, в которой партизан не было, однако приказ командиром был отдан.

Полехин: Признаете ли вы себя виновным во всех тех злодеяниях, которые вы чинили на территории Белоруссии?

Роденбуш: Да, я признаю себя в этом виновным. Однако большая часть вины лежит на присутствующих здесь в качестве подсудимых генералов германской армии, которые могли многое изменить, если бы они этого захотели. Но они, чтобы получить себе рыцарские кресты, всеми мерами стремились выполнить приказы, полученные сверху, толкая нас, солдат, на эти преступления.

Они виновны в том, что много тысяч мирных советских людей было уничтожено. Это все, что я хотел сказать.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Адвокат Татаринцев: Вы сказали, что вы работали пекарем. Скажите, кто был ваш отец?

Роденбуш: Мой отец был шахтером.

Татаринцев: В каком году вы судились за самовольную отлучку из воинской части и к чему были приговорены судом?

Роденбуш: 16 декабря 1938 года был приговорен к 10 месяцам тюрьмы и отбыл это наказание.

Татаринцев: Кто из ваших близких родственников был репрессирован гитлеровским правительством, осужден, заключен в тюрьму, в лагери?

Роденбуш: Мой тесть в 1941 году был арестован гестапо и заключен в концлагерь Дахау и после этого оттуда не вернулся.

До 1935 года он состоял членом Коммунистической партии Германии. Когда в 1941 году он проговорился о том, что он не хотел этой войны и не желает ее, сосед по квартире донес гестапо, после этого тесть был арестован.

Татаринцев: Когда вы вторично были призваны в армию?

Роденбуш: 10 сентября 1942 года.

Татаринцев: Куда, в какую часть вы были призваны?

Роденбуш: Полевой запасной батальон № 125, располагавшийся в гор. Саарбрюккене.

Татаринцев: Трудовую повинность вы отбывали?

Роденбуш: Да, в Гамбурге на одном из оборонных предприятий.

Татаринцев: На предварительном следствии о всех своих преступлениях вы сами рассказали?

Роденбуш: Да, у меня эти преступления лежали на душе, и я все рассказал.

Татаринцев: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Подсудимые не имеют вопросов к Роденбушу?

Ответ: Нет.

Председатель: Подсудимый Фишер. Свои показания, которые вы дали на предварительном следствии, вы подтверждаете.

Фишер: Да, подтверждаю.

Прокурор Полехин: С какого времени вы состоите на службе в германской армии?

Фишер: 30 октября 1940 года я вступил в германскую армию добровольно, после занятия немцами Чехословакии, а затем поступил в войска СС.

Полехин: Когда вы служили в 5-м полку СС «Мертвая голова»?

Фишер: С декабря 1940 года.

Полехин: Почему вы избрали добровольную службу в СС, а не в других войсках?

Фишер: В армии велась пропаганда о том, что в войсках СС было очень хорошо.

Полехин: Когда вы оказались на территории Белоруссии?

Фишер: 5-й полк СС «Мертвая голова» в июле—августе 1941 года в Восточной Пруссии был распущен. Взвод связи этого полка был придан 8-й кавалерийской дивизии СС, которая находилась в городе Бобруйске. В этой дивизии я служил до пленения — 12 февраля 1945 года.

Полехин: Расскажите, чем занималась дивизия, когда она стояла в районе Бобруйска?

Фишер: Дивизия была предназначена для борьбы с партизанами, а также для борьбы против Красной Армии на фронте.

Прокурор: Как вы вели борьбу против партизан?

Фишер: О борьбе против партизан я ничего не могу сказать, поскольку я в ней ие принимал участия.

Полехин: На предварительном следствии вы показывали: «В декабре 1941 года дивизия поднялась по тревоге на карательную экспедицию, примерио, в 2 часа и вернулась с операции в 12 часов».

Фишер: Да, действительно это было. Дивизия была под-

нята по тревоге «в ружье», но это было сделано не для борьбы с партизанами, а это была акция против еврейского населения.

Полехин: Расскажите об этом.

Фишер: В Бобруйске, во вторую ночь моего пребывания в дивизии, примерно в 2—3 часа, мы были подняты по тревоге «в ружье». Я в это время находился при обозе, который состоял всего из 5 человек.

Все поднятые по тревоге получили приказ как следует вооружиться и приготовиться.

После приготовлений они поехали в гор. Бобруйск. Сам я участия в этой операции не принимал и о ней я не могу ничего рассказать.

Полехин: Что вы слышали о ней?

Фишер: Мне рассказывали, что еврейское население солдаты выгнали из домов в том, в чем они спали. Все евреи были погружены в автомашины и вывезены на аэродром. Там уже были приготовлены рвы для расстрела. В расстреле еврейского населения принимали также участие летчики, находившиеся в это время на аэродроме.

Полехин: За что вами была расстреляна советская девушка 19 лет?

Фишер: Не помню, очевидно за то, что она была еврейка?

Полехин: Вы расстреляли 9 советских граждан. Считаете ли вы себя в этом виновным?

Фишер: Да, я это считаю преступлением и признаю себя виновным, но я выполнил приказ.

Полехин: Сколько в числе расстрелянных было детей и какого возраста?

Фишер: Детей было четверо в возрасте от 3 до 10 лет.

Полехин: Подсудимый Фишер, расскажите суду, при каких обстоятельствах был расстрелян гражданин по дороге Великие Луки—Торопец?

Фишер: Дивизия, в которой я служил, в 1941 году вышла из Витебска через Великие Луки на Торопец. Я в это время ехал на мотоцикле. Не доезжая 40 километров до Великих Лук, мой мотоцикл испортился. Я вынужден был 3 дня оставаться в Великих Луках. Из Великих Лук на Торопец я ехал один. На пути находился большой лес, в котором было много партизан. Меня часто предупреждали об опасности. Возле леса я был обстрелян. Я остановил мотоцикл и сам спрятался в канаве возле дороги. С правой стороны дороги из лесу вышел человек. В руках он держал пистолет. Я открыл по нему огонь. После 8—9 выстрелов я попал в него.

Полехин: Гражданин, которого вы встретили, в вас стрелял?

Фишер: Я предполагаю, что он по мне стрелял, но точно не могу сказать.

Прокурор: На каком расстоянии от себя вы убили его?

Фишер: Примерно, 80—100 метров.

Прокурор: И на этом расстоянии вы попали в цель только после 9 выстрелов?

Фишер: Я был очень нервным в это время.

Прокурор: С перепугу?

Фишер: Да, с перепугу. (Смех в зале.)

Председатель: Адвокат Татаринцев имеет вопросы?

Татаринцев: Вы сказали, что были шофером. Какие еще обязанности вы выполняли на фронте?

Фишер: Я работал еще парикмахером, работал у зубного врача как ассистент и, кроме того, был радистом.

Татаринцев: А денщиком у командира батальона вы были?

Фишер: Да, был.

Татаринцев: Вы на предварительном следствии и сейчас отрицаете свое участие в карательных экспедициях. Может потому вы и не участвовали в карательных экспедициях, что выполняли перечисленные вами должности?

Фишер: Да.

Татаринцев: Перед расстрелом группы евреев в районе Речицы кто вам сказал, что они именно евреи?

Фишер: Один пожилой гражданин из группы задержанных.

Татаринцев: Когда произошло убийство девушки?

Фишер: Девушку я расстрелял в октябре 1941 года.

Татаринцев: Сколько вам было лет в это время?

Фишер: 18 лет.

Татаринцев: Кто был ваш отец?

Фишер: Рабочий на табачной фабрике.

Татаринцев: Вы до войны парикмахером работали или нет?

Фишер: Да, работал.

Председатель: Кто еще из защиты имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Из подсудимых кто-либо имеет вопросы к Фишеру?

Ответ: Нет.

Председатель: Подсудимый Бурхард, свои показания, которые вы дали на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Бурхард: Да, подтверждаю.

Председатель: На каком языке вы хотите давать свои показания?

Бурхард: Я желаю свои показания давать на русском языке.

Председатель: Давайте показания.

Бурхард: Я родился в 1907 году в гор. Риге, которая в то

время принадлежала Российской империи. Отец—врач, мать—из зажиточной купеческой семьи. В гор. Риге я окончил в 1925 году школу, а затем посещал юридический факультет Латвийского университета, который окончил в 1930 году. После идет военная служба в Латвийской армии, а затем работа в окружном мировом суде в гор. Рига и других городах.

Это продолжалось до 1939 года. В 1939 году последовал призыв Гитлера ко всем немцам прибалтийских республик, в котором он призывал нас переселиться в Германию. Это было после окончания похода в Польшу.

Все мои родственники и большинство знакомых немцев решили переселиться из Латвии в Германию.

Переселившись в Германию, я некоторое время оставался в Померании, а потом был отправлен, как большинство переселенцев-немцев Прибалтики, в Познанскую губернию, которая после похода против Польши была включена в состав Германской империи. В гор. Зантер (30 километров от Познани) я стал работать мировым судьей.

Проживая на территории Польши, я ознакомился с практической стороной гитлеровской политики, направленной против поляков. Вся польская интеллигенция вывозилась из генерал-губернаторства. Оставались только чернорабочие, которые использовались как рабочая сила, а точнее сказать — как рабы.

Выселенные насильственным путем поляки были вынуждены всю обстановку в квартирах оставить. Все это раздавалось переселенцам-немцам. Я лично получил квартиру с обстановкой за которую уплатил ничтожную сумму в германскую кассу.

С оставшимися в пределах Познанской губернии поляками обходились жестоко. Я помню случай, когда было приказано организациям СА и СС всех поляков, которые не приветствуют немцев, одетых в форму СА или СС,—избивать резиновыми палками.

В декабре 1940 года я вступил в национал-социалистскую партию Германии.

25 августа 1941 года я был призван в германскую армию и направлен в Берлин в роту переводчиков, а оттуда в группе 19 переводчиков был направлен на оккупированную территорию Советского Союза.

Мы прибыли в шатб главного командования тыловой области среднего сектора фронта, откуда я был направлен в гор. Бобруйск в штаб дивизии, где меня определили в 274-ю местную комендатуру.

Вначале я был рядовым, а затем зондерфюрером. Комен-

датура 1/274 в то время находилась в гор. Чечерске, Гомельской области.

В Чечерске в то время, когда я прибыл, существовало гетто. В этом гетто было заключено около 200 евреев—мужчины, женщины, старики и дети разных возрастов. Пищи они совершенно не получали, а питались теми съестными припасами, которые они могли при аресте захватить с собой.

Все эти евреи впоследствии двумя партиями были расстреляны. Комендант Боксберг говорил, что на основании приказа всех евреев надо уничтожить и так как вопрос с питанием каждый день становится все острее и острее, то лучше с ними покончить быстрее.

Как мне рассказал другой переводчик Вейбер, после моего выезда из Чечерска в противотанковом рву на окраине города были расстреляны евреи в количестве 200 человек. Этот расстрел был также произведен жандармерией местной комендатуры с помощью полиции.

Кроме того, в городе Чечерске была задержана группа кочующих цыган. Они также были расстреляны. Эта группа состояла, примерно, из 60—70 человек.

В Чечерске были также отдельные случаи расстрела русских граждан, подозреваемых в связи с партизанами или в том, что они сами были партизанами. Расстрелы производились во дворе суда в городе и в жандармерии. Людей заставляли самим себе рыть могилу.

После Чечерска я был в местечке Корма. Здесь по приказу коменданта было организовано маленькое отделение комендатуры и существовало гетто, в котором содержалось около 150 евреев. В Корме евреи жили также очень плохо. Жандармы и полицейские на допросах издевались над советскими гражданами, заподозренными в связях с партизанами. Было 10 случаев, 8 из которых кончились тем, что комендант этих граждан приговаривал к смертной казни и вблизи комендатуры их расстреливали.

В начале октября наша комендатура получила приказ переехать в город Рогачев.

В Рогачеве мы приняли гетто в количестве 800 человек евреев. При комендатуре был также маленький лагерь военнопленных.

В комендатуре содержались люди, заподозренные в связи с партизанами, захваченные жандармерией. Их допрашивал сам комендант, потом без всякого суда своей властью приговаривал их к смертной казни без всяких протоколов. Достаточно было одного свидетеля для того, чтобы доказать виновность человека.

Я могу припомнить случай. Поймали одного подростка без всяких документов. Он дал очень путанные показания, его сей-

час же комендант счел партизанским разведчиком и велел расстрелять.

В начале ноября 1941 года, если не ошибаюсь, в Рогачев прибыла специальная команда СС или СД. Начальник этой команды явился к Боксбергу. Я узнал, что он имеет поручение уничтожить всех евреев, находившихся в гетто.

После обеда, на котором все изрядно выпили; эсэсовцы ринулись в гетто, чтобы изъять у евреев все ценности. Я сказал, что также буду вместе с командой СС участвовать в расстрелах. Всех евреев группами загоняли в две комнаты, раздевали, обыскивали и при этом избивали палками и плетками. В средней комнате несколько эсэсовцев обыскивали евреев и бросали в бочку все найденные ценности: золото, серебро и деньги. Я лично также принимал в этом участие и не только в обысках, но и в избиениях.

Всех евреев, прошедших обыск, загнали в подвал большого каменного здания, и здесь им пришлось провести ночь до следующего утра, когда был произведен расстрел.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 23 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: Подсудимый Бурхард, продолжайте ваши показания.

Бурхард: Из Рогачева наша местная комендатура прибыла в гор. Бобруйск 21 ноября 1941 года и проработала здесь до самого разгрома немецких армий, т. е. до 28 июня 1944 года,— более чем два с половиной года.

В конце марта 1942 года я был назначен зондерфюрером в чине лейтенанта. Тогда я стал начальником так называемого отдела переводчиков, в котором работали еще три зондерфюрера в чине лейтенанта и несколько женщин.

Во время моей работы я доложил коменданту приблизительно около двух тысяч полицейских и судебных дел. Докладывал коменданту о затребованиях и разных просьбах местного управления, характерно было то, что немецкое командование редко удовлетворяло эти просьбы.

Кроме частных просьб и жалоб я рассматривал судебные и полицейские дела. Приговоры суда, созданного немецкими властями, подлежали утверждению местных комендантов. Полицейские дела являлись, если так можно выразиться, материалами предварительного следствия, но для сокращения работы дела эти не передавались в суд, а непосредственно поступали к коменданту, который и выносил свое заключение. Это, конечно, не соответствует правилам объективного правосудия, но так практиковалось почти все время. По этим делам в случае, когда граждане осуждались, они попадали в трудлагерь. Этот трудлагерь был создан по высшему приказу

местным комендантом. Режим в этом трудлагере, как вообще в таких местах заключения, был весьма жестоким. Организован он был по приказу местного коменданта начальником полиции и поддерживался полицейскими. За время существования лагеря, т. е. на протяжении более двух лет, через него прошло около 4000 граждан. В нем в среднем содержалось одновременно от 100 до 800 человек. В особенности в первый год оккупации в лагере была очень большая скученность. В помещении, в котором можно было разместить сотню людей содержалось около 300 человек.

Питание в лагере было совершенно неудовлетворительным: выдавалось 200, а иногда 100 граммов хлеба в сутки, и этот хлеб воровали полицейские. Кроме того, выдавали один раз в сутки жидкий суп, похожий на помои.

За время существования лагеря в нем умерло от голода около 100 граждан.

Я уже упомянул о бесчинствах полицейских, которые не выдавали хлеба, избивали заключенных в трудлагерях, на работах. Имел место ряд случаев убийства заключенных. Я вспоминаю один случай—вечером мне доложили, что вернулось с работ на два человека меньше, чем выслали утром. По этому вопросу мы получили рапорт от этой части, где производились работы, что два заключенных пытались бежать и за это расстреляны. Знаю, что выражение «расстрелян при попытке к бегству» часто употреблялось при объяснениях расстрела заключенных и в этих случаях, вовсе не было никакой попытки к побегу, а люди были умышленно уничтожены.

Из этого лагеря людн направлялись также на каторжные работы в Германию.

Всего было отправлено около 25 000 человек.

Помимо трудлагеря местной комендатуры и лагеря эвакуированных в Бобруйске было также большое количество заключенных. Был концлагерь СД, тюрьмы СД. По Семеновской улице были стационарные военные тюрьмы, в которых впоследствии СД организовало места для заключенных. Существовала городская тюрьма, которая подчинялась местной комендатуре, где содержались большей частью следственные заключенные, а именно: следственные ГФП, СД, «АБВЕР» (контрразведка). Кроме того, еще была камера предварительного заключения полиции и ГФП.

Кроме направления советских граждан на работы в Германию, они направлялись и на работу в разные военные организации и части.

Дальше, я хочу остановиться на системе облав. Облавы, правда, больше проводились воинскими частями по приказу дивизии.

Из сожженных деревень население угонялось, главным образом, старики, женщины, также беременные женщины и маленькие дети. Прибывали они группами в 20, 30, 40 человек и больше. В одном случае, помню, было доставлено свыше ста человек.

Существовал секретный приказ командира дивизии о том, что местная комендатура должна принимать этих людей в трудовые лагери, хотя люди были нетрудоспособные. Также передавались нам органами СД и ГФП многие задержанные, которые были только заподозрены в связи с партизанами. Этих лиц передавали нам на содержание без срока, до окончания войны. Впоследствии их передали в концентрационный лагерь СД, который был создан позднее трудлагеря.

Я коснулся работы СД и концентрационного лагеря и хочу еще несколько слов здесь сказать про СД. Это совершенно правильно, что здесь говорил подсудимый бывший генерал Герф, что СД ни перед кем, кроме своего собственного начальства, не отчитывалось. Бывали часто случаи, что СД без ведома ортскомендатуры арестовывало сотрудника местного управления.

Методы СД не были общеизвестны. Хочу сказать об особо гнусном злодеянии, в котором я лично принимал участие. Это было, кажется, в начале июня 1942 года. Знакомый мне по работе сотрудник СД Мюллер спросил меня, как я поживаю. Я ему ответил—ничего, только туговато с продуктами для посылок домой. Мюллер мне ответил, что в воскресенье, когда я буду свободен, я могу вместе с ним поехать в район и там можно будет кое-что достать.

Утром в воскресенье я пошел в СД и вместе с Мюллером поехал на легковой машине в дер. Козуличи. За нами следовали в деревню Козуличи еще три грузовика, на которых были посажены эсэсовцы.

Деревня Козуличи, Кировского района, была оцеплена эсэсовцами, и население выгонялось из своих хат. Я в этом также принимал участие Таким образом все граждане были построены и, за исключением старосты и семей полицейских, вывозились на окраину деревни и загонялись на мельницу. После этого все жители деревни Козуличи были сожжены на мельнице. Пытавшихся бежать мы расстреливали на месте. Я видел, как эсэсовцы в горящую мельницу вталкивали или просто бросали детей и стариков.

После этого я с Мюллером вернулись в Бобруйск. Было забрано порядочное количество продуктов. Из них я получил около 2 килограммов сала и кусок свинины.

Далее я хочу сказать, что выселение советских граждан из их домов производилось сотрудником комендатуры капитаном Гетце,—подсудимым по настоящему делу.

Прибывающие в Бобруйск военные части размещались в домах по выбору Гетце. Гетце требовал выселяться немедленно.

Для выселенных советских граждан предоставлялись квартиры, совершенно неподходящие для жилья: без окон, без печей и т. д. фактически получалось такое положение, что люди вынуждены были освободить квартиру зимой и очутиться на улице.

Во многих случаях люди вынуждались оставлять свою обстановку на старых квартирах.

Прокурор Яченин: За что население деревни Козуличи было подвергнуто такому неслыханному по жестокости истреблению?

Бурхард: Мюллер мне об этом не говорил, но я понял, что это одна из обычных облав, которые проводились в целях устрашения против совершенно невинного населения.

Прокурор: Участие в сожжении деревни Козуличи вы принимали по собственному желанию?

Бурхард: Так точно.

Прокурор: Вы имеете высшее юридическое образование, скажите, как вы рассматриваете факт сожжения абсолютно ни в чем неповинных 300 мирных жителей?

Бурхард: Этот факт на меня больше всего давит, потому что сделал это я по собственной инициативе. Единственное, что я могу сказать в свое оправдание, это то, что я не знал, когда ехал, что эти люди будут таким зверским образом уничтожены.

Прокурор: Из ваших показаний следует, что вы за два куска сала, 4—5 кусков свинины и гуся приняли участие в сожжении заживо 300 человек невинных советских граждан. Так это?

Бурхард: Да, это так. Это жуткое дело. Вообще трудно найти какие-либо объяснения или оправдания. Я сознаю тяжесть своей вины, и мне жутко об этом вспомнить. Я раньше никому не говорил об этом и только на следствии рассказал всю правду.

Прокурор: Вы пробыли одну неделю в комендатуре местечка Корма и за это время успели принять участие в расстреле нескольких советских граждан?

Бурхард: Действительно было расстреляно 10 человек, но я присутствовал там, как переводчик.

Прокурор: В чем этих людей вы заподозрили?

Бурхард: Они подозревались в связях с партизанами. В некоторых случаях это было доказано, а в некоторых оставалось неустановленным.

Прокурор: В Рогачеве при расстреле 2 советских граждан вы принимали участие?

Бурхард: Я переводил при допросах все показания свидетелей, объяснения обвиняемого и вопросы коменданта, и в одном случае я пошел вместе с жандармами, которые производили расстрел, но личного участия в стрельбе я не принимал.

Прокурор: Расскажите о факте, когда по вашему докладу в СД было передано для физического уничтожения больше 100 нетрудоспособных граждан.

Бурхард: Этот случай был проведен не по моему докладу. Это было весной в мае 1944 года, когда я подчинялся Эльшлегеру. Он дал распоряжение, чтобы всех нетрудоспособных передать в СД, чтобы разгрузить лагерь.

Прокурор: В порядке «зондербехандлунг»,—это значит для уничтожения?

Бурхард: Да.

Прокурор: Вы сами передавали всех этих людей в СД?

Бурхард: Да.

Прокурор: И они все были расстреляны?

Бурхард: Это мне конкретно неизвестно, но не сомневаюсь, что это было сделано.

Прокурор: Вам было известно, что люди, которые посылаются в СД под таким шифром подлежат уничтожению?

Бурхард: Мне было также известно, что вряд ли кто из концлагеря СД выйдет живым.

Прокурор: Вы являлись постоянным докладчиком у коменданта по делам судебных органов и давали заключения?

Бурхард: Да, это я делал.

Прокурор: Что же комендант — ваше заключение только утверждал?

Бурхард: В большинстве случаев—да. В некоторых случаях, когда я не был совершенно тверд, какую назначить меру наказания, мы советовались с комендантом, но в большинстве случаев комендант утверждал мои заключения.

Прокурор: Вы показали, что вами было доложено коменданту около 2000 дел. Так это?

Бурхард: Очень трудно определить количество этих дел, указанная цифра мною названа ориентировочно. Это за весь период работы в Бобруйске. Главным образом эти дела я докладывал коменданту Молл и Груберу.

Прокурор: Назовите фамилии комендантов, утверждавших заключения по этим 2000 делам?

Бурхард: Около 400 заключений утвердил фон Боксберг, 800 дел майор Грубер и около 550 дел майор Молл.

Прокурор: Гетце, когда он замещал коменданта, утверждал дела?

Бурхард: Да, будучи заместителем коменданта, Гетце утверждал полицейские приговоры и приговоры суда.

Прокурор: Теперь скажите, вы являлись шефом в трудовом лагере?

Бурхард: Так точно.

Прокурор: Признаёте вы себя виновным за тот режим, который был в этом лагере?

Бурхард: Да, признаю.

Прокурор: Вы сказали, что через этот трудлагерь прошло свыше 4000 человек советских граждан.

Бурхард: Может быть даже немного больше.

Прокурор: Вы можете назвать людей, которые из числа этих 4000 человек погибли в лагере, в результате созданных для них невыносимых условий.

Бурхард: Я уже назвал около 100 человек и объяснил, что незначительное количество погибших объясняется непродолжительным сроком содержания в лагере. Условия же были таковы, что при более длительном содержании все люди должны были в нем погибнуть.

Прокурор: Какое количество людей из так называемого трудлагеря было отправлено в Германию за весь период его существования?

Бурхард: Из трудлагеря, а также и из лагеря эвакуированных отправлено около двух с половиной тысяч человек, но эта цифра не точная.

Прокурор: Название «лагерь эвакуированных»—это маскировка или название по существу?

Бурхард: Это отвечало существу дела. Уже в 1942 году привозили с востока эвакуированных из фронтовой полосы. После отбора трудоспособных эвакуированные вывозились дальше.

Прокурор: Из ваших показаний видно, что режим в лагере, за который вы несли персональную ответственность, превращал заключенных в нетрудоспособных?

Бурхард: Да. Но нужно сказать, что только известное количество, потому что было очень много заключенных, которые имели короткий срок, а также много заключенных из города Бобруйска и Бобруйского района, которые все же получали передачи от родственников.

Прокурор: У вас существовал порядок, в соответствии с которым заключенные с особой пометкой направлялись в СД для уничтожения?

Бурхард: Не всех направляли. Бывали случаи, когда часть заключенных по ходатайству освобождали. В этих случаях мы передавали заключенных в те органы, которые направляли этих людей в трудлагери, например СД, ГФП.

Прокурор: Какого числа комендатура переехала в Бобруйск?

Бурхард: 21 ноября 1941 года.

Прокурор: После переезда комендатуры в город Бобруйск вы были там переводчиком, а затем начальником трудлагеря и лагеря эвакуированных? Участвовали вы в вербовке агентуры для проведения шпионской работы?

Бурхард: У нас было завербовано 2 агента, один без моего участия, а второй был завербован адъютантом Шилингом, при моем участии.

Прокурор: Скажите, куда вы поехали после банкета у начальника полиции города Рогачева?

Бурхард: После окончания обеда я вместе с эсэсовцами пошли в гетто, которое находилось в большом каменном здании. Придя в гетто, мы стали выгонять его жителей, отбирать ценности, а затем все евреи в количестве около 1500 человек были расстреляны.

Прокурор: Куда девались отобранные ценности?

Бурхард: Это мне неизвестно. Я только видел большую бочку, которая была наполнена ценностями к концу операции. Я не заметил, взяли ли эсэсовцы с собой ценности, но мне было известно, что ценности обыкновенно отправлялись в Берлин. Мне известно также, что отдельные эсэсовцы обогащались за счет таких «операций».

Прокурор: Что вы лично получили после этой «операции»?

Бурхард: Я получил от коменданта одеяло.

Прокурор: Скажите, вы избивали граждан в случае их отказа выдать ценности?

Бурхард: Да.

Прокурор: Свое участие в расстрелах в городе Бобруйске вы отрицаете?

Бурхард: Да.

Прокурор: Эти расстрелы были произведены по приказу фон Готберга?

Бурхард: Так точно.

Прокурор: Сколько было расстреляно населения?

Бурхард: Было расстреляно около 200 человек. Расстрелы производились два раза. Первый раз были расстреляны нетрудоспособные, а второй раз—все трудоспособные.

Прокурор: Расскажите, как вы в Бобруйске вместе с Гетце выгоняли население из квартир?

Бурхард: Выселение я осуществлял по приказу Гетце. Полицейские выгоняли граждан из своих квартир, зачастую выбрасывая их на улицу вместе с мебелью.

Прокурор: Скажите, какое количество населения было выброшено на улицу?

Бурхард: Грубо ориентировочно около 10 000. Это лучше должен знать капитан Гетце, потому что он лично занимался этим делом. Всего было выселено 4 квартала.

Прокурор: При создании заградительной зоны вокруг Бобруйска вы принимали участие?

Бурхард: При создании этих зон я не принимал никакого участия. Об этом мероприятии Шлегер сообщил начальникам, а я перевел устно это сообщение.

Прокурор: Гетце все эти мероприятия проводил?

Бурхард: Я был только переводчиком, а мероприятие это проводили Гетце и три других офицера, назначенные им.

Председатель: Вы дали показания, по которым можно судить, что в Козуличи вы поехали только за продуктами и при уничтожении людей участвовали совершенно случайно.

Бурхард: Нет, я знал, что совершается облава.

Председатель: Вы сказали, что больше там вы ничего не делали, лишь только ходили с обнаженным пистолетом. В ваших показаниях на листе дела 101—105, том 10 вы несколько иначе сказали об этом. Вы говорили, что вы по своей собственной инициативе лиц, которые отказывались выходить из домов, лично вместе с солдатами СС избивали, а затем выталкивали на улицу. Так это было?

Бурхард: Так точно, но я сам личио жестоких избиеиий не допускал. Я только выталкивал. Может быть я и нанес несколько ударов. Это я не отрицаю.

Председатель: Вы были зондерфюрером Бобруйской комендатуры?

Бурхард: Да.

Председатель: Сколько случаев избиений было с вашей стороны?

Бурхард: Таких случаев было около 10, я или бил, или выталкивал людей на улицу.

Председатель: Скажите, во время вашей работы переводчиком, сколько в результате ваших переводов было расстреляно людей при вашем участии?

Бурхард: При моем участии, как переводчика, было расстреляно в Рогачеве 8 или 6 человек и в Корме около 10 человек.

Председатель: Кто по званию был Боксберг?

Бурхард: Он был ротмистр.

Председатель: Ротмистр спрашивал ваше заключение по этим делам?

Бурхард: Нет, не спрашивал, только в одном случае с подростком ротмистр сказал: «По-моему, он врет». Я сказал: «Да», «путает», «врет». Этот факт я не хочу назвать заключением по делу.

Председатель: Но это оценка показаний допрашиваемого?

Бурхард: Да, оценка, но я был переводчиком.

Председатель: Значит судьба этого человека решена по вашему переводу?

Бурхард: Это был мой перевод и в этой части я являюсь соучастником.

Председатель: В данном случае вы дали свою определенную оценку существа дела.

Бурхард: Да, я высказал свое впечатление о том, что задержанный путает.

Председатель: И в результате этого подросток был расстрелян?

Бурхард: Да, но я не знаю в результате ли моего заключения это было сделано.

Председатель: Скажите, Бурхард, председатель колхоза 70-летний старик расстрелян за то, что он грубо относился к кулакам в 1929 году во время раскулачивания?

Бурхард: Да. Полицейскнй рассказывал, что старик является ярым коммунистом и принимал участие при раскулачивании.

Председатель: Мастер Рогачевской картонажной фабрики также был расстрелян?

Бурхард: Да, нам донесли, что этот мастер ярый коммунист и ведет агитацию против немцев.

Председатель: По вашему заключению сколько было расстреляно людей?

Бурхард: Заключения я давал только в Бобруйске, а там политические дела передавались в СД и ГФП, а более серьезные дела, которые касались германской армии, шли через жандармерию.

Было только три случая, по которым комендант майор Грубер вынес решение о смертных приговорах.

Председатель: По вашему заключению это было сделано?

Бурхард: Нет. По одному делу он сам вел дополнительное следствие.

Председатель: По скольким делам вы выступали в качестве поддерживающего обвинение?

Бурхард: Официальных процессов с выступлением обвинителей и защитников не было, кроме одного случая. Это было дело жандармерии, там выступал как обвинитель лейтенант жандармерии Газе, а я был назначен защитником. Дело касалось одного полицейского, и смертный приговор, который поддерживал лейтенант Газе, не состоялся.

Прокурор: Скажите Бурхард, каким образом направлялись советские граждане в СД для истребления?

Бурхард: Приезжали машины СД и забирали их. Я при этом не присутствовал, а отдавал распоряжения начальнику трудлагеря, которому передавал списки лиц, намеченных к отправке. Большей частью этих людей забирали днем. Кроме

того, целый год, с 1942 по 1943 год, работу по трудлагерю фактически проводил зондерфюрер унтер-офицер Гейнце.

Прокурор: Вы предлагали коменданту освободиться от лиц, находящихся в лагерях, которые вас, в силу их не трудоспособности, обременяли?

Бурхард: Да, такие предложения с моей стороны были.

Прокурор: Вы писали препроводительные зашифрованного характера?

Бурхард: Да, я сам собственноручно на пишущей машинке писал эти шифрованные письма.

Прокурор: Вы помните свои показания, которые вы давали на предварительном следствии по этому вопросу?

Бурхард: Не совершенно точно, маленькое расхождение может быть.

Прокурор: Вам может быть зачитать их?

Бурхард: Пожалуйста.

Прокурор: Вы по этому вопросу показали следующее: «Мною, как руководителем трудлагеря докладывалось коменданту местной комендатуры Молла о том, что из числа содержащихся в трудлагерях советских граждан имеется категория лиц, обременяющих лагерь, как-то нетрудоспособные, больные, беременные женщины, старики и дети, которых необходимо направить в СД для уничтожения. После согласия Молла составлялись на указанную категорию лиц именные списки, и с утверждением последнего эти лица уже направлялись в СД для физического истребления. Предварительно Молл, а иногда и я, устно, по телефону, договаривались с СД о том, что партия в таком-то количестве советских граждан подготовлена для направления в их распоряжение и подлежит уничтожению. После этого в лагерь приезжали из СД машины и забирали этих людей.

Были и такие случаи, когда на отобранных советских граждан, подлежащих уничтожению, писалась лично мною препроводительная с именным списком за подписью коменданта местной комендатуры Молла, в которой указывалось, что данные лица направляются в СД в порядке «Зондербехандлунг», т. е. зашифрованно указывалось, что данные лица подлежат физическому уничтожению».

Эти показания вы подтверждаете?

Бурхард: Да, я это подтверждаю.

Прокурор: Выезжая в гетто вместе с эсэсовцами, прибывшими для расстрела заключенных в гетто, вы являлись у эсэсовцев представителем местной комендатуры?

Бурхард: Да.

Прокурор: Выселение по городу Бобруйску из 5-километровой зоны до 10 тысяч человек населения вы признаете преступлением?

Бурхард: В выселении по городу я признаю себя виновным и считаю это преступлением, потому что это выселение было таким, что назвать его иначе, как преступление, нельзя.

В выселении из 5-километровой полосы я не принимал никакого участия. В этом случае только перевел информацию районному начальнику.

Прокурор: Какая необходимость требовала выполнения такого преступного приказа, проведенного под руководством Гетце?

Бурхард: Осенью 1943 года в Бобруйск совершенно неожиданно прибыли немецкие части, которые было приказано разместить по квартирам, обеспечить помещением, Методы, которые мы применяли для этого, безусловно были преступными. Но если бы какой-либо офицер сделал бы заявление командованию 9-й армии, или кому-нибудь другому, как быть с населением, ему бы все равно приказали выбросить все население.

Прокурор: Вы с какого года член нацистской партии?

Бурхард: С 1940 года.

Прокурор: В начале заседания вы показали о том, что учились на подготовительных курсах, чтобы поступить в нацистскую партию.

Бурхард: Курсы эти были не обязательны.

Прокурор: Скажите, вы поступали в нацистскую партию после того, как прочли гитлеровскую книгу «Майн кампф» и приняли полностью взгляды, изложенные в ней?

Бурхард: В основном, да.

Прокурор: Если я вас правильно понял, вы полностью разделяли установки Гитлера по установлению так называемого «нового порядка» в Европе?

Бурхард: Да.

Член суда Сахаров: Скажите Бурхард, сколько раз вы участвовали в расстрелах в местечке Корма?

Бурхард: Я лично не стрелял, но я участвовал при допросах и, кажется, в 5 случаях—когда были расстрелы. Я был на месте расстрела в городе Рогачеве один раз и в Бобруйске при исполнении приговора один раз.

Сахаров: В чем выражалось ваше участие в расстреле 2 граждан по приказу полковника Надровского в конце августа или в начале сентября 1943 года?

Бурхард: Я в это время находился в Бобруйске. В расстреле участвовал только один раз, твердо не помню, в каком месяце это было, но мне кажется, что это было в то время, когда комендантом был майор Молл. В Бобруйске находились 2 полицейские, которые были осуждены на смертную казнь Военным судом. По приглашению Молла я участвовал в их расстреле.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Адвокат Петренко: Подсудимый Бурхард, когда вы проживали в Риге, ваши родители и окружающие вас не способствовали тому, чтобы вы стали демократически настроенным человеком?

Бурхард: Нет, я ведь выходец из буржуазной семьи и в доме моих родителей демократических взглядов не придерживались.

Петренко: Вы считаете себя политически грамотным?

Бурхард: Я считал и считаю себя грамотным.

Петренко: Скажите, когда вы стали понимать, что фашист—это человек, который покрывает себя позором?

Бурхард: Процесс этого осознания проходил у меня медленно. Началось это во время пребывания в Бобруйске и особенно сильно во время пленения. Но я считаю, что в настоящее время может быть я освободился от фашистской идеологии, но какие-то остатки еще имеются. Может быть в течение полгода я освобожусь совершенно. (Смех в зале.)

Председатель: У вас сложилось это мнение после того, когда немцы по всему фронту побежали?

Бурхард: Нет, у меня раньше появились сомнения, но повторяю—только сомнения.

Председатель: Вы говорили, что вы уже пришли к такому сомнению; а когда у вас был перелом—в конце 1944 года или после того, когда пленили вас?

Бурхард: Нет, все виденное, все факты злодеяний, которые совершались немецкими властями в России, на меня подействовали. После того в плену я узнал другие факты, о которых раньше не знал. Но я не хочу сказать, что я уже все знал и сразу отверг всё. Это не так.

Петренко: А когда вам стало понятно, что правовая жизнь Советского Союза построена на законе, в основе которого положена любовь к человеку.

Бурхард: Это мне стало известно и понятно, когда я уже находился, как следственный в тюрьме. Во время следствия я убедился на практике, как здесь ведется дело против таких обвиняемых, которыми мы являемся. Я убедился в правильности того, что вы сказали.

Адвокат Татаринцев: Вы сказали, что комендант Молл утвердил, примерно, 800 ваших заключений по уголовным делам, не скажете ли вы, какие были эти дела, о каких преступлениях?

Бурхард: Нужно сказать, что это число очень грубо ориентировочное, в основном по моей линии проходили дела только чисто уголовные. Политические дела проходили по линии жандармерии. Через меня проходили дела о воровстве, оскорблении или нарушении правил светомаскировки, хождение по улицам и т. д.

Адвокат Татаринцев: Вы сказали, что по этим делам не было вынесено ни одного смертного приговора. Какие же наказания главным образом назначались по этим делам?

Бурхард: Денежные штрафы и заключения в трудовые лагери на срок.

Татаринцев: На какие сроки?

Бурхард: Не больше одного года, по большинству несколько недель или несколько месяцев.

Татаринцев: Скажите, когда в Бобруйске майор Молл стал комендантом?

Бурхард: Твердо не помню, но это было кажется в 1943 году.

Татаринцев: Следовательно трудовой лагерь существовал с февраля 1942 года, т. е. более года до приезда Молла. Не можете ли вы сказать, с приездом Молла этот порядок изменился или нет?

Бурхард: Нет, в основном порядок и режим оставался таким, каким он был.

Татаринцев: Вы сказали, что идея отправки людей из трудлагеря в СД принадлежала вашему знакомому в СД Мюллеру.

Бурхард: Да.

Татаринцев: Скажите, когда началась эта отправка с пометкой «Зондербехандлунг»?

Бурхард: Это производилось при коменданте Грубен еще до Молла.

Татаринцев: Вы упоминали об одной такой отправке, примерно 100 человек, которая произошла в мае 1944 года. Скажите, лагерь тогда находился в ведении генерала Гамана?

Бурхард: Да, и я получил от Эльшленгера приказ об этом направлении.

Татаринцев: Значит это было без Молла?

Бурхард: Да, без Молла.

Адвокат Жудро: Как вы понимали и воспринимали те жестокости и зверства, которые осуществлялись на ваших глазах и при вашем участии, как произвол местных оккупационных властей или как выполнение соответствующих директив, идущих от гитлеровского правительства?

Бурхард: Без сомнения, как последнее.

Жудро: Вам лично были известны какие-либо приказы гитлеровского правительства и командования германских вооруженных сил относительно уничтожения советских людей, жестокого обращения с ними или таких письменных приказов и инструкций вы не читали?

Бурхард: Читал только приказы относительно уничтожения евреев и цыган, периодически издаваемые главнокомандующим тыла среднего фронта Шенкендорфом. Других при-

казов я не читал потому, что было строгое приказание их не показывать.

Адвокат Жудро: В чем заключалось содержание тех приказов, о которых вы знали, в частности приказа Шенкендорфа относительно уничтожения евреев и цыган?

Бурхард: В приказе было написано—всех евреев заключать в гетто и уничтожать, а имущество конфисковывать.

Адвокат Жудро: Вы здесь показывали уже Военному Трибуналу относительно того, что когда приехали из Прибалтики в Германию и стали подданным фашистского государства, вы встретились там с жестоким обращением немецких властей с польским населением, в частности в Познанской области, где вы проживали. Скажите, наблюдали вы тогда жестокое обращение германских властей с еврейским населением. Если наблюдали, то в чем это отношение к евреям выражалось.

Бурхард: Относительно еврейского населения я не могу сказать, потому что еврейское население из Познанской губернии к моему приезду уже было выселено или уничтожено.

Адвокат Плевако: Скажите Бурхард, вы показали о том, что в лагерях очень плохо кормили арестованных, давали по 100 граммов хлеба и суп-помои. Кто устанавливал норму питания—комендант тюрьмы?

Бурхард: Это зависело, по крайней мере, от хозяйственной команды, и комендант там ничего не мог изменить.

Председатель: У подсудимых есть вопросы к Бурхарду?

Подсудимые: Нет.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 24 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетельницу Макаренко.

Комендант: Свидетельница Макаренко прибыла.

Председатель: Макаренко Нина Фроловна, 1911 года рождения, беспартийная, работаете учительницей?

Макаренко: Да.

Председатель: Вас, свидетельница Макаренко, Военный Трибунал уже предупредил о даче правильных показаний. Прошу рассказать, что вам известно по данному делу.

Макаренко: Я в городе Бобруйске проживала со дня временной оккупации города немецкими войсками. В 1942 году в январе мою семью — мать и троих детей — немцы выбросили из квартиры на улицу. В марте 1942 года я обратилась в местную комендатуру к Бурхарду, рассказала ему, что я нахожусь на улице с маленькими детьми. Мне Бурхард ответил: «Никаких жалоб от вас не хочу иметь». Взял за воротник, вытолкал и сказал: «Больше мне не надоедайте с такими вопросами».

Сейчас я вижу Бурхарда, этого немца сидящим на скамье подсудимых от переводчика первым.

Председатель: Бурхард, встаньте. Этот?

Макареико: Да. Этот самый. Тяжелые условия жизни заставили меня добывать себе пропитание по деревням. Весной 1942 года я пошла в деревню Столпище, чтобы поменять мыло и другие вещи на продукты. На второй день я увидела Бурхарда, проезжавшего на открытой машине. С ним ехало еще 4 человека: Мюллер, Цаплин и еще двое из СД. За ними следовало еще 4 машины с эсэсовцами в направлении местечка Кирова. Не знаю, до какого места они доехали, но на обратном пути оцепили деревню Козуличи. Я в это время находилась на расстоянии, примерно, один километр. Когда появился слух о том, что этот поселок тоже будет оцеплен войсками СС, я убежала в маленький хутор, прикрытый садом. Из этого сада можно было видеть все то, что творилось в деревне Козуличи. В это время я находилась в 500 метрах. Я видела, как в мельницу эсэсовцы насильно вталкивали народ: старух, женщин, маленьких детей, женщин с детьми на руках. Приблизительно в средине дня мельница была подожжена. Кого еще не успели втолкнуть в мельницу, немцы бросали живыми в огонь.

Когда я увидела эти зверства, я испугалась и убежала. Отойдя от места расправы, я остановилась в 5—6 километрах, возле небольшого поселка. Примерно часов в 5 Бурхард в этой же открытой машине проехал обратно, за ним следовала машина эсэсовцев и несколько машин, нагруженных продуктами и еще чем-то.

В 1944 году в начале мая я была арестована немецкой контрразведкой. Просидев там 9—10 дней, после зверских пыток электрическим током, травили собаками, я была брошена в трудовой лагерь (так его называли арестованные).

Когда меня привели в камеру, в ней было 14 человек. Эта камера представляла собой крошечную комнату, где не было возможности не только лечь, но и сесть. Арестованных кормили один раз в день, давали хлеб и один раз «баланду». 17 мая 1944 года в этой тюрьме была расправа над арестованными. Людей вызывали по списку из камер в коридор, их избивали, связывали руки колючей проволокой и обратно вталкивали в камеру. На утро в 4 часа этих арестованных погрузили в машины и повезли по Пушкинской улице, вверх к Яловикам.

Эти люди были все расстреляны. В этой групе была моя знакомая Зеневич. В том же году в июне я была переведена в ГФП. Арестованные говорили, что это пожизненная тюрьма.

27 июня при наступлении наших войск на город Бобруйск арестованных стариков и детей посадили в закрытые машины

и увезли. Подъехав к Пуховичам, нас построили по 3 человека в ряд, поставили сильный конвой, собак, нагрузили на нас вещи немцев и погнали по направлению Минска.

Нас гнали все время бегом, кто отставал, того расстреливали. На глазах у меня застрелили знакомого мне адвоката Руднева, который проживал в то время в гор. Бобруйске, а также Мирошникова, который также проживал в Бобруйске. В пути нас загнали в какой-то сарай, и всю ночь слышалась стрельба, крики, стоны, а когда выгнали из сарая, то людей стало меньше, чем мы вышли из Бобруйска. За Марьиной Горкой в каком-то поселке нас опять загнали в какой-то сарай. Ночью пришли полицейские с лопатами и забрали 20 человек. Они не вернулись. В пути опять-таки нас загнали в какой-то сарай, на котором была надпись «ОСТ». На стенах сарая была видна кровь, валялись носильные вещи арестованных.

Так как наши арестованные были раздеты, то они собирали эти вещи. Увидев это, немец сказал: «Зачем вам эти вещи, они вам скоро будут не нужны». Нам стало понятно, что нас привели на расстрел. В эту же ночь был налет наших самолетов на Марьину Горку. Во время налета я убежала, и что стало с арестованными — я не могу сказать.

Прокурор: Скажите, свидетельница Макаренко, вы лично видели, когда Бурхард в деревне Козуличи принимал участие в уничтожении мирного населения?

Макаренко: Да, я видела это лично.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Ответ: Нет.

Председатель: Подсудимый Бурхард, вы имеете вопросы?

Бурхард: Скажите, свидетельница, где именно находился этот трудлагерь?

Макаренко: Этот лагерь находился в городе Бобруйске между улицами Советской и Социалистической.

Бурхард: Вы же на очной ставке говорили, что он находился на главной Румынской улице.

Макаренко: Это вы, немцы, так называли эти улицы.

Председатель: Другие подсудимые имеют вопросы?

Ответ: Нет.

Председатель: Товарищ комендант пригласите свидетельницу Габрусь.

Комендант: Свидетельница Габрусь прибыла.

Председатель: Габрусь Ефросинья Платоновна, 1920 года рождения. Вы жили в деревне Козуличи, Бобруйской области?

Габрусь: Да.

Председатель: Вас, свидетельница, уже предупредили о даче правильных показаний. Сейчас расскажите трибуналу, что вам известно по делу, по которому вы вызваны.

Габрусь: Это было 11 июня 1942 года, ранним утром, когда весь народ еще спал. Мы не знали, что делается вокруг

деревни Козуличи. Когда услышали звук машин, то народ вышел на улицу и узнал, что немецкие солдаты оцепили деревню. После этого, примерно, часов до 10 утра, немцы ходили по домам и брали все, что им попадалось.

Часов в 10 утра они начали сгонять народ на одну улицу. Когда народ согнали, то начали проверку документов. Оказалось, что документов у большей части стариков и инвалидов не было.

После этого развели народ на две стороны — без документов в одну сторону, а с документами в другую, а затем сказали: «у которых нет документов — возьмите свои семьи с собой и вернитесь сюда». И эти люди пошли, забрали с собой семьи.

Весь этот народ немцы согнали в сарай, сруб и мельницу. Через некоторое время из этих зданий поднялся черный дым—там горели жители деревни Козуличи.

Когда все это сгорело, немцы второй группе людей приказали разойтись по домам, и люди побежали кто куда.

В огне погибли мои родители—70-летний отец и 65-летняя мать, сестра 1923 года рождения, брат 1916 года рождения и его жена 1918 года рождения, их 5-летняя дочь и 6-месячный сын.

На следующий день жители решили пойти поискать своих родных, но было много сгоревших, которых невозможно было узнать. Из моих родных я узнала только трупы жены брата и сына, которого она держала на руках. Остальных невозможно было никого отыскать,—все они сгорели.

Вот все, что я могу рассказать о зверской расправе над народом деревни Козуличи.

Председатель: Изо всей деревни Козуличи, сколько погибло людей в этот раз?

Габрусь: 318 человек.

Председатель: А постройки деревни?

Габрусь: В огне погибла половина строений деревни.

Председатель: Скот и имущество немцами было разграблено?

Габрусь: Треть скота, имевшегося в деревне, немцы угнали, они забирали все, что попадало им под руки.

Председатель: После, когда расправа уже была произведена, видимо, были разговоры о причинах расправы?

Габрусь: Нет, люди за собой никакой вины не чувствовали.

Председатель: И немцы, когда приезжали, не говорили?

Габрусь: Немцы вторично приезжали, смотрели на этих сгоревших, фотографировали, но ничего не говорили.

Прокурор: Какой был порядок сбора населения?

Габрусь: Выгоняли из домов, кто прятался, того били палками.

Прокурор: Вы сказали, что в вашей деревне всего уничтожено 318 человек. Сколько из них было подростков и малых детей?

Габрусь: Приблизительно подростков и малых детей было до половины всех погибших.

Прокурор: В вашем селе много партизан было?

Габрусь: Нет, у нас тогда не было партизан.

Прокурор: Следовательно, совершенно неожиданно приехали немцы, оцепили село и начали сжигать ни в чем неповинных людей?

Габрусь: Да.

Председатель: Подсудимый Бурхард, имеет вопросы?

Бурхард: Нет.

Председатель: У подсудимых ни у кого нет вопросов?

Ответ: Нет.

Председатель: Комендант пригласите свидетеля Михееву Лидию Адамовну.

Комендант: Свидетельница Михеева прибыла.

Председатель: Михеева Лидия Адамовна, 1919 года рождения, работаете а Бобруйске?

Михеева: Да.

Председатель: Свидетельница Михеева, вас Военный Трибунал предупредил о даче правильных показаний. Расскажите, что вам известно по этому делу.

Михеева: В начале октября 1942 года я была задержана в 8 километрах от Бобруйска и доставлена в город на Пушкинскую улицу в гестапо. Во время допроса мне предъявили обвинение в том, что я связана с партизанами и заставляли сознаться в этом. Но я совершенно была не виновата, потому что ездила в деревню за продуктами. Так как я не сознавалась, то по распоряжению немецкого следователя мне нанесли 25 ударов плетью и отправили в камеру.

После этого пришел за мной полицейский и забрал в местную комендатуру, где находился немец Бурхард.

Председатель: Вы знаете этого Бурхарда?

Михеева: Да, знаю.

Председатель: Указать можете?

Михеева: Да, он сидит первым во втором ряду.

Председатель: Встаньте Бурхард.

Михеева: Вот этот самый.

Примерно через полчаса вошел Бурхард, открыл большую книгу и записал мою фамилию, имя и отчество и где я проживаю. После этого написал полицейскому бумажку и направил меня на работу в лагерь на месячный срок.

В лагере меня на второй день отправили на аэродром рыть окопы.

Положение в трудовом лагере было очень трудное. В то время, когда я была в трудовом лагере, там содержалось при-

близительно 750 человек. Была большая вшивость. Все заболевшие опухали и умирали. Большинство людей опухало от голода. За невыход на работу по болезни полицейские избивали. По этому случаю меня три раза избивали плетками, как за отказ от работы.

Получали мы пол-литра, как говорят, «балáнды» и 100 граммов хлеба.

В средине октября 1942 года, в 3 часа ночи, приехал Бурхард с 4 жандармами к нам в лагерь. Заключенных подняли и объявили, чтобы все, содержавшиеся в лагере, вышли с вещами. Народ был перепуган, не знал в чем дело. Здесь присутствовал начальник трудлагеря, который совместно с полицейскими начал зачитывать список людей, которым необходимо было отходить в сторону. Это были в большинстве люди, которые не имели срока заключения. Среди них были даже дети. Количество этих людей достигало 400 человек. После зачитки списка люди отошли в сторону, а нас по одному человеку стали впускать в барак. На утро, когда все поднялись итти на работу, половины людей в лагере не было. Люди не знали, в чем дело, куда девали остальных.

Здесь я просидела дней 10. В конце октября в 10 часов утра вошел начальник лагеря с полицейскими, выстроили нас по 5 человек и начали зачитывать список, согласно которому люди должны были выходить. В этом числе была и я. Всех нас направили в концентрационный лагерь в Германию. Вначале нас направляли на пересыльной пункт, который находился на Костельной улице. Там произвели медосмотр и через три дня направили в город Бранденбург, где я пробыла до 27 апреля 1945 года.

1 мая 1945 года нас освободила Красная Армия и 25 сентября 1945 года я прибыла в город Бобруйск.

Председатель: Скажите, свидетельница, какой был порядок в лагере в Бобруйске. Вас избивали?

Михеева: Избиения были со стороны полицейских, когда человек по какой-либо причине отказывался итти на работу.

Председатель: Они для этого были снабжены специальными плетками?

Михеева: У каждого полицейского была фабричная плетка, от удара которой оставались пометки на всю жизнь.

Председатель: Смертность была от недоедания и голода?

Михеева: За время, что я находилась в лагере, было 5 случаев смерти от голода и 6 случаев смерти от опухоли.

Председатель: Какое отношение имел к лагерю Бурхард?

Михеева: Бурхард считался шефом лагеря.

Председатель: Он часто бывал в лагере?

Михеева: Часто в лагере я его не видела, ибо нас угоняли в 6 часов утра на работу и возвращались мы в 8 часов вечера.

Вероятно днем Бурхард приезжал в лагерь, но мы его не видели.

Председатель: 400 человек в лагере он лично отбирал?

Михеева: Да, Бурхард лично приезжал в лагерь и отбирал этих 400 человек. Куда они девались—мне неизвестно.

Прокурор: Как вы определяете, отобранные Бурхардом 400 человек по состоянию здоровья пригодны были для работы?

Михеева: Среди них было большое количество нетрудоспособных стариков.

Прокурор: Срок вашего пребывания в трудлагере вам объявлял Бурхард?

Михеева: Да, Бурхард.

Прокурор: Что он вам сказал при этом о причине заключения на месячный срок в лагерь?

Михеева: Об этом он мне ничего не сказал, но очевидно в бумажке было написано о том, что я подозреваюсь в связях с партизанами, но фактически связи с партизанами я не имела, а ездила в деревню за продуктами. Была я в то время в деревне Капустино, недалеко от которой располагался партизанский отряд.

Очевидно, поэтому они и полагали, что я связана с партизанами.

Прокурор: Скажите, как фамилия того должностного лица, который передал распоряжение нанести вам 25 ударов плетью?

Михеева: Этого я сказать не могу.

Прокурор (обращаясь к Бурхарду): Скажите, Бурхард, какова судьба этих 400 человек? Вы их направили в СД под шифром, о котором вы говорили?

Бурхард: Нет, такую большую партию я не направлял. Возможно, что только часть была направлена. Точно сейчас не могу вспомнить.

Прокурор: Но факт остается фактом, что эти люди были отправлены для уничтожения, поскольку они не были способны к труду.

Бурхард: Возможно, что часть на работу, часть на уничтожение.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Адвокат Гаврилов: Когда Бурхард записывал в книгу, он вам тут же сказал о заключении в лагерь?

Михеева: Да.

Гаврилов: Он нигде не согласовывал этот вопрос?

Михеева: Нет.

Адвокат Татаринцев: Скажите, когда были отобраны и отправлены эти 400 человек из лагеря?

Михеева: Это было в средине октября 1942 года.

Татаринцев (обращаясь к Бурхарду): В средине октября 1942 года Молл уже работал комендантом?

Бурхард: Нет, он еще не работал.

Председатель: У кого из подсудимых имеются вопросы к свидетельнице?

Ответ: Нет вопросов.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Черопко Петра Ивановича.

Комендант: Свидетель Черопко прибыл.

Председатель: Черопко Петр Иванович, 1912 года рождения, колхозник, беспартийный.

Черопко: Да.

Председатель: Вас, свидетель Черопко, Военный Трибунал предупредил о даче правильных показаний. Расскажите, что вам известно по делу, по которому вы вызваны в качестве свидетеля.

Черопко: 17 февраля 1943 года утром мы были взяты на оборонительные работы. Когда мы вышли, то около деревни увидели карательный отряд с пулеметами и артиллерией.

Часов около 5 вечера, когда уехал карательный отряд, нас арестовали и погнали на станцию Татарка. Загнали нас в помещение бывшей столовой, где уже были граждане нашей деревни. Мы пробыли там двое суток: нам ничего не давали кушать, и 2 человека были сильно избиты, а один повешен. Здесь уже была моя жена с 4 детьми, которая мне рассказала обо всем происшедшем в деревне.

Деревня была окружена, примерно, около 10 часов утра, и граждане, которые находились в деревне согнаны на улицу. После этого немцы увезли их на станцию Татарка. Им даже не удалось взять с собой никаких вещей, и в чем были, в том их угнали. Деревню немцы сожгли, причем в огне погибло 4 моих односельчанина.

На станции Татарка нас 95 человек погрузили в вагон и повезли в город Бобруйск, где поместили в тюрьму.

Мы содержались в тюрьме 5 суток на голодном пайке. Мой ребенок, самый маленький, в тюрьме умер от голода. Из тюрьмы всех трудоспособных перегнали в трудлагерь, размещавшийся на Базарной, площади, где также был голодный паек: мы получали 100 граммов хлеба и пол-литра «баланды». На работу гоняли каждый день. Спали мы на цементном полу, содержание людей в лагере было ужасное, никакого внимания на нас не обращали.

Председатель: Скажите, сколько было смертных случаев в трудовом лагере?

Черопко: Было очень много случаев. Из нашей деревни умерла гражданка Усинович. Один унтер-офицер без всякого повода выстрелом из пистолета ранил заключенного в руку навылет. Его не оставили в лагере, а погнали вместе с нами на работу.

Председатель: Сколько сгорело людей в деревне?

Черопко: Четыре человека.

Председатель: Кто?

Черопко: Черопко Петр, Снигирь Сиикдета, Черопко Вера и Черопко Синклета.

Председатель: В лагере были смертные случаи от голода?

Черопко: Да, из нашей деревни умерло 5 человек.

Председатель: Скажите, заразные больные были?

Черепко: Были, но я не знаю, чем болели они, потому, что никто не обращал на это виимания.

Председатель: Были ли случаи, когда угоняли людей иеизвестио куда?

Черопко: Были, я видел в окошко, как 100 человек немцы выгнали из тюрьмы. Среди них были русские, цыгане, евреи, дети и женщины. Их сажали на машину и, на ком была хорошая одежда, у тех срывали ее, а кто был плохо одет, те так и оставались.

Председатель: Вам известны случаи, когда заключеиные расстреливались без всякого повода?

Черопко: Да, на Березинском форштате немецкий конвоир застрелил одного военнопленного без всякого повода и бросил его в яму.

Председатель: Вы не знаете, за что сожжеиа деревия Лучицы?

Черопко: Я точно не могу сказать. Наша деревия находилась недалеко от железной дороги, а железиую дорогу партизаны часто взрывали.

Председатель: Имущество и скот из деревни Лучицы были оставлены на месте или забраны?

Черопко: Было все забрано. Даже и сухие дрова, заготовленные жителями на зиму, и те забрали. В деревне не осталось ни одной постройки.

Председатель: А где же находились жители?

Черопко: Жители были заключены в трудовой лагерь.

Председатель: Что делали с теми, которые хотели спастись из деревни бегством?

Черопко: Тех, которые пытались бежать, расстреливали.

Председатель: Скажите, ваша жена также была арестована?

Черопко: Да, была арестована с четырьмя детьми.

Председатель: Какого возраста были дети?

Черопко: Старшему было 8 лет, а младшему только две недели.

Председатель: Жену также выгоняли на работу?

Черопко: Конечно, но больше она работала по уборке лагеря.

Прокурор: Эти лица, которых вы перечисляли, Черопко, Снегирь, были сожжены в своих домах?

Черопко: Да, в своих домах. Они были люди престарелые и не хотели выходить из своих домов.

Прокурор: Как были одеты жители деревни в февральские морозы, когда их немцы гнали под конвоем в лагерь?

Черопко: Люди были прямо раздеты. Мне со своими четырьмя детьми сказали выйти на улицу временно, и поэтому все они были почти босыми.

Прокурор: Сколько дворов было в вашей деревне Лучица?

Черопко: Приблизительно 96 дворов.

Прокурор: Она была полностью немцами уничтожена без всякой причины?

Черопко: Да, без всякой причины была уничтожена.

Прокурор: Не было ли случаев, чтобы из горящей деревни люди пытались бежать и при этом они были ранены или убиты. Помните таких людей?

Черопко: Да, помню—Черопко Надежда Григорьевна, Черопко Александр, Черопко Матвей Матвеевич, Черопко Мария Матвеевна были убиты.

Прокурор: Вашей семье удалось спастись?

Черопко: Отец мой спасся.

Адвокат Петренко: Вы говорили, что были помещены вначале не в лагерь, а в тюрьму, а потом из тюрьмы были переведены в лагерь, причем в тюрьме не кормили вас 5 суток. А в лагере вас сразу накормили?

Черопко: Я не сказал, что в тюрьме нас ие кормили. Я сказал что нас держали на голодном пайке, давали 100 граммов хлеба и пол-литра «баланды». Это было и в тюрьме и в лагере.

Петренко: Вас доставили 95 человек в лагерь?

Черопко: В лагерь из тюрьмы нас привезли не 95, а примерно 50 человек.

Петренко: Сколько было всего в лагере вместе с приехавшими?

Черопко: Всего в лагере содержалось до 6000 человек.

Председатель: У кого еще из защиты имеются вопросы?

Ответ: Нет.

Председатель: Подсудимые имеют вопросы?

Бурхард (обращаясь к Черопко): Вы из трудового лагеря были направлены на работу, если я правильно понял, по строительству лагерного городка?

Черопко: Сначала мы работали иа аэродроме, а потом были переведены в лагерь военнопленных для строительства лагерного городка.

Бурхард: Сколько вы жили в этом лагере?

Черопко: Месяца два—три.

Бурхард: А сколько было там таких заключенных, как и вы?

Черопко: 100 человек.

Бурхард: И все эти 100 человек были из трудового лагеря?

Черопко: Да, из трудового лагеря.

Бурхард: Скажите, при каких обстоятельствах вы освободились из трудового лагеря?

Черопко: Отсидел 6 месяцев. Женщин и детей отпустили, а всех мужчин передали на торфзавод «Татарка».

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Осипову Зинаиду Митрофановну.

Комеидант: Свидетель Осипова прибыла.

Председатель: Осипова Зинаида Митрофановна, 1926 года рождения, работает в типографии в городе Бобруйске, беспартийная?

Осипова: Да.

Председатель: Вас, свидетель Осипова, Военный Трибунал уже предупредил о даче правильных показаний. Расскажите, что вам известно по данному делу.

Осипова: В 1943 году в феврале месяце я в числе 12 человек была арестована немецкой жандармерией. После ареста нас посадили на машину, какую-то черную, и отвезли в КПЗ. В маленькой камере в КПЗ уже было около 40 человек, и туда же поместили еще 12 человек. Не было места даже сидеть. В камере содержались больные, и было полно грязи.

Режим в тюрьме был очень жестокий, нас выпускали только один раз в сутки во двор на пять минут. Кушать давали 100 граммов хлеба, а передач никаких не принимали. Приходилось видеть, как заключенные возвращались с допросов избитыми, истерзанными.

В тюрьме мы пробыли шесть дней, и нас перевели в трудовой лагерь, который размещался на Рыночной улице.

За десять дней пребывания в КПЗ и тюрьме мы не видели своих родных. Хотелось услышать хоть одно слово ободрения. Родные часто приходили к лагерю. Один раз мы спрятались под нарами, надеясь остаться здесь и встретить родных. Полицейские начали искать нас, а когда нашли, нас вытащили из-под нар, били до крови. Меня избили толстой резиновой плетью. Даже работавшие получали всего лишь 100 граммов хлеба и кружку баланды. В результате заключенные от голода пухли и умирали. На моих глазах за короткий период умерло 6 или 7 человек.

В марте 1943 года я была освобождена. Наша семья в это время переехала в деревню Королевская Слобода, Паричского райоиа, Полесской области. Все население деревень Васильевка, Михайловка было выселеио. Тот, кто не мог уйти, остался в деревнях, а под вечер эти деревни были сожжены. После сожжения деревень население бросилось бежать

в панике за реку Березина. Во время бегства немцы людей расстреливали.

В 1944 году 5 марта наша деревня Королевская Слобода была окружена немцами. Всю молодежь и мужчин немцы забрали, часть отправили в Германию, а часть на рытье окопов. В числе последних была и я. Рыли мы окопы за Минском. В это время к Минску стал приближаться фронт, и нас увезли в Германию. По дороге я бежала и скрывалась в Ломжинском районе около двух с половиной месяцев.

После освобождения нас Красной Армией, я вернулась домой. Мать моя рассказывала мне об ужасах, которые у них происходили. После того, как я уехала, деревню немцы еще раз окружили и все оставшееся население согнали в церковь. Затем этих людей посадили в машины и увезли в немецкие «лагери смерти» в Полесскую область.

Председатель: Прокурор имеет вопросы?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Кто-либо из подсудимых имеет вопросы?

Ответ: Нет.

Председатель: Подсудимый Молл. Показания, которые вы давали на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Молл: Да.

Председатель: На каком языке желаете давать показания?

Молл: На немецком.

Председатель: Прокурор имеет вопросы?

Прокурор Яченин: Да. Скажите, Молл, когда вы вступили в немецкую армию?

Молл: В немецкую армию я вступил в 1942 году в 112-й пехотный полк.

Прокурор: Последовательно расскажите, как вы за время службы в германской армии дошли до чина майора.

Молл: В 1913 году я поступил в военную офицерскую школу в городе Ганновере. По окончании этой школы я был произведен в чин фенриха, а через 14 дней—чин лейтенанта. В чине лейтенанта я принимал участие в войне 1914—1918 гг., сначала как командир взвода, потом как командир пулеметной роты. Работал также в качестве офицера по телефонному делу при штабе полка. В 1918 году, когда я был произведен в чин обер-лейтенанта, я был назначен на должность командира пулеметного батальона. Этот батальон состоял из трех рот. В 1920 году в связи с сокращением немецкой армии я был из армии отпущен и поступил на службу в качестве торгового чиновника.

1 июня 1940 года я был призван в немецкую армию и зачислен как командир роты в батальон № 618 по охране объек-

тов. В марте того же года я был произведен в чин капитана.

Охранный батальон, командиром роты которого я являлся, имел задачу охранять в Германии французских военнопленных, которые работали на различного рода хозяйственных работах. В частности батальон охранял военнопленных в районе Димпольт, между Бременом и Вестфалем.

Прокурор: Когда вы впервые прибыли на территорию Советского Союза и в качестве кого?

Молл: Впервые на территорию Советского Союза я прибыл 15 марта 1942 года в город Бобруйск в качестве коменданта комендатуры 1/737. Эта комендатура в то время подчинялась полевой комендатуре 581 в городе Бобруйске.

Прокурор: Когда вы получили приказ о прииятии комендатуры в городе Паричи и когда вы туда прибыли?

Молл: Примерно 24 марта 1942 года я прибыл в город Паричи. В Паричах находился майор Шмидт, командир батальона с одной ротой, командир которой исполнял обязанности местного коменданта и от него я принял дела. Кроме того, в паричах была команда ГФП лейтенанта Риберник, а также команда СД лейтеианта Брун и окружной сельскохозяйственный комендант зондерфюрер Гари.

Кроме общих задач, которые стояли перед местной комендатурой, я был вынужден организовать вспомогательную полицию. Она должна была быть создана в таком количестве, чтобы в каждой деревне было определенное количество полицейских, так как полицейского «батальона порядка» нехватало.

Прокурор: В Паричах тюрьма была?

Молл: Да, была. В этой тюрьме содержалось 20 арестованных местной комендатурой.

Прокурор: Вы являлись шефом тюрьмы?

Молл: Да, с этого времени, как я стал комендантом города Паричи, я был одновременно и шефом тюрьмы.

Прокурор: Расскажите о режиме, который существовал в этой тюрьме.

Молл: Управление и снабжение тюрьмы находилось в руках местной комендатуры.

Это была старая примитивная тюрьма, насколько я помню, всего с 6 камерами. Арестованные жили в плохих условиях, они получали по 100—150 граммов хлеба в сутки и один раз суп.

Прокурор: Сколько за ваше пребывание было расстреляно арестованных и за что?

Молл: По моему приказанию было расстреляно только 4 партизана. Других расстрелов я не знаю, а сколько было расстреляно со стороны ГФП—я не могу сказать.

Прокурор: Вам известен случай расстрела 30 советских граждан в Паричах?

Молл: Я прибыл в Паричи в конце марта 1942 года. Приблизительно дня за 4 до моего прибытия СД собрало во дворе комендатуры около 30 человек евреев, забрало у них золото и серебряные вещи, а евреи все были расстреляны в 3 километрах севернее города Паричи, в сосновом лесу.

Прокурор: Скажите, какой существовал порядок утверждения приговоров. Какое количество их вы утвердили и сколько из них было о расстреле?

Молл: Все дела обрабатывал лейтенант жандармерии Колер.

Прокурор: В числе двух тысяч утвержденных вами приговоров, какое количество было расстрелами?

Молл: Ни одного.

Прокурор: Вы слышали показания Бурхарда по этому вопросу?

Молл: Я не помню, и если такой приговор был бы, то я бы его никогда не утвердил.

Прокурор: Я напомню вам факт, когда вы в отношении братьев Дубовик утвердили приговор о расстреле, а СД дало им по пяти лет. Помните?

Молл: Да, такой случай был. Эти два юноши были четыре раза замешаны в воровстве военного имущества. Приговор полевой комендатурой не был окончательно утвержден, и они не были расстреляны.

Прокурор: А вы утвердили их расстрел?

Молл: Да.

Прокурор: На допросе 29 декабря 1945 года (л. д. 75 — 778) по этому вопросу вы показали:

«Будучи комендантом местной комендатуры города Бобруйска, лично мною утверждались приговоры местных судов и заключения следственных отделов полиции и полевой жандармерии при комендатуре на советских граждан. Всего приговоров и заключений было утверждено более двух тысяч, в числе которых были случаи приговора к расстрелу, а остальные оставались в тюрьме, или посылались на каторжные работы в «трудовой лагерь»

Это вы подтверждаете?

Молл: Да, эти показания я утверждаю. Все эти 2 000 приговоров были утверждены за время существования местной комендатуры.

Прокурор: Следующие ваши показания касаются местечка Паричи: «Кроме этого, по моему распоряжению в Паричском, Бобруйском районах было расстреляно 8 человек».

Молл: Всего было расстреляно 8 человек, но по моему приказу только 6, а два полицейских расстреляны по приказу суда полевой комендатуры.

Прокурор: Расскажите о случаях применения населения для разминирования дорог.

Молл: По приказу полковника Бахмаер летом 1943 года я должен был произвести разминирование главной магистрали автострады в 20 километрах севернее Бобруйска, западнее Бобруйска и всех дорог, которые находятся на окраине города. Этот приказ я передал районным бургомистрам. Старосты деревень должны были разминировать определенные участки от одного села к другому боронованием. Для боронования было послано население.

Прокурор: Крестьяне, которые проводили разминирование, были посланы старостами по вашему приказу?

Молл: Да, я сам отдал приказ.

Прокурор: Сколько времени применялся такой варварский способ разминирования дорог?

Молл: Примерно 5—6 месяцев.

Прокурор: Какое количество людей на протяжении всего этого периода времени погибло на минах во время боронования?

Молл: У меня в памяти сохранился один случай, о котором мне доложили.

Прокурор: Считаете ли вы, что применением этого варварского способа разминирования вы нарушили международные правила ведения войны?

Молл: Это был приказ, идущий в разрез со всеми международными законами. Это мне было ясно.

Прокурор: Приказ был вышестоящего командования?

Молл: Приказ был получен из 9-й армии, а затем передан в местную комендатуру.

Председатель: Какой порядок разминирования был указан в этом приказе?

Молл: Разминирование предлагалось проводить путем боронования. Я этот приказ командования армии дал районным бургомистрам со своими предложениями о том, как должно происходить бороноваиие.

Прокурор: Расскажите об угоне советских людей в рабство в Германию.

Молл: В 1942 году, когда я был комендантом местечка Паричи, там производилась только посылка добровольцев.

Прокурор: Какое количество этих «добровольцев» было угнано в немецкое рабство?

Молл: Их было очень мало.

Прокурор: Какое количество всего было отправлено советских людей на каторгу в Германию?

Молл: Как я узиал из разговора с инспектором биржи труда, на каторжные работы в Германию насильно и добро-

вольно из Бобруйского района было отправлено 6 тысяч человек, а из Паричского района—3 тысячи человек.

Прокурор: Значит, всего было угнано в рабство в Германию из этих двух районов 9 000 человек?

Молл: Так точно.

Прокурор: За угон в рабство в Германию 9 000 человек населения вы себя считаете ответственным, как комендант?

Молл: Да, считаю себя ответственным.

Прокурор: Детей этих граждан, которые были угнаны в Германию, куда вы определили?

Молл: В большинстве это были лица 1925—1926 годов рождения и детей не имели.

Прокурор: В числе 9 000 человек, отправленных в Германию, было большое количество пожилых людей. Материалы предварительного следствия говорят о том, что у отправляемых в Германию отнимались дети и оставлялись на попечение нетрудоспособных стариков.

Молл: Это может быть в том случае, когда речь идет о пятикилометровой зоне вокруг Бобруйска.

Прокурор: Но вы оставались в Бобруйске и создавали эту пятикилометровую зону?

Молл: Я в этом участия не принимал.

Прокурор: 22 декабря 1945 года вы говорили на допросе: «... Из лагеря стариков, больных и нетрудоспособных отправили за 5 километров восточнее зоны укреплений. Детей, среди которых было много грудных, лишали родителей и отправляли в поселок Марьина Горка, а остальных, в том числе и подростков в возрасте 12—14 лет, отправляли в Германию. Всего этот раз было отправлено в Германию до 5 тысяч человек...»

Я прошу суд, засвидетельствовать эту запись в протоколе допроса Молла от 22 декабря 1945 года.

Председатель: На листе дела 45 (оборот) имеется запись в протоколе, подписанном Моллом, того факта, о котором докладывал здесь суду прокурор:

Прокурор: Бурхард являлся вашим подчиненным?

Молл: Да.

Прокурор: Вы несете ответственность за Бурхарда, как своего подчиненного?

Молл: Я несу ответственность за все преступления, совершенные Бурхардом.

Прокурор: Расскажите об условиях, которые были в трудовых лагерях, в частности в городе Бобруйске по Базарной улице. Там были случаи смерти?

Молл: Условия в лагере были очень тяжелые. Когда я прибыл в город Бобруйск, я вместе с Бурхардом посетил этот лагерь и сам убедился, что там невозможно находиться. Ка-

меры были грязные, много клопов, вшей. Кушать было нечего, суп давали плохой.

Прокурор: Большая была смертность?

Молл: При первом посещении я не знал, но в последующие месяцы я узнал, что была смертность.

Прокурор: Бурхард говорил, что с этими людьми чинили расправу. Так это было?

Молл: Об уничтожении нетрудоспособных, я только услышал на предварительном следствии. Мне ничего неизвестно об этом. Меня очень интересует, почему зондерфюрер Бурхард, который пользовался большим доверием, в этом деле обошел меня.

Прокурор: В тюрьме и в трудовых лагерях содержались дети?

Молл: Да.

Прокурор: За какие преступления вы заключали детей в эти места?

Молл: Без всяких преступлений.

Прокурор: Это было простое намерение уничтожить всеми способами советских людей—стариков, женщин и детей?

Молл: Во время операций в партизанских районах, население целых деревень было согнано в лагери. Между ними были дети, старики и женщины. Большинство людей было из Осиповичского района. Я только здесь услышал о таких приказах, изданных высшим германским командованием, предписывающих уничтожение стариков, детей и женщин. Я даже не читал таких приказов.

Прокурор: За массовые выселения граждан из города Бобруйска, за разграбление их имущества вы несете ответственность, как комендант?

Молл: Да, я должен нести за это ответственность.

Прокурор: Вы считаете такой порядок массового выселения людей из их жилищ и разграбление их имущества преступным?

Молл: Да, я считаю это преступлением.

Прокурор: Следовательно, вы признаете себя виновным в этом преступлении?

Молл: Да, я считаю себя виновным.

Прокурор: Сколько времени вы знаете Битнера?

Молл: Я знал Битнера с октября 1943 года, т. е. с того времени, когда я прибыл в местную комендатуру и до момента выезда из города Бобруйска.

Прокурор: Какие приказы были по сельскохозяйственной комендатуре, которую возглавлял Битнер?

Молл: Местной комендатуре было приказано во всех отношениях оказывать помощь зондерфюреру Битнеру в доставке продуктов.

Прокурор: Значит в тех случаях, когда нужно было содействие в выполнении всех мероприятий сельскохозяйственной комендатуре, вы ему оказывали помощь?

Молл: Да.

Прокурор: За время вашего пребывания в должности коменданта местной комендатуры в чем выражалась эта помощь?

Молл: Эта помощь выражалась в том, что мы должны были выделить людей и ехать в район за хлебом и за скотом. При обращении ко мне сельскохозяйственной комендатуры, я выделял людей из полиции. Полиция направлялась для того, чтобы на служащих комендатуры не напали партизаны и для того, чтобы у граждан, которые отказывались выполнять поставки, отбирать силой.

Прокурор: Битнер передавал вам списки лиц, не выполнивших поставки?

Молл: Да, зондерфюрер Битнер передавал мне эти списки. В этих случаях люди арестовывались и передавались в СД, как саботажники.

Прокурор: Для чего?

Молл: Был приказ командования 203-й охранной дивизии о том, что всех подозреваемых в саботаже и шпионаже передавать СД.

Прокурор: Какое количество людей арестованных по требованию Битнера было передано в СД?

Молл: Я этого сейчас не помню.

Прокурор: Десятка два таких случаев было?

Молл: Было больше.

Прокурор: Вам известны случай, когда угонялся весь скот из деревни вне зависимости от того, выполнило население наложенные поставки или нет?

Молл: Нет, такие случаи мне неизвестны.

Прокурор: Я вам напомню. Партизаны явились в сёла Мартыновка и Малиновка, взяли несколько голов рогатого скота. После этого по распоряженню Битнера из этих двух сёл был угнан весь скот. Вам известен такой случай?

Молл: Нет, не известен.

Прокурор: Вам известно, какое колнчество скота было изъято у сельского населения, в связи с тем, что оно не выполняло поставок мяса, молока и т. д.?

Молл: Такие факты были, но сколько было изъято скота, мне не известно.

Прокурор: Вы оказывали Битнеру помощь, когда он к вам обращался?

Молл: Да, он всё время обращался за помощью ко мне или в жандармерию, которая находилась при местной комендатуре. Он однажды был у меня, и после этого я отдал

приказ жандармерии, что если зондерфюрер Битнер будет просить помощи, чтобы её оказывали.

Прокурор: Из какой семьи вы происходите?

Молл: Из крупной купеческой семьи. Мой отец имел большую лесопилку.

Прокурор: Вы признаёте себя виновным во всех преступлениях, совершённых вами в Паричском и Бобруйском районах, о которых здесь говорилось?

Молл: Да, признаю себя виновным.

Член суда Сахаров: В задачу местной комендатуры входила борьба с партизанами?

Молл: Да, входила.

Сахаров: Как вы формировали отряды в Бобруйске для борьбы с партизанами?

Молл: У нас имелась только лишь одна группа из 30 человек.

Сахаров: Сколько раз эта группа выезжала?

Молл: Один раз в неделю.

Сахаров: Пленных партизан привозила?

Молл: В местную комендатуру было привезено всего лишь два пленных партизана, которые были переданы ГФП.

Председатель: Скажите Молл, какие вы награды имеете от германского правительства?

Молл: В этой войне, или в прошлой войне?

Председатель: В нынешней войне, за время нахождения на комендантской должности.

Молл: В Паричах я получил военный крест «За заслуги» второго класса, а в Бобруйске военный крест «За заслуги» первого класса. Капитан Гетце также получил одновременно со мной военный крест первого класса.

Председатель: Вы вместе с ним и работали?

Молл: Да, вместе работали.

Председатель: Назначение местных крестьян для боронования минированных участков дорог имело цель обезопасить немецких солдат? Немецкие солдаты не посылались на эти работы?

Молл: Да, так.

Председатель: Скажите, женщины и дети назначались для боронования?

Молл: Это было дело бургомистра. Приказ мною был отдан бургомистру, а он выделял людей сам.

Председатель: Сколько всего было расстреляно советских граждан в Паричах?

Молл: Я не могу сказать, потому что этим занимались ГФП и СД.

Председатель: На допросе 19 декабря 1945 года вы показывали:

«...Из сообщений Риберник и подчинённых мне жандармов было известно о том, что расстреляно 90—100 человек. Это подтверждается и тем, что Риберник часто обращался в комендатуру за автотранспортом, на котором вывозили арестованных для расстрелов от 3 до 5 человек каждый раз...»

Вы подтверждаете это?

Молл: Так точно. Это был приказ 203-й охранной дивизии.

Председатель: Вами было дано указание в августе 1943 года о разрушении домов в районе Березинского предместья города Бобруйска?

Молл: Да, я отдавал такой приказ.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Адвокат Татаринцев: Какие награды вы имеете за первую мировую войну?

Молл: Железный крест 1-й и 2-й степени, Баденский орден с мечами, Гессенскую медаль за храбрость и фронтовой крест с мечами.

Татаринцев: Не было ли у вас близких знакомых среди руководителей фашистской партии?

Молл: Я имел в национал-социалистской партии хороших знакомых. Таким являлся Герман Геринг.

Татаринцев: Откуда вы знали Геринга?

Молл: В первую мировую войну мы вместе служили в одном полку, оба были лейтенантами.

Татаринцев: После демобилизации вы возобновили знакомство с Герингом?

Молл: Геринга я встречал последний раз в 1923 году.

Татаринцев: За помощью к Герингу вы не обращались, когда испытывали трудности в устройстве на работу?

Молл: Нет, я не обращался к нему, потому что я не был членом партии.

Татаринцев: Перед войной в Германии проводилась военная подготовка, военные сборы, в том числе старых офицеров. Участвовали ли вы в этих сборах?

Молл: Нет, я не участвовал.

Татаринцев: В 1939 году, когда началась война, вы не вступили добровольцем в армию?

Молл: Нет

Татаринцев: Когда вы попали в армию в эту войну?

Молл: 1-го июня 1940 года я был мобилизован.

Татаринцев: Вы показали на предварительном следствии, что в числе 2000 утверждённых вами приговоров были приговоры и к смертной казни. Скажите, сколько было таких приговоров?

Молл: Я утвердил 4 смертных приговора, по ним два были расстреляны, а двум другим заменили 5 годами тюрьмы.

Адвокат Плевако: Вы сказали, что Битнер обращался к вам за помощью, когда нужно было собирать налоги или когда не платили налоги. В чём выражалась эта помощь, почему он обращался к вам, а не сам принимал какие-нибудь меры?

Молл: Зондерфюрер Битнер не имел в своём распоряжении полиции, и местная комендатура должна была оказывать ему помощь.

Плевако: В чём выражалась эта помощь?

Молл: Если нужно было выехать за продуктами куда-нибудь в деревню, придавалась полиция и охрана для изъятия скота. Если люди не сдавали добровольно, у них отбирали насильно.

Плевако: Битнер давал список, у кого отбирать, или сам ехал?

Молл: Если зондерфюрер Битнер сам не выезжал, то выезжал один из его заместителей, потому что полиция и жандармы не знали, у кого брать.

Плевако: А списки они получали?

Молл: Списки сдавались в местную комендатуру только для того, чтобы арестовывать саботажников поставок. В таких случаях в справке было написано, что гражданин такой-то не хочет поставлять и должен быть, как саботажник, арестован.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы к Моллу?

Бурхард: Бывали ли случаи, когда ГФП или другая организация приводила людей для содержания в трудлагере с указанием срока наказания?

Председатель: Вы сами принимали решение?

Бурхард: Мне известны случаи, когда ГФП или СД определяли срок наказания, и человек отбывал этот срок.

Молл: Да, я согласен, такие случаи были.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 24 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетельницу Виноградову.

Комендант: Свидетельница Виноградова прибыла.

Председатель: Виноградова Мария Дмитриевна, 1908 года рождения, беспартийная, домашняя хозяйка?

Виноградова: Да.

Председатель: Вас Военный Трибунал уже предупреждал о том, чтобы вы, как свидетельница, давали правильные показания. Сейчас вы расскажите, что вам известно по делу.

Виноградова: Когда немецкие войска вступили в город, я была с 5 детьми в городе Бобруйске. В 1943 году ко мне на квартиру приехали 2 жандарма из местной комендатуры

и переводчик и заявляют мне, что вчера заезжал ко мне шофер. Я говорю—да. Тогда говорят: разрешите нам сделать у вас обыск. Я говорю—пожалуйста. Когда сделали обыск и ничего при обыске не нашли, тогда переводчик говорит: одевайтесь и пойдемте с нами. Когда привели в местную комендатуру и сказали—это Виноградова, комендант сказал: заведите ее в камеру.

Ввели меня в камеру. Я неделю просидела без всяких допросов. На вторую неделю меня начали допрашивать, подозревая в связях с партизанами. Я говорю на допросе, что с партизанами связана не была. Тогда комендант местной комендатуры говорит: «Как не знаете, когда у вас ночевал шофер и к вам он ездил.—Отведите ее в камеру и дайте ей плеток».

Меня завели в камеру и били плетками до потери сознания. На третью неделю опять меня вызывают. Я говорю, что хотите со мной делайте, но я ничего не знаю и не могу сказать. И опять меня начали бить плетками.

После этого мне сделали очную ставку с одной женщиной, которая подтвердила, что я невиновна.

Через неделю меня вывели из камеры во двор, посадили в закрытую машину, вместе с мужчинами, которых было 7 человек, и повезли по Минскому шоссе в лес около деревни Еловики. Привезли нас к ямам, остановили машину. Соскакивают полицейские, жандармы и говорят, сходите с машины. Мы все сошли с машины. Полицейские стали по бокам по обе стороны, а жандармы сзади. Подвели к яме. Когда подвели нас к яме, приказали ложиться. Я была в середине мужчин, закрыла руками глаза и легла вдоль ямы. Когда положили мужчин, начали стрелять. Мне пуля попала в грудь.

Мы лежали лицом вниз, я боялась, чтобы они не повернули меня и не посмотрели в лицо, но они не поворачивали никого. Я притворилась мертвой. Полицейские схватили лопаты и немного прикрыли нас землей. Когда ушла машина, я выкарабкалась из земли и на рассвете выбралась на Минское шоссе и добралась домой.

Моей сестре уже сказали в комендатуре, что я расстреляна. После этого, чтобы не быть обнаруженной, я пряталась в течение 14 месяцев до дня прихода Красной Армии.

О моем расстреле было напечатано в местной Бобруйской газете на русском языке. В газете сообщалось о расстрелянных: Герасимове, у которого по месту работы нехватило три одеяла; Механике, который работал заведующим сапожной мастерской и у него нехватило три пары подметок; и обо мне—за агитацию против вооруженных немецких сил.

Председатель: У прокурора есть вопросы?

Прокурор: Сколько дней вы содержались в жандармерии до дня расстрела?

Виноградова: Около месяца.

Прокурор: Вы помните фамилию коменданта, который объявил вашей сестре о том, что вы расстреляны?

Виноградова: Фамилии его не помню.

Прокурор: Какого числа вас расстреливали?

Виноградова: 5 апреля 1943 года, а 7 апреля об этом было напечатано в газете.

Прокурор: Кто еще был расстрелян, кроме тех, которых вы назвали?

Виноградова: Было всего 7 мужчин и я восьмая, но фамилии мужчин я не знала.

Прокурор: (обращаясь к Моллу): В этот момент вы являлись комендантом города Бобруйска?

Молл: Да, я был комендантом.

Прокурор: Виноградова содержалась в жандармерии, а жандармерия подчинялась вам, как коменданту, непосредственно?

Молл: Да, подчинялась.

Прокурор: Скажите, у вас часто из жандармерии на расстрел отправляли так, как была отправлена Виноградова?

Молл: Это могло быть только без моего ведома. (Смех в зале.)

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы?

Подсудимые: Нет.

Председатель (обращаясь к коменданту): Товарищ комендант, пригласите свидетеля Евдокимова.

Комендант: Свидетель Евдокимов прибыл.

Председатель: Евдокимов Антон Иванович, 1887 года рождения, беспартийный, работает в Паричском «Заготзерно»?

Евдокимов: Да.

Председатель: Вас, свидетель Евдокимов, Военный Трибунал уже предупреждал об ответственности за дачу неправильных показаний. Расскажите Трибуналу, что вам известно по данному делу.

Евдокимов: Я знаю коменданта Молла, который был в Паричской комендатуре. Он сидит вторым в первом ряду.

Председатель: Молл, поднимитесь. Этот?

Евдокимов: Да.

Граждане судьи, в 1942 году у нас был убит начальник полиции. Я не знаю, кто его убил, но в этом убийстве подозревали меня. В апреле месяце, не помню какого числа, подъезжает машина, и два жандарма арестовали меня. Привезли в комендатуру, где стоял Молл, капитан Креллер и начальник

жандармерии, фамилии которого я не знаю. Молл мне говорит, что я прячу партизан. Я ему ответил, что если у меня прячутся партизаны, кто видел, мог бы прийти и забрать их. Там лежала доска из-под чернильного прибора. Молл взял эту доску, ударил меня, и я упал. После они били меня, но я уже не видел, кто бил. Когда я опомнился, меня отпустили, и я ушел домой.

Председатель: Что вы знаете о расстреле евреев?

Евдокимов: Я знаю, что их собрали во дворе гостиницы 1300 человек и стали возить в местечко Паричи на машинах. Там велели им копать ямы и клали живыми в ямы, а потом расстреливали.

В 1943 году я перешел линию фронта и ушел к частям Красной Армии. Не знаю, что после было. В 1944 году мне рассказывали, что немцы откопали этих евреев и сожгли.

Председатель: Молл, вы слышали, что показал свидетель о том, что вы его ударили чернильным прибором, вы подтверждаете это?

Молл: Я этого не мог сделать, потому что я никогда в жизни не ударил человека. (Смех в зале.)

Председатель: А вы припоминаете свидетеля?

Молл: Я его только знаю по следствию, а в полиции я его не знал.

Председатель: У вас была очная ставка с ним?

Молл: Да, была очная ставка.

Председатель: Для того чтобы вы припомнили все это, я вам напомню об этой очной ставке.

Свидетель Евдокимов рассказывал о том, что он у вас там всех знал—переводчика Креллера и целый ряд фамилий, и вас он неоднократно перевозил на пароме, и вас хорошо знал. Почему вы предпочитаете не отвечать на острые вопросы?

Молл: Я больше года был в Паричах и это известно, что он меня знает, как коменданта, но я его не запомнил. Мне очень часто приходилось соприкасаться с людьми.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Молл имеет вопросы.

Молл: Какого цвета была машина, которая за вами приезжала?

Евдокимов: Машина была светлого цвета.

Председатель: Другие вопросы есть?

Ответ: Нет.

Председатель: Товарищ комендант пригласите свидетельницу Королькову Зинаиду Павловну.

Комендант: Свидетельница Королькова прибыла.

Председатель: Королькова Зинаида Павловна, 1913 года

рождения, уроженка местечка Паричи, агроном по профессии, беспартийная?

Королькова: Да.

Председатель: Вас, свидетельница Королькова, уже предупреждали, что вы должны давать правильные показания. Расскажите Трибуналу, что вам известно по делу.

Королькова: В начале 1943 года, приблизительно в конце января или в начале февраля, был вывешен приказ о расстреле одного гражданина деревни Дворищи Булавко Степана. В приказе было указано, что он расстрелян за то, что у него было обнаружено оружие. Между тем Булавко не имел правой руки до локтя. Этот приказ был подписан комендантом Моллом и вывешен на всех видных местах.

Второй случай. Была арестована моя соседка Шершнева Надя. Она просидела 8 суток в тюрьме, над ней там издевалась полиция. Потом ее по каким-то причинам выпустили на два часа домой и после двухчасового пребывания дома ее вновь арестовали. У нее осталось двое детей, и больше никого из родственников не было.

Когда комендантом в Паричах был Молл, все местечко было разграблено, особенно постройки. Часть награбленного вывезена в окружающие деревни и продана за яички, масло, водку,—деньги не брались. Часть построек была сожжена воинскими частями, которые находились тут же в местечке.

Председатель: О расстрелах, которые были в июне 1942 года, вы знаете?

Королькова: Да, были массовые расстрелы. Помещение тюрьмы не вмещало всех арестованных поэтому дополнительно под тюрьму была занята школа возле моей квартиры.

В тюрьме было очень много стариков и женщин с грудными детьми. Отсюда люди брались на допросы в полицию, а потом их сажали в смертную камеру и под вечер расстреливали.

Председатель: Подсудимый Молл, вы помните, что в марте месяце 1942 года за вашей подписью был приговорен к расстрелу Булавко Степан?

Молл: Я этого случая не помню. Я приехал в Паричи 10 марта 1943 года.

Королькова: Это было в начале 1943 года.

Молл: Это было в январе 1943 года. Расстрел гражданина, у которого было найдено оружие, был произведен через ГФП, и мы это объявили по радио для устрашения других.

Председатель: Прокурор и защита имеют вопросы?

Нет.

Председатель: Из подсудимых никто не имеет вопроса?

Подсудимые: Нет.

Председатель: Молл не имеет вопросов?

Молл: Не имею вопросов.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Новик Григория Григорьевича.

Комендант: Свидетель Новик прибыл.

Председатель: Новик Григорий Григорьевич, 1900 года рождения, беспартийный, по профессии учитель?

Новик: Да.

Председатель: Вас, гражданин Новик, Военный Трибунал уже предупреждал, как свидетеля, о даче правильных показаний и предупредил об ответственности за ложные показания. Расскажите суду, что вам известно по данному делу.

Новик: Из подсудимых я знаю Молла. Это второй от края от сцены.

Председатель: Молл (Молл встает). Молл, вы не знаете свидетеля?

Молл: Я сейчас припоминаю, это учитель из местечка Паричи.

Новик: Молл появился в Паричах в качестве коменданта в начале 1942 года и был в Паричах приблизительно до марта месяца 1943 года.

1942 год был самым жутким в Паричском районе за все время немецкой оккупации. В этом году, больше чем в другие, были насилия, расправы и зверства над населением.

Во-первых, в 1942 году раза четыре или пять приезжал из Бобруйска карательный отряд под командой некоего Виктора Шуберта, и этот отряд во время появления в Паричах массами арестовывал население.

Немногие из них вышли из тюрьмы. Этот отряд Шуберта имел, безусловно, связь с комендатурой, и его действия согласовывались с комендантом.

Точно сказать трудно, сколько было замучено и расстреляно людей этой командой, но во всяком случае, несколько сот человек.

Во время пребывания этой команды в Паричах каждую ночь на машинах вывозили людей за деревню Высокий Полк и за больницу в самих Паричах.

Кроме этого, я знаю целый ряд случаев, когда зверства и расправы проводились непосредственно по приказанию самой комендатуры и коменданта Молла.

Весной 1942 года, приблизительно в апреле месяце, я был очевидцем, когда в Паричи пригнали 5 человек с связанными руками, избитых до полусмерти. Пригнали их из деревни Черные Броды. Среди этих пригнанных я лично знал Булко Федора. Эти пять человек из тюрьмы не возвратились, они были уничтожены. Были расстреляны также учитель Борисовец из деревни Василевка, военнопленные Музыкантов и Милованов,

молодой парень лет 16 за то, что без документов явился в Паричи—Митрафович Павел.

Я был свидетелем такого факта, когда в сентябре месяце 1942 года из деревень Радужь, Щердин, Щепы пригнали около 300 человек населения. Среди них были женщины, старики, дети. Их содержали в помещении школы, где была и моя квартира. Неделю спустя этих людей вывели и построили во дворе школы. Сюда явились комендант Молл и еще какие-то немецкие офицеры, фамилий и чинов которых я не знаю. Переводчиком был полицейский Гарбар. Через этого переводчика комендант Молл и другие офицеры обратились к арестованным с предложением, чтобы мужчины средних лет записались в полицию, иначе они будут рассматриваться, как партизаны. Об этом я слыхал лично.

Часть людей от страха,—зная о зверском обращении немцев с партизанами, боясь расправы, — согласилась пойти работать в полицию, но большинство наотрез отказалось от этого. Продержав еще несколько дней в школе, часть людей отправили по домам, а человек 10—12 направили в тюрьму, и оттуда они не возвратились.

Большое количество людей и особенно молодежи и детворы было отправлено в рабство в Германию.

Летом 1942 года немцы попытались вербовать добровольно для поездки в Германию на работу. Пропагандировались всякие блага, фотоснимки, газета специально выходила, но обмануть мало кого удалось, охотников нашлось мало поехать добровольно. После этого комендант и полиция перешли на такой метод: снаряжают несколько машин, выезжают в район и во время летних полевых работ всю молодежь, работавшую на поле, посадили на машины и увезли в Паричи. Под арестом их содержали некоторое время в помещении школы, которое превращено было в казарму. Никаких свиданий, никаких передач не разрешали. Через день после задержания или в тот же день, если был пароход, отправляли в Бобруйск и оттуда в Германию. Таким образом было отправлено в Германию свыше 1000 человек молодежи. Среди отправленных были дети, начиная от 10 лет.

Мы не могли представить, для чего нужны дети в таком возрасте: иногда даже к немецким солдатам обращались по этому вопросу, но ответа не получали. Потом говорили, что у этих детей берут кровь для переливания немецким офицерам.

Председатель: Прокурор имеет вопросы к свидетелю?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы к свидетелю?

Представитель защиты: Нет.

Молл: Я хочу дать пояснение.

Председатель: Давайте.

Молл: Этот свидетель говорит об отряде, который прибыл в Паричи под командованием Шуберта. Это был немец Поволжья, он был переводчиком в ГФП.

Свидетель говорит об операции в деревне Радужь. Эта деревня не принадлежала к Паричскому району, она принадлежала к Жлобинскому району. Только в июле или августе месяце была предпринята операция на деревню Щедрин. Операцию проводил охранный батальон, и в ней приняла участие местная комендатура под командованием моего заместителя капитана Нойгауза. Батальон доложил местной комендатуре, что на их опорный пункт в деревне Щедрин напали партизаны. После получения этого известия, состоялось совещание, на котором было решено оказать помощь батальону. Командиру батальона приказали всю деревню окружить и все мужское население забрать и привезти в Паричи, что и было сделано.

Следствие было произведено через ГФП, и лица, виновность которых была установлена, были расстреляны.

Председатель: Садитесь.

(Обращаясь к коменданту): товарищ комендант пригласите свидетеля Абрамчика.

Комендант: Свидетель Абрамчик прибыл.

Председатель: Абрамчик Михаил Петрович, 1892 года рождения, беспартийный, колхозник колхоза «Чырвоная Беларусь»?

Абрамчик: Да.

Председатель: Вас, гражданин Абрамчик, Военный Трибунал вызвал в качестве свидетеля по делу Рихерта, Молла и других, предупреждает вас показывать только правду по известному вам делу.

Расскажите, что вам известно по делу.

Абрамчик: Я хочу Военному Трибуналу рассказать о следующем. В 1943 году, приблизительно в последних числах июня, меня назначили разминировать дорогу. Это назначение исходило от старосты. Утром рано приходил вооруженный немец-патруль и приказывал скорее запрягать лошадей в бороны. Так как у меня лошади не было, я должен был взять ее у соседа. Уходить на эту работу—значило прощаться с женой и детьми.

По приказу конвоира-немца мы ездили разминировать дороги до 2 октября 1943 года.

Председатель: Сколько времени проводилось это разминирование?

Абрамчик: Приблизительно с июня до октября. Наш участок мы разминировали вдвоем с соседом. Правда, в нашем участке взрыва не произошло, но на некоторых участках были взрывы и были жертвы.

Председатель: Скажите, почему на вашем участке не было взрывов?

Абрамчик: На нашем участке взрыв произошел как раз 2 октября 1943 года. Мы уже пробороновали наш участок туда и обратно. После этого ехал обоз по направлению города Барановичи. Немецкая повозка поехала в сторону и подорвалась на мине. Это была, очевидно, немецкая повозка со штабом. Сейчас же по распоряжению местной комендатуры, меня арестовали, хотя я ни в чем не был виноват. Меня, с препроводительной местной комендатуры, привели в жандармерию, подозревая в том, что я имею связь с партизанами; требовали, чтобы я признался в этом, после чего обещали сразу же освободить.

Председатель: Вас обвиняли в том, чего вы и сами не подозревали?

Абрамчик: Да. В жандармерии меня три раза ударили по голове, сказали, что у них есть такое учреждение, где я все скажу, и под конвоем меня направили в гестапо на Пушкинскую 20. Там посадили меня в камеру, в которой можно было содержать 5—8 человек, но нас сидело 36 человек. Потом с каждым днем люди прибывали, и нас накопилось до 70 человек. Дышать в камере совершенно было нечем. Заключенные были очень завшивлены, клопы и блохи не давали покоя. Давали заключенным 100 граммов хлеба, иногда и меньше и, как называли мы, баланду раз в сутки.

Спустя недели три или четыре, хорошо не помню, начались допросы. Я, совершенно ни в чем не виновный, обвинялся в том: почему я не подорвался, а подорвалась немецкая повозка, и за это я подвергался жестоким пыткам. Во время допросов меня избивал переводчик. В особенности старались ночью вызывать на допрос в отдельные кабинеты, раздевали наголо, били резиновыми палками. Избив до потери сознания, отпускали под предлогом «подумать», а завтра продолжалось опять избиение.

Так повторялось трое суток. На четвертые сутки взяли опять на пытки и иголками кололи под ногти. Это так было мучительно и так жутко, что я не могу этого передать. На пятые сутки опять повели на допрос и ставили босыми ногами на раскаленное железо. После этого дали несколько дней отдохнуть. Трое суток спустя раздели наголо и выводили на мороз на 30 минут.

Случай подрыва при бороновании был в деревне Малево. Там подорвался Воробьев. Там происходила такая же операция по разминированию дороги, и он подорвался совместно со своей лошадью и бороной.

Вот все, что я могу сказать.

Председатель. Прокурор имеет вопросы?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Ответ: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы?

Подсудимые: Нет.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Лепешкину Евдокию Степановну.

Комендант: Свидетельница Лепешкина прибыла.

Председатель. Лепешкина Евдокия Степановна, 1915 года рождения, беспартийная, фельдшер?

Лепешкина: Да.

Председатель: Вас Военный Трибунал уже предупреждал о том, чтобы вы давали правильные показания, как свидетель. Сейчас расскажите, что вам известно по делу.

Лепешкина: В 1942 году я была арестована и сидела в тюрьме 10 суток. После моего ареста, на третий день, начальник полиции и двое немцев из комендатуры поехали в мою квартиру, сделали обыск и забрали у меня все, что было.

Кормили нас в тюрьме так: давали 100 граммов хлеба и кружку воды на сутки, передачи не разрешались. На допрос водили в комендатуру. Все, кто оттуда возвращались, были совершенно избиты. Со мной были женщины, и они возвращались с допроса полумертвые.

Из моей камеры, в которой я сидела, была расстреляна женщина и девочка 12 лет. Из соседней камеры расстреляли трех мужчин, начальника почты станции Шатилки, бригадира колхоза и еще одного.

Когда меня освободили из тюрьмы, я шла в Паричи. Я видела, как везли машину людей, там были маленькие ребята, женщины, мужчины, старики. Подвезли туда, где всегда расстреливали людей. Яма была уже приготовлена. Высадили всех из машины, поставили на краю ямы и начали расстреливать из автоматов и винтовок. Это я сама видела своими глазами.

Другой случай расстрела я наблюдала после возвращения в деревню. Два немца и два полицейских привели четырех мужчин. Один из этих четырех убежал и спрятался в сарай. Этого человека немцы разыскали и прежде, чем подвести к яме для расстрела, жутко избили.

Есть много таких фактов, но всех не перечислишь. Творились жуткие расправы не только в Паричском районе, но и вообще везде: людей вывозили полными машинами и группами расстреливали.

Председатель: У защиты нет вопросов?

Представитель защиты: Нет.

Прокурор: Свидетель Лепешкина, когда вы сидели в Паричской тюрьме?

Лепешкина: Это было в марте 1942 года.

Прокурор: Кто ведал тюрьмой?

Лепешкина: Начальником тюрьмы был Альберт Станюшевский.

Прокурор: Комендантом кто тогда был?

Лепешкина: Молл, этот самый (указывает на Молла).

Прокурор: За время вашего содержания в тюрьме, какое количество, приблизительно, было вывезено населения и с какой целью?

Лепешкина: Многих вывозили. Еще один факт знаю. Я шла к своему отцу, в то время арестовали 8 человек, вывезли их в лесок и расстреляли; это было в 1942 году.

Прокурор: Расстреливались жители местечка Паричи или из других населенных пунктов?

Лепешкина: Нет, расстреливались граждане Паричского района.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы?

Подсудимые: Нет.

Председатель: Подсудимый Битнер (Битнер встает). Ваши показания, которые вы дали на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Битнер: Да, я их подтверждаю.

Председатель: Тов. прокурор имеет вопросы?

Прокурор: Скажите, в каком году вы вступили в нацистскую партию?

Битнер: В 1939 или 1940 году, я точно не помню.

Прокурор: Когда вы прибыли впервые на территорию Советского Союза?

Битнер: В конце июля 1941 года я прибыл в город Бобруйск.

Прокурор: На какую должность вы были назначены, как только прибыли в Белоруссию?

Битнер: В Бобруйске я имел звание зондерфюрера в чине лейтенанта.

Прокурор: Я спрашиваю, на какую работу вы были определены, в качестве кого?

Битиер: Меня поставили на сельскохозяйственную работу.

Прокурор: Почему вы сразу были определены на сельскохозяйственную работу?

Битиер: Я не знаю, но у меня сельскохозяйственная специальность.

Прокурор: Вы агроном?

Битнер: Я сельскохозяйственный служащий.

Прокурор: Какой служащий?

Битнер: Я был служащим в одном имении, т. е. чиновником имения.

Прокурор: У какого помещика вы служили?

Битнер: У Кляйн Шмидта в Верхней Силезии.

Прокурор: С какого месяца вы были назначены на должность начальника Бобруйского сельскохозяйственного района?

Битнер: С апреля или мая 1942 года.

Прокурор: Какой был аппарат у вас?

Битнер: 8 зондерфюреров.

Прокурор: Я спрашиваю весь штат сельскохозяйственного района?

Битнер: Всего было 46 человек.

Прокурор: Какие функции вы должны были осуществлять для того, чтобы выполнить все то, что ставило перед вами командование немецких войск?

Битнер: Сельскохозяйственная комендатура Бобруйска должна была снабжать немецкие полевые части, а также должна была наблюдать за снятием урожая и изъятием сельскохозяйственных продуктов.

Прокурор: Использование экономических возможностей района входило в ваши задачи?

Битнер: Да.

Прокурор: Распределение посевных площадей — это ваша задача?

Битнер: Да.

Прокурор: Заготовка сельхозпродуктов: зерна, скота, молока и т. д. —это была ваша задача?

Битнер: Да.

Прокурор: Подбор и назначение старост в продовольственных пунктах и руководство ими—это была ваша задача?

Битнер: Да.

Прокурор: Принятие мер к населению, не выполняющему ваши задания,—это была ваша задача?

Битнер: Да, это моя задача.

Прокурор: Планы по изыманию сельскохозяйственных продуктов из года в год повышались?

Битнер: Эти планы я получал из группы ЛЯ.

Прокурор: Производя изъятие сельхозпродуктов у населения, вы знали, что этим хозяйство крестьян доводите до нищеты и разорения. Почему вы это делали?

Битнер: Я это знал.

Прокурор: Зная, что нормы являются высокими, вы сознательно разоряли экономику сел на оккупированной территории. Так или нет?

Битнер: Я это знал.

Прокурор: Какой порядок был при обложении налогами сельского хозяйства?

Битнер: Я не могу назвать цифры, сколько должен был сдать каждый двор. Те цифры, которые я назвал на предварительном следствии, правильны. В настоящее время я не помню, какие были налоги.

Прокурор: Значит, вы грабили советское крестьянство?

Битнер: Я знал, что налоги для крестьянства Бобруйского района были слишком высоки и эти налоги они не могли выполнить полностью.

Прокурор: Через кого вы проводили все мероприятия по изъятию сельхозпродуктов. Через сельских старост?

Битнер: Да, через волости проводил.

Прокурор: Через волостных бургомистров?

Битнер: В каждой волости был один агроном и он выполнял эти планы.

Прокурор: А старосты были?

Битнер: Да, были старосты в деревнях, а в волостях были агрономы.

Прокурор: Какой же властью пользовались ваши агрономы?

Битнер: Они обязаны были следить за волостью, в которой они находились.

Прокурор: Значит, они являлись представителями власти, а не агрономами. Агроном—это не власть.

Битнер: У нас они назывались агрономами, но правильно — лица эти выполняли все задачи, которые перед ними ставила немецкая власть.

Прокурор: Почему вам было предоставлено право подбирать сельских старост?

Битнер: Старост подбирало местное управление, а я только утверждал их.

Прокурор: Кто еще руководил сельскими старостами, кроме вас?

Битнер: Никто больше.

Прокурор: Значит вы являлись единственным начальником по отношению к сельским старостам, через которых проводили все свои мероприятия в части разграбления сел?

Битнер: Да, оно так и есть.

Прокурор: Расскажите, какие применялись меры репрессий к населению, не выполняющему планов сдачи сельскохозяйственных продуктов и скота?

Битнер: С этими людьми ничего не делали, а устраивали облавы на сельскохозяйственные продукты, а также изымали скот.

Прокурор: Вы получали сведения о выполнении по отдельным населенным пунктам и списки лиц, не выполняющих ваших заданий?

Битнер: Да, получал.

Прокурор: Кому вы передавали списки на тех, кто не выполнял ваших планов по сдаче сельскохозяйственной продукции?

Битнер: Эти списки дальше никому не передавались, оставались у меня.

Прокурор: Вы слышали, что говорил подсудимый Молд, что списки от вас он получал аккуратно и передавал их по назначению?

Битиер: Это речь идет о молоке.

Прокурор: Я не спрашиваю о каком виде продукции идет речь; а спрашиваю о том, применялись ли репрессии в отношении тех, кто не выполнял обязательств?

Битнер: У лиц, которые не сдавали мясо, отнимали коров.

Прокурор: Сколько всего было изъято коров за вашу бытность в должности начальника сельскохозяйственной комендатуры?

Битнер: Насильственным путем было изъято 60 коров.

Прокурор: Где?

Битиер: В самом городе Бобруйске и от населения, которое проживало в Телуше и Глуше.

Прокурор: В населенном пункте Глуша насильственным путем сколько было изъято голов?

Битнер: В Глуше изъяли приблизительно 12 голов.

Прокурор: А не 20?

Битнер: Я не могу точно сказать, сколько коров было изъято.

Прокурор: На предварительном следствии вы говорили, что было изъято 15—20 коров. Подтверждаете это?

Битнер: Да, подтверждаю.

Прокурор: Значит можно считать, что вы приблизительно у 20 советских граждан, крестьян, изъяли такое количество скота за невыполнение ими молокопоставок?

Битнер: Да.

Прокурор: Теперь скажите, какое количество коров было изъято в Телушской волости?

Битнер: Тоже, приблизительно, 20 голов.

Прокурор: Скажите, в результате репрессий, которые предпринимались в части несдатчиков, вы по Бобруйскому райоиу изъяли до 4000 коров?

Битнер: Нельзя считать, что все 4000 коров были изъяты насильственным путем, так как в это число входят коровы, которых крестьяне сдавали сами. (Смех в зале.)

Прокурор: Подсудимый Битнер, не может быть, чтобы владелец коровы, которая является кормилицей его семьи, добровольно сдал ее вместо молокопоставок. Так не бывает, поэтому правильно будет признать, что изъятие всех 4000 коров было произведено только принудительным путем.

Битнер: Я уже указал—60 коров было изъято насильственным путем, которые входят в это число 4000. (Смех в зале.)

В декабре 1943 года, когда я находился в отпуску, было изъято насильственным путем около 1000 голов крупного рогатого скота, но я этого не знал.

Прокурор: Кто изъял?

Битнер: Группа ЛЯ организовала и проводила это изъятие.

Прокурор: Кто создавал эти группы ЛЯ? Что, эта группа была создана специально для добровольного сбора дойных коров?

Битнер: Я не знаю, меня в то время не было, когда было это изъятие.

Прокурор: Расскажите, как из села Мартыновка и Малиновка было угнано все поголовье скота?

Битнер: Я не знаю, как это происходило. Меня не поставили в известность, что угоняют скот из этих деревень.

Прокурор: Кто угонял?

Битнер: Я хочу объяснить, что поздней осенью 1943 года, северо-западнее города Бобруйска, а также за Березиной, находилась немецкая дивизия, которая в этой местности сама изымала скот, имела своих зондерфюреров. Я не мог вмешиваться в дела этой дивизии. Я только сейчас это вспомнил, на предварительном следствии я этого не показывал.

Прокурор: На предварительном следствии вам был задан вопрос: «Назовите цифру насильственно угнанного скота у населения Бобруйского сельхозрайона за период вашей работы в должности начальника этого района». Вы ответили: «Точную цифру насильственно изъятого скота у населения назвать не могу, потому что не помню. Примерно, было изъято более 4000 голов». Подтверждаете эти показания?

Битнер: Я подтверждаю показания, которые я дал.

Прокурор: Расскажите, кем и как было произведено изъятие скота в Мартыновке и Малиновке?

Битнер: Я думаю, что там угнала скот дивизия, которая располагалась в Малиновке и Мартыновке.

Прокурор: Назовите ту дивизию, которая там дислоцировалась?

Битнер: Это 269-я пехотная дивизия.

Прокурор: Значит весь скот был угнан пехотной дивизией?

Битнер: Я в это время не знал, что в Мартыновке и Малиновке изъяли весь скот. Я впервые услышал об этом на предварительном следствии.

Прокурор: А может быть вам это было раньше известно? Вы знаете Климкова Федора Николаевича?

Битнер: Да, знаю.

Прокурор: Он был прекрасно осведомлен о всех событиях, которые происходили в сельхозкомендатуре Бобруйского района?

Битнер: Возможно.

Прокурор: Вы выезжали в села Мартыновку и Малиновку?

Битнер: Нет, я туда ни разу не выезжал.

Прокурор: Вам было известно, что из этих деревень партизаны брали скот для своих нужд?

Битнер: Это делали партизаны.

Прокурор: Вы знаете об этом?

Битнер: Да.

Прокурор: И в связи с этим из этих сел было изъято очень много скота. Сколько, приблизительно, было изъято?

Битнер: Я не знаю об этом.

Прокурор: Климков расскажет нам здесь об этом. Скажите, вы списки на неплательщиков налогов передавали Моллу, или вы это отрицаете?

Битнер: Я пересылал эти списки в местную комендатуру Бобруйска?

Прокурор: Для чего это делали?

Битнер: Чтобы получить скот, я вынужден был это делать, так как население не сдавало мясо. По этому вопросу я обратился в группу ЛЯ, и мне приказали изъять у населения коров.

Я передавал списки гражданского населения, которое имеет коров, в местную комендатуру, с просьбой изъять у населения коров.

Прокурор: Сколько таких случаев было?

Битнер: Я передавал списки эти 2 или 3 раза об изъятии коров у населения.

Прокурор: По этим спискам население арестовывалось?

Битиер: Нет, не арестовывалось.

Прокурор: Вы слыхали показания Молла, как комеиданта, что по вашим спискам они арестовывали людей?

Битиер: Да, я слышал показания Молла.

Прокурор: Признаете?

Битиер: Нет, не признаю и не подтверждаю.

Прокурор: Теперь скажите, для чего проводили облавы по изъятию сельскохозяйственной продукции у крестьян и почему вы предпочитали личное участие в этих облавах?

Битнер: Осенью 1943 года нам было приказано изъять селхозпродукты у гражданского населения. По распоряжению группы ЛЯ облавы следовало произвести в воскресенье, что и было сделано.

Прокурор: Во время облавы отобрали все сельхозпродукты?

Битнер: Нет, только картофель и зерно.

Прокурор: Картофель и зерно, а скот не отбирался?

Битнер: Нет, скот не отбирался.

Прокурор: Для тех, кто не сдавал зерно, мельницы закрывались? Такие репрессии вы принимали?

Битиер: Да.

Прокурор. На какие сроки вы закрывали мельницы?

Битнер: Осенью 1943 года закрывалась мельница, прибли-

зительно, на две недели. Закрывались мельницы—вначале одна, затем другая и т. д.

Прокурор: Этим самым вы лишали все крестьянство возможности совершать помол зерна независимо от того, выполнили эти жители ваши требования о сдаче зерна или нет.

Битиер: Этим самым хотели заставить население выполнить поставки зерна.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 25 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА.

Председатель: У защиты имеются вопросы к подсудимому Битнеру?

Адвокат Плевако: Скажите, Битнер, кто давал планы поставок молока, яиц, мяса и прочего?

Битнер: Я получал эти планы из группы ЛЯ.

Плевако: Группа ЛЯ, входившая в сельскохозяйственную команду А?

Битиер: Да.

Плевако: Какие там были отделы?

Битиер: Отдел лесничества, отдел промышленности, отдел по рабочей силе, а также отдел снабжения гражданского населения и сельскохозяйственная группа ЛЯ.

Плевако: Вы были в группе сельского хозяйства?

Битиер: Да.

Плевако: Сколько приблизительно населенных пунктов было в вашем ведении?

Битнер: Приблизительно 133 населенных пункта. Это был Бобруйский район.

Плевако: Кто давал вам сведения о том, что в отдельных селениях граждане не выполнили поставки?

Битиер: Такие сведения не были нужны, так как 100 процентов населения полностью не сдавало поставок.

Плевако: Что вы должны были делать?

Битиер: Как я уже сказал, была проведена одна операция по изъятию сельскохозяйственных продуктов. Вторая операция была проведена по изъятию яиц и прочего.

Плевако: Это было сделано по вашей инициативе или у вас была инструкция, по которой вы должны были действовать.

Битнер: Мне было приказано из группы ЛЯ провести данные мероприятия.

Плевако: Кто возглавлял группу ЛЯ?

Битиер: Майор Рейнгольд.

Плевако: Были ли по вашему приказанию, или по вашей инициативе сожжены деревни?

Битиер: Нет, ни разу.

Плевако: И вы никаких списков не давали комендатуре о

том, что в деревнях все население отказывается платить налоги, которые вы наложили?

Битнер: Нет.

Плевако: Вы были заведующим складом сельскохозяйственных продуктов до того, как получили последнюю должность?

Битнер: С начала октября 1941 года и до 17 ноября 1941 года.

Плевако: На склад должны были приносить продукты сельские жители?

Битнер: Да.

Плевако: И вы их только принимали тогда?

Битнер: Я эти продукты только принимал и передавал дальше по назначению воинским частям.

Плевако: Какое участи принимали вы в аресте советских граждан?

Битнер: Я принимал участие один лишь только раз. Это было участие в аресте моего главного плановика Парахневича.

Плевако: Как это произошло, скажите?

Битнер: Парахневич работал у меня главным плановиком. Однажды вечером ко мне домой подъезжает машина, из которой вышло два немецких офицера и зашли ко мне на квартиру. Они спросили Парахневича (эти лица были из контрразведывательного отдела Бормана). Я им объяснил о том, что Парахневич в настоящее время находится дома, так как рабочее время уже кончилось. Поэтому они меня попросили, чтобы я поехал с ними и указал им Парахневича, так как Парахневич им нужен. Я ответил, что я не знаю, где проживает Парахневич, не знаю его адреса. Они мне пояснили, что сами знают адрес и попросили пойти с ними, чтобы я указал личность Парахневича, так как они личности его не знали.

После этого я поехал с ними на квартиру Парахневича, которого они арестовали и, посадив в машину, увезли.

Плевако: Они не говорили, для чего им нужен Парахневич?

Битнер: Нет.

Плевако: Вы закрывали мельницы, запрещали принимать для помола зерно. Это была ваша инициатива? На какие сроки вы закрывали мельницы?

Битнер: На это я получил приказ от группы ЛЯ, т. е. от вышестоящего начальства. В 1943 году мельницы закрывались на три недели и весной 1944 года, приблизительно, на такой же срок.

Плевако: Были ли случаи, чтобы вы сами принимали участие в расстрелах граждан?

Битнер: Нет, ни разу.

Плевако: Последний вопрос. Отправляли ли вы граждан на каторжные работы в Германию?

Битнер: Нет, ни разу, ни одной личности.

Председатель: Кто из защиты еще имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Прокурор имеет вопросы?

Прокурор: Да. (Обращаясь к Битнеру) Единственным руководителем сельского хозяйства в Бобруйском районе являлись вы?

Битнер: Да.

Прокурор: Следовательно, все мероприятия командования на селе проводились только через вас?

Битнер: Все мероприятия проводились по моим приказам, но я их издавал на основе полученных приказов выше.

Прокурор: Изъятие продуктов и скота проводилось только по вашим приказам?

Битнер: Да, производилось на основании моих приказов.

Прокурор: Вы сказали на вопрос защиты, что в группе ЛЯ был отдел по вербовке рабочей силы. В вашу обязанность вербовка рабочей силы в Германию также входила?

Битнер: Хозяйственная команда № 208 имела группу рабочей силы.

Прокурор: Какова же судьба тех лиц, на которых вы передавали списки комендантам, в частности коменданту Моллу?

Битнер: О судьбе этих людей я не знаю.

Прокурор: Сколько вы людей за свою работу в Бобруйском районе в качестве начальника сельскохозяйственной комендатуры передали органам местной комендатуры?

Битнер: Ни одного человека я не передал.

Прокурор: На предварительном следствии вы показывали: «Весной 1944 года я получил списки от начальника молочной фермы города Бобруйска на граждан, не выполняющих плана молокопоставок. Я в свою очередь передал эти списки начальнику местной комендатуры».

Битнер: Правильно, я это показал.

Прокурор: Не только показали, а вы делали это?

Битнер: Да, я это делал.

Прокурор: Дальше вы показали: «Майор Молл выслал в деревню Глуша полицию, и скот у этих граждан был изъят».

«Второй раз, также весной 1944, я получил от этого же начальника молочной фермы города Бобруйска список граждан, не выполняющих плана молокопоставок. Эти списки были переданы майору Моллу с просьбой изъять скот насильно». Это так называемая «добровольная сдача» коров для немцев.

Битнер: Да, это было изъято насильственным путем.

Прокурор: О том, что вы изъяли в Телушской волости коров, имеются следующие ваши показания от 25. XII.

1945 года: «В мае месяце 1944 года граждане деревни, наименование которой забыл, Телушской волости, не сдавали молока. Я предложил начальнику молочной фермы представить мне списки на граждан, не сдающих молоко. Полученный список я направлял местной комендатуре—майору Моллу, а последний при помощи полиции насильственным путем изъял 10 коров».

Битнер: Я помню, что из Телушской волости приводили коров, но не помию—в этом случае, или другом.

Прокурор: В отношении неплательщиков налогов репрессии проводила полиция?

Битнер: Я сам лично не мог изъять у гражданского населения скот, так как я не имел полиции. Был приказ, что изъятие скота должно производиться через местную комендатуру.

Прокурор: Много граждан увозилось на работу в Германию?

Битнер: Да, много увозилось.

Прокурор: А многие уходили в партизаны?

Битнер: Этого было еще больше.

Прокурор: Продукты изымались не только в порядке налога, но и произвольно немецкими армейскими частями?

Битнер: Да, это тоже было.

Прокурор: Материальное благосостояние людей ухудшилось?

Битнер: Да.

Прокурор: А налоги все увеличивались?

Битнер: Да, налоги из года в год повышались.

Прокурор: Отсюда следует, что хозяйство крестьян все больше и больше подвергалось разорению?

Битнер: Да, хозяйство крестьян все время подвергалось разорению.

Прокурор: В результате всей этой политики, которая осуществлялась сельскохозяйственной комендатурой, население приводилось к полному обнищанию, а хозяйства—к разорению?

Битнер: Да, это было.

Председатель: Адвокат Плевако имеет вопросы?

Адвокат Плевако: Да. Скажите, кто возглавлял группу труда, которая занималась вывозом русских граждан в Германию, не майор Манзе?

Битнер: Да.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы?

Ответ: Никто не имеет.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Климко.

Комендант: Свидетель Климко прибыл.

Председатель: Климко Федор Иванович, 1885 года рождения, беспартийный, работаете в Бобруйском районном земельном отделе в качестве заведующего лабораторией?

Климко: Да.

Председатель: Вас Военный Трибунал предупреждал, чтобы вы, как свидетель, давали правильные показания и что за ложные показания, вы несете уголовную ответственность. Расскажите, что вам известно по делу. Прежде всего скажите, кого вы знаете из подсудимых?

Климко: Битнера я знаю.

Председатель: Где он сидит?

Климко: Во втором ряду, четвертый от сцены.

Председатель: Откуда вы знаете Битнера?

Климко: Когда он был комендантом, меня заставили работать в земельном управлении, и я работал с 23 марта 1942 года по 15 апреля 1944 года.

Председатель (обращаясь к Битнеру): Битнер, подтверждаете?

Битнер: Да, я подтверждаю.

Климко: Когда меня заставили работать в земельном управлении, мне была поручена такая работа: доводить посевные планы для каждой общины, производить учет посевных площадей и разверстывать поставки сельскохозяйственных продуктов.

Весной 1942 года немцами было издано постановление «Новый порядок землепользования» за подписью министра восточных областей Розенберга. На основании этого постановления все колхозы (их в Бобруйском районе было 135) были объявлены распущенными, и на их базе было создано 235 общинных хозяйств.

По этому «новому порядку» житель каждой деревни получал в личное пользование землю, но все виды поставок и налогов накладывались на общину, и община несла круговую поруку за их выполнение. Этим общинам весной доводился план посева, а уже в средине лета, к началу уборочных работ, доводился план поставок.

Поставки исчислялись от площади пахотной земли: по зерновым культурам с каждого гектара посеянной земли, переданной в общинное пользование, взыскивалось 200 килограммов и по картофелю — 15 центнеров. Кроме зерна и картофеля, также доводился план сдачи сена от площади сенокосных угодий, которые были закреплены за этой или иной общиной.

На молочные продукты план начислялся на каждую наличную корову; в 1944 году взыскивалось 400 литров молока.

План поставок мяса доводился до каждого двора.

в 1943 году каждому двору надлежало сдать 80 килограммов мяса. Яички начислялись с каждой курицы по 30 штук.

Конечно, такой непосильный налог, в особенности по молоку и по мясу, крестьяне не могли выполнять. Поставка мясных продуктов почти всегда сопровождалась насильным изъятием скота. Скот изымался также насильственным путем и у тех крестьян, которые не выполняли плана сдачи молока.

Зерновые продукты крестьяне также не могли выполнять полностью, потому, что лошади были изъяты, рабочих рук нехватало—все трудоспособные угонялись в Германию, или на строительство укреплений, и большая часть площади оставалась не засеянной. Тем не менее зерновые продукты и картофель взымались со всей земельной площади, и к тем деревням, которые не выполняли этого, применялись репрессивные меры.

Как яркий пример таких репрессивных мероприятий по выкачиванию поставок можно привести деревню Коврин, Воротынского сельсовета. Приблизительно в конце сентября месяца 1943 года в эту деревню из воинской части, которая находилась на аэродроме в Бобруйске, выехал отряд взыскивать налог. Туда же поехал и Битнер. В результате в одной деревне было сожжено 46 дворов и угнан весь скот. Кроме этого, в Бобруйском районе было сожжено ещё 7 деревень, причем немцы мотивировали, что это сделано за связь с партизанами. На самом деле это было сделано за невыполнение поставок. Были сожжены в Горбацевичском сельсовете деревни Петровичи, Спорное, в Каменском сельсовете деревня Сулево, в Брожском сельсовете деревня Прудище и другие.

Был и такой случай. В начале марта или в конце февраля 1944 года в Бортниковском сельсовете в деревнях Малиновка и Мартыновка партизаны взяли несколько коров. Я находился в этом сельсовете. На другой день сюда приехал Битнер и зондерфюрер из имения Михалево с переводчиком. Битнер дал распоряжение полиции весь скот угнать в имение Михалево, как будто бы для сохранения его, чтобы не взяли партизаны. Этот скот возвращен не был.

Часто в виде штрафов за несвоевременное выполнение поставок у крестьян забирали скот. Такой случай был в деревне Углы, Шарьевского сельсовета, где была взята в виде штрафа 21 корова, и в селе Турки, Турковского сельсовета, было взято 9 коров.

Таким образом в Бобруйском районе за время немецкой оккупации из колхозов и из личного пользования крестьян было изъято около 20 000 голов крупного рогатого скота, около 20 000 свиней и около 18 000 овец.

На колхозных фермах района на 1 мая 1941 года, т. е. за месяц до начала войны, в Бобруйском районе числилось без

малого 12 000 крупного рогатого скота, около 7 000 свиней и около 9 000 овец. Это поголовье было уничтожено немцами в первый год.

Уже с весны 1942 года немцы начали забирать скот, который был в личном пользовании колхозников. Приблизительно половина этого поголовья была изъята оккупантами в период, когда Битнер был сельхозкомендантом.

Больше мне сказать нечего.

Председатель: Скажите, они птицу мелкую изымали?

Климко: Птица изымалась для личных потребностей немецких заправил.

Председатель: Битнер в этом принимал участие?

Климко: Когда Битнер выезжал в район, то он никогда не возвращался с пустой машиной, а возвращался всегда с полной. Вот случай, который был в Стасеевке. Туда немцы, например, прилетели на самолете, поймали три или четыре свиньи и увезли обратно на самолете. (В зале смех.) Это была часть, которая располагалась на Бобруйском аэродроме.

Председатель: Посылки в Германию они отправляли?

Климко: Это практиковал Битнер и все немцы из сельхозкомендатуры. Когда кто-нибудь из них уезжал в отпуск, то с пустыми руками не ехал. Предшественник Битнера, капитан Вайзе, который был сельхозкомендантом приблизительно 9 месяцев, отправлял домой целыми машинами птицу и другую добычу.

Председатель: Свидетель Климко, не помните ли вы случая, чтобы в Бобруйском районе граждане добровольно сдали немцам около 4 000 голов рогатого скота?

Климко: Граждане судьи! Случаев таких не было. Ни один гражданин не хотел расставаться со своей кормилицей—коровой—и добровольно никто не сдавал.

Председатель: Значит, все эти коровы изъяты были у населения насильственно?

Климко: Совершенно верно. Не только коров, но даже продукты, которые привозили крестьяне на базар, отнимали.

Председатель: Битнер был полноправным хозяином Бобруйского района?

Климко: Да, он был даже комендантом местного земельного управления, в котором были агрономы, землемеры.

Председатель: Помимо того, что комендатура изымала сельхозпродукты из районов, армейские части также изымали?

Климко: Да.

Председатель: Посевная площадь у вас увеличивалась или уменьшалась?

Климко: Посевная площадь, граждане судьи, уменьша-

лась потому, что не было как тягловой, так и рабочей силы. Рабочую силу немцы угоняли на сооружение укреплений.

Председатель: И в Германию?

Климко: Да, также угоняли в Германию.

Председатель: А сдача скота все повышалась?

Климко: Так точно.

Председатель: Так что же в конце концов получалось, какой вывод можно сделать?

Климко: Можно сделать вывод такой, что вся продукция у крестьян изымалась, и крестьяне оставались голодными.

Прокурор: Вы сказали, что в 1943 году деревня Коврино была сожжена?

Климко: В ней было сожжено 46 домов.

Прокурор: Какие причины были к этому?

Климко: Рассказывали, что причиной было невыполнение сельскохозяйственных поставок. Туда была послана группа войск с аэродрома, и там как будто произошел выстрел, то ли провокационный, то ли случайно выстрелил кто. За это в деревне было сожжено 46 дворов, а весь скот угнан в Бобруйск.

Прокурор: Из деревень Малиновка и Мартыновка весь скот был угнан только потому, что партизаны взяли несколько голов скота. Скажите, кто руководил этим изъятием скота? В эти деревни Битнер ездил?

Климко: Он приезжал туда в этот день и там отдал распоряжение полиции об изъятии скота.

Прокурор: Следовательно, угоном скота из сел Мартыновка и Малиновка руководил Битнер?

Климко: Он отдал распоряжение, куда этот скот угонять, а полиция выполнила его указание.

Прокурор: Как вы расцениваете всю ту политику, которую проводил Битиер? С вашей точки зрения, он вел наше крестьянство к полному обнищанию, разорению!

Климко: Безусловно.

Прокурор: Где работники комендатуры брали продукты, которые они направляли посылками в Германию?

Климко: Грабили у крестьян.

Прокурор: Это было сверх плана?

Климко: Да, сверх плана.

Председатель: Адвокат Плевако имеет вопросы?

Плевако: К кому обращался Битнер с требованием изъятия скота у населения, которое не сдавало продукты?

Климко: В полицию, и полицейские части посылались туда для изъятия скота.

Плевако: Скажите, какой налог был по молоку?

Климко: От каждой коровы крестьянин должен был сдать 400 литров молока.

Плевако: Значит, в случае невыполнения плана поставок

обращались в полицию? А к воинским частям не обращались?

Климко: В Климовичах в изъятии участвовали и воинские части.

Плевако: Воинские части, которые были расположены в Бобруйском районе самозаготовкой и изъятием продуктов для себя занимались?

Климко: Они занимались грабежом, а не самозаготовкой. Откроют сарай, если там есть свинья, заберут.

Плевако: Это часто бывало?

Климко: Сплошь и рядом.

Председатель: Кто из защитников имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: У подсудимых нет вопросов?

Ответ: Нет.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Панкова.

Комендант: Свидетель Панков прибыл.

Председатель: Панков Григорий Лаврентьевич 1903 года рождения, беспартийный, работаете заведующим приемным пунктом Белплодоовощ?

Панков: Да.

Председатель: Вас, свидетель Панков, Военный Трибунал предупредил уже о даче правильных показаний и об ответственности за дачу неправильных показаний. Сейчас расскажите, что вам известно об обстоятельствах того дела, по которому вы вызваны.

Панков: Я знаю подсудимого Битнера с 1943 года.

Председатель: Лично знаете?

Панков: Лично знаю.

Председатель: Если лично знаете, укажите, где он находится?

Панков: Во втором ряду, слева направо четвертый.

Председатель: Битнер, встаньте. Он?

Панков: Да.

Председатель (обращается к Битнеру): Садитесь.

Панков: Я познакомился с Битнером так: у моей соседки Рябинкиной случилось несчастье с коровой. По заключению ветеринара она должна была прирезать корову. Рябинкина меня пригласила, чтобы я ей помог убить и снять кожу с этой коровы. Битнер приказал сдать мясо отделу снабжения города и взять квитанцию. За это он обещал ей дать корову с базы. Через некоторое время после сдачи мяса, Рябинкина обратилась к Битнеру с просьбой о выдаче коровы. Она обращалась к нему два раза, а он все отвечал, что у него коровы нет. После этого она опять пришла ко мне и просила меня пойти с ней к Битнеру. Обратились к нему

вдвоем. Он сказал, что коровы нет, я вам ее не выдам и выгнал нас из комендатуры обоих.

Второе обстоятельство: я хотел в августе месяце 1943 года заменнть свою корову на скотобазе немцев. Повел эту корову на базу, где договорился с заведующим этой базой об обмене, но так как скот был в поле, то я вынужден был подождать. В этот момент к базе подъезжает машина, изкоторой вылезает Битнер и спрашивает у переводчика (в этот момент переводчик вышел к нему навстречу), что это за корова? Переводчик ему отвечает, что корова приведена этим гражданином для обмена; он через переводчика спрашивает, сдал ли я молоко. Я ответил, что молока не сдал, так как корова не доится. Тут же Битнер закричал и иачал меня бить.

И третий момент знаю по этому участку, где я живу, по домоуправлению. В октябре месяце 1943 года на территории нашего домоуправления в городе Бобруйске Битнер изъял у граждан 6 коров якобы за несдачу молока.

Председатель: У прокурора есть вопросы?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Защита: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы?

Ответ: Нет.

Председатель: Подсудимый Гетце. (Гетце встает). Ваши показания, которые вы дали на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Гетце: Да.

Председатель: Товарищ прокурор имеет вопросы к подсудимому Гетце?

Прокурор: Да. Вы по званию кем были?

Гетце: Капитан.

Прокурор: А по должностному положению кем были в Бобруйской комендатуре?

Гетце: Капитан особых поручений.

Прокурор: По социальному происхождению сын крупного купца?

Гетце: Да.

Прокурор: В армию вы призваны в каком году?

Гетце: 26 августа 1939 года.

Прокурор: В составе каких родов войск и в качестве кого вы служили?

Гетце: Я был призван в запасной артиллерийский батальон № 161, обучал призывников.

Прокурор: Как вы попали на службу в комендантские органы?

Гетце: На работу в местную комендатуру в Бобруйске я

не имел желания итти, а был назначен приказом генерала фон Шенкендорфа на должность офицера особых поручений 22 февраля 1942 года и работал там до дня пленения— 30.VI.44 года.

Прокурор: Какие функции вы выполняли, будучи офицером особых поручений Бобруйской комендатуры?

Гетце: Мои главные функции сводились к расквартированию немецких частей в Бобруйске, а также и наблюдению за культурными учреждениями, как кино, театр, дом отдыха для солдат.

Прокурор: Значит, вы занимались вопросами распределения жилищ и обеспечения жильём прибывающих воинских частей?

Гетце: Да.

Прокурор: Какая необходимость диктовала проведение такого мероприятия, как выселение 12000 человек гражданского населения из своих жилищ, о чем говорил здесь Бурхард?

Гетце: Переселение городского населения в Бобруйске вызывалось тем, что в город прибывало очень много немецких военных частей. Я начал свою деятельность в комендатуре города Бобруйска с февраля 1942 года, но мой предшественник уже выселил гражданское население по улице Минской.

Прокурор: Говорите о себе. Предшественник будет отвечать тогда, когда он будет на скамье подсудимых.

Скажите, по каким причинам вы выселили из своих жилищ 12 000 человек гражданского населения?

Гетце: По моим расчетам и подсчетам мною было выселено 300 человек гражданского населения из своих домов.

Прокурор: Тогда получается, что в город Бобруйск прибыло только 1000 человек военнослужащих германской армии. Разве вы не слышали, какую цифру назвал Бурхард?

Гетце: Эту цифру 12 000 человек я не могу полностью подтвердить.

Прокурор: А сколько?

Гетце: Я могу только указать, что мною было произведено выселение до 2200 человек. (Смех в зале.) Я лично выселил 1300 человек, а 900 человек было выселено в то время, когда я был в отпуску. (Смех.)

Прокурор (обращаясь к председателю): Разрешите задать вопрос Бурхарду?

Председатель: Бурхард, отвечайте на вопросы прокурора.

Прокурор: Вы провели выселение совместно с офицером особых поручений Гетце?

Бурхард: Не все, но большей частью.

Прокурор: Ту цифру, которую вы вчера назвали в своих показаниях, вы подтверждаете?

Бурхард: Около 10.000 человек по моим расчетам было выселено в самом городе Бобруйске.

По приказу коменданта я выписывал пропуска на выезд из города, и по количеству этих пропусков, я сделал подсчет выселенного населения.

Прокурор: Таким образом за весь период по городу Бобруйску Гетцем было выселено до 10 000 человек?

Бурхард: Эта цифра неточная,—можно сказать больше, можно сказать и меньше. Ошибка здесь не на много.

Прокурор: Что же вы скажете Гетце?

Гетце: 2200 человек были выселены до сентября 1943 года. Остальное выселение гражданского населения из своих квартир производил Гаман, который прибыл в Бобруйск в сентябре 1943 года и принял на себя эту работу.

Прокурор: Вы руководили жандармерией и местной полицией по поддержанию порядка в городе?

Гетце: Нет, не руководил.

Прокурор: Как же вы поддерживали порядок в городе?

Гетце: Полевая жандармерия, а также местная полиция были подчинены местному коменданту.

Прокурор: А вы являлись его заместителем?

Гетце: Я был заместителем только в то время, когда комендант уезжал в отпуск.

Прокурор: Отправкой населения в Германию вы руководили?

Гетце: Я принимал участие только тогда, когда началось выселение гражданского населения из зон.

Прокурор: Чем вы вообще занимались в Бобруйске?

Гетце: Я уже вначале сказал, что моя главная задача состояла в расквартировании частей, выделении квартир.

Прокурор: Расскажите о выселении населения из 13 деревень в связи с созданием пятикилометровой зоны около Бобруйска. Из этих деревень вы выселили население лично?

Гетце: Для проведения данного мероприятия я получил приказ от генерала Гамана.

Прокурор: Вы проводили в жизнь этот приказ?

Гетце: Вокруг Бобруйска должна была быть создана зона обороны. Она была разделена на несколько участков. Для осуществления одного приказа я получил два таких участка. В них входило 13 деревень.

Прокурор: Какое, приблизительно, количество населения из этих деревень вами было выселено и куда?

Гетце: В одной деревне было 60—80 человек, в другой было около 40 жителей.

Прокурор: Назовите эту деревню.

Гетце: Хорошее.

Прокурор: Скажите, вы выселили жителей из деревни Богушевка?

Гетце: Да, в Богушевке было приблизительно от 700 до 800 человек.

Прокурор: Старая Богушевка—это тоже ваша зона? Сколько в ней было населения?

Гетце: Я названия Старая Богушевка не знаю.

Прокурор: Заглубокое вы знаете?

Гетце: В данный момент не помню.

Прокурор: Хорошее знаете?

Гетце: Хорошее, да.

Прокурор: Сколько там было жителей?

Гетце: Около 30—40 человек. В этой деревне было только 4—5 домов.

Прокурор: Дальше, Медведовка?

Гетце: Около 80 человек.

Прокурор: В деревне Баневке, сколько было жителей?

Гетце: Я не могу точно сказать, я там не был.

Прокурор: Деревня Спорное?

Гетце: В Спорном я тоже не был, я не могу назвать число.

Прокурор: Были эвакуированы мирные граждане из деревень Козулинского сельсовета, Кировского района, Бобруйской области? Это ваша зона? Из деревень Малиновка и Колодино выселяли?

Гетце: Из этих двух деревень было эвакуировано население.

Прокурор: Сколько?

Гетце: Я не могу сказать сколько, так как я там не был.

Прокурор: Дубняки эвакуировали?

Гетце: Да.

Прокурор: Дуброво?

Гетце: Я не помню названия этих деревень.

Прокурор: Явчиновка?

Гетце: Как я уже показал, названий этих деревень я не помню.

Прокурор: Инвалидное?

Гетце: Это название я не слышал ни разу.

Прокурор: Подкозуличи?

Гетце: Также не слышал.

Прокурор: Кострицкая Слобода?

Гетце: Да, эвакуировал.

Прокурор: Пацева Слобода?

Гетце: Не знаю.

Прокурор: Из этих деревень вы отправили в Германию 2950 человек населения?

Гетце: Я эвакуировал ещё Лобоничи.

Прокурор: Это данные местных органов власти, которые провели полный учет всей вашей работы, проведенной в этой зоне?

Гетце: Я насчитал 2000, а точнее я не могу сказать.

Прокурор: Куда вы население девали? Вы трудоспособных отправляли сразу в лагери, а оттуда уже в Германию. Нетрудоспособных отправляли в лагери. Детей же у матерей вы отбирали и оставляли нетрудоспособным старикам. Так это было?

Гетце: Население, которое мы выселяли, было переселено в места, не подлежащие эвакуации.

Прокурор: Кого вы в Бобруйский лагерь № 131 направили?

Гетце: Были письменные указания о том, чтобы население женского пола от 16 до 45 лет и мужского от 16 до 55 лет пересмотреть. Этим вопросом занималась биржа труда, которая осматривала этих людей и направляла в лагери.

Прокурор: Значит, был самый настоящий отбор трудоспособных для отправки в Германию?

Гетце: При эвакуации, да.

Прокурор: Какое количество людей было отправлено в Германию путем такого отбора?

Гетце: В 2 населенных пунктах, в которых я производил выселение, мною было собрано около 160 человек трудоспособных, которые были переданы на биржу труда, а куда они были направлены биржей труда, мне неизвестно.

Прокурор: Ваше дело было отобрать?

Гетце: Да.

Прокурор: При таком отборе всех трудоспособных женщины, старики, дети, оставшиеся без своих кормильцев, вами были брошены на произвол судьбы?

Гетце: Я говорю, что не все трудоспособное население было забрано для отправки в Германию.

Прокурор: Вы говорили на предварительном следствии, что передавали детей, родные которых были отправлены в Германию, тем, кто оставался на месте, т. е. нетрудоспособным, и заявили: «Я полагаю, если кто-либо имел троих детей, то мог позаботиться и о четвертом чужом ребенке». Так это было?

Гетце: Да. Это было неправильное мероприятие.

Прокурор: Детей оставляли без кормильцев и этим самым обрекали их на гибель?

Гетце: Нет.

Прокурор: Что же получится с ребенком, если за ним некому ухаживать?

Гетце: Если такие случаи бывали, то детей передавали родственникам.

Прокурор: А ведь родственники были оставлены только те, которые не могли за собой смотреть, ввиду своей нетрудоспособности?

Гетце: Я повторяю, что были оставлены и трудоспособные.

Прокурор: Вы замещали Молла и посылали полицейских для уничтожения Бобруйских партизан?

Гетце: Один раз по приказу полевой комендатуры я выслал полицию.

Прокурор: Для того, чтобы ловить партизан и уничтожать их?

Гетце: Нет.

Прокурор: А для чего?

Гетце: Полиция не высылалась для того, чтобы вести борьбу против партизан, а для того, чтобы у граждаиского населения, которое имеет связь с партизанами, изъять продукты питания и мебель.

Прокурор: Значит, вы полицию посылали не для борьбы с партизанами, а грабить советское иаселение?

Гетце: Так точно. Я имел такой приказ.

Прокурор: Я зачитаю ваши показания и прошу суд удостоверить наличие их:

«Вопросами формирования отрядов полиции занимался комендант Бобруйской комендатуры майор Молл. При его отсутствии данные обязанности ложились на меня. Таких случаев было примерно 12, начиная с конца 1942 года и кончая декабрем 1943 года. Лично мною было сформировано один или два раза полицейские отряды на борьбу с партизанами, точно сейчас не помню. Я хочу дополнить, что сформированные мною отряды действовали самостоятельно, без войсковой силы и вмешательства дивизии. Полицейские, которых я посылал, вели бои с партизанами, где много партизан было убито, ранено и пленено. Пленных привозили в комендатуру, а раненых добивали на местах боев».

Председатель: Трибунал удостоверяет, что в протоколе допроса подсудимого Гетце от 17.XII. 1945 года (том 8, лист 35) имеются такие показания, которые зачитал прокурор. Протокол допроса подписан подсудимым Гетце, следователем и переводчиком.

Прокурор: В декабре месяце 1943 года вы выделяли 7 человек полицейских для охраны советских граждан, намеченных для отправки в Германию? Вы это обстоятельство признаете?

Гетце: Точно я не могу сказать, но кажется этот отряд я выставлял.

Прокурор: Значит вы прииимали активное участие в отправке наших людей в рабство в Германию?

Гетце: Отправка гражданского населения производилась биржей труда.

Прокурор: Все население, которое было намечено для отправки в рабство в Германию, охранялось полицейскими, которых вы выделяли?

Гетце: Я только один раз очевидно выставил группу полицейских, которые сопровождали гражданское население из биржи труда до лагеря, а после этих людей должны были отправить в рабство в Германию.

Прокурор: Это значит, что вы принимали активное участие в отправке наших советских людей в рабство в Германию?

Гетце: Да, согласен. В этом случае я принимал активное участие.

Прокурор: У вас таких случаев много. Для производства облав на граждан, которых отправляли в трудлагерь, вы выделяли 5 жандармов? Был такой случай?

Гетце: Это было сделано согласно приказу.

Прокурор: Но вы выделяли?

Гетце: Да, я выделял этих людей.

Прокурор: Следовательно, вы свою жандармерию посылали для производства облав, для ловли мирного населения?

Гетце: Да, я должен был это сделать.

Прокурор: Для чего вы ловили людей?

Гетце: Распределение пойманных людей входило в обязанности биржи труда.

Прокурор: Вернемся назад. Вы говорите, что было приказано посылать жандармов. О чем говорилось в этом приказе?

Гетце: В этом приказе было сказано о том, что местная комендатура обязана выделить 5 жандармов, которые должны быть переданы бирже труда для того, чтобы ловить мирное население и направлять бирже, а биржа труда даст уже распоряжение, куда направлять этих людей.

Прокурор: Следовательно, вы знали, для чего устраивается эта ловля людей?

Гетце: В то время я не знал и узнал об этом позже.

Прокурор: Скажите, вы может быть тоже не знали, когда утверждали заключения об осуждении мирных граждан?

Гетце: Я это знал и их утверждал.

Прокурор: Сколько вы утвердили приговоров?

Гетце: За все время я утвердил приблизительно 20 приговоров.

Прокурор: Что это за люди, в отношении которых вы утвердили приговоры?

Гетце: Это были мелкие приговоры. Я не мог самостоятельно утверждать приговор. Мне зондерфюрер Бурхард давал совет, после этого я утверждал приговор.

Прокурор: Вы механически штамповали?

Гетце: Я не знал русского языка и не мог самостоятельно работать. Поэтому зондерфюрер Бурхард готовил эти дела и передавал мне. Я рассматривал, какой шрафф полагается этому человеку.

Прокурор: Или на какой срок заключить его в лагерь?

Гетце: Да.

Прокурор: Вы признаете себя виновным в этом, что утверждали заключения об осуждении советских людей, не проверяя их виновности?

Гетце: Я должен был в то время полагаться на зондерфюрера Бурхарда, так как я не знал русского языка.

Прокурор: Окончательное решение было за вами. Вы занимались допросами арестованных и что это были за арестованные?

Гетце: Допрос производился жандармерией.

Прокурор: Вы принимали участие в допросах, или нет?

Гетце: В допросах, которые проводила жандармерия, я участия не принимал.

Прокурор: В каких же допросах арестованных вы принимали участие?

Гетце: Я принимал участие в допросе только два раза.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 25 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: Адвокат Гаврилов имеет вопросы?

Гаврилов: Да. (К Гетце): Как вы попали на работу в Бобруйскую комендатуру?

Гетце: 22 февраля 1942 года по приказу фон Шенкендорфа направили в город Бобруйск на должность офицера для особых поручений.

Гаврилов: Почему вас назначили в комендатуру, а не в действующую армию?

Гетце: Существовал приказ, что те, кто участвовал в империалистической войне, на фронт не направляются.

Гаврилов: Сколько времени вы пробыли офицером для поручений?

Гетце: С 22 февраля 1942 года до дня пленения. Размещением по квартирам я занимался до средины сентября 1943 года.

Гаврилов: А после этого чем сами занимались?

Гетце: Я попрежнему остался офицером для особых поручений, работая в местной комендатуре?

Гаврилов: В период с августа 1942 года по сентябрь 1943 года сколько вы выселили?

Гетце: Вместе с моим заместителем 2200 человек.

Гаврилов: Почему же Бурхард считает, что выселили несколько тысяч человек?

Гетце: Я не могу назвать точно цифру выселенных лиц, потому что в средине сентября 1943 года выселение происходило в массовом порядке.

Гаврилов: То-есть тогда, когда вы уже сдали дела?

Гетце: Местная комендатура мне запретила производить выселение в это время.

Гаврилов: Кто стал производить выселение?

Гетце. Выселения производились по приказу генерала Гамана.

Гаврилов: А вы какие обязанности выполняли тогда?

Гетце: Я работал тогда по существу писцом.

Гаврилов: Кто дал вам приказ направить полицейские части в деревню Топорки?

Гетце: Я получил этот письменный приказ от полевой комендатуры.

Гаврилов: Выполнили вы этот приказ полевой комендатуры или нет?

Гетце: Я этот приказ не выполнил потому, что эти мероприятия должна была проводить ГФП — тайная полевая полиция.

Гаврилов: Вы были мобилизованы в армию?

Гетце: Был призван в армию.

Гаврилов: Выселение из деревень по дополнительным материалам вы производили или это производил Гаман?

Гаврилов: Когда вы замещали коменданта?

Гетце: В первый раз в декабре 1942 года по январь 1943 года и второй раз с декабря 1943 года до января 1944 года.

Гетце: Это было по приказанию армии и генерала Гамана.

Гаврилов: Имели ли право направлять в Германию население?

Гетце: Местная комендатура не имела права отправлять население в Германию.

Гаврилов: Какие взаимоотношения у вас были с биржей труда?

Гетце: Биржа труда должна была производить отправку населения в Германию.

Гаврилов: По обвинительному заключению вам вменяется в вину то, что вы утверждали приговоры местных судов. Когда это было?

Гетце: Я утверждал эти приговоры только тогда, когда был заместителем местной комендатуры.

Гаврилов: В чем заключалась сущность приговоров—штрафы или лишение свободы?

Гетце: Это было установлено судом в зависимости от того, что данный человек совершил.

Гаврилов: Не помните ли вы виды наказания?

Гетце: Были наказания—платить штраф или же отсидеть в тюрьме.

Гаврилов: В дальнейшем вы уже не ведали этими людьми, которые получали наказание сидеть в тюрьме?

Гетце: Нет, не ведал.

Гаврилов: Выделяли отряды для охраны советских граждан, отправляемых в Германию?

Гетце: Я давал только для охраны населения, которое подлежало отправке в Германию.

Гаврилов: Вы когда-либо протестовали против массовых выселений населения?

Гетце: Я не был согласен с этими мероприятиями.

Гаврилов: Кому вы докладывали, что вы не согласны с этим?

Гетце: Я не мог возражать против этого.

Гаврилов: Бывали ли какие-либо совещания, где вы говорили, что выселять население некуда?

Гетце: Никогда не был на таких совещаниях.

Гаврилов: Вы обязывали квартирное управление давать выселяемым квартиры или какой-либо угол?

Гетце: Я обращался в местное управление по квартирным вопросам с тем, чтобы дать выселяемым квартиры, но мне отвечали, что квартир нет и нет возможности их предоставить.

Гаврилов: В первой империалистической войне вы участвовали?

Гетце: Да.

Гаврилов: По мобилизацин или добровольцем?

Гетце: Добровольно.

Гаврилов: Что вы делали в промежутке между первой империалистической войной и началом второй войны?

Гетце: Я был чиновником и продавцом.

Председатель: Слово имеет адвокат Жудро.

Жудро: Ваша Бобруйская комендатура получала какие-либо приказы свыше об уничтожении советского населения, в частности еврейского?

Гетце: Нет, таких приказов я не получал.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы к Гетце?

Подсудимые: Никто.

Председатель: Подсудимый Лангут. (Лангут встает.). Ваши показания, которые вы дали на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Лангут: Да, подтверждаю.

Председатель: Товарищ прокурор, имеете вопросы к подсудимому?

Прокурор: Да. Скажите, подсудимый Лангут, выходцем из какой семьи вы являетесь?

Лангут: Мой отец был продавцом.

Прокурор: Почему вы решили вступить в фашистскую партию?

Лангут: В 1939 году я вступил в нацистскую партию, потому что меня призвали в гестапо.

Прокурор: Только поэтому?

Лангут: Тот, кто работал в гестапо, должен был быть членом партии.

Прокурор: По каким мотивам гестапо призвало вас на службу?

Лангут: С 1923 года по 1932 год я работал в полиции, а с января 1933 года работал в криминальной полиции.

Прокурор: Значит, вы в гестапо пользовались особым доверием и поэтому вас призвали на службу?

Лангут: Я не имел доверия. Это было принуждение. В 1923 году в декабре месяце я поступил в вспомогательную полицию. Я хотел стать офицером полиции.

Прокурор: Скажите, сколько вы всего прослужили в полиции?

Лангут: Я служил до декабря 1930 года в Лейпциге в качестве служащего полиции. С 1 января 1931 года я был переведен на работу в криминальную полицию, где работал 2 года. Это была проба моей работы. Я учился и должен был работать. После двухлетней службы я сдал испытания. 1 января 1932 года я вынужден был возвратиться на свою прежнюю работу служащего полиции, так как в то время в криминальной полиции для меня не имелось свободной должности.

Прокурор: По какой год вы работали в полиции?

Лангут: С 1938 года до июля 1939 года я был старшим ассистентом криминальной полиции.

Прокурор: Конкретно, какие функции вы выполняли?

Лангут: Я был референтом по еврейским вопросам.

Прокурор: Вы были переведены на работу в гестапо в 1939 году в город Лейпциг, в отдел по выселению из Германии еврейского населения. Этим вы занимались?

Лангут: Я был референтом по еврейским вопросам и занимался выселением.

Прокурор: Значит, вы член национал-социалистской партии с 1939 года?

Лангут: Я с 1940 года стал членом партии.

Прокурор: Знакомы ли вы с программой?

Лангут: В большом масштабе не был знаком.

Прокурор: Вы книгу Гитлера «Майн кампф» читали?

Лангут: Нет. (Смех в зале.) Я не имел ее в своей библиотеке и не читал.

Прокурор: В вашей программе ставился вопрос не о расселении евреев по странам Европы, а об уничтожении. Такова была программа вашей партии?

Лангут: В 1939 году еще не уничтожали евреев, а они добровольно выезжали в другие государства. Переезду евреев помогал еврейский советник, который находился в каждом городе, а что было позже, я не знаю.

Прокурор: Вы были преданны гитлеровскому правительству по выполнению его звериной программы уничтожения людей другой национальности, в частности евреев?

Лангут: Да, само собой разумеется.

Прокурор: В немецкую армию вы вступили в 1940 году по призыву?

Лангут: Да, в июле 1940 года.

Прокурор: В июле 1941 года вы в должности первого офицера группы лагерного руководства находились во Франции, откуда переброшены с лагерем № 131 в город Слоним, Барановичской области?

Лангут: Да.

Прокурор: Сколько вы находились в Слониме?

Лангут: С конца июля до 12 августа 1941 года.

Прокурор: Чем занимался ваш лагерь?

Лангут: Мы прибыли туда в конце июля 1941 года и приняли военнопленных.

Прокурор: Каковы условия содержания военнопленных были в лагере, когда он находился в Слониме?

Лангут: Военнопленные, которые находились в нашем лагере в городе Слониме лишь один или два дня, имели достаточно продуктов питания. Отношение к ним было неплохое. Совсем противоположное было в лагере в Бобруйске.

Прокурор: А вы в Бобруйский лагерь когда приехали?

Лангут: Приблизительно 15 августа 1941 года мы прибыли со своим лагерем № 131 в город Бобруйск и 18 августа уже приняли лагерь.

Прокурор: Какое количество в Бобруйском лагере находилось военнопленных?

Лангут: В Бобруйске мы приняли 18 тысяч военнопленных, а к ноябрю месяцу 1941 года имели 60 тысяч человек, так как не получали эшелонов для отправки их.

Прокурор: Расскажите о режиме в лагере.

Лангут: В августе 1941 года в Бобруйске я стал первым офицером лагеря № 131. Лагерь, который находился возле станции Березина, в Бобруйске, уже в то время, когда мы его приняли, был переполнен военнопленными. Нормально этот лагерь мог принять только 3 тысячи человек, а в то время он уже имел 17 тысяч, а впоследствии—30 тысяч человек. В лагере не было воды, уборных и т. п. Мы сразу же приняли меры к тому, чтобы найти помещения для другого лагеря, так как в сентябре месяце 1941 года до 20 тысяч военнопленных находились на улице, они не имели помещения и должны были сидеть под открытым небом.

Прокурор: Что это за помещение, в котором размещались военнопленные?

Лангут: На территории первого лагеря был только лишь один каменный дом, в котором до войны была тюрьма. Этот дом мог вместить только лишь 3 тысячи военнопленных. Местная комендатура не давала нам помещений, где мы могли бы создать второй лагерь. Впоследствии комендатура отпустила нам 18 бараков, которые были недалеко от первого лагеря, и мы создали второй лагерь военнопленных, в который перевели 20 тысяч человек из первого лагеря.

Второй лагерь, который был нами создан, не имел также воды. Воду должны были доставлять с аэродрома. Не было кухни, и поэтому питание для такой большой массы военнопленных мы должны были доставлять из первого лагеря.

В числе 18 бараков были такие, которые имели цементный пол, частично деревянный пол и часть бараков без пола.

Прокурор: Каково было питание?

Лангут: Военнопленные получали 100 граммов хлеба и полулитра супу.

Прокурор: В связи с тем, что пленных не кормили, они сходили с ума, выходили к проволочному заграждению и просили их расстрелять. Такое положение в лагере было?

Лангут: Да, это было.

Прокурор: Начальник лагеря, которым вы являлись, должен отвечать за это или нет?

Лангут: Я несу такую же ответственность за все это, как и комендант лагеря.

Прокурор: Вами, как и комендантом лагеря, абсолютно ничего не было предпринято для того, чтобы улучшить бытовые условия военнопленных лагеря?

Лангут: Мы предпринимали меры, но у нас ничего не получилось.

Прокурор: Какое количество военнопленных в результате таких ужасных условий содержания умирало ежедневно в лагерях?

Лангут: В октябре и ноябре 1941 года умирало ежедневно от 600 да 800 военнопленных, а позже умирало и 1000 человек ежедневно.

Прокурор: Какое количество военнопленных за год вы погубили такими ужасными условиями содержания?

Лангут: Зимой 1941—1942 гг. в нашем лагере умерло от дистрофии и сыпного тифа 28—30 тысяч военнопленных.

Прокурор: Какие реально меры вы приняли для прекращения трупоедства, вызванного таким ужасным положением людей?

Лангут: Все военнопленные, которые ходили на работу, а в то время выходило от 4 до 6 тысяч военнопленных, имели

право приносить в лагерь продукты питания, как-то: картофель, хлеб, мясо, рожь и т. д.

Прокурор: Вы не отклоняйтесь от прямого ответа. Суд интересует, что было предпринято вами для предотвращения и прекращения трупоедства?

Вы знаете, как нужно было предотвратить все это. Нужно было хлеба, а вы расстреливали, сколько вы расстреляли?

Лангут: За трупоедство было расстреляно 28 военнопленных.

Прокурор: Вы лично сколько расстреляли?

Лангут: Я лично расстрелял 4 человека.

Прокурор: Значит, вместо того, чтобы людям дать хлеба, начали расстреливать. Довели пленных до отчаянного состояния, а затем их расстреляли?

Лангут: Да, я согласен. Я хочу сказать, что штат 80 человек не мог обслужить 60 тысяч человек военнопленных.

Прокурор: Не отклоняйтесь от вопроса, отвечайте суду прямо. Обстановка, которую вы создали для военнопленных в лагере № 131, являлась заранее продуманной политикой германского командования, направленной к тому, чтобы больше погубить русских военнопленных. Так это было?

Лангут: Правильно.

Прокурор: Уничтожение и массовое умерщвление военнопленных Красной Армии было системой преступного немецко-фашистского правительства, которую вы так тщательно осуществляли на практике?

Лангут: Да, именно такая система была во всех этих делах.

Прокурор: Это является величайшим преступлением и нарушением международных прав?

Лангут: Да, правильно.

Прокурор: Вы, как лицо, которое осуществляло эту политику немецкого правительства, за все эти злодеяния считаете себя виновным или нет?

Лангут: Да, полностью признаю себя виновным, и буду отвечать за все те приказы, которые я издавал.

Прокурор: Расскажите, как был подготовлен с провокационной целью поджог лагеря, в результате которого погибло большое количество военнопленных?

Лангут: 4 или 5 ноября 1941 года ко мне пришел комендант лагеря подполковник Редер и сказал, что со мной он должен побеседовать. Прежде всего он потребовал, чтобы я дал слово, что никому больше об этом разговоре не расскажу. Такое слово я дал. После этого Редер говорил, что командование отказалось давать транспорты для отправки военнопленных в Германию. Все военнопленные умирали от голода. Поэтому полковник Штурм дал приказ уничтожить военно-

пленных лагеря № 2. Лагерь имел тогда 18 тысяч военнопленных.

Прокурор: Назовите должностное положение этого полковника.

Лангут: Штурм был представителем штаба по делам военнопленных.

Прокурор: Центрального штаба?

Лангут: Да, по делам военнопленных.

Ко мне 6 ноября должен был прийти руководитель одной из зондеркоманд, которому я должен был показать казармы. Он должен был подготовить и осуществить поджог, причем сделать так как будто военнопленные сами подожгли лагерь с целью побега.

Руководитель этой зондеркоманды пришел ко мне 6-го. Я ходил с ним по казармам, затем на чердак третьего этажа. На чердаке находилась вентиляция.

Руководитель зондеркоманды сказал, что 6 ноября он привезет материал для поджога, а также горючего. Я пообещал, что буду при этом, когда он приедет.

6 ноября вечером он вернулся и привез материал для поджога. Он был еще с двумя человеками и сказал, что 7 ноября он все устроит и что моя помощь ему уже больше не нужна.

7 числа, в 15 часов фельдфебель мне доложил, что правый фланг казармы горит. Я позвонил зондерфюреру Мартынюку в пожарную команду, и Редер мне приказал по телефону, чтобы я вместе с Мозебахом, который являлся вторым лагерным офицером, и двумя переводчиками пошел в казармы и выгонял всех военнопленных во двор. Я с Мозебахом туда пошел и увидел, что 3-й этаж горит. Я пошел в барак военнопленных, который также горел, и вместе с переводчиками людей гнали сверху вниз. Понятно, что 18.000 человек не могли сразу сойти вниз. Люди с первого и второго этажа стояли на лестнице и загородили собой выход для пленных, размещавшихся на третьем этаже. Погода была очень плохая, никто из военнопленных не хотел выйти на улицу, в силу чего выход военнопленных из казармы продолжался очень долго. Таким образом только несколько тысяч военнопленных вышли на улицу.

Комендант мне сказал, что он звонил в 221-ю охранную дивизию, чтобы дали дополнительную охрану, из дивизии также должны были прислать офицеров, чтобы окружить лагери. Примерно в 17 часов приехала пожарная команда. Я никак не мог понять, почему пожарная команда не приезжала 2 часа. Оказалось, что охранник, который имел приказ никого не пускать в цитадель, не пропустил пожарную команду, которая приехала во-время. Один гидрант давал некоторое время достаточно воды для тушения пожара, а второй совершенно не

давал. В это время уже вся казарма горела, южный ветер помогал пожару.

Комендант лагеря послал меня в другое отделение лагеря посмотреть, все ли там в порядке, и когда я вернулся, большинство военнопленных уже стояло во дворе. Тогда комендант приказал мне и всему немецкому персоналу, который был в зоне лагеря, выйти на улицу. Здесь же он познакомил меня с одним капитаном из охранной дивизии, фамилию которого я забыл. Капитан в это время поставил четыре пулемета вокруг лагеря. По его приказу охрана была усилена. Коменданту лагеря, как и мне, нечего было больше там приказывать. Капитан дал приказ пулеметчикам открыть огонь.

Один пулемет стрелял в военнопленных, которые находились в 5 метрах между казармой и улицей. Он все время стрелял в военнопленных, которые находились во дворе.

Военнопленные бежали на другую сторону. Тогда второй пулемет стрелял в ту сторону, в которую направлялись военнопленные. Тогда все военнопленные бросились к средине. Третий пулемет стрелял в средину.

В 20 часов я еще видел военнопленных в одной казарме. В 21 час комендант мне сказал, чтобы я ушел оттуда и сходил в лагерь № 1, так как можно ожидать, что и в других лагерях что-нибудь случится.

На следующий день, в 8 часов утра, я и комендант лагеря пошли в казармы. Казармы сгорели. Оставшиеся в живых военнопленные лежали друг на друге в средине двора и просили, чтобы их отправили в какой-нибудь лагерь. Комендант сказал, что сейчас это сделает.

В 13—14 часов я приказал зондерфюреру Мозобаху направить этих военнопленных в лагерь № 1. Я еще раньше освобождал лагерь № 1. В нем находилось очень мало военнопленных. Поскольку я знаю, 14 тысяч военнопленных были переведены в лагерь № 1. Я не могу сказать, было 500 или 600 раненых, остальные были уничтожены. Сколько военнопленных сгорело в казармах, этого мы не узнали.

Когда военнопленные прибыли в лагерь № 1, они получили хорошее помещение. Из этого лагеря 2 тысячи пленных пешком отправили в Слуцк в этот день или на следующий. Как мне рассказали позже, из 2000 военнопленных очень малое количество дошло до Слуцка. Конвоиры говорили, что военнопленные, проходя через лес, хотели убежать и были охранниками расстреляны.

Охрану в Слуцке также несла 221-я дивизия.

20 тысяч военнопленных находились в лагере № 1. Через несколько дней они были направлены в открытых и закрытых вагонах на Запад.

Прокурор: До этого мы дойдем. Уточните, какого числа

полковник Редер обсуждал с вами порядок провокационного поджога казарм, где были помещены военнопленные?

Лангут: 4 или 5 ноября.

Прокурор: Вы были на чердаке и смотрели, какие средства там укладывались для того, чтобы совершить поджог?

Лангут: Нет. Когда выгружали эти средства с грузовых машин, я был, но когда их укладывали на чердаке, меня не было.

Прокурор: Кого вы предупредили, что ежели кто-либо будет спрашивать, что там сложено, ответить, что это краска?

Лангут: Я это сказал руководителю зондеркоманды, что если кто-либо увидит, сказать, что это краска.

Прокурор: Значит вы без приказания со стороны других сами сделали распоряжение, чтобы скрыть следы подготовки злодения над военнопленными?

Лангут: Так точно.

Прокурор: Значит, вы являетесь тем лицом, который сделал все, чтобы завуалировать факт подготовки поджога?

Лангут: Так, я имел приказ на это.

Прокурор: Вы были полностью в курсе дела всей провокационной подготовки поджога с целью уничтожения русских военнопленных?

Лангут: Да.

Прокурор: Какое же количество людей погибло в результате этого провокационного поджога, на который вы хотели свалить вину на военнопленных?

Лангут: 4000 человек.

Прокурор: Четыре тысячи человек было уничтожено в результате пожара. А сколько было расстреляно из пулеметов?

Лангут: Четыре тысячи — это общая цифра сожженных и расстрелянных.

Прокурор: Где и с кем вы обсуждали порядок поджога и расстрела пленных с тем, чтобы никто из подожженного здания не имел возможности уйти живым?

Лангут: Только с подполковником Редер.

Прокурор: Все эти мероприятия вы обсуждали и принимали конкретное решение только с подполковником Редер?

Лангут: Я успокоился тем, что казармы имеют 8—9 выходов, и думал, что не все военнопленные погибнут.

Прокурор: Беспокоились за то, что имеется много выходов и одновременно установили пулеметы?

Лангут: Эти пулеметы привез капитан из дивизии.

Прокурор: С какой целью были поставлены пулеметы?

Лангут: Для уничтожения тех, которые хотели бежать, и тех, которые вышли из казармы на двор.

Прокурор: Значит, не только для того, чтобы расстреливать тех, которые старались убежать, но даже и тех, которые пытались уйти из горящих казарм?

Лангут: Да, так.

Прокурор: Почему вы отдали распоряжение вызвать пожарную команду? Зачем это нужно было? Ведь вы же хотели уничтожить казармы с находившимися там людьми?

Лангут: Для того, чтобы подумали, что подожгли сами военнопленные.

Прокурор: Считаете ли вы такие деяния нарушением всех международных правил?

Лангут: Так точно.

Прокурор: Считаете ли вы, что вы являетесь непосредственным организатором и исполнителем этого жестокого преступления по истреблению русских военнопленных и должны нести перед Военным Трибуналом и перед советским народом самую жестокую ответственность?

Лангут: Да, я должен за это отвечать, но я действовал по приказу.

Прокурор: Такое преступление нельзя отвести заявлением, что вы выполняли приказы? Вы несете ответственность?

Лангут: Я сам говорю, что я должен нести за это ответственность.

Прокурор: Расскажите об отправке эшелонов зимой, при которых большее количество военнопленных замерзало, так как вагоны и платформы не были приспособлены к перевозке людей.

Лангут: Точно не помню когда, но мне кажется в декабре 1941 года дивизия нам предоставила 50 вагонов, и мы погрузили в них военнопленных.

Комендант лагеря приказал перевозить всех военнопленных на открытых платформах.

Прокурор: Какое количество военнопленных было погружено на открытые платформы?

Лангут: 3200 военнопленных.

Прокурор: Вам известно, что все военнопленные, которые перевозились в декабре месяце 1941 года на открытых платформах, замерзли и трупы их были сброшены под откос?

Лангут: Об этом я узнал от свидетелей.

Прокурор: Как часто практиковался такой способ переброски военнопленных в зимних условиях?

Лангут: Применяли часто.

Прокурор: Вы на предварительном следствии говорили, что эшелоны военнопленных, отправляемые в зимнее время, не снабжались печами и дровами во избежание пожара в пути. Комендантом лагеря Редер отопление вагонов было запрещено?

Лангут: Открытые платформы все равно не было смысла топить, а в закрытых вагонах отопление было строго запрещено.

Прокурор: Скажите, был ли случай, когда в Бобруйский лагер № 131 прибыл эшелон с замерзшими людьми?

Лангут: В январе 1942 года прибыл эшелон из направления Гомель—Брянск. В эшелоне было 600 человек больных и раненых, из них 200 человек замерзших.

Прокурор: Где были похоронены тела этих 200 русских пленных?

Лангут: В братской могиле, восточнее лагеря.

Прокурор: Были ли случаи расстрела военнопленных при разгрузке эшелонов?

Лангут: Да, такие случаи были.

Прокурор: Что вы делали с теми военнопленными, которые отставали от колонны после выгрузки?

Лангут: Часть из них была расстреляна, часть — избита, я тоже их бил.

Прокурор: За что вы били этих военнопленных?

Лангут: Это начиналось при выгрузке из вагонов. Военнопленные были недисциплинированы, поэтому их били.

Прокурор: А чем вы били военнопленных?

Лангут: Плеткой, которой я бил свою собаку.

Прокурор: Были ли случаи, когда при конвоировании на работу расстреливали военнопленных?

Лангут: Я также слыхал об этом.

Прокурор: На предварительном следствии вы ответили так: «Да, такие расстрелы практиковались почти ежедневно. Военнопленные, которые отставали от конвоируемой колонны, как правило, конвоирами расстреливались».

Лангут: Да, и вместо этих военнопленных хватали граждан.

Прокурор: Следовательно, при конвоировании отстающие военнопленные расстреливались, а, чтобы пополнять недостающее число военнопленных, конвоиры хватали по пути гражданских лиц и ставили их в колонны. Как вы, как начальник лагеря, реагировали на все эти преступные факты?

Лангут: Я об этом доносил коменданту лагеря.

Прокурор: Были ли случаи наказания конвоиров, которые применяли беспричинный расстрел и такой способ пополнения колонны?

Лангут: Нет, я не наказывал.

Прокурор: Это можно расценить, как поощрение расстрелов?

Лангут: Да.

Прокурор: Вы показали на допросе 21 декабря 1945 года, что в октябре 1941 года во втором лагерном отделении по

вашему личному приказанию было расстреляно 12 человек. Кто производил расстрел?

Лангут: Охранники.

Прокурор: Кроме военнопленных, содержалось в лагере гражданское население и в каком количестве?

Лангут: Было, но сколько — мне не известно.

Прокурор: Вы на предварительном следствии показали, что их было 5000 человек.

Лангут: Если я сказал, тогда правильно.

Прокурор: Все эти люди находились в распоряжении местного коменданта Молла?

Лангут: В 1944 году в январе месяце в лагере военнопленных уже не было, а к нам привели 5000 гражданских лиц по приказу генерала Гамана.

Председатель: С тем, чтобы больше не возвращаться к эпизоду о поджоге казармы, ответьте на следующий вопрос: как был представлен поджог этой казармы общественному миению?

Лангут: Мы сообщили в Берлин о том, что военнопленные сами подожгли казарму для того, чтобы совершить побег из лагеря, а поэтому мы были вынуждены расставить пулеметы и расстрелять толпу военнопленных.

Председатель: Скажите, какую награду получил комендант лагеря за эту операцию?

Лангут: Точно не могу сказать, но через 2—3 недели он получил военный крест 1-й степени «За военные заслуги».

Председатель: Применялся ли вами расстрел военнопленных за то, что они, спасаясь от холода, из-за недостатка дров ломали нары?

Лангут: Был только один такой случай, когда в бараке 17 военноплеиных сломали нары и сожгли.

Председатель: И вы в назидание другим перед строем расстреляли их?

Лангут: Да, они были расстреляны по моему приказу, а приказ утвердил комендант лагеря. Всего было расстреляно за это 12 человек.

Председатель: Вы дали показания еще и о том, что вы не снабжали вагоны ни дровами, ни печами. Почему?

Лангут: У нас была инструкция за № 38/4, которая запрещала в вагонах возить дрова, а также разжигать печи.

Председатель: Вы боялись пожара?

Лангут: Да.

Председатель: Вы вагоны ценили дороже людей?

Лангут: Да. (В зале шум.) Так говорилось в инструкции.

Председатель: Военнопленные, которые были лишены возможности двигаться, тяжело больные, уничтожались, расстреливались?

Лангут: Много из них было расстреляно.

Председатель: Были ли случаи, когда для устрашения

других лица, заподозренные в побеге, расстреливались и трупы их складывались за проволочным заграждением лагеря?

Лангут: Этот факт был.

Председатель: Товарищ прокурор, имеете вопросы?

Прокурор: Да. Скажите, Лангут, среди гражданского населения, которое содержалось в лагере, дети были?

Лангут: В январе месяце детей не было, но в мае месяце дети прибыли.

Прокурор: Когда к вам было доставлено около 600 человек детей в возрасте от 10 до 15 лет?

Лангут: Это было в 1942 году, когда происходили бои возле Вязьмы и Брянска.

Прокурор: Почему дети прибыли в лагерь вместе с эшелоном военнопленных?

Лангут: Эти дети к нам прибыли не только с одним эшелоном, их привозили несколько раз. Они прибывали с военнопленными, которые, как нам говорили, были их отцами. К нам также прибывали и женщины.

Прокурор: Почему же они зачислялись в состав военнопленных? В каких таких сражениях с немецкой армией участвовали маленькие дети?

Лангут: Тогда, когда к нам прибывали дети, мы считали их детьми военнопленных, доставленных этим же эшелоном. Уже после майор Гейнрих, начальник контрразведки выяснил, что эти дети не являются детьми военнопленных.

Прокурор: Какова судьба этих детей?

Лангут: После, когда только установили, что эти дети не являются сыновьями и дочерьми военнопленных, мы их передали в лагерь № 3, откуда их после отправили, но куда я не знаю.

Прокурор: По каким причинам дети умирали в лагере?

Лангут: Около 250 детей умерло в лагере от сыпного тифа.

Прокурор: Кто хоронил трупы?

Лангут: Все трупы вывозились на двухколке, которую везли военнопленные. Была группа военнопленных, которая хоронила все трупы.

Прокурор: Был у вас случай, когда раздетый до гола и доставленный к могиле для погребения человек встал на ноги, а затем был отправлен обратно в лагерь?

Лангут: Да. Такой случай был. Об этом мне доложил старший фельдфебель, после чего я указал врачам, чтобы они лучше работали и не допускали таких случаев.

Прокурор: В каких лагерных отделениях были факты вывозки живых людей в могилу?

Лангут: Это было в первом и втором лагерях.

Прокурор: Скажите, был ли у вас такой случай, когда санитары накидывали петлю на шею больного, тащили его по каменной лестнице вниз?

Лангут: Я видел таких два или три человека, которых при мне за шею петлей стянули вниз. Они были еще в предсмертной агонии. Очевидно таких случаев было больше.

Прокурор: Считаете ли вы, что за такие «порядки», которые существовали в отделениях вашего лагеря, вы должны нести ответственность?

Лангут: Да, я несу ответственность за все эти преступления, а также за преступления моего подчиненного персонала.

Прокурор: Расскажите, передавались ли военнопленные Бобруйского лагеря № 131 для производства над ними так называемых «медицинских опытов». Расскажите, что это за опыты, которые проводил «профессор» Борман?

Лангут: Это не были военнопленные. Профессор Борман получил заключенных от СД 50 мужчин и 50 женщин.

Прокурор: Что это за медицинские опыты?

Лангут: Профессор Борман являлся представителем 9-й армии. Ему дали разрешение произвести пробу одного лекарства для борьбы с сыпным тифом. Для этого ему СД выделило 50 мужчин и 50 женщин, которые были приговорены к смертной казни. Мне об этом рассказал Борман.

По приказу комендаита лагеря № 131 для Бормана было выделено одно здание, в которое были переведены выделенные ему для опытов люди.

Прокурор: Помещение для Бормана предоставили вы лично?

Лангут: Да, я лично это сделал по приказу своего коменданта.

Прокурор: Вы наблюдали за ходом этих экспериментов Бормана?

Лангут: Нет, было строго запрещено входить туда. Борман мне только рассказал о том, что у него имеется средство для борьбы с сыпным тифом, которое он испробует на данных лицах.

Подполковник Редер мне сказал о том, что в мои обязанности входит снабжение продуктами питания данных людей, а также отопление помещения. Охрана выставлялась самим профессором Борманом из моих людей. Борман по поводу своей работы мне ничего не рассказывал.

Прокурор: Какова судьба этих 100 человек, которые были переданы в распоряжение Бормана? Что вам рассказывал сам Борман?

Лангут: Я не могу точно сказать. Борман ничего мне не рассказывал об этом. Но в один день исчезли и Борман и эти 100 человек. Комендант пробовал звонить по телефону

Борману, но не дозвонился. Я слыхал, что несколько человек из сотни умерло, но это не точно.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 26 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: Судебное заседание Военного Трибунала продолжается.

У прокурора есть вопросы к подсудимому?

Прокурор: Вопросов к Лангуту у меня нет.

Председатель: Слово имеет адвокат Плевако.

Плевако: Вы были первым офицером в лагере военнопленных?

Лангут: Да.

Плевако: Что входило в ваши функции?

Лангут: В мои функции входило: сообщение коменданту о положении дел в лагере, оборудование лагеря, наблюдение за тем, чтобы военнопленные были помещены в бараки, забота о питании, санитарное обеспечение. Кроме того, в мои функции входила посылка военнопленных на работу и прием новых военнопленных.

Плевако: Для отправки военнопленных в Германию, кто требовал вагоны? Вы этим вопросом занимались?

Лангут: Вопросом отправки военнопленных в Германию занимался комендант. Он давал заявку в дивизию на вагоны. Дивизия требовала закрытые вагоны, но получали платформы.

Плевако: Находясь в Белоруссии, вы совершили много злодеяний. Осознали ли вы свою вину и понимаете ли ту тяжелую ответственность, которую вы несете?

Лангут: Я выполнял преступные приказы и совершил тяжелые преступления. Я это хорошо понимаю.

Адвокат Жудро: Скажите, пожалуйста, Лангут, кто устанавливал норму питания в лагерях?

Лангут: Группа управления, инспектор Томас.

Жудро: Для всех лагерей были установлены одинаковые нормы питания?

Лангут: Насколько мне известно, да, но возможно другой лагерь получал большую норму.

Жудро: Кто производил отпуск продуктов для лагерей?

Лангут: Сначала мы сами доставляли их из районов, а после мы получали продукты от сельскохозяйственной команды.

Жудро: Скажите, получала ли администрация лагерей какие-либо инструкции по вопросу уничтожения военнопленных?

Лангут: Нет.

Председатель: У подсудимых есть вопросы к Лангуту?

Подсудимый Бурхард: Знали ли об истинной причине

пожара другие офицеры лагеря, кроме коменданта Редера и обвиняемого Лангута?

Лангут: Знали только Редер и я; другие офицеры об истинной причине пожара не знали.

Переводчик: У подсудимых вопросов больше нет.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Богдан.

Комендант: Свидетель Богдан прибыл.

Председатель: Богдан Петр Михайлович, 1875 года рождения?

Богдан: Да.

Председатель: Свидетель Богдан, вас Военный Трибунал уже предупредил о даче правильных показаний, как свидетеля. Расскажите, что вам известно по обстоятельствам дела.

Богдан: Я знаю, лагерь № 131 находился в городе Бобруйске, и возглавлялся капитаном немецкой армии Лангутом.

Председатель: Вы Лангута не знаете?

Богдан: Знаю. Он сидит в первом ряду слева направо последний. Я проживал во время оккупации в своем доме, в 50 метрах от входных ворот в лагерь. Поэтому режим в лагере я знаю, как свои пять пальцев, и при таком режиме не могло выдержать ни одно животное.

Кормили людей всякими отбросами продуктов, как-то: гнилой капустой, гнилым и мерзлым картофелем отбросами с немецкой кухни—шелухой и гречневой мякиной. Из этого делали баланду, давали ее пленным пол-литра, а также 100 граммов хлеба. Людей в лагере держали под открытым небом никакого помещения для этого не было. Пленных заставляли работать на непосильных работах, а за невыполнение норм избивали резиновыми палками, досками, кирпичами. Немцы разбивали доски и кирпичи о головы военнопленных. В особенности избивали пленных, когда отправляли в дальнюю поездку. Людей сажали на машины и если больной не мог садиться в автомашину—его расстреливали прямо на месте.

Все это совершалось на глазах у Лангута. Сам Лангут всегда ходил с резиновой палкой в руках и избивал пленных.

В декабре 1941 года он лично расстрелял 4 пленных, за то, что они не в силах были везти телегу с трупами из лагеря на кладбище.

От непосильного труда и тяжелого режима люди сходили с ума, бросались на проволоку, шли на ура в атаку, считая, что они могут таким образом уйти из лагеря. Тут же их пристреливали конвоиры.

Были случаи, что пленные, не выдержав этого адского режима, изболевшие, изголодавшиеся, по 2—3 человека под-

ходили к запретной зоне и просили часового, чтобы он их расстрелял.

В 50 метрах от здания лагеря Лангут отвел площадь, куда согнал 12 000 людей. Эти люди находились почти по колено в воде. При этом к их несчастию шли частые дожди. Люди ночью стояли по колено в воде и спасались только днем, когда их отправляли на работу. Понятно, какой это был отдых. В скором времени в этом лагере появились заразные болезни: тиф, дизентерия.

Лангут, вместо того чтобы отделить больных, или оказать им врачебную помощь, делал наоборот. Больных, по 8 — 10 человек перебрасывал в помещение, где были здоровые люди, и там вспыхивала эпидемия. В день умирало от 600 до 1000 и более человек.

7. XI. 1941 года немцы выделили 3000 человек пленных для направления на работу в Слуцк. Нас назначали для сопровождения, т. е. для подвоза больных, отстающих от колонны. В 8 часов утра выгнали их из лагеря, посадили больных на подводы (было 49 подвод), а на мою подводу поставили пулемет, и сели два офицера. Проехав 7 километров, немцы остановили все подводы с больными около деревни Каменка, ссадили больных с подвод, построили по 5 человек в ряд и объявили: все, кто будет отставать будут расстреляны. Не прошли они 100 метров, как люди начали падать и отставать. Упавших сразу же расстреливали. Военнопленных вел карательный отряд, а я, как ехавший сзади, считал расстрелянных. Пройдя 13 километров до деревни Богушевка, я насчитал 729 расстрелянных.

Из Богушевки все подводы немцы отправляли обратно в Бобруйск, и что было дальше — я не знаю.

В тот же день, в 7 часов вечера, начался пожар в лагере. Горело 3-этажное здание, в котором находилось до 24 000 человек. Пожар продолжался всю ночь. Одновременно с пожаром в лагере началась стрельба из пулеметов, взрывы гранат. По слухам, за ночь в лагере было расстреляно и сгорело около 17 000 советских военнопленных.

На следующий день Лангут переводил оставшихся в живых, искалеченных пленных из крепости в лагерь № 1, вернее в башню. При этом расстреливали всех, кто не мог итти. Я лично видел, как Лангут из своего пистолета стрелял в лежащего пленного и толкал его ногой.

В декабре 1941 года из Барановичского лагеря прислали 17 вагонов пленных, более тысячи человек. Люди не ели семь дней, ехали на открытых платформах. Почти половину привезли мертвых, остальные представляли из себя тени. Вместо того, чтобы спасти оставшихся в живых, Лангут загнал эти вагоны в тупик и держал там двое суток. После того как

он передал вагоны на путь к кладбищу, то живых людей было уже очень мало. Живых отправляли в лагерь, а мертвых возили весь день на 60 подводах на ближайшее кладбище военнопленных.

Все эшелоны, прибывающие в лагерь, принимались на путях лично Лангутом и его конвоем. Пленные, которые не могли вылезть из вагонов, на месте расстреливались охраной в присутствии Лангута.

Все эти преступления Лангута продолжались в течение его двухлетнего пребывания в лагере.

Хочу сообщить еще о таких фактах.

Лангут за большие деньги из лагеря выпускал «на свободу» но фактически это только ускоряло смерть. Родные выкупали своих родственников военнопленных, этого человека выпускали ему давали справку, но вслед за ним шел патруль, который недалеко от лагеря расстреливал «отпущенного». У нас есть женщина в Слободе, которая выкупила своего брата и привела его домой, чтобы его немножко поддержать. На утро пришли два, полицейских, забрали его и расстреляли «за бегство из лагеря».

Председатель: Скажите, какое отношение в лагере было к евреям?

Богдан: Евреев в лагере находилось более 200 человек. С ними немцы не церемонились. Заставляли за два километра возить в бочке воду. Делали это так: запрягали в бочку пять евреев и заставляли по воду ползти на коленях с песнями, обратно гнали запряженных в бочку с водой бегом с песнями и на ходу их избивали.

В начале ноября 1941 года Лангут выгнал евреев из лагеря на площадь, и там стали с ними проводить «гимнастику». Давали палку в зубы и заставляли головой делать различные движения. Если палка упадет, их заставляли ползком достать ее и снова повторять движения. После этого их вывезли за реку и там расстреляли.

Председатель: Прокурор имеет вопросы?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Защита: Нет.

Председатель: Лангут имеет вопросы?

Лангут: Нет.

Председатель: Из подсудимых кто-нибудь имеет вопросы?

Подсудимые: Нет.

Председатель: Товарищ комендант пригласите свидетеля Аверкина.

Комендант: Свидетель Аверкин прибыл.

Председатель: Аверкин Николай Николаевич, 1915 года

рождения, уроженец города Горького, беспартийный, работаете учителем?

Аверкин: Да.

Председатель: Вас Военный Трибунал предупреждал о даче правильных показаний. Сейчас расскажите, что вам известно по данному делу?

Аверкин: С сентября по декабрь 1941 года я содержался в Бобруйском лагере военнопленных, который именовался лагерем № 131.

Весь режим лагеря, созданный немцами, способствовал преднамеренному, сознательному уничтожению находившихся там военнопленных. Об этом говорят следующие факты: жилых помещений для военнопленных в лагере не было, были бараки. Бараки эти только укрывали военнопленных от дождя. От холода и сквозняков они не могли защищать нас. В них не могло разместиться 35 000 содержавшихся пленных и поэтому в осенние холода, в дожди, основная масса пленных находилась под открытым небом. В бараках были дырявые стены и крыша; ни полов, ни нар, ни печей не было. Бани лагерь не имел, а поэтому была массовая завшивленность, что привело к эпидемическим заболеваниям, которые свирепствовали в лагере. Медицинской помощи военнопленным никакой не оказывалось.

Кормили военнопленных очень плохо. Давали пол-литра супу, если его только можно так назвать, и 100 граммов хлеба. Иногда на складах даже была крупа, но все же военнопленным ее не варили, а привозили отбросы из немецких кухонь— гнилой картофель, очистки и т. п. Из-за таких условий в ноябре 1941 года в лагере была большая смертность. Она колебалась от 800 до 1000 человек в сутки. Мертвых даже не успевали вывозить из лагеря.

Не только мертвых, но даже живых людей в предсмертных агониях, немцы заставляли вытаскивать из бараков, а затем, привязав их обмотками за шею, вывозили на тачках и сбрасывали в могилы.

Я был свидетелем факта, когда на тачках были привезены, а затем свалены в яму мертвые, как их считали. Но из этих «мертвых» военнопленных один оказался живым и стал выбираться из ямы. В это время немцы сфотографировали его, а затем обратно отправили в лагерь. О дальнейшей судьбе этого человека я не знаю.

Расстрел военнопленных производился также и за то, что их подозревали в подготовке к побегу. Были случаи, когда немцы задерживали людей в городе, подозревая их в том, что они военнопленные, бежавшие из лагерей. Таких людей подводили к зоне лагеря, заставляли их лезть через проволоку, а на проволоке их расстреливали. В таком положении они висели

на проволоке целыми сутками. Во время таких расстрелов, я лично видел Лангута дважды.

Кроме того, военнопленные расстреливались без всяких причин. Были случаи, когда после раздачи пищи, массы голодных военнопленных толпились вокруг кухни. Когда там появлялся Лангут, то ему очень не нравилось это, он ругал обер-фельдфебеля Штиля, который после этого начинал стрелять по толпе. Он стрелял до тех пор, пока оставшиеся в живых военнопленные не разбегались.

Обер-фельдфебель Штиль и вахткоманда после обеда всегда охотились за военнопленными. Военнопленные, которые уже были накормлены, выгонялись влево от основной зоны. Основная зона была огорожена проволокой. Пленные, несмотря на то, что они уже покушали, были, безусловно, голодны и поэтому стремились попасть в основную зону с тем, чтобы получить эту незначительную порцию вторично или добавочно.

В тот момент, когда военнопленные ползли под проволокой они расстреливались Штилем и некоторыми солдатами вахткоманды.

Я был свидетелем еще одного расстрела, который был совершен непосредственно Лангутом. Это было в октябре месяце. Наступили холода, а бараки не были отоплены, помещение было холодное, и военнопленные стремились разжечь хотя бы незначительный костер. Дров не было, и пленные начали использовывать щепки и доски от нар. Немцы это узнали. Однажды они решили всех военнопленных, находившихся в бараке № 17 обыскать. Всех, у кого находили дрова или щепки, если даже они не принадлежали пленному, немцы отводили в сторону. Таких набралось человек 20, Лангут поставил их перед собой на колени на эти щепки и дрова, а затем на немецком языке что-то сказал солдатам, после чего они стали ставить пленных лицом к бараку. Многие пленные поняли, что их будут расстреливать и пытались доказать немцам свою правоту, но это не помогало; один солдат оттаскивал пленного, а другой расстреливал. Я не могу забыть такого факта, как один пожилой мужчина, примерно 50 лет, из этой группы подполз на коленях к Лангуту, прося о пощаде. Лангут ударил ногой его в лицо, а затем приказал расстрелять, что и было сделано солдатами. В этом случае было расстреляно 12 человек.

Я не могу не остановиться на таком факте. Это было 7 ноября 1941 года. Лангутом была сформирована команда пленных для отправки в Слуцк в количестве 3000 человек. Я был как раз в этом числе. Среди этих 3000 человек 50% было больных, которые не могли двигаться, и тем более совершить такой далекий путь. Для отвода глаз военнопленных в Бобруйске посадили на подводы, а когда выехали за город, то подво-

ды вернулись, а военнопленных, которые не могли двигаться, расстреляли. За один день колонна подвинулась на 20 километров и дошла до деревни Богушевка.

На этом участке пути было расстреляно более 700 человек военнопленных. В Слуцк из 3000 человек прибыло не более 900 пленных. Остальные были расстреляны дорогой.

Председатель: Прокурор и защита имеют вопросы?

Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы?

Подсудимые: Никто не имеет.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Михаленок.

Комендант: Свидетель Михаленок прибыл.

Председатель: Михаленок Михаил Константинович, 1910 года рождения, беспартийный, по профессии шофер?

Михаленок: Да.

Председатель: Вас Военный Трибунал уже предупредил, чтобы вы, как свидетель, давали правильные показания. Расскажите, что вам известно по делу.

Михаленок: В 1941 году 20 октября я находился в лагере военнопленных в городе Бобруйске.

В лагере к тому времени находилось до 25 тысяч военнопленных. Пища раздавалась один раз в сутки: пол-литра жидкого супа и 100 граммов хлеба. Много военнопленных умирало от голода.

7-го ноября 1941 года на чердаке казармы начался пожар, причины которого я точно не знаю. В казарме создалась суматоха. При выходе из помещения на улицу образовалась пробка; в коридорах некоторые были задавлены толпой людей.

Казарма была трехэтажная. Нижний этаж здания занимали раненые военнопленные, ослабевшие и истощавшие без пищи.

Те военнопленные, которые имели силу, вышли на улицу, но те, которые находились в нижнем этаже, на площадь не вышли. Они не вышли потому, что были физически слабы и не могли передвигаться.

Часам к 8—9 вечера пожар охватил всю казарму. Тут же по толпе военнопленных, вышедших на площадь, началась пулеметная стрельба. Она продолжалась с 9 часов вечера до рассвета. Большое количество военнопленных было расстреляно.

Мне лично, спасаясь от смерти, пришлось долгое время лежать среди трупов погибших. После расстрела мы долгое время находились на этой площади, а после были переведены в 1 лагерь.

В нем так же были истощенные от голода. Они пристреливались немецкими офицерами внутри лагеря. Через несколько дней после этого началась отправка эшелоном пленных в сто-

рону Минска. Погрузка производилась на открытые платформы, началась она примерно в 4 часа утра и продолжалась до 4 часов вечера. Когда эшелон был отправлен, по пути я из эшелона бежал. Вот всё, чему я сам был очевидец.

Председатель: Какое количество погибло в результате пожара и расстрела?

Михаленок: Около 17 тысяч человек.

Председатель: А сколько всего в этом лагере находилось военнопленных?

Михаленок: Не менее 25 тысяч человек.

Председатель: Прокурор имеет вопросы?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Защитники: Нет.

Председатель: Лангут имеет вопросы к свидетелю?

Лангут: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет вопросы?

Подсудимые: Нет.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Сороко.

Комендант: Свидетель Сороко прибыл.

Председатель: Сороко Василий Андреевич, 1901 года рождения, беспартийный, работаете составителем поездов на ст. Березина?

Сороко: Да.

Председатель: Вас, свидетель Сороко, Военный Трибунал предупреждал о даче правильных показаний. Расскажите, что вам известно по этому делу.

Сороко: Во время погрузки и разгрузки военнопленных на станции всегда присутствовал Лангут, и тех, кто медленно двигался, избивали палкой, а конвойные солдаты расстреливали. Однажды военнопленные были погружены на 60 или 70 платформ. Их вывели в 4 часа утра, погрузили к 10 часам, а отправили на следующие сутки. Уже на станции Березина 15 человек были мертвые. Они замерзли. Эшелон был отправлен в Минск, но до Минска пленные не доехали, так как замерзли, и трупы их были сброшены под откос.

Был и такой случай: прибыл транспорт пленных, и все они были на грани смерти. Их выбросили из вагонов, а так как они не могли двигаться, их тут же расстреляли. Когда трупы вывозили на кладбище, некоторые были еще живые, но их все равно сбрасывали в могилы и засыпали землей.

Председатель: Вы наблюдали жизнь военнопленных в лагере?

Сороко: Я жил недалеко от лагеря.

Председатель: Расскажите, какой режим был?

Сороко: Сначала лагерь помещался в тюрьме, потом немцы здоровых военнопленных перевели в болото.

Председатель: Где это болото было?

Сороко: Около самого лагеря.

Председатель: Это какой район Бобруйска?

Сороко: Около Березины. В этом болоте они пробыли месяца два, а потом все погибли от разных болезней.

Председатель: Вы, как железнодорожник, видели, когда из прибывших эшелонов военнопленных вытаскивали замерзших людей?

Сороко: Да, видел. Тех, кто едва двигался, солдаты в присутствии Лангута расстреливали.

Председатель: Сколько таких случаев вы наблюдали?

Сороко: Случаев 10 было. При этом погибло более 70 человек.

Председатель: Вы не помните пожара?

Сороко: Помню.

Председатель: Расскажите, как это было.

Сороко: Загорелось вечером перед Октябрьскими праздниками. Подъехала пожарная команда под самую крепость, но ее в лагерь не пустили, и она вернулась обратно.

Председатель: Были ли случаи расстрелов военнопленных в момент их конвоирования?

Сороко: Да, когда проводили пленных на работу или с работы, то тех, которые не могли итти, часовые расстреливали.

Председатель: Значит тех, которые итти не могли, расстреливали и при этом Лангут присутствовал?

Сороко: Да, Лангут был. В его присутствии расстреливали.

Председатель: Вы Лангута знаете?

Сороко: Да.

Председатель: Вы можете его указать?

Сороко: Да, он в первом ряду самый первый.

Председатель: Лангут, встаньте. (Лангут встает.)

Сороко: Этот самый.

Председатель: Значит, вы видели, как в присутствии Лангута расстреливали пленных?

Сороко: Да.

Прокурор: Вы с 1941 года работали на этой станции?

Сороко: Да.

Прокурор: Вы постоянно наблюдали за приходом поездов с военнопленными, а также за отправкой?

Сороко: Да.

Прокурор: Не помните ли таких случаев, когда в зимнее время прибывали поезда с людьми, погибшими от холода?

Сороко: Да, это было всегда. Закрытых вагонов не было, привозили людей на открытых платформах, и они погибали от мороза.

Прокурор: Бывали ли такие случаи, когда истощенных военнопленных конвоиры расстреливали?

Сороко: Сплошь и рядом таких людей, которые не могли итти, немцы расстреливали.

Прокурор: Приходилось ли вам лично наблюдать, как Лангут лично избивал военнопленных, которые не могли быстро двигаться?

Сороко: Около самого моего поста Лангут часто бил палкой военнопленных.

Прокурор: Часто такие случаи вы наблюдали?

Сороко: С каждой выгрузкой и погрузкой.

Прокурор: Вам известен факт, когда эшелон военнопленных, отправленных на Минск в составе 50 платформ, к месту назначения не доставил ни одного пленного?

Сороко: Уже при погрузке на станции Березина человек 15 замерзло и было выброшено, а потом по дороге всех замерзших выбросили под откос. Я знаю об этом от кондуктора этого эшелона, который сказал, что военнопленные замерзли и их выбросили под откос.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Представитель защиты: Нет.

Председатель: Подсудимый Лангут имеет вопросы?

Лангут: Да, я хочу спросить, свидетель ехал вместе с эшелоном военнопленных до Минска?

Сороко: Нет. Кондуктор, который сопровождал этот эшелон, вернулся обратно и рассказал мне, что все замерзшие в этом эшелоне были выброшены под откос.

Лангут: Свидетель был в лагере военнопленных?

Сороко: В лагере военнопленных я не был, а работал на станции и видел все то, что происходило при погрузке и выгрузке военнопленных.

Председатель: Других вопросов у подсудимых нет?

Подсудимые: Нет.

Председатель: Товарищ комендант, пригласите свидетеля Бондарчук.

Комендант: Свидетель Бондарчук прибыл.

Председатель: Учитывая то, что свидетель не имеет возможностн, ввиду своей инвалидности, давать показания стоя, Трибунал разрешает давать показания сидя.

Председатель: Бондарчук Устин Константинович, 1917 года рождения, кандидат в члены партии, образование выс-

шее, работаете сейчас заместителем начальника ремесленного училища?

Бондарчук: Да.

Председатель: Вас, свидетель Бондарчук, Военный Трибунал предупреждал о даче правильных показаний. Сейчас расскажите, что вам известно по данному делу.

Бондарчук: 17 сентября 1941 года меня в числе других раненных и больных пленных немцы перевезли из города Чернигова в город Бобруйск, причем этот переезд продолжался пять суток. За время переезда очень многие тяжело раненные и больные умерли. Крестьяне, которые в пути пытались подносить нам пищу, были расстреляны охраной, сопровождавшей нас.

По прибытии я был помещен в так называемый госпиталь военнопленных. В комнате, в которую нас поместили, при обычных условиях можно было поставить 6—7 кроватей, нас разместили 30 человек.

Питание в госпитале было плохое. Давали 100 граммов хлеба и тарелку морковного супа, в котором находилось 20 — 30 граммов моркви. Позднее даже этого супа не стали давать, а заменили его гречневыми отрубями. В результате этого было много больных дизентерией, которая свирепствовала тогда в лагере.

Умирало ежедневно до 10 человек из 30 находившихся в этой комнате.

В конце 1941 года нас перевезли в крепость. Я снова был помещен в комнату, в которой находилось 90 человек тяжело больных и раненых. Теснота была невыносимая. Для того чтобы перевернуться, нужно было всем больным встать, а потом переворачиваться на другую сторону. Началась эпидемия тифа, и процентов 85 раненых умерло.

Были случаи, когда тяжело больных живых людей вытаскивали из госпиталя и отправляли на кладбище.

С января по июнь 1942 года те военнопленные, которые подлежали операции, или вообще хирургическому вмешательству, после операции в госпиталь не возвращались. Они погибали.

Прокурор: Скажите, у вас в лагере были случаи расстрелов раненых больных?

Бондарчук: Да, было два случая, расстреливали военнопленных прямо в лазарете.

Прокурор: Сколько было расстреляно?

Бондарчук: Два человека.

Прокурор: Кто их расстрелял?

Бондарчук: Немцы.

Прокурор: Как было поставлено медобслуживание раненых?

Бондарчук: Мне ампутировали ногу 17 ноября 1942 года, а она зажила только в 1945 году. Отсюда можно судить, какое было медобслуживание.

Председатель: А как часто делали перевязки?

Бондарчук: Перевязки были через 5—6 дней. Не прошла и неделя после ампутации ноги, как подходит ко мне санитар и говорит: «Идите сами на перевязку» Я, конечно, не пошел, потому, что не мог итти, и так пролежал без перевязки 10 дней.

Председатель: У прокурора, защиты и подсудимых к свидетелю имеются вопросы?

Ответ: Нет.

Председатель: Подсудимый Хехтль (Хехтль встает). Свои показания, которые вы давали на предварительном следствии, подтверждаете?

Хехтль: Да, все показания подтверждаю.

Прокурор Полехин: Подсудимый Хехтль, уточните вашу фамилию—Хехтль или Хехтель.

Хехтль: Моя фамилия Хехтль.

Полехин: Немец?

Хехтль: Австриец

Полехин: Немецкий подданный?

Хехтль: Австрийский подданный.

Полехин: Расскажите, где вы родились, кто ваши родители и чем вы занимались до призыва в армию.

Хехтль: Родился я 24 ноября 1924 года в городе Пельтен в Австрии.

Полехин: Кто ваши родители?

Хехтль: Рабочие.

Полехин: Какой специальности?

Хехтль: Каменщик.

Полехин: Чем вы занимались до призыва в армию?

Хехтль: Окончил народную школу, один год работал на сельскохозяйственных работах и три года обучался сапожничеству.

Полехин: Когда призваны в армию?

Хехтль: В апреле 1942 года я был призван в трудовой батальон.

Полехин: В какой воинской части вы тогда служили?

Хехтль: Я служил в 718 полевом учебном полку.

Полехин: И в составе этого полка прибыли в Белоруссию?

Хехтль: Я прибыл в Белоруссию с рабочим батальоном, а затем меня передали в состав 718-го полка.

Полехин: Где стоял и чем занимался этот полк?

Хехтль: В 1942 году я прибыл на станцию Оболь. Там я должен был обучаться и бороться против партизан.

Полехин: Значит, вы выполняли две задачи — обучались и боролись против партизан?

Хехтль: Да.

Полехин: Охрана железной дороги входила в задачу вашего полка?

Хехтль: Впоследствии входила.

Полехин: Основная задача полка состояла в проведении карательных экспедиций против партизан?

Хехтль: Да, основная задача полка это была борьба против партизан.

Полехин: Участвовали ли вы к карательных экспедициях против партизан?

Хехтль: Да, участвовал.

Полехин: Как часто?

Хехтль: Два раза.

Полехин: Расскажите о первой карательной экспедиции, в которой вы принимали участие. Когда это было?

Хехтль: Первая карательная экспедиция против партизан была в ноябре 1942 года. Мы должны были атаковать одно село, которое находилось в 4 — 5 километрах от местечка Оболь. Эта деревня была сожжена вместе с ее жителями, и мы пошли дальше в лес

Полехин: Почему сожгли деревню?

Хехтль: Раньше там находились партизаны.

Полехин: А когда вы туда пришли—партизан уже не было?

Хехтль: Партизаны находились в лесу.

Полехин: Сколько домов вы сожгли в этой деревне?

Хехтль: Я лично поджег 8 домов.

Полехин: А сколько всего домов сожгли?

Хехтль: Сгорела вся деревня.

Полехин: Полностью сожгли всю деревню?

Хехтль: Да, 8 домов я поджег, причем в трех из них находилнсь дети.

Полехин: Значит, были сожжены мирные жители?

Хехтль: Была сожжена деревия вместе с населением. Население пыталось с вещами бежать, но не могло убежать никуда, так как наши солдаты окружали деревню.

Полехин: Женщины, старикн и дети также были сожжены в этой деревне?

Хехтль: Я видел там женщин и детей.

Полехин: Население оказывало какое-нибудь сопротивление?

Хехтль: Население сопротивления не оказывало. Люди стояли около своих домов и плакали.

Полехин: Вы грабили мирных жителей, дома которых поджигали?

Хехтль: Да, командованием нам было приказано брать с собой все имущество.

Полехин: Что же, в частности вы, взяли с собой?

Хехтль: Я брал куры, все что можно было взять. (Смех в зале).

Полехин: Как вы расцениваете этот факт?

Хехтль: Теперь, конечно, я знаю, что это нехорошо. Мы же боролись против мирного населения.

Полехин: Значит, первая карательная экспедиция была направлена против мирного населения?

Хехтль: Там были партизаны, а потом они ушли в лес.

Полехин: Видели ли вы хоть одного партизана?

Хехтль: Нет, я не видел. (Смех в зале).

Полехин: С какой же целью производилось сжигание деревни?

Хехтль: Чтобы партизаны не могли себе найти приют.

Полехин: Когда была вторая карательная экспедиция против партизан?

Хехтль: Вторая операция против партизан была проведена в 1943 году в феврале месяце, между городом Полоцком и станцией Оболь.

Во время операции я лично поджег 40 домов и 280 человек расстрелял. Всего наш взвод поджег 70 деревень и расстрелял более 2000 человек мирного населения.

Полехин: Взводом было расстреляно более 2000 человек, а вами лично 280 человек?

Хехтль: Я сам расстрелял 280 человек, а взводом было всего расстреляно 2200 человек.

Полехин: Взводом сожжено 70 деревень, в том числе вы сожгли 40 домов?

Хехтль: 40 домов поджег я.

Полехин: Против кого вы воевали?

Хехтль: У нас был такой приказ, что все лица, которые убегают к партизанам, подлежат расстрелу. Сопротивление, которое могло оказать население, нами было предотвращено. Лица, которые пытались убежать в лес—были расстреляны, среди них были женщины и дети.

Полехин: Как вы расцениваете эти действия?

Хехтль: Я неправильно делал, но если бы я ие выполнил приказ, меня бы наказали. Это было преступное отношение к мирному населению.

Полехин: Виновным себя вы признаете?

Хехтль: Я признаю себя виновным полностью, но основная вина лежит на офицерах, которые давали преступные приказания.

Полехин: Какие еще преступления вы совершили?

Хехтль: Я принимал участие в расстреле двух партизан в местечке Ловша, около железной дороги Оболь—Витебск.

Полехин: Только двух партизан вы расстреляли?

Хехтль: Я также принимал участие в расстреле 12 партизан. Кроме того, мы со своей истребительной командой ограбили одно село, которое находилось в двух километрах от местечка Ловша. Все население мы выгнали из села и направили на станцию Ловша. Что произошло с ними в дальнейшем, я не знаю.

Прокурор Яченин: Скажите, Хехтль по чьему приказанию вы расстреляли 280 человек?

Хехтль: Я стрелял потому, что мне было приказано. Стрелял в тех, которые бежали в лес.

Прокурор: Вы лично подсчитали, что убили 280 человек. Можно записать, что вы убили это количество?

Хехтль: Я не считал, но полагаю, что мною лично было расстреляно 280 человек.

Прокурор: О чем вы думали, когда стреляли в мирных людей?

Хехтль: Я ни о чем не думал.

Прокурор: Больше вопросов у меня нет.

Председатель: Защита имеет вопросы?

Адвокат Татаринцев: Когда вас мобилизовали в армию, что говорили вам и другим солдатам о причинах войны с Советским Союзом?

Хехтль: Нам говорили о том, что Россия напала на Германию и поэтому мы должны защищаться.

Татаринцев: А что еще вам говорили?

Хехтль: Нам сказали, что те, кто добровольно пойдет на восточный фронт, тот получит в России все и будет жить там. (В зале смех.).

Татаринцев: Вам обещали дать землю в России?

Хехтль: Говорили о том, что Германия слишком мала, а поэтому должна занять побольше территории.

Татаринцев: Когда вы служили в германской армии, вы под судом состояли?

Хехтль: Я был перед военным судом.

Татаринцев: Когда это было?

Хехтль: Это было в июне 1943 года.

Татаринцев: За что вас судили?

Хехтль: За то, что я не хотел поехать в Россию.

Татаринцев: Какое наказание вы получили?

Хехтль: Мне дали 6 недель карцера и один год служить на передовой линии фронта.

Татаринцев: Когда происходили названные вами карательные экспедиции против партизан, в которых вы принимали участие, сколько вам было лет?

Хехтль: 18 лет. (Шум в зале.)

Татаринцев: О всех своих преступлениях вы на следствии сразу рассказывали или нет?

Хехтль: Я сразу все рассказал.

Председатель: У подсудимых есть вопросы?

Подсудимые: Нет.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 26 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: Стороны имеют дополнения к судебному следствию?

Прокурор: Я прошу Военный Трибунал приобщить к делу 18 протоколов допросов свидетелей и две справки, обобщающие преступную деятельность Гетце Бруно при выселении населения из 13 деревень.

Председатель: Представители защиты ознакомились с этими материалами?

Защита: Да.

Председатель: Военный Трибунал определил: 18 протоколов допроса свидетелей и 2 справки, изобличающие Гетце Бруно в преступной деятельности,—приобщить к следственному делу.

Прокурор: Я имею просьбу к Трибуналу о приобщении ряда заявлений, поступивших во время процесса от граждан и ряда коллективов Белоруссии. Все они обращаются с просьбой довести до вашего сведения о кровавых злодеяниях немцев, причинивших белорусскому народу много горя и страданий.

Я прошу суд приобщить к делу документальный кинофильм о зверствах немцев на территории Советской Белоруссии.

Председатель: Представители защиты ознакомились с данными материалами?

Защита: Да.

Председатель: Военный Трибунал определил: ходатайство прокурора о приобщении к делу обращений граждан Белорусской Советской Социалистической Республики о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Белоруссии удовлетворить.

В отношении приобщения к следственному делу кинофильма, который характеризует зверства немецких захватчиков, Военный Трибунал вопрос оставляет открытым до просмотра этого фильма.

Подсудимый Эрдманнсдорф в начале следствия возбудил ходатайство о вызове в судебное заседание на допрос в качестве свидетеля лейтенанта бывшей германской армии Гейса, который, по его словам, мог бы подтвердить, что количество смертных приговоров, утвержденных Эрдманнсдорфом, значительно меньше, нежели это указано в обвинитель-

ном заключении. Этот свидетель, по заявлению Эрдманнсдорфа, якобы, мог также подтвердить суду о том, что руководство СД не входило в функции подсудимого.

Военным трибуналом были приняты меры к установлению местонахождения данного свидетеля. Розыски положительных результатов не дали. По полученным телеграммам, Гейс в числе военнопленных не значится.

В связи с тем, что нельзя было установить местонахождение Гейса, Военный Трибунал определил: в ходатайстве Эрдманнсдорфу отказать.

Председатель: У прокурора больше нет ходатайств?

Прокурор: Нет.

Председатель: Защита имеет какие-либо ходатайства?

Защита: Нет.

Председатель: Кто из подсудимых имеет какие-либо ходатайства по дополнению судебного следствия?

Ответ: Нет.

Председатель: Объявляется перерыв для просмотра кинофильма. (Демонстрируется документальный кинофильм «О зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории Белорусской ССР».)

Председатель (после демонстрации кинофильма): Судебное заседание Военного Трибунала продолжается.

Военный Трибунал определил: кинофильм «О зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории Белорусской Советской Социалистической Республики» приобщить к следственному делу в качестве вещественного доказательства.

Стороны больше ничем не дополнят судебное следствие?

Прокурор и защита: Нет.

Председатель: Никто из подсудимых не дополнит судебного следствия.

Подсудимые: Нет.

Председатель: Судебное следствие по делу объявляется законченным.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 27-го ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: Судебное заседание Военного Трибунала продолжается. Трибунал переходит к прениям сторон.

Слово предоставляется государственному обвинителю — Военному Прокурору, генерал-майору юстиции товарищу Яченину.

Прокурор: Товарищи судьи!

Со всей ужасающей яркостью предстала перед нами картина чудовищных злодеяний немецко-фашистских захватчи-

ков, ужасов, страданий и мук, пережитых народом многострадальной Белоруссии в дни кровавой немецкой оккупации.

Всем нам памятна июньская ночь 1941 года, когда враг вероломно напал на нашу страну, когда над мирными советскими городами пронеслись фашистские стервятники, сбрасывающие на головы женщин и детей свой смертоносный груз. У каждого из нас навсегда останется в памяти день 22 июня 1941 года, когда гитлеровские заправилы двинули на нас свои разбойничьи орды, чтобы захватить и опустошить нашу землю, поработить и истребить наш народ.

Использовав элемент внезапности, немецким варварам на первом этапе войны удалось глубоко вклиниться в нашу страну. Свой путь по Советской земле они усеяли миллионами трупов наших братьев и сестер, жен и детей, отцов и матерей, превратили в пожарище наши города, сёла и деревни, разграбили материальные и культурные ценности, созданные нашим народом в течение веков, угнали сотни тысяч наших людей в ненавистную Германию на рабский труд, муки и смерть.

Вот он, тот «новый порядок», который принесли нашим народам эти палачи и бандиты, тот кошмар, от которого избавила нас героическая Красная Армия под водительством Великого Сталина.

Повсеместность и систематичность этих злодеяний так же, как и документальные данные, во всей полноте развернутые на Нюрнбергском процессе главных военных преступников, говорят о том, что это была система, заранее предусмотренная, продуманная, запланированная, вытекающая из тех разбойничьих задач, которые ставила перед собой фашистская Германия. Для осуществления этих злодейских планов в немецком народе и особенно в германской армии воспитывались и поощрялись самые низменные, зверские инстинкты.

Еще в книге «Майн кампф», изданной в 1924 году, людоед Гитлер твердил, что он «барабанщик немецкой нации», вновь зовет империю возобновить походы немецких рыцарей, оборвавшиеся 700 лет тому назад. Фашизм свои планы не ограничивает только походом на Восток, он стремится к мировому господству, к порабощению всего человечества, но выполнению его планов мешает могучий Советский Союз, и потому Гитлер говорил:

> «Надо любыми средствами добиваться того, чтобы мир был завоеван немцами. Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы—русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов. Нет никаких причин не сделать этого».

Захватив власть, Гитлер сразу же приступил к осуществлению своих планов. То, что в качестве первого объекта своей

агрессии они избрали не Россию, не говорит о том, что он изменил свои планы или поколебался в своих намерениях. Генеральный штаб и гитлеровские заправилы рассматривали Советский Союз, как самого сильного и могучего противника, война с которым потребует огромных ресурсов; эти ресурсы нужно было еще накопить и поэтому, готовясь к разбойничьему нападению на нашу страну, Гитлер предварительно напал на Австрию, Чехословакию, Польшу, Францию, Англию, Бельгию, Голландию, Данию, Норвегию, Югославию, Грецию, чем в огромной степени увеличил экономический и военный потенциал Германии.

Поработив страны Европы, захватив их богатства, заставив их промышленность работать на нужды германской армии, вывезя из них сотни тысяч людей для рабского труда в Германию, Гитлер приступил к осуществлению своей основной, заветной цели — нападение на Советский Союз.

Из документов, оглашенных на процессе главных военных преступников в Нюрнберге, мы знаем, что 18 декабря 1940 года Гитлером был подписан так называемый «план Барбаросса»—приказ о нападении на нашу страну.

В этом документе говорится, что германские вооруженные силы должны быть подготовлены разбить Советскую Россию в результате быстрой кампании ещё до окончания войны против Англии.

Дальше даётся перечень необходимых мероприятий по линии командования и обращается внимание на то, что «приготовления, которые требуют большого времени, если они ещё не проведены, должны начаться теперь же и закончиться к 15 мая 1941 года».

Обращается также внимание и на то, что «должна быть проявлена большая осторожность, чтобы подготовка наступления не была раскрыта».

Гитлеровцы сознательно планировали истребление миллионов мирных советских граждан, прежде всего истребление голодом.

В оглашенном на Нюрнбергском процессе меморандуме от 2 мая 1941 года, озаглавленном «Результаты обсуждения с государственными секретарями «плана Барбаросса», говорится:

«Первое: война может продолжаться лишь в случае, если все вооружённые силы на третьем году войны будут снабжаться продовольствием из России.

Второе. Нет никакого сомнения в том, что в результате этого многомиллионное население погибнет голодной смертью, если мы возьмём от страны то, что нам необходимо».

Как видите, товарищи судьи, в этих документах достаточно ясно определена судьба, которую немецкие изверги уготовили народам Советского Союза — рабство и смерть.

Всюду и везде — в казармах, школах, на заводах, в литературе, в речах, в учебниках — заправилы гитлеровской партии и командование германской армии проповедывали и вдалбливали в сознание своих тупоголовых питомцев людоедскую идеологию.

«Кто может оспорить моё право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются как насекомые»,—говорил о славянах главарь этой банды Гитлер.

«Убивайте,—говорил Геринг,—каждого, кто против нас, убивайте, убивайте, не вы несёте ответственность за это, а я, поэтому убивайте».

В одном из обращений немецкого командования говорится:

«Утебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание,—убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик — убивай, этим ты спасёшь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься на веки».

Нужно признать, что фашистским идеологам удалось сформировать многочисленные кадры гитлеровцев, людей без чести, без совести, без жалости, полных лютой злобы и презрения к другим народам.

Семена, посеянные ими, дали многочисленные всходы, ибо почва была подготовлена всем предыдущим развитием германского империализма, немецкой военщины, которые давно уже лелеяли мечту о мировом господстве, о порабощении других народов железом и кровью.

Ещё Вильгельм II в начале первой империалистической войны проповедывал: «Всё должно быть утоплено в огне и крови». Необходимо убивать мужчин и женщин, детей и стариков. Нельзя оставить ни одного дома, ни одного дерева. При этих террористических методах, единственных, которыми можно устрашить, война будет окончена меньше, чем в два месяца. Если же я приму во внимание гуманность, война продлится несколько лет».

Вы видите, товарищи судьи, что людоедская программа гитлеровцев является развитием старой программы германского империализма. Поэтому ничего удивительного нет в том, что во всех авантюрах и преступлениях, совершенных нацистами, деятельное и добровольное участие принимали представители кадровой немецкой военщины, сплотившись в одну тесно спаянную банду с гитлеровскими громилами.

И на этом процессе мы видим представителей старой прусской школы, дополнивших свой образ фашистскими чертами— в лице генерал-лейтенанта Рихерта, генерал-майора фон Эрдманнсдорфа, генерал-майора Герфа, подполковника Вайсига, майора Молла. Здесь мы имеем также громил новейшей

гитлеровской формации: Лангута, Митмана, Гесса, Фалька, Коха, Бурхарда, Гетце, Айка, Хехтля, Битнера, Гетериха и Роденбуша.

Фашистская Германия напала на Советский Союз, вероломно нарушив договор о ненападении. Обвинением на процессе в Нюрнберге доказано, что за период времени с 1939 по 1941 год фашистская Германия нарушила и грубо порвала десятки международных договоров.

Она нарушила международные договоры как самим фактом вероломного нападения, так и разбойничьими методами ведения войны.

Ложь, обман, подлог и предательство занимали почётное место в арсенале фашистских идеологов.

Для достижения своей цели, захвата, порабощения, истребления и ограбления народов, они не гнушались никакими средствами.

Первые удары врага приняла на себя Белорусская Советская Социалистическая Республика.

Над Белоруссией нависла чёрная кровавая ночь фашистской оккупации, длившаяся долгих три года.

За годы советской власти Белоруссия добилась огромных успехов, она вышла в ряд передовых республик. В ней были созданы оснащенные передовой техникой промышленные предприятия, крестьянство, объединённое в колхозы, становилось всё более и более зажиточным, расцвела белорусская культура, страна покрылась густой сетью белорусских школ, вузов, детских учреждений, театров, клубов.

Своим вторжением фашистские орды прервали мирный созидательный труд белорусского народа и ввергли его в пучину ужасов и бедствий. Немецко-фашистские палачи расстреляли, повесили, отравили газами в «душегубках», сожгли и закопали живыми много сотен тысяч граждан Советской Белоруссии, в том числе женщин, стариков, детей, а также военнопленных. Материалами Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков установлено, что немецкие изверги истребили в Белоруссии свыше 2 миллионов 200 тысяч мирных граждан и военнопленных, угнали в немецкое рабство около 380 тысяч советских граждан.

Одним из основных орудий порабощения и истребления советских людей были концентрационные лагери, организованные в Белоруссии в большом количестве под различными наименованиями: лагери эвакуированных, военнопленных, трудовые лагери, гетто и т. п.

Мирные советские граждане десятками тысяч заключались в лагери вместе со своими семьями без суда и всякого определения сроков наказания. Условия содержания в лагерях—голод, холод, непосильные работы, побои и истязания—

были рассчитаны на то, чтобы довести всех заключенных до смерти, почему ряд лагерей получил название «лагери смерти». Кроме того производились массовые расстрелы заключенных.

Материалами Чрезвычайной Государственной Комиссии и даниыми следствия установлены чудовищные факты массового истребления советских людей в немецких лагерях. Так в лагере, находившемся в гор. Минске на Широкой улице, с августа 1943 года по июнь 1944 года было истреблено около 20 тысяч советских граждан. Там широко применялись «душегубки».

В специальном лагере — гетто, немцы содержали до 10 тысяч советских граждан-евреев, которых истязали и убивали массами без всякого повода. Заключениых в гетто травили собаками, кололи штыками и кинжалами, расстреливали, бросали живыми в огонь; под музыку провозглашали тосты за уничтожение евреев, заставляли обреченных петь песни и плясать во время расстрелов.

Массовое зверское истребление советских граждан и военнопленных совершалось: в лагере № 352-Г, где было истреблено до 80 тысяч мирных советских граждан и военнопленных; в лагере у деревни Малый Тростенец, где была построеиа специальная кремациоиная печь для сожжения трупов; в Азаричском лагере смерти; в лагерях города Полоцка; в Бобруйском лагере № 131, в котором за один деиь—7 ноября 1941 года—было расстреляно и сожжено более 4 тысяч военнопленных; в лагерях Гомельской, Гродненской областей и других.

С особым зверством истребляли немецкие изверги мирное советское население под предлогом борьбы с партизаиами.

Вы знаете, товарищи судьи, как жестоко просчитались немецкие захватчики, думая превратить белорусский иарод в послушных рабов, кровавым террором убить в нем волю к свободе, волю к сохранению своей культуры и государственности, преданность великому Советскому Союзу и его вождю родному Сталину.

Никакие расстрелы и пытки, никакие насилия и разрушения, никакая лживая фашистская пропаганда не смогли сломить волю белорусского народа к свержению ига немецких захватчиков. По призыву товарища Сталина с первых же дней Великой Отечественной войны сотни тысяч сынов и дочерей Белоруссии, вместе со всеми народами Советского Союза, поднялись на священную борьбу с немецкими захватчиками за свободу и независимость нашей Родиины.

Немеркнущей славой покрыли себя тысячи сынов Белоруссии и среди них герои Советского Союза—Д о в а т о р, Г а с т е л л о, П о л о в ч е н я, К о в ш а р о в, А н т о н е н к о,

Пинчук, Талалихин, Дрозд, Смолячков, Грицевец и другие.

Белорусский народ создал мощное массовое партизанское движение, насчитывавшее в своих рядах до 300 000 советских патриотов. Своими действиями в тылу врага они наносили ему жестокие удары, держа его в постоянном страхе. Они нападали на немецкие воинские эшелоны, взрывали железнодорожные пути и мосты, нападали на войсковые части и обозы, уничтожали склады, истребляли генералов, офицеров и солдат германской армии.

В активе белорусских партизан значится свыше 300 000 истребленных немецких солдат и офицеров. Среди них до 30 немецких генералов, тысячи уничтоженных паровозов, десятки тысяч вагонов, тысячи разрушенных железнодорожных и шоссейных мостов и т. д.

Партизаны казнили палача Белоруссии—немецкого генерального комиссара Кубе.

Героические белорусские партизаны оказали весьма существенную помощь Красной Армии и ускорили изгнание гитлеровских бандитов с советской земли.

Немцы неистовствовали, снаряжали целые экспедиции против партизан. Но партизаны, сильные своей неразрывной связью с народом, поддержкой народа, были в большинстве случаев неуловимы для немцев.

И вот немецкие каратели, будучи не в силах справиться с партизанами, вымещали свою злобу на мирном населении сел и деревень, расстреливали и сжигали заживо тысячи стариков, женщин и детей, сжигали деревни и села, подвергали имущество граждан уничтожению и разграблению.

В нарушение международных правил ведения войны немецкие захватчики проводили массовый угон советских людей, в том числе и детей, в рабство в Германию.

Этим преследовалась не только цель добыть рабочие руки для немецкой промышленности и сельского хозяйства, но и все та же цель—истребить возможно больше советских людей. При угоне в Германию и при эксплоатации их в Германии советские люди ставились в такие невыносимые условия, что погибали сотнями тысяч.

В оглашенном на Нюрнбергском процессе секретном меморандуме от 12 мая 1944 года, одобренном Розенбергом говорится: «Армейская группа «Центр» имеет намерение отправить на территорию империи 40 — 50 тысяч подростков в возрасте от 10 до 14 лет. Эта акция имеет целью не только предотвратить усиление военной мощи врага, но также сократить его биологический потенциал в будущем. Эта идея поддерживается не только рейхсфюрером, но также и фюрером».

Немцы охотились за советскими людьми, вылавливали и сажали их в лагери, а затем отправляли в холодных и грязных вагонах, как скот, не давали пищи в дороге, отчего угоняемые в рабство гибли массами еще в пути. Советские граждане, уклонявшиеся от угона в рабство, подвергались арестам, истязаниям и расстрелам.

Гитлеровские захватчики нанесли огромнейший ущерб и народному хозяйству Белоруссии.

То, что трудолюбивым белорусским народом создавалось в течение многих лет, гитлеровские орды разорили и уничтожили. Они сожгли и разрушили 209 больших и малых городов, в том числе столицу Республики Минск, города Гомель, Полоцк, Витебск, Оршу, Борисов, Слуцк и другие и 9200 сел и деревень.

По данным Чрезвычайной Государственной Комиссии, немецкие захватчики разрушили и разграбили на территории Белоруссии свыше 10 000 промышленных предприятий, 10 000 колхозов, 92 совхоза, 316 машинно-тракторных станций отобрали или угнали в Германию 800 000 лошадей, 2 800 000 голов крупного рогатого скота, 5 700 000 голов мелкого скота, уничтожили 1136 больниц, поликлиник, амбулаторий, 1085 театров, клубов, школ, высшие учебные заведения, музеи и т. д.

Разрушая и сжигая города и села, библиотеки и школы, памятники старины и культуры, фашистские варвары хотели лишить Белоруссию ее национальной культуры, хотели превратить белорусский народ в послушных рабов немецких помещиков, превратить Белоруссию в свою колонию, лишив ее всякой государственной самостоятельности, переименовав ее в «Белорутению».

Не вышло! Советский народ, его героическая Красная Армия, его бесстрашные партизаны и партизанки разгромили ненавистного врага, вышвырнули его с советской земли и вместе с армиями наших союзников добили фашистского зверя в его собственном логове.

И вот фашистские злодеи предстали перед судом народа и держат ответ за свои злодеяния.

Перед Международным Военным Трибуналом в Нюрнберге предстали главари преступной гитлеровской банды.

Ваш приговор, товарищи судьи, должен покарать палачей белорусского народа, сидящих на скамье подсудимых.

Конечно, это далеко еще не все палачи. Многие из них скрылись, спрятались, но народ найдет их и заставит понести заслуженную ими кару.

Кто же они, эти палачи, являющиеся предметом вашего судебного разбирательства.

На этом я и хочу, товарищи судьи, остановить Ваше внимание.

Первый Рихерт Иоган, генерал-лейтенант. Личность весьма «заслуженная», 36 лет беспрерывно служил в немецкой армии. Яркий представитель прусско-юнкерской военщины. В Пруссии окончил офицерскую школу, в Пруссии произведен в офицеры, в Пруссии он и жил. Имеет много наград — 13, среди них рыцарский крест с дубовыми листьями. Хотя официально в нацистской партии он и не состоит, однако пользовался большим доверием в правящих фашистских кругах. Ему, например, за 10 дней до начала военных действий с Германией был известен день и час нападения на нас.

Участник захвата и оккупации Судетской области. Ему также принадлежит «честь» быть в числе тех немецких частей, коим поручено было первым осуществить нападение. Границу Советского Союза вместе с подчиненным ему полком он перешел в три часа 30 минут 22 июня 1941 года,— точно в срок, предусмотренный «планом Барбаросса».

Пройденный им путь и оставленные им после себя следы дают ему полное основание считать, что намеченные гитлеровским планом задачи, порученные ему осуществить здесь, на территории Белоруссии, он выполнил с честью. Правда, он не довел исполнение задачи до конца, но в этом не он виноват, в этом виновата Красная Армия.

Что же совершил этот службист в белых перчатках? В 1941 году Рихерт командовал 23-м пехотным полком 11-й пехотной дивизии.

Когда зимой 1941 года дивизия под ударами Красной Армии должна была отойти, он на пути своем устроил пустынную зону в 20 километров по фронту и 60 километров в глубину. На долю Рихерта приходится участок, занимавшийся его полком. Все в этой зоне было уничтожено, а проживавший там советский народ угнал на запад. Рихерт признает, что это мероприятие не вызывалось стратегической необходимостью, что это было преступлением по отношению к мирному населению, что можно было обойтись зоной и в 5 километров, но сделал он это так потому, что было приказано свыше.

Кстати, о приказах свыше. Все подсудимые свои преступления пытаются оправдать тем, что они действовали по приказу свыше.

4 мая 1942 года Рихерт назначается командиром 286-й охранной дивизии. В его задачу, как он говорит, входила борьба с партизанами. Действовал он на территории Белоруссии. В состав дивизии входила также ГФП—тайная полевая полиция, которой руководил директор полиции Трост. Ему же подчинялись военные комендатуры городов—Орша, Могилев, Борисов, Кричев.

Рихерт признает, что за период его командования дивизией, приданной ему ГФП было арестовано 1300 человек

советских граждан. Подозревались эти люди в принадлежности к компартии, в связях с партизанами, а также антигерманских настроениях. По прямому его приказу было расстреляно до 900 человек, остальные угнаны в Германию с пометкой: «Подозреваются в связях с партизанами».

В августе 1942 года белорусские партизаны напали на станцию Славное, перебили охрану в количестве 20 немецких солдат и вывели станцию из строя.

По приказу гитлеровской ставки, переданному через генерал-фельдмаршала Фон-клюге, Рихерт, расстрелял публично 100 человек, не имевших никакого отношения к нападению на станцию.

О расстреле этих 100 человек немцы объявили по радио и опубликовали в газетах.

В течение июня—декабря 1942 года Рихерт провел три крупных операции против партизан.

Попутно с боевыми операциями им было расстреляно 450 человек по подозрению в связях с партизанами, сожжено 18 деревень, угнано 1800 коров, 2300 штук мелкого рогатого скота, 450 голов свиней, 160 лошадей и забрано много зерна, картофеля и т. п.

Причастен генерал-лейтенант Рихерт и к угону советского населения на каторжные работы в Германию. По приказу генерала от инфантерии Шенкендорфа он должен был угнать в Германию из оккупированных районов Белоруссии 8000 трудоспособных людей. Ему удалось поймать и угнать только 3600. Я сказал — «поймать», и это буквально так. Вам свидетели в суде рассказали, какую ловлю людей устраивали немцы после провала их плана добровольной вербовки на работу в Германию. Бесконечные облавы на улицах, бараках, домах и кино днем и ночью. Хватали первого встречного, бросали в огороженный колючей проволокой лагерь, а оттуда эшелоном под охраной угоняли на запад в Германию на каторгу.

Но не этим только ограничивалась «деятельность» Рихерта, еще одно преступление совершил он, преступление, название которому трудно подобрать.

В марте 1944 года немецкая линия обороны в Белоруссии, проходившая по верхнему течению Днепра и реке Птичь (Полесье), под ударами Красной Армии трещала по всем швам. Немцы лихорадочно ее крепили, используя для этого все трудоспособное население прибрежных городов и населенных пунктов. Нетрудоспособное же население—стариков, женщин и детей—они решили использовать для создания живого заслона, живого препятствия на пути продвижения Красной Армии. Для этой цели генерал-лейтенанту Рихерту, командовавшему тогда уже 35-й пехотной дивизией, было предложено организовать в районе Азаричи лагерь для

нетрудоспособного, изгнанного из прибрежных городов и деревень, населения.

Лагерь им был учрежден из расчета на 400 — 500 человек в болотистом районе, в трех километрах западнее города Азаричи и окаймлен колючей проволокой. Подступы к нему были заминированы. Мыслилось, что поскольку 35-я пехотная дивизия должна отойти на новый рубеж, учрежденный Рихертом лагерь очутится между линиями немецкой и советской обороны и явится препятствием при продвижении советских войск.

Рихерт вначале пытался представить факт учреждения этого лагеря, как гуманитарное проявление немцев, имевшее целью обезопасить население от уничтожения боевыми действиями войск. Впоследствии вынужден был признать, что организация подобного лагеря была преступной затеей и что действительно он (лагерь) «в некотором смысле» препятствовал боевым действиям и продвижению Красной Армии.

По показаниям Рихерта в этот лагерь было загнано людей в три раза больше, нежели полагалось, т. е. 1500 человек. Нахождение людей под открытым небом без права раскладывать костры, без медицинского обслуживания при наличии больных сыпным тифом и иными болезнями, при недостаточном снабжении (он полагает, что они должны были питаться имевшимися у них продуктами), без питьевой воды—действительно было тяжелым.

Совершенно иную ужасающую картину положения в лагере описали нам здесь в суде чудом уцелевшие, спасенные Красной Армией свидетели. Не полторы тысячи, а до 10 тысяч народа — стариков, женщин и детей — было загнано в это болото, где свирепствовал сыпной тиф, где люди—женщины и дети, измученные голодом, обессиленные болезнями, валялись в проступивших лужах, не замечая этого. Малейшая попытка облегчить свое положение сурово подавлялась выставленной стражей.

Вот он—кровавый путь, пройденный генерал-лейтенантом Рихертом. Что в нем от человека? Ничего.

Второй обвиняемый генерал-майор фон Эрдманнсдорф Готфрид так же «заслуженный немецкий воин». В армии с 1913 года. 32 года беспрерывной службы. Воспитан на старых традициях прусского юнкерства и легко воспринявший гитлеровские догмы. Он беспартийный, но к выращиванию и воспитанию командных кадров гитлеровских штурмовых отрядов имеет прямое отношение,—он был начальником унтер-офицерских курсов для частей СА.

В начале марта 1944 года по приказу Гитлера №11 (номер приказа он хорошо запомнил) Эрдманнсдорф назначается комендантом города Могилева и Могилевского

укрепленного района. Ревностно он пытался укрепить шатающуюся от ударов Красной Армии линию обороны.

Все трудоспособное население Могилева он заставляет работать на строительстве оборонительных сооружений, жестоко расправляясь со всеми теми, кто уклоняется от работы. Уклоняющихся от работы лишал хлеба, заключал в лагери, угонял на каторгу. Он не преминул использовать и 180 человек военнопленных, содержащихся в Могилевском лагере. Что же касается нетрудоспособного населения, то он получил указание избавить немецкое командование от бремени кормить их и поэтому, как и генерал Рихерт, решил с ведома начальства использовать их для сооружения живой преграды перед советской линией фронта.

Линия обороны Могилевского укрепленного района Эрдманнсдорфа проходила по Днепру с предмостным укреплением на подступ к Могилеву на восточном берегу Днепра. В район этого предмостного укрепления на восточном берегу Днепра он и загнал нетрудоспособное население Могилева и ближайших районов. Эрдманнсдорф избегает называть вещи своими именами, он только признает, что это население на восточном берегу Днепра действительно находилось под перекрестным огнем русскнх и немецких войск и ему угрожала гибель и что в какой-то мере эти люди мешали действиям русских войск. Что же касается обеспечения этих людей питанием, это его не интересовало, и он полагает, что они должны были сами изыскать таковое на месте.

Само собою разумеется, что прятание за спины стариков и детей не спасло «храброе» войско Эрдманнсдорфа. Красная Армия наша способна и людей спасти, и Могилев освободить, и Эрдманнсдорфа захватить.

На личном счету Эрдманнсдорфа числится 125 утвержденных им смертных приговоров по городу Могилеву. По его приказу гитлеровские громилы сожгли и взорвали 25 промышленных предприятий Могилева и в том числе электростанцию и несколько сот домов. По его приказу его молодчики сожгли в окрестностях Могилева 8—10 деревень.

Как и Рихерт, Эрдманнсдорф в декабре 1941 года отводит под натиском войск Красной Армии свой полк, во исполнение приказа Гитлера отдал приказ своим командирам батальонов сжигать оставляемые населенные пункты и угонять мирное население. У него, как он показывал, имеются сведения только об одной сожженной деревне и об угоне 1300 человек мирного населения.

Еще одно гнуснейшее преступление числится за генерал-майором Эрдманнсдорфом. Еще до нападения на Советский Союз он, во исполнение указаний верховного командования отдал приказ своим командирам батальонов всех захваченн-

ных в плен комиссаров и политических работников Красной Армии — расстреливать. Дело видите ли в том, что он «был дезориентирован гитлеровской пропагандой». Его «юношу» (в 1941 году ему было только под 50 лет и имел он тогда армейский стаж в 28 лет) гитлеровская пропаганда убедила, что политический состав Красной Армии является каким-то придатком, которого нельзя считать вооруженным противником и поэтому он не может быть приравнен к военнопленным и на него не распространяется решение Гаагской конвенции. Теперь он, конечно, убедится, что это была ошибка. Сколько было расстреляно армейских командиров — на это он не ответил, — не может, не знает.

Вот Вам, товарищи судьи, «ратный путь» генерал-майора фон Эрдманнсдорфа, усеянный немецкими «лаврами».

Третий обвиняемый Г е р ф Эбергард — генерал-майор полиции и бригаденфюрер СС. Это старый, испытаиный фашист. Еще до гитлеровского путча 1933 года он был уже членом нацистской партии. Имеет он большой опыт и в полицейской работе, он является офицером полиции с 1919 года.

Вслед за немецкими ордами, напавшими на Советский Союз, Герф со своим полицейским полком «Норд» направляется в Россию с задачей, как он рассказывал, обеспечить немецкий тыл от различных враждебных актов со стороны патриотического русского населения и особенно со стороны советского и партийного актива. Действует он со своим полком в Риге, Дерпте, Пскове, в районе Чудского озера, в Опочке. Проводит карательные экспедиции против партизан, в ходе которых сжигает дома, деревни и расстреливает мирных советских граждан лишь только за то, что они проживают в районе, охваченном партизанским движением.

Сколько он расстрелял советских граждан и сжег деревень за этот период времени, этого он не говорит. Он вообще старается как можно меньше говорить. Это хитрая полицейская лиса понимает, что за каждым его словом скрывается загубленная душа советского патриота, и поэтому в показаниях своих он норовит уйти в угол потемнее, уйти в нору, чтобы его не видели, чтобы его не заметили. Но хвост-то больно длинен—его не спрячешь.

«Деятельностью» Герфа начальство довольно. Оно отмечает эго многочисленными наградами, оно продвигает его по службе, оно бросает его с места на место, на наиболее острые и ответственные участки. 10 января 1942 года Герф прибывает в Минск на должность начальника полиции порядка Белоруссии. В марте того же года он назначается начальником полиции города Харькова и области. В феврале 1943 года он уже заместитель начальника СС и полиции Крыма. Затем его перебрасывают в Сталино. В июле 1943 года он

назначается на должность заместителя начальника главного штаба при ставке Гитлера по борьбе с партизанами. В сентябре 1943 года он снова в должности начальника полиции порядка Белоруссии. Функции начальника полиции, как объясняет Герф, были чрезвычайно обширны и многогранны. С помощью подчиненной ему полиции и жандармерии он должен был, контактируя свою работу с СД, обеспечить порядок в Белоруссии. Он должен был вести борьбу с партизанами, он должен был применять жестокие репрессии в отношении той части советского населения, на которую опиралось партизанское движение. Репрессии эти в основном сводились опять-таки к арестам и расстрелам лиц, заподозренных в связях с партизанами, к сожжению их жилищ и конфискации их имущества. Кстати, о методах борьбы с партизанским движением он в 1943 году издал специальную инструкцию.

На его обязанности лежало также выявление лиц, могущих нарушить оккупационный режим: он должен был производить облавы и проверку мирных граждан, брать заложников. Он также ведал угоном рабочей силы на каторжные работы в Германию, изъятием сельскохозяйственных продуктов, скота, ценностей, промышленного оборудования и т. д. и т. п.

Судя по тому, как относилось к нему начальство, Герф со своими обязанностями справлялся неплохо.

Каковы же последствия его активной деятельности?

В этом море пролитой в Белоруссии крови советских граждан трудно и почти невозможно определить, какая часть падает на долю генерала полиции Герфа, но достаточно выслушать его признание, чтобы ужаснуться.

Герф признает, что за время его «деятельности» только в Белоруссии с его ведома было угнано свыше 2 тысяч советских граждан, арестовано и направлено в лагери до 500 человек. Сожжено частично 70 деревень и полностью несколько меньшее количество. Имущество этих деревень конфисковано. Конфисковано было также имущество расстрелянных советских граждан.

Однако, эти его признания далеко не отражают действительных ужасов учиненных им расправ. Прошедшие перед судом свидетели и их показания на предварительном следствии дают более яркую картину жестокостей и злодеяний. Количество загубленных советских граждан по их показаниям увеличивается во много раз. В сентябре 1943 года в столовой СД произошел взрыв. После этого взрыва, как показывают свидетели Шпаковская, Шкарупский и Филончик, полиция города Минска провела облаву в районе Комаровки и арестовала всех жителей двух Арктических и Беломорской улиц. Арестовано было до 500 человек и увезено в

лагерь Малый Тростенец, откуда вообще мало кто возвращался. После убийства партизанами генерального комиссара Белоруссии Кубе, немецкая полиция различными облавами в различных районах города арестовала до 3 тысяч человек, и судьба их неизвестна.

Свое поведение Герф пытался оправдать, как и остальные обвиняемые тем, что он выполнял указания свыше. Он говорит, что еще за несколько дней до войны его ознакомили с приказом ставки, в котором указывалось, что войну с Советским Союзом надлежит считать отличной от всех предыдущих войн и предлагалось на оккупированной Советской территории, не останавливаясь перед убийствами женщин и детей, не останавливаться перед уничтожением целых районов. Грабежи и насилия в этом приказе поощрялись. Приказ этот после ознакомления, как говорит Герф, был изъят, чтобы не мог попасть в руки Красной Армии.

На приеме у Гиммлера (Герф был у него на приеме несколько раз) последний сказал ему, что он считает необходимым, чтобы немцы в России использовали методы, применявшиеся в свое время Чингис-ханом. Книга о Чингис-хане раздавалась Гиммлером как настольное руководство.

От рейхскомиссара Кубе он также слышал, что Гиммлер дал начальнику штаба по борьбе с партизанским движением в России генералу Баху задание уничтожить 20 миллионов русских. Это должно было, по мнению Гиммлера, утихомирить неугомонную Белоруссию.

Вот примерный перечень и содержание злодеяний, учиненных генерал-майором полиции, бригаденфюрером СС Герфом.

Я говорю «примерно», потому, что это далеко не все то, что им учинено. Нераскаявшийся до сих пор изувер Герф учитывает, что не все еще злодеи (которые могут и его изобличить) пойманы, и рассчитывает на снисхождение, и поэтому он только чуть-чуть приоткрывает завесу, скрывающую его злодеяния.

13 января 1944 года Герф прекращает свою «деятельность». И здесь сказалась лисья хитрость прожженного пройдохи. Он прекрасно учитывает ситуацию, сложившуюся на фронтах. Своим опытом, полицейским нюхом он чует надвигавшийся крах Германского разбойничьего империализма со всеми авантюрными планами. Он чует, что ему придется ответить за злодеяния, которые он учинил в нашей стране. Об этом гитлеровские разбойники были неоднократно предупреждены и нами и нашими союзниками.

И он, решив использовать свой солидный возраст (57 лет) уходит в отставку, удалившись на покой в отнятый немцами у чехословаков и подаренный ему особняк под Прагой.

Красная Армия настигла его и там. И сейчас он держит ответ перед судом белорусского народа.

А вот вам еще одна группа палачей-извергов, убийц по призванию, выпестованных Гитлером.

Вот вам законченные типы сверх-человеков чистой арийской породы. Это они впитали в себя звериную философию немецкого унтера, маньяка Гитлера.

«Я освобождаю человека, — говорит Гитлер, — от унижающей химеры, которая называется совестью. Совесть, как и образование, калечит человека. У меня то преимущество, что меня не удерживают никакие соображения теоретического или морального порядка».

Это они не хотели стать калеками и освободились от совести.

Я имею в виду обвиняемых Коха, Митмана, Гесса, Лайгута, Хехтля, Айка, Роденбуша, Гетериха.

Обвиняемый Кох. Кох криминал-инспектор гестапо, обер-лейтенант войск СС. В органах гестапо работает с 1939 года. С 1933 года Кох состоит членом нацистской партии.

Ему только 30 лет, а сколько горя и ужасов он причинил человечеству. Мы с Вами слушали здесь откровения Коха, откровения, от которых кровь леденеет.

Каким фашистским зловонием обдал нас здесь Кох, когда он с мягкой улыбкой на устах говорил о своих идеалах.

С каким сладострастием описывал нам Кох свой путь к этим идеалам. Женщины, деньги, богатство и праздная жизнь, имение под Орлом и конюшни, чины и положение в обществе. Вот они идеалы, которыми наделяла фашистская Германия свою молодежь. Гитлер может быть доволен— Кох это именно тот сверх-человек, к которому он стремился и которого он создал.

Как благодарно должно быть человечество Красной Армии, армии, которая избавила его от этих сверх-человеков и от их идеалов.

Что же совершил Кох? По трупам детей и стариков, старух и матерей, по колено в крови шагал он к своим идеалам, к своему имению под Орлом.

30 тысяч умерщвленных советских граждан устлали путь этого фашистского выродка. 500 человек, (а сколько из них детей, Кох и сам не знает) умертвил лично Кох.

Выстрел в затылок, душегубка, орудия пытки, подвешивание, истезания—вот то, чем заполнял свой досуг Кох.

Кох смело и уверенно шагал к своей цели, но мы ему помешали. Не помог ему и подложный документ—мы его водворили на скамью подсудимых.

Страшно досадно Коху, но ничего не поделаешь. За то есть о чем вспомнить. Да, есть. Это точно, и мы ему сейчас напомним и за все воздадим.

Перечислить все, что он совершил,—невозможно. Цифры, названные им самим здесь в суде, сами говорят за себя. Но несколько эпизодов из жизни и деятельности я расскажу, и этого будет вполне достаточно для того, чтобы уяснить себе, какую опасность представлял Кох для общества.

На оккупированную территорию Советского Союза Кох попадает в 1942 году. Работает он сначала в Смоленске, затем в Орле и Брянске. В октябре 1943 года он уже референт полиции в Борисове, а в январе 1944 года—заместитель начальника оперативной группы по полиции Барановичской области. Карьера, как видите, головокружительная.

В Орле Кох расстрелял 40 человек, из них 8 детей в возрасте от 4 до 15 лет. Кох, между прочим, говорит, что эти люди были приговорены к смертной казни.

Товарищи судьи! Какое преступление может совершить ребенок 4 лет, и какой суд может приговорить его к расстрелу?

Этого и Кох не может объяснить, хотя ребенка убил он. Для поддержания духа в своей зондеркоманде он лично расстреливает из этой группы 6 человек.

В конце 1942 года в том же Орле Кох руководит умерщвлением в душегубках 30 человек больных, находившихся в психиатрической больнице. В мае 1943 года он в душегубке умертвил 30 коммунистов, захваченных немцами в Орле.

В октябре 1943 года он направляет в Люблин, в лагерь Майданек, 700 человек. Судьба людей, содержавшихся в Майданеке, известна всему миру.

В декабре 1943 года Кох направил в Минский лагерь 200 человек, заподозренных в связях с партизанами, причем 80 из них он лично арестовал.

В декабре 1943 года в городе Борисове Кох также арестовывает 250 человек и предъявляет им обвинение в связи с партизанами. 30 человек из них он лично расстреливает. 100 человек направляет в Минское СД, а остальных в Германию на каторжные работы. Кох признает, что за время его «деятельности» он угнал на каторгу в Германию 8000 человек.

В городе Слониме Кох арестовал 80 человек, отправил их в лагери. Там же по его приказу расстреляно 4 человека, в том числе одна женщина и ребенок 5 лет.

Всех злодеяний Коха не перечтешь.

Предчувствуя близость кончины своей и страх за свои злодеяния, немцы пытаются замести следы, они повсюду лихорадочно раскапывают могилы умерщвленных ими людей и сжигают трупы. Кох тоже этим занимается. Под руководством Коха было раскопано и сожжено 1200 трупов невинно погибших людей.

Заслуживает особое внимание активная «деятельность» так же обвиняемого Митмана.

Митман, член нацистской партии с 1940 года, бывший владелец гостиницы и ресторана. Вахмистр жандармерии.

В армию Митман призван в июне месяце 1941 года и направлен в жандармскую школу. В августе месяце Митман заканчивает школу и в числе 35 человек, из которых была сформирована специальная жандармская команда, он прибывает в Минск со специальным заданием: личная охрана генерального комиссара Белоруссии Кубе, комиссара Белоруссии Кайзера и бригаденфюрера войск СС Ценнера.

В сентябре месяце 1941 года он принимает участие в массовом расстреле советских граждан еврейской национальности в местечке Марьина Горка. Было расстреляно 1 200 человек.

В Минской психиатрической больнице находилось свыше 400 больных. В ноябре месяце 1941 года немецкие власти принимают решение ликвидировать больницу. Митман включается в это дело и принимает участие в умерщвлении 300 человек больных.

В феврале и марте месяцах 1942 года на станции Койданово полицейские под командой Митмана расстреляли группу крестьян в 25 человек, заподозренных в связях с партизанами. Также им арестовывается еще 25 человек и направляется в Минское СД.

В апреле 1942 года на станцию Койданово прибыл эшелон с гражданами еврейской национальности, в том числе женщины и дети. При активном участии Митмана все они расстреляны.

В мае месяце 1942 года Митман совместно с комендатурой участвует в повешении 8 человек, заподозренных в связях с партизанами.

Подводя итоги своей «деятельности» в Койданове, Митман между прочим говорит, что помимо участия в умерщвлении советских граждан за время его пребывания на станции Койданово, им арестовано и передано в Минское СД до 100 человек, заподозренных в связях с партизанами.

В феврале 1943 года Митман командируется в местечко Вишневка для организации опорного пункта против партизан. Здесь он принимает участие в пытках, избиениях и расстрелах граждан, заподозренных в симпатиях к партизанам. Здесь им были расстреляны гражданка Тарасевич с 8-летним ребенком, Гулис с ребенком, 7 человек задержанных в лесу, 2 гражданина на дороге в Минск и один подросток 12 лет.

В мае 1943 года Митман принимает участие в карательной экспедиции в деревне Лесины, жители которой подозреваются в связи с партизанами. Здесь при его участии было расстреляно до 250 человек. Трупы расстрелянных были бро-

шены в хаты и сожжены вместе с ними. Имущество расстрелянных разграблено.

В феврале 1943 года в деревне Лусково, Минского района, Митманом заживо была сожжена семья крестьянина Савицкого в количестве 3 человек. Вся семья была заперта в хате, а хата подожжена. Случайно остался в живых отсутствовавший в тот момент сын Савицкого.

Как спокойно повествовал здесь Митман о своих злодеяниях.

Что ему, воспитаннику Гитлера, до этих тысяч умерщвленных им женщин и детей? Его не тронул и рассказ свидетельницы Андросик, с ужасом в глазах рисовавшей картину массовых истреблений ни в чем неповинных советских людей.

Ему ли, освобожденному от совести, понять муки матери, у которой он вырывал из рук ребенка, чтобы бросить в машину, увозившую людей на смерть.

Он это делал также спокойно, как спокойно выбрасывал из своего ресторана подпившего гуляку, посмевшего нарушить порядок в его владениях.

Но мы потревожим его покой.

Вашим приговором, товарищи судьи, Вы должны заставить его понять, что такое жизнь советского человека.

Не отставал в своих злодеяниях от предыдущих обвиняемых, я имею в виду Коха и Митмана, подсудимый Гесс.

Гесс—унтершарфюрер войск СС, нацист с 1939 года. В войсках СС и вообще в армии также с 1939 года. Подготовку для будущей своей «деятельности», страшной деятельности прошел отличную. Он окончил 3-недельные курсы войск СС, полицейскую пограничную школу, 4-недельные курсы инструкторов служебных собак при войсках СС. Направлялся также в школу полиции безопасности, но испытания не выдержал.

Что же совершил подсудимый Гесс?

16 ноября 1941 года в составе зондеркоманды Гесс прибывает в Ригу, а оттуда направляется в Минск в распоряжение начальника полиции безопасности СД, куда прибыл 2 декабря.

Через 4 дня он уже включается в активную работу. 6 или 7 декабря в составе команды унтерштурмфюрера Бургдорфа принимает участие в уничтожении оставшихся еще в живых в психиатрической больнице 100 человек больных.

9 декабря 1941 года Гесс в составе той же команды участвует в массовом расстреле содержащихся в тюрьме 250 человек евреев и поляков. Обреченных к месту расстрела повели голыми, и половина из них по дороге замерзла.

10 или 11 декабря 1941 года из Минского гетто было взято до 2000 детей, женщин и стариков, вывезены за город и расстреляны. Руководил расстрелом оберштурмфюрер Кайзер.

Гесс настаивал, что во всех этих 3 случаях он лично никого не расстрелял. Его участие, как он говорил, выразилось только в том, что он только конвоировал обреченных к месту расстрела, а после расстрела зарывал трупы и засыпал ямы.

В марте месяце 1942 года Гесс участвует в погроме, устроенном в гор. Вилейке. В составе той же команды он участвует в облаве на евреев. Трудоспособных отбирает для отправки в строительную организацию ТОДТА, а нетрудоспособных в количестве 500 или 600 человек, в том числе детей и стариков, тут же возле тюрьмы расстреливает.

Гесс утверждает, что его участие в этой операции выразилось в том, что он был в числе тех, кто проводил облаву и в сопровождении задержанных к сортировочному пункту у тюрьмы.

В июне месяце 1942 года Гесс участвует в расстреле 2 000 советских граждан еврейской национальности в местечке Долгиново.

Расстрелом руководил Грабе. Лично Гесс выстрелом в затылок расстрелял 80 человек. Расстрел производился в сарае, после чего сарай с трупами был сожжен.

Во второй половине июля 1942 года в составе команды Гесс выехал в район Илия, где в гетто содержалось 1500 граждан. Все до единого были расстреляны. Лично Гесс в этой операции выстрелом в затылок расстрелял 60 человек. Трупы расстрелянных были облиты бензином и сожжены.

В середине июля 1942 года Гесс принимает участие в расстреле 2 000 евреев в городе Воложин. Лично им было убито 120 человек.

В конце июля месяца 1942 года Гесс принимает участие в массовом истреблении граждан еврейской национальности в городе Минске. В этой операции, длившейся 4 дня, было уничтожено 18 тысяч человек. Участие Гесса выразилось в том, что он согнал обреченных в душегубки и грузовые машины и отправлял к месту расстрела.

В начале августа 1942 года Гесс в составе команды был послан в местечко Вишневка, где ими было расстреляно 1 500 человек евреев.

В начале 1943 года Гесс, устав от работы по истреблению советских людей, становится каптенармусом воинской части СС, ведущей борьбу с белорусскими партизанами.

С каким тупым хладнокровием и немецкой педантичностью выкладывал нам здесь в суде обвиняемый Гесс цифры умерщвленных им советских людей.

С какой аккуратностью уточнил он здесь даты расправ.

Казалось, что речь здесь идет не о невинно погибших людях, детях женщинах, а о белках, которых он убил на удачной охоте..

Ничто не омрачало этого гладко причесанного немца, когда он на своих бухгалтерских счетах нанизывал цифры погибших, а ведь количество их составляет 28 тысяч. Ведь лично им умерщвлено 260 человек.

Конечно, цифры эти далеко неполны. Прошедшие здесь свидетели, Белявский и другие, рассказывали нам страшные эпизоды, и количество погибших должно быть значительно больше. Я не хочу этим сказать, что Гесс пытается уменьшить количество умерщвленных им людей. Нет, он только ошибается, полагая, что 28 тысяч это то, в чем он повинен.

Ведь для него количество ничего не составляло. Ведь он действовал в соответствии с программой нацистов, и поэтому количество его не беспокоило.

Да, но то, что не беспокоит нациста, волнует нас, волнует всех советских людей, волнует все свободолюбивое человечество.

Мы не хотим повторений этих кошмаров. Мы должны уничтожить этих варваров, творцов этих кошмаров, и суд своим приговором должен это сделать.

Обвиняемый Лангут Карл—член нацистской партии с 1939 года, старый работник немецкой полиции и гестапо. В полиции он служит с 1923 года.

В июне 1941 года Лангут в составе лагерного аппарата лагеря № 131 переводится на оккупированную немцами территорию Белоруссии в город Слоним.

Лангут имеет скромный чин капитана и занимает в лагере должность заместителя начальника лагеря.

В августе месяце Лангут вместе с лагерем перебирается в город Бобруйск. Здесь в лагере содержалось до 60 тысяч военнопленных. Положение военнопленных было ужасающее. Ни о каких, конечно, международных конвенциях по содержанию военнопленных здесь нет и помину.

Лагерь не вмещал всей массы военнопленных, и поэтому до ноября месяца 20 тысяч советских людей находились полураздетыми, под открытым небом. Людей питали от случая к случаю. Меню военнопленного составляло 100 — 150 граммов несъедобного хлеба с опилками и литр какой-то баланды.

Голод, холод, непосильная каторжная работа изнуряла людей, изматывала под конец, и смерть свободно гуляла по лагерю.

По признанию самого Лангута, за год в лагере в результате этого режима умерло 25 тысяч военнопленных.

Свидетельскими показаниями, а также признаниями самого Лангута устанавливается, что администрация лагеря выполняла требования немецкого командования, принимала всевозможные меры к истреблению военнопленных.

В конце 1941 года под руководством Лангута подготовлялась партия военнопленных в 5 тысяч человек для отправки в сторону Минска. Ослабевшие и изнуренные, плохо одетые люди, несмотря на холод, были погружены на открытые платформы. В результате такой преступной организации эшелон даже до Минска не дошел, так как все военнопленные по дороге замерзли и были сброшены под откос.

Еще более ужасное преступление совершил Лангут 7 ноября 1941 года, когда в лагере было расстреляно, как признает сам Лангут, до 4 000 военнопленных.

Произошел этот расстрел при следующих обстоятельствах: 4 или 5 ноября к Лангуту явился начальник лагеря подполковник Редер и сказал ему, что он имеет указание от представителя ставки германской армии полковника Штурма учинить расстрел военнопленных. Для выполнения этого указания он предложил Лангуту устроить в одном из зданий лагеря пожар.

6 ноября под видом краски на чердак здания были доставлены зажигательные средства. Лангут полагает, что это был фосфор.

7 ноября, в 3 часа дня, здание загорелось. Огонь через вентиляционные трубы быстро распространялся по всему зданию. Когда военнопленные, а их в здании было около 30 тысяч человек, бросились бежать из здания на двор, подготовленные и расставленные со всех сторон пулеметы открыли по ним огонь, якобы для того, чтобы помешать побегу военнопленных.

В результате этого провокационного пожара погибло 4 тысячи человек.

Пленные истреблялись по всякому и без всякого повода. Отстал военнопленный от колонны — его расстреливают, плохо работает обессиленный военнопленный—его избивают, и от избиений он умирает. Всякая попытка со стороны военнопленных улучшить в какой-либо мере свое тяжелое даже бытовое положение (соломы достать для подстилки)—подавлялась со звериной жестокостью.

Много времени, рассказывает Лангут, отнимало погребение умерших.

Очень часто вместе с умершими хоронили и тяжело больных, которых пристреливали уже в могиле.

Был такой случай, когда раздетый до гола и доставленный для погребения больной военнопленный поднялся из могилы и стал на ноги.

В результате такого зверского отношения и обращения с военнопленными в лагере за один только год было уничтожено до 40 тысяч человек.

Вот они деяния немецкого нациста в образе офицера гитлеровской армии, посмевшего надругаться над защитниками нашей Родины и причинившего столько горя нашим народам.

Десятки тысяч жен, матерей и детей умерщвленных Лангутом советских воинов требуют от Вас, товарищи судьи, воздать ему по его заслугам.

Обвиняемый Айк Пауль. Нацист с 1933 года. Капитан немецкой армии, офицер «Абвера», по профессии скульптор. Правда, за свою долгую жизнь, а ему 49 лет, он миру своих творений, как скульптор, не показал, но зато он показал свое богатое, одаренное фашистское нутро.

На территорию Советского Союза он попал вместе со своей комендатурой в ночь на 23 июня 1941 года, а в город Оршу—28 июля 1941 года. Занимая должность офицера особых поручений при комендатуре и заместителя коменданта.

С появлением Айка на Оршанском горизонте советское население, как показывают свидетели Скакун и Гладкий, почувствовало, что такое немецкая оккупация с ее «новыми порядками».

На подсудимом Айке хочу, товарищи судьи, несколько дольше задержать Ваше внимание.

Дело в том, что Айк здесь в суде сделал было неудачную попытку отвергнуть все то, что на предварительном следствии признал.

С ним, видите ли, следователь грубо разговаривал. Он человек тонких эмоций, а его следователь смеет подозревать в таких гнусных преступлениях. Это явная грубость со стороны следователя, так как он, Айк, чист и невинен, как ангел божий.

Разберем, чем занимался и что совершил этот ангел божий.

На предварительном следствии Айк признал, а в суде еще раз подтвердил, что в течение 6 месяцев являлся председателем комиссии по учёту и отбору рабочей силы для направления в Германию. Он признает, что в Германию на каторгу он направил свыше 100 человек. Невиновным он себя считает потому, что выполнял приказ, а следователь этого не хотел учесть.

Не отрицал в суде подсудимый Айк и того, что именно он организовал в городе Орше гетто, окружил его колючей проволокой и загонял туда всех евреев города. Правда, сердобольный Айк обеспечил их питанием—он выдавал им по 10—15 граммов муки и пару картофелин в сутки.

Организовал он гетто, во-первых, потому, что имел такой приказ, во-вторых, потому, что программа нацистов требовала отделить евреев от русского населения. Что же касается истребления, то об этом он и не предполагал.

Подтвердил Айк в суде и то обстоятельство, что именно он наложил на евреев контрибуцию, которую они внесли поло-

вину деньгами, а остальное ценностями, которые Айком были направлены в Берлин.

Не отрицает Айк и того обстоятельства, что присутствовал на тайном совещании, на котором были обсуждены мероприятия по расстрелам и намечен день расстрела.

Ему, Айку, было только приказано послать людей для оцепления гетто. Он это выполнил, но в оцеплении не участвовал, он только людей послал.

Свидетель Скакун нам тут рассказал, как в день расстрела, рано утром, Айк во главе отряда в 15 человек, пришел в гетто и расставлял там посты и что по одному признаку свидетель Скакун и его соседи, проживающие возле гетто, определили, что затевается что-то серьёзное.

Айк категорически заявил, что лично евреев не расстреливал, так как «в душе был всегда против расстрелов», но тут же добавляет, что он по просьбе работника СД штурмфюрера Решке посетил место расстрела и даже видел картины, возмутившие его благородные чувства: работник СД в его присутствии «застрелил из автомата выстрелом в затылок одного за другим 4 человек», а затем, когда очередь дошла до женщины с маленьким ребенком на руках, то этот работник СД, несмотря на плачь матери, сначала застрелил на руках у матери ребенка, а затем и ее; она вместе с ребенком упала в яму.

Видел он также, как один мужчина, еще живой, упал в яму, и так как он, Айк, пришел в ужас от мысли, что человек будет заживо похоронен, то обратил на это внимание работника СД, и последний очередью из автомата прикончил этого мужчину.

Расстреляно было, как утверждает бывший работник райуправы свидетель Скакун, ведавший выдачей нарядов этим обреченным на положенную им норму продуктов, — 1873 человека.

Можно ли при таком «благородном» поведении Айка допустить, что он участник расстрела? К такому выводу мог прийти, по мнению Айка, только грубый следователь.

Цинизм этого мелкого шпика не знает предела.

Этим далеко не ограничивается деятельность Айка.

Помимо гетто он ведал местной тюрьмой и морил голодом заключенных. Тюрьма, как образно выразился здесь свидетель, «была пересыльным пунктом на тот свет».

Айк ведал угоном советских граждан из фронтовой полосы на запад, оставляя при этом для строительства оборонительных сооружений только трудоспособных членов семьи, обрекая тем самым на погибель их жен и детей.

Я дал примерный перечень всех тех злодеяний, какие учинил подсудимый Айк. Следствию не удалось собрать и задокументировать всех злодеяний, учиненных им, но достаточно

прочитать акт Оршанской городской комиссии от 20 сентября 1944 года по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков по городу Орша, чтобы ясно себе представить, сколько много нам не удалось выявить и вменить в вину подсудимому Айку.

И вот при этих обстоятельствах и наличии собранных доказательств, этот безмозглый немец с иезуитской физиономией смеет отвергать свое прямое участие в злодеяниях.

Не выйдет. Суд своим приговором должен помочь Айку понять всю чудовищность совершенных им преступлений, одновременно освободив его в дальнейшем от непосильных для него потуг мыслить вообще.

Обвиняемые подполковник полиции Вайсиг и капитан полиции Фальк. Первый член нацистской партии с 1933 года. Имеет солидный полицейский стаж — в полиции работает с 1920 года. Второй, Фальк, хотя и беспартийный, но со школьной скамьи лелеет мечту попасть в полицию, — служба полицейского его очень прельщает. Его мечта сбывается, он попадает в юнкерскую школу СС и в 1939 году получает первый офицерский чин полиции «унтерштурмфюрер», что на человеческом языке называется лейтенантом полиции.

На оккупированную территорию Советского Союза Вайсиг попадает в феврале 1942 года вместе с вверенным ему 305-м полицейским батальоном. Задача, какая была поставлена перед Вайсигом, — это обеспечить тыл немецких войск от враждебных проявлений, а также для предотвращения возможных отходов немецких войск с занимаемых ими позиций.

Действует батальон на одном из главных направлений — на Ленинградском.

Долго заниматься выполнением полицейских функций батальон Вайсига не может: от ударов Красной Армии в рвущихся к Ленинграду фашистских ордах образуются чувствительные бреши, и немецкому командованию приходится затыкать эти бреши полицейскими частями и в том числе и батальоном Вайсига.

В результате боев с Красной Армией батальон несет потери, переформировывается, получает новый номер — 3-й батальон — и вливается в 16-й полицейский полк.

16-й полк тоже редеет и в июне 1943 года отводится в город Вольмар для пополнения.

В начале сентября 1943 года деятельность Вайсига снова возобновляется. По приказу немецкого командования он вместе с 3-м полицейским батальоном перебрасывается в район восточнее Двинска, где вплоть до октября 1943 года принимает участие в проводимой генералом Шредером карательной экспедиции в районе города Друя.

В этой операции батальоном Вайсига было задержано около 400 человек, «заподозренных» в связях с партизанами, из коих 60 человек было расстреляно, а остальные загнаны в концлагери. В той же операции сжигаются населённый пункт Забоже и весь район на север по дороге на Бреслав.

В середине октября 1943 года батальон перебрасывается в район Идрица—Себеж, где занимается проческой населённых пунктов и лесных массивов, а в ноябре 1943 года Вайсиг назначается командиром 26-го полицейского полка.

Дальнейшая деятельность Вайсига посвящается исключительно вопросу истребления советского народа, разрушения его жилищ и ограбления его имущества. Все это, конечно, под видом борьбы с партизанами. С этого же момента «работа» Фалька по этому же вопросу протекает уже под идейным руководством Вайсига.

Правда, и до встречи с Вайсигом, Фальк успел отличиться. В составе того же полка он действовал в районе Луцка, где успел под видом партизан расстрелять, а затем и сжечь 10 мирных граждан, а также сжечь населенные пункты Вербаев и Новый Став. Население, как заявляет Фальк, там не осталось, а скот в количестве 150 голов угнан.

Более полно разворачивает свои «способности» Вайсиг, а вместе с ним и Фальк тогда, когда полк в декабре 1943 года проводит под общим руководством генерала СС Шредера крупную карательную экспедицию в районе Себеж.

Вайсиг как об этой операции, так и о последующих операциях говорит очень скупо. Все злодеяния, учиненные полком, он пытается представить, как борьбу с партизанами, где «конечно, могло пострадать и мирное население», но под тяжестью улик вынужден признать и свою вину, и те вопиющие преступления, о которых нам рассказывали здесь свидетели, а также и сам обвиняемый Фальк.

В этой себежской операции полком было расстреляно, как заявляет Фальк, 150 человек мирных граждан, 250 человек заключены в лагери, 20 человек сожжено, угнан весь скот и разграблено все имущество.

В следующей операции в районе озера Шо расстреляно 400 человек, угнано в Германию свыше 1200 человек, сожжено более 40 деревень, имущество разграблено, скот угнан.

В операции в районе Радошковичи расстреляно, как говорит Вайсиг, 400 человек и сожжены все населённые пункты в этом районе.

Совсем иную, ужасающую картину нарисовали нам в судебном заседании свидетели Хверенец, Счастный и Даргель.

Эти карательные экспедиции под названиями «весенний праздник», «кормуран» причинили белорусскому народу неисчислимые бедствия, моря крови, крови мирных граждан, детей

и стариков было пролито этими горе-вояками, боявшимися партизанской зоны и вымещавшими свою злобу на мирном населении.

Направляясь в партизанскую зону, они впереди себя гнали советских людей, детей и подростков, стариков и женщин, чтобы обезвредить дороги от мин и прикрыться от внезапного огня партизан. «Форсируя» одну канаву, наполнениую водой, они устраивают мост из трупов расстрелянных советских людей, продолжая шествовать дальше по мирным селам, уничтожать все живое.

Места, где полк проходил, заявляет обвиняемый Фальк, оставались опустошенными.

По далеко неполным даиным, в результате действий Вайсига и Фалька в общей сложиости было расстреляно более 1000 человек, уничтожено более 150 деревень, передано в СД, как заподозренные в связях с партизанами, 3000 человек и более 2000 человек угнаио в Германию, в рабство. Сколько имущества разграблено и угнано скота, установить не представляется возможным. Устаиовлено только, что в этих районах не осталось ни одной коровы.

Вот она «деятельность» этих варваров, отмеченная немецким командованием многочисленными награждениями.

На скамье подсудимых сидит еще ряд обвиняемых, среди которых мы имеем 4 человек одиночек, нижних чинов немецкой армии и 4 человек, представляющих, так сказать, немецкую Бобруйскую комендатуру.

Прежде чем коснуться Бобруйской комендатуры и ее деятельности, мне хочется, товарищи судьи, представить Вам свои соображения по поводу этих обвиняемых одиночек. Я имею в виду обвиняемых Хехтля, Роденбуша, Гетериха и Фишера.

Обвиняемые обер-ефрейтор 718-го полка Хехтль Ганс и солдат 635-го полка Роденбуш Альберт.

Хехтль в составе полка принимал участие в двух крупных карательных экспедициях против партизан. Первая экспедиция была проведена в ноябре 1941 года в районе станции Оболь. Во время этой операции по приказу командира роты была сожжена деревня (названия он не знает). Хехтль с тремя другими солдатами подожгли в этой деревне 8 хат. В момент сжигания деревни погиблн граждане, не успевшие выскочить из горевших хат. Из разговоров в роте он знает, что деревня была сожжена с целью устрашения народа и предотвращения ухода в партизаны.

Вторая операция была проведена в феврале 1943 года в районе железной дороги Оболь—Полоцк. Солдатам был дан приказ в плен никого не брать. В этой операции было сожжено до 50 деревень и иа месте было расстреляно 2000 партизан и

местных жителей. Лично Хехтль в этой операции расстрелял человек 280 и сжег около 40 хат. Расстреливали они всех бегущих из деревни без исключения, не интересуясь—относятся ли они к партизанам или нет, так как было указано всех бегущих расстреливать.

Не менее активно действовал Роденбуш. В составе 635-го полка он участвовал в облавах на партизан в районе Осиповичи. В декабре месяце 1942 года в момент облавы, пройдя несколько деревень, рота, в которой состоял Роденбуш, по приказу командира роты — старшего лейтенанта Дреева — сожгла 4 деревни, расстреляла 150 человек, в том числе были и дети, и задержала около 200 человек. Расстрел производился потому, что жители этих деревень при появлении их части убегали из села. Задержанные были отправлены и переданы в полицию.

Роденбуш в августе 1944 года по приказу командира роты расстрелял 2 подростков, заподозренных в краже боеприпасов.

Обвиняемый Гетерих Алоиз — рядовой 370-й пехотной дивизии. В январе 1943 года эта дивизия проследовала через Минск на восток. 3-й батальон, в котором Гетерих состоял, был задержан в Минске на несколько дней для выполнения важного задания. Это задание состояло в том, что батальон в течение 3 ночей расстреливал советских граждан, содержавшихся в лагере Масюковщина, расположенном в районе станции Минск-товарная. Общее количество расстрелянных, по мнению Гетериха, составляет 10 тысяч человек. Огонь вёлся групповой и из пулеметов, и Гетерих поэтому не знает, сколько им лично было расстреляно.

В феврале месяце Гетерих принимал также участие в составе своего взвода в расстреле жителей одной деревни в районе Льгова в 3—4 километрах от линии фронта. Сначала по деревне был дан залп из минометов, затем жители деревни были согнаны в кучу. Мужчины были отделены от всей толпы, отведены за деревню и расстреляны. Взводом, в котором состоял Гетерих, было расстреляно, примерно, 100 человек. Из разговоров в роте он знает, что такие расстрелы проводились, как мера устрашения.

Совершенно отличны были действия обвиняемого Фишера.

Фишер Гайнц Иоган обер-ефрейтор 8-й кавалерийской дивизии СС. В немецкую армию он поступил добровольно в октябре 1940 года и был направлен в школу связи. По окончании школы он сначала был зачислен солдатом взвода связи 5-го полка СС «Мертвая голова», а затем был переведен в качестве связиста в 8-ю кавалерийскую дивизию СС. Со слов своих однополчан он знает, что в октябре месяце 1941 года дивизия принимала участие в массовом расстреле евреев в Бобруйске.

Будучи в октябре месяце 1941 года вместе с дивизией в городе Речице, Фишер работал связным на мотоцикле. Когда он был послан с пакетом и радиостанцией, находившейся за Днепром, в штаб дивизии в город Речицу, он у переправы через реку Днепр заметил группу евреев из 2 мужчин, 3 женщин и 4 детей, которая также имела намерение переправиться через Днепр. По личной инициативе он вместе с шофером находившейся тут же автомашины стал проверять документы у этих людей и, когда он убедился, что это все евреи, то он выстрелом из винтовки убил одну 19-летнюю девушку из этой группы. Остальных 8 человек убил этот неизвестный для него шофер.

Осенью 1942 года Фишер, находясь в районе города Великие Луки, расстрелял одного гражданина, которого он встретил на дороге. Объясняет он причину расстрела тем, что заподозрил его в связях с партизанами.

Расстрел как 19-летней девушки, так и гражданина, он произвел по личной инициативе, не будучи связанным никакими приказами.

Вот в основном все то, что совершили эти низшие чины, находясь в составе войск на временно оккупированной территории Советского Союза.

Теперь разрешите мне, товарищи судьи, остановиться на Бобруйской комендатуре и, в частности, на злодеяниях, учиненных обвиняемыми Моллом, Гетце, Бурхардом и Битнером.

М о л л, майор по званию, исполнял должность комеиданта города Бобруйска по июнь месяц 1944 года. До этого он был комендантом местечка Парнчи. Его заместителем по городу Бобруйску был капитан Гетце. Бурхард в Бобруйской комендатуре значился зондерфюрером. Сельхозкомендантом Бобруйского района был подсудимый Битнер.

Б у р х а р д и Б и т н е р члены нацистской партии с 1940 года. Свои соображения по поводу этой группы обвиняемых я считаю необходимым начать именно с Бурхарда. Это я делаю, во-первых, потому, что Бурхард в этой комендатуре старожил: он был в ней еще тогда, когда она была в Чечерске, затем в Рогачеве, вместе с ней он отошел в Бобруйск и вместе с ней он сидит здесь на скамье подсудимых, во-вторых, потому, что Бурхард является вездесущим фигаро в этой комеидатуре.

Чем только не занимался Бурхард в Бобруйской комендатуре?

Он руководил переводчиками, он был начальником трудового лагеря, он руководил лагерем эвакуированных, он участвовал в вербовке агентуры для проведения шпионской работы среди населения, он давал заключения по уголовным делам,

он проводил вербовку в так называемую РОА, он надзирал над тюрьмой в Бобруйске, он был причастен к массовым выселениям советских граждан из их жилищ, он занимался угоном советского населения в немецкое рабство, он, наконец, выступал в суде в качестве обвинителя и защитника (правда, он сумел нам рассказать, кого он отстоял от фишистского гнева).

К каким только уловкам не прибегал этот изощренный в юристденции Бурхард, чтобы несколько смягчить впечатление от всех его дел. Он даже пытался усыпить и суд и аудиторию своими длиннейшими тирадами, рассказывал, что угодно, но только не о себе, не о своих гнусных преступлениях.

Он рассказывал Вам, как он ненавидел поляков, которые, по его мнению, себя дерзко вели, и поэтому он участвовал в устроенном фашистами шествии по польскому городу и избивал резиновой дубинкой непокорных прохожих поляков, не удостоивших его низким поклоном.

Он рассказывал Вам об эволюциях в его политических взглядах, о нацистских курсах, о книге «Майн кампф», о своей квартире, отобранной у поляков, и наконец, о своей любви к разбухавшей немецкой империи и к фюреру. Все это он преподносил в привычных для оратора тонах, с паузами, пафосом и т. д.

Больших трудов стоило вернуть его к действительной жизни обычного фашиста, полной ужасов и чудовищных злодеяний. Он полагал, что красиво построеннымн фразами на русском языке (а знает он русский язык отлично) прикроет свое лицо заплечных дел мастера, но-ему пришлось вернуться к своим гнусным делам и уж в мирном тоне признавать н признаваться в своих преступлениях.

Что же совершил Бурхард?

В городе Чечерске в момент пребывания в комендатуре Бурхарда там было гетто, в котором содержалось 200 человек еврейской национальности. В начале октября 1941 года это гетто в два приема было «ликвидировано».

Кроме того, там же и тогда же было расстреляно 50—70 человек цыган.

Бурхард свое участие в расстреле этих советских людей отрицает. Об этом событин, говорит Бурхард, он узнал от переводчика комендатуры Вейбера. В этом маленьком Чечерске о таком событин, как массовый расстрел 300 человек, проведенном при участии комендатуры, он — всезнающий и вездесущий Бурхард — узнает от переводчика комендатуры. Как это нелепо звучит. Но Бурхард опытен в уголовных преступленнях, он учитывает, что его короткое пребывание в Чечерске лишило возможности следственные органы собрать доста-

точно изобличающих его данных и он это обстоятельство использует.

Не отрицая свое участие в массовом расстреле, он вынужден признать, что принимал участие в допросах и расстрелах 6 задержанных советских граждан, заподозренных в связях с партизанами.

Пытается Бурхард отрицать также свое участие в массовом расстреле советских граждан еврейской национальности в городе Рогачеве, но под тяжестью улик вынужден признать, что в ночь перед расстрелом он действительно с командой СД ездил в гетто, где участвовал в обысках и издевательствах над обреченными и что в момент расстрела приезжал на место расстрела упорядочить вопрос с личными вещами расстрелянных, которые разбирались полицейскими.

При этом «упорядочении» он и себе заимел одно теплое одеяло.

Всего тогда было расстреляно 1500 человек и среди них, как заявляет Бурхард, большое количество женщин и детей.

Там же в Рогачеве Бурхард принял участие в допросе 5 задержанных советских граждан, которые в его же присутствии были расстреляны.

В июне 1942 года Бурхард явился участником гнуснейшего преступления, которое сначала скрывал, но которое после вынужден был признать. Вместе с комендантом СД он выезжал в деревню Козуличи, и все население в количестве 300 с лишним человек, в том числе старики и дети, были выгнаны из хат и загнаны на мельницу. Эта мельница с загнанными туда людьми была подожжена. Все, кто попал на эту мельницу, — заживо сгорели, а пытавшиеся спастись — расстреляны. Вернулся оттуда Бурхард с двумя кусками сала и гусем. На следующий день ему дали еще около 5 килограммов сала. Имущество расстрелянных жителей деревни Козуличи было разграблено, а скот угнан.

Бурхард, как я уже указал вначале, был начальником трудового лагеря в городе Бобруйске, через который прошло свыше 4000 человек.

От непосильного труда, жестокого режима и недоедания содержащиеся там советские люди превращались в инвалидов, и смертность среди заключённых была чрезвычайно велика. За год там умерло свыше 100 человек. Но, помимо этого, у Бурхарда была договоренность с СД, что всех нетрудоспособных они будут из лагеря в порядке разгрузки, забирать и расстреливать.

В начале Бурхард признал, что таких нетрудоспособных было уничтожено до 100 человек, но затем изобличенный свидетельницей Михеевой, подтвердил, что он действительно ночью построил весь лагерь, отобрал 400 человек и передал СД

для физического уничтожения. Всего таким образом, как утверждает Бурхард им было истреблено до 500 человек.

Бурхард не отрицает, что за время его деятельности из подведомственных ему лагерей (трудовой лагерь и лагерь эвакуированных) им было угнано в Германию на каторгу 2500 человек.

Бурхард признал также и то, что им по 2000 уголовных дел были даны заключения, по которым советские люди направлялись на разные сроки в подведомственный ему лагерь, а некоторые из них были расстреляны.

При участии Бурхарда адъютантом комендатуры Шилингом были завербованы два агента для выявления среди населения антигермански настроенных лиц.

Бурхард не отрицает, что принимал участие в допросе задержанных советских граждан, что избивал их во время допроса и что также присутствовал при расстрелах комендатурой. Сколько таких случаев было, Бурхард не знает, но допускает, что их было больше десятка.

Бурхард совместно с капитаном Гетце в течение года насильственно выселил в городе Бобруйске 10 000 советских граждан из занимаемых ими квартир. Много имущества, принадлежащего выселенным гражданам, было разграблено.

Как видите, товарищи судьи, злодеяния, учиненные подсудимым Бурхардом, выявленные следствием, чрезвычайно велики, и напрасны были потуги Бурхарда скрыть их красивыми фразами.

Второй обвиняемый из Бобруйской комендатуры, о котором я сейчас доложу Вам, товарищи судьи, свои соображения — это подсудимый Гетце Бруно Макс, капитан немецкой армии.

В Бобруйске Гетце появился в феврале месяце 1942 года и занял должность офицера особых поручений и заместителя коменданта города Бобруйска.

Помимо общей руководящей роли в комендатуре, Гетце занимался также расквартированием войск и осуществлял контроль за работой жилищного отдела города Бобруйска. Он также надзирал за работой бытовых и культурных учреждений, обслуживавших немецкие войска, руководил жандармерией и местной полицией по поддержанию порядка в городе, руководил трудовым лагерем, который возглавлялся зондерфюрером Бурхардом и, наконец, в отсутствии коменданта города исполнял его должность.

Гетце в своих показаниях как на предварительном следствии, так и на суде акцевтирует внимание всех на то, что он занимался только расквартированием войск, был занят по горло и поэтому все остальное, что творилось вокруг него, он не видел, не замечал.

Однако, под тяжестью улик он вынужден признать, что выселение, которым он руководил, выглядит совсем не так невинно, как он пытался это рисовать, что не 60—80 семей он выселил, а 12 000 человек, что он эту массу людей не только лишил крова, но и средств к существованию, так как на выселение он представлял народу только 3 дня. Средств же для вывоза имущества и продуктов питания он не предоставлял.

Горе и муки советских людей не ограничились только тем, что они лишились крова и средств к существованию, они лишились также и своих кормильцев.

Дело в том, что при выселении все трудоспособное население задерживалось и под конвоем направлялось в Бобруйский лагерь № 131 и, таким образом, нетрудоспособные женщины, дети и старики, оставшиеся без своих кормильцев, были брошены на произвол судьбы.

Но это еще не все. Для того, чтобы увеличить количество трудоспособных, у матерей отбирали детей и их также направляли в лагерь.

Гетце пытался заверить всех нас в том, что о детях позаботились — они передавались тем, кто не подлежал направлению в лагерь, а лишь только выселению, и последние, по его мнению, должны были позаботиться о них. «Я полагаю,—говорил Гетце, — что если кто-либо из них имел троих своих детей, то мог позаботиться и о четвертом ребенке своего родственника».

Гетце дважды пришлось замещать комеиданта города Бобруйска (в связи с убытием последнего в отпуск). Несмотря на то, что он исполнял эту должность недолго, Гетце за эти короткие промежутки (первый раз месяц, а второй раз полтора) много успевал сделать.

Два раза в эти промежутки, он формировал отряды из полицейских и посылал их на борьбу с партизанами. Было убито много партизан. Раиеные, говорит Гетце, добивались на месте, а захваченные были сданы в штаб охранной дивизии, и судьба их ему неизвестна.

В декабре 1943 года он со штаба получил приказание выслать отряд полицейских и разгромить деревню Борки и Топорки. Задание это он не выполнил лишь потому, что тайная полиция его опередила — она до прибытия его отряда сожгла эти села и угнала оттуда все население.

Принимает участие Гетце и в угоне советских людей в рабство в Германию. В конце 1943 года во время массовой облавы по выявлению лиц, могущих быть направленными на работу в Германию, он выделил 5 жандармов для обеспечения этого мероприятия и для охраны лагеря, где содержались советские граждане до отправки их в Германию. Как я уже ранее сказал, Гетце осуществлял общее руководство трудовым лагерем, который возглавлялся зондерфюрером Бурхардом.

О злодениях Бурхарда в этом лагере я вам уже доложил. Гетце о всех этих злодеяниях, о массовых истреблениях ни в чем не повинных советских людей, содержащихся в лагере, знал и молча одобрял действия Бурхарда.

За это массовое истребление советских людей в лагере, которое проводилось с его ведома, он должен нести ответственность наравне с Бурхардом.

На личном счету Гетце значится также утверждение около 20 приговоров по уголовным делам, заключения по которым давал Бурхард. По этим приговорам, как утверждает Гетце, 15 человек направлено в лагерь сроком до одного года и на пять человек наложены штрафы на различные суммы.

Вот «деятельность» подсудимого Гетце, пытавшегося здесь в суде предстать перед Вами, как невинно пострадавший, как случайно очутившийся в этом фашистском зверинце.

Третий подсудимый из Бобруйской группы обвиняемых это комендант города Бобруйска — майор Молл.

С марта 1942 года Молл занимал должность коменданта местечка Паричи, а с марта 1943 года — коменданта города Бобруйска.

Подсудимые зондерфюрер Бурхард и капитан Гетце, о злодеяниях которых я уже высказал Вам свои соображения, находились в полном подчинении майора Молла.

Как начальник и как руководитель Бобруйской комендатуры Молл был в курсе всех преступных дел, чинимых и Бурхардом и Гетце. Их злодеяния совершились с его ведома и согласия, а чаще всего по его прямому указанию. Это подсудимый Молл признал и здесь в суде, и поэтому за злодеяния, учиненные Бурхардом и Гетце, он также несёт полную ответственность.

Помимо этого за Моллом числится ряд чудовищных преступлений, совершенных им без участия Бурхарда и Гетце.

Преступления эти следующие.

Будучи комендантом местечка Паричи, в его ведении находилась тюрьма где содержались задержанные как самой комендатурой, так и находившимися в Паричах карательными органами. За время нахождения Молла в Паричах, подчиненной ему комендатурой было задержано и посажено в тюрьму около 100 человек. Никто из задержанных освобождён не был. После допроса и проверки личностей часть людей, как показал Молл, была направлена в трудовой лагерь в город Бобруйск, а остальные расстреляны ГФП. По его прямому приказу несколько человек из этого числа задержанных было расстреляно. Сколько было расстреляно, Молл не помнит. Он помнит только о 4 случаях, когда были расстреляны 2 человека по подозрению в связи с партизанами и два человека, заподозренные в шпионаже.

Молл признаёт также, что режим, установленный в тюрьме, был чрезвычайно жестоким. Помимо голода и холода арестованные страдали также от избиений со стороны работников тюрьмы и ГФП. Однако, показанием свидетеля Евдокимова устнавливается, что избиением арестованных занимался также подсудимый Молл.

В марте месяце 1942 года возле Паричской комендатуры, как показал свидетель Муран, были собраны оставшиеся ещё в живых 30 советских граждан еврейской национальности, которые были посажены на автомашины, вывезены за деревню Высокий Полк и расстреляны. Подсудимый Молл это обстоятельство отрицает, заявляя, что случаи массового истребления евреев имели место до его прибытия в Паричи. За время его пребывания в Паричах было расстреляно только два еврея, причём к этим случаям он никакого отношения не имеет, так как расстрелы были учинены работниками ГФП.

Подсудимый Молл признал, что осенью 1943 года собранными по его прямому указанию советскими гражданами путем боронования производилось разминирование полей и дорог в районе города Бобруйска. В результате такого способа разминирования на минах подорвалось и погибло свыше 100 человек советских граждан.

Подсудимый Молл признал свою вину также и в том, что за время его нахождения в Паричах и Бобруйске он организовал и насильно отправил на каторгу в Германию свыше 10 тысяч советских граждан.

Не отрицает подсудимый Молл и того, что им, как комендантом города Бобруйска, было утверждено до 2000 приговоров, заключения по которым были сделаны Бурхардом. По этим делам часть людей была расстреляна, примерно, говорит Молл, до 20 человек, а остальные направлены в лагерь.

Вот, что совершил подсудимый Молл, пребывая в должности коменданта сначала в Паричах, а затем в Бобруйске.

Последний подсудимый из Бобруйской группы обвиняемых это бывший сельхозкомендант Бобруйского района Битнер Август.

Битнер, занимая должность зондерфюрера по сельскому хозяйству в начале в Жлобинском районе, а затем сельхозкомендантом Бобруйского района, под видом поставок нещадно грабил население, отбирая у него скот и сельскохозяйственные продукты. Население за несвоевременную сдачу поставок угонялось в Германию, или заключалось в лагери.

Осенью 1943 года по его информации в селах, где не были сданы определенные им поставки мяса и зерна, по его распоряжению были закрыты все мельницы, а затем посланы специальные карательные экспедиции, которые расправлялись с этими несдатчиками, сжигая их хаты и отбирая их имущество.

В декабре 1943 года по приказу майора Райнгольда, при помощи полиции, Битнером у населения было изъято до 1000 голов крупного рогатого скота.

В марте 1944 года партизаны взяли в деревнях Мартыновка и Малиновка несколько голов рогатого скота. По указанию Битнера в качестве ответных репрессий полицией из этих деревень был угнан весь скот.

Помимо определенных заданий, скот и продукты изымались у населения также воинскими частями.

Битнер признал, что за время его пребывания в Бобруйском районе у крестьян было изъято свыше 4000 голов крупного рогатого скота. Хозяйство, показал Битнер, в районе разорялось, так как налоги были слишком велики и население не в состоянии было их выполнять.

Свидетельскими показаниями устанавливается, что количество отобранного скота в районе значительно превышает цифру, приведенную Битнером.

Свидетельскими показаниями устанавливается также, что Битнер жестоко обращался с крестьянами, лично избивал нагайкой провинившихся.

Свидетели также утверждают, что Битнер имел прямое отношение и к угону населения на каторгу в Германию, осуществляя все через полицию.

Битнер свое поведение пытался оправдать тем, что он выполнял приказы, получаемые свыше. Однако, вынужден был признать, что эти приказы были преступными и что богатство района хищнически изымалось с определенной целью: разорить район и обречь население на голодную смерть.

Такова, товарищи судьи, картина злодеяний, содеянная фашистскими извергами, сидящими на скамье подсудимых.

Красной нитью проходит по делу стремление этих извергов истребить возможно большее количество советских людей любыми средствами: пытками, расстрелами, удушениями в «душегубках», виселицами, сжиганием, холодом и голодом.

Занимались этими истреблениями ни в чем не повинных советских людей—женщин, детей, стариков—все, от солдата до генерала, безотносительно к тому, кто какие функции выполнял и кто какую должность занимал.

Товарищи судьи! Вина всех подсудимых по настоящему делу неопровержимо доказана материалами дела, актами Чрезвычайной Государственной Комиссии, показаниями множества свидетелей. О злодеяниях, совершенных подсудимыми, говорят страшные доказательства, находящиеся вокруг нас,— это горы трупов, это котлованы, доверху наполненные остатками расстрелянных, задушенных и заживо погребенных людей; это разрушенные наши города, фабрики, заводы; это сожженные и разграбленные села и деревни. Фактов этих зло-

деяний не отрицают и сами подсудимые. Однако, они стараются выгородить себя тем, что они, мол, только исполняли приказы своего начальства.

Несостоятельность этого довода теперь уже ни у кого не вызывает сомнений.

В самом деле, может ли ссылка на приказ, в частности, на воинский приказ, на воинскую дисциплину, служить оправданием таких гнусных злодеяний, как зверское истребление сотен тысяч мирных граждан, стариков, женщин и детей, массовые расстрелы их, сожжение заживо, удушение в душегубках, изощренные пытками, оставляющие далеко позади все ужасы средневековья, истязание и истребление военнопленных, превращение свободных советских людей в рабов, чудовищные грабежи и разрушения?

Нет, не военные это приказы, их выполнение не может быть делом долга и дисциплины. Это преступные приказы к неслыханным злодеяниям, это дисциплина бандитской шайки, которая не может оправдать никого из ее участников, ни главарей—подстрекателей, ни их сообщников—исполнителей чудовищных преступлений.

Товарищ Сталин 6 ноября 1942 года в своем докладе, посвященном 25-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции, сказал:

> «Мы знаем виновников этих безобразий, строителей «нового порядка в Европе», всех этих новоиспеченных генералов-губернаторов и просто губернаторов, комендантов и подкомендантов. Их имена известны десяткам тысяч замученных людей. Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов».

Московская декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства, опубликованная правительствами США, СССР и Великобритании 2 ноября 1943 года, также предусматривает, что те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за зверства, убийства и казни, или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих стран.

В ст. 8 Устава Международного Трибунала мы также читаем: «Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства, или приказу начальства, не освобождает его от ответственности».

Таким образом ответственность виновников этих гнусных злодеяний является совершенно бесспорной, как с моральной, так и с юридической точки зрения. Ссылками на приказы начальства им не оправдаться.

Товарищи судьи!

Вашего сурового приговора злодеям ждет весь белорусский народ, который прожил три страшных года под властью этих извергов; который потерял сотни тысяч своих сынов и дочерей, расстрелянных, сожженных и замученных немецкими палачами, в том числе сидящими здесь на скамье подсудимых; народ, который не покорился и оказал героическое сопротивление поработителям, который в самые кошмарные дни твердо верил, что сбудутся слова великого Сталина, захватчики будут разгромлены, палачи понесут суровую кару.

Суровой кары злодеям ждет и весь наш советский народ, как акта правосудия и справедливости.

Чудовищные преступления, совершенные подсудимыми, предусмотрены статьей 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев».

На основании этого указа я, как государственный обвинитель, прошу Военный Трибунал приговорить всех подсудимых к смертной казни через повешение.

(Заключительное слово государственного обвинителя все присутствующие в зале встречают бурными продолжительными аплодисментами).

Председатель: Слово для перевода речи государственного обвинителя на немецкий язык предоставляется переводчице тов. Зайденвар.

(Речь государственного обвинителя переводится на немецкий язык).

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 28 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Председатель: Судебное заседание Военного Трибунала продолжается.

В защиту подсудимых Герфа и Вайсига слово имеет адвокат Жудро.

Жудро: Товарищи судьи, члены Военного Трибунала!

Прошло 8 с лишним месяцев от того дня, когда мир услышал победную весть о безоговорочной капитуляции Германии, о падении преступного гитлеровского правительства, о гибели фашистского режима.

Однако, раны, нанесенные человечеству этой ужасной войной, раны, причиненные советскому народу и в этом числе героическому белорусскому народу далеко еще не зажили. Они зияют и на сегодняшний день Вашего суда.

Об этих ранах говорят тысячи километров пространств, опустошенных гитлеровскими полчищами; сгоревшие деревни и села, сожженные лесные массивы вдоль железнодорожных и шоссейных дорог; на эти раны указывают мрачные скелеты разрушенных и обгоревших домов истерзаниых городов, в том числе и столицы Советской Белоруссии — города Минска; об этих ранах не дают забыть осиротевшие семьи, тысячи калек, страдания миллионов людей, бежавших от ужасов фронта, или захваченных боями, попавших в немецкое рабство оккупации и угона в Германию с их физическими и моральными страданиями.

Товарищи судьи! Гитлер говорил о «жизненном пространстве» для немецкого народа—«народа-господ». Этого пространства фашисты не получили. Но земля, по которой они прошли, на которую они предательски ворвались, пропитана кровью миллионов людей, омыта слезами невинных страдальцев—жен, матерей, ребятишек,—земля эта покрыта пеплом сожженных жилищ, и веют по ней остатки заживо сожженных людей; ещё слышатся стоны замученных в застенках гестапо и гетто, в рвах, на улицах и в домах, в траншеях, заполненных тысячами расстрелянных; ещё слышатся последние вздохи повешенных.

Поистине велики страдания белорусского народа.

Эти страдания в дни процесса вошли сюда, в этот зал, они пришли к Вам в жутких рассказах свидетельницы Виноградовой, выползшей из ямы, из-под убитых людей и земли, в рассказах героини Советского Союза Мазаник, поведавшей Вам о народных страданиях, и целого ряда других свидетелей, которые говорили Вам о муках и безбрежных страданиях белорусского народа, которые он переносил в течение долгих трех лет.

Эти люди—простые советские труженики, придя к Вам, рассказали также о великом патриотизме, красочном героизме белорусского народа. Они рассказали Вам о том, что белорусский народ — это люди, которые страдали под пятой немецкой оккупации, знали, что там на востоке, за линией фронта, в Москве наше правительство и гениальный вождь человечества товарищ Сталин куют победу, куют освобождение белорусского народа.

Любовь и преданность великому вождю окрыляли народ, и он уходил в партизанские отряды и сражался с немецкими насильниками, зная, что придет час его освобождения.

Товарищи судьи. Позвольте мне на несколько минут Вашу мысль отвлечь от главных тем этого процесса к историческому прошлому. Позвольте напомнить Вам, что на протяжении веков и столетий германские племена и народы стремились к

завоеваниям, причем войны, которые они вели, всегда несли жестокие угнетения, сеяли разбой и грабежи.

Позвольте мне напомнить Вам, что сравнительно в недалёком прошлом, после победы Германии над французским народом в 1871 году, у германских правителей и идеологов появились идеи о величии германского народа, о священном назначении германского государства. Помните — философ Гегель смотрел на Прусскую монархию, как на выражение высшей идеи.

Позвольте мне напомнить, что в 1891 году в Германии был образован всенемецкий союз. Какие задачи ставил этот союз? Задачи эти формулировались тогда так: «Миссию нашего народа не может ограничивать горизонт узкими рамками германской империи, его история, культура, самооценка дают право на мировое положение». Что значат эти слова? Не кроется ли в них будущая расовая теория Гитлера?

Через несколько лет в Германии вышла книга, в которой говорилось о том, что будет представлять из себя Германия и Средняя Европа к 1950 году.

Мы читаем в ней следующее:

«К 1950 году Германия включит в свои границы Люксембург, Голландию, Бельгию, Австрию, Чехословакию, Венгрию, Подкарпатскую Русь и Галицию, Балтийские государства, Польшу, Королевство Рутению, т. е. Украину, Румынию и Сербию».

Итак, товарищи судьи, сорок лет тому назад уже возникла та военная программа, которую Адольф Гитлер решил осуществить в наши дни.

30 января 1933 года, когда Гитлер захватил власть в Германии, эта сумасбродная идея о величии Германии и расовая теория стали претворяться в жизнь.

Мы с Вами здесь слышали из уст обвиняемых, что когда Германия напала на Советский Союз, им говорили неправду о причинах войны. Мы знаем также, что когда Гитлер захватил власть, он вначале тоже пытался обмануть свой народ. Так, в ноябре 1933 года при выборной кампании в рейхстаг был выброшен лозунг: «С Гитлером против безумия мирового вооружения». Каким сарказмом, какой иронией звучат эти слова в свете того пути, которым прошла Германия под руководством своего фюрера.

Но эти пацифистские слова и лозунги звучали недолго. Мы знаем, что вскоре появились совершенно иные взгляды и рассуждения о Германии и о ее положении среди народов.

Автор книги «Военная наука» Бонзе писал:

«Между теперешней нашей нуждой и нашим грядущим счастьем стоит война. Необходимо создать веру в высокую этическую ценность и глубокий смысл войны», а полковник

Гитль, принадлежащий к «непобедимой» германской армии, говорил: «Мы хотим создать вооруженное государство, так как только оно обеспечивает жизнь и будущность германского народа».

Не отсюда ли, товарищи судьи, идут корни злодеяний Коха с его патологическим вожделением к женщинам, кутежам, к богатству? Не это ли воспевание войны явилось источником хладнокровных убийств Гесса? Не находим ли мы здесь объяснений участия Бурхарда в погроме с СС Бобруйского гетто и в сожжении заживо людей в деревне Козуличи?

Мне думается, что все эти проповеди о войне в сочетании с национал-социалистским воспитанием народных масс, с террором, с концентрационными лагерями в Германии, с гестапо, как укротителя немецкого народа, раскрывают во многом настоящее дело.

В основу обвинений подсудимых положен ряд преступлений, в которых они признали себя виновными, но эти преступления нельзя рассматривать в отрыве от общей системы преступлений бывшего германского правительства и так называемой национал-социалистской рабочей партии раздельно от их преступных приказов и установок.

Красной нитью в этом деле проходит позиция обвиняемых, о которой вчера говорил товарищ прокурор,—они все стоят на объяснении своих преступлений исполнением приказов вышестоящего начальства.

Мы в данном случае придерживаемся одной точки зрения с представителем государственного обвинения. Мы считаем, что так ставить вопрос, как его ставят обвиняемые, нельзя. В данном деле, когда речь идет о преступлениях, изложенных в этих томах, когда речь идет о нарушении человеческой морали, об игнорировании всех международных соглашений и конвенций о методах ведения войны,—понятие соучастия, юридическая его природа, несомненно, расширяется, и соучастие здесь на лицо, независимо от того, что конкретные преступления данных обвиняемых или совершены без конкретного соучастия Нюрнбергских преступников.

Единство воли и намерений, одно стремление к порабощению народов и истреблению миллионов людей — вот, что объединяет данное дело с Нюрнбергским, что дает основание говорить о соучастии этих подсудимых в нарушении правил ведения войны и соответствующих международных конвенций, — с главными военными преступниками.

Эрдманнсдорф на заседании 17 января показал, что еще за 10 дней до нападения Германии на Советский Союз, на совещании, командующий дивизией ознакомил их с приказом Гитлера, который сводился к следующему: «Должны уничтожаться все военнопленные комиссары». Дальше Эрдманнс-

дорф сказал, что уже в период войны был получен приказ Гитлера или Кейтеля о безответственности солдат за преступления в отношении советских граждан.

Мы здесь слышим показания Герфа о его беседе с Кубе, когда последний сообщил ему об установке Гиммлера на уничтожение 20 миллионов русских и славян.

Из материалов Нюрнбергского процесса мы знаем, что Гитлер еще 13 мая 1941 года издал приказ о безжалостной расправе с нашими людьми, как о единственной мере, которая должна выполняться офицерами и подчиненными им войсками.

Из этих же материалов нам известна другая преступная директива Кейтеля от 16 сентября 1941 года, в которой говорилось: «Человеческие жизни в оккупированных странах ничего не стоят», «Смертные приговоры для 50 или 100 коммунистов должны рассматриваться как совершенно приемлемый метод».

В ноябре 1941 года гитлеровское командование издает приказ, которым предлагалось партизан, в том числе женщин, в плен не брать.

Позвольте мне напомнить Вам показания свидетеля Лахузена на Нюрнбергском процессе в ответ на вопросы прокурора товарища Руденко. Свидетель показал, что начальник общего отдела штаба верховного главнокомандующего Рейнеке указал на совещании на необходимость применения к русским военнопленным самых жестоких мер вплоть до расстрела.

Обвиняемый Рихерт показал Трибуналу, что фельд-маршал Клюге сообщил ему приказ Гитлера о расстреле 100 человек мирного населения за убийство нескольких немецких солдат на станции Славное.

Звучат еще слова Коха: «Моя работа—это зверское преступление, но это была моя практическая работа по осуществлению расовой теории». Не исчезли из нашей памяти показания обвиняемого Айка о расстреле евреев, который он производил «по плану фашистской партии».

В одном из отчетов Нюрнбергского процесса приводятся слова обвиняемого Зейс-Инкварта: «Мы будем бить и уничтожать евреев везде, где бы мы их не встретили».

Подсудимый Герф передал Вам свой разговор на свидании с Гиммлером о книге «Чингис-хана». Товарищ Прокурор вчера останавливал ваше внимание на этих показаниях. Книга эта давалась каждому полицейскому офицеру, как руководство для его практической деятельности.

Я буду прав, если скажу, что все преступления, явившиеся предметом Вашего внимания и проверки, органически связаны с преступными действиями гитлеровских главарей,

эти преступления питались единой кровью, отравленной ненавистью к человеку, к свободе, к культуре.

Вы установили то бесспорное положение, что мирные советские люди под разными предлогами угонялись на немецкую каторгу.

Это делалось по планам и заданиям преступного гитлеровского правительства.

Так, в 1943 году Гиммлер на совещании генералов СС говорил:

«Упадут ли от истощения 10 тысяч русских женщин в то время, как они роют противотанковый ров, интересует меня с одной точки зрения:—закончен ли этот ров для Германии».

Откровенно, но цинично до предела.

Другой национал-социалистский деятель Борман, обвиняемый по делу главных военных преступников говорил: «Славяне должны работать на нас, если они нам не нужны, они могут умирать. Образование им не нужно. Хорошо, если они будут уметь считать до ста, тем более полезными они будут для нас, мы являемся господами».

Как созвучна эта проповедь уничтожения со словами Коха: «У меня в Орловской области было имение, и у меня были рабы».

24 апреля 1942 года Заукель писал Розенбергу: «Рабочая сила завоеванных территорий должна быть полностью и последовательно использована для Германии».

И гнали на каторгу в Германию французов, бельгийцев, голландцев, поляков, бросали на каторжные работы русских, украинцев, и белорусов, гнали с методичной пунктуальностью и жестокостью под бравурные марши военных оркестров, заглушающих стоны угоняемых, шли наши патриоты по мучительным дорогам, своими телами и смертью расчищая путь «народу господ».

Товарищи судьи, вот эта общность методологии преступлений там на Западном фронте и здесь на Востоке, это единство мысли и воли дают мне право утверждать, что данное дело не можем быть оторвано от общего преступления гитлеровских преступников и что дело подполковника полиции Вайсига и генерала полиции Герфа не может быть разрешено Вами изолированно от нацистской системы, с отрывом от тех преступных установок, которые обвиняемые получали в качестве обязательных для выполнения.

Что предъявлено подсудимому Вайсигу? Он обвиняется в основном в участии и в проведении 4 карательных экспедиций—двух в 1943 году, двух в 1944 году. Первые две экспедиции проводились под командованием командира бригады СС и полиции в Риге генерала Шредера в районе Двинска и командующего СС и полиции генерала Еккельн в районе Себеж, а вторые две в апреле—мае—июне 1944

года под командованием командующего СС и полиции генерала Готберга в районе Зябки и Плещеницы.

И на предварительном судебном следствии Вайсиг признал свою вину, сказал, что его полк вместе с войсками СС и СД проводил карательные экспедиции, в результате которых деревни и села сжигались, партизаны расстреливались, мирное население под видом партизан и под предлогом соучастия им арестовывалось и советские лица высылались в Германию.

Я не буду приводить перечень преступлений Вайсига, о них товарищ прокурор подробно вчера Вам говорил, да и сам Вайсиг признал эти преступления перед Вами.

Что сказать относительно самого Вайсига? Мне думается, что я не ошибусь, если скажу, что Вайсиг—типичный представитель гитлеровского режима. Иначе и быть не могло,—ведь Вайсиг работал много лет в полиции, он был членом национал-социалистской партии, и поэтому гитлеровский режим сумел его подготовить для выполнения этих преступлений, которые Вайсиг совершил, для проведения фашистского режима, который это руководство пытался насадить здесь, в Белоруссии.

В плоскости оценки личности Вайсига надлежит разрешить вопрос о тяжести преступлений, совершенных им, как он говорил, в порядке исполнения приказов командования.

Наш советский суд никогда не подходит к вине любого обвиняемого с отрывом от его личности, психологии, условий воспитания и жизни, среды, в которой он жил. Мне думается, полицейская служба Вайсига, национал-социалистская партия, весь режим гитлеровского государства — вот главные предпосылки преступлений Вайсига.

Не забудьте, товарищи судьи, показания Вайсига о том, что в Германии гитлеровские преступники объяснили войну с СССР нападением Красной Армии на Германию для введения в ней «большевистских порядков». Эта ложь, конечно, оказала свое воздействие на Вайсига.

Я, как советский человек, глубоко любящий свою родину, как преданный нашему правому делу, строительству счастливой жизни под руководством великого Сталина, не могу отрешиться от тяжести преступлений, о которых мы с Вами здесь слушали на протяжении этих дней, но, как защитник Вайсига, я прошу Вас принять во внимание все мною сказанное. Я убежден, что Вы вынесете Вайсигу, как всегда, приговор, основанный на законе, на Вашем социалистическом правосознании, на правильной оценке материалов дела.

А вот Герф, тот самый генерал полиции, который с 1919 года также состоял в чинах полиции германского государства, тот самый Герф, который дважды побывал здесь в Белоруссии, который в январе 1944 года оказался отсюда уволен-

ным в отставку без наград в виде железных крестов, являвшихся высшими наградами германской военщины. Мы с Вами из показаний ряда обвиняемых знаем о получении ими за свою работу на Восточном фронте железных крестов, крестов в золотой оправе и прочее, но Герф, этот начальник полиции порядка Белоруссии, ушел в отставку бесславно. Товарищ прокурор не прав в своем указании, что Герф был уволен с наградами немецкого правительства, он эти награды не получал. Надо думать, что Герф сказал правду, когда он в своих показаниях отметил свое уклонение от национал-социалистской политики ещё в 1943 году. В самом деле, в то время, когда гитлеровское правительство тотально использовало каждого немца для войны и на войну, когда миллионы людей с запада и востока перебрасывались на каторжные работы в Германию, этот человек, далеко еще неиспепеленный жизнью, вдруг в январе 1944 года оказался уволенным в отставку.

Этот факт, я полагаю, не может быть не принят Вами во внимание, когда Вы будете разрешать вопрос о виновности в тех преступлениях, которые он сам признал.

Герфу предъявлено обвинение в том, что он отдавал приказы полиции порядка участвовать в облавах, проводить карательные экспедиции, арестовывать мирных советских граждан, направлять их в концентрационные лагери, частично подвергать расстрелу, ему вменяется в вину угон белорусских людей на каторгу в Германию. Ему предъявлено обвинение в том, что он уничтожал еврейское население в Минском гетто.

Герф признал себя виновным в ряде преступлений, но в своих показаниях и на предварительном и на судебном следствии он заявлял, что руководящую роль во всех операциях, арестах, облавах, экспедициях против партизан, в проведении режима в тюрьме и лагерях играли СС и отряды СД.

Возникает вопрос—не есть ли это утверждение Герфа просто уловка уйти от ответственности?

Я эти показания Герфа проверяю другими данными, которыми мы располагаем на сегодняшний день в виде доказательств, добытых по делу главных военных преступников в Нюрнберге.

Из отчетного заседания Международного Трибунала за 19 декабря 1945 года видно, что организация СС развилась в самую могущественную машину гитлеровского государства, что отряды СС безжалостно уничтожали население на Восточном фронте, что рядом с СС Гиммлер создал полицию безопасности — СД, что, по словам Гитлера, в деле уничтожения евреев, СС «прославили себя в веках».

В отчете о заседании за 7 января 1946 года мы находим, что для борьбы против партизан были предназначены спе-

циальные подразделения СС, полиция безопасности — СД и войсковые части.

Наконец, в отчете от 1 декабря 1945 года имеется приказ по части СС от 19 марта 1943 года: «Активность рабочих контор и соответственных вербовочных комиссий должна быть поддержана в возможно более широкой мере. Вероятно, не удастся воздержаться от использования силы. Проводя обыски в деревнях, сжигать если будет необходимо, всю деревню. Все население должно быть послано в распоряжение комиссара».

По этим материалам Международного Трибунала роль СС и СД, как главных осуществителей преступной политики Гитлера, выявляется со всей ясностью.

Вспомним показания Бурхарда о том, что СД ни перед кем не отчитывалось за свою работу и что о методах работы СД никому не было известно.

Из показаний других обвиняемых—Коха, Гесса, Айка, явствует руководящая роль СД и СС—активность их в совершении преступлений.

Герф, признавая себя виновным, говорил Вам, что роль его полиции порядка в карательных экспедициях имела второстепенный характер. Герф показал, что в первый период его нахождения в Белоруссии в 1942 году его отряды производили самостоятельные карательные операции против партизан, но все эти операции носили сравнительно небольшой масштаб, но, когда в 1943 году он приехал вновь в Белоруссию, главную роль в экспедициях против партизан играли отряды СС и СД, ввиду мощности партизанского движения.

Герф признал себя виновным, что в марте 1942 года и в сентябре 1943 года он по распоряжению в первый раз Кубе и второй раз — начальника СС и полиции направлял свои полицейские отряды в помощь СС и СД для оцепления гетто. Он, будучи искренним в своих показаниях, ещё на предварительном следствии сказал, что ему было известно, что когда еврейское население, охваченное ужасом, прорвало цепь полицейской охраны, полиция также начала уничтожение евреев.

Эти ужасные кровавые преступления, совершенные палачами белорусского народа—Кубе и другими, конечно, падают своей тяжестью и на Герфа, как соучастника, но мне думается, что роль Герфа, как начальника полиции порядка, в том преступлении была второстепенной, что инициаторы этого преступления были гитлеровское правительство и его верховные комиссары в Белоруссии.

Мне хочется сказать, что Герф, судя по его показаниям в период предварительного следствия, осознал тяжесть своих преступлений в качестве соучастника преступлений Кубе и главных военных преступников. Конечно, сознание это

запоздало, но мне кажется, что когда Герф был начальником полиции порядка в Белоруссии, когда он посылал свои полицейские и жандармские отряды в помощь СС и СД, он не отдавал себе отчёта, что все это делается не столько для укрепления режима «нового порядка», который немцы проводили в Белоруссии, а в большей мере в целях уничтожения советских людей в порядке осуществления директивы Гитлера и Гиммлера об уничтожении 20 миллионов советских людей.

Товарищи судьи, когда через несколько часов Вы уйдете в совещательную комнату и будете подводить итоги преступлений каждого из обвиняемых, я уверен, Вы отделите Герфа от тех обвиняемых, которые сами своими руками совершали гнуснейшие преступления и убийства. Герф Вам говорил, а материалами дела это установлено, что он сам никогда не расстреливал, ни разу ни в одной операции лично участия не принимал. Вы отделите его и от главных военных преступников, с которыми он связан известным соучастием, ибо они в своих преступлениях на много голов стоят выше Герфа.

Товарищи судьи, мы, советские люди, счастливы тем, что мы живем в Сталинскую эпоху, мы горды тем, что величайший человек современности привел нас к победе над мраком и изуверством фашизма.

Мы, советские люди, воспитаны гением Сталина в любви к человеку. Вот почему мы все полны негодования в отношении тех, кто посеял зло и ужас на нашей советской земле.

В основе нашей Сталинской Конституции лежит истинная свобода и любовь к человеку, именно то, что было в корне уничтожено в Германии Адольфом Гитлером и прочими руководителями национал-социалистской партии.

А ведь Великая Сталинская Конституция—это маяк, озаряющий ярким светом путь всему человечеству к свободной счастливой жизни в дружбе всех народов мира.

В ноябре 1941 года Верховный Главнокомандующий нашими вооруженными силами Иосиф Виссарионович Сталин, обращаясь к войскам сказал:

> «На Вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков».

Да, товарищи судьи, наша доблестная Красная Армия, наши героические воины и полководцы вместе с союзными армиями разбили германские полчища, вместе с ними они уничтожили фашизм с его гестапо, угнетениями, с расовой теорией, с его проповедью «нет правды, все дозволено».

На обломках фашизма, который в веках будут проклинать свободные люди свободных народов, Вы, товарищи судьи, сегодня творите суд над теми, кто заслужил этот суд. Взвешивая вину каждого обвиняемого, я уверен, Вы

найдете снисхождение при вынесении приговора старому Герфу.

Председатель: Предоставляется слово переводчику Силютину для перевода речи на немецкий язык.

Председатель (после перевода речи адвоката Жудро): Слово для защиты подсудимых Рихерта и Коха имет адвокат Михальский.

Михальский: Товарищи судьи, члены Военного Трибунала!

В течение 10 дней Вы перелистывали страницу за страницей многотомный материал предварительного следствия, материал, который отразил все преступления немецких захватчиков, безмерные страдания белорусского народа в период немецкой временной оккупации, матернал, который является, с другой стороны, ярким свидетельством патриотизма, величия и силы духа белорусского народа, народа, не покорившегося захватчикам, боровшегося в тяжелых условиях. Именно, поэтому здесь так свирепствовали немцы.

Подсудимые Эрдманнсдорф, Рихерт и Герф подтвердили, что за несколько дней до начала вероломного нападения на Советский Союз на совещании командования немецкой армии были оглашены приказы Гитлера, по которым немецкие солдаты имеют право грабить советское население и истреблять его. За действия, чинимые немецкими солдатами над советскими гражданами, солдат не разрешалось предавать военному суду. Солдата мог наказать только командир его части, если найдет нужным.

Офицеры могли истреблять население по своему усмотрению. Командиру разрешалось полностью сжигать деревни и города, отбирать продовольствие и скот, по своему усмотрению угонять граждан на работу в Германию.

На этих совещаниях было также сообщено, что методы ведения войны и обращения с военнопленными и населением здесь должны быть отличны от методов, применявшихся на Западе.

Таким образом, с первого дня войны немецкая армия была освобождена гитлеровским правительством от всех обязательств, принятых на международных конвенциях, армии были преподаны бесчеловечные методы ведения войны— методы средневековья и варварства.

Национал-социалистская теория полностью отрицает международное право и оправдывает любые средства, используемые в интересах германской расы.

Подлинные документы, опубликованные на процессе главных виновников войны, полностью изобличают преступное германское правительство в систематической подготовке заговора против свободолюбивых народов мира, в тщательной регламентации всей деятельности немецких властей на оккупированных территориях.

Так, в основе законов о принудительном труде населения оккупированных стран лежит закон Заукеля — гитлеровского генерального уполномоченного по мобилизации рабочей силы от 22 августа 1942 года.

Еще ранее Гитлер в своей речи от 9 января 1941 года не выражал «ни на секунду сомнения в том, что на оккупированных территориях, которые мы контролируем в настоящее время, мы заставили работать на нас всех до последнего человека».

Мобилизация населения на принудительный рабский труд в Германию была грубейшим и бесцеремонным нарушением основных положений Гаагской конвенции, была преступной, ибо эти рабочие использовались для работы в военной промышленности, на строительстве укреплений, стратегических дорог, мостов и так далее, т. е. для удовлетворения нужд немецкой военной экономики, а также для нужд войск. Встретив сопротивление со стороны населения и получив лишь ничтожное количество «добровольцев», оккупационные власти стали применять самые крутые, жестокие меры. Были изданы приказы, по которым граждане, не подчиняющиеся приказу о мобилизации, карались смертной казнью.

Вся система угона населения на рабский труд в Германию, методы ее осуществления путем насилий, избиений, расстрелов для устрашения других—является, несомненно, преступной.

Несомненно также, что использование рабочей силы связано с общим планом гитлеровского правительства истребления путем применения непосильного труда народа, который бредовой расистской теорией отнесен был к разряду «низших».

На процессе в Нюрнберге с предельной четкостью доказано, что ответственность за эти преступления лежит на Заукеле и Шпеере, которые для успешного проведения до конца этих мероприятий прибегали к содействию организации СС.

Это преступление главарей немецкого правительства, заключающееся в использовании принудительного труда, привело к совершению целого ряда других преступлений против отдельных лиц.

Повинно, в первую очередь, также немецкое правительство и в создании нечеловеческих условий существования этих рабочих.

Так, Заукель 7 мая 1942 года издал специальную инструкцию об обращении с так называемыми «восточными рабочими». Между прочим, в этой инструкции, в разделе «свободное время», говорится: «Не может быть и речи о свободном времени... В награду за хорошую работу этим рабочим можно позволить проводить один раз в неделю три часа вне дома».

Гиммлер в циркуляре от 20 февраля 1942 года «Борьба против нарушений дисциплины» указывает, что «малейшее нарушение должно доводиться до сведения гестапо... Охране разрешается использовать против них физическую силу, соответственно этому они должны поступать, как правило, весьма строго, передавая нарушивших правила в концлагерь, или подвергнуть их специальному обращению, т. е. «зондербехандлунг».

Под специальным обращением подразумевается повешение.

Не отстает от Заукеля и Гиммлер. 22 апреля 1942 года Гиммлером издан приказ «Об использовании труда заключенных в концентрационных лагерях».

«Это использование должно быть в истинном значении этого слова истощающим, чтобы добиться наиболее высокой производительности труда. Не должно быть никакого ограничения их рабочего времени. Их рабочее время устанавливает комендант лагеря, а время, необходимое для питания, должно быть сокращено до минимума».

18 сентября 1942 года было достигнуто соглашение между Гиммлером и министерством юстиции, по которому евреи, поляки, цыгане, русские, не должны были судиться обыкновенными судами за свои «преступления», а должны были передаваться в распоряжение СС и как «антисоциальные элементы» необходимо применять на работах, как указано в приказе, до полного истощения, ведущего к смерти.

Так гитлеровское преступное правительство мечтало превратить мир в сплошной концентрационный лагерь, куда хотели упрятать все человечество за колючую проволоку и мерами страшного террора заставить человека забыть о том, что он человек, лишить его всех достижений человеческой культуры, низвести его до положения рабочего скота.

От него же исходили инструкции о систематическом умерщвлении лиц, которые рассматривались, как бесполезные и ненужные для немецкой военной машины, в том числе умалишенных и престарелых, а также иностранных рабочих, которые уже не были в состоянии работать.

Подсудимый Эрдманнсдорф на суде показал, что на совещании генералов Гиммлер сделал доклад, в котором между прочим указал, что все евреи в Германии уничтожены. Детей, конечно, жаль сказал Гиммлер, «но если бы их оставить, то пришлось бы произвести новое уничтожение евреев, когда эти дети подрастут». Это было организованное убийство сотен тысяч людей.

Таким образом, показания подсудимых по настоящему делу Рихерта, Эрдманнсдорфа и других о том, что они в своей деятельности, руководствуясь приказами, инструк-

циями из Берлина и ставки верховного командования,—соответствуют действительности, ибо инструкциями центра были предусмотрены все отрасли их деятельности на оккупированной территории и выполнение преступных приказов и инструкций, хотя не оправдывает их, но несомненно объясняет их поведение и является в известной мере смягчающим их вину, как исполнителей, обстоятельством.

Для того, чтобы успешно привести в исполнение свои планы, гитлеровскому правительству необходимо было подавить сопротивление внутри страны инакомыслящих немцев, а затем путем пропаганды своих идей и воспитания подрастающего поколения создать кадры единомышленников,—нерассуждающих исполнителей.

С первых дней прихода к власти национал-социалисты лишили своих граждан основных гражданских прав—ввели, превентивное заключение, предоставив право гестапо—любого гражданина без суда лишить свободы, изолировать в концлагере без предъявления какого-либо конкретного обвинения.

В целях подавления своих политических противников была создана сложная и могучая организация государственной тайной полиции, ставшей в Германии грозной и мрачной силой, наделенной огромной властью, как СД, СС и другие организации. Участники этих организаций осуществляли террор, насилие, злодейство в порядке прибыльной государственной службы. Для комплектования этих частей подбирались особо надежные люди, которые были предварительно воспитаны, а воспитание в национал-социалистском духе создавало экземпляры, еще неведомой людской породы, породы, сочетавшей в себе все худшие черты зоологического мира, замаскированных человеческой оболочкой. Такие экземпляры в Германии систематически выводились путем целой системы отбора и воспитания, путем вытравления человеческих черт и систематических навыков, худших черт животного мира.

Это воспитание, особенно губительно отразившееся на молодежи, создало людей без совести, без мысли, без идей, без жалости, безо всего, что отличает человека от зверя.

Эти растленные национал-социалистской идеологией и воспитанием люди являлись образцами высшей нордической расы, по которым главари партии стремились перевоспитать весь советский народ.

Перед ними ставился основной принцип—слепое повиновение. И этого они достигли. «Людей делает страна и эпоха», — сказал Максим Горький. И действительно мрачная эпоха немецкого народа, эпоха национал-социализма—создала людей, которые, товарищи судьи, стоят перед Вами и держат ответ за свои деяния.

Как ни тяжелы их злодеяния, но все же они бледнеют перед своими фюрерами всех рангов и видов, перед вдохновителями и организаторами этой страшной системы, перед гестаповской верхушкой, перед идеологами национал-социализма, которые также сейчас держат ответ перед всем человечеством.

Подсудимый Кох, бывший криминал-комиссар гестапо, вступил в партию национал-социалистов в 1933 году, в возрасте 19 лет. Мотивом вступления в партию, как Кох объяснил Трибуналу, была уверенность, что, являясь членом партии, он улучшит свое материальное положение, достигнет успеха как в смысле служебного продвижения, так и полного личного благополучия. Помимо того, скромное положение незначительного чиновника городского управления его не удовлетворяло, поскольку «он был убежден, что предназначен судьбой к другой, более яркой жизни».

Кох является продуктом национал-социалистского воспитания, на нем отразились все его отрицательные черты. Постепенно вытравлены были человеческие черты и привиты все худшие.

Антон Павлович Чехов, говоря о влиянии пошлости на юношество (а национал-социалистское воспитание молодежи в Германии носило, между прочим, яркий отпечаток пошлости),—писал: «В юности пошлость кажется только забавной и ничтожной, но понемногу она окружает человека своим серым туманом, пропитывает мозг и кровь его, как яд и угар, и человек становится похож на старую вывеску, изъеденную ржавчиной; как будто что-то изображено на ней, а что—не разберешь».

Точно так же и Кох под влиянием растлевающих методов воспитания нацистской идеологии и гестаповских методов обращения с людьми постепенно превратился в такую же вывеску, на которой мы пытаемся рассмотреть, что-либо человеческое.

Как на предварительном следствии, так и на суде, Кох полностью признал себя виновным по всем пунктам предъявленного ему обвинения, он полностью признал преступный характер своих действий, объяснив, что работая в гестапо, иначе поступить не мог, потому что это требовалось инструкциями и приказами начальников. Уйти из гестапо он пытался, но отпущен не был.

Если учесть, что гестапо было организацией, пользовавшейся полной безответственностью, и тому, кто однажды попадал туда на работу, не оставалось иного выхода, как показал Кох,—либо слепое беспрекословное подчинение, либо уничтожение. Если учесть губительное влияние нацистского воспитания и пропаганды, осознание им преступности сво-

его поведения—то эти методы хотя и не оправдывают его злодеяний, но в известной степени объясняют их, и я прошу принять их во внимание при обсуждении Вами, товарищи судьи, участи Коха.

Приход к власти Гитлера в 1933 году, его прогерманская программа, усиленная подготовка к возрождению военной мощи Германии, призыв о необходимости пересмотра Версальского договора—вызвали в среде бывших офицеров германской армии (ставших в большинстве после поражения Германии в империалистической войне безработными и вынужденными искать средства к существованию на службе в гражданских учреждениях) большой подъём, воскресили надежды на реванш, возрождение армии, что вскоре и было сделано нацистами.

Ликвидация безработицы за счет огромного роста военной промышленности, повышение жизненного уровня населения, привлечение на службу в армию старых офицерских кадров, наконец, первые «дипломатические успехи» внешней политики Гитлера, присоединение Рейнской области и т. д.—являлись основными причинами, которые побудили подсудимого, бывшего генерал-лейтенанта Рихерта, поддерживать нацистов, хотя он членом нацистской партии не был. Для уяснения психологии кадрового немецкого офицера, каким является Рихерт, 36 лет прослужившего в армии, необходимо вспомнить, что вся история Пруссии—это история сооружения огромной казармы. Культ военной силы, военизации всего народа стали основой основ, духовной и материальной жизни Германии. Нигде, ни в одном государстве военные не пользовались таким вниманием и такой заботой, как в Германии

Еще в XVIII веке Мирабо, изучая Пруссию, пришел к выводу, что «Пруссия не представляет собой государства, имеющего армию. Это армия, покорившая нацию».

С приходом к власти фашистов, милитаризм в Германии достиг огромных размеров. Следует помнить также, что дисциплина в германской армии, безоговорочное выполнение приказов начальников, чинопочитание были доведены до пределов возможного.

Здесь подсудимый Вайсиг так характеризовал образец хорошего офицера: «Если офицер выполняет приказ точно, не вдаваясь в критику приказа—преступен он или невыполним,—то он является хорошим офицером».

Рихерт 36 лет прослужил в германской армии, и все специфические черты немецкого офицера присуши ему.

На судебном следствии Рихерт признал, что полученные им приказы были по существу явным нарушением общепринятых правил ведения войны и были поэтому преступными, но, как офицер, он должен был их выполнять.

Признал подсудимый Рихерт также, что в бытность свою командиром 286-й охранной дивизии с мая 1942 года по сентябрь 1943 года, им было утверждено около 900 смертных приговоров по докладу директора тайной полевой полиции Троста, который руководил предварительным расследованием дел арестованных. Рихерт показал, что, утверждая эти приговоры, он руководствовался секретным приказом Гитлера, отданным в 1941 году всем частям германской армии, в котором говорилось: «Кто является партизаном и поддерживает связь с партизанами, подлежит расстрелу».

Признал также Рихерт, что, непосредственно подчиняясь командующему охранными дивизиями средней группы войск генералу фон Шенкендорфу, принимал участие в операциях против партизан, во время которых производились аресты заподозренных в связях с партизанами лиц и расстрелы последних, сожжение деревень, а у населения отбиралось продовольствие и скот.

В сожжении в сарае советских граждан, имевшем место во время операции у озера Палик, Рихерт не признал себя виновным, так как этой операцией руководил командующий войсками СС и полиции Белоруссии обергруппенфюрер Готберг. Он же выделил в его распоряжение только два батальона.

Расстрел 100 советских граждан в августе 1942 года, после нападения партизан на станцию Славное, был произведен по его приказу во исполнение приказания командующего средней группы войск генерал-фельдмаршала Клюге, а последний получил приказ Гитлера, требовавшего произвести расстрел 100 человек.

Лагерь в районе Азаричи 15 марта 1944 года был организован по приказанию командира танкового корпуса Госбаха для мирных советских граждан. Место лагеря было выбрано им, помещено в нем около 1 500 человек.

Предполагалось, что лагерь просуществует, ввиду стремительного наступления Красной Армии, не более нескольких дней, чем объяснил недостаток завезенного туда продовольствия. Лагерь Азаричи посетил один раз и больше им интересоваться не мог, так как его дивизия вела оборонительные бои против наступавшей Красной Армии. Допускает возможность, что без его ведома в этот лагерь привозились советские граждане из других районов, что поставило заключенных в крайне тяжелое положение, ибо продовольствие было привезено в ограниченном размере. Разминирование дорог путем боронования их населением, по объяснению Рихерта, практиковалось повсеместно и производилось согласно имевшихся директивных указаний высшего командования.

Таким образом, все объяснения Рихерта по предъявленным пунктам обвинения сводятся к наличию соответствую-

щих приказов высшего командования немецкой армии. Не выполнить эти приказы он не мог. Командование охраной дивизией его тяготило, и он неоднократно просил о переводе.

Эти доводы Рихерта не освобождают его от ответственности за последствия приведения преступных приказов в исполнение, но, учитывая, что Рихерт в бытность свою командиром охранной дивизии не проявил личной преступной инициативы, я полагаю возможным просить Военный Трибунал оказать Рихерту при вынесении приговора возможное снисхождение.

Председатель: Для перевода речи адвоката Мнхальского на немецкий язык слово представляется переводчику Долгову. (Речь Михальского переводится на немецкий язык.)

Председатель: Слово для защиты Эрдманнсдорфа и Айка имеет адвокат Савенко.

Савеико: Товарищи судьи, члены Военного Трибунала! Ушли в прошлое и не вернутся больше тяжелые времена, когда Красная Армия отбивалась от вражеских войск под Москвой и Ленинградом, под Грозным и Сталинградом, когда каждая пядь земли Белоруссии была залита кровью советских людей.

Эти времена ушли. Однако, цивилизация не может терпеть, чтобы преднамеренные яростные и разрушительные преступления были таковы, чтобы с ними не считаться.

Если они повторятся — мир погибнет.

Вот почему по всему миру идут процессы над теми, кто вверг весь мир в пучину войны, над теми, кто является живым символом расовой ненависти, террора и насилия, надменности и жестокости — прообразом нацизма и провокации.

Нацисты создали диктатуру, они лишили людей всех тех достоинств и свобод, которые мы, советские люди, считали естественными и неотъемлемыми для каждого.

Против всех миролюбивых народов нацисты организовали такие системы унижений, насилий и уничтожений, которых мир не видел с древних времен.

Они возбудили у немцев желание стать «высшей расой», что, конечно, подразумевает рабство других. Они вторглись в соседние страны для того, чтобы их поработить.

Война, начатая Гитлером, является преступлением против международного общества, против всех миролюбивых народов. Это была война агрессивная, терзавшая нашу страну и всю Европу. Это была война в нарушение всех договоров, которыми должен был охраняться всеобщий мир. Война была предопределена приходом нацистов к власти, к этому неизбежно вело проводимое ими в жизнь учение.

«Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии... Мы кладем

пределы вечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем свой взор к землям на Восток...

Когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства».

Так, еще в 1924 году писал Гитлер в своей книге «Моя борьба».

Война замышлялась и готовилась в течение большого периода времени и с большим вероломством.

Напомню Вам, товарищи члены Военного Трибунала, план генерала Гофмана, который пришел на смену западному плану Шлиффена, обративший фашизм на Восток вместо Запада, и «план Барбаросса».

Этот план владел умом Гитлера, делал голос Геринга крикливым и истеричным, вращал тиссеновские и круповские машины с головокружительной быстротой.

Все подсчитали, но упустили одно — что во главе Советского Союза стоит гений всего человечества — Иосиф Виссарионович Сталин.

Когда в ночь на 22 июня 1941 года нацисты вероломно напали на нашу Родину, не подозревавшую о войне, как то доказано и на данном процессе показаниями обвиняемых — Рихерта, Эрдманнсдорфа и других, — это было не только нападение на государство Советов, на Красную Армию, на советский народ, это был поход на человеческую культуру, в первый раз добившуюся беспредельных свобод, на светлое будущее мира.

На грубую, чисто психическую стратегию нацизма Красная Армия и советский тыл ответили еще более сильным оружием — таким гневом, таким взрывом всей внутренней человеческой энергии высшего социального порядка, таким негодованием, что в ярком пламени этого взрыва механизированная армия превратилась в груду пепла.

Беспримерное мужество и стойкость советских людей в тылу и на фронте, вдохновляющая и организующая роль большевистской партии, гений товарища Сталина спасли нашу Родину от порабощения и уничтожения.

С первого дня оккупации и до изгнания с нашей земли последнего гитлеровца, мужественно боролся советский человек за свою честь, свободу и независимость.

Мы не отдадим нашу страну никому и никогда — эта мысль сопутствовала каждому советскому человеку.

Ныне, как сказал наш вождь и учитель Генералиссимус Сталин:

«Над Европой будет развеваться великое знамя свободы народов мира между народами... Германия разби-

та навсегда. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию... Великая Отечественная война закончилась полной победой».

Я уже сказал, товарищи судьи, что 22 июня 1941 года неожиданно, как шквал, налетела нацистская Германия на Советский Союз. Шквал этот разбился. Частицами его и являются мои подзащитные—бывший генерал-майор Эрдманнсдорф и капитан Айк.

Позвольте, товарищи судьи, начать с бывшего генерала Эрдманнсдорфа.

Эрдманнсдорф — кадровый военный, начавший военную службу в 1912 году и закончивший ее 28 июня 1944 года — днем пленения. В немецкой армии он прослужил 31 год, начав проходить военную муштру с 15-летнего возраста.

Я не буду затруднять внимание Трибунала рассказом о том, что собой представляла германская армия. Об этом уже много говорилось, и наши великие сатирики Салтыков-Щедрин и Глеб Успенский посвятили не один очерк этому вопросу.

Можно сказать лишь одно, — никаких философских и гуманитарных интересов немецкая военщина не преследовала. Ее основной целью был захват мирового пространства, чужих территорий и их богатств.

В последующие годы знания в Германии вообще были не нужны. Недаром Гитлер говорил:

«Мы должны подчиниться только нашему инстинкту. Нас предают анафеме, как врагов мысли. Ну что же — мы ими и являемся. Я благодарю судьбу за то, что она лишила меня научного образования. Я могу быть свободным от многочисленных предрассудков».

Придя к власти, фашисты провозгласили:

«Пусть нас называют варварами, мы не хотим культуры» и сразу сожгли 200 миллионов книг.

Не получив другого образования, кроме военного, превратившись в военную машину, Эрдманнсдорф был участником империалистической войны, пережил первый позор Германии 1914—1918 г. и был военным с головы до ног.

Для того чтобы привлечь на свою сторону офицерство, участвовавшее в первой империалистической войне, гитлеровское преступное командование в качестве тактического лозунга, соблазнительной приманки выдвинуло идею реванша за войну 1914 — 1918 гг.

На эту-то удочку и попался подсудимый Эрдманнсдорф, как всякий мелкобуржуазный выходец, мечтавший к тому же о реванше.

Эрдманнсдорф увлекся болтливой теорией Гитлера, к тому же в это время Гитлер заигривал с мелкой буржуазией, он умел говорить языком мясников и постоялых дворов, языком конторщиков, людей, воспитанных военной муштрой, и идея объединения Германии предстала перед Эрдманнсдорфом во всем ее обманном величии. К тому же, конечно, была притягательная сила мысли о передаче власти государства в руки среднего класса, к которому Эрдманнсдорф и принадлежал. Но он не понял одного, кто связывает себя с нацистами, тот навсегда попадает в их лапы: «Ходить у воды — замочиться, быть у огня — обжечься, быть около сажи — замазаться»,— говорит народная мудрость.

Так, Эрдманнсдорф и замазался связью с нацистами и превратился в их орудие, хотя и официально не был членом их партии.

Орудие не спрашивает, его берут в руки и употребляют для дела, для которого оно предназначено.

Характерно отметить, что назначение комендантом Могилева Эрдманнсдорфу — боевому генералу — было не по сердцу, он спорил против этого, но должен был подчиниться; приказ есть приказ (л.д. 69, том 3-й), а рассуждать ему не приходилось и не разрешалось. «Лай не лай, а хвостом виляй».

Ему отдавали преступные приказы, он их безоговорочно выполнял, хотя, как он утверждал на суде и показывал на предварительном следствии,—считал их преступными.

Государственный обвинитель указал, что Эрдманнсдорф не имел смелости в суде признать полностью свою вину. Я должен сказать, что Эрдманнсдорф признал свою вину и рассказал, ничего не скрывая, как от суда, так и от предварительного следствия.

Прокурор: В немецкой душе — трудно копаться.

Савейко: Согласен с Вами, товарищ Прокурор, но я исхожу в своих суждениях из материалов предварительного и судебного следствия, дающих мне право утверждать Военному Трибуналу вышесказанное.

Товарищи судьи! Просмотрите в совещательной комнате 3-й том дела, почти целиком посвященный показаниям обвиняемого, и Вы убедитесь, что он полностью рассказал все, что им сделано и что он знал. Он спорил против того обстоятельства, и я, как его защитник, считаю этот факт неустановленным, что охранная зона была построена не им, а его предшественниками. Это утверждение обвиняемого никто не опроверг. Охранная зона была не им организована. Он также доказывал, что не им организован лагерь на восточном берегу Днепра. Материалами дела устанавливается, что этот лагерь был организован по приказанию бывшего фельдмаршала

Буша генерал-полковником Гейнрице — командующим 4-й армией, которому мой подзащитный непосредственно и подчинялся. Эрдманнсдорфу приказания шли от этих двух лиц, их приказания он выполнил. Но каков был этот лагерь— таков как Азаричи? — он не знал. В этом лагере он не был.

Когда Вами, товарищи судьи, был поставлен Эрдманнсдорфу вопрос — выполнял ли он преступные приказания, — он ответил — «да, я выполнял преступные приказания и за них я несу полную ответственность».

Основными преступниками являются бывший фельдмаршал Буш и бывший генерал-полковник Гейнрице. Естественно, что вина Эрдманнсдорфа не может быть такой, как вина этих лиц. Приказы Буша и Гейрице Вы можете просмотреть на листе 236, 3-го тома.

Обращаю также внимание Военного Трибунала, что целый ряд свидетелей (том 4-й, л. д. 70, 71, 76 и др.), прошедших в судебном заседании, рассказывали о ряде ужасов, творимых в Советской Белоруссии, в частности в Могилеве. Но очень многие эпизоды относятся к 1941, 1942 и 1943 годам, т. е. к тем годам, когда моего подзащитного в Белоруссии не было. В Могилев Эрдманнсдорф прибыл в марте 1944 года. За то, что он совершил в 1944 году, он хочет нести полную ответственность.

Для меня ясно одно: Эрдманнсдорф выполнял чужие приказания, он не был инициатором этих преступных приказов. Они шли от преступного германского командования.

Перехожу к другому подзащитному — бывшему капитану Айку.

По формуле обвинительного заключения Айку вменено, что он в городе Орше организовал гетто и лично участвовал в расстреле заключенных в гетто.

Обвинение в том, что Айк организовал гетто, полностью подтверждено, и Айк сам этого не отрицает. Но участие его в расстреле находившихся в гетто материалами предварительного и судебного следствия я считаю не подтвержденным. Айк виновен в соучастии и за это должен нести ответственность.

Об Айке много говорили на судебном заседании, но мы не можем забыть, что Айк не был комендантом Орши, а таковым являлся фон Ашенбрунер. За действия Ашенбрунера Айк не может и не должен нести ответственность, несмотря на то, что он, видимо, в Орше проявлял такую активность, что все его ошибочно считали за коменданта, но все же комендантом Орши был Ашенбрунер, который и должен нести ответственность за все преступления, произведенные в комендатуре Орши. Айк был офицером и числился заместителем коменданта, но, как он показывал на суде и на предварительном след-

ствии, комендант из Орши никогда не отлучался и ему его заменять, естественно, не приходилось.

Айк должен отвечать за те преступления, которые ему предъявлены в обвинительном заключении.

Позвольте остановиться еще на одном вопросе: было ли гетто организовано по инициативе Айка? Он выполнил преступные указания, полученные от зверского гитлеровского командования, во исполнение гитлеровских приказаний.

> «Нужно уничтожить 20 миллионов человек. Начиная с настоящего времени, это будет одна из основных задач, рассчитанных на длительный срок... Естественный инстинкт приказывает всякому живому существу не только побить своего врага, но и уничтожить его» (Высказывание Гитлера).

Своей гнусной расовой идеологией гитлеровцы собрали в один мерзкий клубок все, что было наиболее реакционного в предшествовавшей истории Германии. Они впитали в себя и довели до пределов все наиболее реакционные черты, пруссачества, его высокомерное третирование других наций, его культ грубой силы, насаждение палочной дисциплины и холопского подчинения.

Еще в ноябре 1938 года в газете «Франкфуртер Цайтунг» имперский министр Франк заявил, что программа экономического преследования евреев является только частью более обширной программы их истребления.

Тот же Франк в своем дневнике писал следующее:

> «То, что мы приговорили миллионы евреев умирать с голоду, должно рассматриваться мимоходом».

23 апреля 1943 года рейхсфюрер СС издал приказ, в котором требовал, как можно скорее, «со всей жестокостью и безжалостно уничтожать еврейские гетто».

Докладывая начальству о выполнении этого приказа, генерал-полковник Штумпф заявил: «Я решил уничтожить всю территорию, где скрывались евреи, путем огня, поджигая каждое здание». «Большее количество евреев, которое не поддается учету, было также истреблено путем взрыва канализационной системы и люков», — доносит тот же людоед.

Но если Франк и Штумпф с хохотом наблюдали падение мертвых тел с верхних этажей на мостовую, то я прошу Военный Трибунал учесть при решении судьбы Айка, что непосредственного участия в расстреле Айк не принимал.

Я кончаю, товарищи судьи, мне остается сказать немного. Вы знаете — мне приходит мысль, что ужас часто не в том, что делает человек, а в том, чем он становится после этого.

Чем стали обвиняемые после своего падения? Прежде чем они стали убийцами других, они нравственно убили себя. Они совесть свою сделали черной, как совесть тирана.

Вы, товарищи судьи и члены Военного Трибунала, учтете все наши доводы и, несмотря на ряд кошмарных, чудовищных преступлений, найдете возможным оказать моим подзащитным снисхождение.

Если им будет оказано снисхождение, то пусть они знают, что снисхождение тоже может быть оскорблено, ежели оно дается недостойным. Их задача заключается в том, чтобы остатком своей жизни доказать, что они достойны того снисхождения, которое Вы им окажете.

Они признали себя виновными. После того, как они сознались, они почувствовали облегчение, и особенно Эрдманнсдорф. В их положении и сознание и страдание — единственное, что хотя бы в малейшей степени может примирить их с собой. Порой страдания бывают единственной формой правды.

Я сказал, что задача, которая стоит перед ними, ежели им дано будет снисхождение, доказать, что снисхождение дано справедливо.

Как это сделать?

Нужно забыть себя и отдать все, что они имеют, Советскому Союзу, который они хотели погубить.

А к Вам, товарищи судьи, члены Военного Трибунала, я обращаюсь с единственной просьбой — оказать им снисхождение.

Председатель: Для перевода на немецкий язык речи адвоката Савенко слово предоставляется переводчику Трошиной. (Трошина переводит речь на немецкий язык).

Председатель: Слово в защиту подсудимого Гетце имеет адвокат Гаврилов.

Гаврилов: Товарищи судьи!

Вопрос о преступных нарушениях Германией правил и обычаев войны и об ответственности за эти преступления — вопрос не новый. Он имеет обширную историю, а преступления подсудимых имеют глубокие исторические факторы.

Почти с самого начала новой европейской истории, по крайней мере со времен Фридриха II, Германия была страной империалистической агрессии, страной войны и хищнических захватов.

При этом реакционное правительство юнкерской Пруссии никогда не питало уважения к нормам международного права.

Его политикой всегда была политика коварства, вероломства и грубой силы:

«Где можно — волчьи зубы,
Где нужно — лисий хвост».

Вся страна была издавна превращена в сплошную военную казарму. Народ подвергался беспрерывной и суровой муштровке.

Вот как поступали на заре могущества Пруссии, ее воинской силы. И когда Наполеону на острове Св. Елены напомнили, он сказал, что «Лейпцигское сражение я проиграл потому, что мне изменили баварцы, и я виноват в том, что я не уничтожил Пруссию».

Беда после Венского конгресса, когда все народы проводили в жизнь его решения, не проводила их только Пруссия. Она готовила кадры, и в 50-х годах появляется зловещая фигура Бисмарка, который обувал уже тогда немцев в тяжелые сапоги, которые должны были раздавить Францию. И Вы знаете, что во Франко-Прусской войне 1870 — 1871 гг. солдаты Прусской армии совершили многочисленные бесчинства и насилия над беззащитным населением побежденной Франции и что немецкая армия не только не боролась с этим, но прямо попустительствовала преступникам, даже поощряла их.

В бессмертных произведениях Мопассана, Доде, Золя с потрясающей силой негодования и возмущения изображены черные дела Прусской военщины. В этих произведениях мы видим те прекрасные способы, которыми французы уничтожили всех зазнавшихся пруссаков.

И Вы знаете, как в первой мировой войне 1914—1918 гг. германское правительство Вильгельма открыто и грубо растоптало все важнейшие, ограничительные нормы международного права, объявило свои международные обязательства «клочками бумаги» и вело войну, совершенно не считаясь с ними потому, что это позволяло им развязывать руки и позволяло вести войну так, как они считали возможным и нужным вести.

В то время, как немецкие пушки разрывали в клочья Европу, правительство Вильгельма II использовало и океаны для прямого разбоя и пиратства, которое оно осуществляло под названием подводной войны.

Беспощадному потоплению и уничтожению подвергались не только многочисленные торговые суда, но и пассажирские пароходы, и это сопровождалось громадными человеческими жертвами.

Навсегда останется в негодующей памяти человечества вечным позором Германии потопление океанского парохода «Лузитания» с несколькими тысячами мирных пассажиров. Германское правительство внезапно начало химическую войну, применив против своих противников, главным образом, на восточном русском фронте отравляющие газы.

Уже тогда Германия начала воздушную бомбардировку мирных городов.

Могла ли такая политика правительства воспитывать в

немецкой армии уважение к праву и закону, чувство гуманности, принципы морали?

Вот в таких условиях я считаю, что когда люди создавали известную организацию, когда они воспитывали людей в определенных рамках, воспитывали их в человеконенавистнической идеологии, нелюбви к людям, то результаты оказались налицо, результаты оказались такими, которых никто не ожидал, что война превратится в какой-то ужас, что попирались все международные права, что человеческое ушло, осталось только звериное чувство.

Вот в этом воспитании только и можно было наблюдать одно, что человек рождается только человеком, все эти последствия прививаются.

Тогда, когда в 1933 году на двух мерседесах въехала в Берлин ватага этих громил, тогда можно было сказать, что это ничего хорошего не даст. И действительно, это ничего хорошего не дало.

Я только скажу, что в этом кошмаре, который происходил, мой подзащитный Гетце все-таки остался человеком. Это единственный из всех подсудимых, кому по материалам следствия не инкриминируются ни грабежи, ни истязания, ни убийства, ни вообще какие-бы то ни было кровавые дела.

Я считаю, что прокурор недостаточно привел мотивов для того, чтобы показать вину Гетце. Вы возьмите формулировку, и что Вы видите в ней? Вы не видите той беспощадности, которая характеризует других.

Вы видите, что Гетце в 1943 году замещал коменданта один месяц и месяц замещал коменданта в 1944 году. Значит, основная роль его была — капитан для поручений и все. Здесь прокурор ставит на одну доску Бурхарда и Гетце. Никак нельзя ставить их на одну доску, лишь только потому, что Бурхард сам говорит, что он участвовал в уничтожении людей, гетто, сам по своей воле, а не от имени коменданта. Значит, если Гетце был для поручений в комендатуре, он не может отвечать за Бурхарда.

Дальше прокурор вменяет в вину Гетце, что он выполнил поручения коменданта. Ясно выполнил. Но как не выполнить поручений?

То, что он совершил, — несомненно преступление против белорусского народа, против законов и правил ведения войны, против человечности.

Но я еще раз подчеркиваю и обращаю Ваше внимание на то, что если совесть его и запятнана этими беззакониями,— мы не видим следов крови на его руках.

Ни документы дела, ни свидетели не обвиняют его в этом. Ни одному из свидетелей он вообще не запомнился, как жестокий злодей, как один из палачей белорусского народа.

В течение всего процесса Гетце оставался в тени, и это,

очевидно, отражает его теневую третьестепенную роль в совершенных подсудимыми преступлениях.

В соответствии со всей чудовищно-злодейской системой ведения войны, применявшейся фашистской Германией, на страшном фоне этого дела, Гетце представляется не такой страшной фигурой, как другие.

Товарищи Судьи!

По соображениям, которые я высказал о Гетце, я позволю себе просить Вас при вынесении приговора исходить из предположения, которое кажется, мне вполне вероятным, что Гетце полностью освободится от всяких влияний фашистской идеологии и сможет стать мирным и лойяльным гражданином.

Председатель: Для перевода речи адвоката Гаврилова на немецкий язык слово предоставляется переводчику Долгову.

(Речь Гаврилова переводится на немецкий язык).

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 28 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА.

Председатель: В защиту подсудимых Молла, Роденбуша, Фишера и Хехтля слово имеет адвокат Татаринцев.

Татаринцев: Товарищ председатель и члены Военного Трибунала!

Здесь, в этом измученном фашистскими захватчиками городе, среди развалин, обильно политых слезами и кровью белорусского народа, совершается сейчас дело справедливости, акт правосудия. И не только здесь. Повсюду к ответу привлечены главные зачинщики преступной войны, по вине которых пять лет реки Европы текли кровью; привлечены инициаторы и вдохновители злодеяний и их технические исполнители.

Конечно, субъективная вина каждого из них далеко не одинакова. Вполне очевидно, что солдаты Роденбуш, Хехтль и Фишер по своему происхождению, служебному положению и культурному уровню занимают совершенно особое место среди остальных подсудимых.

Роденбуш — сын шахтера Саарского угольного бассейна, сам пекарь, работал в пекарне мастера Герфа.

Хехтль — сын рабочего каменщика, сам по профессии сапожник.

Фишер — сын рабочего табачника, парикмахер, до войны работал в частной парикмахерской.

Как же и почему эти, казалось бы, мирные рабочие люди стали палачами мирного трудового народа Белоруссии, тяжкими преступниками войны?

Здесь уже говорилось об истории немецкого милитаризма и об особенностях германской армии. Немецкий поэт Гете

сказал про германскую армию и про ее воспитание, что она «мастерская для отливки одинаковой формы оловянных солдатиков».

Плодом такого воспитания явилась одна зловещая черта, которую с гениальной проницательностью подметил наш Герцен: «Немцы обладают способностью с пунктуальной точностью исполнять самые безумные приказы самовластья».

В наши дни преступные фашистские заправилы использовали эту способность в максимальной степени, сделав германскую армию орудием государственного организованного бандитизма.

Что нового внес гитлеровский режим в психологию немецкой армии, в сознание немецкого народа?

К старому культу войны прибавился новый культ: «Нет бога, кроме Гитлера и Геббельса, — пророка его».

К отупляющему, жестокому духу казармы присоединился дурман человеконенавистнической пропаганды. Здесь уже цитировался призыв Геринга: «Убивайте, говорил Геринг, каждого, кто против нас, убивайте, убивайте, не вы несете ответственность за это, а я, поэтому убивайте».

Эта пропаганда убийства распространялась в Германии и в прозе, и в стихах, и даже в музыке. Еще за несколько лет до войны в Германии была в большом ходу песенка: «Всадив еврею в горло нож, мы снова скажем — день хорош».

Призывы к убийству чередовались с призывами к грабежу.

О том, как обрабатывались немецкие солдаты, рассказал на допросе подсудимый Хехтль:

> «Когда началась война с Россией, Геббельс сообщил, что на Германию напали большевики, и немецкий народ должен защищать свою родину от большевиков.
>
> Если мы победим Россию, то немцы из Германии будут переселены в лучшие места России. Такие обещания поднимали дух немецких солдат, и они готовы были подавлять сопротивление русских всеми средствами.
>
> Нас уверяли в слабости Красной Армии, которая не может устоять против немецкой армии, против ее техники».

Я, конечно, далек от мысли, что подчиненное служебное положение Роденбуша, Хехтля и Фишера может их оправдать и освободить от ответственности за совершенные злодеяния. При всей примитивности их культурного уровня они не могли не понимать бесчеловечности и преступности своих поступков и должны держать за них ответ.

Но мы все-таки не можем пройти мимо того факта, что они действовали под гнетом неумолимой дисциплины, по суровому требованию приказа. Если даже генералы были, по их объяснениям, скованы приказами высшего командования и

директивами фашистского руководства, то что же говорить о рядовых солдатах? Они беспрекословно и без рассуждений выполняли самые беззаконные, самые бесчеловечные распоряжения своих начальников.

Роденбуш в своих показаниях, не оставляющих никакого сомнения в их искренности, рассказав следователю о поджоге деревни, заявил:

«Почему была сожжена деревня, где мы ночевали, я не знал, и, сжигая ее, я, как и другие солдаты, этим не интересовался».

Фишер после показаний о расстреле группы евреев ответил:

«Причин к их расстрелу не было. За что их расстреляли, я объяснить не могу».

Этот автоматизм немецких солдат с предельной ясностью раскрылся здесь. Поэтому мне представляется, что Роденбуш, Хехтль и Фишер убивали не столько из-за ненависти к советскому народу и своей кровожадности, сколько, именно, в силу привычки к беспрекословному исполнению самых гнусных приказов самовластья. Кроме того, пропаганда Геббельса и приказы Гитлера внушали им, что свирепые расправы облегчат победу, запугают наш народ, поставят его на колени и заставят прекратить сопротивление.

Но в ходе войны у них на глазах результат получился совсем обратный.

В ответ на зверские расправы и издевательства, огонь гнева загудел в груди России. Тысячи скромных и мирных советских людей стали подлинными народными героями и грозными мстителями. Достаточно вспомнить хотя бы такие подвиги народной мести, как уничтожение палачей Белоруссии Кубе и Граве.

Когда нашей стране угрожали тюрьмой и кандалами, поднялся весь народ на жестокого врага и, под водительством гениального вождя, организатора и полководца товарища Сталина, вышел победителем из самых тяжелых испытаний.

Роденбуш, Хехтль, Фишер и миллионы таких, как они, убедились, что злодейство их армии обернулось против нее же самой.

Катастрофа небывалого военного поражения разразилась не над Советским Союзом, а над Германией.

Об этом у поэта Васильева есть такие стихи:

«Я помню, как Янка Купала однажды, волнуясь, сказал:

Моя Белорусь не пропала,
Фашист в Белоруси пропал».

Фашистская Германия разгромлена, обезоружена, повергнута, а Советский народ быстро залечивает раны и уже строит новый великий народный дворец из камня разрушенных стен.

Этот факт сам по себе настолько убедителен, что он не мог не отразиться на сознании таких людей, как Роденбуш, Хехтль и Фишер. Он естественно и неизбежно вызвал у них разочарование и даже в какой-то мере раскаяние.

Роденбуш на предварительном следствии много раз заявлял:

«Мне стыдно, что я участвовал в убийстве мирного населения. Я раскаиваюсь в том, что принимал участие в зверствах».

«Я рад, што фашизму пришел конец», — сказал Фишер.

Искренность этих заявлений находит некоторое подтверждение в том, что Хехтль,Роденбуш, и Фишер совершенно добровольно сами рассказали о своих преступлениях. Они рядовые солдаты, сотни тысяч таких, как они, прошли с огнем и мечом по городам и селам Белоруссии. Их никто из наших людей не запомнил, никто не опознал. Здесь не было свидетелей, которые могли бы подтвердить их вину. Их обвинение обосновано на их собственных признаниях. Протоколы их допросов заканчиваются такой фразой:

«Показания дал добровольно, по побуждению своей совести».

А здесь Роденбуш сказал: «Меня угнетали мои преступления, и я все рассказал».

Такие признания мы привыкли считать доказательством раскаяния.

Несколько замечаний о каждом из них в отдельности.

И Роденбуш и Хехтль — не безупречные солдаты фашистских войск. И тот и другой были судимы и подвергнуты репрессиям за самовольные отлучки из своих частей. Это позволяет заключить, что они служили Гитлеру не за совесть, не из увлечения его программой, а только по принуждению, что они были не очень уж верными и не очень уж преданными слугами фашизма.

К этому надо добавить, что близкий родственник Роденбуша — отец его жены — репрессирован фашистами. Значит и семейное окружение Роденбуша далеко от фашизма и даже прямо чуждо ему.

Фишер обвиняется, кроме рассказанных им двух эпизодов (расстрел еврейской девушки и неизвестного человека), еще в участии в карательных экспедициях. Но это обвинение не находит достаточного подтверждения в материалах дела. И кроме того, не соответствует должностям и обязанностям, которые он выполнял. Он был радистом, шофером, подсобным рабочим у зубного врача, парикмахером.

Может показаться, что Фишер проявил какую-то самостоятельность в совершении преступлений, действовал без

приказа. Это было бы ошибочно. Об убийстве еврейской девушки рассказал он сам, никаких других материалов об этом нет. При этом Фишер утверждал, что расстрел был произведен по приказу присутствующего там офицера.

Во втором случае — расстрел неизвестного человека — никто ему приказа не давал. Почему он его убил? При допросе Фишера прокурор высказал предположение, что Фишер этого человека убил из чувства страха. Это предположение я считаю вполне правильным.

С другой стороны в сознании Фишера, как и всякого немецкого солдата, набатным звоном звучали бесчисленные прежние приказы об убийстве и уничтожении, — их-то он и исполнял своей стрельбой.

Кроме того, в то время Хехтлю и Фишеру было только 18 лет. Тем большую силу имела над ними команда начальства и тем легче поддавались они обману фашистской пропаганды.

Вот что я прошу учесть при вынесении приговора Фишеру, Роденбушу и Хехтлю.

После совершенных ими преступлений, пропасть легла между ними и цивилизованным человеческим обществом, живущим по принципам права и морали. Но надеюсь, что Ваш приговор будет для них мостом через эту пропасть, мостом, по которому они—после длительного, конечно, многолетнего исправления — смогут вернуться к мирной трудовой жизни.

Товарищи судьи! Кроме этих трех солдат, я защищаю еще бывшего майора германской армии Молла и хорошо понимаю, что эта моя задача гораздо сложнее.

По своему чину и должности он, конечно, несет повышенную ответственность по сравнению с ними.

Будучи назначен его защитником, я считаю своей обязанностью, прежде всего, поставить вопрос, — был ли Молл и в какой мере убежденным, сознательным, активным сторонником фашизма, был ли он и в какой мере органически связан с фашизмом?

Здесь прокурор много раз спрашивал подсудимых — как они были награждены гитлеровским правительством за их службу.

Вполне правильный метод. Служебные продвижения и награды — это прямая оценка начальством преданности и верности награждаемого фашистскому режиму. Позвольте же под этим углом зрения рассмотреть жизнь и служебную карьеру подсудимого Молла.

Молл — боевой офицер первой мировой войны, он закончил ее в чине обер-лейтенанта с большими наградами. После этого он устраивается на мирном положении и к моменту

гитлеровского переворота занимает скромное место в пароходной компании «Гамбург — Америка».

Перед 1933 годом и особенно после захвата власти фашистами происходил большой приток членов в их партию.

Шли люди, обманутые, одурманенные гитлеровской нацистской демагогией. Шли карьеристы и хищники, которых привлекала возможность обогащения и выгодного устройства.

Молл не пошел туда. А между тем, его фашистская карьера могла бы быть особенно быстрой и легкой. По его объяснению, его старым товарищем по полку был Геринг, который к этому времени поднялся на самую вершину партийного и государственного руководства. В предвоенные годы, когда фашисты проводили бешеную военную подготовку, Молл в нее не включился, в военных сборах не участвовал. Карьера в фашистской армии его также не привлекала.

В 1939 году, с началом мировой войны, многие старые офицеры вступили в войска добровольцами. Молл этого не сделал и дождался мобилизации его в июне 1940 года.

В фашистской армии он большого продвижения не имел. Быстрее его подымались лица, не имевшие образования, не имевшие ни боевого опыта, ни офицерского звания подымались, очевидно, по признаку преданности и верности.

Все это позволяет думать, что Молл фанатиком фашизма не был.

Молл виновен в больших преступлениях, но в них не было его особенной личной инициативы, в основном его вина — выполнение преступных приказаний начальства.

Это особенно очевидно в отношении таких преступлений, как угон советских людей в рабство и бесчеловечное использование их для разминирования дорог.

Мы убедились, что эти беззакония и злодейства шли от самых верхов фашистского руководства и только через целый ряд инстанций дошли до Молла.

Молл отвечает за режим в тюрьме и так называемом «трудовом лагере» Бобруйска, но этот режим сложился еще задолго до прихода Молла в Бобруйскую комендатуру.

Таким образом, при Молле продолжалось то, что было задумано и создано другими.

Молл не сам пришел к фашизму, не добровольно впрягся в его колесницу.

Гитлеровский режим использовал его принудительно, принудительно сделал соучастником своих страшных злодейств.

Все эти соображения я прошу Вас учесть при решении судьбы подсудимого Молла.

Товарищи судьи! Процесс приближается к концу. Его, конечно, нельзя рассматривать изолированным. Он тесно смыкается с такими же процессами в других наших городах,

в других государствах и, наконец, с судом народов в Нюрнберге над главными преступниками войны.

Все эти процессы составляют одно целое — ответ победившей мировой цивилизации на злодеяния поверженного варварства.

Ваш приговор — это приговор истории, и, как сама история, он будет мудрым и справедливым.

Председатель: Слово для перевода на немецкий язык имеет переводчик Долгов.

(Речь адвоката Татаринцева переводится на немецкий язык).

Председатель: Для защиты подсудимых Бурхарда, Митмана и Гетериха слово имеет адвокат Петренко.

Петренко: Товарищи судьи, члены Военного Трибунала! Пройдут годы, и наша отчизна залечит раны, нанесенные ей немецкими захватчиками, но пройдут века, пройдут целые столетия, а память человеческая никогда не забудет тех страданий и мук, которым подвергались наши соотечественники в оккупированных немецкими варварами местностях Советского Союза.

Нашествие неумолимого Чингис-хана, жестокого Мамая, неукротимого Батыя залили кровью древнюю Русь.

Мрачные времена средневековья оставили неизгладимые следы.

Вторжение полчищ Наполеона принесло разорение городам и селам России, но всё это ничто в сравнении с теми ужасами, которые выпали на долю населения Советского Союза за годы Великой Отечественной войны.

Безумцы! Они захотели покорить нашу страну, но разве найдется такая сила, которая смогла бы сломить нашу волю быть свободными и независимыми. Нет такой силы в мире!

Дикари! Они вздумали навязать нам нацистскую культуру, но разве можно культуру беззакония навязать народам, правовая жизнь которых построена на любви к человеку и на ненависти к рабовладельцам.

Насильники! Они хотели запугать свободных людей, но разве можно запугать тех, кто беззаветно любит свою Родину.

Ни миллионы замученных людей, ни десятки тысяч разрушенных сел, городов не помогли фашистским правителям, и вместо победы — полный разгром и поражение, и вместо славы — бесславная капитуляция.

Товарищи судьи! Настоящее дело войдёт на страницы истории человечества, и приговор, который Вы вынесете, — это приговор не только тем, кто сидит здесь на скамье подсудимых, но и тем, кто, разложил их души, кто воспитал их и, вложив им в руки нож, послал к нам творить неправду, убийства и грабежи.

Ваш приговор — акт огромной политической важности. Недостаточно установить, кто из подсудимых и в какой мере ответственен за совершенные им злодеяния, — необходимо удостоверить, что сам нацизм в одинаковой мере опасен как для нас, так и для всего человечества.

Нельзя терпеть существования нацистского бреда о завладении земным шаром, надо показать всем свободолюбивым нациям, насколько опасен этот бред всему человечеству, на какой кровавый разгул он способен.

Чувства глубокого негодования рождаются и у меня, эти чувства стоят рядом с моими обязанностями, и я напрягаю все силы, чтобы в полной мере выполнить свои обязанности защитника Митмана, Бурхарда и Гетериха и обратиться к Вам, товарищи судьи, со следующими словами:

Среди подсудимых находится Бурхард. Бурхард — переводчик, зондерфюрер, Бурхард, с высшим образованием. Когда свободная мысль была в Германии удушена Гитлером и его помощниками, когда законы человеческие были заменены законами людоеда, когда вся преступная машина фашизма была приведена в действие, то именно в этот период Бурхард и приехал в Германию.

Механизм чудовищного аппарата фашизма не сразу показывается таким, как Бурхард.

Организаторы и вдохновители расовой теории не сразу перед такими, как Бурхард, раскрывают душу своей партии и кровавую программу завладения миром.

Немец по происхождению, Бурхард, несмотря на свое высшее образование, недостаточно развитый человек.

У него нет внутренней глубокой устремленности.

Этот человек—воспринимающий то, что внешне бросается в глаза.

Гитлер не производит на него отталкивающего впечатления, он не видит, что над Германией развевается знамя палача,что рабочий класс придавлен, что оппозиция загнана в тюрьмы, но зато ему бросается в глаза, как Гитлер добивается укрепления и развития военной мощи, как он снова завладел Саарской и Рурской областями.

Хитро расставленные сети преступных властителей Германии поймали и Бурхарда, и в 1940 году он вступает в ряды нацистской партии.

Вся грязь, насилия, убийства, пытки раскрылись перед Бурхардом во всей наготе только лишь тогда, когда он прибыл на восточный фронт.

Но было уже поздно — гитлеровская машина подхватила его. Он оказался среди озверелых эсэсовцев и жандармов и, устрашаемый возможностью расправы над ним самим, стал на путь совершения злодеяний.

Таков путь, пройденный Бурхардом.

Можно ли отрицать содеянное им?

Нет, нельзя, да и сам он не отрицает своей большой вины.

Бурхард принес свои раскаяния и рассказал достаточно подробно обо всем, в чем он повинен.

Он ждет Вашего приговора.

Он просил меня возбудить ходатайство перед Вами о сохранении ему жизни. Я исполняю его просьбу, я это ходатайство возбуждаю.

Позвольте перейти к Митману.

Как правильно назвал Митмана прокурор—это человек-автомат.

На редкость примитивный, несложный и прямолинейный он представлял тот живой материал, который так легко могли использовать его начальники. И его использовали.

Совершая преступления, Митман думал главным образом о том, чтобы выполнить полученный им приказ.

Митман видел, как окружающие его лица, облеченные большими полномочиями и большой властью, чинят расправу над мирным населением и разоряют села и города.

Митман, бывший содержатель маленького трактира в деревне, видел, как богатые, состоятельные люди грабят живых и мертвых и отправляют награбленное имущество своим родным в Германию.

Вспомните, как подсудимый Кох делил ценности среди эсэсовцев.

Митмана не спрашивали, хочет ли он принять участие в кровавых оргиях,—ему приказывали.

Всеобщий разгул, награды и поощрения за расстрелы и мародерство, повышение в чинах,—вот, что видел Митман.

Попробуй он возражать начальству, вздумай он не выполнить приказ, вздумай дать обреченному на смерть—жизнь, и судьба Митмана была бы решена.

Морально неустойчивый Митман на этот путь пошел. Митман разложился.

Не отрицая тяжкой вины Митмана, я прошу Вас, товарищи судьи, члены Военного Трибунала, при разрешении судьбы его не забыть, что вдохновители и организаторы массового истребления мирного населения и военнопленных не здесь, а там,—в Нюрнберге.

Какая огромная дистанция между Митманом-автоматом и идеологами фашистского мракобесия — Розенбергом, Герингом и другими правителями гитлеровской Германии.

Я не знаю, какой приговор Вы вынесете Митману. Но я знаю, что Ваш приговор будет основан на советском законе и справедливости.

Одно из последних мест на скамье подсудимых занимает Гетерих.

Из всех подсудимых он самый молодой. Гетерих не был облечен ни властью, ни влиянием.

Подсудимый Гетерих на нашей советской территории находился всего лишь 28 суток.

Захваченный водоворотом кровавого гитлеровского разгула, Гетерих стал на путь совершения злодеяний и сейчас держит перед Военным Трибуналом ответ.

Наименьший вред, причиненный им в сравнении с другими подсудимыми, его молодость, кратковременное пребывание на территории Советского Союза, полное его раскаяние дают мне основание просить Вас сохранить Гетериху жизнь и рождает во мне надежду, что моя просьба будет Вами удовлетворена.

Во дворцах Германии идеологи и теоретики фашизма при закрытых дверях разрабатывали планы практического осуществления истребления целых наций и нарушения международных норм права.

Сравните их с Митманом, с Бурхардом и Гетерихом. Какая огромная дистанция между ними. Если в Нюрнберге на скамье подсудимых сидят главные преступники, то Митман, Бурхард и Гетерих являются второстепенными.

Вы, товарищи судьи, члены Военного Трибунала, с исключительной осторожностью, не жалея ни сил, ни времени, провели с редкой полнотою судебное следствие.

Наступают последние часы, и Вы уйдете в совещательную комнату. Вы уйдете туда, чтобы разрешить судьбу моих подзащитных.

Я не сомневаюсь, что мы услышим приговор, вынесенный Вами, в полном соответствии с материалами дела.

Мы ждем от Вас основанного на законе, справедливого приговора.

Председатель: Слово для перевода речи адвоката Петренко на немецкий язык имеет переводчик Долгов.

(Речь Петренко переводится на немецкий язык).

Председатель: В защиту подсудимых Лангута и Битнера имеет слово адвокат Плевако.

Плевако: Товарищи судьи, члены Военного Трибунала!

Настоящее дело несомненно, является делом огромного политического значения, и приговор, который Вы через несколько часов вынесете обвиняемым от имени Союза Советских Социалистических Республик, войдет в историю, как докумет исключительной важности. И это вполне понятно, так как в этом деле все необычно. Необычен контингент сидящих на скамье подсудимых обвиняемых, необычны и кошмарны те кровавые злодеяния, которые совершили некоторые из них, необычны и кошмарны подробности того, как и во имя чего, по каким мотивам совершались те чудо-

вищные преступления, которые инкриминируются обвиняемым.

Однако, не эта особенность настоящего дела придает ему историческое значение и политическую остроту. Историческое значение и политическая острота настоящего дела обусловливаются тем обстоятельством, бесспорным и доказанным бесчисленным количеством документов, врученных представителями обвинения СССР, Великобритании, США и Франции Международному Трибуналу, заседающему в Нюрнберге, что все преступления, все кровавые злодеяния, которые совершались германской армией во всех оккупированных областях и в особо крупном масштабе в многострадальной Белоруссии, совершались ею по категорическому требованию организаторов тотальной войны, т.е. по требованию германского правительства.

Люди, которые возглавляли это правительство, в настоящее время держат ответ перед Международным Трибуналом в Нюрнберге.

В самом деле, как ни кошмарны кровавые злодеяния, которые были совершены фашистскими оккупантами в Белоруссии, настоящий процесс виновников этих злодеяний не мог бы получить политического и исторического значения, если бы все эти злодеяния были совершены отдельными представителями германской армии по их собственной инициативе в нарушение германских воинских законов и лица, совершившие эти злодеяния, по германскому закону считались бы тяжкими преступниками. Такой процесс, если бы дело обстояло так, как я указал, привлек бы к себе внимание криминалистов и профессоров судебной психиатрии, но не мог бы привлечь к себе внимание всего цивилизованного мира.

Русская пословица говорит, что «в семье не без урода». И если бы сидящие здесь перед вами обвиняемые были бы «уродами» германской армии, настоящее дело не имело бы политической остроты, которую оно имеет. Но в том-то и дело, что все без исключения обвиняемые по настоящему делу это вовсе не выродки германской армии, а самые типичные ее представители; и то, что они совершили в Белоруссии, и то, что по законам всех стран и на языке всех народов считается тяжким преступлением и строго каралось, по законам Германии в период фашистского владычества не только не считалось преступлением, а, напротив, расценивалось, как высшая доблесть, и отмечалось это вручением орденов, раздачей поместий в оккупированных местностях.

Я не буду зачитывать Вам, товарищи судьи, выдержек из тех приказов, инструкций, циркуляров и протоколов совещаний фашистских заправил, которые оглашались

в заседаниях Международного Трибунала. Мои товарищи по защите зачитали Вам достаточное количество их, и я считаю ненужным приводить Вам новые выдержки. Я полагаю, что это излишне, так как в настоящее время весь мир знает о том, что все злодеяния, которые совершались в Белоруссии германской армией, все это делалось по прямому указанию германского правительства.

Вот это именно обстоятельство, эта жуткая, кошмарная подробность и придает политическую остроту настоящему процессу.

Заостряя Ваше внимание на том совершенно бесспорном факте, что все злодеяния германской армии в Белоруссии совершались во исполнение приказов германского правительства,—я далек от мысли, что наличие этих преступных приказов освобождает от ответственности тех, кто выполнял их. Нет, за те злодеяния, которые были совершены в Белоруссии, никто не может быть и, конечно, не будет освобожден от ответственности, и ссылка обвиняемых, что они были только солдатами и обязаны были беспрекословно выполнять приказы своего командования,—для нас, советских людей, не убедительна.

Мы—советские люди—никогда не забываем о том, что каждый из нас прежде всего—человек, а потому у нас в СССР преступных, бесчеловечных приказов и не отдают и не выполняют.

Но если наличие преступных приказов не может освободить от ответственности тех, кто выполнял их, то все же, я думаю, что в отношении некоторых из них это обстоятельство может служить основанием для некоторого снисхождения. В частности это касается моего подзащитного Битнера.

По формуле обвинения ему вменяется в вину, что занимая должность зондерфюрера Бобруйского сельскохозяйственного района, он проводил в этом районе политику уничтожения населения путем обложения последнего непосильными поставками сельхозпродуктов, подвергая репрессиям тех советских граждан, которые не имели возможности выполнить эти поставки или отказывались их выполнять.

Мне думается, граждане судьи, члены Военного Трибунала, что функции Битнера в проведении той грабительской экономической политики, которая была установлена немецкими оккупантами не только в одном Бобруйском районе, но во всей Белоруссии, не совсем правильно поняты.

Проводить в Бобруйском районе не ту экономическую политику, которая проводилась по всей Белоруссии, а установить более мягкую и человечную, не зависело, конечно, от Битнера. Он выполнял по роду своей службы то, что ему

предписывалось выполнять, и не он, конечно, является виновником того, что в Белоруссии, а, следовательно, и в Бобруйском районе, была установлена грабительская экономическая политика.

Учтите, товарищи судьи, что если бы Битнер даже захотел установить более мягкий и человеческий порядок в Бобруйском районе, из этого ничего бы не вышло, так как ему бы, районному зондерфюреру, никто не разрешил бы изменять то, что было санкционировано гитлеровским правительством. Не надо забывать, что та экономическая политика, которая проводилась в Белоруссии, была разработана и предписана гитлеровским правительством в целях завоевания жизненных просторов. И, конечно, районный зондерфюрер Битнер не мог ничего изменить, а должен был по роду своей службы выполнять то, что ему приказывали.

Это обстоятельство, граждане члены Военного Трибунала, я прошу Вас учесть, когда Вы в совещательной комнате будете обсуждать вопрос о степени виновности Битнера и определять ему меру наказания.

Перехожу к следующему эпизоду, который вменяется в вину моему подзащитному Битнеру, а именно: сожжение в деревне Коврин 46 колхозных домов и насильственное изъятие скота у жителей этой деревни. Об этом эпизоде, Вы помните, рассказал здесь в судебном заседании свидетель Климко. Я внимательно его слушал и задавал ему вопросы. Из показаний Климко явствует, что скот был отобран и деревня подожжена воинской частью Бобруйского аэродрома, а не полицейским отрядом и что воинские части очень часто проводили по собственной инициативе, самозаготовки сельхозпродуктов и скота.

Так как все реквизиции скота за невыполнение сельскохозяйственных поставок производились исключительно полицейскими отрядами, которые высылались подсудимым Моллом (а это обстоятельство Молл подтвердил здесь на судебном заседании), а не воинскими частями, которые никакого отношения к Битнеру ие имели и оказывать ему содействие не могли, нет никакого основания относить то, что произошло в деревне Коврин на счет Битнера. Деревня бесспорно была сожжена той воинской частью, которая приехала туда проводить «самозаготовки», точнее сказать — ограбить население деревни Коврин.

Об этом свидетельствует и тот факт, что «реквизиция» скота началась после того, как был произведен провокационный выстрел каким-то неизвестным гражданином. Об этом показал свидетель Климко на предварительном следствии и подтвердил это в судебном заседании.

Вот почему я считаю этот пункт обвинения, в смысле его доказанности, несколько сомнительным.

Бесспорно доказанным я считаю только то, что Битнер, как я уже указал выше, был орудием проведения той грабительской экономической политики, которая проводилась во всей Белоруссии по заданию германского правительства, и передавал начальнику группы ЛЯ, которому он был подчинен, и коменданту Моллу списки тех граждан, которые не выполнили поставки сельскохозяйственных продуктов, вследствие чего у этих граждан насильственно изымался скот, а некоторые граждане арестовывались.

В этом он виноват и за это он должен нести ответственность, ибо эти приказы преступны, а за преступные приказы должны отвечать как те, кто их давал, так и те, кто их выполнял.

Я прошу Военный Трибунал учесть, что из всех сидящих на скамье подсудимых, лично Битнер приказов о расстреле не давал (по роду своей службы он и не мог таких приказов отдавать), лично участия в расстрелах не принимал, лично никого не убил и не сжег и, конечно, по сравнению с другими обвиняемыми он совершил менее тяжкие преступления, чем остальные.

Перехожу ко второму моему подзащитному—Лангуту.

В отношении доказанности совершенных им преступлений у меня спора с представителями государственного обвинения не будет. Да, все, в чем его обвиняют, он все это совершил. Это доказано, и он сам все в своих показаниях полностью подтвердил.

Правда, он ссылается на то, что он солдат, что он офицер германской армии и как таковой должен был выполнять все даваемые ему приказы, не рассуждая о том, преступны ли они или нет.

Его точку зрения я, советский адвокат и гражданин СССР, разделить не могу, а поэтому и не могу ее отстаивать. Я русский человек, и совестью кривить не хочу и не умею.

Единственно, что я считаю себя в качестве защитника Лангута обязанным сделать, это передать Вам его просьбу о том, чтобы Трибунал отнесся к нему снисходительно.

Когда я посетил Лангута в тюрьме и беседовал с ним, он чистосердечно и подробно рассказал мне о всех злодеяниях, которые он совершил в Белоруссии, не преуменьшая своей вины. На мой вопрос—осознал ли он всю тяжесть содеянных им преступлений и раскаивается ли он в них, он сказал мне, что свою вину он глубоко осознал, горько в ней раскаивается, что ему стыдно своего прошлого и что совесть его мучает.

Не знаю, граждане судьи, был ли он искренен, когда говорил это. Судить об этом я не берусь. Подумайте сами об этом,

и если Вы поверите его искренности—может быть Вы найдете возможным оказать ему снисхождение.

Председатель: Для перевода речи адвоката Плевако на немецкий язык слово предоставляется переводчику Марьину.

(Речь Плевако переводится на немецкий язык).

Председатель: В защиту подсудимого Фалька слово имеет адвокат Бедросов.

Бедросов: Товарищи члены Военного Трибунала! Мне приходится выступать последним, когда все общие вопросы этого процесса уже были достаточно освещены в предыдущих речах моих товарищей и это обязывает меня избегать повторений и быть предельно кратким.

С тяжелым чувством приступаю я к исполнению возложенных на меня обязанностей защитника по настоящему делу.

Это мое состояние объясняется тем обстоятельством, что я являюсь не только адвокатом, но и гражданином Советского Союза в первую очередь, который помнит начало Отечественной войны, помнит начало вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз, помнит те ужасы, с которыми было связано это нападение и о чем еще вчера свидетельствовал фильм, приобщенный к настоящему делу, и о чем свидетельствуют до сих пор руины большинства городов многострадальной героической Белоруссии, в том числе и столицы Белоруссии — города Минска.

Однако, товарищи судьи, каково бы ни было мое душевное состояние, я должен выполнить лежащие на мне обязанности, ибо этого требует от меня наш закон, который каждому человеку, даже врагу, предоставляет право защиты.

Предоставление права защиты не является только декларативным заявлением нашего закона,—нет, все то, что записано в нем, реально обеспечивается, и доказательством этого служит участие защиты в этом процессе.

Когда я, до процесса, беседовал со своим подзащитным Фальком. последний в конце нашей беседы спросил меня, а как я его буду защищать?

Я указал ему, что если я принял на себя его защиту, то в качестве защитника я должен буду обеспечить ему, Фальку, соблюдение всех его процессуальных прав и помочь ему представить Трибуналу все те соображения, на основании которых он мог бы просить снисхождения у Трибунала.

Защита настоящая, защита в полную силу, защита не формальная — необходима по настоящему делу и по другим соображениям.

Ваш приговор по этому делу войдет в историю, как один из документов, свидетельствующий о зверствах фашистов, о полном одичании германского народа, как документ, свидетельствующий о том, что доктрина фашизма, которая возвела

бесчеловечность в принцип, должна была привести неминуемо к разрушению современного общества, к разрушению современной культуры.

Мы, адвокаты, участники этого процесса, защищая наших подзащитных, вместе с тем, помогаем и Вам, товарищи члены Трибунала, вынести справедливый и правильный приговор.

Наше участие в этом процессе служит полнейшей гарантией того, что все права обвиняемых по настоящему делу будут соблюдены, что Трибуналу будут представлены все соображения, которые в той или иной степени могли бы смягчить вину обвиняемых.

Для достижения поставленной передо мною задачи, я буду буквально, как скряга, по крупинкам собирать в материалах его дела все то, что может в той или иной степени облегчить мою задачу.

Прокурор, на основании материалов предварительного и судебного следствия, представил Вам свои соображения, коими Фальк полностью изобличается в совершении тех тяжких преступлений против советских граждан, которые инкриминировались по обвинительному заключению.

Я их не оспариваю, как не оспаривает их и сам обвиняемый Фальк и, таким образом, в основном у меня нет никакого спора с представителем государственного обвинения по существу предъявленного обвинения.

Не оспаривая обвинения, предъявленного Фальку, согласно формуле обвинительного заключения, я хочу внести поправку в речь государственного обвинителя, поправку, с которой, я думаю, согласится и сам обвинитель и Вы, товарищи судьи.

Дело в том, что в своей речи обвинитель объединил Фалька с Вайсигом в одно целое и отнес на счет Фалька все те преступления, которые были совершены той группой войск, которыми руководил Вайсиг. Это неправильно, ибо Фальк не может нести ответственность за действия своего начальника Вайсига, за все то, что делали те войска, которыми командовал Вайсиг. Фальк может и должен нести ответственность лично за те преступления, которые он совершил, командуя сначала ротой, а потом батальоном. Эту фактическую поправку я хотел внести для того, чтобы была полная ясность в этом вопросе.

Моя задача, как я уже докладывал, Трибуналу сводится лишь к тому, чтобы представить Вам соображения, которые в какой-то степени позволят мне поставить перед Вами вопрос о возможности снисхождения для Фалька.

Обвинение в отношении Фалька сформировано следующим образом: Бывший капитан 26-го полицейского полка Фальк, находясь на территории Советской Белоруссии, про-

водил под руководством Вайсига карательные экспедиции. Во время этих экспедиций частями, которыми командовал Фальк, сначала в качестве командира роты, а затем командира батальона, было расстреляно 50 человек, якобы заподозренных в связях с партизанами, угнано 1260 человек советских граждан, угнан скот, сожжено и уничтожено 19 населенных пунктов».

Все перечисленные факты, товарищи члены Трибунала, вне спора и признаются Фальком. Признавая эти факты, Фальк указывает, как и многие другие обвиняемые по настоящему делу, что, совершая эти преступления, он выполнял приказы своего начальства — сначала командира полка Штрелова, а затем Вайсига.

В какой степени могут быть учтены эти объяснения Фалька?

За последнее время процессы над фашистскими преступниками проходили, да и сейчас проходят в ряде стран.

Сравнительно недавно мы все с напряженным вниманием следили за процессом, который происходил в Бельзене.

На этом процессе шла борьба между обвинением и защитой не столько по вопросу достоверности тех или иных фактов, не по вопросу о том, доказана ли вина того или другого подсудимого, не о степени виновности обвиняемого, а шла борьба по вопросу о том, может ли Трибунал судить лиц, которые выполняли приказ своего начальства.

На этом процессе адвокаты зарубежных стран пытались доказать это положение и с этой целью на процесс была приглашена «экспертиза», которая должна была установить, что изверги концентрационных лагерей смерти не могут быть судимы только потому, что они выполняли приказы своего начальства. Но это явно нелепая, профашистская идея была отклонена Трибуналом.

Эта нелепая и вредная теория отклонена также не только советской правовой мыслью, но и юриспруденцией всех демократических стран.

Если стать на эту нелепую и вредную точку зрения, то можно дойти до такого логического абсурда и утверждать, что лица, сидящие на скамье подсудимых в Нюрнберге, также не могут отвечать за свои преступления, так как они выполняли волю своего фюрера.

Мы, советские адвокаты, стоим на той точке зрения, что лица, выполнявшие преступные злодейские приказы своего начальства, безусловно несут ответственность за свои преступления. В этом вопросе защита полностью разделяет точку зрения государственного обвинителя.

Таким образом, вопрос не в этом. Ответственность всех сидящих на скамье подсудимых вне спора, вопрос лишь о степени ответственности.

Прокурор, оценивая все те преступления, которые совершил Фальк, требует для него самого сурового наказания и тем самым ставит его на одну доску с другими обвиняемыми, которые либо по своему служебному положению стояли значительно выше его и отдавали ему приказания, либо совершали такие преступления, которые были связаны с особой жестокостью и с проявлением собственной преступной инициативы.

Мне думается, товарищи члены Военного Трибунала, что Фалька нельзя расценивать как одну из главных фигур настоящего процесса и вот по каким соображениям:

Фальку в настоящее время всего лишь 29 лет. В момент прихода к власти Гитлера ему было 16 лет, т. е. он находился в том возрасте, когда начинается формирование характера и мировоззрения человека.

Вам известно, товарищи члены Военного Трибунала, что нацисты, захватив власть в Германии и подготовляя людские резервы для будущей войны, в первую очередь обратили внимание на воспитание немецкой молодежи, на подготовку этих людских резервов для выполнения своих преступных планов.

С этой целью нацисты создали целый ряд специальных молодежных организаций — «Юнгфольк», «Союз Гитлеровской молодежи», трудовые лагери и т. д.

С этой же целью нацисты создали дополнительно специальные организации в школах, высших учебных заведениях и цепко держали в своих руках дело воспитания будущих людских резервов.

Подрастающее поколение в Германии с первых дней своего рождения находилось в руках нацистских наблюдателей и воспитателей, и с раннего детства в голову немецкой молодежи вбивали один идеал—стать господином над всеми народами мира.

Таким образом, когда Фальк кончил гимназию и прошел через трудовые лагери, где также велась идейно-политическая обработка молодежи, он уже был достаточно подготовленным для поступления в эсэсовские войсковые части, а затем в юнкерскую школу СС, которая готовила командный состав для войск СС и полиции.

Мы все очень интересовались в судебном заседании, что собственно влекло его на службу в полицейские части. Он дал на это не очень вразумительный ответ: материальное положение не давало ему возможности продолжать учение.

Быть может это была одна из причин, но основной и главной причиной является то обстоятельство, что он уже был подготовлен к этому всем предыдущим воспитанием.

Вот типичный путь молодого немца, который прошел Фальк.

В школе и трудовых лагерях он, Фальк, получил так называемое «идеологическое» воспитание и «идеологическую» подготовку, но началась война, и начался практический инструктаж Фалька.

О том, какие директивы получали воинские части, направлявшиеся на Восток, от своего верховного командования, нам говорил бывший руководитель полиции Белоруссии обвиняемый, бывший генерал Герф.

По его словам, согласно этих директив, все советские работники на Востоке должны были уничтожаться, должны быть уничтожены также все евреи, деревни сжигаться. Он говорил также и о том, что немецкая армия на Востоке должна действовать не так, как она действовала в других странах Европы.

Об этом нам здесь говорил обвиняемый Герф, то же самое подтвердил 7 января 1946 года на Нюрнбергском процессе его непосредственный начальник по борьбе с партизанским движением Бах-Зелевский, который был допрошен там пока лишь в качестве свидетеля.

Бах-Зелевский указал, что имелся приказ главного командования о том, что германский солдат, совершивший нападение на гражданское население, не должен наказываться.

Вы помните, товарищи члены Военного Трибунала, что товарищ Сталин на торжественном заседании в Москве 6 ноября 1941 года цитировал один документ, найденный у убитого лейтенанта германской армии Густава Цигеля; это тот документ, о котором вчера вспоминал и товарищ прокурор в своей речи: «у тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны, уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик».

Они добились своего, они действительно уничтожили жалость и сострадание у немцев, они возвели бесчеловечность в принцип, сделали своим девизом.

Всю эту звериную идеологию фашизма возглавлял Гитлер, который говорил: «Надо любыми средствами добиться, чтобы мир был завоеван немцами», «...когда этого требует политика, надо лгать, предавать и даже убивать».

Вот с каким моральным багажом перешел границу СССР молодой лейтенант полиции Фальк.

Но это были только общие директивы. На Востоке он уже стал получать и специальные директивы на каждую конкретную операцию.

Каждый раз, когда подготовлялась та или иная операция против партизан, командиры 26-го полицейского полка—сна-

чала Штрелов, а затем Вайсиг, ставили перед ним совершенно конкретные задачи. Он, Фальк, эти приказания выполнял.

Когда Вы, товарищи члены Военного Трибунала, будете выносить приговор по настоящему делу и когда будете обсуждать вину каждого, учтите, какое место в общем звене преступников занимал Фальк.

Его непосредственный начальник и старый полицейский работник Вайсиг, подтвердил, что Фальк выполнил его приказы и что за деятельность Фалька он, Вайсиг, несет полную ответственность.

Он выполнял эти преступные приказы, за которые должен нести ответственность, но он не вносил в это дело какой-либо собственной инициативы, как это делали другие обвиняемые по настоящему процессу.

Учтите также, что сам Фальк лично не расстрелял ни одного человека и что за те карательные операции, которые он проводил по поручению Штрелова и Вайсига, он, Фальк, не получил никакой награды. Он получил награду только лишь за военные операции, но не за борьбу против партизан.

Наконец, следует учесть, что и характер тех преступлений, которые совершались Фальком на территории Белоруссии, резко отличается от характера тех преступлений, которые совершали другие обвиняемые по настоящему делу, вносившие свою инициативу в осуществление приказов своего начальства и выполнявшие эти приказы с особой садистической жестокостью.

Вы помните этих лиц, и вряд ли мне надо напоминать Вам о них.

Судебный процесс в Минске проходит в дни, когда международный Трибунал в Нюрнберге рассматривает дело главных военных немецких преступников.

И наши взоры невольно обращаются к тем, кто был истинным вдохновителем всех этих зверств, кто был идейным и техническим руководителем лиц, сидящих здесь на скамье подсудимых.

И думается мне, что есть разница в степени виновности не только между теми, кто отвечает за свои преступления в Нюрнберге, но эта разница существует между теми, кто сегодня держит ответ перед Военным Трибуналом.

Заканчивая свои объяснения по настоящему делу, мне хочется еще раз напомнить Вам, товарищи члены Военного Трибунала, что из того мерзкого и жестокого, что совершено подсудимыми на территории Советской Белоруссии,— значительно меньшую жестокость проявил мой подзащитный Фальк.

Учтите все это, товарищи члены Военного Трибунала, когда вы будете выносить свой приговор, приговор, которого

ожидает не только многострадальный и действительно героический народ Белоруссии, но и все народы Советского Союза, приговор, который войдёт в историю, как документ о тех злодеяниях, которые совершали нацисты на белорусской земле, мечтавшие поработить нашу прекрасную Родину.

Председатель: Слово для перевода речи адвоката Бедросова на немецкий язык имеет переводчик Трошина.

(Речь Бедросова переводится на немецкий язык).

Председатель (обращаясь к подсудимому Гессу):

Подсудимый Гесс. Поскольку вы отказались от защиты, назначенной судом, по законам Советского Государства вам предоставляется право защищаться самому. Желаете воспользоваться этим правом?

Гесс: Желаю. Я слышал речь прокурора и хочу сказать следующее. Все преступления я совершал по приказу. Я считаю, что нет такой армии в мире, где издаются приказы и их не выполняют. В таком смысле и я действовал.

Я признаю себя виновным и признаю, что это было очень большое преступление. Прошу суд меня не строго наказать.

У меня все.

Председатель: Прения сторон окончены. Трибунал приступает к слушанию последних слов подсудимых.

Последнее слово имеет подсудимый Эрдманнсдорф.

Эрдманнсдорф: Здесь я все рассказал, что я знал. Хочу еще раз сказать, что война против Советского Союза была преступлением. Когда я об этом узнал, я не мог действовать, как другие немцы, которые выступали против немецкого государства. Поэтому я выполнял преступные приказы, о чем сейчас очень жалею.

Я прошу считаться с моим положением, и как солдата, выполнявшего приказы, меня не строго наказать.

Председатель: Подсудимый Вайсиг, вам предоставляется последнее слово.

Вайсиг: Я хочу уточнить еще два вопроса. Хочу сказать, что с 3 по 11 мая, во время операции в районе Псуя, я не руководил оперативной группой, где войска под руководством полковника Майтан совершили очень большое преступление. Я его не совершал.

Я не прошу за себя, я прошу в первую очередь за Фалька, который выполнял мои приказы. Фальк очень молодой, жизнь стоит перед ним, я же старый, моя жизнь уже позади, и я могу пойти к виселице, если этого требует советский закон. Но я хочу еще раз сказать, что борьба против партизан была только причиной для того, чтобы уничтожать советских людей и угонять скот. Это все.

Председатель: Подсудимый Фальк, вам предоставляется последнее слово.

Фальк: Я перед судом еще раз признаю преступления, которые я совершил. Они были совершены под предлогом борьбы с партизанами, а на самом деле проводился расстрел мирного гражданского населения, угон советских людей в немецкое рабство, конфискация зерна и скота. Все эти преступления я совершил, как и другие подсудимые, по приказу. Я также требовал от своих подчиненных, чтобы они выполняли эти приказы, и за их действия я отвечаю.

Когда Гитлер захватил власть, я был очень молод, но фашизм хотел взять под свое влияние в первую очередь молодежь. Так нас учили в школе СС, юнкерской школе. В таком духе мы верили фашизму. От нас требовали очень строгой дисциплины и наказывали тогда, когда мы не выполняли приказа. Нас учили идеологии фашизма. Гитлер в наших глазах был сверх-человеком, его приказы были для нас святыми, и с точки зрения расовой теории мы должны были стать господами над миром. Нас учили, что Советский народ— это низшая раса, а большевизм—это варварство. Нас учили этому для того, чтобы мы уничтожили этот народ. Нас учили, что мы окружены врагами и должны защищаться. Сам Гитлер нам это сказал. Мы выполняли все эти приказы, думая что это в пользу нашего народа. Я также верил нашему руководству.

Когда я попал в русский плен, я узнал, что картина, которую нам рисовали о русском народе, не верна. Здесь я узнал, что все то, к чему нас призывал фашизм, это неправда. Будучи в плену, я отказался от фашистской идеологии.

По этим причинам, я прошу суд меня не строго наказать, а со своей стороны я считаю долгом исправить—искупить все преступления, которые я совершил.

Председатель: Подсудимый Митман, вам предоставляется последнее слово.

Митман: Я признаю все, что я показывал на предварительном следствии и в суде. Я признаю все преступления, которые я совершил против советского народа. Я должен был выполнять приказы и прошу Трибунал не очень строго меня наказывать.

Председатель: Подсудимый Герф, вам предоставляется последнее слово.

Герф: То, что сказал подсудимый Фальк о бывшей жизни в Германии, я хотел подтвердить. Я вступил в партию, так как нам обещали свободу и спокойную частную жизнь.

Когда я со своим полком в 1941 году переходил границу, мне не было знакомо все то, что происходило. Наша пресса сообщила о том, что русские подготовили свою армию для нападения на Восточную Пруссию.

Когда в первый раз я увидел «душегубку», тогда мне стало ясно то, что я предполагал ранее. После этого я всеми

своими силами боролся против восточной немецкой политики. (Смех в зале.)

В 1943 году я прибыл в штаб Гиммлера. Гиммлер рассказал мне, какое он уделяет внимание восточным областям, а также говорил мне, как я уже рассказывал здесь, о книге «Чингис-хан».

Тогда я ему сказал, что методы, которые описываются в книге о Чингис-хане, не могут быть применены в 20-м столетии. Гиммлер посмотрел на меня так после этого, что как будто я у него больше не работаю. Через 14 дней я был смещен с должности. После этого я добровольно пошел в Белоруссию, и в Кубе я встретил очень жестокого человека, но еще хуже был Готберг. Я уехал из Белоруссии в ноябре 1944 года, я был уволен на 38-м году своей службы. В дальнейшей своей жизни я попробовал жить мирно и не иметь никакого отношения к России.

Я осознал те преступления, которые я совершил, а также имею надежду принести еще пользу для России.

Председатель: Подсудимый Рихерт, вам предоставляется последнее слово.

Рихерт: Эта невозможная картина, которая была продемонстрирована здесь перед Трибуналом, показывает ясно, что только высшее руководство СС и СД знало о планомерном уничтожении русского народа, так как они издавали такие приказы. Показания генерал-майора Герфа о приказе Гиммлера об уничтожении 20.000.000 советских граждан; показания подсудимого Коха, который сказал, что их маленькая группа уничтожила 30.000 человек гражданского населения; показания подсудимого Лангута, который показал о зверском отношении и уничтожении советских военнопленных— если бы я слышал это перед процессом, то я бы, конечно, подумал, что это ложь.

Гитлер знал о массовом уничтожении населения, об уничтожении военнопленных и еврейского населения. Он не мог дать по этому поводу объяснений своим вооруженным силам, так как он не имел бы после этого доверия в нашей среде.

Поэтому Гитлер с каждым днем все более и более не верил немецким вооруженным силам. Поэтому он так поддерживал войска СС и поэтому в армии от солдата до генерала включительно каждый должен был знать только то, что он должен непосредственно выполнять.

Я, например, за время моей службы в немецких вооруженных снлах ни разу не видел карту, на которой были бы нанесены все места, где располагаются немецкие дивизии.

Если бы кто-нибудь видел такую карту, то он бы знал о всех резервах, которые имеют немецкие вооруженные силы, за исключением тылов—войск СС.

Некоторые приказы, как теперь ясно для меня, были преступными. Во-первых, мы получили приказ об уничтожении русских политруков, советского актива. Потом мы сжигали и уничтожали все на своем пути от Волховстроя до Кириши. Расстрел 100 человек, не наказанных судом, высылка 3600 советских граждан, как рабочих, в Германию, а также создание лагеря в Азаричах.

Защитник правильно указал, что я только один раз был в этом лагере. В то время я был командиром пехотной дивизии и был занят боевой работой. На второй день после создания лагеря я был в нем и видел 700 человек. 5 дней существовал этот лагерь, я не могу отрицать того, что за эти 3 дня, которые я не был там, возможно прибыло 9 тысяч человек добавочно. Возможно, что одна рота была выделена для охраны, а сам лагерь обнесен колючей проволокой. Я полностью несу ответственность за этот лагерь, в котором насчитывалось 10 тысяч человек гражданского населения. Согласно приказам, мною было предпринято 3 операции против партизан. В первой операции моя дивизия потеряла около 100 человек убитыми и до 250 человек ранеными. В этой операции мы взяли, как трофеи, 5 противотанковых, 2 полевых и одно тяжелое орудие.

Я также утверждал приказы ГФП о наказании. Я соблюдал все правила, а именно: смотрел за расследованием дел, сам разбирался в этих вопросах с тем, чтобы люди были правильно осуждены, что им—жить или нет.

Я признаю свою вину и буду отвечать за все свои действия.

Я хочу еще сказать, что в мирное время я поддерживал режим национал-социализма. Сейчас я убежденный противник этого режима. Я не хочу называться только антифашистом, нет. В будущем, если мне удастся, я хочу действительно жить в духе антифашизма. Это все.

Председатель: Подсудимый Лангут, вам предоставляется последнее слово.

Лангут: Я не скрывал и не хочу уменьшать преступления. Я хочу Вам, господа судьи и народ, рассказать о всех преступлениях. Я буду обо всем рассказывать также откровенно, как и на предварительном следствии.

Я был офицером в лагере № 131. Это известно из моих документов. Я давал советы коменданту лагеря и отвечал перед ним за режим. В каждом лагере я имел второго лагерного офицера, моего заместителя и 17 солдат. Проходной лагерь имел задание принимать 5000 военнопленных и на следующий день отправлять их дальше. Это было мое задание в Слониме, которое я выполнял. Так как потом было у нас 30 000 военнопленных и даже 60 000 человек, то их положение стало гораздо тяжелее. Положение было очень тяжелым

потому, что было много больных, которые не вмещались в лазареты, медикаментов не было, питания также почти не было. Отсюда появилась большая смертность.

Много тысяч военнопленных прибыло из лагеря в Вязьме. Во время марша из Вязьмы к нам, в лагерь, они не получали ни куска хлеба и горячей пищи. Много тысяч военнопленных в пути из Вяземского лагеря до нашего были расстреляны.

После того, как мы покормили этих военнопленных, они заболели, так как долгое время не имели никакой пищи, а лечить их мы не могли, ибо не было медикаментов. Смертность была большая.

Высшее руководство было информировано о положении в лагере. Несмотря на это, нам посылали все больше и больше военнопленных. Мы стали понимать, что это делается с целью уничтожения военнопленных.

Высшее руководство знало прекрасно, что наш лагерь не может принять такого большого количества военнопленных. В силу созданных условий военнопленные в лагере долго жить не могли.

Санитарной обработки военнопленных в лагере не было. За время существования лагеря ни один генерал не приезжал к нам, чтобы поинтересоваться содержанием пленных и их состоянием.

По приказу коменданта лагеря я показал руководителю зондеркоманды помещение лагеря. В начале мне не было известно, что многие военнопленные будут расстреляны и сожжены. Однако, это стало фактом, и 4000 военнопленных были таким образом уничтожены.

Эти потери военнопленных командованию показались недостаточными. Охранная дивизия на следующий день организовала маршрут военнопленных в Слуцк 3000 человек.

Из этих 3000 военнопленных почти ни один не прибыл к месту назначения, — по дороге они были уничтожены.

Зимой 1941—1942 года мы должны были направить в Минск 8 или 9 тысяч военнопленных. Для этого мы получили открытые платформы, или закрытые неотапливаемые вагоны. Насколько мне известно, транспорт в количестве 2.500 человек прибыл в Минск с умершими от холода людьми.

Все эти приказы имели только одну цель—уничтожить советский народ.

Я хочу еще рассказать о приказе, полученном в сентябре месяце 1941 года, в котором говорилось, что все политработники Красной Армии должны быть уничтожены так же, как и партизаны.

Я прошу трибунал считаться с тем, что, во-первых, я все рассказал откровенно, во-вторых, что я признал свою вину и очень жалею, что совершил эти преступления и прошу Вас помочь мне исправиться.

Председатель: Судебное заседание Военного Трибунала продолжается.

Подсудимый Роденбуш, вам предоставляется последнее слово.

Роденбуш: Я простой солдат германской армии, который ранее судился за дезертирство. Я совершил дезертирство потому, что я не хотел воевать и не был согласен с фашистскими методами воспитания в захватническом духе. Когда я прибыл в Россию, я не знал ни людей, ни страны. Нас натравляли на советских людей, говоря всякий раз о том, что сегодня, вчера или позавчера партизанами был снова взорван транспорт с немцами.

Мои начальники издавали преступные приказы, которые я, как солдат, вынужден был выполнять. Если бы я не выполнил приказа, я бы снова был бы поставлен перед военным судом. Я думал перебежать на сторону Красной Армии, однако, эту мысль я должен был отбросить, поскольку я имел семью и если бы я перебежал, то моя семья определенно могла быть посажена в концентрационный лагерь.

Так я сделался преступником; и я прошу белорусский народ, с одной стороны, и Военный Трибунал, с другой стороны, все, высказанное мною, учесть при вынесении приговора.

Председатель: Подсудимый Фишер вам предоставляется последнее слово.

Фишер: Я подтверждаю мои показания, которые я дал на следствии. Я признаю свои преступления. Однако, я сделал это не по своему желанию. Девушку-еврейку я расстрелял по приказу, а за то, что расстрелял, я считаю себя преступником и признаю всю тяжесть моей вины.

При расстреле партизана я действовал из нужды самообороны. Я, как немец, все те меры воспитания и всю ту фашистскую идеологию, которая была в Германии, также понял. Мне ясна вся та зверская политика, которая проводилась фашистской Германией. Я полностью отказываюсь от фашизма.

Председатель: Падсудимый Хехтль, вам предоставляется последнее слово.

Хехтль: В сентябре месяце 1944 года я попал в плен к русским. В плену у русских мне стали ясны все те преступления, которые были совершены мною, и я считал своим долгом сообщить о всех этих преступлениях. Я дал эти показания добровольно, без всякого принуждения.

Я был солдатом и раскаиваюсь, что выполнял эти преступные приказы. В этом я виновен перед русским народом. Я очень хочу, чтобы те господа, которые издавали эти приказы, также сидели на скамье подсудимых.

Председатель: Бурхард, вам предоставляется последнее слово.

Бурхард: Я прошу разрешить мое последнее слово сказать по-русски.

Председатель: Можете говорить по-русски.

Бурхард: Гражданин председатель и граждане члены Военного Трибунала. Обращаясь в своем последнем слове к Военному Трибуналу, я не хочу оправдать, сгладить или уменьшить свою вину. Я этого не хочу, ибо сознаю в полном ужасном объеме свою преступную деятельность. Это положение меня угнетает и не дает мне покоя, поэтому я считаю правильным и единственным для меня путем доказать раскаяние и ничего не скрывать.

Я уже показал на предварительном следствии, а так же и на судебных заседаниях обо всем, что мною было совершено. Мне кажется, что представителям обвинения не приходилось уличать меня показаниями свидетелей, и в своей речи он неоднократно говорил: «признает Бурхард то обстоятельство, признает Бурхард другое обстоятельство».

Я не хочу и не могу стать на ту точку зрения, которую один за другим занимали подсудимые: «Я действовал только по приказу» или же — «я не знал об этой ужасной системе», ибо это неправда и смешно. Во-первых, отчасти я действовал по своей собственной инициативе и не могу ссылаться на какие-либо приказы, и, во-вторых, я хорошо знаю, что явно преступных приказов подчиненный не смеет выполнять, а в случае выполнения он отвечает наравне с теми, кто издал этот приказ.

Еще до прибытия в Россию мне, конечно, был известен нацизм, я верил в него, я был знаком с учением о стремлении на восток. Я знал «теорию жизненного пространства», по которому немцы должны были превратить крупную часть Советского Союза в колонию Германии и поработить русское население. Знал я и о расовой теории, и о теории уничтожения евреев. Были мне известны и методы практического исполнения этих теорий.

Уже на территории Польши я познакомился с ними. Однако же, мне не был известен весь объем творимых злодеяний, не были известны те зверские, садистские методы СД, применяемые ими ужасные пытки и сжигание людей живыми. Выезжая вместе с СД в деревню Козуличи, мне не было известно, что там они будут сжигать людей.

Ведь Гитлер в своих речах и в своем труде «Майн-кампф» не говорил откровенно—сжигать города, разрушать культурные заведения, убивать военнопленных, жечь людей живыми, вся эта система маскировалась. Создавались врачебные комиссии для отправки рабочих в Германию, а на самом деле производилась ловля рабов. Писалось в рапор-

тах о том, что убит арестованный при попытке к бегству, а на самом деле происходила расправа. Приказывалось солдатам итти в поход против партизан, а фактически убивалось мирное, ни в чем не повинное население. Организовывалась вывозка детей, женщин и стариков из боевых зон, а на самом деле создавался живой заслон.

Только во время пребывания в России я узнал об этих методах, и тогда создалось у меня сомнение в правильности этих теорий.

К концу своего пребывания в Белоруссии я старался противодействовать. Так, например, я предложил коменданту освободить из трудового лагеря захваченных при облаве в деревне Лучица мирных жителей, что и было сделано. Доказательством этого служат показания свидетеля Черопко. На суде он подтвердил, что из 95—89 человек вернулось в свою деревню. Но почему я все-таки продолжал действовать по-старому? Это объясняется страхом за последствия неисполнения приказов, хотя и преступных, и известная тупость, сложившаяся в военных условиях.

Ко всему этому прибавилась нацистская пропаганда и вкоренившаяся во мне фашистская идеология. В особенности совершенно неправильную картину о Советском Союзе и о большевизме рисовала геббельсовская пропаганда. В лживости этой нелепой пропаганды я только теперь, в плену, мог убедиться и особенно в период пребываиия в тюрьме по ходу следствия, в беседах со своим следователем.

Теперь я полностью убедился, что тот, кто захочет создать «новый порядок» на куче трупов, на развалинах городов, на пепелищах деревень, — потерпит крушение. Физическое уничтожение людей не ведет к созданию мирового империализма, а кончается для его осуществителей горьким и тяжелым пробуждением, а для меня пробуждением на скамье подсудимых.

У меня уже раньше сложилось сознание, что единственный правильный путь—это отречься от всего прошлого и стать на путь истинного раскаяния.

Я прошу Военный Трибунал поверить мне, что мое раскаяние искреннее, что я в будущем, хоть и в ничтожном размере, сравнивая с размерами моих преступлений, смогу исправить свое грязное прошлое.

Я прошу Военный Трибунал оказать мне хотя и незаслуженное снисхождение, дать возможность стать на новый, правильный путь.

Председатель: Подсудимый Молл, вам предоставляется последнее слово.

Молл: Я признаю себя полностью виновным в тех преступлениях, о которых я рассказывал на предварительном и в судебном следствии. Я ответственен и признаю свою вину

за все преступления, которые были совершены моими подчиненными и поэтому ожидаю заслуженную кару.

Однако, я просил бы суд не ставить меня на одну ступень с такими подсудимыми, как Кох. Эти применяемые Кохом сумасшедшие методы уничтожения советского населения меня даже на скамье подсудимых возмущают. Я был всегда честным немецким офицером, который и в войне 1914—1918 годов исполнял свой долг и никогда не боролся, никогда не сражался с беззащитными стариками, женщинами, детьми и т. д.

Если же в эту войну, вследствие преступных приказов бывшего преступного немецкого правительства, совершил то, что противоречит всему человеческому праву, и я сам превратился в преступника, то я сожалею и раскаиваюсь во всех тех преступлениях, благодаря которым мирное советское население посылалось на принудительные работы в Германию или было уничтожено, а другим причинялись большие имущественные потери.

Я солдат, я был вынужден эти приказы выполнять. Иначе я мог быть поставлен перед военным судом и как изменник расстрелян, а одновременно могла быть уничтожена и моя семья.

Свои преступления совершил не из собственных соображений. Эти преступления я совершил только по приказу вышестоящих начальников. Я признаю все это и прошу Военный Трибунал при вынесении приговора учесть мое признание и смягчить мне приговор.

Председатель: Подсудимый Гесс, вам предоставляется последнее слово.

Гесс: Я раскаиваюсь в том, что я сделал в Белоруссии, но я, однако, никогда не действовал без приказов, мне всегда приказывали. Здесь я хочу сказать суду и народу, что фашизм самое худшее бедствие для человечества. Это все.

Председатель: Подсудимый Кох, вам предоставляется последнее слово.

Кох: Все те преступления, которые я совершил в России, я совершил не только из-за послушного выполнения тех приказов, которые давали мои начальники, но также из признания и выполнения расовой теории. Умерщвлял и уничтожал также по собственной инициативе.

Обвиняемый Молл здесь сказал обо мне и назвал меня криминальным преступником. Я могу еще добавить, что низкие инстинкты, которые я показал при совершении преступлений, были возбуждены расовой теорией и она меня сделала преступником.

Тяжесть моих преступлений я уже признал, много крови на моих руках, и в настоящий момент жду за них смертного приговора.

Председатель: Подсудимый Гетерих вам предоставляется последнее слово.

Гетерих: Я, при моей молодости, при моем воспитании был ослеплен фашистской пропагандой. Когда я был призван в германскую армию мне было всего 18 лет.

Будучи в армии, я принимал участие в уничтожении мирных советских граждан и военнопленных. Об этом я подробно рассказал на предварительном, а также и на судебном следствии.

Я виновен в том, что принимал участие в этих преступлениях, но мне было тогда всего 18 лет.

Я прошу суд о смягчении мне приговора. Прошу Вас сохранить мне жизнь и не выносить строгого приговора. Я хочу работой искупить свою вину.

Председатель: Подсудимый Гетце, вам предоставляется последнее слово.

Гетце: Я был офицером особых поручений в городе Бобруйске. Моей основной задачей было расквартирование прибывающих немецких частей. Это расквартирование частей в городе Бобруйске не является преступлением и не идет вопреки международным законам. В тот момент, когда комендант ушел в отпуск, я замещал его и должен был выполнять приказы, которые мне давались.

Зона, которая была освобождена от местного населения, очищалась в размере 16 квадратных километров. Это очищение было проведено жестоко, и я признаю свою вину в исполнении этого.

Я прошу Военный Трибунал учесть все это при вынесении приговора и смягчить мне наказание.

Председатель: Подсудимый Битнер, вам предоставляется последнее слово.

Битнер: Я еще раз заверяю, что все показания, которые я дал на суде, являются правильными. Все те преступления, которые я совершал, я в них раскаиваюсь, их признаю и прошу суд смягчить мне наказание.

Председатель: Подсудимый Айк, вам предоставляется последнее слово.

Айк: Моя вина—это организация гетто в городе Орше по приказу местного коменданта. Я ссылаюсь на приказ местного коменданта не для того, чтобы смягчить вину. Я, как офицер, знал, что я должен был делать.

Я признаю полностью, что я создал гетто и это моя вина.

Я прошу Вас, судьи, о том, чтобы вы дали мне возможность снова вернуться в новую Германию. (Шум в зале.)

Председатель: Последние слова подсудимых окончены. Трибунал удаляется на совещание для вынесения приговора.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 29 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА

Комендант: Встать! Суд идет.

Председатель: Объявляется приговор Военного Трибунала Минского Военного Округа по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР.

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик

Военный Трибунал Минского Военного Округа в составе:

Председательствующего генерал-майора юстиции Кедрова, членов: полковника юстиции Виноградова, полковника юстиции Сахарова, при секретаре майоре юстиции Иванове, с участием Государственных обвинителей: генерал-майора юстиции Яченина и полковника юстиции Полехина и защитников по назначению суда — адвокатов: Гаврилова, Бедросова, Жудро, Михальского, Петренко, Плевако, Савенко и Татаринцева,—в открытом судебном заседании в городе Минске с 15 по 29 января 1946 года рассмотрел дело о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Белорусской Советской Социалистической Республике, по которому обвиняются:

1. **Рихерт Иоган Георг,** 1890 года рождения, уроженец города Либау (Верхняя Силезия), немец, генерал-лейтенант германской армии, бывший командир 286-й охранной и 35-й пехотной дивизии;
2. **Герф Эбергард,** 1887 года рождения, уроженец города Крефельд, немец, генерал-майор полиции и бригаденфюрер СС, бывший начальник полиции порядка Белоруссии и заместитель начальника Главного штаба по борьбе с партизанами;
3. **Эрдманнсдорф Готфрид Генрих,** 1893 года рождения, уроженец города Каменц (Германия), немец, генерал-майор, бывший комендант города Могилева и Могилевского укрепленного района;
4. **Вайсиг Георг Роберт,** 1896 года рождения, уроженец деревни Вольфсхау, округа Гиршберг (Силезия), немец, подполковник полиции, бывший командир 26-го полицейского полка;
5. **Фальк Эрнст Август,** 1917 года рождения, уроженец деревни Вендиш-Зильков, округа Штольц (Помера-

ния), немец, капитан полиции, бывший командир батальона 26-го полицейского полка;

6. **Молл Рейнгард Георг,** 1891 года рождения, уроженец деревни Аллендорф, района Гезен-Несау, немец, майор, бывший комендант города Бобруйска и местечка Паричи;

7. **Лангут Карл Макс,** 1898 года рождения, уроженец города Лейпцига, немец, капитан, бывший чиновник гестапо и заместитель коменданта лагеря для советских военнопленных в городе Бобруйске;

8. **Кох Ганс Герман,** 1914 года рождения, уроженец города Штутгардт (Германия), немец, обер-лейтенант войск СС и криминал-комиссар гестапо, бывший начальник полиции безопасности в городах Орле, Орше, Борисове, Слониме;

9. **Бурхард Рольф Оскар,** 1907 года рождения, уроженец города Рига, немец, зондерфюрер комендатуры города Бобруйска;

10. **Битнер Август Иозеф,** 1894 года рождения, уроженец деревни Швенц, района Глатц (Силезия), немец, лейтенант, бывший зондерфюрер и комендант Бобруйского сельскохозяйственного района;

11. **Гетце Бруно Макс,** 1898 года рождения, уроженец деревни Туссайнен, района Тильзит (Восточная Пруссия), немец, капитан, бывший офицер особого назначения, заместитель коменданта местной комендатуры города Бобруйска;

12. **Айк Пауль Карл,** 1897 года рождения, уроженец города Вердер, немец, бывший заместитель коменданта города Орша;

13. **Митман Бруно Франц,** 1901 года рождения, уроженец деревни Генерсдорф, округ Левенберг (Силезия), немец, бывший вахмистр жандармерии;

14. **Гесс Франц Карл,** 1909 года рождения, уроженец деревни Костилль, округ Ляйтмериц (Судетская область), немец, бывший унтер-шарфюрер зондеркоманды при полиции безопасности СС и СД;

15. **Фишер Гайнц Иоган,** 1923 года рождения, уроженец деревни Оберндорф (Германия), немец, бывший обер-ефрейтор 8-й кавалерийской дивизии СС «Мертвая голова»;

16. **Хехтль Ганс Иозеф,** 1924 года рождения, уроженец города Сан-Пельтен (Австрия), австриец, бывший ефрейтор 718-го полевого учебного полка;

17. **Гетерих Алоиз Кильян**, 1924 года рождения, уроженец деревни Шванфельд, округ Швайнфурт (Бавария), немец, солдат 359-го полка, 327-й пехотной дивизии и

18. **Роденбуш Альберт Иоган**, 1915 года рождения, уроженец деревни Маршивайлер, район Оттвайлер (Саарская область), немец, солдат 635-го учебного полка,—

в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года.

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ НАШЕЛ УСТАНОВЛЕННЫМ:

Вероломно напав на Советский Союз и временно оккупировав территорию Белорусской Республики, немецко-фашистские захватчики, по указаниям преступного гитлеровского правительства и командования германской армии, попирая правила ведения войны, установленные международными конвенциями, проводили массовое истребление и истязание мирных советских граждан и военнопленных, угон советских людей в немецкое рабство, грабили, сжигали и уничтожали города, села, промышленные предприятия, школы, больницы и другие культурные и материальные ценности советского народа.

В период временной оккупации территории Белорусской Республики в 1941—1944 годах, немецкие изверги замучили, расстреляли, повесили, заживо сожгли и удушили в «газенвагенах» (душегубках) свыше двух миллионов двухсот тысяч советских граждан, в том числе стариков, женщин, детей и военнопленных, а также угнали в немецкое рабство под угрозой смерти около 380 тысяч советских граждан, из которых многие погибли в результате невыносимых условий труда, лишений, истязаний.

За время оккупации немецкими захватчиками на территории Белоруссии разрушены и сожжены 209 городов, в том числе столица белорусского народа — город Минск, города: Гомель, Витебск, Полоцк, Орша, Борисов, Слуцк и много других, а также 9200 сел и деревень. Разрушено и вывезено в Германию свыше 10 тысяч промышленных предприятий, уничтожены и разграблены 10 тысяч колхозов, 92 совхоза, 1136 больниц, поликлиник, амбулаторий, 1085 театров, клубов, школ, высшие учебные заведения, музеи и многие другие учреждения, здания и сооружения.

Уничтожено и угнано в Германию 2800 тысяч голов крупного и 5700 тысяч голов мелкого скота.

Немцы отбирали у населения продовольствие и имущество, обрекая советских людей на разорение и голодную смерть.

Все перечисленные злодеяния немецких разбойников в Белоруссии совершались систематически по заранее разработанному плану, направленному на превращение ее в немецкую колонию, уничтожение белорусской государственности и культуры, истребление и порабощение населения Белоруссии.

Подсудимые по настоящему делу **РИХЕРТ, ГЕРФ, ЭРДМАННСДОРФ, ВАЙСИГ, ФАЛЬК, МОЛЛ, ЛАНГУТ, КОХ, БУРХАРД, БИТНЕР, ГЕТЦЕ, АЙК, МИТМАН, ГЕСС, ФИШЕР, ХЕХТЛЬ, ГЕТЕРИХ и РОДЕНБУШ**—являлись активными участниками злодеяний, совершенных немецкими захватчиками на территории Белорусской ССР.

Виновность каждого из подсудимых установлена в следующем:

Рихерт Иоган, являясь командиром 286-й охранной, а затем 35-й пехотной дивизии германской армии, был организатором массового истребления советских людей, угона их в немецкое рабство, сожжения населенных пунктов, уничтожения и разграбления народного достояния.

По указаниям Рихерта, подчиненными ему войсками и тайной полевой полицией было истреблено свыше 15 тысяч советских граждан.

В 1942—1943 годах части охранной дивизии Рихерта арестовали более 2000 советских граждан, заподозренных в связях с партизанами, из которых по приказу Рихерта было расстреляно около 900 человек.

В сентябре 1942 года в районе станции Славное, по приказу Рихерта было публично расстреляно 100 ни в чем не повинных мирных советских граждан, среди которых были женщины, старики и дети.

В марте 1944 года по распоряжению Рихерта у переднего края обороны его дивизии, в районе Озаричи, Полесской области, был организован под открытым небом, на болотистой местности «лагерь смерти», куда было заключено свыше 10000 советских граждан, среди которых были старики, женщины и дети. Заключенные этого лагеря, в том числе и больные тифом, содержались на снегу, без пищи и без оказания медицинской помощи, в результате чего от холода, голода и болезней каждый день умирало более 100 человек.

Во время ряда карательных экспедиций частями охранной дивизии Рихерта было сожжено более 50 деревень, в том числе деревня Буда, Червенского района, деревни Дубовручье и Боровики, Березинского района, Минской области,

заживо сожжено около 700 человек мирных советских граждан, в том числе старики, женщины и дети.

По указаниям Рихерта было угнано в рабство в Германию свыше 5000 советских граждан.

Герф Эбергард, состоял в должности начальника полиции порядка Белоруссии, возглавлял немецкие карательные органы, отдавал приказы подчиненной ему полиции и жандармерии об истреблении советских людей, путем расстрелов, повешения, сожжения и удушения в «душегубках».

В подчинении Герфа находились концентрационные лагери и тюрьмы, где заключенные подвергались зверским истязаниям и массовым расстрелам.

В 1942—1943 годах в концентрационных лагерях города Минска и поселка Дрозды по распоряжению Герфа полицией было расстреляно несколько тысяч мирных советских граждан.

В сентябре 1943 года, после убийства советскими партизанами палача белорусского народа Кубе по приказу Герфа полицией во всех районах города Минска были проведены облавы и арестовано несколько тысяч советских граждан, в том числе стариков, женщин и детей. Значительная часть этих арестованных была заключена в лагери смерти в местечке Малый Тростенец и там расстреляна.

В том же месяце в городе Минске, после взрыва в столовой СД, по приказанию Герфа было арестовано 600 советских граждан, которые были вывезены в лагерь Дрозды, где и расстреляны.

В сентябре—октябре месяцах 1943 года по приказу Герфа в Минском и Плещеницком районах Белоруссии, были расстреляны в качестве заложников 20 человек мирных советских граждан.

Полиция, руководимая Герфом, в городах Белоруссии, систематически проводила облавы и аресты советских граждан, которые тысячами заключались в лагери смерти, а также угонялись в немецкое рабство.

Будучи начальником полиции и заместителем начальника главного штаба немцев по борьбе с партизанами, Герф был организатором и участником ряда карательных экспедиций против мирного советского населения под предлогом борьбы с партизанами. Эти экспедиции сопровождались зверскими расправами над населением и сожжением населенных пунктов.

Кроме того, Герф, возглавляя карательные отряды немцев в Крыму, а затем в городе Сталино (Донбасс), также проводил массовое истребление советских граждан и уничтожение их имущества.

Эрдманнсдорф Готфрид, будучи комендантом города Могилева и Могилевского укрепленного района, являлся организатором кровавых злодеяний в отношении советских граждан.

В качестве представителя военно-полевого суда Эрдманнсдорф по представлениям тайной полевой полиции и СД санкционировал расстрел 150 советских граждан.

Под предлогом борьбы с партизанами Эрдманнсдорф организовал три карательных экспедиции, сопровождавшиеся кровавыми расправами над мирным населением. Много людей было истреблено, многие заключены в лагери, где большинство из них погибло.

Вокруг Могилевского укрепленного района по приказу Эрдманнсдорфа была создана охранная зона, и мирное население деревень, находившееся в этой зоне, в количестве свыше 10 тысяч человек, было угнано в рабство в Германию.

В 1944 году по приказу Эрдманнсдорфа, с целью истребления советских граждан, а также использования их в качестве живого препятствия для наступающих частей Красной Армии, на передовую линию фронта (восточный берег Днепра) было выведено из города Могилева несколько тысяч нетрудоспособных советских граждан—стариков, женщин и детей, которые, находясь в исключительно тяжелых условиях, без пищи, гибли от голода, холода и болезней.

Трудоспособное население города по приказу Эрдманнсдорфа принуждалось к работам на строительстве укреплений, для чего граждане были согнаны в лагери, где содержались в невыносимых условиях и должны были работать до полного истощения. Обессилевшие — расстреливались.

По приказу Эрдманнсдорфа в городе Могилеве было разрушено 600 домов, 25 промышленных предприятий, в том числе электростанция, были разрушены 10 деревень, в окрестностях Могилева, ряд школ, культурно-просветительных учреждений и церквей.

В 1944 году, при отступлении немцев из Белоруссии, по приказанию Эрдманнсдорфа было угнано в немецкое рабство 1300 человек и свыше 10000 мирных советских граждан угнано в тыл немецкой армии.

Вайсиг Георг, будучи командиром 26-го полицейского полка, проводил на территории Белоруссии карательные экспедиции, сопровождавшиеся массовым истреблением мирных советских граждан и сожжением населенных пунктов.

Во время карательных экспедиций, под названием «весенний праздник» и «кормуран», проведенных на территории Полоцкой, Минской и Молодечненской областей, по приказу Вайсига, который в этих экспедициях командовал оперативной группой, было сожжено более 200 деревень, расстреляно

и заживо сожжено более 1000 советских граждан. Кроме того, 3000 человек были переданы на расправу в органы СД.

Во время этих экспедиций в деревнях Липово, Лепняны и Перевоз было сожжено 28 советских граждан. В деревне Надозерье было расстреляно 20 человек, причем из трупов расстрелянных подчиненными Вайсига был сделан мост через канаву, по которому переправилась группа немецких солдат.

Осенью 1943 года в районе города Друя, по приказу Вайсига, были расстреляны 60 советских граждан, 400 человек направлены в тюрьмы, сожжено большое количество населенных пунктов, отобрано и забито около 3000 голов крупного рогатого скота.

В декабре 1943 года Вайсиг со своим полком во время карательных экспедиций в районе Себеж—Освейское озеро, расстрелял 150 советских граждан, в том числе стариков, женщин и детей, сжег 15 деревень и заключил в лагерь 250 человек.

Фальк Эрнст, будучи командиром батальона 26-го полицейского полка, принимал активное участие в перечисленных злодеяниях, совершенных этим полком под командованием Вайсига, в истреблении советских людей, уничтожении населенных пунктов, разграблении имущества граждан.

По приказу Фалька в деревне Вербаев расстреляно и сожжено 10 человек, а остальное население угнано в немецкое рабство. Имущество уничтожено и разграблено.

Во время карательных экспедиций в районе городов Себеж, Глубокое и Радошковичи по приказу Фалька расстреляно 50 человек, арестовано и заключено в тюрьмы и лагери 1000 мирных советских людей, уничтожено 19 населенных пунктов.

Кох Ганс, будучи начальником полиции безопасности в городах Орле, Орше, Борисове и Слониме, являлся организатором истребления мирных советских граждан.

В городах Орле и Брянске Кох руководил и лично участвовал в расстреле 2000 мирных советских граждан, умертвил в «душегубках» 60 человек и 3000 человек угнал в рабство в Германию.

В городе Орше в ведении Коха состоял лагерь «Орехи», где содержалось около 3000 советских граждан, которые подвергались зверским истязаниям и массами гибли от созданных для них невыносимых условий. В 1943 году Кох отправил из этого лагеря 700 заключенных в Люблинский Лагерь Майданек для уничтожения.

В том же 1943 году Кох в городе Орше арестовал и отправил в Минский лагерь 200 мирных граждан.

Состоя на службе в зондеркоманде «7-б» и являясь начальником полиции в городе Борисове, Кох арестовал 250

человек мирных советских граждан, из которых 30 человек расстрелял, а остальных отправил в лагерь.

В 1944 году Кох в городе Слониме арестовал 80 человек и отправил их в лагерь для истребления. В том же году в Слониме по приказу Коха были расстреляны 4 человека, в том числе женщина с малолетним ребенком.

Всего по указаниям Коха подчиненными ему карательными органами было истреблено 30 тысяч советских граждан. К арестованным Кох применял чудовищные пытки и истязания.

В целях сокрытия кровавых злодеяний, совершенных немцами в Белоруссии, в частности в городах Орша и Борисов, Кох производил сожжение трупов расстрелянных и замученных немцами советских людей, используя для этого советских граждан, которых потом также расстрелял.

Айк Пауль, будучи заместителем коменданта города Орша и одновременно офицером для особых поручений, в 1941 году организовал в городе Орше гетто, куда заключил 1750 советских граждан еврейской национальности, в числе которых были старики, женщины и дети. Все эти люди при личном участии Айка были расстреляны.

В 1942—1943 годах, состоя в должности начальника тюрьмы города Орша, Айк установил жестокий режим для заключенных советских граждан и принимал участие в их расстрелах, а также угонял арестованных в немецкое рабство.

В 1944 году Айк, будучи комендантом города Шклова, производил там облавы на мирных советских граждан, подвергал их истязаниям и угонял в рабство в Германию.

В июне месяце 1944 года, при отступлении немцев из города Шклова, Айк руководил взрывом бумажной фабрики «Спартак».

Лангут Карл, являясь заместителем начальника лагеря № 131 в городе Бобруйске, проводил массовое истребление советских военнопленных. Военнопленные в указанном лагере содержались в холодных и неприспособленных помещениях, в крайне антисанитарных условиях, на голодном пайке и от холода, голода, болезней и истязаний, гибли массами, а некоторые сходили с ума и тут же расстреливались. За зиму 1941—1942 года в лагере погибло около 30000 военнопленных. Нередко тяжело больные военнопленные вывозились на кладбище вместе с трупами умерших и закапывались в землю.

7-го ноября 1941 года Лангут вместе с командой особого назначения принимал личное участие в зверском истреблении военнопленных в количестве 4000 человек, путем умышленного поджога казармы лагеря и расстрела военнопленных, выбегавших из горящего здания

Зимой 1941—1942 гг. по распоряжению Лангута на станции Березина был сформирован эшелон с 50 открытыми платформами, на которые было погружено свыше 3000 человек военнопленных и отправлены в город Минск. В пути следования большинство военнопленных замерзло и было сброшено под откос.

В период 1941—1943 гг. Лангут неоднократно в зимнее время в неотапливаемых вагонах и даже на платформах отправлял военнопленных в Германию, в результате чего многие из них замерзли в пути.

Митман Бруно, будучи вахмистром районной жандармерии в городе Минске, в составе отрядов жандармерии, полиции и СД неоднократно участвовал в истреблении мирных советских граждан.

В 1941 году в местечке Марьина Горка, Минской области, Митман в составе карательного отряда участвовал в расстреле 12000 мирных советских граждан, преимущественно евреев, которые предварительно подвергались зверским истязаниям. Митман лично добивал раненых, среди которых были малолетние дети.

В ноябре 1941 года Митман принял личное участие в расстреле 100 душевно-больных, находившихся на излечении в Минской психиатрической больнице.

В феврале 1942 года Митман участвовал в расстреле 25 человек советских граждан, заподозренных в связях с партизанами.

В марте—апреле 1942 года Митман участвовал в расстреле 1300 мирных советских граждан на станции Койданово.

В мае 1942 года Митман участвовал в повешении 8 советских граждан, заподозренных в связях с партизанами. Митман арестовывал советских граждан, в том числе детей, лично подвергал их пыткам и истязаниям, травил собаками, а затем расстреливал или вешал.

Таким образом, им были замучены рабочие совхоза «Вишневка» Есюкевич, Вашкевич, Янковский, гражданки Гулис и Тарасевич с детьми.

В феврале 1943 года в деревне Пыльница Митман арестовал семью крестьянина Савицкого из трех человек и всех лично расстрелял.

В 1943 году Митман участвовал в сожжении деревни Лисины вместе с населением, а также в сожжении деревни Колоницы, жители которой расстреляны.

Гесс Франц, будучи унтер-офицером зондеркоманды № 8 при полиции безопасности СС и СД, в декабре 1941 года лично участвовал в расстреле 100 человек больных в Мин-

ской городской психиатрической больнице и 250 человек советских граждан, содержавшихся в тюрьме.

Гесс неоднократно участвовал в массовых расстрелах советских граждан еврейской национальности, среди которых были старики, женщины и дети.

В декабре 1941 года в городе Минске Гесс участвовал в расстреле 2000 человек. В 1942 году он участвовал в погромах и расстрелах мирного населения в городе Вилейка и в местечке Илия, Молодечненской области, где Гесс лично расстрелял 60 человек. В местечке Долгиново и Вишнево участвовал в расстреле 3500 человек советских граждан еврейской национальности, причем им было лично расстреляно 80 человек. В городе Воложин Гесс участвовал в расстреле 2000 человек советских граждан, причем им лично расстреляно около 120 человек.

В конце июня 1942 года в городе Минске и местечке Малый Тростенец Гесс в составе команды участвовал в расстрелах и удушении в «душегубках» 18000 советских граждан еврейской национальности.

Всего Гесс принял участие в расстреле около 30000 советских граждан, причем сотни людей были расстреляны им лично.

Молл Рейнгард, являясь комендантом города Бобруйска и местечка Паричи, отдал приказы об арестах, истязаниях и расстрелах советских граждан и организовывал карательные отряды для расправ над мирным населением под предлогом борьбы с партизанами.

В подчиненном Моллу Бобруйском рабочем лагере были созданы невыносимые условия для заключенных, которые массами умирали от холода, голода, истязаний. Нетрудоспособных заключенных Молл передавал в органы СД для уничтожения.

В марте 1943 года отобрал в лагере свыше 120 человек нетрудоспособных и больных советских граждан, передал их в СД, и все они были расстреляны.

Молл утвердил около 2000 представлений местных карательных органов о применениях расстрелов и других репрессий к советским гражданам. В целях истребления советских людей Молл принуждал мирное населенне производить разминирование шоссейных дорог путем боронования, в результате чего много советских граждан погибло.

Молл угнал свыше 10000 советских людей в рабство в Германию. Молл также принимал участие в уничтоженни и разграблении имущества, принадлежащего советскому государству, колхозам и отдельным гражданам.

Бурхард Рольф в октябре 1941 года в городе Рогачеве, в составе команды СС, принимал участие в грабежах,

избиении и массовом расстреле более 1500 человек ни в чем неповинных мирных советских граждан еврейской национальности.

В конце 1941 года Бурхард, являясь зондерфюрером местной комендатуры города Бобруйска, создал так называемый трудовой лагерь, в который заключил более 2000 советских граждан. От холода, голода, болезней и истязаний многие заключенные погибли, многие были угнаны в Германию в рабство, а часть заключенных расстреляна.

Являясь руководителем лагерей и тюрем города Бобруйска, Бурхард давал указания о применении к заключенным зверских истязаний, расправ и расстрелов.

В 1942 году Бурхард лично отобрал для истребления 400 человек заключенных, главным образом нетрудоспособных, в том числе были и дети.

По заключениям Бурхарда, комендантом Моллом были утверждены около 2000 представлений местных карательных органов о применении расстрелов и репрессий к советским гражданам.

В июне 1942 года Бурхард в составе карательного отряда участвовал в сожжении заживо 318 человек жителей деревни Козуличи Октябрьского района, Бобруйской области.

Битнер Август, являясь зондерфюрером Жлобинского района, а позднее комендантом Бобруйского сельскохозяйственного района, передавал в карательные органы для расправы советских граждан, не выполнявших непосильных поставок и поборов. По представлениям Битнера карательными органами в Бобруйском районе расстреляно около 250 человек и угнано в немецкое рабство около 1300 человек мирных советских граждан. Многих граждан Битнер лично подвергал избиениям и истязаниям. Битнер отбирал у населения продукты и скот, обрекая советских людей на голодную смерть. Только на территории Красно-Бережского сельсовета, Жлобинского района, Битнером разграблены и разорены 5 колхозов, 2 завода, сельскохозяйственный техникум, сожжено свыше 130 строений и вывезено в Германию около 4000 голов крупного рогатого скота.

Фишер Гайнц, будучи обер-ефрейтором штаба 8-й кавалерийской дивизии СС «Мертвая голова», неоднократно участвовал в карательных экспедициях, проводимых под предлогом борьбы с партизанами, сопровождавшимися зверскими расправами над мирным населением.

В районе города Речица, Гомельской области, Фишер организовал расстрел советских граждан, причем лично расстрелял 17-летнюю девушку.

Осенью 1942 года в районе города Великие Луки Фишер расстрелял встреченного на дороге советского гражданина, заподозренного им в связях с партизанами.

Гетце Бруно, являясь заместителем коменданта города Бобруйска, утверждал приговоры местных судов, по решениям которых советские граждане заключались в тюрьмы, а также отправлялись в рабство в Германию.

Под руководством Гетце и его личном участии в городе Бобруйске были выселены из домов на улицу в зимнее время около 10000 советских граждан, а их имущество было разграблено.

Гетце, как заместитель коменданта, под предлогом борьбы с партизанами снаряжал отряды полиции, грабившей мирное советское население.

Хехтль Ганс, будучи солдатом 718-го учебного полка германской армии, в районах города Витебска, Полоцка и станции Оболь участвовал в сожжении ряда населенных пунктов и расстреле советских граждан, заподозренных в связях с партизанами.

Гетерих Алоиз, будучи солдатом 369-го пехотного полка германской армии, в конце января 1943 года в составе батальона, принимал участие в расстреле советских военнопленных, содержавшихся в лагере Масюковщина в районе станции Минск-товарная.

В феврале 1944 года Гетерих участвовал в расстреле мирных советских граждан в районе города Льгова.

Роденбуш Альберт, будучи солдатом 635-го учебного полка германской армии, в декабре 1942 года—январе 1943 года вместе с другими солдатами своей роты участвовал в расстреле советских граждан и в сожжении 4 деревень в районе города Осиповичи.

Роденбуш также участвовал в расстреле советских граждан во время карательной экспедиции в районе Рославля.

В 1944 году, во время отступления немецких войск, Роденбуш в составе взвода участвовал в расстреле двух подростков, заподозренных в краже боеприпасов.

На основании изложенного Военный Трибунал признал подсудимых: Рихерта, Герфа, Эрдманнсдорфа, Вайсига, Фалька, Коха, Айка, Лангута, Митмана, Гесса, Молла, Бурхарда, Битнера, Фишера, Гетце, Хехтля, Гетериха, Роденбуша виновными в преступлениях, предусмотренных статьей 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года.

Руководствуясь ст. 3 Уголовного Кодекса и статьями 319 и 320 Уголовно-Процессуального Кодекса Белорусской ССР,

ПРИГОВОРИЛ:

Рихерта Иогана Георга, Герфа Эбергарда, Эрдманнсдорфа Готфрида Генриха, Вайсига Георга Роберта, Фалька Эрнста Августа, Коха Ганса Германа, Айка Пауля Карла, Лангута Карла Макса, Митмана Бруно Франца, Гесса Франца Карла, Молла Рейнгарда Георга, Бурхарда Рольфа Оскара, Битнера Августа Иозефа, Фишера Гайнца Иогана—**к смертной казни через повешение.**

Гетце Бруно Макса, Хехтля Ганса Иозефа—**к ссылке на каторжные работы сроком на 20 лет.**

Гетериха Алоиза Кильяна, Роденбуша Альберта Иогана—**к ссылке на каторжные работы на 15 лет.**

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председательствующий
Генерал-майор юстиции КЕДРОВ

Члены:
Полковник юстиции ВИНОГРАДОВ
Полковник юстиции САХАРОВ

(Присутствующие в зале заседания встречают приговор долго не смолкающими аплодисментами.)

Председатель: Слово для перевода приговора на немецкий язык представляется переводчику Зайденвар.

(Читает приговор на немецком языке.)

Председатель: Судебное заседание объявляю законченным.

ПРИГОВОР

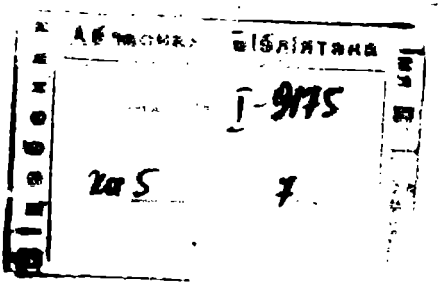
по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими преступниками в Белорусской ССР приведен в исполнение.

30 января 1946 года в 14 часов 30 минут на ипподроме города Минска был приведен в исполнение приговор Военного Трибунала Минского Военного Округа над немецко-фашистскими преступниками Рихерт, Герф, Эрдманнсдорф, Вайсиг, Фальк, Кох, Айк, Лангут, Митман, Гесс, Молл, Бурхард, Битнер, Фишер, осужденных к смертной казни через повешение за чудовищные злодеяния, совершенные ими в Белорусской ССР.

Более ста тысяч трудящихся, присутствовавшие на ипподроме, встретили приведение приговора в исполнение единодушным одобрением.

(БЕЛТА.)

Конец.



Редактор *Д. Лебедев*
Техредактор *Я. Карпинович*
Корректор *Р. Карасик.*

АТ 02325 Подписано к печати 7 V—47 г. Тираж 10.000 экз.
Бумага 60×92/16 Уч. авт. лист. 31,5 Печ. лист. 29½ Заказ 389

Типография им. Сталина, Минск, Пушкина, 55